А. А.
ШАХОВСКОЙ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

А. А. ШАХОВСКОЙ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1961

А. А. ШАХОВСКОЙ

КОМЕДИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. А. Гозенпуда

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Р 1
Ш 21

Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой...

Так писал Пушкин в «Евгении Онегине», в строфах, посвященных русскому театру начала XIX в. Перу А. А. Шаховского принадлежит множество пьес, лучшие из которых имели в свое время громкий успех и прочно вошли в русский комедийный репертуар. Комедии Шаховского отличаются занимательностью сюжетов, живостью и легкостью стихотворного языка, сатирической остротой. Настоящая книга является первым собранием избранных произведений Шаховского — драматурга и поэта, оставившего заметный след в русской литературе.

А. А. ШАХОВСКОЙ

Деятельный участник литературной и театральной жизни первого тридцатилетия XIX века, плодовитый драматург, написавший свыше ста пьес, поэт-сатирик, прозаик, А. А. Шаховской, долгое время бывший, можно сказать, хозяином петербургского театра, оказался почти забытым. Значительная часть его произведений не опубликована, а изданное давно уже стало библиографической редкостью.

Между тем такое забвение глубоко несправедливо. Начало литературной деятельности Шаховского относится к важному периоду развития русской поэзии, для которого характерны разнообразные творческие искания и борьба направлений: классицизма, сентиментализма и преромантизма — в позднем творчестве Державина, в поэзии Жуковского и Батюшкова, в трагедиях Озерова. Элементы реалистического стиля вызревали в баснях Крылова. Только один поэтический жанр, традиции которого уходили в XVIII век, — высокая стихотворная комедия, — достигнув вершины в «Ябеде» Капниста, переживал глубокий упадок. Наиболее значительные комедии, созданные в начале XIX века, «Урок дочкам» и «Модная лавка» Крылова, были написаны в прозе. Русская комедия постепенно утрачивала свою общественную функцию и сатирическую остроту. Ей на смену пришли сентиментальные драмы и переделки французских пьес. Центральным театральным жанром этой поры, вокруг которого шли бои, была трагедия. Заслуга Шаховского состояла в том, что он сумел, снова сообщив русской комедии значительность проблематики, выдвинуть этот жанр на первое место. Правда, он не создал произведений, равных комедиям Фонвизина, Капниста, но все же пьесы Шаховского были крупным завоеванием русской литературы. Консервативные предубеждения драматурга нередко подсказывали ему неверные выводы. Но, будучи талантливым худож-

ником, Шаховской там, где он следовал правде жизни, зачастую против собственного желания, обнажал пороки дворянского общества. Хотя патриотизм Шаховского был ограниченным, его выступления против «чужебесия», преклонения перед всем иностранным и недооценки русского не прошли бесследно. Зоркий и умный наблюдатель, он умел подметить и живьем, тотчас же, перенести на сцену некоторые характерные явления действительности.

На гребне общественного подъема 1810-х годов Шаховской оказался, в известной мере, союзником Грибоедова, Катенина, Кюхельбекера, при всей разности их политических взглядов. Бесспорны заслуги драматурга и как мастера стиха. Шаховской стремился передать в своих комедиях живую разговорную интонацию, сообщить каждому из героев речевую характерность, разбить оковы мерного александрийского стиха. Прекрасный знаток народного языка, он смело вводил в диалог просторечие, не страшась «низких» и «грубых» слов. Он сумел использовать опыт своих современников, прежде всего Крылова.

Наследие Шаховского неравноценно. Многое в нем утратило свою эстетическую ценность. Но лучшие стихотворные комедии драматурга и сегодня не устарели. Знакомясь с ними, мы как бы оказываемся свидетелями тех исканий, которые предшествовали созданию «Горя от ума». Шаховской, как и некоторые из его современников, например Н. Хмельницкий, в известной мере подготовил почву для появления этой комедии. Разумеется, не для чего сравнивать Шаховского с Грибоедовым. Грибоедов открыл новый этап в истории русской реалистической драматургии — Шаховской завершил предшествующий период и тем самым облегчил Грибоедову решение его великой задачи.

1

Александр Александрович Шаховской, представитель боковой ветви старинного княжеского рода, родился 24 апреля 1777 года в поместье Беззаботы, Ельнинского уезда, Смоленской губернии. Отец будущего драматурга был небогатым провинциальным помещиком.

Около 1784 года родители поместили сына в Благородный пансион при Московском университете. В 1786 году мальчика, как это было принято в дворянских семьях, записали сержантом в гвардию, в Преображенский полк. По свидетельству Р. Зотова, «когда при вступлении на престол императора Павла все записанные потребованы были на действительную службу, то и князь Шаховской, явясь

в свой полк, переименован был в портупей-прапорщики...», а затем вскоре «произведен в прапорщики». [1]

Уже в ранней юности в Шаховском пробудился поэтический дар, а по приезде в Петербург он показал свои первые стихи писателю Ф. Эмину. Это были мадригалы и послания.

В полку Шаховской подружился с сослуживцами — поэтом С. Мариным, Ф. Толстым и др. Поселился он в семье балетмейстера и переводчика И. И. Валберха. Валберх принял горячее участие в юноше. Вскоре Шаховской познакомился с сыном Я. Княжнина, второстепенным драматургом А. Я. Княжниным, а через него — с известным актером И. Дмитревским, соратником Ф. Волкова. Поощряемый новыми друзьями, он дебютировал в 1795 году не дошедшей до нас стихотворной комедией «Женские шутки».

С этого времени Шаховской сделался посетителем аристократических гостиных. Принадлежность к бедному провинциальному дворянству, комическая внешность (маленькая голова на огромном туловище, рано развившаяся тучность) не позволили ему блистать в светских салонах, однако он имел своеобразный успех. «Мадригалы мои, — писал драматург, — красовались в богатых альбомах, романсы мои пелись милыми голосами за дорогими фортепианами. Зная все маленькие игры, болтая иногда забавно, отличаясь в мистификациях, делая ... провербы и сюрпризы, я был зван на все праздники и чуть-чуть не попал в цеховые забавники». [2] Дабы предотвратить насмешки светских острословов, он сочинил послание, в котором высмеивал свою «телесную пухлость и карманную сухость», и написал текст французской комической оперы, не дошедшей до нас.

Но роль «забавника» не могла удовлетворить талантливого и честолюбивого юношу. Его увлек театр, и он начал выступать в качестве исполнителя в светских любительских спектаклях. Знакомства Шаховского с деятелями сцены расширились, и в 1802 году он, в чине штабс-капитана, вышел в отставку из гвардии и был принят на службу в дирекцию императорских театров. Вскоре Шаховского командировали за границу для набора актеров в петербургскую французскую труппу. Он провел во Франции более года.

К сожалению, нам мало что известно об этом периоде. Сам Шаховской в своих позднейших воспоминаниях ограничивается расска-

---

[1] Рукописное отделение Института русской литературы АН СССР. Биография Шаховского, написанная Р. Зотовым, в несколько иной редакции была напечатана в журнале «Репертуар и Пантеон», 1846, т. 14.

[2] «Маяк», 1840, ч. 6, стр. 43—44.

зом о встречах с актерами Монвелем, Офреном, Дюгазоном и др. С. Жихарев прибавляет к ним имена Дазенкура и Сен-Фаля. Некоторые подробности парижской жизни Шаховского вошли в автобиографический рассказ писателя «Три женитьбы вопреки рассудку». Мы читаем здесь: «Я нашел в обществе тогдашних лучших литераторов уже не одно самохвальство, но сведения и о всемирной словесности, в скульптуре — изучение антиков, в живописи — новую школу. В театре представляли греческих и римских героев в их настоящих костюмах... Балеты уже не пудрили, не фризурили и не фижмили мифологии... Приноровление итальянской музыки к французской сцене, к языку и стихотворству делало большую честь Мегюлю и Боельдье, с которыми, как и с другими лучшими того времени поэтами, композиторами и драматическими артистами, я скоро познакомился».[1]

По возвращении из Парижа в 1803 году Шаховской погрузился в работу репертуарного комитета, продолжая выступать как любитель на сцене. По свидетельству Ф. Вигеля, будущий драматург обладал ярким сценическим талантом. «Как актер, утвердительно можно сказать, он бы во сто раз более прославился, чем как комик (драматург. — *А. Г.*); не будь он князь, безобразен и толст, мы бы имели своего Тальму, своего Гаррика».[2] Все современники сходятся на том, что Шаховской был одаренным актером.

В эти же годы он снова занялся литературой. Правда, первые опыты оказались неудачными. Шаховской безуспешно пытался опубликовать в 1802—1803 годах на страницах «Вестника Европы» свои стихи. По словам В. Л. Пушкина, они были отвергнуты Карамзиным из-за ошибок в версификации, и это якобы послужило причиной вражды Шаховского к Карамзину.[3]

В 1803 году Шаховской обратился к драматургии. С. Марин сообщал М. Воронцову, что их приятель «написал прекрасную комедию на российском театре... во всех правилах» (письмо от 19 декабря 1803 года).[4] По-видимому, речь шла о «Коварном», поставленном на петербургской сцене 16 декабря 1804 года. Комедия, по свидетельству некоторых современников, была освистана. На постановку отозвался эпиграммой Державин, объяснявший неуспех пьесы тем, что зрители узнали самих себя в ее героях («И ворон ворону не выколет ведь глаза»). Эта пьеса, долгое время считавшаяся утра-

---

[1] «Библиотека для чтения», 1834, т. 7, стр. 72.

[2] Ф. Вигель. Записки, ч. 3. М., 1892, стр. 126.

[3] «Библиографические записки», 1859, № 10, стр. 308—309; Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л., 1929, стр. 344.

[4] Архив князя М. С. Воронцова. М., 1889, кн. 35, стр. 416.

ченной, недавно обнаружена.[1] Это первая известная нам драма Шаховского. Она написана в прозе и является свободной переработкой комедии Грессе «Le Méchant», впоследствии послужившей источником для пьесы П. А. Катенина «Сплетни».

В «Коварном» пять действующих лиц (если не считать слуги). В подмосковной усадьбе князя Кермского нашел приют некий итальянец Монтони. Это хитрый лицемер, выступающий в личине простодушия. Ему покровительствует сестра князя, старая дева, помешанная на чувствительных романах. В Софью, дочь Кермского, влюблен граф Бельский, и Софья отвечает ему взаимностью. Старый князь согласен на их брак, но Монтони решает помешать свадьбе, чтоб завладеть приданым невесты. Ему удается обманом удалить Бельского и стать женихом Софьи. В последнюю минуту, однако, интриги коварного венецианца разоблачены, он с позором изгнан, а Софья и Бельский соединяются.

Пьеса почти вовсе лишена действия, положительные герои — марионетки. И все же было бы неверно считать пьесу совершенно неудачной. Коварство и ложная чувствительность здесь даны в единстве. Обманщик оказывается сентименталистом. Низость прикрывается словами о чистоте помыслов, о любви к природе. Поэтому в комедии важную роль играет княжна Кермская, воспитанная на чувствительных романах Ричардсона и невольно оказывающаяся помощницей Монтони. Она, в отличие от своего брата, патриотически настроенного князя, обожает все иностранное и презирает русское. Так Шаховской впервые создает свою излюбленную триаду: преклонение перед иностранной модой — сентиментализм — лицемерие.

Княжна на весь мир смотрит как бы через страницы переводных книг. Ее фразеология, весь строй ее речи характерны для отечественных сентименталистов: «Природа мила душам чувствительным... Мрачные облака питают меланхолию души необыкновенной... Шум дождя, упадающего на зеленые листы, разбивает мрачную задумчивость сердца огорченного».[2] Тирады против порочности света, которыми разражается лицемер, также пародируют сентиментальный стиль и напоминают патетические монологи драм Коцебу.[3] Кроме того, Шаховской заставляет коварного Монтони про-

---

[1] См.: Л. Н. Назарова. Об одной эпиграмме Г. Р. Державина — Сб. «XVIII век». М.—Л., 1958, стр. 546—547.

[2] Писарская копия. Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.

[3] Известную роль в создании фигуры Монтони сыграл образ клеветника Альбранда из пьесы Коцебу «Die Verleumder» (1795), которую А. Шаховской перевел под названием «Клеветники» и поставил на сцене петербургского театра в 1808 году.

поведовать воспитание чувств при помощи путешествий; итальянец дарит княжне «Путешествие в полуденную Европу», говоря: «Счастлив тот, кто может вояжировать, может видеть человека в разных состояниях, восхищаться природою в разных видах, научаться великой науке света». Это был первый выпад по адресу Карамзина и его последователей, предвещавший появление «Нового Стерна».

Итак, Шаховской выступил как сторонник классицизма. Однако в этом выражалась не столько приверженность к определенным эстетическим нормам, сколько неприятие новых художественных тенденций и боязнь идей, которые появились вместе с сентиментализмом. И в теоретических высказываниях своих, и в драматургии писатель не был последователен. Он не выработал в эту пору (да и позднее) цельной эстетической системы, и это в значительной степени лишало его творчество целеустремленности. Переимчивый, Шаховской был и переметчивым. Но в начале своей литературной деятельности он надолго примкнул к А. С. Шишкову и другим деятелям будущей «Беседы», неоправданно видевшим в Карамзине либерала и ниспровергателя «основ». Не разделяя полностью политических и литературных взглядов Шишкова, Шаховской оказался в его лагере и стал одним из застрельщиков борьбы с Карамзиным.

В 1803 году вышла книга А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге», в которой, несмотря на политическую реакционность автора и антинаучность многих положений (в частности, о природе древнеславянского языка), говорилось о необходимости сохранять верность простонародному слогу, как одному из живительных источников русского литературного языка. Шишков выступал как ревнитель отечественной (славянской) старины и враг «чужебесия». С особой яростью обрушивался он на преклонение перед французской культурой, видя в ней порождение ненавистного ему духа революции. Верно отмечая черты низкопоклонства перед западной модой, Шишков, однако, противопоставлял ему не одухотворенный патриотизм, но слепую приверженность прошлому Руси. Одобряя использование слов старинных, заимствованных из церковнославянского языка, Шишков отвергал путь перевода и калькирования слов-понятий, заимствованных с французского.

Шаховской выступил на поддержку Шишкова в своей пьесе «Новый Стерн», написанной и поставленной вслед за «Коварным», в 1805 году Есть в этой пьесе сцена, непосредственно связанная с трактатом Шишкова. Последний, в частности, обрушился на неологизм *трогательный, трогать* (растрогать), часто применявшийся Карамзиным и его последователями — П. Шаликовым, В. Измайловым и др. «Слово *трогательно,* — писал Шишков, — есть совсем

ненужный для нас и весьма худой перевод французского слова toucher. Ненужный потому, что мы имеем множество слов, то ж самое понятие выражающих, как например: *жалко, чувствительно, плачевно, слезно, сердобольно* и проч., худой потому, что в нашем языке ничего не значит».[1] Слово «трогать», утверждал Шишков, может применяться в смысле «касаться», «притронуться».

И, конечно имея в виду данное утверждение, Шаховской ввел следующий ядовитый обмен репликами между героями пьесы «Новый Стерн» — карамзинистом графом Пронским (сторонником нового слога) и крестьянкой Кузьминишной, естественно придерживающейся старого простонародного слога:

Граф: Добрая женщина, ты меня трогаешь!

Кузьминишна: Что ты, барин, перекрестись! Я до тебя и не дотронулась.

Фока: Не грех ли те клепать на старуху?

Ипат *(слуга Пронского):* Невежи все берут спроста; трогать не то, что трогать... а что бишь?..

Но пьеса Шаховского, направленная против карамзинской школы, ставила перед собой более серьезную цель, чем высмеивание неологизмов с позиций Шишкова.

Комедия «Новый Стерн» обличает нелепость «чувствительного» воспитания, вопиющий разрыв с действительностью, им порождаемый. Главный герой комедии, граф Пронский, вышел в молодости в отставку и, начитавшись иностранных книг, пустился путешествовать. Сентиментальная литература повредила его разум, так же как чтение рыцарских романов — рассудок Дон-Кихота. Пронский живет в мире выдуманной им идиллии, влюбляется в дочь мельничихи Меланью, которую он называет Мелани́, и собирается на ней жениться.

Но стоит графу Пронскому соприкоснуться с действительностью, как в пламенном идеалисте тотчас пробуждается крепостник. Пронский, проповедующий равенство всех сословий перед чувством, приходит в ярость, услышав, что слуга Ипат собирается стать его свояком. «Я проучу тебя!» — восклицает он в гневе. Мечтатель и поклонник всего изящного, Пронский грозит Ипату «дать почувствовать силу руки для чести литературы и сентиментальности».

Комедия Шаховского, разоблачающая, правда с консервативных

---

[1] А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, стр. 199.

позиций, лживость сентиментального прекраснодушия, густо насыщена литературной полемикой. Отсюда — яростное ожесточение, которое она вызвала в литературных кругах.

Общепринятым считается мнение, что «Новый Стерн» направлен против Карамзина, а непосредственным объектом осмеяния является эпигон сентиментализма П. И. Шаликов. Это неверно, хотя современники действительно часто сопоставляли имена Карамзина и Стерна. «Не забывайте Стерна и Карамзина», — призывал автор повести «Филон» в журнале «Муза» (1796). И другие восторженные почитатели нередко называли автора «Писем русского путешественника» «русским Стерном», «нашим Стерном».

Пьеса Шаховского была направлена не столько против Карамзина, сколько против сентиментального направления в целом. И высмеивались в «Новом Стерне» «сентиментальные вояжи», чувствительная лирика, проза, драматургия. Шаховской в качестве основного сюжетного стержня избрал типичную для сентиментальной повести и драмы ситуацию — любовь дворянина к крестьянке, но пародировал и снизил ее.

Та же тема, но трактованная всерьез, разрабатывалась во многих произведениях русских сентименталистов. Ограничимся двумя типичными примерами. В основу повести В. Измайлова «Ростовское озеро» (1795) положена история счастливой любви дворянина и крестьянской девушки Анюты. Впрочем, Анюта оказывается побочной дочерью дворянина и «поселянки». Отсюда ее благородная томность, нежность и даже знакомство в подлиннике с «Новой Элоизой» Руссо. В драме Н. Ильина «Лиза, или Торжество благодарности» (1803), дана сходная, но осложненная ситуация. Молодой дворянин полюбил крестьянскую девушку; мать героя восстает против неравного брака. К счастью, Лиза также оказывается дочерью дворянина. В обоих случаях дана иллюзорная победа над предрассудками. А. Шаховской в «Новом Стерне» откровенно высмеял патетическую ситуацию, обнажив ее лживость. Дворянин может жениться на «поселянке» только в том случае, если у нее окажется «благородный» отец.[1] А так как в комедии Шаховского действует не интересная «Мелани», а необразованная «поселянка» Меланья, к тому же не имеющая отца-дворянина и отвергающая графа Пронского, то брак невозможен.

---

[1] Меланья — дочь мельника. Но в пьесе роль ее отца играет отставной майор Судьбин. Новая пародия: обычно у поселянки оказывается отец — дворянин, а у Шаховского дворянин выступает в роли мельника-отца.

Не случайно, создавая свою сатирическую комедию, Шаховской прежде всего использовал с пародийной целью произведения В. Измайлова, который являлся, пожалуй, самой заметной фигурой в ряду последователей Карамзина и довел до крайности изысканную манерность сентименталистов. В. Измайлов был журналистом, автором чувствительных повестей, путевых очерков, подражал Стерну (одно из произведений Измайлова, напечатанное в «Приятном и полезном препровождении времени» в 1794 году, так и называлось — «Отрывки из Нового Иорика»). Книга В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» пользовалась большой популярностью и выдержала за пять лет два издания. Второе вышло в свет в 1805 году, незадолго до постановки «Нового Стерна». Это своеобразный «дневник», заключающий в себе путевые очерки, описания природы, прославление любви, чувствительности, трогательные истории, вставные рассказы, лирические стихи, статистические сведения и т. д. Вычурный стиль, нарочито изысканные образы, обилие галлицизмов и варваризмов, неуместные ссылки на иностранных авторов, готовность растрогаться по любому поводу — все это делало книгу удобной для пародирования.

Создавая образ Пронского, Шаховской использовал некоторые факты биографии Измайлова, который в ранней молодости оставил военную службу, для того чтоб заняться литературой и совершить «путешествие по России». В. Измайлов был задет Шаховским уже в «Коварном». Несомненно, драматург метил в книгу Измайлова «Путешествие в полуденную Россию», когда вкладывал в уста злодея Монтони восхваление «Путешествия в полуденную Европу». В «Новом Стерне» налицо текстуальные заимствования из книги В. Измайлова. Центральная сцена пьесы, рисующая мечты Пронского о счастливой идиллии с прекрасной Мелани́, почти целиком опирается на текст В. Измайлова.

Шаховской	Измайлов
...Сделаюсь земледельцем, возьму себе в подруги дочь этого почтенного старца и вместе с нею поселюсь в низкой хижине. Там, в час солнечного восхода, буду пробуждать любезную, на руке друга покоящуюся; там буду с нею обрабатывать уголок земли, или	...сделаюсь земледельцем, выберу себе подругу и вместе с нею поселюсь в низкой хижине. Там, в час солнечного восхождения, буду пробуждать любезную, на руке друга покоящуюся, там буду с нею обрабатывать уголок земли или стеречь барашков и овечек,

стеречь барашков и овечек... Там плоды земные и молоко будут моею пищею... Мягкая солома — постелью... Цицерон, Стерн и Юнг будут занимать меня; я буду читать «Новую Элоизу».	там плоды земные, молоко и хлеб будут нашею пищею, мягкая солома — постелью. ...Там останется из моей библиотеки Цицеронов трактат о боге... все четыре тома Новой Элоизы

(«Путешествие в полуденную Россию», ч. 1. М., 1800, стр. 80—81).

Английская собачка, друг Пронского, гибель которой герой не перестает оплакивать, также восходит к Измайлову (ч. 1, стр. 6, 8, 9).

Знаменитый романс Пронского является пародией на романс Измайлова, помещенный в его «Путешествии». «Я не уступил бы ни за какие венцы славы... тех мирных дней, которые провожу... в одном шумном сообществе птичек», — пишет автор «Путешествия в полуденную Россию» и продолжает:

Герой в венце и царь в порфире
В судьбе их бедны предо мной.
Герой велик, я счастлив в мире.

...Меня судьба родя, сказала:
«Оста́нься жить среди цветов»,
В тени мне дружбу указала
И в тихом уголке любовь.

(ч. 3, стр. 179—180)

У Шаховского:

Венцы, мечи, щиты, порфиры,
Не вас я, бедные, ищу;
Герои, побеждайте миры.
...Натура мне сама сказала,
Что должен жить я средь цветов,
Она любить мне приказала,
Она — малиновка-любовь!

Шаховской в изобилии использовал в пьесе излюбленные фразеологические обороты Измайлова или пародировал их. «Стихии пребывают в некоторой гармонии» (Измайлов) — «Какая гармония в этом пейзаже» (Шаховской); «Нежный, чувствительный, милый друг», «чувствительная, интересная девушка» (Измайлов) — «чув-

ствительный, признательный, сентиментальный друг», «интересная пастушка» (Шаховской) и т. д.

Воспроизводя штампы сентименталистской стилистики, драматург воспользовался также и сочинениями П. Шаликова. Рассуждения Пронского о счастливой жизни поселян, о нежной чувствительности напоминают слащавые строки Шаликова: «В одной, в одной простоте невинности сельской может сохраниться сия прелестная простота нрава, сия ангельская невинность сердца». [1] Подобно Пронскому, Шаликов воспринимает жизнь поселян в духе чистой пасторали: «Поселяне истинно благополучны, несмотря на то что мы называем их *бедными.* Ах! Мы во сто раз беднее». [2] Прославляя дружбу, Шаликов находит одно из высших ее проявлений в «усердии собаки к своему господину». В его притче пес погибает, но сохраняет деньги для убившего его хозяина. Не потому ли, кстати, любимая собака графа Пронского названа *бережливой?* Пронский поверяет свои чувства и мечты гитаре. И Шаликов воспевает гитару:

Какие чувствия вливаешь,
Гитара, в душу ты мою? [3]

Уже в «Плодах свободных чувствований» Шаликов мечтал об одном «из живейших, лучших удовольствий в жизни — путешествовать». [4] Прославлению этого удовольствия посвящены две книги автора: «Путешествие в Малороссию» и «Другое путешествие в Малороссию», которые он, предваряя Пронского, называет «Журналом».

Пародируя наполненный галлицизмами и варваризмами стиль Шаликова, Шаховской вложил в уста своего героя такие речения, как «эскизировало ее силуэт», «инспирировал томной музе моей», «профанируешь себя», «обычай консакрированный», «грубый иньоранс» и т. д. Конечно, выводить эту фразеологию только из книги Шаликова нельзя, — подобного рода русско-французский жаргон — явление, характерное для многих последователей Карамзина, но Шаликов особенно злоупотреблял галлицизмами. Возражая критикам «Путешествия в Малороссию», он писал: «Не знаю, уймусь ли от *французских* слов: это, кажется, так невинно! Они никому ничего, кажется, не делают и всего меньше вредят спесивому смыслу». [5]

---

[1] П. Шаликов. Плоды свободных чувствований, ч. 2. М., 1798, стр. 34—35.
[2] Там же, стр. 42—43.
[3] Там же, ч. 1, М., 1798, стр. 181.
[4] Там же.
[5] «Другое путешествие в Малороссию». М., 1804, стр. 74.

Карикатурная чувствительность, готовность умиляться и плакать по любому поводу (и без всякого повода), которыми прославился Шаликов, также нашли свое отражение в «Новом Стерне». Но все же Шаликов, хотя и узнавший себя в Пронском, не сыграл такой роли в создании образа сентиментального путешественника, как Измайлов.

Насыщенная полемикой, разоблачающая — с консервативных позиций — сентименталистскую ложь, пьеса Шаховского задевала многих и потому не могла пройти незамеченной. Г. Р. Державин, сочувствовавший позиции Шаховского, не без удовольствия уведомлял И. Дмитриева в канун премьеры «Нового Стерна»: «Но как бы то ни было, предвижу я между Москвою и Петербургом великую литературную бурю. Твердят уже здесь на театре Русского Штерна, тут-то полетят громы и молнии; штыки нового и старого штиля засверкают».[1] Предвидение Державина оправдалось. Пьеса вызвала бурю, лишь в незначительной части отразившуюся в печатных выступлениях.

Первым поднял перчатку на страницах «Журнала российской словесности» непосредственно задетый в «Новом Стерне» В. Измайлов.[2] Его выступление носило характер скрытой самозащиты. Более всего оскорбило Измайлова то, что Шаховской нападал на *«сентиментальных* путешественников». Возражая Шаховскому, критик писал: «Почему не тужить о любимой собаке, кошке или какой-нибудь птичке? Чувствительность по сие время между всеми здравомыслящими почиталась добродетелью... Почему предосудительно дворянину жениться на бедной, но доброй крестьянке?.. И когда же предлагает нам автор сию плачевную картину, исполненную презрения к сельским жителям? Тогда, как благодетель россиян... печется сделать людей свободными, чувствуя, что управлять рабами не лестно; когда повелитель россов взывает ко всякому сословию: сыны отечества, сложите с себя оковы невежества и стремитесь в объятия просвещения... И тогда-то мы видим на театре бедную сельскую невинность презираемую».[3] Н. Мордовченко справедливо писал, что автор, «теоретически защищая идею всесословного равенства... не выходил в то же время за рамки помещичье-дворянских интересов и чаяний. Напротив, Шаховской, исходя из тех же помещичье-

---

[1] Сочинения Державина, т. 6. СПб., 1876, стр. 180—181.

[2] Статья подписана криптонимом В. Измайлова: «2—9». Н. И. Мордовченко в своей книге «Русская критика первой четверти XIX века» дал интересное истолкование пьесы Шаховского, но неверно приписал авторство рецензии Н. Брусилову. Принадлежность этой статьи В. Измайлову неоспорима.

[3] «Журнал российской словесности», 1805, июль, стр. 163—165.

дворянских интересов, высмеивал самую идею равенства, прокламированную сентиментализмом. Но Шаховской, а вслед за ним и его сторонники в критике, правильно видели в сентиментальном направлении либеральную фразеологию, которую они и стремились изобличить».[1]

Как бы поддерживая один из аргументов Измайлова, в ноябрьском номере журнала появилась статья «В похвалу собак».

«Северный вестник» ответил критику «Нового Стерна» остроумной статьей, по всем пунктам разбившей его либеральную фразеологию. «В... речи Ипата усмотрите, г. критик, если вы дальновидны, все несчастие неравного союза; неравного не потому, что Меланья бедна и низкого состояния, а граф Пронский богат и знатной породы; но неравного по чувствам, по склонностям, понятиям и по всему, что образует в нас различный род воспитания, свойственный различному состоянию». Отвечая на риторический вопрос, «почему не потужить о любимой собаке, кошке или какой-нибудь птичке», «Северный вестник» указывал: «Тужить о них можно... но горевать непозволительно, потому что чувства сердца человеческого могут обращаться к предметам благороднейшим и достойнейшим привязанности нашей».

На эту статью «Журнал российской словесности» дал беззубый ответ, смысл которого сводился к тому, что тот, кто равнодушно смотрел на ласки собаки, вряд ли может отвечать на ласки человека. Статья «Северного вестника» остротой разоблачения сентиментального прекраснодушия выгодно выделяется на фоне полемики, вызванной «Новым Стерном». Возможно, что именно эту статью имел в виду Шаховской, когда двадцать три года спустя, полемизируя с Полевым, писал: «При вторичном успехе моем на драматическом поприще В. А. Озеров вступился за моего «Нового Стерна», в опровержение всеми забытого предшественника „Московского телеграфа“», т. е. «Северного Меркурия» и его издателя Лукницкого.

Едва ли можно заподозрить Шаховского в сознательной лжи: в 1828 году живы были люди, знавшие Озерова. А. Лукницкий мог выступать против автора «Нового Стерна» и под псевдонимом — до 1810—1811 годов, когда зарегистрировано его первое открытое нападение на Шаховского. Если утверждение драматурга справедливо, то можно высказать предположение, что статья «Северного вестника» принадлежит Озерову.

Примечательно, что «Новый Стерн» оскорбил не Карамзина, но

---

[1] Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. Л., 1959, стр. 104.

его эпигонов — В. Измайлова и П. Шаликова. Карамзин сохранил полное спокойствие — или делал вид, что не узнает своей школы в карикатуре, нарисованной Шаховским. Он-то уж отлично знал цену Измайлову и в особенности Шаликову. Критик, наиболее близкий в ту пору к Карамзину, Д. Дашков, писал в 1812 году: «К нам в столицу доходят из разных городов, ближних и дальних, приятные известия, что «Новый Стерн» часто появляется и на провинциальных театрах. Знак добрый! Кто в театре смеется над «Новыми Стернами», тот уж верно стыдится щеголять сентиментальностию, и верно уже попал или скоро попадет на хороший вкус в словесности». [1]

Однако отзыв Дашкова не означает, что все карамзинисты так спокойно отнеслись к пьесе Шаховского. При случае они припомнили ее автору. В. Л. Пушкин в сатирической поэме «Опасный сосед» болезненно ранил драматурга. Обитательницы веселого дома в этой поэме коротают свободное время за чтением и восхвалением «Нового Стерна». В. Л. Пушкин заметил ядовито:

Прямой талант везде защитников найдет.

Стих этот приводили в печати всякий раз, когда хотели задеть Шаховского.

Однако литературные споры, вызванные «Новым Стерном», явились лишь преддверием той ожесточенной распри и тех нападок на драматурга, которые были вызваны появлением «Урока кокеткам, или Липецких вод» в 1815 году.

2

После «Нового Стерна», успех которого упрочил литературную известность автора, Шаховской испытывал свои силы в различных жанрах — в комедии, трагедии, водевиле, опере, сатире и т. д. Жанровая и стилистическая пестрота, столь характерная для творчества Шаховского, обусловлена также и тем, что он выступал одновременно как драматург и теоретик и как театральный чиновник, ведающий вопросами театра. Отсюда отчасти противоречия между эстетическими суждениями и приговорами, которые высказывал в своих статьях Шаховской, и его практикой. Чиновник примирял взгляды драматурга и критика на основе компромиссов.

Не для чего пытаться оправдывать Шаховского ссылкой на вынужденность подобных компромиссов. Другой, более принципиаль-

---

[1] «Вестник Европы», 1812, ч. 64, № 13, стр. 64—65.

ный художник и не пытался бы примирить непримиримое. Немыслимо представить, например, Катенина в качестве члена репертуарного комитета, переводящего пьесы Коцебу или сочиняющего подражание сказочным операм типа «Князя Невидимки» и «Русалки». Но Шаховской не был похож на Катенина, он не обладал мужеством и принципиальностью. Быть может, именно потому он так долго и занимал свой пост. Драматург-Протей, он с одинаковой легкостью мог писать тексты комических и волшебных опер, трагедии, водевили, сочинять бесчисленные поделки для очередного актерского бенефиса.

Пестрота, отмечающая драматургию Шаховского, характерна и для тогдашнего репертуара петербургского театра. В нем отражалась борьба классицистских, сентименталистских и преромантических тенденций, шедшая в литературе. Наряду с «высокой» трагедией и комедией исполнялись «семейные драмы», мелодрамы, фарсы, феерии, «исторические представления» — пьесы, не укладывавшиеся в нормы поэтики классицизма. В значительной мере сохранялось наследие репертуара XVIII века; в первые годы нового столетия ставились и возобновлялись «Владисан», «Дидона» и «Софонисба» Я. Княжнина, «Семира», «Синав и Трувор» А. Сумарокова, «Магомет», «Альзира» Вольтера, обработки трагедий Шекспира, комедии Фонвизина, Капниста, Княжнина, Сумарокова, Плавильщикова, комические оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват» Аблесимова, «Сбитенщик» Княжнина и др. Большим успехом пользовались реалистические комедии И. А. Крылова «Модная лавка» и «Урок дочкам», трагедии В. Озерова «Эдип в Афинах», «Фингал», «Димитрий Донской», чувствительные драмы Н. Ильина «Лиза, или Торжество благодарности», «Великодушие, или Рекрутский набор», В. Федорова «Лиза, или Следствие гордости и обольщения», С. Глинки «Наталья, боярская дочь», П. Сумарокова «Зеленый корсет», многочисленные драмы, трагедии, фарсы, комедии А. Коцебу, мелодрамы Кенье, Пиксерекура, Апде, именно в эти годы утверждающиеся в репертуре, переработки австрийских и французских феерий, «Днепровская русалка» Кауэра, Давыдова, Кавоса, «Князь Невидимка» Кавоса, «Чертова мельница» Венцель-Мюллера и т. п.

Отношение Шаховского к этому репертуару было противоречиво и двойственно. Ненавистник сентиментализма, он ставил пьесы сентименталистов, иногда объединяя в один вечер «Великодушие, или Рекрутский набор» с «Новым Стерном»; враг Коцебу, он заполнял репертуар его пьесами. Называя французский водевиль пустым, ничтожным, глупым, он переводил и переделывал пьесы Скриба, Байяра, Теолона и других авторов.

В 1806—1807 годах Шаховской сочинил тексты для опер К. Кавоса «Любовная почта» и «Беглец от своей невесты». В 1807 году — четвертую и последнюю часть сказочной оперы «Русалка». Текст Шаховского не отличался ни в дурную, ни в хорошую сторону от предшествующих частей «Русалки» — та же сумятица превращений, переодеваний, грубо комических трюков, полетов, провалов в люк — полное подчинение смыслового начала зрелищному. На склоне лет Шаховской сам посмеивался над подобными пьесами.

Но было бы неверно представлять Шаховского равнодушным эклектиком, заботящимся только о том, чтобы потрафить вкусам дирекции театра и невзыскательных зрителей. В рецензиях и стихотворных сатирах, опубликованных на страницах «Драматического вестника» в 1808 году, в поэме «Расхищенные шубы», начатой в это же время, нашли довольно определенное выражение эстетические взгляды Шаховского.

В целом они носили консервативный характер. Шаховской отверг драматургию Дидро, Бомарше, Мерсье, Шиллера, как не принял он и французской просветительской философии XVIII века. Он неотчетливо представлял те явления, о которых говорил, смешивая искусство великое и ничтожное, прогрессивное и реакционное, Шиллера и Коцебу. Выступая как классицист, он в то же время восхвалял Шекспира, которого знал в подлиннике, а не в переделках Дюси. Осуждая Бомарше (правда, речь шла о «Евгении», а не о знаменитой трилогии), Шаховской высоко оценил «Школу злословия» Шеридана. По отношению к французской драме Шаховской совершил ту же ошибку, что и по отношению к немецкой.

По существу, Шаховской в эту пору перечеркнул новую западноевропейскую драматургию за наличие в ней «разрушительных» (освободительных) идей, не заметив того, что иные из названных им авторов — Коцебу и Пиксерекур — сами выступали в роли охранителей. Несомненно, что между высказываниями Шаховского в статьях и его суждениями о зарубежной культуре в сатирической поэме «Расхищенные шубы» есть прямое сходство. Герой этого произведения, переплетчик Гашпар, гордился тем, что переплел «всё то, чем прошлый век, как язвой, заразился». И здесь Вольтер, Дидро, Гельвеций оказываются в одном ряду с реакционером Коцебу. Впрочем, подобное смешение разных идеологических явлений в годы больших политических бурь и сдвигов присуще было не одному Шаховскому.

Охранительная позиция «Шаховского-«цензора» не означала, однако, что он не допускал на сцену произведений прогрессивных. Из русских драматургов в эту пору и позднее он горячо поддерживал комедии И. А. Крылова, высмеивающие французоманию русских

дворян. «Модную лавку» Крылова Шаховской справедливо называл одной «из лучших наших комедий, которую можно причесть к роду *комедий нравов...*»[1]

Последние пьесы Крылова были творчески близки Шаховскому и оказали на него прямое воздействие. Шаховской живо ощущал преемственную связь русской литературы и театра своего времени с традициями XVIII века. Фонвизин и Капнист были для него не столько классиками, сколько учителями и даже старшими современниками. Верность их заветам он сохранил надолго. Даже более скромные произведения, чем пьесы Крылова, например «Рекрутский набор» Н. Ильина, встречали поддержку Шаховского. Об этой последней пьесе он писал: «Действие просто, причины оного взяты из обычаев, ход извлечен из нравов, разговоры, мысли, чувства совершенно приличны действующим лицам».[2] Драму эту Шаховской противопоставлял пьесам Коцебу, «где действие нередко бывает без причин, где оно остановляется по получасу, чтобы дать время какому-нибудь *низкорожденно-благородному* нравоучителю высказать все то, что автор затвердил из новых философов и чем он наполняет две трети драмы, оставляя последнюю для узнания законно или незаконнорожденных детей, для обмороков, утоплений, грому, дождя, обеда, завтрака, ужинов, курения табаку... наконец, немых картин, которыми кончатся действия».[3]

Эстетическая программа Шаховского наиболее полно была изложена в двух его сатирах. В жанровом и тематическом отношении они восходят к знаменитым сатирам Буало, а в русской литературе — к эпистолам Сумарокова. Прямыми же предшественниками Шаховского были авторы сатир Капнист, Горчаков, Марин, наполнившие этот жанр новым содержанием. В первой сатире Шаховской дает беглые и меткие зарисовки комических чудаков. На первый взгляд может показаться, что это только варианты театральных масок из эпистолы Сумарокова. Однако «герои» сатиры Шаховского — живые люди, изображая которых он описывал пороки, ими представляемые. Многие из них явились прообразами героев будущих комедий Шаховского. (Сила и одновременно слабость его произведений заключалась, в частности, в том, что он умел воспроизводить «натуру», но не был способен к обобщению.)

В первой сатире дана верная картина «света», обрисована страсть к сплетням, угодничание перед власть имущими («такание»),

---

[1] «Драматический вестник», 1808, № 1, стр. 15.
[2] Там же, 1808, № 8, стр. 65.
[3] Там же, стр. 66.

низкопоклонство перед знатью, презрение к нижестоящим, духовная пустота. Очень правдив портрет франта «с премодным воспитаньем». Конечно, этот образ светского хлыща, презирающего все русское, является не только данью обличению петиметров, характерному для русской сатирической литературы XVIII века, но явлением, типичным для дворянского общества и начала XIX века. Здесь как бы намечены очертания Ольгина в комедии «Урок кокеткам». В той же сатире выведен бессмысленный прожектер, пытающийся хозяйничать в своей деревне, следуя чужеземным книгам.

Без толку, без пути он сеет русский хлеб —
Да на чужой манер хлеб русский не родится.

Последний стих, сочувственно приведенный в «Барышне-крестьянке» Пушкина и намечающий тему комедии Шаховского «Пустодомы», давал повод для многих неверных толкований. Писателя обвиняли в слепом неприятии всего прогрессивного, в преклонении перед безграмотным практицизмом. Это не вполне справедливо. Помещик Шаховского не столько использует рациональные методы ведения хозяйства, сколько «без толку, без пути» портит русский хлеб; именно против этого выступает автор сатиры. И в этом Шаховской оказывается близок Крылову, который в басне «Огородник и философ», написанной в 1811 году, противопоставил крестьянина, по старине выращивающего на своих грядах огурцы, недоученному философу и краснобаю, «который лишь из книг болтал про огороды».

Вторая сатира, написанная в форме диалога с цензором, посвящена характеристике отрицательных с точки зрения автора явлений драматургии. Сатира содержит выпады по адресу Коцебу, Шиллера, некоторых второстепенных русских драматургов, а главным образом против полуграмотных переводчиков.

В 1808 году Шаховской написал и поставил лучшую свою прозаическую комедию «Полубарские затеи, или Домашний театр». Пьеса эта долгие годы не сходила со сцены. Роль Транжирина впоследствии стала одной из самых удачных в репертуаре Щепкина. В 1822 году была написана комедия «Чванство Транжирина, или Следствие Полубарских затей», а в 1832 году Шаховской завершил трилогию пьесой «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина».

«Полубарским затеям» подражали многие драматурги, а Грибоедов упрекал Загоскина в том, что герой двух его комедий Богатонов

Богат чужим добром — все крадет,
что находит,
С Транжирина кафтан стащил,
Да в нем и ходит.

Тема «Полубарских затей» не была новой. Увлечение помещиков крепостным театром неоднократно высмеивалось русскими сатириками. Однако до Шаховского никто не решал этой темы так ярко. Правда, следует оговориться — драматург ограничился изображением комической стороны барской прихоти. Он не раскрыл ее социальной сущности. Грибоедов с огромной обличительной силой сделал это в нескольких строках монолога Чацкого. Шаховской сузил рамки своей сатиры. Его Транжирин — не родовой дворянин, но бывший откупщик, «мещанин во дворянстве», ставший хозяином поместья, разыгрывающий барина. Тем не менее нельзя видеть в этой пьесе подражание Мольеру. Транжирин лишь доводит до карикатуры то, что было уродливо у родовитых дворян. Прямо вывести на сцену сиятельных владельцев крепостных трупп, засекавших насмерть своих рабов, было невозможно. Еще в комической опере «Любовная почта», прочно связанной с русской сатирической традицией XVIII века, Шаховской создал характерную фигуру председателя Палаты, меломана Пентюхина, просадившего все свое состояние на устройство оркестра. Пентюхин во многом похож на Транжирина. Это не удивительно, так как прообразом для обоих, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, послужило одно лицо — помещик-меломан Кошкарев.[1]

В предисловии к пьесе, характеризуя ее тему, Шаховской писал: «Обычай содержать многолюдную дворню... у нас не вовсе истребился. Семейственное счастье крестьян, нравственность охолопленных детей их, земледелие, сельское хозяйство, народоумножение, а нередко и самое целомудрие страждут более или менее от сего злоупотребления, основанного на закоренелых обычаях...

Мольеров «Мещанин во дворянстве» заставил меня рассмотреть поближе наших полубояр-откупщиков; я нашел в них тот же общий характер, то же чванство, невежество и желание бариться, которое забавляло меня в господине Жюрдене; но, сличая их со вниманием, я приметил, что в наших есть еще некоторые местные странности, достойные жесточайшего осмеяния, и, пользуясь собственно русской страстью к домашним или к холопским театрам, я сделал ее основою „Полубарских затей“».[2] Один из героев комедии, крестьянин,

---

[1] Ф. Вигель. Записки, ч. 3. М., 1892 стр. 38.
[2] А. Шаховской. Предисловие к «Полубарским затеям». — «Сын отечества», 1820, № 13, стр. 12, 26.

жалуется горничной Фионе: «Пища плохая, жалованья бог даст, играй себе на киятре, а уж, право, не до игры приходит, пуще всего бедным мужичкам».

Фиона: Вить и их за то по воскресеньям в театр таскают.

Авдул: А по будням-то для воскресного киятра так мучат, что бедняжки рады бы отдохнуть, так и тут беда: выборный палкой гонит веселиться на барский киятр.[1]

Транжирин слепо подражает богатым помещикам, театр для него только забава. Он приглашает гостя осмотреть «мой скотный двор, мой театр». Да и театр этот мало чем отличается от скотного двора — актеры случайные, один хуже другого.

Комедия включает обычные для Шаховского выпады против сентиментализма «романтических драм» и прежде всего «чужебесия». Кутермин, жених дочери Транжирина, — поклонник всего чужеземного, в отличие от офицера, графа Ольгина, олицетворяющего в пьесе положительное начало. Характерно, что здесь Шаховской космополитом делает подьяческого сынка Кутермина, а дворянина изображает патриотом. (Пьеса писалась в годы русско-французской войны 1806—1807 годов.) Кутермин, по его словам, не может «близко слышать русских песен», тогда как граф Ольгин их любит.

Любовная интрига в комедии не оригинальна (граф Ольгин при помощи хитрости устраняет Кутермина и женится на дочери Транжирина). Образы влюбленных бесплотны. Шаховской был совершенно лишен лиризма. Зато некоторые комические фигуры пьесы хотя и карикатурны, но обладают жизненными чертами. Известное воздействие на «Полубарские затеи», как и на некоторые другие пьесы Шаховского, оказали комедии Крылова, в особенности «Модная лавка».

Так, одной из наиболее «крыловских» пьес Шаховского была комедия «Ссора, или Два соседа». Фигуры помещиков Вспышкина и Сутягина, их ссора из-за козла олицетворяют тупость и нелепость провинциальной помещичьей жизни. Пьеса эта близка и к жанровым зарисовкам, которыми так богаты романы Нарежного («Два Ивана, или Страсть к тяжбам» и др.).

Не ограничиваясь сочинениями прозаических комедий, Шаховской в 1809 году перевел трагедию Вольтера «Китайский сирота», а в 1810 году написал трагедию «Дебора». Впоследствии, когда Шаховской снова вооружил против себя критику, перевод трагедии Вольтера и «Дебора» были осыпаны несправедливыми насмешками.

---

[1] Писарская копия. Ленинградская театральная библиотека им. Луначарского.

Провал «Китайского сироты» был вызван не столько недостатками перевода, сколько отсутствием у артистки М. Валберховой трагического таланта.

Мало оригинальна «Дебора» (на пьесе сказалось воздействие «Гофолии» Расина), открыто противопоставленная трагедиям Озерова. Незадолго до постановки «Деборы» с репертуара после второго представления была снята «Поликсена» Озерова, что, по преданию, послужило одной из причин душевной болезни автора. Молва считала виновником его несчастья Шаховского. Недруги автора «Нового Стерна» утверждали, что человек, высмеивавший Карамзина, а позднее Жуковского, мог оказаться моральным убийцей Озерова, а если мог, то, значит, и был.

Беспристрастных судей в этом вопросе нет. П. Арапов, поддерживавший эту версию, был обижен Шаховским и не скрывал своего отрицательного отношения к драматургу. Суждения Вяземского, Блудова,[1] Жуковского, Дашкова пристрастны. Те, кто отвергал козни Шаховского (Жихарев, Аксаков), были друзьями автора «Нового Стерна» и опирались на его свидетельства. Свести провал «Поликсены» к интригам Шаховского все же нельзя. Причины были более сложными.

Отказ в выплате Озерову установленного авторского вознаграждения, повлекший за собой снятие трагедии, был обусловлен неприязнью Александра I к ее автору[2] и неуспехом пьесы, в котором Шаховской нисколько не повинен. Зрители, привыкшие находить в трагедиях Озерова политические аллюзии, намеки на русскую современность, не обнаружили их в «Поликсене». Даже Ф. Вигель, обвинявший Шаховского в зависти и намекавший на «чьи-то происки», писал: «Наша публика... на этот раз не возбуждаемая более патриотизмом и не довольно еще образованная, чтобы быть чувствительною к простоте и изяществу красот гомерических, чрезвычайно холодно приняла пьесу».[3]

Разумеется, это не значит, что Шаховской совершенно не причастен к печальной судьбе Озерова. Отношение его к драматургии Озерова менялось, пройдя все градации — от восторженного к неприязненному. Первые трагедии Озерова были поставлены при деятельной

---

[1] Блудов не только принадлежал к лагерю карамзинистов, к которому примыкал и Озеров, но был двоюродным братом драматурга.

[2] И. Н. Медведева. В. Озеров. — «В. А. Озеров. Трагедии и стихотворения». «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1960, стр. 53—54.

[3] Ф. Вигель. Записки, ч. 4. М., 1892, стр. 128.

помощи Шаховского. Но по мере того как в драматургии автора «Димитрия Донского» сказывалось воздействие преромантических тенденций, пути Озерова и Шаховского все более и более расходились. Немалую роль в этом сыграло и воздействие Шишкова и Державина, отрицательно относившихся к творчеству Озерова. И. Н. Медведева в своей работе об Озерове, приведя ряд новых, неизвестных доселе материалов, связанных с судьбой «Поликсены», убедительно показала, что Шишков и Державин во многом определили позиции Шаховского. Установить меру участия последнего в интригах против «Поликсены» невозможно, но П. А. Вяземский под конец своей жизни склонен был считать, что эта роль была второстепенной.

Характерно, что обвинение в интригах против Озерова было впервые выдвинуто против Шаховского только в 1815 году, в качестве одного из доказательств нравственной нечистоплотности автора «Урока кокеткам», осмеявшего Жуковского. Нет сомнений, что обвинение это омрачало жизнь Шаховского. Включая позднее в свои интермедии и дивертисменты отрывки из «Поликсены», восхваляя Озерова в стихах, подчеркивая приязнь к нему, объединяя в одном спектакле свои и Озерова пьесы, он косвенно стремился реабилитировать себя.

Постановка «Деборы» должна была убедить Шаховского в том, что соперничество с Озеровым для него невозможно. Комедия, водевиль надолго становятся главенствующими жанрами в творчестве драматурга.

Приближающаяся война с Наполеоном вызвала появление пьес, наполненных политическими аллюзиями. В отличие от большинства авторов, создававших подобные «применения» в трагедии, Шаховской попытался сочинить изобилующий аллюзиями водевиль. Так появился «Казак-стихотворец», впервые поставленный незадолго до Отечественной войны. Пьеса имела огромный успех, и популярность ее не уменьшалась в 1820—1830-х годах. Современная критика пыталась установить родство между «Казаком-стихотворцем» и русской комической оперой XVIII века. Общего между ними, за исключением комических фигур Прудиуса и Грицько, мало. «Казак-стихотворец» ближе к русской опере начала XIX века, то есть к произведениям типа «Яма» и «Девишника» А. Княжнина.

Положив в основу пьесы анекдот о казаке Харьковского полка Семене Климовском [1] и приурочив действие к русско-шведской войне,

---

[1] Характеристика Климовского, данная Шаховским, опирается на статью Карамзина, опубликованную в «Пантеоне российских авторов», М., 1802. См.: В. А. Бочкарев. Русская историческая драматургия XIX века (1800—1815). Куйбышев, 1959, стр. 439.

Шаховской наметил в водевиле образы и ситуации, которые на долгое время сделались характерными для его драматургии («Крестьяне, или Встреча незваных», «Иван Сусанин», «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец», «Актер на родине, или Прерванная свадьба» и т. д.). Жанровый фон, несчастные любовники, чье счастье устраивает благодетель, комические злодеи, добродетельный герой, утверждение гармонии всех классов на основе любви к царю и отечеству — таковы свойства этой и многих последующих пьес Шаховского.

Развертывая действие на Украине, Шаховской получил возможность использовать украинскую речь, украинскую песню, воссоздать картину народного быта. Однако задача превысила силы автора. Шаховской знал украинский язык только понаслышке. Его герои изъяснялись на каком-то «язычии»; не случайно, что в спектаклях украинская речь выправлялась актерами.[1] Успех пьесе принесли введенные в нее украинские народные песни в обработке Кавоса, забавные фигуры сельских владык Прудиуса и Грицько. К тому же пьеса, проникнутая монархическим духом и прославлявшая победы Петра, пришлась ко времени. Зрители встречали рукоплесканиями слова князя: «Я объявляю вам, верные малороссийские казаки, что неприятель, ворвавшийся в наше отечество, к вечной славе России вконец истреблен».

Тем временем войска Наполеона вторглись в Россию. А. А. Шаховской принял участие в Отечественной войне. Он был назначен командиром дружины, сформированной из ратников тверского ополчения. 30 августа отряд вышел из Твери. Когда Шаховской вместе с ополченцами прибыл в Клин, то узнал о вступлении врага в Москву и увидел пожар столицы. Под начальством Шаховского ополченцы вошли в Москву, только что оставленную французами. Его отряд участвовал в тушении пожаров. События Отечественной войны навсегда врезались в сердце и сознание писателя. Он постоянно возвращался к этой теме. Прямым отголоском на события явилась опера-водевиль «Крестьяне, или Встреча незваных», поставленная в 1814 году. В пьесе отчетливо сказалась ограниченность и консерватизм мировоззрения Шаховского.

Положительным персонажам оперы — сусальным поселянам — знакомы только два чувства: они обожают царя и ненавидят французов. Взаимоотношения между помещиком и крестьянами изображены в идиллически-патриархальном духе. Граф Радугин во главе отряда не только спасает партизан от врагов, но и устраивает счастье

[1] Как известно, «Наталка-Полтавка» И. Котляревского явилась ответом на «Казака-стихотворца».

молодых влюбленных — Вари и Василия.[1] По ходу действия и помещик и крестьяне произносят патетические монологи, прославляющие верность царю и отчизне. Песня старосты «Не бывать и не быть тому, чтоб врагу мы покорилися. . .» пользовалась большой популярностью. Характерно, что, хотя Шаховской и осуждал в своих стихотворных сатирах дворян за пресмыкательство перед всем иностранным, в опере «Крестьяне» он только вскользь коснулся дворянского космополитизма, но зато вывел на сцену труса и предателя из крестьян, винокура Дребедню, жившего за границей. В годы Отечественной войны Шаховской не осмелился бросить в лицо своим собратьям по классу обвинения в антипатриотизме, хотя раболепие перед всем иностранным было характерно именно для дворян.

По своей структуре «Крестьяне» — нечто большее, чем водевиль. Шаховской явно использовал структуру «оперы спасения»,[2] которая сделалась определяющей для некоторых его произведений.

Использовав известный анекдот о том, как молодой Ломоносов, находясь за границей, был обманным образом завербован в прусскую армию, Шаховской создал пьесу «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец», не лишенную сценичности. Особенно удались ему сатирические образы прусских вербовщиков, начальник которых носит имя Трумфа, героя крыловской «Подщипы». Шаховской показывает отряд вербовщиков как собрание отбросов разных национальностей. Создавая образ Ломоносова, Шаховской стремился показать пламенную любовь писателя к родине. К сожалению, фигура главного героя оказалась книжной: Ломоносов изъясняется преимущественно цитатами из собственных произведений. Любовная интрига банальна, но сцена спасения Ломоносова, бегству которого помогают молодые немцы, драматична и построена по всем правилам «оперы спасения». Всего больше удались Шаховскому комедийно-жанровые сцены.

Близок к «Ломоносову» и «Иван Сусанин», для которого Кавос написал удачную музыку. Здесь драматургия «оперы спасения» определяет все развитие действия. Однако ни в одном другом произведении Шаховского в такой мере не сказался разрыв между героико-

---

[1] И в этом отношении пьеса Шаховского родственна «Яму» А. Княжнина.

[2] «Опера спасения» — музыкально-театральный жанр, возникший во Франции в конце XVIII века и приобревший большую популярность во всей Европе. В произведениях этого типа, родственных мелодраме, положительные герои, после ряда бедствий и злоключений, в последнюю минуту избавлялись от неизбежной гибели. Из-за цензурного запрета, преграждавшего доступ искусству революционной Франции, в Россию «опера спасения» попала лишь в начале XIX века. (Произведения Далейрака, Крейцера, Керубини.)

патриотической темой и возможностями автора. Водевильность приемов, отсутствие внутреннего драматизма характерны для пьесы. Центральная мысль оперы выражена в следующем куплете:

Пусть злодей страшится
И дрожит весь век,
Должен веселиться
Добрый человек.

И так как Сусанин — «добрый человек», то к нему и приходит в последнюю минуту спасение, враги захвачены русским отрядом. Пьеса Шаховского написана до одноименной думы Рылеева и оперы Глинки. И все же наше сознание невольно соотносит ее, к невыгоде для автора, с произведениями Рылеева и Глинки. В сущности, Сусанин Шаховского — тот же староста из «Крестьян». Драматургия оперы Шаховского свидетельствовала о том, что воплощение патриотической темы невозможно в рамках водевиля. «Иван Сусанин» как бы завершил первый период творчества драматурга. В дальнейшем он обратился к жанру высокой стихотворной комедии, где и достиг наивысших успехов.

3

В 1811—1815 годах Шаховской принимал живое участие в деятельности «Беседы любителей русского слова», литературного общества, ведшего борьбу с Карамзиным и его группой. Хотя идейный вдохновитель «Беседы» Шишков стремился превратить ее в твердыню политического и литературного консерватизма, отождествлять политические и эстетические взгляды Шишкова и созданного им общества нельзя. Н. И. Мордовченко писал: «Несмотря на реакционный характер, приданный «Беседе» с самого ее основания Шишковым, в кругах «Беседы» широко пропагандировались «простонародные» басни Крылова; «Беседа», кроме насаждения церковнославянизмов, призывала к изучению «простонародных» песен, видя в них один из источников литературного языка; «Беседа», наконец, призывала к изучению древнерусских летописей».[1]

Шаховской примыкал к Шишкову в критике карамзинизма, восхищался Крыловым и вполне равнодушно относился к драматическим опытам Державина. Но все то, что в «Беседе» было связано с фольклорной, «простонародной» стихией, оказалось для него близким.

Еще до организации «Беседы» Шаховской начал ирои-комическую поэму «Расхищенные шубы», работа над которой продолжа-

---

[1] Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. Л., 1959, стр. 146.

лась с перерывами несколько лет (1807—1815). Естественно, что замысел произведения претерпел значительные изменения. К тому же первоначальный текст первых песен до нас не дошел, утрачена, к сожалению, и последняя песня. Поэма эта направлена против литературных врагов Шаховского и «Беседы» — представителей карамзинского лагеря, соперников-драматургов, недругов-журналистов. Она вся насыщена полемикой, обильными намеками на литературную современность. Налицо внутренняя связь между сатирами Шаховского и поэмой. Первоначальный замысел ее восходил к тому же периоду. Но в поэме стих Шаховского возмужал, стал более гибким, разговорным, — сказался опыт драматурга. Торжественно-патетические интонации звучат пародийно, пародийно использованы и цитаты из стихотворений В. Л. Пушкина, Княжнина и Сумарокова, самого Державина и некоторых меньших сочленов «Беседы». В диалоге героев «Расхищенных шуб» сказалось воздействие басен Крылова. Каждый из комических персонажей, членов совета старейшин Шустер-клуба, — живой человек, готовый герой комедии, и не случайно Шаховской впоследствии перенес на сцену развязку «Расхищенных шуб» (комедия «Бедовый маскарад»). Созданная в самый разгар литературной борьбы, сатирическая поэма сохранила до наших дней свое комическое обаяние, хотя, несомненно, многие ее намеки уже непонятны современному читателю.

Одновременно с завершением «Расхищенных шуб» Шаховской написал и поставил пьесу, начавшую новый этап в сфере русской стихотворной комедии, — «Урок кокеткам, или Липецкие воды». По художественным достоинствам своим пьеса эта возвышалась над всем, что было создано в России в области стихотворной комедии после «Ябеды» Капниста и до «Горя от ума». Если мы соотнесем пьесу «Урок кокеткам» с современной ей русской стихотворной комедией, не только с произведениями Ф. Кокошкина, Б. Федорова, Н. Сушкова и др., но и самого талантливого представителя «светской комедии» Н. Хмельницкого, с первыми опытами А. Грибоедова и А. Жандра, А. Писарева, со «Сплетнями» П. Катенина, то мы увидим превосходство Шаховского. Большая часть названных авторов ограничивалась переводом-приспособлением иноязычных оригиналов к русской действительности. А самые оригиналы, например послужившие источником для «Говоруна» и «Воздушных замков» Н. Хмельницкого, — типичные образцы салонного острословия, и только. Наконец, «Урок кокеткам» был написан и поставлен за два года до появления первых комедий Хмельницкого.

Русская стихотворная комедия, ранее успешно соперничавшая по значительности проблематики с прозаической, в начале XIX века

уступила первенство последней. Заслуга Шаховского состояла в том, что он попытался возродить традиции высокой национальной комедии. Сама жизнь выдвигала подобную задачу: Отечественная война и победа над Наполеоном вызвали огромный патриотический подъем. Другое дело, что Шаховской, в силу своей консервативности, не сумел в полной мере достичь цели.

В «Уроке кокеткам» драматург дал сравнительно широкую картину жизни русского дворянского общества в год окончания Отечественной войны, стремясь показать столкновение патриотов, пламенно любящих все русское, и представителей дворянства, которые потеряли связь с родиной, погрязли в светских сплетнях и ради корысти готовы на подлость. Несмотря на то что в официальной политике Александра I после победы над Наполеоном произошли изменения и французы, именовавшиеся в манифестах 1812—1813 годов «безбожными извергами» и «кровожадными тиграми», сделались теперь «богобоязненными» и «верноподданными» Людовика XVIII, настороженность по отношению к идеям, приходящим из Франции, не исчезла. Самые безобидные французские комедии и оперы казались подозрительными. Так, например, в 1815 году Н. Греч выступил в печати против петербургской постановки комической оперы Н. Изуара «Жоконд» (по сказке Лафонтена), в которой изображались неудачные любовные приключения принца и придворного. Греч усмотрел в опере, рисующей в смешном виде сказочного правителя, «уловки якобинства», подрывающие уважение к власти.[1] Отдал дань подобной настороженности и Шаховской.

Представители дворян-патриотов в его комедии — участники Отечественной войны князь Холмский и полковник Пронский, а также добродетельная Оленька. Отрицательные персонажи — граф Ольгин и графиня Лелева и их окружение — престарелый селадон барон Вольмар, отставной гусар Угаров, чувствительный поэт Фиалкин. Все сочувствие автора отдано патриотически мыслящим героям. Положительные персонажи являются рупором идей автора. Они много говорят о своей любви к России и ко всему русскому, но любовь эта узка и слепа. Она основана на вере в незыблемость старых обычаев, всей системы патриархальных социальных отношений. Слуги защищают интересы господ, а бары дружески беседуют со слугами. Семен, бывший слуга князя Холмского, восторженно восклицает по его адресу:

...Вот прямо русский барин!
Ну диво ли, что к ним лежат у нас сердца?

[1] «Сын отечества», 1815, № 6, стр. 267.

Верность обычаям старины, которые хороши именно в силу своей исконности, неприятие всего нового, идущего из-за рубежа, подчинение законной власти — таково содержание идей, исповедуемых положительными героями комедии. В «Уроке кокеткам» автор осудил «чужебесие», преклонение перед идеями, проникающими с Запада. Так, князь Холмский резко отзывается о графе Ольгине, который самые свои болезни

...вывез из Парижа...
С свободой всё ругать, не дорожить никем.
Куплеты дерзкие и вольнодумный вздор —
Его единственный ученый разговор.

Встречаются у Шаховского и верные мысли о вреде космополитического воспитания. Но выводы, которые сделал драматург из верных наблюдений, более чем своеобразны. Оказывается, что граф Ольгин и ему подобные — только исключение в дворянской среде. Основная же часть светского общества проникнута любовью к всему русскому.

Однако обильные комплименты по адресу аристократии опровергнуты развитием действия и логикой характеров. Все положительные персонажи — князь Холмский, Пронский, Оленька — остаются всего только резонерами, произносящими заученные речи.

Патриотические тирады вызвали рукоплескания зрителей, ибо все связанное с событиями Отечественной войны волновало современников, но «благородные» герои оставляли их равнодушными. Зато живыми чертами, списанными с натуры, отмечены злоязычный граф Ольгин, графиня Лелева, старая княжна Холмская, в образах которых драматург сумел уловить типические черты. Хотя Шаховской хотел внушить читателю мысль о том, что его положительные герои типичны, а злые — исключение, он достиг как раз обратного. Картина света, нарисованная драматургом, достаточно неприглядна. Лицемерие, обман, коварство — основа поведения светских людей. И для графини Лелевой, самой яркой фигуры в пьесе, лицемерие является спасительным средством. Она стремится уверить своих поклонников, что испытывает отвращение к свету, царству «злословья, клеветы, и сплетней, и лестей». Ее будто бы влечет простая жизнь в Липецке — «любезность жителей и прелести природы». Но все это личина. Графиня Лелева — порождение лживого, коварного света. Она готова на сделку с совестью, на подлость, только бы вырваться из долгов и вернуться в тот «свет», без которого не может жить. Она открыто пытается соблазнить Пронского, притворяется нежной и чувствительной, разыгрывает патриотку, а чтобы окончательно

увлечь героя, берет в руки французскую книгу о русской истории. Под стать ей и граф Ольгин, светский хлыщ, немного потрепавшийся во время скитаний за границей и в волокитствах, как и графиня, являющийся типичным порождением паразитарного общества. Он не скрывает своего отвращения ко всему русскому, и прежде всего к родному языку. Речь его густо насыщена галлицизмами: «ужасный ридикюль», «апрофондировать», «от пропозиции войти в твой эрмитаж», «папильоты». Изысканная светскость манер графа — такая же личина, как и мнимая кротость графини Лелевой. За ними скрывается глубокая внутренняя испорченность и эгоизм.

Хотя положительные герои и обвиняют графа Ольгина в свободомыслии, он не высказывает никаких «дерзких суждений». Речи Ольгина не подтверждают характеристики, данной ему князем Холмским.

Ни одна из пьес Шаховского, в том числе «Новый Стерн», не вызвала таких яростных споров, как «Урок кокеткам». Резкость нападок на Шаховского была обусловлена личным характером его сатиры. Он прямо метил в определенных лиц. Противники действовали его же оружием.

Наибольшее возмущение вызвала карикатурная фигура сентиментального поэта-балладника Фиалкина, в котором зрители угадали В. А. Жуковского.

Конечно, Шаховской задел Жуковского не случайно. Борьба между сторонниками Карамзина и деятелями «Беседы» приобрела в эту пору особенно ожесточенный характер. Шаховской давно был мишенью нападок со стороны писателей, примыкавших к Жуковскому и Карамзину. «Расхищенные шубы» послужили сигналом для новой атаки. Сумасшествие Озерова, виновником которого карамзинисты называли Шаховского, дало его врагам оружие в руки. Среди первых обвинителей были В. Л. Пушкин, задетый в «Расхищенных шубах», давний недруг Шаховского, и В. А. Жуковский. В. Л. Пушкин в «Послании П. А. Вяземскому», напечатанному в февральском номере «Российского музеума» [1] за 1815 год, прямо метил в Шаховского, говоря:

...Озерова нет.
Завистников, невежд он учинился жертвой...
...О зависть лютая, дщерь ада, крокодил,
Ты в исступлении достоинства караешь!

---

[1] Журнал издавался В. Измайловым, не имевшим причин любить автора «Урока кокеткам». Поэтому понятно, что страницы этого издания пестрят нападками на Шаховского.

Вскоре со сходным обвинением, но выраженным неизмеримо более энергично. в том же журнале (№ 6) выступил Жуковский:

Увы! «Димитрия» творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
. .Потомство грозное, отмщенья!

Молодой Пушкин писал, обращаясь к Жуковскому: «К вам Озерова дух взывает, други: месть». Стихов Жуковского Шаховской не забыл и попытался расквитаться с ним и другими обидчиками.

Конечно, в Фиалкине нет сходства с личностью Жуковского. Шаховской к этому и не стремился. Он хотел высмеять не человека, а поэта. Отсюда — карикатура на чувствительность, унылость, увлечение туманной фантастикой

Характеризуя тематику своих баллад, Фиалкин перечисляет излюбленный Жуковским поэтический реквизит:

И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу! .. Всё страшно в них; но милым всё приятно,
Всё восхитительно, хотя невероятно.

В этих строках с ядовитой иронией раскрыта характерная особенность сентиментального романтизма Жуковского, «увлекательно устрашавшего» читателя. Слова «милым все приятно» метили в излюбленное сентименталистами название «для милых». «Милый» — характерный для Жуковского эпитет.

Шаховским перечислены романтические подробности, заимствованные из одной только баллады — «Людмила» (переделка «Леноры» Бюргера). Здесь мы встречаем: «Чу! .. Полночный час звучит. . .», «Полночь только что пробила. . .», «Кричит петух. . .». «Кости в кости застучали».

К «Людмиле» Жуковского нас ведет также испуг Фиалкина, которому в вечерней мгле банщик Семен показался

Тем мертвецом, что в гроб невесту. . . [1]

---

[1] Год спустя появились новое переложение «Леноры» — баллада П. Катенина «Ольга», полемизирующая с поэтическими принципами Жуковского, и статья Грибоедова, также направленная против Жуковского, защищающая перевод Катенина от критики Гнедича. Нельзя не почувствовать внутренней связи между всеми этими явлениями.

Высмеивая балладный стиль Жуковского, который сочиняет ужасы «для милых», Шаховской объектом пародии избрал не одну из страшных, «готических» баллад поэта, но сентиментальную вариацию на античную тему. Шаховской не забывал Озерова и его «Поликсены». Быть может, он потому и остановился на балладе Жуковского, посвященной Ахиллу, что ее удобно было связать с драмой Озерова тематически и стилистически. Но сделал он это прикровенно. Непосредственно и открыто баллада Фиалкина «Влюбленный Гомер» метила в «Ахилла» Жуковского. Пародист сохранил и стихотворный метр оригинала — четырехстопный хорей.

Шаховской показал разрыв между античной темой и ее сентиментальным воплощением, высмеял пространные размеры баллад Жуковского. Горничная Саша спрашивает Фиалкина:

А сколько
Куплетов всех?

Фиалкин:

Сорок восемь.

В «Ахилле» — двадцать шесть строф.

Пропущенный в печатном издании «мадригал» Фиалкина выдержан в духе альбомных посланий Жуковского.

Однако в комедии Шаховского содержались выпады не только против автора «Людмилы». Объектом насмешек явились В. Л. Пушкин, а также С. С. Уваров, в ту пору еще далекий от политического обскурантизма, поддерживавший дружбу с Гнедичем и Жуковским и распространявший в обществе недобрые слухи о Шаховском. Ф. Вигель оставил живой портрет молодого Уварова. Он, «щеголяя светскою ловкостью, всякого рода успехами и французскими стихами, старался брать первенство перед ровесниками своими... Воспитанный... каким-то ученым аббатом, он спозаранку исполнился аристократического духа... Говорил и писал по-французски в прозе и стихах, как настоящий француз. Барич и галломан во всем был виден; оттого-то многим членам «Беседы» он совсем не пришелся по вкусу».[1] О том, что Уваров был задет Шаховским в «Уроке кокеткам», свидетельствует тот же Вигель. А. Тургенев, в свою очередь, сообщал А. Булгакову: «Вчера играли «Липецкие воды» к. Шаховского. Довольно остроты, но и довольно скучно и сухо. Колкости насчет балладника Жуковского и Омира-Уварова. Я с ними слушал пиесу, и по выходе из театра один из них сказал:

---

[1] Ф. Вигель. Записки, ч. 4, М., 1892, стр. 169 и 170.

О, чудо из чудес природы:
Он сотворил сухие воды (для к. Вяземского).[1]

Прозвище Омир или Омер закрепилось за Уваровым после того, как он опубликовал в 1813 году «Письмо к Н. Гнедичу о греческом экзаметре», в котором оправдывал непривычную транскрипцию имени автора «Илиады»: «Извините, что я пишу Омер, а не Омир. Нельзя мне решиться изуродовать столь почтенное имя».[2]

И конечно, Шаховской явно имел в виду это пуристское замечание Уварова, когда заставил Фиалкина произносить:

Омир или Омер. Еще не решено,
Как должно звать его, и для того я *или*
Поставил, чтоб меня журналы не бранили...

Однако Уваров был задет в пьесе не только в этих строках. Злоязычие Уварова, страсть к сплетням и интригам, преклонение перед иностранной модой, длительное пребывание за границей, готовность делать карьеру любой ценой, развращенность, способность к мимикрии вошли составной частью в образ Ольгина.[3] Между тем созвучие фамилий Уваров и Угаров должно было заставить зрителя искать сходства здесь. Но это было бы чересчур явным намеком, а открыто ссориться с преуспевающим молодым карьеристом Шаховской не захотел. Фигура Угарова явно связана с третьим лицом, которого Шаховской также задел в своей пьесе. В образе отставного гусара, чье любимое занятие — охота, катание на тройках, а привычное общество — псари и цыганки, нетрудно увидеть прямой намек на Буянова из «Опасного соседа» В. Л. Пушкина, произведения особенно ненавистного Шаховскому.[4] Слово «угар» употреблялось в ту пору в значении «удалец», «буян». Поэтому фамилия Угаров равнозначна Буянову. Именно так его и воспринимали современники. Характеризуя персонажей комедии, Вяземский писал: «Вер-

---

[1] Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1949, стр. 147.

[2] «Чтение в „Беседе любителей русского слова"». СПб., 1813, чтение 13, стр. 56.

[3] Конечно, светская пустота и невежество Ольгина не имеют ничего общего с обширными познаниями Уварова. Забавно все же, что моделью для «либералиста», каким кажется Ольгин Холмскому, послужил один из будущих вдохновителей реакционной политики при Николае I, автор знаменитой триады «самодержавие — православие — народность».

[4] См. отзыв Шаховского об авторе поэмы в записи мемуариста А. А. Кононова. — Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л., 1929, стр. 343.

телся шумный повеса У<гаров>, отставной гусар, сокровище, которое надобно было искать у Липецких вод, нестерпимый невежда:

Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком!

без сомнения, не переступивший никогда в столицах порога гостиной». [1]

О родстве Угарова с Буяновым упоминает и Блудов в своей сатире «Видение в какой-то ограде». [2]

Сам Шаховской вложил в уста графини Лелевой следующую характеристику Угарова:

Нет, для меня, божусь, все хваты слишком ловки...
Стучат, бренчат, кричат; все счастье видят в том,
Чтоб *пристяжная их свивалася кольцом.*
И здесь мне надоел Угаров.

(Курсив мой. — *А. Г.*)

Выделенная строка является видоизмененной цитатой из «Опасного соседа», рисующей поездку Буянова:

И пристяжная вмиг свернулася кольцом...

Именно это место имел в виду Дашков, когда писал о привычке Шаховского вводить в свои пьесы строки из чужих произведений, чтоб дискредитировать их авторов: «Сколь удачно заставили свою несравненную Селимену [3] повторять слишком известные стихи известного недоброжелателя вашего и, в первый раз подражая грубой природе, извлекли чистый, жизненный воздух из смертоносных для вас растений». [4]

Замысел Шаховского, однако, вовсе не сводился к тому, чтобы вывести в липецком обществе героя поэмы В. Л. Пушкина. Он дал зрителям возможность сблизить фигуры Буянова и его творца. Для этого Шаховской сообщил биографии Угарова черты, необычные для гусара и сразу заставлявшие насторожиться. Буян, повеса, картежник, он оказывается трусом, бегущим от войны. Барон Вольмар бросает ему в лицо:

Когда ж дворянство всё, идя против врагов,
Покрылось славою, вы, помнится, порскали
И против зайцев здесь прехрабро воевали...

---

[1] «Российский музеум», 1815, № 12, стр. 259.
[2] «Остафьевский архив», т. 1, стр. 410.
[3] Селимена — кокетка, героиня комедии Мольера «Мизантроп».
[4] «Сын отечества», 1815, № 42, стр. 146.

Трусость Угарова в дни войны намеренно противопоставлена мужеству Пронского и Холмского. Подчеркивая храбрость «сыновей вельмож» как свойство, якобы характерное для всех дворян, драматург оттенил отщепенство Угарова. Многие могли увидеть в этом намек на поведение В. Л. Пушкина, который, услышав о приближении неприятельских войск, бежал из Москвы в Нижний Новгород, где, несмотря на материальные лишения, жизнь его проходила довольно весело, о чем он сам поспешил сообщить в дружеском послании к Д. Дашкову, опубликованному в 1815 году. Шаховскому было тем удобнее направить эту ядовитую стрелу в своего недруга, что он сам отправился на войну добровольцем. Обвиняя Буянова, а заодно его создателя в трусости, Шаховской полной мерой отплатил автору «Опасного соседа». Не случайно В. Л. Пушкин, по прочтении пьесы, по свидетельству Карамзина, был «только что не в конвульсиях». [1]

Недруги Жуковского торжествовали, а в доме злейшего врага Карамзина П. И. Голенищева-Кутузова Шаховской был увенчан лавровым венком.

Однако «Урок кокеткам» был воспринят односторонне. Существенные достоинства комедии не были замечены. Для многих суть комедии свелась к личности Фиалкина, персонажа второстепенного, не связанного с основной интригой. [2] На Шаховского обрушился поток эпиграмм и сатир. За ним прочно закрепилась кличка «Шутовской». Так его именовал и юный А. С. Пушкин. Автору «Урока кокеткам» припомнили и «Нового Стерна», и «Коварного», и «Расхищенные шубы». Обвинения в интригах против Озерова приобрели еще более резкий характер. Шаховского открыто называли клеветником и убийцей талантов.

Шум, возбужденный постановкой и выходом из печати пьесы Шаховского, не утихал, а успех спектакля увеличивался. [3] Не прекращались и сатирические выпады по адресу Шаховского. На заседаниях литературного общества «Арзамас», членами которого были Жуковский и близкие ему литераторы карамзинского направления, высмеивались деятели «Беседы», и прежде всего Шаховской.

---

[1] «Москвитянин», 1855, № 1, стр. 101.

[2] Когда пьеса исполнялась в Эрмитаже, где бывал близкий ко двору Жуковский, «роль Фиалкина (Жуковский) была выброшена». — «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М.—Л., 1936, стр. 211.

[3] По неполным данным, с 23 сентября 1815 года (день премьеры) до конца 1816 года пьеса выдержала более пятнадцати представлений. В последующие годы она пользовалась не меньшим успехом.

Мы не знаем, как отнесся сам драматург к шуму, вызванному его комедией. Известно, что он вынужден был публично просить извинения у Жуковского, а впоследствии пытался с ним примириться, как и с другими арзамасцами.

Несмотря на множество публицистических и стихотворных выступлений, посвященных «Липецким водам», комедия эта не получила объективной критической оценки. О недостатках драматургии Шаховского, о неумении его создавать образы положительных героев писали многие. Грибоедов заметил в частном письме (29 января 1819 года), что Шаховской «почти не живет в вещественном мире, и все со своими идеальными Холминскими (Холмскими. — *А. Г.)* и Ольгиными».[1] П. Катенин, характеризуя одну из героинь французской комедии, писал, что это «просто кукла подобная Оленьке Липецких вод».[2]

Живое изображение споров об «Уроке кокеткам» оставил К. Рылеев в очерке «Провинциал в Петербурге» (1821), рисующем столкновение мнений столичной кумушки и ее брата провинциала. Кумушка «утверждает и твердо стоит на том, что «Липецкие воды» несравненно превосходнее «Недоросля». Сколько я ни опровергал сие странное мнение, но никак не мог оспорить оного. Я говорил, что характеры в «Липецких водах» не выдержаны; она, напротив, уверяла, что и выдержаны и списаны еще с натуры, и именно главное лицо и есть настоящий портрет княгини N., с которою сестрица не ладит».[3] Юный А. С. Пушкин, стоявший на позициях правоверного арзамасца и поэтому отрицательно относившийся к Шаховскому, в 1815 году писал, что главный герой пьесы — «лицо, не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант». Однако, отметив недостатки пьесы, он все же указал на ее комедийность.

Первым опытом критического разбора пьесы была статья Александра Бестужева, опубликованная в 1819 году. Рецензия эта, написанная через четыре года после премьеры и к тому же принадлежавшая автору, не входившему в кружок Карамзина — Жуковского, казалось, носила более спокойный характер. Бестужев указал на недостатки общей композиции и бледность положительных героев. Чрезвычайно существенны его замечания, касающиеся официозного характера, который носит «патриотизм» Пронского. По словам критика, это «жалкая копия русских патриотов... резонер без резонов,

---

[1] А. С. Грибоедов. Сочинения. М.—Л., 1945, стр. 386.
[2] Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911, стр. 54.
[3] К. Рылеев. Полное собрание сочинений. М., 1934, стр. 304.

выведенный на сцену для того, чтобы сказать несколько нескладных и несправедливых комплиментов и форменных похвал русской молодежи». [1]

Современники (в том числе и Бестужев) не оценили живости, естественности речи героев комедии. Шаховской добивался простоты и характерности диалога, облекая его в форму яркую и острую. Только по временам, преимущественно в патетических тирадах, синтаксис становится напряженным, неловким, основная же, действенная часть комедии написана в удивительно естественной, небывалой дотоле разговорной манере. Из-за односторонности восприятия пьесы, в которой увидели только карикатурную фигуру Фиалкина, не были замечены достоинства комедии. Грибоедов не оставил развернутой оценки пьесы Шаховского, но думается, что он не мог пройти мимо нее. Диалог графини Лелевой и графа Ольгина (V действие), в котором даны меткие характеристики посетителей светских салонов, напоминает первую встречу Чацкого и Софьи.

Граф Ольгин приехал на Липецкие воды не для лечения, а больше от скуки. Так и Чацкий: «лечился, говорят, на кислых он водах, не от болезни чай, от скуки, то вернее». Самая сцена ночного свидания Лелевой и Ольгина, свидетелем которой оказывается Пронский, напоминает развязку «Горя от ума» (Чацкий — свидетель объяснения Софьи с Молчалиным).

Однако детали, говорящие о сходстве, не могут заслонить коренного различия в идейном содержании обеих комедий. Шаховской противопоставил отрицательную фигуру Ольгина светскому обществу. Грибоедов писал: «В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека; и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих. . .» [2] Грибоедов создал ситуацию, противоположную комедии Шаховского: Ольгин с точки зрения остальных персонажей — действительно враг общества. Разгадав его, добродетельный князь восклицает: «Злое семя!» [3]

Противоречия пьесы, ее консервативные тенденции очевидны. Но за всем тем были в ней и несомненные достоинства, не отмеченные даже относительно беспристрастным Бестужевым. Думается, что

---

[1] «Сын отечества», 1819, № 6, стр. 260.

[2] А. С. Грибоедов Сочинения. М.—Л., 1945, стр. 481—482.

[3] См. статью А. Слонимского «„Горе от ума" и комедия эпохи декабристов» в сб. «А. С. Грибоедов». М., 1946, стр. 54 и сл.

гораздо справедливее отзыв М. Сперанского о Шаховском: «Он — не Мольер в существе комедии, в выборе и выражениях характера, но стихи его лучше, свободнее и тон вообще лучше, нежели во всех наших прежних комедиях».[1]

4

После нескольких водевилей и текстов волшебных опер Шаховской снова обратился к высокой комедии и осенью 1817 года написал две пьесы — «Своя семья, или Замужняя невеста» (в сотрудничестве с Грибоедовым и Хмельницким) и «Пустодомы».[2] Первая из этих пьес была самым счастливым созданием Шаховского: свыше ста тридцати лет она не сходит со сцены русского театра. Нельзя преуменьшать значение сотрудничества Грибоедова и Хмельницкого, но не следует и преувеличивать его. Весь план развития сюжета комедии принадлежал Шаховскому, а его редакторская рука, по-видимому, прошлась и по сценам, написанным его сотрудниками. Текст начала второго действия, принадлежащий Грибоедову, был предварительно опубликован в «Сыне отечества» в редакции, существенно отличающейся от помещенной в отдельном издании комедии. Редакционная правка была осуществлена, по-видимому, не Грибоедовым, а Шаховским.[3] Характерные для Шаховского упоминания о Лейпциге, Кульме, Париже, встречающиеся во многих его пьесах, начиная с «Урока кокеткам» отсутствуют в грибоедовской, журнальной редакции и, вероятно, принадлежат Шаховскому.

Шаховской — основной автор комедии. Мягкий юмор, беззлобная усмешка, живое изображение быта, легкий стих определили успех пьесы. Несложная интрига давала возможность показать целую группу чудаков.

В комедию вошли многие привычные для Шаховского темы: воспоминания о событиях Отечественной войны, осуждение душевной сухости, маскируемой ложной чувствительностью, нападки на мнимую ученость и т. д. Между тем некоторые критики несправедливо упрекали Шаховского в том, что он продолжает старые нападки на сентиментализм в литературе.

В одной из рецензий на пьесу, опубликованной в «Сыне отече-

---

[1] Письмо от 10 декабря 1818 г. — «Русский архив», 1868, стлб. 1179.

[2] Премьера «Пустодомов» состоялась в 1819 году, что послужило причиной неверной ее датировки.

[3] См.: А. С. Грибоедов. Сочинения. М.—Л., 1945, стр. 595.

ства», осужден был стихотворный язык комедии. Высоко оценив сцену экзамена Наташи, написанную Хмельницким (действительно превосходную), критик писал, что она «натуральна, забавна и имеет много острых, замысловатых стихов, притом и язык у ней, кажется, чище, нежели в прочих. Соблюсти чистоту и благородство языка в комедии не так легко, как, может быть, некоторые думают. Слог общественный благородного обращения у нас имеет еще мало примеров». Здесь явно противопоставлены ярчайший представитель «светской комедии» Хмельницкий и сторонник просторечия Шаховской. Блестящий каламбурист, искусно жонглировавший словом и виртуозно владевший стихом, Хмельницкий так характеризовал свой метод: «Напав на какое-нибудь слово, играю им, как мячиком, бросаю его во все стороны, во все фразы, перифразы и даже антифразы, если вам угодно».[1] По легкости и изяществу стиха Хмельницкий настолько же превосходил Шаховского-поэта, насколько уступал ему как драматург, художник сцены, наблюдатель действительности. Комедии и водевили Хмельницкого — переводы и переделки пьес второстепенных французских драматургов, преимущественно XVIII века, пьесы, в которых русифицированы только имена. Быт, среда, взаимоотношения героев — все не русское. Хмельницкий не касался больших тем и не вносил современности в свои изящные пьесы («Говорун», «Воздушные замки» и др.). Сюжеты всех его одноактных комедий сводятся к любовным недоразумениям. Он стремился к легкости и светскому тону, сознательно избегая всего грубого. Если Шаховского обвиняли в том, что его графини разговаривают, как горничные, то у Хмельницкого даже субретки и лакеи изъясняются, как графы и князья. Пьесы Хмельницкого — блестящие образцы светской комедии, которой отдал дань и молодой Грибоедов в «Притворной неверности» и «Молодых супругах». Критики, подобные В. Соцу или Н. Гречу, считавшие, что комедия должна чуждаться всего, что не принято в светском кругу, приветствуя комедии Хмельницкого и названные выше драматические переводы Грибоедова, нападали на Шаховского. Критик «Своей семьи», выписав несколько «грубых» выражений, заметил: «Возразят, может быть, что сии выражения натуральны и приличны представляемым лицам. Соглашаемся, но натуральное всегда ли бывает благородно и выражения, приличные в конюшне гусарского полка, могут ли быть пристойны пред просвещенною публикою?»[2]

---

[1] Сочинения Хмельницкого, т. II, СПб., 1849, стр. 467.
[2] «Сын отечества», 1818, № 5, стр. 217.

Грубыми и чрезмерно натуральными, неприемлемыми для благородного общества рецензенту показались простые и естественные речения:

И батька! Глупый свистнет,
Пословица у нас, а умный да и смыслит!

Что на уме у ней, бывало то и брякнет,
Да иногда уж так от простоты вавакнет...

Не понравились рецензенту и следующие фразы: «Смелей! пошла писать!», «Он страшный грубиян», «И до обеда глуп, после обеда пьян», «Житье людское валко», «В сраженьи хватско дрался», «Без ваших вичуров», «Будет гонка вам».

Осуждение критика вызывало все связанное с просторечием, которое Шаховской, следуя крыловской традиции, сознательно вводил в свои пьесы. В данном случае драматург, стремившийся сделать сценический диалог живым, разговорным, правдивым, стоял на более верных позициях, чем его критики (В. Соц, Н. Греч и др.), и предварял путь Грибоедова к «Горю от ума».

Следующая комедия, «Пустодомы», обычно называется в ряду наиболее реакционных произведений Шаховского. При этом историки литературы ссылаются на сцену 1-го действия, в которой высмеивается намерение князя Радугина издавать политико-хозяйственный журнал. Этот эпизод принято рассматривать как ответ драматурга на предложение Н. Тургенева, сделанное ему в 1819 году, — участвовать в «Обществе 19 года и XIX века» и в политическом журнале «Россиянин XIX столетия», близком к декабристскому союзу Благоденствия. Данные, которыми мы располагаем, более чем скудны, и объяснить выбор Н. Тургенева трудно. По-видимому, Шаховской был привлечен в общество как популярный писатель, а не как политический единомышленник. Нам ничего не известно об участии драматурга в немногочисленных собраниях редакции несостоявшегося журнала. Тем не менее у нас нет решительно никаких оснований рассматривать диалог Радугина и Инквартуса в «Пустодомах» как ответ на предложение Н. Тургенева. Дело в том, что датировка «Пустодомов» 1819-м годом — результат недоразумения. По свидетельству Грибоедова, комедия вчерне была закончена в октябре 1817 года, то есть более чем за полтора года до предложения Тургенева.

Упомянутая сцена метит, конечно, не в декабристский журнал, а направлена против «Сына отечества», который превратил Шахов-

ского в объект глумления.[1] Разумеется, неверно было бы отрицать наличие консервативных тенденций в этой пьесе, в частности непринятие Шаховским философской мысли XVIII века. Вместе с тем никак нельзя видеть в бессмысленном прожектерстве Радугина, разоряющего себя и крестьян, карикатуру на передовую русскую молодежь. Радугин в такой же мере мало представляет ее, как, например, Репетилов. Шаховской осудил оторванность радугиных от действительности, их бессмысленное теоретизирование, мнимую ученость, самомнение.

Комедия «Пустодомы» связана единством главного героя с комической оперой Шаховского «Откупщик Бражкин, или Продажа села». В этом произведении, поставленном в 1815 году, действует тот же князь Радугин, только что вернувшийся из-за границы. Крестьяне говорят о нем, что он «какого-то заморского духа набрался, да и пошел кутить». В три года он совершенно разорился, и его родовое имение должно перейти в руки скупившего векселя откупщика. Крестьяне, собрав нужную сумму, спасают князя. Полная никчемность Радугина показана довольно ярко. «Пустодомы» развивают то, что было намечено в «Откупщике Бражкине».

Князь Радугин в комедии чужд не только истинному знанию, но чужд всему русскому. Под стать князю его жена, вздорная, глупая, «сентиментальная мотовка», растрачивающая чужие деньги. Эта парочка окружена паразитами, наживающимися на их разорении. Здесь плут Цаплин, вороватые слуги Маша и Ваня, ученый попугай Инквартус, потомок глупых педантов из комедий XVIII века. Желая подчеркнуть связь между «Пустодомами» и «Модной лавкой» Крылова, Шаховской перенес из этой пьесы в свою комедию служанку Машу. Если в «Уроке кокеткам» отношения между слугами и господами нарисованы в духе идиллии, то в новой комедии уже нет и тени прежней верности слуг.

Лагерь положительных героев представлен генералом Радимовым, молодой сестрой князя и ее женихом. Впрочем, последние двое настолько бледны, что их можно не принимать в расчет. Все добродетельные персонажи Шаховского способны только на резонерство. Самый яркий образ комедии — это графиня Вельская, шумная, зычная, помыкающая своим сыном, читающая всем нотации, скупая, корыстная. Некоторыми чертами характера она напоминает Хлёстову в «Горе от ума». Радимов, выражающий идеалы автора, —

[1] Характеристика содержания будущего политико-экономического журнала, его отделов, намерение перепечатывать материал из французских изданий в полной мере могут быть применены к «Сыну отечества».

это несколько постаревший князь Холмский. Бесхозяйственности, пустодомству Радугина в пьесе противопоставлен консервативный идеал доброго помещика, заботящегося о крестьянах и разумно богатеющего, без опасных нововведений.

Хотя Шаховской стремился противопоставить образы патриархального русского помещика и пустодома, ценность пьесы оказалась в другом. Радугин и Радугина, все их окружение свидетельствуют о паразитарности дворянского мира и его экономическом упадке. Тема дворянского «прожектерства» живо волновала писателя. В 1836 году он сочинил эпилог к сценической переработке «Пиковой дамы» Пушкина «Крестницы, или Полюбовная сделка». В этой пьесе Томский собирается выйти в отставку, сделаться помещиком и спасти разоренное имение. Обращаясь к своему приятелю Чурину, он говорит:

Ну, хочешь биться об заклад,
Что страшный капитал составлю,
Как здесь на европейский лад
Хозяйство земское составлю,
Глупцов моих переучу...

Чурин

Ах! жаль, что сам учился мало.

Томский

Да я что только захочу
Тотчас узнаю из журнала.[1]

5

Создавая свои комедии, Шаховской не мог не думать об их сценическом воплощении. Практик театра был неотделим от писателя. Поэтому не случайно годы высшего подъема драматургии Шаховского связаны с расцветом его педагогически-режиссерской деятельности. Он умел открыть дарования в новичке, а зрелому актеру указать на его истинное призвание. Среди артистов, воспитанных Шаховским, нужно назвать И. И. Сосницкого, Я. Г. Брянского, Е. П. Боброва, М. И. Валберхову, Е. Я. Воробьеву-Сосницкую, А. Е. Асенкову, Л. О. Дюрову, А. Н. Рамазанова, М. А. Азаревичеву, М. В. Величкина, Г. Ф. Климовского, И. П. Борецкого и других. Любимым учеником Шаховского, лучшим исполнителем ролей в его пьесах был И. Сосницкий. Шаховскому были обязаны

---

[1] Писарская копия. Театральная библиотека им. Луначарского.

в начале своей сценической деятельности Е. Семенова и В. Каратыгин, он оказал воздействие на сценический талант замечательного певца В. М. Самойлова. Конечно, стройной педагогической системы у Шаховского не было, он оставался эмпириком. В работе с учениками и актерами он добивался простоты, естественности разговорного тона. Воспитав целую молодую труппу для петербургского театра, он подготовил в том числе актеров, способных создавать живые комедийные образы.

Дом Шаховского в эту пору стал чем-то вроде артистического клуба, в котором встречались лучшие представители русской художественной интеллигенции, писатели, художники, артисты: И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, Н. И. Гнедич, А. С. Пушкин, Н. И. Хмельницкий, А. Н. Верстовский и многие другие. Здесь читались и обсуждались новые пьесы, велись нескончаемые споры о поэзии, о рифмах, о театре, оценивались новые спектакли, дарования молодых актеров. На «чердаке» Шаховского решались судьбы пьес и исполнителей.

Важнейшим событием творческой жизни Шаховского было его сближение с Грибоедовым и Катениным, в особенности с первым из них. При всем различии творческих индивидуальностей, разности дарований, Грибоедова с Шаховским временно облизкала если не общность литературной позиции, то стратегии и тактики по отношению к противникам. Увлечение русской стариной, любовь к национальному фольклору, стремление ввести в литературный обиход просторечие, использовать для героических тем славянизмы, в противоположность изящной гладкописи карамзинской стилистики или туманной расплывчатости фразеологии Жуковского, — на этом Грибоедов и Шаховской могли сойтись, хотя первый вкладывал гораздо более глубокое содержание в эту художественную программу. Эклектизм эстетики Шаховского позволил ему легко примениться к широте и разносторонности Грибоедова и к догматизму наиболее убежденного и непримиримого из всех троих — классициста Катенина, и даже поначалу играть по отношению к ним роль ментора, вернее — «дядьки» и цензора. По крайней мере, оглядываясь на предшествующие годы, Грибоедов писал Катенину в феврале 1820 года: «Князю почтенному низко поклонись за отсутствующего. Не могу довольно порадоваться, что он в числе тех, которые хотят — не хотят, а должны меня помнить. Часто бывали вместе: славный человек! Кроткий, ласковый нрав, приятный ум, статура его, чтенье, сочинения, горячность в спорах об стопах и рифме, наш цензор всегдашний и сам под цензурою у Катерины Ивановны (Ежовой. — *А. Г.*). Не поверишь, как память обо всем этом мне

весела в одиночестве».[1] Слова эти дышат глубокой симпатией. Впоследствии Грибоедов охладел к Шаховскому-человеку, в его высказываниях зазвучали ноты иронии и скепсиса. Справедливость требует, однако, указать, что Шаховской до конца своих дней сохранил глубокое преклонение перед Грибоедовым. Он писал В. Ф. Одоевскому в 1823 году: «Если Грибоедов в Москве, то напомните ему, что еще существует человек, который едва ли не больше всех знакомых его любил, любит и будет любить, хотя и не очень полагается на взаимность».[2] Шаховской жадно тянулся к писателям, в чьем творчестве он находил нечто близкое, но превосходившим его умом и талантом. Он не был завистлив, что бы ни писали о нем Ф. Вигель и другие недруги, хотя и ревниво относился к чужой славе, если она приходила к писателю равного ему таланта. Встретив яркое и гениальное дарование, он безоговорочно и радостно преклонялся перед ним, подпадал под его влияние. Первым кумиром Шаховского был Крылов, позднее его место занял Грибоедов, еще позднее — Пушкин.

Общение с Грибоедовым оставило глубокий след в творческом сознании Шаховского. Он не мог не почувствовать могучей силы его ума и таланта, не увидеть широты его взглядов и энциклопедичности познаний. В отличие от Н. Хмельницкого,[3] Грибоедов оказался близок и дорог автору «Урока кокеткам». И для самого Грибоедова было важно общение с Шаховским. Как бы ясно он ни видел недостатки его драматургии, в русском театре Шаховской в известной мере был его единомышленником. Не случайно поэтому Грибоедов фактически поддержал атаки на балладный стиль Жуковского, начатые в «Уроке кокеткам», своей статьей «О разборе вольного перевода бюргеровой баллады «Ленора». Словно вспоминая характерные для поэтики Фиалкина-Жуковского речевые обороты, пародированные Шаховским, Грибоедов писал, приводя ряд примеров из «Леноры»: «И это *чу!* слишком часто повторяется... Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу».[4]

Несомненно, что сатирическая и полемическая комедия Гри-

---

[1] А. С. Грибоедов. Сочинения. М.—Л., 1945, стр. 453—454.
[2] Русский архив, 1864, стлб. 998.
[3] Именно враждебность к изящной стилистике «светской комедии» и ее фривольности, а не зависть оттолкнула Шаховского от Хмельницкого. Правда, впоследствии, под воздействием успеха пьес своего соперника, Шаховской сам отдал дань «светской комедии» («Какаду» и др.).
[4] А. С. Грибоедов. Сочинения. М.—Л., 1945, стр. 367.

боедова и Катенина «Студент», написанная в 1817 году, портретная в своей основе, высмеивающая не только Загоскина, но и Жуковского, близка по своему характеру к пьесам Шаховского, хотя и написана в прозе. Грибоедов внимательно следил за драматургией Шаховского, и хотя сохранились иронические его отзывы о «Пустодомах», но он должен был сочувствовать исканиям автора «Урока кокеткам» в области стихотворной комедии, посвященной современности.

Шаховской, оставивший в 1818 году свой пост, в 1821 году снова вернулся в дирекцию императорских театров. Драматургическая его деятельность продолжалась с прежней интенсивностью. Наиболее значительными были две его стихотворные пьесы: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (1818) и «Какаду» (1820).

Одноактная комедия «Не любо — не слушай» представляет особый интерес, ибо в ней Шаховской впервые применил разностопный ямб для передачи разговорной речи. На титульном листе было указано: «Комедия в вольных стихах». Шаховской неоднократно еще при жизни Грибоедова печатно заявлял о своем первенстве в этом отношении. Возражая одному из рецензентов, укорявшему его пьесу в «неразговорности», Шаховской писал: «Я спрошу г-на Н., с которого времени начались нынешние успехи разговорного языка и писал ли кто-нибудь русские комедии вольными стихами до появления «Не любо — не слушай». Ежели не он и не теперь, то я уверен, что другие и после скажут истину, и долговременные труды мои не пропадут даром».[1] Когда современная критика (Н. Полевой, О. Сомов и др.) в своих отзывах о «Горе от ума» утверждала, что Грибоедов первый ввел разностопный ямб в комедию, то А. И. Писарев, резко отрицательно отнесшийся к «Горю от ума», писал: «Здесь видно явное неблагорасположение к лучшему нашему драматическому писателю, у которого многие комедии были уже написаны прелестными вольными стихами, когда «Горе от ума» еще таилось в неизвестности».[2]

Правда, разностопный стих в комедии уже в XVII веке применялся Мольером, а позднее и многими другими писателями.[3] В басне этот размер давно главенствовал. Шаховской, умело применив этот размер в комедийном диалоге, сообщил ему необычайную живость. Уже в предыдущих пьесах он стремился преодолеть однообразие александрийского стиха (эту же задачу успешно решал

---

[1] «Московский вестник», 1828, № 18, стр. 201.

[2] «Вестник Европы», 1825, май, № 9, стр. 118—119.

[3] Б. В. Томашевский. Стих «Горя от ума». — «Стих и язык». Л., 1959.

и Хмельницкий), но решающую победу одержал здесь. Как обычно у Шаховского, интрига комедии проста и не очень оригинальна. Она построена на образе лгуна Зарницкина, разрушающего ложью собственное счастье. В пьесе очень ярко выписан бытовой фон, обрисованы жанровые фигуры. И, как обычно, отрицательный персонаж страдает «чужебесием», презирает все русское, и противостоящий ему положительный герой — горячий патриот.

Несмотря на то что комедия Шаховского была свободна от выпадов по адресу литературных врагов, она вызвала ожесточенную полемику в печати. Рецензент «Сына отечества», скрывавшийся под литерой «Ъ», писал, что «комедия более имела бы истинного достоинства», если бы ее главный герой Зарницкин «менее болтал таких нелепостей, которые не могут быть забавны для разборчивой публики». Взыскательного рецензента оскорбила фигура шута Митяя, увеселяющего своих господ смесью французских слов с русскими. Однако всего более возмутили критика стихи Шаховского, их нарочито грубая лексика, просторечие, обилие прозаизмов. «Некоторые переводчики и сочинители комедий в стихах дошли теперь до такого совершенства, что трудно различить версификацию с обыкновенною прозою. Автор разбираемой нами комедии еще удачнее воспользовался сею свободой, употребив стихи вольные. Не думаю, однако ж, чтоб шкворни, ваги, дышла, составляющие прозаический язык каретников и кучеров, много придали красоты и самым вольным стихам».[1]

На эту пристрастную рецензию возразил Д. Барков. Он изобличил критика в передержках и взял под защиту стихи Шаховского. «Прекрасный, естественный и живой разговор комедии также не нравится г-ну Ъ... Он не только не хвалит его, но даже говорит с острою насмешкою: «некоторые сочинители...» Нетрудно догадаться, что он метит на новейшие произведения, например комедии: «Своя семья», «Воздушные замки», «Говорун», «Притворная неверность» и проч., делающие честь сочинителям и переводчикам, уличающие по крайней мере в несправедливости г-на — Ъ, которому, вероятно, больше нравится необыкновенная проза, как, например, в комедии «Следствие Маскарада». (Переводчик комедии «Следствие Маскарада», поставленной в 1818 году, — это цензор и критик В. Соц; он же был автором рецензии на пьесу Шаховского.)

Задетый за живое Соц ответил Баркову злобно и невразумительно. Интерес представляет только заключение: «Об одном еще просит вас буква — Ъ: удалить из догадливого своего воображения

[1] «Сын отечества», 1818, № 39, стр. 39.

комедию «Притворная неверность» (Грибоедова. — *А. Г.*) — буква — Ъ никогда не позволяла себе ценить сию комедию наряду с прочими, которых имена вы удачно угадали».[1]

Комедия Шаховского свидетельствовала о новых качествах его драматургии. Яркий московский колорит, лежащий на всей атмосфере пьесы, помимо разностопного стиха, сближает ее с «Горе от ума».

Комедия «Какаду, или Следствие урока кокеткам» свидетельствовала о некотором смягчении сатирических тенденций в творчестве Шаховского. Драматург как бы стремился сблизить Лелеву и Ольгина с обществом, которое их изгнало. Правда, раскаяние графини носит показной характер, а предстоящий брак Лелевой и Ольгина оказывается вынужденной капитуляцией перед светом из-за страха оказаться смешными. Здесь Шаховской в известной мере протягивал руку авторам светских комедий. Даже самое заглавие «Какаду» (в контексте пьесы кличка «какаду» угрожает закрепиться за графом) ведет нас к «Бабушкиным попугаям» Хмельницкого, в которых слово «попугай» заменяет «неприличное» слово «мужчина». Действие, развертывающееся в салоне, обусловливает «светский» колорит пьесы.

6

В своих лучших стихотворных комедиях основное внимание драматург уделил воссозданию живой разговорной речи. Шаховскому пришлось выслушать немало упреков за то, что он вводил прозу в область стиха, огрублял его, оскорбляя слух и принижая благородных героев. На этом сошлись, как мы видели, во всем противоположные А. Бестужев и В. Соц. Бестужев обвинял Шаховского в том, что речь его благородных героев неоправданно груба и цинична. По его словам, графиня Лелева «изъясняется языком прихожих, и трудно угадать, горничная ли Саша или графиня Лелева говорит благороднее, или, лучше сказать, неблагороднее».

Характерно, что сходные упреки раздавались и по адресу «Горя от ума». П. Вяземский писал в статье «Дела или пустяки давно минувших дней»: «Чацкий говорил: «Желал бы с ним убиться для компаньи. . .» Тут заметил я, что влюбленному Чацкому неловко употреблять пошлое выражение «для компаньи», а лучше передать его Лизе. Так Грибоедов и сделал».[2] В одной из редакций на заме-

---

[1] «Сын отечества», 1819, № 44, стр. 273—274.

[2] «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929, стр. 132.

чание Чацкого о «смеси языков» возражает Софья: «Но мудрено из них один скроить, как ваш». В другой — автор передал эту реплику Лизе. По словам актрисы А. Шуберт, выражение *скроить* отдает лавкой Кузнецкого моста. Пуристские замечания встречались также в отзыве «Московского телеграфа»[1] о «Горе от ума» (по предположению Н. К. Пиксанова, они принадлежат Вяземскому).

Бестужев нашел грубыми и несоответствующими достоинству графини Лелевой такие речевые обороты: «Придраться ко всему», «Без памяти люблю», «Отчаяньем морила», «Не можно утерпеть», «Ага, сударь, как вы...», «Какой дурацкий сон» и др. Подводя итоги, критик писал: «Что бы подумал какой-нибудь иностранец, знающий русский язык, о наречии лучшего нашего круга, если бы стал судить о нем по наречию сей комедии? Что бы заключил о прочих сословиях, когда графы и князья изъясняются здесь таким образом?»

Едва ли нужно доказывать, что в данном случае прав был Шаховской. Драматург, конечно, не мог подняться до того одухотворенного поэтического реализма, которого достиг впоследствии Грибоедов, но все же он, следуя по пути Крылова, шел в верном направлении. И не случайно многие из критикуемых Бестужевым и Социем речений Шаховского мы встретим впоследствии в «Горе от ума».[2] Такова фраза графини, возмутившая Бестужева, — «Без памяти люблю». В монологе Чацкого мы читаем:

И все-таки я вас без памяти люблю.

В. Соц попрекнул Шаховского «грубым выражением» — «будет гонка». Грибоедов вложил эти слова в уста Лизы: «Переведу часы, хоть знаю: будет гонка». Разгневавшее Бестужева выражение Шаховского «придраться» в смысле «привязаться» применил и Грибоедов:

А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему.

Слова Фамусова «Обрыскал свет» находят аналогию в словах Зарницкина: «Обрыскал я весь свет». Бестужев отверг выражение «Отчаяньем морила», у Грибоедова: «Чуть было не уморил». Бестужеву показались грубыми слова «дурацкий сон». В «Горе от ума»: «Да дурен сон» и «смех дурацкий». В комедии «Не любо — не слу-

---

[1] «Московский телеграф», 1825, № 2, стр. 168.

[2] Л. Гроссман. Пушкин. — «Пушкин в театральных креслах». М., 1928, стр. 353.

*

шай» встречается выражение «редких правил», перенесенное Грибоедовым в «Горе от ума». «Он остр и иногда не глупо рассуждает» (Шаховской) — «Он не глуп и дельно рассуждает» (Грибоедов).

И Бестужев и Соц упрекали Шаховского в прозаизмах, в пренебрежении к законам стиха. В рецензии на «Урок кокеткам» читаем: «Слог сей пьесы шероховат и прерывист, течение не плавно, стихосложение сходствует с самою беззвучною прозою. Автор простер вольность стихотворчества до того, что некоторые стихи и вовсе не имеют рифмы... Другие составлены чересчур вольно, напр. «тузами — дамы», «ремиз — полились», «спуску — муку» и т. п. Множество междометий, союзов, предлогов, вклеенных по натяжке в каждый стих, — несносно! Одних *так* в сей комедии 109, не считая а, да, но и хоть, коими унизаны все страницы».

Конечно, все эти замечания мелки, придирчивы, и прав был В. Кюхельбекер, записавший в «Дневнике»: «В присланных мне сегодня номерах «Сына отечества» — несколько бранчивых критик на театральные произведения Шаховского, Катенина и Хмельницкого: мало в критиках отрадного; особенно же отличился Б(естужев)».[1] Шаховской пренебрегал гладкописью. И неточные рифмы, и обилие восклицаний, междометий должны были помочь ему придать стиху естественность. Стремясь добиться разговорной интонации, Шаховской смело вводил неологизмы. Иногда его новаторство было искусственно. Но зачастую критика принимала за неологизмы коренные, но малоупотребительные русские слова, которые Шаховской, превосходный знаток народной речи, смело вводил в свои произведения.

Продолжая работу над комедиями «в вольных стихах», драматург написал одноактные пьесы «Тетушка, или Она не так глупа» (1821) и «Любопытная, или Догадки невпопад» (1823). Обе они развивают принципы, положенные в основу «Не любо — не слушай».

В комедии «Тетушка, или Она не так глупа» драматург сделал еще один шаг в том направлении, по которому позднее пошел Грибоедов. Одно из действующих лиц пьесы, графиня, так характеризует своего племянника Агатова:

...я в тебе педантство нахожу,
Как и во всей у нас ученой молодежи.
Поверишь ли, вдруг вздумалось ему,
Что будто бы не служит ни к чему

[1] Дневник В. Кюхельбекера. Л., 1929, стр. 129.

Быть в обществе любезным.
Но надо сделаться, бог знает чем, полезным
И для того прогневался на свет.
...За правило поставил
Не ездить ни к кому.

Беседа Агатова с Любушкой, также олицетворяющей идеал автора, посвящена теме лживых суждений представителей «света»:

Любушка

Ах! эти *все* мне сами
Несносны кажутся.

Агатов

Но между тем
Они владеют так умами,
Что честный человек, который в их кругу
Не может нравиться, погибнет безвозвратно.

Агатов осуждает пустоту высшего общества и все те качества, которые необходимы для того, чтобы быть принятым в нем:

Искусство с ловкостью войти, и встать, и сесть,
Уменье жить, то есть,
Считать себе за должность
Всем льстить и всё сносить
И даже в честь себе считать свою ничтожность.
А я почти с ребячества привык
В военной службе
К почтенью с старшими, с товарищами в дружбе.
...Там с откровенностью я принят был, а здесь,
Признаться в том обязан,
Почти везде меня превежливая спесь
Встречает с жалостью, чтоб не сказать с презреньем;
И те, чьим на войне.
Я мало дорожил почтеньем,
Здесь покровительством грозить изволят мне.
А покровительств я и в службе ненавидя,
Ни разу в главную квартиру не езжал...

Несомненно, что в этих строках намечен конфликт, родственный столкновению Чацкого со средой Фамусова и Молчалина, — но как робко и мелко он намечен!

Удачей Шаховского явилась комедия-водевиль «Феникс», сатирически высмеивающая продажных журналистов. Но основная группа стихотворных комедий этих лет, несмотря на частные удачи, все же свидетельствовала о том, что Шаховской не знал, куда идти дальше. Соперничество с Хмельницким было для него не страшно, как и встреча с Грибоедовым — автором «Молодых супругов» и «Притворной неверности». Появление же первых отрывков «Горя от ума» сразу должно было показать ему, что он отодвинут в тень. Шаховской не оставил ни одного высказывания о гениальной комедии Грибоедова, но автор ее в письме к Бегичеву (июнь 1824 года) писал: «Шаховской решительно признает себя побежденным (на этот раз)». Нет сомнения, что, приветствуя комедию Грибоедова, Шаховской понял, что соперничать в этой области с Грибоедовым бесполезно. И действительно, после 1823—1824 годов он уже не обращался к высокой стихотворной комедии из современной жизни, хотя во многих последующих пьесах использовал некоторые стихотворные завоевания Грибоедова.

7

Еще до появления «Горя от ума» Шаховской постепенно начал менять тематику и форму своих пьес. Недавний гонитель Жуковского, после примирения с ним Шаховской переносит на сценические подмостки переведенную Жуковским светскую повесть «Взыскательность молодой женщины» под названием «Урок женатым». Неистовый гонитель всего фантастического, «гроза баллад», как прозвал его Дашков, Шаховской в изобилии вводил баллады в текст инсценировки романа Вальтера Скотта «Айвенго» — «Иваной». И, наконец, в 1828 году он вставил в свою комедию отрывки из «Светланы» Жуковского. В любопытной пьесе «Меркурий на часах, или Парнасская застава» Шаховской дал смотр всем литературным жанрам. Рядом с одой предстает баллада, требуя от Меркурия:

Балладу пропусти: она стихи несет
Певцов с достоинством, хоть, признаюсь, немногих.

Выслушав стихи Жуковского, Меркурий впускает балладу на Парнас.

Сближение Шаховского с Жуковским началось в двадцатых годах. Этот период заполнен в творчестве Шаховского поисками новых форм и тем. Торжество романтизма в русской литературе

побудило его к аналогичным исканиям в театре. Так возникли переработки поэм Пушкина, романов Вальтера Скотта, пьес Шекспира — или попытки создания некоего синтетического жанра «комедии-балета» с рыцарской или экзотической тематикой.

В 1821 году Шаховской сочинил «романтическую комедию» «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное сердце» (по В. Скотту), «волшебно-романтическое зрелище» «Буря и кораблекрушение» (по Шекспиру), в 1822 году — «волшебную комедию-балет» «Принцесса Требизондская, или Остров немых», «романтическую комедию» «Таинственный Карло, или Долина Черного камня» (по В. Скотту), «романтическую комедию-балет» «Лилия Нарбонская, или Обет рыцаря», в 1823 году — «романтический водевиль, составленный из восточных преданий», «Три дела, или Евфратский пеликан», «романтическое зрелище» «Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне», «романтическую комедию» «Судьба Ниджеля, или Всё беда для несчастного» (по В. Скотту), «драматическую поэму» «Фингал и Розкрана», в 1824 году — «волшебную комедию» «Финн» (по Пушкину) и в 1825 году — «романтическую трилогию» «Керим-Гирей, Крымский хан» (по Пушкину). Этот далеко не полный перечень свидетельствует о «романтических» тенденциях в драматургии Шаховского, нарочито подчеркнутых им при определении жанра.

Шаховской писал В. Ф. Одоевскому в 1823 году: «Успевши несколько в старом или обыкновенном, я ищу для нашего театра если не совсем нового, полагая, что нового давно уже нет под солнцем, то по крайней мере не столь условного, как драматические подражания, принесенные к нам с пудрою, шитыми кафтанами и красными каблуками из Парижа. Я хочу моими опытами открыть дорогу людям, имеющим больше моего дарования, для обогащения нашей драматической литературы и даже к созданию своего собственного театра... Я не терял даром времени и сделал, стремясь к моей цели, новое драматическое произведение, играемое с успехом, под названием «Сокола Ярослава Тверского»; в этой пьесе я сделал опыт русского размера; кажется, без всякого сомнения он мне удался; и публика приняла хорошо этот руссицизм». [1]

Основная группа произведений Шаховского, созданных в эти годы, является инсценировкой или переделкой чужих драм, повестей, романов, поэм. Новое содержание, пришедшее с ними, Шаховской, однако, облекает в старую форму. Либо он приближался к мелодраме (в инсценировках Вальтера Скотта), как раз в эти

---

[1] «Русский архив», 1864, стлб. 997—998.

годы завоевывавшей все большее место в репертуаре, либо к фантастическому водевилю («Финн» — по Пушкину, «Алепский горбун» и др.). При этом драматург заполнял сценические пустоты средствами так называемого «великолепного спектакля» (танцами, маршами, шествиями, сменами декораций, всевозможными эффектами). В то же время инсценировкам романтических поэм Пушкина он придавал форму драматической трилогии.[1] В этом сказалось своеобразное воздействие классицистских традиций. Катенин 26 января 1825 года писал Бахтину: «Шаховской, помня мои старые уроки, вздумал написать трилогию и содержанием выбрал эпизод Финна из поэмы Пушкина; я прощаю ему эту кражу».[2] Иронически отзывался о романтических увлечениях Шаховского Грибоедов в письме к Катенину (17 октября 1824 года): «У Шаховского прежние погремушки, только имя новое, он вообразил себе, что перешел в романтики, и с тех пор ни одна сказка, ни басня не минует его рук, все перекраивает в пользу Дюр, Брянского и пр.; на днях, кажется, соорудил трилогию из «Медведя и пустынника» Крылова.[3]

При всей гиперболичности насмешки, Грибоедов очень верно и точно уловил несоответствие содержания форме и старомодность средств выражения. Между тем сам Шаховской, создавая свои романтические трилогии, искренне был убежден в том, что он возрождает ни более, ни менее, как традиции Эсхила. Посылая П. М. Бакуниной свою статью «О греческом театре», Шаховской писал:

«Силясь постичь, отчего же трилогии род,
Падший в забвенье, никто не воздвигнул,
В сущность и средства театра я вник...
...Финн отриложен... И мной воскрешен
Первенец музы Эсхила.

Признаюсь, что последние два стиха легко могут показаться самохвальством, хотя они оправданы всем известным успехом Финна и Керим-Гирея, вдохновленных мне гением Пушкина».[4] Впрочем,

---

[1] Форма трилогии, т. е. цикла, состоящего из трех драматических произведений, возникла в греческом театре. Сохранились до наших дней трилогия Эсхила «Орестея», трилогия Софокла об Эдипе и судьбе его потомков.

[2] Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911, стр. 74.

[3] А. С. Грибоедов. Сочинения. М.—Л., 1945, стр. 477.

[4] «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, ч. 2, стр. 67.

трехактное членение своих «романтических» пьес Шаховской выводил не только из Эсхила, но также из испанской драмы, указывая нередко: «Комедия в трех сутках», то есть хорнадах.

Романтизм Шаховского носил внешний характер, что особенно отчетливо видно в его «комедиях-балетах», постановки которых осуществлялись в союзе с Дидло. Думал ли он об аналогичных произведениях Мольера, мы не знаем. Здесь танец, пение, декламация, рыцарские обряды и игры украшали, но не углубляли содержание спектакля.

Долгое время драматург не мог вырваться из плена старых форм. Переделывая и переосмысляя философскую драму Шекспира «Буря», Шаховской заставил Ариэля петь куплеты о драматургах, крадущих чужие сочинения. Последнему монологу Просперо придан характер водевильного финала. Все действие развертывается в обстановке, напоминающей балеты Дидло, а также «Русалку» и «Князя Невидимку». Герои летают на драконе, амуры и грации пляшут в воздухе, стол проваливается в люк, оттуда «выходит густой столб дыма», светящиеся огни «летят на проволоке» и т. д.

Переработки романов Вальтера Скотта и ранних поэм Пушкина нельзя рассматривать как инсценировки. Иногда Шаховской только отталкивался от чужой темы. Такова романтическая трилогия «Финн», в основу которой положен отрывок из «Руслана и Людмилы» Пушкина. Шаховской превратил рассказ в волшебный водевиль, написанный разностопным ямбом. На фоне жанрово-бытовых и обрядовых картин, рисующих нравы и обычаи язычников-финнов, развертывается история любви пастуха Товальса к красавице Наине. Чтобы завоевать ее сердце, Товальс становится воином, а затем превращается в колдуна. Только состарившись, Наина полюбила Товальса. Чародей Будунтай возвращает Наине молодость, соединяя ее с дряхлым Товальсом.

«Финн» Шаховского — причудливое сочетание этнографически-бытового начала с водевильным.

Значительно более удачна вторая трилогия, по «Бахчисарайскому фонтану», «Керим-Гирей», с которой связан едва ли не самый значительный сценический успех Пушкина. Здесь Шаховской сохранил всю действенную линию поэмы, развитие образов Марии, Заремы и Гирея, все диалоги и монологи, создал дополнительно сцены, необходимые для уяснения ситуации (прошлое Марии в замке, захват Гиреем пленных). Стихи, досочиненные Шаховским, хотя разумеется, не сравнимы с пушкинскими, довольно удачно имитировали образы и строй пушкинской поэмы, хотя и мелодраматизи-

ровали ее. Успеху пьесы способствовало превосходное исполнение роли Заремы гениальной К. Семеновой.

Среди оригинальных пьес Шаховского особое место занимает драма «Сокол князя Ярослава Тверского». Шаховской написал романтическую драму (характерно, что в ней не пять действий, а четыре), рисующую образы русской старины. Действие «Сокола князя Ярослава» развертывается в XIII веке, после победы над датскими и германскими крестоносцами при Роквере (Эстония) 18 февраля 1268 года, в пору жестоких княжеских усобиц и татарского ига. Главный герой драмы, великий князь Тверской Ярослав Ярославич, брат Александра Невского, в пьесе идеализирован. На самом деле он призывал татар против Новгорода, интриговал против брата, стремившегося к единству Руси. Подлинные исторические факты хотя и отражены в пьесе (удельная вражда, мятежи, восстания, борьба князя с Новгородом, борьба с крестоносцами), но сведены к личным мотивам, определяющим поступки героев. И все же, несмотря на этот решающий недостаток, пьеса написана с горячей любовью к родной старине.

Есть в драме Шаховского настоящий драматизм и по-своему яркие характеры: бывший тысяцкий новгородский Юрий, восставший против Ярослава, превратившийся в изгнанника, ненавидящий князя, но во имя любви к родной земле примиряющийся с ним; сам Ярослав, вынужденный покоряться хану, но мечтающий сбросить ненавистное иго; любимый отрок Ярослава Вассиан и другие.

Фабула этой романтической драмы, обильно насыщенной песнями, играми, обрядами, состязаниями воинов, связана с историей любви князя к невесте Вассиана Ксении, которой образ князя являлся в вещих снах. Ксения — дочь Юрия, восставшего против князя. Но любовь побеждает. Свершается предначертание судьбы. Вассиан уступает невесту князю, ибо они любят друг друга, и сам уходит в монастырь.[1] Юноша уступает невесту князю не из-за холопского подчинения, а потому что счастье любимой ему всего дороже.

Шаховской сумел, несмотря на присущую ему тенденцию к идеализации прошлого, передать некоторые существенные стороны старинного быта. Поэтический колорит, окутывающий пьесу, создается высоким нравственным строем основных героев драмы, ее лирической стихией.

---

[1] Некоторые данные об эпохе Шаховской извлек из «Истории государства Российского» Карамзина.

Пьеса эта, при общих для Шаховского недостатках, все же остается одной из лучших в его наследии. По всему своему песенному русскому складу она близка к прогрессивным тенденциям русской литературы, носителями которых были писатели декабристского лагеря[1]. Не только в вставных песнях, но и в прозаических диалогах, в монологах Ксении Шаховской стремился передать народно-песенный дух и строй. Ему это не всегда удавалось, налет книжной стилизации лежит на пьесе. И все же в речах Ксении, как и в монологах других героев, есть предвозвестие песенных монологов народных героинь Островского.

Драматическая поэма «Фингал и Розкрана» (1824), навеянная песнями Оссиана, явилась плодом запоздалой полемики с Озеровым. Традиционное романтическое сентименталистское восприятие Оссиана здесь уступило место героико-патетическому. Все внимание Шаховского сосредоточено на теме борьбы с завоевателями, а не на любовной интриге. Пьеса проникнута намеками на события Отечественной войны; возможно, что и самый замысел ее восходит к более раннему периоду. Шаховской дал вольное сочетание трех- и четырехстопного безрифменного амфибрахия. По-видимому, он хотел передать ощущение иной, романтической культуры и в то же время добиться ритмической свободы. Однако опыт этот оказался единичным в драматургии Шаховского.

Несколько лет драматург упорно работал над пьесой «Аристофан, или Представление „Всадников“», публикуя отрывки в декабристских альманахах. Впервые пьеса была поставлена в Петербурге и Москве в 1825 году. Для современников была ясна программность монологов главного героя и их близость эстетическим принципам Шаховского. Последнего задолго до написания пьесы называли Аристофаном, за портретность его героев.

Несмотря на слова драматурга о том, что он «должен был сам пер継родиться в древнего грека, а потому довольно долгое время старался, сколько мог, наполнить душу, мысли и память... всем нужным предприятию», несмотря на обилие цитат в тексте пьесы, ссылок и примечаний, всего менее его пьеса воссоздавала жизнь древних Афин. Вводя наряду с персонажами историческими героев вымышленных, сочиняя историю любви Аристофана и Алкинои, насыщая текст намеками на литературную борьбу и защищая право автора изображать «личность», Шаховской хотел сочетать современность с историзмом. Разрешить эту задачу ему не удалось. Идеали-

[1] В. Кюхельбекер написал в 1832—1833 годах на этот же сюжет поэму «Юрий и Ксения».

зированный автопортрет равно не похож ни на Аристофана, ни на Шаховского.

Высоко ценя комический гений великого драматурга, творца политической комедии, Шаховской понимал его только как защитника консервативных устоев и врага демократии. Подлинный Аристофан был неизмеримо значительнее, глубже, чем тот охранитель, каким он выступает в пьесе.

Предлагая к печати в декабристских альманахах отрывки из своей пьесы, Шаховской отбирал нейтральные страницы, эпизоды, осуждающие Клеона, а не легкомыслие народа. Рылеев особо отмечал в своей рецензии «прекрасный отрывок из комедии «Аристофан» князя Шаховского». [1]

Обдумывая конфликт пьесы, столкновение благородного, честного героя, обличителя неправды и корысти, со сплоченным большинством, олицетворяющим несправедливость, Шаховской, несомненно, помнил о «Горе от ума». Но нигде, быть может, идейное различие между Шаховским и Грибоедовым (не говорим о несоизмеримости масштабов их дарований) не выступило так отчетливо, как в выборе конфликта и его носителей. В «Аристофане» Шаховской хотел создать образ борца с несправедливостью. Но его герой защищает умирающий аристократический мир от рабовладельческой демократии. И соответственно Клеон и другие представители афинского демоса представлены как олицетворенная глупость и ничтожество. Аристофан и Клеон оказались, быть может против воли Шаховского, карикатурой на Чацкого и Фамусова. После Грибоедова драматург не осмеливался писать комедий в стихах, разрабатывающих социальную тему, — ни открыто подражать гениальной пьесе, ни, тем более, полемизировать с ней он не решался. Перенесение действия в другую историческую обстановку избавляло Шаховского от невыгодных для него параллелей с «Горе от ума» и позволяло окружить консерватора Аристофана ореолом борца с миром корысти и неправды.

Критик В. Ушаков, разгадавший маскировку, иронически советовал вернуть действие пьесы назад в современность: «Будь только она (комедия) написана в современных нравах, выведи автор того же самого пылкого, умного комика Аристофана, отважного врага предрассудков и злоупотреблений, но одень его не в греческий хитон, а в безобразный фрак XIX столетия, избери ему местом действия Москву или Петербург, окружи его особами, которые нам

[1] «Литературное наследство», № 59, М., 1954, стр. 283.

знакомы, сделай из него Аристофана-Чацкого, и тогда, я ручаюсь, что эта комедия имела бы одинаковую участь с бессмертным произведением Грибоедова».[1] Но написать новое «Горе от ума» Шаховской не мог — это понимали и критик, и драматург.

Вместе с тем «Аристофан» свидетельствовал о росте поэтического мастерства Шаховского, его умении облечь мысль в яркую и отточенную стихотворную форму. Никогда до этого и ни разу после драматург не вводил в свои пьесы такого обилия различных метров. «Аристофан» в этом смысле подлинная энциклопедия стихового искусства Шаховского. Сам драматург поставил перед собой определенную характерологическую задачу. В примечании к сцене заговора против Аристофана Шаховской писал: «Автор, не могши, как в комедиях, представляющих наш век, обозначить одеждою свойства греческих карикатур, старался приноровить размер стихов к их характерам и состояниям: льстец говорит напевистым хореем, судья — выбивающим слова дактилем, трагик важничает амфибрахием, а Иппербол протягивает речь свою анапестом, и холодного Антимаха заставил почти всегда умничать александрийским стихом».[2] Этот любопытный опыт смешения различных метров, как, впрочем, и вся пьеса, вызвал негодование П. Катенина, писавшего Н. Бахтину: «Другой шут Шаховской; читали ли вы печатного «Аристофана»? Множество стихов без соблюдения условного размера».[3] Классицист Катенин все явления литературы укладывал в раз навсегда установленные границы. Он указывал в своих «Размышлениях и разборах»: «Стихотворные сюжеты не все одинаковы; все степенное и глубокое выразится лучше александринами, все историческое или романическое — пятистопными ямбами, все легкое, общественное,[4] фамильярное — вольными стихами. Князь Шаховской в «Аристофане» отважился даже на смесь различных метров, и нет сомнения, что искусное их употребление по приличию прибавляет разнообразия и красоты».[5] Сказано двусмысленно: слова Катенина можно понять как похвалу и как противопоставление комедии Шаховского другой, еще не написанной пьесе, в которой различные метры будут искусно применены. Зная истинное мнение Катенина об «Аристофане», можно утверждать, что за его лукаво-двусмысленной похва-

---

[1] «Московский телеграф», 1830, № 9, стр. 228.

[2] А. Шаховской. Аристофан, или Представление комедии «Всадники». М., 1828, стр. 33.

[3] П. А. Катенин. Письма Н. И. Бахтину. СПб., 1911, стр. 117.

[4] Здесь «общественное» — в смысле «светское» (de société).

[5] «Литературная газета», 1830, № 72, стр. 292—293.

лой скрывалось осуждение.[1] Отрывки комедии Шаховского, напечатанные в «Мнемозине» и «Полярной звезде», были высоко оценены В. Кюхельбекером («Прекрасная комедия»), Рылеевым, Бестужевым. Однако смешение различных размеров в «Аристофане» озадачило не одного только Катенина. Критик «Сына отечества», скрывший свою фамилию под литерой С. (О. Сомов?), писал о сценах из пьесы: «В них много ума, много аттической соли, но для чего сии беспрестанно меняемые стихотворные метры, особливо там, где, по-видимому, стихи написаны не для пения».[2]

8

Постановка «Аристофана», восторженно встреченная зрителями, явилась кульминацией успеха драматургии Шаховского. Разгром восстания 14 декабря и наступившая вслед за ним реакция сказались на всей жизни страны. Шаховскому не помогла его консервативная репутация: в глазах Николая I он был полностью скомпрометирован своими связями с писателями декабристского лагеря. При реорганизации управления императорских театров, из которого изгонялись все деятели Александровской эпохи (январь 1826 года), Шаховской был устранен. Он никогда с тех пор уже не возвращался на административный пост.

Литературная деятельность Шаховского, однако, продолжалась. Пьесы следовали одна за другой — комедии, интермедии, дивертисменты, инсценировки чужих романов, переводы, переделки водевилей Скриба, Теолона, Байяра и др. В пестрой веренице созданных в конце 20-х — середине 30-х годов произведений, наряду с вариациями на старые темы, созданием пьес с «великолепным спектаклем», включающих на равных правах с драмой балет, пантомиму, вокальные номера, возникают и произведения, свидетельствующие об известных сдвигах в творческом сознании писателя. Несомненно, что сдвиги эти были обусловлены литературной борьбой, которая развертывалась вокруг. Шаховской одним из первых приветствовал молодого Пушкина, а в начале 30-х годов сделал все, чтобы сблизиться с ним и его группой. В то же время он завязал прочные связи со средой московских литераторов — С. Т. Аксаковым, М. Н. Загоскиным (с последним он был дружески близок еще со

---

[1] Пути Шаховского и Катенина разошлись уже в 1819—1820 годах. Здесь, наряду с личными мотивами, сказались и разногласия идейные, творческие.

[2] «Сын отечества», 1824, № 15, стр. 37.

времен «Урока кокеткам»), С. Е. Раичем, М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым; менее близко он был связан с Н. И. Надеждиным.

Шаховской участвовал в полемике с «Московским телеграфом», которую вели названные выше литераторы, одновременно нападая со сцены на Булгарина и Греча. Пьесы Шаховского «Меркурий на часах», «Романный маскарад» (1829) и «Каламбурист и журналист» (1832) явились живым свидетельством его неослабевшего полемического дара.

В борьбе, которая шла между представителями так называемой «литературной аристократии», т. е. Пушкиным, Вяземским, Дельвигом, Максимовичем, Сомовым и многими другими писателями, отнюдь не принадлежавшими к дворянству, и Булгариным, Гречем и Полевым, «полицейскими и кабацкими литераторами» по выражению Вяземского, Шаховскому не принадлежала ведущая роль. Но все же он не был только пассивным зрителем. Несмотря на все, что разделяло его в прошлом с Пушкиным и Вяземским, на новом этапе он оказался в их лагере.

Ненавистник журналистики, этой, по его словам, наглой и невежественной «самозванки», пытающейся пролезть на Парнас, потомок старинной княжеской семьи, Шаховской не мог примириться с тем, что журналами и газетами управляли люди, чуждые ему в сословном отношении, внесшие в литературу торговый дух. Кроме того, Шаховскому претила нравственная нечистоплотность Булгарина, связи с Третьим отделением, его наглость, беспринципность, взяточничество. В любопытной пьесе «Каламбурист и журналист», будто бы переведенной с французского и поставленной без имени автора, Шаховской рисовал живую картину взаимоотношений между продажными романистами и продажными журналистами. Французские имена даны только для отвода глаз цензуры. В пьесе разоблачены интриги Булгарина против «Юрия Милославского» Загоскина.

Булгарин не мог не узнать себя в пьесе Шаховского, но до времени затаил злобу.[1] В других пьесах Шаховского конца 20-х —

[1] Открыто выступить против пьесы означало бы расписаться в получении оплеухи. Булгарин поступил иначе. В рецензии на спектакль (водевиль-дивертисмент «Каламбурист и журналист, или Артисты в редуте» шел в бенефис О. Петрова) ни одного слова не было сказано о пьесе, за исключением краткого, но язвительного указания. «В дивертисменте. . . доставила удовольствие публике сцена из трагедии Озерова «Поликсена» («Северная пчела», 1832, № 145). Вскоре представился «Северной пчеле» случай расквитаться с Шаховским, высмеяв его очередную пьесу, уже не связанную с Булгариным.

начала 30-х годов также содержались выпады против Булгарина, раскрывались его нечистоплотные махинации. «Московский телеграф» и его издателя Шаховской атаковал так же беспощадно, как С. Аксаков, С. Раич, Н. Надеждин, А. Писарев. Литературная борьба велась и на страницах журналов, и в театре, притом в театре с не меньшей активностью. «Северная пчела» и «Московский телеграф» не оставались в долгу. Каждое новое произведение Шаховского встречалось с их стороны глумлением и издевкой. «Северная пчела» усвоила по отношению к Шаховскому иронически-соболезнующий тон, но зачастую Булгарин не удерживался в его границах. На выпад Шаховского против «Ивана Выжигина» в пьесе «Еще Меркурий, или Романный маскарад» Булгарин ответил бранью и клеветой.

Мало чем отличались по тону и замечания задетых Шаховским Н. Полевого и В. Ушакова в «Московском телеграфе».[1]

На многочисленные нападки «Северной пчелы» и «Московского телеграфа» Шаховской отвечал в печати и со сцены. А так как в эту пору позиция «Московского телеграфа» и «Северной пчелы» для пушкинской группы была равно враждебной, то естественно, что Пушкин, стремившийся сплотить и объединить против Булгарина литераторов, не мог пройти мимо Шаховского — открытого и непримиримого врага «Северной пчелы».

8 января 1830 года Шаховской, не без тайного удовлетворения, сообщал С. Аксакову о том, что на Греча и Булгарина «восстает большая гроза: два новых журнала издаются с намерением укротить их самохвальство и наглость, и оба издателя были у меня. Первый и опаснейший для триумвирата... шишимор (кикимор. — *А. Г.*) — Алекс<андр>Пушкин; он до приезда сюда Дельвига надзирает за изданием «Литературной газеты»... я... вступил в союз с Пушкиным и проч., хотя и не думаю, чтобы у них, несмотря на известность имен, достало терпения и настойчивости для совершенного очищения нашей словесности от пакостников».[2]

О встрече с Пушкиным, Жуковским, Крыловым и Гнедичем

[1] При всем различии литературной позиции и духовного облика Полевого и Булгарина, необходимость отражать нападки, исходившие из враждебного обоим лагеря, объединила их за несколько лет до того, как Полевой был сломлен духовно. В 1830 году он защищал «Ивана Выжигина» от критики И. Киреевского и заявил открыто: «Издатели «Северной пчелы» и издатель «Телеграфа» решительно прекратили пустые перепалки журнальные». — «Московский телеграф», 1830, № 2, стр. 243.

[2] «Русский архив», 1873, стлб. 0472.

Шаховской писал в письме тому же адресату: «Во время ужина начались суждения о Булгарине и о новом журнале. «Иван Выжигин» был выжжен единогласно из русской словесности, а сочинитель его объявлен мерзавцем со всеми своими собутыльниками и сидельниками». Сведения о начале кампании дошли до Булгарина. И два дня спустя в «Северной пчеле» он писал: «У наших доморощенных Вальтер Скоттов, Гете, Байронов, Джонсонов и Аристофанов главный порок в «Выжигине» тот, что он продается, а не тлеет на полках вместе с их доморощенными творениями».[1] Булгарин явно метил в Пушкина и его круг. «Доморощенный Гете» — это Жуковский, «Байрон» — Пушкин, «Вальтер Скотт» — О. Сомов, а «Аристофан» — конечно, Шаховской.

Положение Шаховского среди друзей Пушкина оказалось на первых порах сложным. По крайней мере, сам Шаховской писал в том же письме Аксакову: «Кажется... что друзья Вяземского подали мне дружелюбно руку; однако я заметил, что они все-таки корчили пальцы, чтобы не слишком плотно прижать мою ладонь, которую я, как вы должны заметить, никогда не простираю без искреннего участия сердца моего. Старые дрязги и, может быть, новые сплетни по клевете проглядывали сквозь ласки и приветствия, кроме, однако ж, Гнедича, который или лучше умеет притворяться, или точно от сердца заключил мир».

Отношение Пушкина к Шаховскому менялось и эволюционировало. В юности он высмеивал автора «Нового Стерна» и «Урока кокеткам», как и пристало молодому арзамасцу. Позднее, после знакомства с Шаховским, к которому Пушкина привел Катенин (в 1818 году), отношение поэта к драматургу изменилось к лучшему, хотя он никогда очень высоко не ставил творчество Шаховского. Всё же известные строки в «Евгении Онегине» о русском театре, в котором

> вывел колкий Шаховской
> Своих комедий шумный рой, —[2]

не только комплимент, но и оценка.

Шаховской преклонялся перед Пушкиным и неоднократно обращался к его произведениям. Помимо «Керим-Гирея» и «Финна», он сделал сценическую переработку «Пиковой дамы» под названием «Хризомания» и написал сценический эпилог к ней. Бескорыстная

---

[1] «Северная пчела», 1830, № 5.

[2] В черновом наброске: «живых комедий».

преданность старого писателя не могла не тронуть Пушкина, особенно в начале 30-х годов, когда «Северная пчела» травила и преследовала великого поэта.

Шаховской прочитал на литературном вечере у Жуковского, в присутствии Пушкина, Гнедича и Крылова, свою драму «Смольяне в 1611 г.», которая, по его словам, произвела на слушателей благоприятное впечатление. Смоленск осажден армией польского короля Сигизмунда. Осада продолжается двадцать месяцев. Жители умирают от голода, а враги, сброд всех национальностей, пируют и распутничают в своем лагере. Несмотря на уговоры парламентеров, направленных Сигизмундом в Смоленск, жители не сдаются. Когда неприятель врывается в город, то по удару колокола смольяне взрывают башню, погибая под ее развалинами.

Не лишена выразительности картина лагеря врага на берегу Днепра. Сцена эта, правда, написана под влиянием шиллеровского «Лагеря Валленштейна». Шаховской противопоставляет русским патриотам орду разбойников всех наций, слетевшихся, как воронье, на поживу и провозглашающих грабительскую войну целью жизни.

Пьеса, по-видимому, привлекла внимание Пушкина своей патриотической темой, подлинным драматизмом и мастерством стиха. Монолог Лизецкого из «Смольян» был напечатан в «Литературной газете». На этом, однако, сотрудничество Шаховского в этом издании прекратилось. Все же оригинальный облик Шаховского, которого многие называли Фальстафом, интересовал Пушкина, и он намеревался вывести автора «Урока кокеткам» в романе «Русский Пелам».

Шаховской до конца жизни сохранил любовь к Пушкину. В сценической переработке «Пиковой дамы» действующие лица провозглашали тост за здоровье Пушкина. Это дало повод рецензенту «Северной пчелы» сделать ехидное замечание: герои пьесы «пьют шампанское за здоровье музы Пушкина. Это дело доброе! музе Пушкина нужно здоровье: она что-то хворает в последнее время». [1]

Пушкин, несомненно, оказал воздействие на творчество Шаховского последних лет. Проза Пушкина, в частности «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Пиковая дама», послужила для Шаховского образцом в его прозаических опытах; сказалась она и на замысле большого цикла повестей и рассказов «Русский Декамерон»; некоторые произведения, входившие в этот цикл, были

---

[1] «Северная пчела», 1836, № 216.

самим Шаховским драматизированы: «Суженый не ряженый, или Святки в 1737 г.» и «Двумужница». Задуманный и частично написанный Шаховским роман о Ломоносове и его рассказы, печатавшиеся в разных периодических изданиях, также несли печать пушкинского воздействия.

Несмотря на мелодраматический характер «Двумужницы» (купеческая дочь, похищенная атаманом разбойников, брошенная им, возвращается к прежнему жениху, выходит за него замуж, вновь похищается разбойниками и вновь освобождается), фабула восходит к подлинному происшествию. В пьесе широко использованы народные песни, введены обряды, народные игры, пляски. В монологах героев явственно ощущается связь с живой народной и песенной стихией. Неизвестный рецензент, давший сочувственный отзыв о пьесе в «Северной пчеле», справедливо писал: «Тон разговора каждого из действующих лиц выдержан всегда верно и отчетливо. Стихи русского песенного или, правильнее, сказочного размера, без рифм».[1] «Пословицы и поговорки, игры и потехи — все это русское, все в духе народном. Посему она может справедливо назваться первым образцом истинно русской народной драмы, в которой, не отступая от правдоподобия, представлен быт и развита жизнь русских людей простого звания. Жизнь сия нередко полна поэзии».[2]

Насыщенность пьесы обрядовой и бытовой стихией, верно схваченные черты купеческого быта, колоритный язык в известной мере роднят «Двумужницу» с ранними пьесами Островского. Н. Кашин выдвинул гипотезу о том, что замысел «Горячего сердца» связан с драмой Шаховского. Думается, что далее разбойничьего маскарада и попытки «похищения» Параши сходство не идет.[3] Но монолог отца Груни (главной героини «Двумужницы»), купца Гаврилы Усова, жалующегося на то, что дочь, бросив семью и убежав с «мотыгой» (мотом), опозорила его старость, и слова жениха Груни, молодого купца Романа Бобра, защищающего изменившую ему невесту, — удивительно сходны с последними сценами драмы Остров-

---

[1] Статья эта по тону своему и содержанию резко отличается от статей Булгарина, Медведовского, Яковлева и других присяжных авторов газеты. Знание автором фольклора и некоторые другие данные позволяют высказать предположение, что статья принадлежит В. Ф. Одоевскому, иногда выступавшему в «Северной пчеле».

[2] «Северная пчела», 1832, № 266.

[3] В пьесе Островского есть упоминание о драме Шаховского. Купчик Вася рассказывает: «Я, когда в Москве был, «Двумужницу» видел, так там с лодки прямо так из ружья и стреляют. И на что лучше» (д. 1, явл. 4).

ского «Не в свои сани не садись». (Купец Русаков узнает о бегстве своей дочери с Вихаревым и отрекается от нее. Брошенный Дуней жених Бородкин защищает девушку). «Двумужница» — свидетельство начавшейся эволюции Шаховского в сторону бытовой драмы.

Шаховской ухитрился ввести и в эту пьесу намеки на литературную современность. Среди разбойников находится некий Ванька Выжига, который так вспоминает свое прошлое: «Я попал было на привольное житье в барские дураки, кабы за острые шутки, за сенных девушек и за московские кружала не пришлось нырнуть под каменный мост в нищую братию; а от петли не спрячусь». Для того чтобы не оставить у зрителя сомнения в том, что созвучие имен Ванька Выжига и Иван Выжигин не случайно, Шаховской дает разбойнику, поучающему Ваньку уму-разуму, имя Фаддей, т. е. Булгарин.

Постановка «Двумужницы» принесла Шаховскому большой успех. М. Глинка задумал в 40-х годах оперу на сюжет драмы Шаховского.

В творчестве Шаховского конца 20-х — начала 30-х годов получили известное отражение исторические события, связанные с борьбой народов Европы против чужеземного ига. Он с симпатией следил за героической борьбой греков против турецких поработителей и посвятил ей одно из лучших своих стихотворений, не расставался с воспоминаниями об Отечественной войне (поэма «Москва и Париж в 1812—1814 г.» и др.).

Новые и новые планы волновали старого писателя. Однако успех приходил к нему все реже. Одним из примечательных, к сожалению, не завершенных замыслов Шаховского была комедия в стихах «Игроки», начатая в 1827 году. По мастерству лепки характеров, по зрелости стиха комедия эта обещала быть новым явлением в драматургии Шаховского. В известной мере сюжет пьесы предвосхищает ситуацию «Игроков» Гоголя. Однако «философия» карточной игры, вложенная в уста Фрындина, заставляет вспомнить не Гоголя, а лермонтовский «Маскарад».

9

Драматические произведения Шаховского 30-х годов свидетельствовали о спаде его энергии. Это инсценировки романов Загоскина «Юрий Милославский» и «Рославлев», сбивающиеся на мелодраму; переделки произведений Мольера — комедия «Любовь-лекарь» («Ле-

карь поневоле»), Ф. де Рохас — «Никому, кроме короля», Тассо — «Олинд и Софрония», Байрона — «Невеста Абидосская» и др. Не оставляя драматургии совершенно, Шаховской уделял ей все меньше и меньше внимания, работая над художественной прозой, над мемуарами, статьями по истории русского и античного сценического искусства. Он не мог не сознавать, что период его действенного участия в жизни русского театра кончился. Любопытно, что ослабление и постепенное прекращение драматургической деятельности Шаховского относится к 1835—1836 годам, т. е. ко времени появления «Ревизора». Символическим является тот факт, что в исторический вечер первого представления комедии Гоголя, 19 апреля 1836 года вместе с ней исполнялась, без упоминания имени автора, интермедия Шаховского «Сват Гаврилыч, или Сговор на яму», — то была встреча прошлого и будущего русского театра. Мы не знаем, как оценил Шаховской драматургию Гоголя, но едва ли он принял ее.

Можно высказать предположение, что Шаховской был автором сценической переработки одного из эпизодов «Ночи перед Рождеством», поставленной в 1833 году под названием «Вечер на хуторе близ Диканьки» и превратившей сцену в хате у Солохи в типичный водевиль. Псевдоукраинский язык, на котором изъясняются персонажи,[1] и весь характер пьесы родственны манере Шаховского. В эти годы он снова обратился к украинской теме и сочинил в 1834 году дивертисмент-водевиль «Братский пир на бывшем рубеже, или Свой своему поневоле брат», а в 1837 году — «Украинскую невесту». Но даже если «Вечер на хуторе» написан Шаховским, то эта пьеса показывала, что выйти из заколдованного круга привычных форм писатель не мог.

Шаховской болезненно переживал свою отрешенность от театра, горько жаловался на нее в прозаических и стихотворных письмах к друзьям. Литературные вкусы его принимали все более и более консервативный характер.

Он с ужасом отвернулся от «неистового романтизма», от Байрона и Гюго, о которых писал Э. Мещерскому в 1832 году: «Многогрешный демон Байрона бурным геенством помрачил и окровянил литературный горизонт... Его пламенное бушевание возмутило душу, засушило сердце и привело в беснование романтическую словесность. Не совсем добрая слава его вскружила и умные головы, выкидыши революции вприпрыжку пустились за ним, взревели и

---

[1] Повторяются те же ошибки, которые были допущены Шаховским в «Казаке-стихотворце» и «Актере на родине».

зарыкали по-зверски. Байрон тешился кровожадностью тигров, и они, как сказал мне однажды И. А. Крылов, куда сделались падки на мертвечину. Однако нельзя не согласиться, что некоторые из французских уродов Байрона богаты дарованием, но тем хуже для читателей и самой литературы».[1]

Отворачиваясь от «чужеземной заразы», Шаховской искал спасения в кругу славянофилов, группировавшихся вокруг Погодина. Это была закономерная эволюция — от «Беседы» к «Москвитянину». Все лучшее и живое в Шаховском было обусловлено его связью с передовыми прогрессивными силами русской литературы — с Крыловым, Грибоедовым, Пушкиным. Постепенно эти связи ослабевали, умирали. Русская жизнь, русская литература обновлялась и шла вперед, но Шаховской уже в ней не участвовал. Современная действительность его пугала. Ему оставалось только старчески брюзжать, осуждать молодых, предсказывать гибель литературы и общества и искать сочувствия и поддержки у тех, кто, подобно ему, отворачивался от современности.

В любопытнейшем неопубликованном стихотворении Шаховского, написанном, по-видимому, в начале 40-х годов, он дал обзор пагуб, угрожающих русской жизни и русскому искусству.

Тут гегелистика!.. О! боже упаси
Детей святой Руси
От этой немки раскрещенной!
От душеледицы, едва ли не шестой,
Одна в прогонку за другой
На христианство напущенной...

Переходя от литературы к театру, Шаховской с горечью замечает:

А я отславился, забыт и вряд ли внаем
Новейшим авторством...
...Бросаю взгляд на сцену
И что же вижу? Там,
Где всилил дух хориста-аонида
И русский толк плескал аттическим стихам,[2]
Там тешит дурь комедии обида,
Нелепица по смыслу и речам,

---

[1] «Русский архив», 1908, кн. 1, стр. 42.
[2] Т. е. «Аристофану».

А по ее шальным обинякам —
Парижский водевиль. От срама вянут уши,
Скорбят сердца, болеют души,
Багровит щеки стыд, а верхний наш партер
Бесстыдство радует своим бесстыдным смехом.

Можно высказать предположение, что «комедии обида» — это «Ревизор».

Единственное средство спасения писатель видел в «русском самобыте», в отказе от всего чужеземного, в торжестве веры, перед которой должна смириться гордая философия.

И все же даже в последние годы своей жизни Шаховской не опустился до сочинения постыдных псевдоисторических драм типа Кукольника, раболепно прославлявших самодержавие и самодержца. Формулу Уварова на Шаховского распространить нельзя.

И. Е. Бецкий писал М. П. Погодину о Шаховском: «По-моему, так это удивительный старик. Умен необыкновенно. Вот кто знает времена Екатерины II, вот кому писать историю державинской литературы! Вот русский в душе, вот не подлая преданность русскому престолу и матери России. Вот знаток русского языка... Ему не отдали справедливости: смотрите, каким языком написаны его первые пьесы, и когда они написаны».[1]

Шаховской не выпускал пера из рук до конца жизни, сочиняя стихи; по преимуществу это лирика прощания с жизнью, отклики на растущие с каждым днем потери близких и друзей. Последнее его произведение, увидевшее при жизни автора сцену, — либретто оперы А. Н. Верстовского «Чурова долина» (по В. Далю).

Неумолимо надвигалась старость и дряхлость. В 1846 году пришла смерть. Шаховской был похоронен на московском Новодевичьем кладбище. За гробом его шли актеры Малого театра, среди них — П. С. Мочалов и М. С. Щепкин.

Смерть писателя была отмечена скупыми некрологами. Шаховской сошел в могилу полузабытый, а вместе с ним и основная часть его драматического наследия. Правда, «Двумужница», «Своя семья», «Пустодомы», «Урок кокеткам», несколько водевилей долго сохранялись в репертуаре. К ним обращались в 50—60-х годах многие актеры. «Хризомания» ставилась еще в 70-х годах. Затем наступило забвение — еще более несправедливое, чем преувеличенная прижизненная слава. Люди, которым Шаховской завещал свои рукописи, не

---

[1] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 7. СПб., 1893, стр. 137.

выполнили его воли — собрать и издать собрание сочинений. Судьба его драгоценного архива, в котором должны были быть письма всех крупнейших русских литераторов — от Державина до Грибоедова и Пушкина, — неизвестна, след его утерян, как затеряна и могила драматурга. Место Шаховского на русском Парнасе скромно, но его веселый и умный талант завоевал это место по праву. Без Шаховского нельзя понять развитие русской драматургии первой трети девятнадцатого века. Наследие Шаховского не должно быть забыто.

А. Гозенпуд

САТИРЫ

⟨I⟩

Мольер! Твой дар, ни с чьим на свете не сравненный,
В отчаянье меня приводит всякий раз,
Как, страстью сочинять, к несчастью, ослепленный,
Я за тобой хочу взобраться на Парнас.
Комедию пишу, тружусь, соображаю,
По правилам твоим мой план располагаю,
Характер, драмы ход, развязку, разговор —
Всё, всё обдумаю и сам собой доволен:
Мне кажется, мой слог приятен, чист и волен,
Смешного множество, прелестный шуток сбор,
И, словом, всё в моей комедии мне мило.
Но на столе моем, как будто на беду,
Нечаянно твои творения найду,
Невольно разверну, прочту, вздохну уныло,
Новорожденное дитя мое беру,
Бешусь, кляну его и в лоскутки деру.
Так, ты один Мольер, без злобы и без шутства,
Смеяся над людьми, умел людей смешить!
Твой быстрый взгляд проник в умы, в сердца и в чувства,
Чтоб, забавляя нас, нас разуму учить.
Твой дар божественный дал душу, жизнь и силу
Искусству Талии; ты тайны в нем открыл,
Которых до тебя никто не находил.
Но ты ж, к беде моей, их взял с собой в могилу.

Проснись, Мольер! Восстань и ум мой просвети,
Скажи, как мне писать? Мой дух горит желаньем
Полезным сделаться порока осмеяньем.
Хочу я чудаков на разум навести.
Что делать? — Не могу я видеть без досады
Пороки, слабости и странности людей!
Одни довольны всем, всему на свете рады,
Несчастие гнетет их ближних и друзей,
Беды со всех сторон, родные их в обиде,
В гоненьи, в гибели, да им в том нужды нет —
Не трогай их одних; гори огнем весь свет —
Им это фейерверк, в большом лишь только виде.
Другие всё бранят, всё в свете не по них,
Что хочешь делай ты, ничто им не в угоду,
Сердиты на мороз, на жаркую погоду,
Изволят гневаться на малых, на больших,
Нет спуску никому, друзья и супостаты,
И мертвый, и живой, и умный, и глупец,
Коль к речи им придут, разруганы вконец,
И, словом, без вины у них все виноваты.
Мне скажут, пусть их врут, какая в том беда?
Все знают, что они за то на свет озлились,
Что сами ни к чему на свете не годились.
Согласен, не было б в их болтовне вреда,
Когда бы люди все о всем судили сами
И не ленились бы своими жить умами,
Иль если б родились глупцы без языка;
А то, к несчастию, что зависть вымышляет,
То леность слушает, а глупость разглашает.
Увидев вестовщик меня издалека,
Спешит, бежит ко мне и машет мне руками,
Кричит, толкает всех, боится опоздать.
Бедняк! задохся он, пот льет с него ручьями!
А для чего? — Чтоб ложь чужую перелгать.
Он по три четверни переменяет в сутки,
Чтоб побывать везде, наслушаться вестей
И к вечеру, собрав чужие толки, шутки,
Их выдать за свои между своих гостей.
Имея пылкий ум, рассказа он чужого,
Как эхо, как скворец, не любит повторять,
Услышит слова два — прибавит к ним три слова,
А в добрый час и сплошь изволит сочинять.

Вот мой сосед идет. С готовою улыбкой
Для всех, кто встретится немного познатней,
Как кланяется им, какой хребет прегибкий!
Спина его совсем как будто без костей!
Он знатным рад служить и честью и душою,
Всё хвалит, такает, лишь только б угодить
Тому, кто иногда изволит брать с собою
Его по улицам от скуки походить
И на вечер в свой дом изре́дка приглашает.
А в нем весь свет большой за картами сидит,
Или под музыку охотничью зевает,
Иль в вальсе бешеном себя как вихрь кружит.
Хоть карт наш такальщик не брал ни разу в руки,
Не любит музыки, для танцев не рожден,
Но, радуясь, что в дом презнатный приглашен,
Он нюхает табак, чтоб не уснуть от скуки...
И счастлив!.. но едва ль не счастливей его,
Там шпорами бренча, хват такту бьет ногою!
Затянут, вытянут, любуяся собою,
Кобенясь, ни во что не ставит никого,
Лишь дай здоровья бог его четверке чалой,
Тарасу кучеру да пристяжно́й удалой,
А в прочем дела нет ему ни до чего.
Близ хвата франт сидит, с премодным воспитаньем,
С ухваткой дамскою, с сорочьим щебетаньем,
Головку искривя, так нежен, так уныл,
И молча говорит: смотрите, как я мил! —
Как милым и не быть? легко ли? три аббата
На разных языках учили молодца
И, выпуская в свет, уверили отца,
Что редкость сын его, что в нем ума палата.
И правда! затвердил он имена всех книг,
Парижский двор, театр он вам опишет вмиг,
Хотя не ведает, кто был Ермак, Пожарский,
Олег и Ярослав. Да и не хочет знать:
Их шутки никакой нельзя пересказать —
Они же русские, а он — сынок боярский.
Кто может описать всех наших чудаков?
Чья муза от труда такого не устанет?
И как ни плодовит, как ни живуч Вралев,
А даже и его на это недостанет.
Их столько развелось — за наши все грехи, —

Заморских и своих, что тесно жить приходит,
И всяк из них на свой обычай колобродит.
Один ударился писать на всё стихи
И душит ими всех, хоть грамоты не знает.
Другой политик стал, мудрит и рассуждает,
В очках, нахмуря бровь, над картою сидит
И, будто как на смех, впопад не скажет слова.
Тот захозяйничал и в деревнях мудрит:
Из иностранных книг и с образца чужого
Без толку, без пути он сеет русский хлеб;
Да на чужой манер хлеб русский не родится.
Иной, забыв, что он и стар и чуть не слеп,
Задумал всех пленять и в щегольство пуститься.
А этот выдает себя за мудреца,
Всклокатил голову, в чернилах замарался,
Хоть много книг прочел, ума не начитался.
Всем странностям людским нет счету, ни конца!
И я, смотря на них, сержусь, бешусь всечасно;
Хочу исправить всех, пороки осмеять;
Начну комедию, но, ах! тружусь напрасно,
Умею чувствовать, но не могу писать.
Почто, Мольер, почто в наш век ты не родился?
Здесь твоему перу труда довольно есть.
Или когда б со мной умом ты поделился,
Я б пользу сделал всем, себе — бессмертну честь.

1807

‹II›

Разговор цензора и его друга

Друг

Что сделалось с тобой? Ты пасмурен, уныл,
Уж пухлых щек твоих веселость не румянит,
Твой лоб нахмурился, весь свет тебе немил,
И на вечер тебя к нам дружба не заманит?
Ты сделан цензором! Так что ж? — беды в том нет.
Будь весел и прими мой дружеский совет:
Суди без личности все новые творенья;
Против безверия, которое влечет
С собой все пагубы, ты твердый будь оплот;

Предохраняй сердца и ум от развращенья
И докажи, что ты хоть увалень, ленив,
Но для чего-нибудь еще на свете годен,
И ежели, родясь горяч, нетерпелив,
К политике, к судам нимало ты не сроден,
То можешь, не терпя ни ябед, ни крючков,
Быть охранителем и нравов и умов.

Цензор

Все тяжбы, ябеды, пронырства, ухищренья
Не так ужасны мне, как жалкие творенья
Безжалостных творцов. Им, за мои грехи,
Сам шепчет сатана и прозу и стихи,
В которых, как на смех, ни толку нет, ни склада.
Вот куча новостей, в них черти, колдуны,
Колдуньи, пугалы, все выходцы из ада
Меня, несчастного, терзают без вины;
А здесь послание к лужкам, к лескам, к овечкам,
К фиалкам, к голубкам, к луне, к цветам и к речкам!
На наших авторов нашли кручинны дни,
Разнежились — и ну крушить себя тоскою.
Им жалок целый свет, лишь только надо мною
Да над читателем не сжалятся они!
Вот наши странствия! В них ясно видеть можно,
Где путешественник пил кофе, ел и спал,
Что видел он во сне, кому он вздох послал,
И больше ничего... А мне ж читать их должно!
Но скоро на покой их в шкафы заключат,
Где за меня им пыль и черви отомстят.
А там пестреются в тафтах, в сафьянах разных
Стихи торжественны, собранья од зака́зных.
В них *бури, вихри, гром, древа из корня рвут,*
Трещат, крутят, вертят, вершины гор срывают!
И наши Пиндары в восторге так ревут,
Что сами иногда себя не понимают!
А я их понимай! — терпенья больше нет!
По милости стихов мне опостылел свет!
Кляну я жизнь мою, кляну тот день несчастный,
В который в первый раз букварь я в руки взял, —
Не зная грамоте, я ночь покойно б спал
И день не проводил в досаде повсечасной.

Тебе смешно? Но ты забыл бы скоро смех,
Когда бы прочитал всю эту страшну груду
Комедий, опер, драм... От них я скоро буду
Измучен, истомлен и сух, как смертный грех.
Смотри, вот там лежат завернуты в сафьяне,
Как будто путные, *любезность с клеветой.*
Избави боже нас любезности такой!
А здесь валяется в запачканном кафтане
С театра согнанный *коварный* лицемер,
За то, что усыпил и ложи и партер,
Тут кинут под столом лежит *беглец* несчастный,
От свадьбы он бежал, а зритель от него.
Жилет зеленый здесь в тафте завернут красной,
Уж полно б было с нас жилета одного!
Но автор, волю дав комическому дару,
Грозится целую к нему приделать пару.
А здесь в углу — о, страх! — копна немецких драм!
От них-то худо мне на свете жить приходит!
Всяк школьник, чуть начнет читать не по складам,
Тотчас за лексикон и драмы переводит!
А мне их разбирать! — В них толку не найдя,
Коль не одобрю их, то и пойдет тревога!
Отец кричит: «Нет в нем ни совести, ни бога!
Коварство и любовь мой перевел дитя,
А этот господин ее не пропускает!»
В ней нравственности нет, в ней автор выставляет
На сцену тех, кого стыжуся я назвать:
В них дух безверия, к властям неуваженье.
«Да было б Феденьке большое утешенье,
Коль перевод его все стали бы читать».
Но я для Феденьки участником разврата
Не сделаюсь... Нет, нет, отсохнет пусть рука,
Коль подпишу ее! — Названье чудака
От дяди, от отца, от Феденькина брата,
От всех его родных я получил за то,
Что от зараз чужих спасаю наши нравы!
Мой дядя вздумал вдруг искать парнасской славы,
Три драмы перевел, которых ни за что
Я в руки бы не взял, но по его приказу
Их должен был прочесть. Как дядя мне ни мил,
Однако драм его я всё ж не пропустил.
С тех пор он денег мне не присылал ни разу.

Большой делец в судах просил меня прочесть
Свой грузный перевод. Он белыми стихами
Доказывает в нем, что правда, дружба, честь,
Оставя белый свет, живут в лесах с ворами.
К дельцу его воров назад я отослал,
За то в суде мой брат три тяжбы проиграл.
Немецкого Гарди[1] бессчетные творенья
Нашлись охотники всё гуртом перевесть.
В одном из них жена, забывша долг и честь,
Всех добродетелью приводит в восхищенье,
В другом забунтовал чувствительный герой
Из сожаления к невинно обольщенной.
Там сын, нечаянно невинностью рожденный,
Из редкой честности пустился на разбой!
И словом, всё, что встарь считалось преступленьем,
В бесчестье и в позор, то новых драм творец
Изволил произвесть в чувствительность сердец,
В стремленье пылких душ, в невинно заблужденье.
Я не одобрил драм, так тут опять беда!
Все переводчики по городу пустились
Меня бранить за них; их тетушки вступились!
Случайный ни один так ни был никогда
Завистников его обруган языками,
Как бедный цензор я. Теперь скажите мне,
Не легче ль целый век жить с ябедой, крючками,
Чем с сочинительми в всегдашней быть войне?

1808

---

[1] Александр Гарди — старинный французский стихотворец, сделал более 800 драматических творений.

РАСХИЩЕННЫЕ ШУБЫ

Ирои-комическая поэма

ПРЕДИСЛОВИЕ

По мнению многих ученых людей, Омир, отец эпопеи, был первым сочинителем шутливой поэмы. Древние предания, подтвержденные многократно в течение двадцати семи веков, несмотря на некоторые противу оных возражения, заставляют верить, что певец «Илиады» не возгнушался быть творцом «Ватрахомиомахии» и что лира, даровавшая бессмертие Гектору, Ахиллу и Агамемнону, бряцала войну мышей и лягушек. Но ежели бы сии предания были отвергнуты неоспоримыми доводами, то и тогда шутливые поэмы все еще заслуживали бы внимание любителей словесности и почетное место между классическими произведениями. Кто может отказать в сем преимуществе стихотворению, которого примеры мы находим на всех языках, прославившихся словесностью. Имена Тассония, Попа, Прейора, Буало, Виланда и Волтера не в силах ли отразить пренебрежение от того рода поэзии, которым они занимались и коему многие из них обязаны своею славою?

Не входя в подробное изложение правил шутливых поэм, я почитаю обязанностию сказать только нечто о сем роде, которого слабый опыт представляю «Беседе любителей русского слова».

Шутливая, или ирои-комическая поэма в отношении к эпопее, кажется, есть то же самое, что комедия в сравнении с трагедиею. Счастливое изобретение сказки, сладкозвучие стихов, быстрота и постепенность хода, разительные уподобления, пиитическая чудесность, вероподобие в повествовании и, наконец, нравственная цель, без которой не может и не должно ничто быть предоставлено взору читателя, составляют сущность и красоту шутливой поэмы, равно как и самого эпического творения. Они только разнствуют или важностию предмета, или возвышенностию слога; шутливые

поэмы разделяются на два рода: одни представляют в важном виде забавные или малозначащие происшествия, другие шутливым слогом описывают достопамятные или ироические деяния. Примеры сих обоих родов мы находим почти на всех европейских языках. В Италии Боярдо написал древним слогом Влюбленного Роланда; шутливый Берни, давший название слогу бернеско, преложил сию поэму в стихи, приличные новейшим временам; Фортигверра прославил себя прелестными стихами сочиненного им Ричардетта; Лаказа сделал «Capitolo del forno» [1]; Брачиолини приятным слогом осмеивал ложных богов в комической поэме; Корсини сделался известным в ученом свете сочинением «Печальной башни» и Тассони, знаменитый творец «Похищенного ведра», дал первый название *ирои-комической* поэмы сему роду сочинений. На англинском языке Ботлер прославил забавными стихами Гудибраса; доктор Гарт воспел вражду лекарей и аптекарей, Прейор шутливым слогом писал историю души. Англинские журналы наполнены похвал Филипповой поэме «Brillant shilling» [2], глубокомысленный Попе был творцом «Похищения локона», поэмы, об которой говорят сочинители Британской энциклопедии, что в ней более творческого духа, нежели, может быть, во всех прочих творениях сего знаменитого поэта.

Многие немецкие стихотворцы отличили себя в сем же роде. «Похищенный платок» Захариев — подражание Попе, почитается некоторыми германскими писателями наравне с англинскою поэмою. Гете, автор «Вертера», преходя от чрезвычайной чувствительности к чрезмерно плодовитой шутливости, воспел в 12 песнях хитрость лисицы. Виланд развеселил немецкую словесность прекрасною ирои-комическою поэмою: его «Оберон» почитается приятнейшим произведением германской музы.

Во Франции, в век Людовика XIV, Буало сочинил совершеннейшее, по словам г. Лагарпа, в сем роде творение «Налой» («Le Lutrin»), поэму, названную им, по примеру Тассония, ироикомическою. После сего превосходного произведения шутливой музы я нахожу излишним говорить о прочих французских произведениях в сем роде. Волтер, не надеясь сравниться в сатирах с бессмертным Буало и желая, может быть, унизить славу друга Расинова, восставал противу ирои-комических поэм; но, написав в сем роде известную поэму, сам опроверг пристрастные свои суждения.

---

[1] «Капитул пекарни» (итал.). — *Ред.*

[2] «Блестящий шиллинг» (англ.). — *Ред.*

В нашем языке Василий Иванович Майков сочинил «Елисея», шуточную поэму в 4 песнях. Отличные дарования сего поэта и прекраснейшие стихи, которыми наполнено его сочинение, заслуживают справедливые похвалы всех любителей русского слова; но содержание поэмы, взятое из само простонародных происшествий, и буйственные действия его героя не позволяют причесть сие острое и забавное творение к роду ирои-комических поэм, необходимо требующих благопристойной шутливости.

Итак, не видя на нашем языке правильной ирои-комической поэмы, я осмелился сделать опыт сочинения в сем роде. Смятение, случившееся некогда в одном из обществ при разборе шуб, перемешанных неосторожностию придверника, показалось мне содержанием столь же приличным для шутливой поэмы, как и ссора настоятеля и уставщика за снятый и поставленный налой или вражда двух италианских городов за похищенное ведро. Я представляю сочиненную мною первую песнь, которая решит судьбу всей поэмы: или она при самом рождении своем сокроется во мраке неизвестности, или, оживленная улыбкою благосклонных слушателей, будет окончена.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою крамолою забавы пресеченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.

О ты, немолчная глашатая вестей!
Чью речь ни ветров шум, ни бурный рев морей,
Ни самый гром небес не заглушали вечно,
Стоустая молва! ты ведаешь, конечно,
Какой геенский дух прервал веселый пир,
Возгнел смятенья огнь, разрушил тихий мир,
Которым тридцать лет в том доме наслаждались,
Куда в воскресны дни для плясок собирались
Трудолюбивые и жены и мужья
И праздновали там, как дружная семья.
Вещай, молва... но что! не роя ль пчел жужжанье,
Не водопада ль шум, не птиц ли щебетанье
Я слышу вкруг себя? — сто гласов, сто речей
Достигли вдруг моих внимательных ушей.
Сто уст вещают мне, и все вещают разно;
Как спорщики в жару бессмысленно, несвязно
Все вдруг кричат, шумят, так вестница молва,
Схватив, собрав, смешав все вести, все слова,
Мой слух без жалости вдруг ими поражает,
И мучит, и глушит, и быстро отлетает,
Чтобы везде поспеть с рассказами вестей.

Ты, муза, славная веселостью своей,
Кем строгий Буало в храм славы преселился,

С кем сам отец стихов в час отдыха резвился,
Сойди, сойди ко мне и ум мой просвети,
Чтобы в речах молвы мне истину найти.

Уж светлая Нева корой оделась льдистой,
С рамен зимы ниспал на землю снег пушистый,
И Феба на одре покоящая лень,
Свет дневный сократя, длит ночи мрачну тень.
Настали вечера народного веселья,
В которы на Руси, от празднична безделья,
Бывало, молодежь о суженой своей
Гадала у ворот, рядилась в журавлей,
На посиделки свах к невестам засылала
И в лицах гаерски потехи представляла.
Хотя у нас теперь обычай стал иной,
Во всем нам нравится и склад и толк чужой,
По-иностранному мы в вальсах закружились,
Но не совсем еще с Веселостью простились.
В собольей шапочке, на рысаке лихом
Веселость чрез Неву летела плясок в дом;
Пред санками ее и Радости, и Смехи,
Забавы разные, и разные Потехи
Порхали, бегали, катились на коньках,
Гоня с дороги прочь заботу, скуку, страх.
В руках Забав огни потешные сияли
И пасмурную ночь в день ясный применяли;
Но в поднебесье вдруг раздался бурный вой,
На вихрях пламенных несется над Невой
Сын Тартара, Раздор, убийством пресыщенный,
Пронырством, Ябедой, Алчбою окруженный.
Раздор кичливый взгляд низвел на пышный брег;
Узрев Веселости великолепный бег,
Стрелою зависти во сердце уязвился,
Рассвирепел, взревел и долу ниспустился.
Веселость между тем достигла тех дверей,
Где святки праздновать угодно было ей;
Уже ступила в дом, Раздор крыльца коснулся,
«Остановись!» — вскричал и чуть не улыбнулся,
Как обратила взор Веселость на него;
Злой дух не мог сокрыть смущенья своего,
Слова его в устах дрожащих исчезали,
Меж Игр раздался смех, Утехи восплескали;

Веселость с торжеством в потешный дом вошла
И за собою дверь проворно заперла.

Как жалких драм творец в театре посрамленный,
Шипеньем, шиканьем и свистом оглушенный,
Чтоб вовсе не уныть под игом грустных дум,
Хвалы своих друзей себе приводит в ум,
Дух творческий живит и зрителям в отмщенье
Готовит новое преслезное творенье,
Так в первый раз еще осмеянный Раздор,
Чтобы скорей забыть его смутивший взор,
Все подвиги свои на мысль себе приводит;
Но тщетно всё: он в них отрады не находит;
И, вслед Веселости свирепый бросся взгляд,
Клянется Тартаром не возвращаться в ад,
Доколе не отмстит сопернице надменной,
Не превратит во плач пир, ею учрежденный,
В ее потешный дом вражду не вовлечет.
В досаде, в ярости источник лютых бед
Мгновенно злобный ков ко мщенью вымышляет
И Гашпара к сему орудьем назначает.
Переплетатель книг сей Гашпар ремеслом
И первый старшина в веселом доме том,
В который заперты Раздору были двери
Проворною рукой небес любимой дщери.

Поведай, муза, мне, чем Гашпар славен был
И чем внимание Раздора заслужил.

Распорядитель рок, с природою в разладе,
Нам делит жребии нередко ей к досаде;
Нередко тот, кто в свет для пахарства рожден,
Иль в суд, иль ко двору, иль в войске помещен;
А тот, кого на брань назначила природа,
Безвестный кончит век на страже огорода.
Природы мудрыя всещедрою рукой
Был Гашпар отличен и телом и душой;
Наморщено чело скрывало ум высокой,
И билося в груди дебелой и широкой
То сердце, в коем гнев, тщеславье и любовь
Палили кофием сгущаемую кровь.

Под бровью мрачною, над пухлою щекою,
Прокрадывался взор, отличный быстротою.
Улыбкой хитрою раздвигнуты уста
Зубами бедного, речьми обильна рта
Тянулись до ушей, и чутких и огромных.
Из сих-то страшных уст, из сих-то уст нескромных
Газетны новости лились, как быстрый ток.
Когда, между друзей, на свой пеняя рок,
Который не ему вручил весы Фемиды,
Им Гашпар объяснял дворов различны виды,
Сгущенный вкруг его, как мгла, табачный дым
Дела царей и царств не сокрывал пред ним,
Он видел всё; и так вращал судьбу вселенной,
Как пуншевый стакан, им трижды осушенный.
Кто б, слыша речь его, кто б, зря его восторг,
Законодателем его почесть не мог!
А злобный рок — увы! — ему повелевает
Быть переплетчиком... и он переплетает!
Но року вопреки и в низкой доле сей
Известен Гашпар стал прилежностью своей:
Честь делают его искусству и работе
Явившиеся в свет в сафьянном переплете
Преслезных странствий семь, журналов пятьдесят,
Романов множество, сто жалостных баллад,
На нашем языке не наши все писанья
И подражателям бессчетны подражанья.
Он их украсил всех (в том зла большого нет,
Они, лежа в пыли, не развращают свет);
Но он же переплел, и тем еще гордился,
Всё то, чем прошлый век как язвой заразился:
Безбожны письмена Фернейска мудреца,
Разврата полный плач прежалких драм творца;
Природы мудрствия, системы ложны света
Ласера, Мирабо, Гельвецья, Кондорсета,
Спинозы, Дидеро и множество других
Для света пагубных, угодных аду книг.
Хоть Гашпар был и добр, и набожен, и честен,
Но вредным сим трудом Раздору стал известен,
Который, зря, что век наш сделался учен,
Что яблоком златым не будет он прельщен,
Что статуи богов, духовно словопренье
Уж в нем не действуют, взялся за просвещенье:

Из ложных мудрецов отборные места
Вселилися в его крамольные уста;
Он ими возгремел — и пагуба восстала,
Восплакал горний мир, вселенна восстенала
И вера! .. Скройся, вид ужасный, от очей,
Веселой музы ты не огорчай моей;
Я с нею пренестись спешу в покой смиренный,
Где Гашпар скромно жил с своей супругой верной.

Раздор, с злым умыслом вступая в сей покой,
И вид, и стан, и взор переменяет свой,
Главу, обвитую шипящими змеями,
Венчает париком с подвитыми кудрями;
Очками тусклыми мрачит тот волчий взгляд,
Из коего в сердца лиется злобы яд;
Перчатки, башмаки скрывают когти львины;
Чешуйчатый хребет и крылия змеины
Смиренно прячутся под вишневой кафтан;
И словом, рост, лицо, осанку, поступь, стан
Приемлет школьного учителя Залцеда,
Крестьяна Гашпара давно умерша деда.
Под видом чуждым сим он к Гашпару идет,
Да в хитрые его тем сети завлечет.
Представ пред ним как тень, как грозно сновиденье,
Он хочет возбудить в душе его киченье;
В нем зная к новостям и к празднословью страсть,
Его устами мнит свою поведать власть
В том доме, где он зрел Веселость воцаренну
И пред собою дверь с насмешкой затворенну.
Раздор взошел и зрит сквозь борющуся мглу
С светильной гаснущей за верстаком в углу
Крестьяна Гашпара, тьмой книг загроможденна
И в креслах дедовских сном крепким отягченна.
Повисшая глава между широких плеч,
Казалось, тяжестью своей могла увлечь
Всё тело тучное в паденье за собою;
Но Гашпар, опершись могучею рукою
На тот верстак, где им была помещена
Причина тайная его волшебна сна,
И, крепко увязя свои дебелы чресла
Для всех в пространные, ему же тесны кресла,
Был тверд, как древний вяз, склоненный над рекой.

«Проснись, — гласит Раздор, — о внук любезный мой,
Восстань, познай меня! я прежний твой учитель,
А ныне в небесах души твоей хранитель;
Проснись!», и с речью сей Раздора громкий глас
И окна, и верстак, и весь поток потряс —
А Гашпар спит. К нему сын ада приступает,
На книги опершись, вторично восклицает:
«Проснись, мой внук, проснись!», но было то вотще:
Глас слышен за версту, а Гашпар спит еще.
Уж в третий раз уста Раздора растворились,
Но в них зевотою слова остановились;
О чудо! злобный дух скончать не может речь;
Смыкаются глаза, глава катится с плеч,
Его объемлет сон, он преклонился долу,
Согбенны голени уже коснулись полу,
И он бы пал, но ад от сна его воздвиг;
Раздор вспрянул и зрит над кипой толстых книг
Вину чудесную волшебна усыпленья:
Еженедельные *Глумлинского* творенья.
Раздор сей талисман с рабочего стола
Схватил, метнул в окно и вышиб два стекла.
Тут Гашпар, стуком сим внезапно пробужденный,
Зрит деда пред собой. Сим видом пораженный,
Он вдруг остолбенел. Раздор ему речет:
«Внемли, мой внук, внемли, сюда нисшел твой дед,
Дабы перед тобой открыть судеб веленье
И возбудить в тебе вздремавше к славе рвенье.
Престань в ничтожности кичиться тем одним,
Что блеск ты придаешь творениям чужим,
Что славу чуждую сафьяном украшаешь;
Не ты ли наизусть все ведомости знаешь,
От «Северной пчелы» до Виленских газет?
Но для слепца вотще сияет солнца свет!
Ах, внук мой! ты ль не зришь, как дух
нововведенья
Людей без разума, без дара, без ученья
Влечет со всех сторон газетной славы в храм;
Их там Фортуна ждет, а ты еще не там!
Ты, кем тщеславился покойный твой родитель,
Кого я чудом чтил, я, многих школ учитель;
И ты, в дому забав избранный старшиной,
В нем отличился ли какою новизной?

Какие пременил, какие ввел уставы?
Узри, се пред тобой врата отверсты славы;
Дерзай на подвиги! как мочный исполин
С восходом солнечным гряди в совет старшин;
В нем будут предлагать важнейше учрежденье,
Как при разборе шуб предупредить смятенье, —
Тут смелой выдумкой сочленов удиви,
Свое искусство, ум и знание яви.
В местах, где Эльба в понт вливает шумны волны,
Расчетом где главы, карманы златом полны,
Где множество господ, но слуг излишних нет,
Премудрый обычáй введен от давних лет
И помещен в число законов неизменных:
Там в важных обществах, забавам посвященных,
С пометкой ярлыки хранятся искони,
На плащ иль на салоп вздеваются они;
По них узнает всяк свое без затрудненья,
Возьмет без робости, наденет без смущенья
И мирно в дом идет по вальсах опочить.
Тебе велит судьба здесь то же учредить:
Поэтам подражай и выдай, не робея,
Чужое за свое; будь тверд, вещай смелее,
Твой звонкий, сильный глас, и крепка грудь твоя,
И подвигам твоим присущна тень моя
Низложит всех старшин. Умолкнут гордый лекарь,
Танцмейстер дерзостный, нотариус, аптекарь,
Столетний органист, — сам мастер гробовой!
И слава дел твоих промчится — за Невой.
Для победителей хвалами свет не скуден,
И к знаменитости шаг первый только труден;
Решись, дерзай раздрать безвестности покров,
За ним к бессмертью путь уже тебе готов.
Начало смелое всегда успех венчает.
К тебе объятии Фортуна простирает;
Стремися к ней, во всем покорствуя судьбе,
Твой разум и твой дед поборники тебе.
Се знак, чтоб ты не счел мое к тебе явленье
За тщетную мечту, за ложно сновиденье».
Речь кончив, на окно он перстом указал,
Взревел, мелькнул, исчез. От страха Гашпар пал,
И переплетная вся утварь повалилась.

Супруга верная сим стуком пробудилась,
Вскричала, бросилась, вбежала в тот покой,
Где Гашпар работа́л... и видит пред собой
Клещи́, бумаги, гнет, верстак ниспроверженны
И кресла дедовски вверх спинкой обращенны,
В которых увязясь стенал ее супруг.
При виде сем она остолбенела вдруг;
Но чу̀вства сильные смиряющее время
Прогнало страх ее; тогда тяжело бремя
С несчастна Гашпара стащилося долой
Супруги верныя трепещущей рукой;
Она лежащего со вздохом подымает
И взором дружеским супруга утешает.
Уж Гашпар встал, отверз поблеклые уста
И слабым голосом едва изрек: «Мечта!..»
Как вдруг представилось его смущенну взору
Окно разбитое, неверия к укору;
Сей укоритель вид прервал начату речь;
Кровь в жилах Гашпара быстрее стала течь,
Огнем тщеславия внезапно воспаленна.
Судьбина славная, Раздором предреченна,
Очаровала ум, и гордый старшина
Не видит, что пред ним стоит его жена,
Смотряща на него с сердечным умиленьем
И возмущенная тем бедственным паденьем,
Которого вины постигнуть не могла;
Чело ее тогда покрыла скорби мгла,
Когда приметила супруга невниманье;
Но наконец, прервав столь тягостно молчанье,
Сказала: «О мой друг! ко мне ли ты суров!
С Шарлоттою своей когда ты был таков?
Поведай мне вину несчастного паденья,
Прерви мою тоску, скончай мое мученье!»
— «Не вопрошай меня, о Лотхен!» — Гашпар рек,
Вошел в другой покой и на постель возлег.
От тяжести его перина раздалася,
И крепкая кровать со скрыпом потряслася.
Супруга ж скромная в уныньи, как могла,
В покое всё опять в порядок привела;
На ложе брачное с прискорбием взглянула,
Легла, задумалась, вздохнула и заснула.
Но Гашпар мог ли спать? Ах нет! тщеславный ум,

Обуреваемый стремленьем гордых дум,
Вовеки не вкушал дремоты томну сладость;
Бегут его покой, любовь, веселья, радость;
В мечтаниях своих он мрачен и тосклив,
Средь славы пасмурен и в счастьи несчастлив.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Уже глагол времен, звучащий меди глас
Гражданам возвестил наставший утра час;
По стогнам раздались смешенны вопли, звуки;
Там крики продавцов, колес каретных стуки
Смущают сладость сна: всех дневный свет живит.
Иной спешит трудом снискать свой хлеб насущный,
Другой в прихожие везет свой вид докучный,
Тот в божий храм идет, сей к стряпчим на поклон,
В движеньи город весь; но благотворный сон
Крестьяна Гашпара не осенял зеницы.
Не спящего его застал восход денницы.
В полнóчь с кровати встав, он, в ожиданьи дня,
У разведенного на очаге огня,
Варя арабский клей, искусною рукою
Готовил ярлыки с насечкой золотою
И в заблужденьи мнил всенощным сим трудом
Спокоить деда тень и тот прославить дом,
Где званье старшины его тщеславью льстило.

Меж тем заря взошла и солнце осветило
Журнальной тягостью разбитое окно,
Которо не было еще заклеено
Посланьем дружеским творца стихов различных,
К употребленьям сим особенно приличных;
И Гашпар ли в тот час заняться мог окном,
Когда, воспламенен тщеславия огнем,
В восторге видел он сочленов восхищенных,
Старшин униженных, завистников смущенных,

Хулителей своих низверженных во прах,
И даже о себе читал в ведомостях?
Но можно ль описать мечтанья горделивы,
Обворожающи умы честолюбивы
И тех, которых дед из гроба не вставал!
А Гашпар?.. Милый вид восторг его прервал.
С кофейником в руке вошла к нему супруга,
Бледна, задумчива: всю ночь без верна друга
На ложе брачном с ней одна была тоска;
Пуховая постель казалась ей жестка
Не вместе с Гашпаром; когда ж во мраке ночи
Дремотой легкою ее смежались очи,
Тогда зловещи сны смущали томный дух.
Сперва приснился ей предвестник слез — жемчуг;
Потом и Гашпар сам в кафтане драгоценном,
Ходящий по лугу, цветами испещренном;
И, словом, всё, что к злу толкует нам сонник.
Его лишь одного из всех ученых книг
Шарлотта нежная читала с прилежаньем
И слепо верила печатным предсказаньям.

О, страсть гадания! Сколь вредоносна ты,
Преобратя для нас в событие мечты!
Ужасней бед самих творишь их ожиданья.
Иль мало в жизни зла, печали и страданья,
Что произвольные ты страхи в нас родишь
И настоящий день днем будущим мрачишь.
Не лучше ль, положась во всем на провиденье,
О будущих бедах оставя попеченье,
Законом времени дарованный нам час
Безвредно для других, в веселии для нас
Провесть и смело ждать судьбы определенной.

Ах! Если б мысль сия Шарлотте огорченной
Тогда пришла на ум, как Гашпар ей вещал,
Что подвиг некакий он твердо предприял
Свершить в тот самый день, когда жемчуг ей снился,
Ее бы нежный дух сей речью не смутился,
По сердцу страстному не разлился бы хлад,
И слезы из очей не выпали, как град;
Но философских книг Шарлотта не читала,

И только Гашпара любить всем сердцем знала;
А за любезных нам страшимся мы всего.

Намеренье познав супруга своего,
Она рекла ему: «О боле всех любезный!
О Гашпар! О мой друг! прими совет полезный!
Что предприемлешь ты, того не знаю я;
Но если может жизнь подвергнуться твоя
Хоть малым бедствиям, отсрочь до дня другого
Свой подвиг; а в сей день страшись несчастья злого.
Поверь, недаром мне приснился страшный сон.
Ах! Если ты умрешь, со мной тогда что будет?
Вовек несчастная Шарлотта не забудет,
Что, в самой младости оставшись сиротой,
Из бедности она извлечена тобой;
Что, матери, отца и бабушки лишенной,
Ты был ей в мире всё; с тобою ж разлученной,
Гутуев, Каменный, Крестовский острова,
Садов Аптекарских столетни дерева
И сам Катерингоф уж мне не будут милы.
Воспоминания там ждут меня унылы,
Как с Гашпаром моим я счастлива была!
Как с ним гуляла там, как кофей с ним пила,
Как трубку он курил!..» Тут слезы речь прервали;
Внезапным действием жестокия печали,
Иль силой женщинам дарованных искусств,
Шарлотта бледная, почти лишенна чувств,
В объятья Гашпара со стоном упадает.

Безмолвствуя супруг на милую взирает.
Мятется ум его, кипит густая кровь;
Кичливость старшины, супружняя любовь,
И деда грозна тень, и вид Шарлотты милой
Смущают мыслью мысль, сражают силу силой;
Но сей различных чувств, страстей противных спор,
Присущий Гашпару, невидимо Раздор
Прервал, вдохнув в него гордыни адский пламень.
В нем сердце нежное преобратилось в камень;
Мгновенно дух его тщеславьем воспылал,
И с важной твердостью Шарлотте он вещал;

«Ты плачешь?.. Но стыдись быть возмущенна
снами, —
Назначен нам предел не сонником, судьбами;
И рано ль, поздно ли скончается наш век,
Неустрашимый муж и робкий человек
Со славой иль стыдом низыдут в гроб безмолвно,
Оставя милых всех, родных, друзей... Но полно!
Иди, любезная, в поварне скорбь рассей
Трудами милых рук». Доволен речью сей,
Оратор ярлыки сбирает с попеченьем
И, завязав в платок, невольным побужденьем
Еще единый раз на милую воззрел,
Обтер ее слезу и... серый фрак надел.

Шарлотта возражать ему не смела боле,
Смиренно покорясь супруга грозной воле,
Пошла к обеду всё приготовлять в слезах;
Меж тем дверь скрипнула, и Гашпар уж в сенях.

Как Цезарь, в страшный день начавши бедство Рима,
Когда патрициев вражда неукротима
Готовилась прервать его счастливый век,
Смерть презря, что ему Спуррины глас прорек,
Не вняв молению супруги устрашенной,
Спокойно шел в сенат решить судьбу вселенной,
Так Гашпар шествовал в собрание старшин.

Там гордый Каратай присутствовал один.
Сей лекарь-старшина уж пятой кружкой пива
Со тщанием тушил огнь гнева справедлива
Против коснеющих товарищей своих;
Но из дому забав Веселость видит их.

Се мастер гробовой, Фрейтод, с умильным взором,
С улыбкой радостной, как будто перед мором,
Из желтого возка вступает на крыльцо.

Шинелью завернув премудрое лицо,
Нотариус Спондей свое высоко знанье
С ученой важностью пешком несет в собранье.

Аптекарь Готлиб Курц, примчавшися в санях
И Гашпара толкнув нечаянно в дверях,
Знобит его внизу учтивостьми своими.

Танцмейстер Петипа, пропóрхнув между ими
И сделав три прыжка, является в совет.

Цингильус-органист, под тяжестию лет
Согбенный, свой приход всем кашлем возвещает
И шагом медленным в собрание вступает.

Им всем собравшимся, дабы начать совет,
Придверник дома Ганц по трубке подает;
Тогда они к свеще возжженной устремились,
Сомкнулись в тесный круг, и трубки воскурились.

Узря до потолка всходящий клубом дым,
Веселость чтит сие предвестием благим
И в детской радости от предыдущей славы,
Собрав вокруг себя Утехи и Забавы,
По разным должностям распределяет их,
Оставя семь старшин советовать одних.

Воссели старшины; осмеленный Раздором,
Их Гашпар оглядя высокоумным взором,
Все ярлыки на стол с улыбкой положил
И хриплым голосом речь громку возгласил.
Как в водополь весной потоки с гор бегущи,
С рекою слившися и вместе с ней ревущи,
Избытком шумных вод брега песчаны рвут,
Свергают, ломят всё, крутят, дробят, несут,
Плотины удержать не могут их стремленье, —
Так Гашпара из уст обильное теченье
Высокопарных слов, напыщенных речей
Стремится и бежит чем дале, тем сильней.

Цингильус кашляет, аптекарь Курц зевает,
Спондей свистит, Фрейтод стул с скрипом подвигает,

С напевом Петипа твердит свои скачки
И лекарь Каратай чуть не отбил руки,
Стуча с досады в стол, а Гашпар, без смущенья,
Воззванье окончав, вступает в предложенье.

Но из стенных часов кокушки вещий глас
Тогда, прококовав уныло десять раз,
Дал знак, да к завтраку начнут приготовленья.
Спондей, любитель яств и враг многореченья,
Глаголы Гашпара стремительно пресек
И, трубку преломя, в досаде быстро рек:
«Нам нужны не слова, нам нужно просвещенье;
Слов много затвердить не есть еще ученье.
Витийство без идей мою волнует кровь;
Ношу в душе моей к изящному любовь
И празднословие всем сердцем ненавижу.
Я слышу много слов, но толку в них не вижу;
Кто хочет ясен быть, тот кратче говори».

Предвестник бури, цвет багряныя зари
Ланиты Гашпара мгновенно покрывает;
Из-под густых бровей взор молнией сверкает.
Спондей в нем зрит уже на речь свою ответ,
Но из среды старшин вития восстает.
То мудрый органист, Цингильус долгодневный,
Первоседалищем в собрании почтенный;
Он в пятилетие двадцатое вступил,
На хорах шестерых пасто́ров пережил,
И дедов и отцов отправя погребенье,
Брак внуков воспевал, зрел правнучат крещенье.
Сей древний муж простер к собранью тихий глас:
«О други! мой совет да будет благ для вас;
И прежни старшины, что дом сей основали,
Для пользы общества, словам моим внимали.
В дни младости моей Данило Куппар сам
Склонял свой нежный слух всегда к моим речам;
Сей муж, которого дотоле не забудут,
Доколе в мире сем плясать кадрили будут,
И дружбой связан был и кумовством со мной;
Я, здесь в девятый раз избранный старшиной,
Без страха вам могу подать совет нельстивый.

Спондей, смири свой дух и пылкий и строптивый;
Хотя эсфетикой твой разум озарен,
Хотя в «Меркурии» романс твой помещен,
Хоть эпиграммою ты сделался известен,
Но не забудь того, сколь Гашпар добр и честен,
Что старше он тебя. Пусть речь его длинна.
Но, кажется, к добру клонилася она;
А ты его прервал. Всегда то помнить должно,
Что, не дослушав речь, понять ее не можно. —
А ты витийства дар, о Гашпар! воздержи,
Не трать без нужды слов и времем дорожи.
Увы, не знаешь ты, сколь всякий час бесценен
Тому, кто дряхлостью болезненной уверен,
Что мало сих часов ему осталось жить!
Должны ли время мы враждою коротить?
Поверьте, мир худой хорошей лучшей брани».
Цингильус кончил речь. Се простирает длани
Спондей к противнику, и мир восстановлен.

Не столько был в тот день восторгом упоен
Смиритель древния Византския гордыни,
Когда, врагов поправ, низринув их твердыни,
В Царьград с хоругвию российскою вступил,
В вратах повесил щит, мир данью утвердил,
Сколь добрый органист, то видя, восхищался,
Как Гашпар дружески с Спондеем обнимался.

Но скоро прерван был сей радостный восторг;
Злой дух между старшин согласье вновь расторг.
Уж Гашпар, убежден Цингильуса речами,
Представил, сколько мог яснейшими словами,
Что сделал он на то с пометкой ярлыки,
Чтоб ими различить плащи иль сертуки;
И, словом, всё сказав, что слышал от Раздора,
Сим Гашпар заключил: «Итак, ни брань, ни ссора
В передней более не возмутят наш слух,
И новым средством сим, наместо многих слуг,
Один придверник Ганц с истопником Фаддеем
Услужат всем гостям; а мы чрез то успеем,
Расходы уменьша, хозяйство сохранить;
И наконец никто не будет нас винить,

Чтобы от нашего в прихожей беспорядка
Родилися насмо́рк, простуда, лихорадка».

Болезней имена услышав, Каратай
Содрогся и вскричал: «Иди, переплетай
Зевототворные, слезогонящи драмы,
Волшебны оперы, балетные программы,
Поэмы шуточны и весь печатный бред, —
Но медицинский ты не трогай факультет.
Тогда лишь общества бывает здраво тело,
Когда всяк член его, свое свершая дело,
Не трогает других. Тебе что нужды в том,
Хотя бы из гостей приехавших в сей дом
Иной нечаянно в прихожей простудился?
Не у тебя бы он, а у меня лечился,
И долго б не страдал; но эти ярлыки,
Произведение искусныя руки,
Расходы общества и твой приход умножат;
Вот отчего тебя болезни так тревожат.
Род человеческий душою всей любя,
Как добрый филантроп, ты любишь и себя».
Сказал и на своих клевретов оглянулся.
Фрейтод кивнул главой, аптекарь улыбнулся;
Но Гашпар гордо рек: «Корысть меня чужда;
А слава моего возмездие труда.
Отец стихов моей переплетен рукою
И для того хожу с возвышенной главою.
Сафьянны ярлыки я обществу дарю;
Не лекарь я, за то судьбу благодарю;
Питаясь ремеслом хотя не так доходным,
Не назван я нигде убийцею народным».

Тут, будто в пепле огнь, скрывая в сердце гнев,
Воспрянул Каратай, как разъяренный лев,
Собранию вещал: «Ужель терпеть нам должно,
Чтоб с первой из наук он ремесло ничтожно
Без казни смел равнять; и есть ли хоть один
Из благомыслящих сидящих здесь старшин,
Кого б сей дерзкою он речью не обидел,
Кто б без стыда его своим сочленом видел
И признавал еще собрания главой? ..»

Вскоча со стульев, Курц и мастер гробовой
Мгновенно к лекарю свои простерли руки
В защиту милой им врачебныя науки.
Усердье жаркое сподвижников узря,
Успехом ободрен и яростью горя,
Воскликнул Каратай: «А ты, о дерзновенный,
Презренна ремесла ремесленник презренный,
Толмач бессмысленный бессмысленных газет,
Едва умеющий на склянку этикет
В аптеке наклейть! кого хулить дерзаешь?
Кого убийцею народным называешь?»
— «Тебя!.. Ты, — Гашпар рек, — один убийца сей
Моих племянников, сестры моей, детей.
Тобою Петипа с женою разлучился,
Цингильус вну́чат трех и трех сынов лишился;
И кто из сих старшин, которым ты вещал,
Пред коими меня так нагло порицал,
Как даже авторы в журналах не бранятся,
И кто из них, скажи, не должен был остаться
От первой из наук вдовцом иль сиротой?
Но что я говорю? Убитых всех тобой
Когда бы переплесть мне список надлежало,
То б в городе на то сафьяну недостало!»

Сей речью дерзкою во сердце уязвлен,
Затрясся Каратай и, стулом воружен,
На переплетчика метнулся разъяренный;
И Гашпар, лекарской рукою пораженный,
Конечно б оправдал супруги страшный сон,
Коль вышней силою не охранился б он.

Веселость, облетев весь дом, в совет впорхнула
В тот самый миг, когда за спинку крепка стула
Схватился Каратай. Вдруг вспомнила она,
Как битва некогда была упреждена
Между царя царей и дивного Ахилла:
«Минерва, с тылу встав, героя ухватила
За блещущи власы, быв зрима одному»,
Веселость, из старшин не зрима никому,
Как дщерь Зевесова, схватила Каратая
За косу длинную, того не примечая,

Что был на нем парик, который вдруг слетел;
Воскрикнул Каратай, совет весь обомлел!
Веселость и сама сначала испугалась;
Взглянула на старшин, их видя, засмеялась,
Взвилася к потолку, сквозь дверь порхнула вмиг,
И с нею полетел восхищенный парик!

Остались старшины сим чудом пораженны,
Имея страхом рты и очи растворенны.
И кто б из смертных мог с неробкой зреть душой
Парик, летающий как птицу над собой?

Всех прежде Петипа спокоил дух смущенный;
Увидя лекаря с главою обнаженной,
Невольным смехом он прервал внезапный страх
И бодрость возбудил в дрожащих старшинах.
Очнулся весь совет, взглянув на Каратая.
Но лекарь, и стыдом, и бешенством пылая,
Возводит мрачный взор и, зря, что сам Фрейтод,
Дабы не хохотать, свой закрывает рот,
В аптекаре одном приметя сожаленье,
От лютой ярости приходит в исступленье,
Подмышной шляпой скрыв светящеся чело,
Отмщением кипя и умышляя зло,
Идет и Гашпару победу уступает.

Раздор невидимо его препровождает
В аптеку Курцову; как стаи гончей рев
Услыша, хищный волк бежит между дерев,
Не озираяся, спешит во дебрях скрыться
И всюду встречи пса ужасного страшится,—
Так, переулками свой сокрывая путь,
Не смеет Каратай окрест себя взглянуть,
Боясь на стогне быть учтивством принужденну,
Сняв шляпу, обнажить главу, власов лишенну.

Достиг аптеки он, и, в ней кончая бег,
Пять скляниц сокрушил, работника низверг,
Рассыпал, разметал целебные составы,
Полезные врачам, а для больных отравы;

К поставцу Курцову чуть дышащий проник,
Сыскал, схватил, воздел аптекарев парик,
Сокрылся в тайнике запасна смерти дома
И капель гофманских вдруг выпил два приема.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Блажен, кто далеко от городских сует,
Вне общества сокрыт, для польз его живет,
Кто чужд тщеславия, кого тщеславцы чужды,
Кто, кроме рук своих, ни в ком не знает нужды,
И доброю семьей и здравием богат,
На помощь ближнему по силе тороват,
Ни суемудрием, ни чванством не страдает
И даже никогда журналов не читает.

Так лекарь Каратай в аптеке рассуждал,
Где, Курца ждя, свой гнев оржатом усмирял,
А грудь его еще волнение являла
И ворот кружевной, вздымаясь, сотрясала.
Так колыхается по буре синий Дон.

Но вдруг ужасный крик, и вой, и плач, и стон
Смирявшася врача смутил внезапным страхом;
Двустворчатую дверь одним разверзши махом,
Он зрит... — Могу ль вещать? Где жалость? Где любовь?
Где чувствия отца?.. Безгласна ль в сердце кровь?..
Нет чадолюбия! — Там Курц, как лев рыкая,
Десницей тучною природу ужасая,
Рождение свое в главу, в хребет разит;
Моляща вопит дщерь, биемый сын кричит;
А Курц... но лекаря воззренье то свершило,
В чем чадолюбие успеть бессильно было.

Аптекарь воздержал детобиющу длань
И с горестью вещал, прервав семейну брань:

«Не будешь ты винить мою жестокость к сыну,
Коль гнева праведна поведаю причину.
Граф Блескин женится; для графского венца
Составил я экстракт, живящий тень лица,
В хрустальну склянку влил и завернул искусно
Бумагой золотой, да графу, своеустно
Приветствие сказав, вручу подарой сей;
Затем спешу домой, вхожу и зрю: злодей!
Плод крови моея! рукою бедоносной
Мешает мой экстракт со влагой купоросной,
Чтоб графское лицо пред свадьбой испятнать;
Возмог ли, зря сие, я гнев мой воздержать?
На то ль Карлушу мне, судьба, ты даровала,
Чтоб им всю честь моя аптека потеряла?
Затейливость ума, досужество руки
На то ль ему даны, чтоб с скляниц ярлыки
Злодейски пременять и преливать лекарства?
Быть может, чрез его безбожные коварства
Погибли многие...» — «Страх тщетный! —
прервал врач. —
Лекарства, как и всё, зависят от удач,
Ошибкой прописав аконитум за хину,
Жизнь так же можно дать, как ускорить кончину;
Я это испытал; в том зла большого нет;
Но ты вещай, чем наш окончился совет?»

Поведал Курц тогда, смиря души волненьи,
Что чудо с париком по долгом словопреньи
К системам вихренным советом причтено;
И вследствие того писать поручено
В Галл, Юрьев и Оксфорд ученому Спондею,
Что Гашпар, напыщен победою своею,
Разметку ярлыков в законы поместил;
Собрание к сему танцовщик преклонил,
А Гашпар поддержал танцовщиково мненье,
Дабы хранимое дотоль обыкновенье
На святках балами сограждан веселить
Бесчинно в маскерад позорный пременить;
«Увы! — прибавил Курц, — от сей потехи новой
Без денег буду я, а дочь моя с обновой;
Но как ни горестно убыток даром несть,
А горше и того своей аптеки честь

Зреть в поругании, и чрез кого? чрез сына!..»
— «Нет! — вскрикнул Каратай. — Нет! мудрая судьбина
Карлушу не к стыду на свет произвела,
Досужство, хитрость, ум она ему дала
На то, чтоб пред тобой смирить совет кичливый.
Внемли и выдумке моей дивись счастливой:
Когда придверник Ганц на шубы, сертуки
Собравшихся гостей нацепит ярлыки,
Тогда твой сын, сыскав удобное мгновенье,
Пометок гнусных сих свершит перецепленье,
Да при разборе шуб возникнет вдруг вражда,
Смятенье, даже бой, и вся падет беда
На возмутителей безумного совета
Против тебя, меня и даже факультета».

Раздор, услыша им внушенну хитру речь,
В восторге был готов вселенную возжечь,
Взорвать земную твердь; но Курц, не убежденный
И чадолюбия возвратом воспаленный,
Оспоривал врача; злой дух в единый миг
На чувствие отца тщеславие воздвиг, —
Против сего врага Курц мог ли защищаться?
Как новый Вавилон, он принужден был сдаться.

Оставя врачеству готовить бед состав,
Веселость между тем княжит в дому забав,
И, чтоб одушевить приятность маскерада
Стечением личин из всех пределов града,
Дает приказ своим летающим слугам,
Вид Ганца вприяв, промчаться по домам
И возвестить везде, что ново учрежденье
Потехи святочны готовит в воскресенье.
Еще не кончила богиня свой приказ,
А слуги уж летят; ни вьюжный ветр, ни мраз,
Ни иней, ни туман их жар не охлаждают;
Несутся в городе, реку перелетают
И, в Ганцев претворясь, являются в домах.

Известен маскерад уже на островах,
В Заневской стороне, в частях Адмиралтейских,

В Литейной и Сенной, во всех полках гвардейских,
В Коломне, на Песках и даже в Колтовской.

Восстали гильдии, цех вспрянул мастерской,
Ряды стеснилися, толпится двор Гостиный.
Закопошилось всё, как в куче муравьиной;
Здесь бархат лóснится, глазеты там блестят,
Аршины в действии, и ножницы стучат;
Клянутся продавцы, покупщики бранятся;
Обман, обвес, обмер во всей их славе зрятся.

Но вящий шум восстал средь Щукина двора:
Там бисер, пояски, пронизки, мишура,
Повязки, поднизи, красы простонародны,
Приманчивы для глаз и для карманов сходны,
Толпы расчетистых граждан туда влекли,
А щеголи сребро в храм моды понесли.
О! сколько в оный день явилось в свет товаров,
Таможен строгостью изгнанных в мрак анбаров!
И бездоимочно та подать собрана,
Что платит *пришлецам* Российская страна.

Недолго мучились истомой ожиданья
Любители забав. Се день настал собранья!
В огромном здании, взнесенном над Невой
Чудесной в зодчестве Захарова рукой,
Седмь крат раздался звук, ход времени гласящий,
Отверзся дом забав, избытком свещ блестящий.

Пустилися к нему купцы на бегунах,
Художники пешком, приказные в санях,
Особы классные в каретах и колясках
И на извозчиках различны лица в масках.

Уж гости многие по лестнице идут,
Одежды верхни сняв, в прихожую несут,
Где вешает их Ганц, разметя ярлыками,
И раздает гостям пометки с номерами.

О муза! зрящая, что было и что есть!
Поведай, кто стяжал первовступленья честь
В святилище утех? Кто муж сей сановитый,

Одеждою волхва халдейского покрытый,
Ведущий за руку альпийску красоту?
Ах, можно ль не признать блаженную чету?
С Шарлоттой Гашпар то; наряд их изменяет,
В ней — простодушие, в нем — горду мысль являет.

Готовый к пиршеству увидя дом забав,
Богиня резвостей, цыганки вид прияв,
От горних стран летит, в собрание стремится,
Где с переплетчиком в единый миг дружится;
Небесна гласа звук и райских свет очей
Внушает старшине тьму вежливых речей;
Но вдруг к дверям его вниманье обратила
Личина вшедшая, вздыхательна, уныла,
Суха, томна, скучна. Веселость, зря сие,
Вещала так ему: «Ты ль не познал ее?
Се Юльхен, Курца дочь, превращена в Аглаю,
Влечется томно к нам». — «Увы! ее я знаю», —
Рек Гашпар и зевнул. — «Вот, и ее скучней,
Меркурьем Северным наряженный Спондей», —
Богиня изрекла, и Гашпар засмеялся;
Он имя выведать отгадчицы старался,
Не вытерпел, спросил и внял сие в ответ:
«Не знаема никем, я знаю целый свет,
И, коль желаешь ты провидеть сквозь личины,
Познать все имена, уведать всех судьбины,
Воссядь и вопрошай, вещать готова я,
Познаешь всех и всё, но только не меня».

Как древле, на стенах троянских восседая,
Царю Пергамскому супруга Менелая
Именовала всех героев и вождей,
Так, сидя с Гашпаром на высшей из скамей,
Отколь подножием ему являлась зала,
Богиня в сих словах личины объявляла:
«Ты зришь, где более стесняется толпа,
Одетый казаком вертится Петипа,
Как молодцует он! как горд своей личиной!
Но пифик пременен не будет кожей львиной:
Едва в четвертую позицию он стал —
И целый маскерад танцмейстера познал,
А там стремленья всех и хохота причина —

Аптекарь, втиснутый в одежду Арлекина,
Сочлен почтенный твой; сей шутский взял наряд
У театрального портного напрокат,
И платит за него ромашкой и шалфеем;
Вот сын его вбежал, одетый Асмодеем».
— «Он в образе своем, — с усмешкой Гашпар
рек. —
Но что я зрю? Кто сей чудесный человек,
В атласном тюнике, распыженном бочками,
Опутанный кругом поддельными цветами,
Под пудрой желтою, с подвитою главой,
С крылами за плечьми?» — «То мастер гробовой,
Вспорхнул, как Бубликов, Зефира представляя», —
Богини был ответ; потом и Каратая
Сей речью возвестил ее небесный глас:
«В доспехах фольговых, в латунном шлеме Марс
Не может от меня скрыть лекарской осанки,
Ни платье римских жриц вошедшей с ним
жеманки,
Мелькание ее стеклярусна венца,
Ухватки, дерзкий взгляд, зовущий в бой сердца,
Вещает, что сие вестальско покрывало,
Конечно б, в поле слез само не запылало,
Она...» Тут Петипа удалым казаком
К цыганке подлетел, прыгнул, махнул платком,
Ударили в смычки и, лекарской супруге
Всей чести не воздав, Веселость зрится в круге,
Из коего танцор открыл с ней польским бал;
Все парами пошли, и Марс затанцевал;
Он, гневаясь за то, что не был в паре первой,
Вел тучну маклершу, одетую Минервой;
Весталку подхватил Карлуша-Асмодей,
А приседающий под музыку Спондей
Шел в паре с длинною невесткою Фрейтода,
Одетою в наряд Конфуциева рода,
На коем зрелися обрезки галунов,
Остатки блещущи от тлеющих гробов;
Сам мастер гробовой припархивал за нею,
Избрав дщерь Курцову сопутницей своею;
С Шарлоттой выступал аптекарь-Арлекин;
Но Гашпар изо всех присутственных старшин
Единый не вкушал утехи маскерада;

Безмолвен, недвижим, не обращая взгляда,
Цыганки дивныя всезнаньем поражен,
Он зрелся ужасом к скамейке пригвожден.

Уже Орфеевы наследники устали,
Замолкла музыка и польский окончали,
А Гашпар всё еще в окамененьи был.

Но се пирующих приятно удивил
Цингильус, королем бубновым наряженный,
Ходящей выстилкой валетов окруженный,
Которы дам вели подобранных под масть,
То вну́чат старцевых была оставша часть
От Каратаевой морительной науки.

Фигурам карточным гостей и членов руки
Воздали плеском честь, очнулся Гашпар сам,
Подъял главу, воззрел, хотел спросить, но там,
Где всевозвестница чудесна зрелась прежде,
Три девы в греческой явилися одежде;
Богиня ж в облаках рядила весь свой двор
В личины разные и разных стран убор;
Да слуги верные, столпы ее державы,
Прелестны Радости, Утехи и Забавы,
Приявши каждая ей боле сродный вид,
Богини к торжеству, Раздору в вечный стыд,
Пир за полночь продлят в веселии безгрешном.

Меж тем и без нее в дому ее потешном
Все маскерадные затеи начались,
Поддельны голоса по зале раздались,
Различностью одежд собрание пестрится;
Всё движется, спешит, шумит и суетится.
Личины мужески хвалу, приветства, лесть
Бесстыдно раздают личинам женским в честь.
Одни бегут им вслед, влекомы любопытством,
Другие мечутся повсюду волокитством.
Бухгалтер-сбитенщик разносит лимонад,
Конфетчик-секретарь различностью услад
Сокрытым прелестям спешит явить услугу.
А здесь, как мотылек, спустясь к душисту лугу,

Порхает меж цветов, так носится кругом
Из Юрьева студент, одетый почтарем;
С улыбкой хитрою, с умильною ухваткой
Он вьется меж красот и раздает украдкой
Уютно сложенны наместо леденца
Стихи пресладкие пресладкого творца.
Весталка-лекарша, разрозняся с супругом,
Шагает дерзостно с его домовым другом,
Младым учителем всех нравственных наук;
Увенчан лаврами, в руке имущий лук,
Блестящий мишурой аттическа хитона,
Учитель представлял смиренно Аполлона;
Но мог ли празден быть тщеславный Каратай?
Супруги удален, шептал он нечто втай
Прелестной ратсгерше, Дианой наряженной
И от удушья им иль счастьем излеченной.
А Гашпар ум питал беседой трех девиц,
Цветочниц ремеслом, которых сухость лиц
Румяных аонид личина сокрывает.
Карлуша времени напрасно не теряет
До размещенья шуб, салопов и плащей,
Он щиплет в тесноте и членов и гостей.

Меж тем по отдыхе оркестр, терзая уши,
Но вспоминанием воспламеняя души,
Уже наигрывал Очаковску кадриль,
И вскоре поднялись танцоры, шум и пыль.

Зефир с лапландкою, Марс с кралею бубновой,
С пастушкою казак, с Дианой хлап виновый,
С Минервой Арлекин, с Аглаею Спондей,
Учитель Аполлон с весталкою своей,
Две крали черные, валетов двое красных
И множество еще личин в одеждах разных —
С приличной важностью все стали в равный круг,
Схватились, обнялись, пустились в вальс —
но вдруг
Танцоры спутались, смешались, с меры сбились,
Меркурий, Арлекин, Аглая повалились;
Подставки, квинты, бас и скрипочны колки
Аккордом лопнули; ломаются смычки;
Скамейка скрипнула, расселась, затрещала

И с грузом Гашпара обрушилась и пала;
Смутился страхом пир, как бурей влажный дол.

О Муза! возвести, кто сих источник зол?
Увы! Раздор вошел в одежде Демокрита;
Хоть сила адская была личиной скрыта,
Но, возвращаяся из западной страны,
Где философией умы просвещены,
Где он переправлял различные творенья,
Там заготовлены для нашего ученья,
Злой дух измучился и, поспеша на бал,
Дыханья пагубна в груди не удержал;
Исторгшись из нее, гееннский вихрь промчался,
Всё свергнул, сокрушил, к чему ни прикасался!

Раздор, не торжествуй! спокойся, дом утех!
Как птицы вешние на их родимый брег
Из-за моря летят, поют, щебечут, вьются,
Так, вырядясь, божки на пир шумя несутся,
Весь двор Веселости вступает в маскерад.

Но что встречает там богини светлый взгляд?
Не пляски резвые — смятенье и тревогу;
Оркестр расстроенный, Зефир, ушибший ногу,
Разломана скамья, без маски Арлекин,
Аглая на полу и ужас всех старшин
Представилися ей. Веселость рассмеялась,
Смятенье кончилось, тревога миновалась.

Раздор, быть узнанным богинею страшась,
Мелькнул в прихожую, слугою претворясь,
Где Курцов сын его превосходил надежду,
Цепляя ярлыки с одежды на одежду.

В чертоге же празднéств разнесся громкий смех;
Чудесной помощью Игр, Радостей, Утех
Оркестр настроился, раздались скрипок звуки,
И кавалерские простерлись к дамам руки.

1815

II

УРОК КОКЕТКАМ, ИЛИ ЛИПЕЦКИЕ ВОДЫ

Комедия в пяти действиях, в стихах

ГОСПОДАМ ПОЧТЕННЕЙШИМ ЧЛЕНАМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ

Милостивые государи!

Поощренный снисхождением, с которым угодно было вам избрать меня в число сочленов ваших, я устремил всё старание мое, дабы сделаться хотя мало оного достойным. Благоволение, оказанное зрителями при представлении первой моей комедии в стихах, внушило мне желание посвятить оную тому сословию, к которому я имею честь принадлежать, и просить вас, милостивые государи, принять сей слабый труд мой как знак моей чувствительной благодарности и желание быть, сколько силы мои позволят, полезным русскому слову. Гордясь чрезмерно лестным для меня названием сочлена вашего, имею честь быть, милостивые государи,

вашим покорнейшим слугою.

Князь Александр Шаховской.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Князь Холмский.

Оленька, сестра его.

Графиня Лелева, двоюродная их сестра.

Саша, горничная Оленьки, воспитанная с нею вместе.

Пронский, полковник, друг князя Холмского.

Княжна Холмская, тетка их.

Граф Ольгин, двоюродный брат Пронского.

Барон Вольмар.

Угаров.

Фиалкин.

Семен, смотритель бань.

Действие в Липецке.

ДЕЙСТВИЕ I

Театр представляет площадку между двух домиков, во внутренности решетка чрез всю сцену, отделяющая сие место от аллеи, ведущей к водам; ворота посреди решетки.

Явление 1

Князь и Семен входят сбоку в ворота.

Семен

Сюда пожалуйте, тут ваши все живут.
Сестрица с тетушкой дом этот занимает,
А друг ваш Пронский здесь.

Князь

Они меня не ждут
Так скоро?

Семен

Вовсе нет; и тетушка считает,
Что вы до августа не будете к водам.
Уж в Петербург она сбиралась ехать к вам.

Князь

Однако мне сестра писала с восхищеньем,
Что воды жизнь дают, что Липецк рай земной;
Всех здешних жителей хвалилась угощеньем,
Тобой особенно.

Семен

Я долг исполнил мой,
Ее сиятельству усердствуя душою.
Вы, князь, изволили мне быть вторым отцом.
Сын дядьки вашего, я в свет рожден слугою;
Но вами выведен, и в месте здесь моем
Надсмотрщика у бань стал важною особой.
Всем здесь ворочаю, о всем сужу, ряжу;
Мне главный доктор кум, штаб-лекарь брат крестовый,
А на аптекаря не очень я гляжу.

Князь

С такою знатностью Семена поздравляю
И покровительством твоим ко мне горжусь;
Но тетку и сестру обнять скорей желаю;
Однако ж к ним войти так рано я боюсь,
Чтоб их не разбудить.

Семен

Они, я чай, не встали:
Вчера был в зале бал, и долго танцевали.

Князь

А Пронский верно встал?

Семен

Полковник уж давно
Пошел гулять.

Князь

Итак, пойдем к нему навстречу.

Семен

(показывая направо в дом)

Но растворяется, мне кажется, окно,
И Саша...

Князь

Так, она.

Семен

O! я ее примечу
В потемках, за версту. Не девушка, а клад!
Разумница! мила!

Князь

Семен! что это значит?
Не сердце ль говорит?

Семен

Влюбился, виноват.
И можно ль не любить? Хоть у кого заскачет
Сердечко от ее проворных, черных глаз.
А как привязана к княжне, сестрице вашей!..
Да и княжна добра! — Мы думали не раз,
Что Пронский пара ей, как вдруг, к досаде нашей,
Графиня Лелева нагрянула сюда.

Князь

Дочь дяди моего?

Семен

Она, сударь, так точно.

Князь

Что в Липецке она, какая ж в том беда?
Чтоб здесь застать ее, я поспешил нарочно.

Семен

И сердце привезли.

Князь

Семен, вздурился ты?

Семен

Кто, я? — И так и сяк; а здесь все поголовно
Рехнулись от ее ума и красоты.
Вот Саша скажет вам.

Явление 2

Саша, князь и Семен.

Саша

Вы здесь? Два года ровно
Мы не видали вас...
(Подбегает к князю и вдруг останавливается.)

Князь

Должна со мной ты быть
Как с другом, без чинов.

Саша

Могу ль мой долг
забыть...

Князь

Не забывай, что ты взросла с моей сестрою,
Что добрый твой отец был другом, не слугою,
До смерти моего покойного отца;
Что должен быть ему я вечно благодарен
За всё усердие...

(Обнимает ее.)

Семен
(в сторону)

Вот прямо русский барин!
Ну диво ли, что к ним лежат у нас сердца?

Саша

Вы милостивы так...

Князь

Мою оставим милость,
А станем говорить о деле: что сестра?

Саша

По-прежнему; всегда умна, мила, добра;
Да в душу к ней зашла какая-то унылость.

Князь

А это отчего?

Саша

(Семену)

Ты разве не сказал?

Семен

Я остроте твоей оставил честь рассказа.

Князь

Будь искренна со мной. Графиня, говорят...

Саша

С тех пор, как эта к нам вселилася зараза,
Всё здесь пошло вверх дном: и воды нам вредят,
И воздух нездоров, и балы очень скучны;
Всех тетушка бранит, и, ах! бостона нет.
Графиня липецкий заворожила свет,
И бостонисты все лишь с нею неразлучны.
Нам вести некому московской рассказать,
И даже гранд-пасьянс ни разу не выходит.
А вашу тетушку всё это в гнев приводит.

Князь

Но друг мой Пронский?

Саша

Он изволит воздыхать.

Князь

Мой друг разборчивым и твердым мне казался,
Неужели и он к графине в сеть попался?

Саша

Почти, но не совсем: меж ваших двух сестриц
Колеблется еще; однако же с родною
Согласен более и сердцем и душою;
Но от двоюродной, которой всех столиц
Для низложения нашлося не довольно,
Кружится голова.

Князь

Да как с его умом
Кокетке поддался?

Саша

Вот это мне и больно;
Ну пусть бы прочих всех она в безумный дом
Погнала, как гусей, туда им и дорога.

Князь

А прочих много ли?

Саша

Их прежде было много,
Да порастратились: одни в постель слегли,
Иные примерли, другим мы áбшид дали,
А многих по домам родные развезли.
Графинины глаза здесь только засияли —
Сестрицы, женушки, все мигом по норáм,
А с ними и мужья и братцы потащились;
Одни заохали, другие взбеленились.
Из лучших трое здесь остались в жертву нам:
Барон Вольмар...

Князь

Вольмар! он сын иль внук,
конечно,
Того, который сжег в два года миллион
На разных фейверках?

Саша

Не внук, а самый он.

Князь

Ты ошибаешься, иль жить он вздумал вечно!

Семен

В народе говорят, что камер-пажем был
Он сделан в торжество за взятие Кистрина.

Князь

И слушают его?

Саша

На это есть причина:
Он важен в Липецке и при дворе служил,
Отборно говорит и даже был в Париже.

Князь

Но кто ж ей нравится?

Саша

Никто: ей все равны.
Чтоб мучить бедный свет, ей прелести даны;
А любит лишь себя.

Семен
(в сторону)

Рубашка к телу ближе.

Князь

Да кто ж другой влюблен?

Саша

Прелестник наш другой
И молод и вертлян, поручик отставной,
Сынок откупщика, охотник лошадиный,
Угаров; он своей сам бодрости не рад;
Со всеми без чинов, со всеми ровный брат.
В Москве дом розовый имеет на Неглинной,
И бегунов лихих, и ухарских псарей;
Цыганок табор с ним. Он прежде был гусаром,
А как война пришла, в отставку поскорей;
Но чтобы доказать, что он служил недаром,
В полувоинственный одет всегда наряд,
И в шпорах, и в усах, ну, словом, сущий хват.
Для вальсов мы к нему имеем снисхожденье.

Князь

А третий?

Саша

Третий, ах! пресладкое творенье!
Чувствительный поэт, и держим мы его
Для сумерек одних.

Князь

А это для чего?

Саша

Чтоб нежным голосом, под тихий строй гитары,
Он наши прелести слезливо воспевал.
Но этих прелестей всесильные удары
Стремятся в Пронского; и он бы в сеть попал,
Когда б без умысла, без всякого искусства,
Сестрица ваша в нем не породила чувства,
Почтенья нежного, и больше, может быть.

Князь

Когда б любил сестру, не стал бы он любить
Графиню.

Саша

Ах! суда́рь, кто сердце разгадает;
Княжна ему мила, графиня обольщает.
Ваш друг — быть искренной вы приказали мне —
Несведущ в обществах, хоть славен на войне;
А женщин узнавать труднее, чем сражаться;
Так и страшит его застенчивость княжны.
Ей чувства нежные хоть им и внушены,
Да он никак о том не может догадаться.
Графиня же вздыхать изволит на заказ:
Увидит Пронского — смутится, оробеет;
Ах, как она свое искусство разумеет!
В ней всё наметано: язык, и ум, и глаз
Она ко всякому приноровится нраву:
Жива с Угаровым, с Фиалкиным томна,
С бароном любит двор, а с Пронским русских славу;
И я, сударь, сама признаться вам должна,
Что разумом ее прельщаюся невольно;
Как станет всех ценить, шутить, пересмехать,
Расцеловала бы; мне только очень больно,
Что хочет Пронского у нас перетягать.
Но не бывать тому, и вам Семен порука,
Что мастерство ее поставлю я в тупик.

Князь

Ты вздор затеяла.

Саша

Хоть ум ее велик,
Да скоро, может быть, сыграется ей штука,
Которой разыграть в ум этот не придет.

Князь

Не горячись, мой друг. Так, мне б приятно было,
Чтоб сердце Пронского с сестрой соединило
Без всяких хитростей.

Саша

Я знала наперед,
Что это не по вас; так, стало, вам милее,
Чтоб он в расставленну попался западню?
Сестрице вашей, вам, ему я изменю,
Коль допущу... Вот он, и я бегу скорее
Обрадовать княжен, приезд ваш объявить.

(Уходит в дом.)

Семен

Прощай, а я лечу всё в банях учредить.

(Уходит.)

Явление 3

Князь и Пронский.

Князь

Он пасмурен, уныл и, кажется, в печали!

(Идя навстречу к нему)

Мой друг!

Пронский

Вы ль это князь? Мы вас не ожидали.

Князь

Мне вместе быть с тобой хотелося давно.
Ну что, каков теперь, как помогают воды?
Ты что-то не весёл?

Пронский

Здоровье всё одно.

Князь

С его сложением и в молодые годы,
Твердили доктора, жизнь тихая должна
Чрез месяц вылечить.

Пронский

Однако же она
Не помогает мне.

Князь

И это странно очень;
Твой домик, кажется, покойней, чем бивак,
Где в зиму мерзли мы, и, промокая в осень,
Перехворали все, один лишь ты никак:
Здоровье весь поход тебя не оставляло.

Пронский

Труды, войнска жизнь не вредны там нимало,
Где сердце весело.

Князь

А разве ты имел
Здесь огорчение?

Пронский

(с смятением)

Нет, я сказать хотел,
Что и в войне для нас такие есть минуты,
Которых променять не можно ни на что:
Все нужды, все труды, поход, морозы люты
Кто мог не позабыть в одно мгновенье то,
Как в Лейпциг мы внесли спасение вселенной?
Какое торжество!

Князь

Но видеть ты не мог,
В Краоне ранен быв, день этот незабвенный,
Когда в Париж войти всевышний нам помог;
Равняться что могло тогда с восторгом нашим!

Пронский

При общей радости, услыша славну весть,
Невольно я вздохнул, что под начальством вашим
И я не разделил нам богом данну честь.

Князь.

Кто так служил, как ты, тому жалеть не должно.

Пронский

Но всякий так служил солдат и офицер.
И как, скажите мне, там быть не храбрым можно,
Где к славе наш народ вселенной дал пример?
Мне, право, кажется, что нам труднее вдвое
Почтенье заслужить и выполнить свой долг
В любезных обществах, в свободе и покое.
Я быть всегда привык к себе по службе строг,
И, всё то выполня, что делать был обязан,
Спокойство чувствовал; мой ум был меньше связан
Воинской строгостью, чем вольной жизнью той,
Где всё покорено сужденьям произвольным,
Где никогда собой не можно быть довольным,
Боясь преступить обычай принято́й,
Условны правила, где даже сердца чувства
Приличий мелочных должны под игом быть.
Признайтесь сами, князь, что нет трудней искусства,
Науки мудрене́й, как в этом свете жить,
Которому дают название большого.

Князь

Я так же говорил, как ты, от слова в слово,
Когда из корпуса вошел в сей чудный свет;
Но старый дядя мой в мое вступился горе,
Открыл мои глаза, и я увидел вскоре,
Что с светом жить в ладу большой науки нет.
Он часто мне твердил: ты будь всегда собою,
Всем людям угодить надежды не имей;
Иди прямым путем, не дорожи молвою,
Согласен языком будь с совестью своей,
Но и не думай вслух, чтобы не сделать даром
Себе врагов; всегда сужденья уважай
Тех обществ, где живешь, однако с лишним жаром
Всех пересудов их к душе не принимай,

Вот правила мои, и я тебе божуся,
Покоен оттого, что твердо их держуся.

Пронский

Ах! как бы я хотел покойным быть, как вы.
Так, эти правила, конечно, совершенны
Для сердца вашего, для вашей головы;
Но мой смятенный ум и чувствия смущенны,
Душевной слабости смирить во мне нет сил;
И даже иногда мне кажется счастливым,
С беспечной головой и с языком болтливым,
Мой брат двоюродный, граф Ольгин.

Князь

Я забыл
Сказать, что графа я объехал на ночлеге,
Отсюда сорок верст. Служитель верный неге,
Он спал в пуховиках.

Пронский

Я жду его сюда.

Князь

Надеюсь, к вечеру граф в Липецк докатится.
Как с Петербургом он решился разлучиться?

Пронский

Ему предписана целебная вода
От нерв расстроенных, мигреня и вертижа.

Князь

Граф вместе, кажется, их вывез из Парижа
С свободой всё ругать, не дорожить никем.
Он остр и иногда неглупо рассуждает,
Быть мог бы чем-нибудь, а сделался ничем;
И служит образцом пустого воспитанья,
Которое дают нередко сыновьям
Бояра знатные. Пора уняться нам
На многих языках за вздорное болтанье,
За знание во всем поверхности одной
И за презрение к стране своей родной
Платить землям чужим постыдные оброки.

Граф Ольгин, например, брал разные уроки
У разных мастеров, и выучен всему,
Что мог бы и не знать; заговори ж ему
О нашей древности и о законах русских,
О пользах той земли, в которой он рожден,
Где родом он своим на службу присужден, —
Тотчас начнет зевать, и авторов французских
Куплеты дерзкие и вольнодумный вздор —
Его единственный ученый разговор.

Пронский

За то он в обществах считается любезным.

Князь

Да, в фабриках ума, у круглого стола,
Где весь наносный бред считают за дела,
А дельное зовут педантством бесполезным.
Но, возвратясь с войны, я, к радости моей,
Увидел в обществах большое превращенье:
К всему чужому страсть и к своему презренье
Нашел в посмешище у знатных тех людей,
Где прежде говорить по-русски в стыд вменяли.

Пронский

В войне ж мы видели, что сыновья вельмож
Честь праотцев своих достойно поддержали.

Князь

Так! наша храбрая, любезна молодежь,
По всем делам слича свою страну с чужою,
Надежду подает, что воскресит собою
Дух русской гордости, приличный нам во всем.
И наши женщины, того ж наполнясь духа,
Нам будут говорить родимым языком.

Пронский

Который в их устах приятен так для слуха.
Графиня Лелева примером будет им...
Здесь в пользу бедных штраф она установила,
Коль по-французски мы меж нас заговорим.

Князь

Давно ль графиня так язык свой полюбила?

Пронский

Она без памяти от русского всего.

Князь

(в сторону)

Страсть эта к русскому — заманка для него;
Но Оленьке я брат, — итак, молчать мне должно.

Пронский

И молодой княжны приятнее не можно
По-русски говорить: во всех словах ее
Какой-то нежный звук и особлива сладость.

Явление 4

Те же и Оленька, потом княжна.

Оленька

Ах, братец!

(Обнимает князя.)

Князь

Оленька!

Оленька

Присутствие твое
Для сердца моего одна на свете радость.

Князь

Как счастлив с вами я!

Княжна

(вбегая и обнимая князя)

Племянник милый здесь?
Так сон мой не солгал; ты нынче мне приснился
В каком-то рубище, покрытый кровью весь;
Ан глядь, так с кровными и в правду очутился.
Как ждали мы тебя, как нам хотелось знать,
Что делал ты, где был? . . С чего бы мне начать
Рассказывать тебе всё наше похожденье? . .
Да, письма из Москвы пришли к нам в воскресенье.

Твой дядя генерал писал о всем ко мне,
Что делается там... Какие перемены!
Дома растут, и он в своем уж вывел стены
Под крышку. Там везде забавы лишь одне,
Веселья, праздники, и бед как не бывало.
Мой зять ручается своею головой,
Что будет в три́ года Москва опять Москвой.
Хоть погубить врагов и дорого нам стало,
Да уж зато они узнали нас путем:
Не вздумают вперед... А, кстати, мне писали,
Что площадь Красная в три ряда устлана
Всё теми пушками, что вы завоевали,
Что шах персидский шлет нам белого слона,
Что москатильный ряд уж выстроился снова,
Еще ж... От радости не помню я ни слова...
Да после вздумаю; ты ж должен мне сказать,
Счастливо ль ехал к нам?

Князь

Я был во всю дорогу
И весел и здоров.

Княжна

Ну, милый, слава богу!
Как рада я; ты здесь, нам полно горевать;
А то мне без тебя пришло житье худое, —
Графиня так к рукам весь Липецк прибрала,
Что с Оленькой всегда мы оставались двое,
И друга твоего она с ума свела.

Пронский

Меня, сударыня?

Княжна

Да, надобно признаться!
Ты с нами не играл в бостон с тех самых пор,
Как в селадоны к ней изволил записаться.
Не правда ль, Оленька?

Оленька

(с смятением)

Не помню.

Княжна

То есть вздор
Я говорю?

Оленька

Ах, нет!

Княжна

Теперь я в лгуньях стала.

Князь

Как можно думать вам...

Княжна

Не спорю я с тобой;
А прежде молодец он был предорогой,
И помнил то всегда, что тетка генерала...

Князь

(прерывая)

Он, тетушка, мне друг!

Княжна

Так пожалей о нем:
Графиня бедным им играет как мячом.
Хоть был мне брат родной ее отец покойный,
Но я для этого не стану потакать.
С тех пор как муж ее, почтения достойный,
Скончался и она пустилася прельщать,
В ней князя Холмского уж дочери не вижу
И все кокетские маневры ненавижу.
Скажите, что за толк изрыскать целый свет
На то, чтоб красотой всех мучить без разбора?
Что ж вышло наконец? — с немногим в двадцать лет
Она хилей меня и, право, будет скоро
Совсем старухою. Да как не занемочь?
В постеле целый день и всю на балах ночь,
С открытою спиной, с раскрытыми плечами,
Чуть в платье, вся ажур, в гирляндочках из роз,
Какой-то Флорою в крещенский наш мороз
Изволит разъезжать. Вдруг вздумала водами
Лечиться здесь от нерв, — и лечится путем!

Всё ту же жизнь ведя, лишь думает об том,
Чтоб их заворожить.

(Указывает на Пронского.)

Князь

Я вас прошу покорно
Оставить это; мы...

Пронский

(в сторону)

Горю как на огне.

(Княжне)

Вам показалося...

Княжна

Так, все здесь судят вздорно,
Ты не влюблен.

Оленька

(в сторону)

Ах! как он жалок мне.

(Тетке)

Но время воды пить, и утро так прекрасно.

Князь

Да, потерять его не надобно напрасно.

Княжна

Ты правду говоришь, к колодцу уж пора.

Оленька

Пойдемте ж, тетушка.

Пронский

Ах, как она добра!
Я благодарен ей.

Княжна

(князю)

Да ты устал с дороги.

Князь

Нимало, и к ходьбе мои привыкли ноги.

Княжна

(Пронскому)

Дай руку Оленьке, мы вместе все пойдем;
Ведь ты не сердишься?

Пронский

Могу ли я сердиться!

Княжна

Я говорю любя, не правда ль?

(Князю)

Мы найдем
Там здешних волокит; как будут все беситься,
Что им пред липами придется воздыхать,
Богиня их еще изволит почивать;
Час целый проведет потом у туалета,
Который ей один на свете только мил,
А там и явится пред них полураздета,
И эти господа...

(Показывая на Пронского.)

Князь

Я вас уже просил
Оставить.

Княжна

Ах, мой свет! Да что же тут дурного?
Ему обидного я не сказала слова,
И, право, ни на чей я счет не говорю.
Пойдем покажемся, и всё другое будет.
Уж верно при тебе никто не позабудет,
Чья тетка я! Пойдем.

(Уходит с князем.)

Пронский

(подавая руку Оленьке)

Я вас благодарю.

Оленька

За что, сударь?

Пронский

За ваше сожаленье.

Оленька

Вы шутите...

Пронский

Ах, нет! я чувствовал мученье.

ДЕЙСТВИЕ II

Явление 1

Саша, потом Семен.

Саша

Ах! жаль, что недосуг мне в зале быть теперь,
А право, хочется взглянуть хотя сквозь дверь,
Чтоб видеть вход княжой. Графиня только встала,
Вскочила, в полчаса окончила наряд
И прямо понеслась к колодцу через сад.
Она встревожилась, когда я ей сказала,
Что князь приехал к нам; ей новый гость не мил:
Боится, чтоб глаза он другу не открыл
И чтобы с Оленькой...

(Увидя Семена)

Ну, говори скорее,
Что делается там?

Семен

Дай дух перевести!
Я так бежал...

Саша

Зачем?

Семен

Чтобы тебе страстнее
Сердечный пламень мой...

Саша

Как приторно!

Семен

Прости

Восторгу страстному!

Саша

Давно ль ты записался

В сантиментальный цех?

Семен

С тех пор, когда любовь...

Саша

Как в зале принят князь, ты скажешь ли?

Семен

Готов;

Его сиятельство лишь только показался,
Узнали все, кто он; настала тишина,
Все рты раздвинулись приветливой улыбкой,
И Липецк изъявил почтенье шеей гибкой.
Князь скромно кланялся, а старая княжна,
Гордясь племянником, плывя по зале павой,
Кивая головой с улыбкой величавой,
Трезвонить начала досужим языком;
Но только что ее с почтеньем слушать стали,
Графиня Лелева влетела соколо́м.
Все бросилися к ней, столпились, завздыхали,
И тетка бедная с стыдом закрыла рот.

Саша

Ей ништо; и по мне совсем не жалок тот,
Кто любит чваниться. Ну говори ж, что дале?

Семен

Графиня, как стрела, одним летком по зале
Промчалась сквозь толпу и князя обняла.
В глазах вздыхателей тут важностью княжою
Она себе еще блеск новый придала.

Саша

Ах, как она ловка!

Семен

Да, славою чужою
Не всякий и делец удачно так блеснет.

Саша

Иным, как тетушке, чужое впрок нейдет;
Да дело не о том... Я рада побожиться,
Что Пронский покраснел?

Семен

Мне дряхлый наш барон
Всё видеть помешал.

Саша

А чем?

Семен

Проведал он,
Что завтра то число, в которое родиться
Графиню бог привел; так выдумал сюрприз
Ей накануне дать, и точно тем манером,
Каким в Италии для тамошних маркиз
Давал, как был еще в посольстве кавалером.

Саша

Сюрприз! Какой и где?

Семен

(показывая на ворота)

На этом месте щит
Он с именем ее огнями расцветит.

(Показывая вдаль)

Там пустят фейерверк;

(показывая направо)

здесь будет серенада.

(Показывая на решетку)

Тут плошки, фонари зажгутся.

AN 1812. VUE DE LA PLACE ET DU GRAND THÉATRE DE S^T PETERSBOURG

Саша

Как я рада!
Иллюминация, и песни, и огни!..
А скоро ли начнут?

Семен

Как нынче длинны дни,
То перед полночью, чтоб смерклось хорошенько.

Саша

(выдумывая)

Не худо... точно так... Послушай... может
быть...

Семен

Я слушаю; ну что ж?..

Саша

Так, надобно умненько
Фиалкину шепнуть, Угарову открыть
О том, что завтра день рожденья их богини.
Ну, понимаешь ли?

Семен

Немудрено понять:
Ты хочешь, чтоб они, дурачась для графини,
Тебя потешили?

Саша

Пустое, для меня
Нет утешения, ни праздничного дня,
Пока за Пронского княжну мою не выдам,
Пока прелестницу путем не проучу;
Ну, словом, на своем поставить я хочу.

Семен

Дивлюся я твоим высокоумным видам!
Да праздник-то на что?

Саша

Покуда нужен он
На то, чтоб удалец, Фиалкин и барон,
Дурачась взапуски, графиню пристыдили
И, может быть, глаза полковнику открыли.

Семен

Поверь мне, фейерверк не просветит его.

Саша

Так что ж? не всякое лекарство удается,
Однако лекаря не плачут от того;
Все средства пробуют, покуда не найдется
Одно, которое иль так, иль сяк решит.

Семен

То есть иль вылечит, иль просто уморит.

Саша

Да, смо́тря потому, как счастье им поможет.
И я, по-лекарски надеясь на него,
Не стану пропускать, что быть хоть мало может
Полезным для княжны. Так видишь, для чего
Заставить чудаков дурачиться нам нужно?

Семен

Ин быть по-твоему, хоть, право, недосужно
Мне их отыскивать: граф Ольгин у меня
Пристанет ввечеру.

Саша

Он Пронскому родня.
Графиня иногда зовет его любезным,
Хоть говорит, что в нем большого проку нет.
Приезд его сюда нам может быть...

Семен

Во вред.

Саша

С чего ты это взял?

Семен

С того, что быть полезным
Ему не суждено.

Саша

А мне что нужды в том?

Семен

Он злоязычен.

Саша

Что ж? и это не мешает.

Семен

Нет склонности к добру.

Саша

А разве не бывает,
Что делают добро, не думая о нем?

Семен

И то случается.

Саша

Так, может быть, случится,
Что к делу нашему граф Ольгин пригодится.

Семен

Согласен, только чем?

Саша

Не знаю и сама;
Я только у моря сижу и жду погоды.

Семен

А как устанешь ждать?

Саша

Нет, Липецкие воды
Скорей Фиалкина отвадят от письма,
Скорее вылечат графиню от кокетства,
Барона дряхлого опять омолодят
И нашу тетушку от гнева исцелят,
Чем я устану ждать и все на свете средства
Изыскивать, чтоб мне поставить на своем.
К графине я меж тем в доверенность подбилась:
Все видя прелести в лице ее одном,
Хулить весь женский род с ней взапуски пустилась,
И даже барышню...

Семен

Вот старая княжна
Идет сюда. Прощай!

(Уходит.)

Саша

Ах! тетушка гневна,
И машет веером! Теперь не будет спуску
На свете никому.

Явление 2

Саша, княжна и Оленька.

Княжна

Задохлась! силы нет!
Стеснили спазмы грудь!.. Ну, вытерпела муку;
Уж выдался денек... И кто мне дал совет
Водами этими проклятыми лечиться,
Тому бы самому сквозь землю провалиться.
Прекрасный городок! премиленький народ!
Ах! душно... нервы... грудь!.. Воды! да ради
бога —
Простой, простой воды!

Саша уходит за водою.

Оленька
(подавая стул княжне)

Спокойтесь хоть немного.

Княжна
(бросаясь на стул)

Ну что за общество! То харя, то урод:
Здесь вся кунцкамера. Где, батюшки, родились?
Кто вас воспитывал? Чему вы научились?
С кем жили целый век?..

Саша
(приносит воду)

Извольте.

Княжна

(протянув руку, но не брав стакана)

Дай скорей!
Какая вежливость! какие обращенья!
Все эти чучелы похожи ль на людей?
Без вкуса, без ума, совсем без просвещенья.
Нет, полно мучиться, и завтра же домой;
С графиней здесь гостит пускай племянник мой;
Но я их куклою... Мне душно!.. Нет, не буду
Я больше так глупа, и ни ногой к водам.
Ах! сраму этого по гроб мой не забуду!
Почтенья нет к уму, ни к роду, ни к летам:
Природная княжна и тетка генерала
Учтиво с ними в речь вступила; вдруг вбежала
Племянница ее — ребенок, хоть вдова;
Все взбеленилися; а женщина почтенна
Должна была... Воды!

(Саша подбегает.)

И старая сова,
Чуть дышащий барон, мартышка развращенна,
Туда ж закалюкал. Таков стал ныне свет!
Вот просвещенный век! Вот время золотое!
Вот до чего дошли. — Да что у нас святое?
Ни правил, ни ума, и даже веры нет!

Саша

(улыбаясь)

Безбожники!

Княжна

Воды!

(Увидя, что Саша смеется)

Так, смейтесь надо мною;
Мне ништо, по делам, я этого и стою.
Какой нечистый дух занес меня в Содом?
Здесь развратились все; здесь все погибши души.

(Саше)

Ты не впускай ко мне. — Пойду, запрусь замком,
Чтобы не видел глаз, чтоб не слыхали уши
Всех здешних мерзостей, всех богомерзких дел!

Явление 3

Саша и Оленька.

Саша

Досталось всем, стакан лишь только уцелел.

Оленька

Как всё несносно здесь, и тетушка в том права,
Что рассердилася.

Саша

На воды, на меня,
На вас, на целый свет.

Оленька

Нет, в этом извиня
Горячность лишнюю ее крутого нрава,
Должна признаться ты, что горестно сносить,
Кому бы ни было, к себе пренебреженье.

Саша

Да, эту не легко пилюлю проглотить.

Оленька

А старой женщине, любящей уваженье,
Привыкнувшей к нему, приятен ли тот вид,
С которым, окружась вздыхательной толпою,
Графиня, кажется, всем бедным нам велит,
Как пред богинею, упасть перед собою.

Саша

Не спорю, колет глаз чужое торжество;
Однако, кажется, иным бы очень можно
Вздыхательной толпы надменно божество
Очеловечить вмиг. — На это б только должно
Искусство женское употребить слегка,
Надеждой поманить сердца издалека,
Быть ловкой, не стыдясь.

Оленька

Я не хочу загадки
Твоей отгадывать, а искренно скажу:

Хоть знаю все мои пороки, недостатки,
Без самолюбия сама себя сужу,
Но столько гордости в душе моей имею,
Чтоб не унизиться, как многие, искать
Прелыщением сердец.

Саша

Я это разумею.
Да надобно ль сердца холодностью пугать;
Не все догадливы.

Оленька

И трудно догадаться,
Когда по-твоему им станут говорить.

Саша

Позвольте только мне, я рада изъяснить...

Оленька

В том нужды нет большой.

Саша

Но вы должны
признаться,
Что Пронский очень мил.

Оленька

Тем лучше для него.

Саша

Однако же кто мил, умен, любви достоин,
Хорош, приятен, добр, притом отличный воин, —
Тот должен нравиться, и быть женой того
Не худо...

Оленька

Может быть, — и, кажется, без спора
Графинею твоя задача решена.

Саша

Нет, стрелы своего убийственного взора
Над сердцем Пронского лишь пробует она.

Оленька

И опыт удался?

Саша

Однако хвастать много
Покуда нечем ей.

Оленька

Быть этому нельзя;
В графиню он влюблен.

Саша

Судить не надо строго,
Не улича в вине.

Оленька

Ему прощаю я
За предпочтение; но не прощу, конечно,
Себе, когда б теперь я вздумала любить.

Саша

А сердца своего извольте-ка спросить,
Что скажет вам оно?

Оленька

Что в нем не будет вечно
Постыдной для меня любви к тому, кто мог...
Но что мне до него...

Саша

А ежели с повинной
Изменник явится в слезах у ваших ног
И скажет жалобно: располагай судьбиной
И жизнию моей?

Оленька

(вздыхая)

Нет, верно никогда
Не будет этого.

Саша

Так, стало, вся беда
В том только, что его графиня закружила?

И если гневаться вам нет других причин...
Да вот он сам идет.

Оленька

Ах! я и позабыла,
Что тетушка... Прощай... Да братец с ним один.

Саша

Сестрицы не видать.

Оленька
(с досадою)

А мне какое дело,
Он с нею или нет... Прощай!
(Уходит.)

Саша

Ну, Саша, смело
Божись, что скромница изрядно влюблена.

Явление 4

Саша, князь и Пронский.

Князь

Где тетушка?

Саша

Ее сиятельство больна,
И, в спальне запершись, накрéпко запретила
К себе впускать.

Князь

И мне неужто впуску нет?

Саша

Да, кажется, и вам; ей весь противен свет.
Когда б вы слышали, как здесь она журила
Меня и барышню.

Князь

Мне Оленька жалка.

Саша

Да, нечего сказать, а жизнь ее горька.
Ваш друг был нашего страдания свидетель.

Пронский

Я признаюсь, ничьих поступков не виня,
Что лето целое дивили здесь меня
Душа небесная, терпенье, добродетель
Сестрицы вашей...

Саша

(тихо князю)

Ну, вы видите ль теперь,
Он любит или нет.

(Пронскому)

Еще ж должны признаться,
Что, раз узнав ее, не можно с ней расстаться
И надобно любить...

Князь

(прерывая)

Себе ты в том не верь;
Ты с нею выросла и можешь...

Саша

Но спросите
У друга вашего.

(Пронскому)

Согласны ли вы в том?

Пронский

Княжна пленяет всех смирением, умом
И нравом ангельским!

Саша

(тихо князю)

Чего ж еще хотите?

Князь
(Пронскому)

Утешен я, мой друг, твоею похвалой;
На свете мне всего сестра моя дороже.
Жениться я не мог, как был еще моложе,
То и надеюся для старости покой
Найти в ее семье.

Пронский

Так должну справедливость
Надеждой на нее вы отдаете ей.

Саша

Счастлив, кто будет муж...

Князь
(прерывая)

А к тетушке моей
Нельзя войти?

Саша

Никак.
(В сторону)
Пусть черт возьмет
стыдливость!

Князь

Но мы попробуем, авось ли б примут нас:
В болезнях, говорят, рассеянье полезно.

Саша
(смотря в аллею)

Графиня к нам ведет всё общество прелестно,
И тетушку оно развеселит тотчас.
Прикажете ль впустить?

Князь
(улыбаясь)

Нет, старшого приказу
Не можно младшему ослушным быть никак.

Пронский
(в размышлении)

Счастлив, кто будет муж... Но счастлив ли там
брак.
Где нет взаимности; а в ней любви ни разу
Приметить я не мог. Графиня же со мной...
Кокетства я страшусь!

(Уходит за князем.)

Саша
(глядя в аллею)

Прощай любовна свита!
Остались хват, поэт и старый волокита.

Явление 5

Саша, барон, графиня, Угаров и Фиалкин.

Графиня показавшись в аллее окруженная обожателями, она с ними раскланивается. Все уходят; остаются: барон, несущий шаль, Угаров и Фиалкин с парасолем и гитарою за плечами.

Графиня

Я признаюся вам, что Липецк рай земной!
Любезность жителей и прелести природы
Мне здесь полезнее, чем все на свете воды.
Нет! я вообразить без грусти не могу,
Что должно в Петербург мне будет возвратиться
И важной знатности в блистательном кругу
О Липецке вздыхать и скукою томиться.
И что найду я там? несносный этикет,
Обеды званые и праздники нарядны,
Где с скукой пополам кружится в вальсах свет,
И, ах! концерты те, где голоса нескладны
И пальцы вялые хозяйских дочерей
Без милосердия терзают слух гостей;
Театры душные, в которых для уморы
Несчастных зрителей злодеи аматёры
Пищат, коверкают французские стихи.
А если попадусь я за мои грехи
В собранье важных дам, на тетушку похожих,
Которые от лет ударясь в ханжество́,
В рассказах не щадя ни дружбу, ни родство,

Бранят без милости проезжих и прохожих,
Тогда пропала я; что может быть скучней
Злословья, клеветы, и сплетней, и вестей,
Которых никогда так много не бывало,
Как нынче? Если же и этого всё мало,
Чтоб нас морить тоской, политика сама
В минуту явится с лганьем и новостями,
Засядет вкруг стола и громкими словами
Начнет витийствовать без толку, без ума,
И споры тем решит, что с болью головною
Приедут все домой. Вот жизнию какою
Мне должно мучиться; а здесь, а с вами я
Привыкла к счастию; ах! я ценить умею
Таланты, вкус и ум!

Угаров

(в сторону)

Вострее быть нельзя.

Фиалкин

(в сторону)

Наивность райская!

Барон

(в сторону)

Я от восторгов тлею!

Графиня

(взяв шаль от барона)

Благодарю, барон!

Барон

Ах! благодарным быть
Тот должен, кто возмог хоть мало вам служить.

Графиня

(барону)

К несчастью, мы теперь встречаем редко в свете
Такую вежливость, парижский старый тон.

Барон

И редко кто найдет в прелестном сем ответе
Сокровища души.

Угаров

Поберегись, барон:
Так сильно шаркая, подагру разбередишь.

Графиня

(улыбаясь Угарову)

Как вы язвительны.

Барон

(тихо графине)

Несносный сорванец.

Фиалкин

(отдавая парасоль графине)

От солнца этот щит; от вас же для сердец,
Увы! защиты нет.

Угаров

(отдергивая Фиалкина)

Куда, любезник, лезешь;
Поди вздыхать в шалаш.

Фиалкин

Но и шалаш тот —
храм,
Где божеству души курится фимиам!

Графиня

(Фиалкину)

Везде поэзия.

Барон

(Угарову, который было зацепил шпорами графинино платье)

Вас предварить позвольте,
Чтоб от оружия воинских ваших ног
Здесь случай бедственный произойти не мог,
Невыгодный ее сиятельству.

Угаров

Увольте
От воспитания.

Барон

Ах, нет!..

Угаров

Не так я прост;
Насмешка не всегда со мною удается.

Саша

А верно, не один на этих шпорах хвост
Из вальсов вынесли.

Угаров

Наш грех.

Барон

И признается.
О, век! о, времена!

Графиня

Барон, который час?

Барон

Ах! скоро два часа.

Графиня

Как время пролетает.

(Отдавая шаль Саше)

Избавлюсь ли от них?

Фиалкин

Где роза расцветает,
Там время миг один.

Барон

Когда б оно для нас
Остановилося и крылья потеряло...

Угаров

Да, если раз-другой оно крылом махнет,
Так и прощай, барон, — тебя как не бывало.

Графиня
(Угарову)

Ах! полноте шутить: мне смех на ум нейдет.

(Саше)

Вошла ли тетушка?

Саша

Давно.

Графиня

А князь?

Саша

Он с нею.

Графиня
(понизя голос)

И Пронский?

Саша

С ними же.

Графиня

Я, право, не успею
Окончить как-нибудь к обеду туалет...
Вот случай тетушке бранить.

Барон

Кто знает свет,
Тот удаляется.

Саша
(в сторону)

Хоть этот догадался.

Графиня
(барону)

Уж вы уходите?

Барон

Себя могу ли льстить,
Что в час гулянья вы...

Графиня

Надеюсь с вами быть.

Барон

(целует руку и, отходя, в сторону)

Вот прелестей собор!

Графиня

(в сторону)

Насилу отвязался!

Угаров

Прощайте!

Графиня

Как! и вы?

Угаров

Готов, хоть и не рад.

Графиня

На долго ль?

Угаров

На лихих как раз примчусь назад.

(Уходя)

Не женщина — сокóл!

Явление 6

Графиня, Саша и Фиалкин (вздыхая издали).

Графиня

Ушли; ах, как я рада!

Саша

Поэт не отвздыхал.

Графиня

Отправь его скорей!

Саша
(Фиалкину)

Придите к нам уже с гитарою своей
Попозже.

Фиалкин

Внушена мне гением баллада,
И посвятить хочу графине сердца плод.

(Графине)

Примите...

Графиня

Что, сударь?

Фиалкин

Творенье небольшое;
Но есть в нем кое-что — я выбрал модный род
Баллад.

Графиня

Я их люблю.

Саша

А прозвище какое?

Фиалкин

Омир или Омер. — Еще не решено,
Как должно звать его, и для того я *или*
Поставил, чтоб меня журналы не бранили.

Саша

Да дело в чем? а *ме* иль *ми* — нам всё равно.

Фиалкин

Поэт бессмертный, кем была воспета Троя,
Лишенный глаз, любви талант свой посвятил.

Графиня

Гомер влюбился!

Фиалкин

Ах! кто пел и не любил?
Ахилла славил он, чтоб улыбнулась Хлоя,

Графиня

Вот это новое!

Фиалкин

Не думаете ль вы,
Чтобы поэтом быть, довольно дарованья,
Воображения, в словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочего? — Ах нет! нет, этого всё мало.

Графиня

И даже прочего? Что ж нужно для него?

Фиалкин

В нем сердце быть должно, которо б изливало
Слезу горячую в грудь друга своего;
Чтобы он чувствовал, чтоб чувствовал, как бьется
Любовью вещее, чтобы в природе всей
Он видел милую, чтоб жил одною ей,
Чтоб тонкий вкус имел...

Саша

(в сторону)

Где тонко, там и рвется.

Фиалкин

Чтоб в скромной хижине вмещал он целый мир,
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселил его одной природы пир,
Чтоб он любил... как я...

Графиня

Нам времени осталось
Немного, так прошу...

Фиалкин

Увы! когда б я мог
Баллады пением тот выразить восторг,
Которым вспламенен Омер, певец всесветный.

Графиня
(в сторону)

В пенье сноснее вздор.

(Ему)

Пропойте.

Фиалкин
(настраивая гитару)

Я готов.

БАЛЛАДА

Пел бессмертный славну Трою,
Пел родных Приама чад;
Пел Ахилла, жадна к бою,
Пел Элены милый взгляд.
Но чувствительность слезами
Излила глаза певца.
Ах! мы любим не глазами,
Для любви у нас сердца;
И бессмертный под сетями
У бессмертного слепца.

Я мысли освежить хотел игрою слов:
Поймал под сеть свою Амур, слепец бессмертный,
Бессмертного слепца Омера.

Графиня
(в сторону)

Что за вздор!

Саша

Слепец слепца ведет, прекрасно!

Фиалкин

Ах! ваш взор
Решит судьбу слепца.

Графиня

Он очень мил.

Саша

А сколько

Куплетов всех?

Фиалкин

Всего их сорок восемь.

Саша

Только!

Фиалкин

Не больше.

Графиня
(Саше)

Ах, спаси!

Саша
(Фиалкину)

Безделица, да нас
Ждет туалет, а вам не время ль на Парнас?

Фиалкин

Баллада в чтении так милой быть не может.

Саша

И одеваться нам баллада не поможет!

Графиня
(Саше)

Как неучтива ты.

Фиалкин
(графине)

Эстетики в ней нет.

Графиня

Чтоб наказать ее — не пойте ж.

Фиалкин

Весь эффект
Пропал без музыки.

Графиня

Могу ль я быть в надежде,
Что нынче к вечеру услышу...

Фиалкин

А не прежде?

Графиня

Не прежде; но прошу, скажите мне пока
Сюжет.

Фиалкин

Омер сидит в лесу у ручейка
И к Хлое страсть поет...

Саша

Покуда перестанет?

Фиалкин

Нет, ошибаетесь, покуда гром не грянет,
Покуда, бурями чреваты, небеса
Не хлынут океан на землю...

Саша

Ах, ужасно!
Как в голову придут такие чудеса?

Фиалкин

Я почерпнул из глаз прелестных...

Графиня

Вот прекрасно!
Все эти бури вы в моих глазах нашли?

Фиалкин

Что дивно в небеси! что мило на земли!
Величие богов, наивность, ум чудесный
Усредоточили вы всё в душе небесной!

Саша

Постойте-ка, сударь, да этот комплимент
Для молодой княжны был, кажется, пропет?

Графиня

Ага, сударь! так вы...

Фиалкин

Я не стыжусь нимало
Признаться. Оленька здесь прелестью своей
Пленяла, как луна, но солнце воссияло —
И свет луны погас.

Графиня

Не может быть лестней!
Да вы всем женщинам поете точно то же.

Фиалкин

Ах, вы единственны! что в мире с вами схоже?

Саша

А барышня моя?

Фиалкин

Конечно, хороша:
Все хвалят в ней глаза.

Графиня
(в сторону)

Да где же в них душа?
Как фонари без свеч.

Саша

Лицо ее прекрасно,
Твердили вы в стихах.

Графиня

Лицо бело и красно,
И точно херувим на вербе восковой.

Саша

Что ж, отопретесь ли?

Фиалкин

Вовек не отопруся
От тех моих стихов, что были всей Москвой

С восторгом читаны. На вас самих пошлюся,
Графиня, что они...

Графиня
(с досадою)

Я не читала их.

Фиалкин

Угодно ль, я прочту.

Графиня
(с досадою)

Вы, кажется, забыли,
Что здесь обедают.

(В сторону)

Какой несносный враль!
Стихи преплоские.

(Ему)

Мне, право, очень жаль,
Что не могу теперь...

Фиалкин

Дослушайте...

Графиня

Прощайте.

Фиалкин

В минуту кончу всё.

Графиня
(Саше)

С тобой поговорить
Хотела я, но мне поэта с рук не сжить.

(Идет к дому.)

Фиалкин
(бежа за нею)

Баллада вам...

Графиня

Ее вы Оленьке читайте.

(Уходит.)

Фиалкин

Бежит... и, ах! за что прогневаться могла,
Не понимаю я.

Саша

А, кажется, понятно,
Что прелестям чужим воспетая хвала
Для женщин никогда не может быть приятна.

Фиалкин

Что слышу? я погиб! Да как же не прочесть
Прекрасные стихи, что делают мне честь.
И кто бы вытерпел?..

Саша

Не плачьте бесполезно,
Я горю вашему надеюсь помочь;
Попозже, как совсем глухая будет ночь,
Придите вы сюда с гитарою.

Фиалкин

Прелестно!

Саша

И, к счастью, завтра день рождения.

Фиалкин

Чьего?

Саша

Графини.

Фиалкин

Райска весть! В минуту для него
Поспеет новая баллада.

Саша

Ну же с богом,
Проворней на Парнас.

Фиалкин

Лечу!

Саша

Лети скорей,
Да ночью прилетай и пой как соловей.

Фиалкин

Я трону гордую души моей восторгом.

ДЕЙСТВИЕ III

Явление 1

Графиня, потом Саша.

Графиня

(выходя, слуге)

Ты Сашу позови. Нет больше сил терпеть
Брюзгливой тетушки несносные загадки;
А Пронский с Оленькой так чопорны, так сладки,
И так жеманятся, что приторно смотреть.

(Саше)

Ах, Саша! ты одна мне в Липецке отрада!
Замучили меня: мораль, обиняки!..

Саша

Да кто прогневал вас?

Графиня

И спрашивать не надо;
Всё это тетушка, профессорша тоски.
Вообрази себе, из-за стола лишь встала,
Уселась за бостон, и на шесть проиграла:
К ней Пронский в вист пошел и даму пропустил.
Тут мигом началась война обиняками:
«Кто нежно чувствует, быть хочет дамам мил,
Тот станет ли их бить без жалости тузами;

Учтивее ввести товарища в ремиз,
Чем быть невежливым против червонной дамы:
От дам везде беды»... и прочи эпиграммы
Насчет червонных дам рекою полились.
Все ж эти дамы — я.

Саша

Как это всё похоже
На старых девушек; да жалки и оне.

Графиня

Я рада их жалеть, простили б только мне,
Что в двадцать три года́ их смею быть моложе.

Саша

К несчастью, вам еще прощенья долго ждать.
Однако же придет...

Графиня

Ах! перестань пугать;
Без скуки будущей и так теперь мне скучно,
Развесели меня. Ты, Саша, так мила,
Что я желаю быть с тобою неразлучно;
С тех пор как Лабари, которая жила
Семь лет у нас в дому, с аббатом ускакала,
Подруги я себе по сердцу не сыскала;
А ты жива, остра, всегда меня смешишь,
И по-французски ты изрядно говоришь.

Саша

Болтаю, я была воспитана с княжною.
Отпустит ли она...

Графиня

Я это всё устрою,
И верно ты моя; меж тем, мой друг, поди,
Возьми свое шитье, и там на туалете
Левека, Русскую историю, найди,
И вынеси сюда.

Саша
(с удивлением)

Историю!

Графиня

Да, в свете
Всё может нужно быть, — поди ж.

Саша

Бегу сейчас.

(В сторону)

Левек ей надобен для хитростей в запас.
Увидим.

(Уходит.)

Явление 2

Графиня
(одна)

Оленька изволит томны взгляды
Кидать на Пронского, и храбрый наш Тезей
Уже готов отплыть с сестрицею моей,
Чему и тетушка и братец очень рады;
Да ошибутся все. — Я здесь его дождусь,
В любви его ко мне признания добьюсь,
Когда же надобно — и замуж даже выйду.
Ах, муж — и муж педант! — несносен; но обиду
Сноснее ль вытерпеть от девочки пустой?
Притом же Пронский добр, доверчив, тих — и точно
Безгласным мужем быть на свет рожден нарочно,
Так буду я над ним и в доме госпожой.
Мое имение расстроено долгами,
Но вырвет он его из рук ростовщиков.
От сплетен, от клевет, комер и болтунов
Я порассорилась со многими домами;
Но с мужем в Петербург лишь только появлюсь,
Открою пышный дом и с светом помирюсь.
Все будут ездить к нам!..

Явление 3

Графиня и Саша.

Саша

(вынося книгу и шитье)

За вашим туалетом
Левека бедного насилу мы нашли;
Изволил он лежать смирнехонько в пыли
С тремя журналами.

Графиня

Беды не вижу в этом;
Он так же скучен мне, как выспренний барон,
Который «здравствуйте» не скажет без амфазы.

Саша

А! кстати, вот он сам.

Графиня

Окончили ль бостон?

Саша

О нет еще.

Графиня

Так пусть он сочиняет фразы,
Пока играют там.

Явление 4

Те же и барон.

Барон

Могу ли испросить
Великодушного от вас себе прощенья?

Графиня

За что, барон?

Барон

Должна особа та простить,
Которая была виною преступленья
И в ком боготворят небесну доброту!

Графиня

Да что вы сделали?

Барон

(показывая на решетку)

Я преступил черту,
Вас отделяющу от мира, вам подвластна.

Графиня

Поверьте мне, барон, вы просите напрасно
Прощенья в том, что мне приятнее всего.

Барон

О слово сладостно! верх счастья моего!
Ах! я осмелюсь ли в минуты столь удобны,
Каких близ вас найти не суждено всегда,
Открыть вам...

Графиня

(с гордостью)

Что, сударь?

Барон

(с смятением)

Вы ныне бесподобны!

Графиня

Придворный комплимент.

Саша

(в сторону)

Ну стоило ль труда
Так много говорить, чтоб вздор сказать?

Барон

Не ново
Для слуха вашего, что смел я произнесть,
Но из души моей то вырвалося слово
Само собой.

Графиня

Барон, оставьте вашу лесть, —
Она страшит меня.

Барон

Страшитеся напрасно,
Вам нет опасностей.

Графиня

Я знаю, что в наш век
Нам молодых мужчин прельщенье не опасно.
Как феникс, редок стал любезный человек.

Барон

Без нежности, без чувств все нынешние франты;
В них нет услужности, приманки для сердец.

Графиня

Которой пред собой я вижу образец.

Барон

Как лестно!

Графиня

Так, барон! упряжки, крепс и карты
Наместо нас теперь владеют их душой.
Взгляните в общества: мужчины иль играют,
Иль меж собой шумят, а женщины зевают;
И наш преславный век — для женщин предурной.

Саша

Как книга говорит.

Барон

Ах! для чего родиться
Вы опоздали в свет, вас чтили б божеством
В тот век, который был для женщин торжеством.
Без самолюбия осмелюсь я хвалиться,
Что знали мы любить и снискивать любовь.

Графиня

(нежно)

Нетрудно верить вам!

Барон

Я равносильных слов
Восторгу моему в уме не обретаю,
И для того паду...

(Становится на колени.)

Графиня

Что значит?..

Явление 5

Те же и Угаров.

Угаров

В два мигá
Примчался на лихих.

Графиня

Да встаньте!

Барон

(хватаясь за колено)

Ах, нога!

Угаров

(увидя барона)

А, здравствуй, купидон!

(Графине)

С победой поздравляю!

Графиня

(барону)

Да встанете ли вы?

Барон

Клянусь вам, не могу.

Угаров
(помогая его поднять)

Да ты б с собой таскал дородного слугу,
Чтоб подымал тебя.

Барон
(упадая на стул)

Терплю и стыд и муку!

Саша

Ах, боже мой! ему вы изломали руку.

Угаров

Что в ней!

Барон

Что в ней!
(Вставая)
Узнать желаете ли вы?

Графиня

Барон!

Угаров

Да у него две разве головы?

Барон

Одна, но льщу себя, не так пуста, как ваша.

Графиня

Прошу вас, кончите.

Угаров

Эй, слушай, будет каша!
Ты знаешь, я не трус.

Барон

Я верить вам готов.
Когда ж дворянство всё, идя против врагов,
Покрылось славою, вы, помнится, порска́ли
И против зайцев здесь прехрабро воевали.

Саша
(в сторону)

Не в бровь, а прямо в глаз!

Угаров

Тебе ль о том судить!
Не хуже прочих всех я был бы кавалером,
Но за меня взялись совсем не тем манером:
Я не у всякого хочу в команде быть.

Барон

В команду, думаю, и вас возьмет не всякой.

Угаров
(показывая на графиню)

Вот, здесь мой командир, и, слушая его,
Браниться не хочу с столетним забиякой!

Барон
(в бешенстве)

Столетним?..

Графиня
(барону)

Кончите.

Угаров

Нет, я ни от кого
Не вытерплю обид!

Графиня
(Угарову с приятностию)

Да разве вас не знают!

Угаров

Надеюсь; только он...

Графиня

Поверьте, вас считают
Тем точно, что вы есть; ваш не обманчив вид.

Угаров

Благодарю.

Саша

(барону)

За что?

Барон

(Саше)

За брань благодарит.

Графиня

Я, признаюсь, люблю, чтоб свойства человека
Изображали всё: ухватки, голос, взгляд;
И не терплю людей, с которыми полвека
Жить вместе надобно, чтоб их узнать.

Угаров

Наш брат
Весь налицо, и весь к услугам вашим.

Барон

Речами, взорами, телодвиженьем нашим
Мы можем доказать, что жили меж людей.

Графиня

Привычки, говорят, природы в нас сильней,
С кем жили мы, они тотчас изобличают.
Того ж, кто ловок был в прошедши времена,
От прочих отделит та вежливость одна,
Которую в наш век жеманством называют.

Угаров

Лихое прозвище, не правда ли, барон?

Графиня

Другие ж, напротив, свободно обращенье,
Со всеми без чинов, вертлявость, резкий тон,
Хватизмом назвали.

Барон

Премудро изреченье!
Я запишу его.

Угаров

Да кстати записать
Жеманства не забудь.

Графиня

Не должно забывать,
Что в свете, как на всё, и на любезность мода.
Не смею я решить, которая милей —
Любезность старого иль нынешняго рода;
Однако же скажу, одна другой живей,
Другая вкрадчивей...

(Взглядывает на барона.)

Барон

Так, вкрадчивей, вы правы.

Графиня

(взглядывая на Угарова)

А многим нравятся теперешние нравы:
Свобода, простота...

Угаров

Еще благодарю,
И понимаю вас.

Графиня

Я просто говорю.
Так мудрено ль понять?

Барон

(Саше)

Она его дурачит.

Саша

(в сторону)

И оба в дураках.

Угаров

(графине тихо)

Барон чуть-чуть не плачет.

Барон

(графине тихо)

Клянусь, он жалок мне!

Явление 6

Те же, княжна, Оленька и слуга.

Княжна

(входя, Оленьке)

Игрок хороший он,
И даму пропустил!

(Увидя графиню)

Опять она попалась!
Здесь в лицах птит-мизер!

Графиня

(княжне)

Вы кончили бостон?
Счастливо ль?

Княжна

Да, мой свет, я тотчас отыгралась,
Как скоро ты ушла.

Барон

(княжне)

Осмелюсь ли узнать
О вожделении здоровья?

Княжна

(сухо)

Я здорова.

Угаров

А где наш генерал?

Княжна

Он хочет отдыхать.

Угаров

Князь славный молодец.

Барон

Вид барина большого
В его сиятельстве являет знатный род.

Княжна

Он весь в свою родню.

Барон

А долго ли у вод
Нам будет делать честь княжое пребыванье?

Княжна
(смягчая тон)

Еще не решено.

(Оленьке)

Барон не без ума.

Графиня
(тихо)

Князь спит, а Пронский где ж?

Княжна
(вслушавшись, с досадой)

Он только два письма
Успеет дочитать и выйдет на свиданье.

Графиня

Свиданье? с кем? и где? Поверьте, что никто...

Княжна
(впадая в речь)

Тебе не нравится, давно я знаю то,
А если надобно, и присягнуть готова,
Что ты дурачишь всех.

Угаров
(поглядывая на барона)

Да, прочих.

Барон
(поглядывая на Угарова)

Так иного.

Княжна

(Оленьке)

Чтоб лишними не быть, так мы гулять пойдем.

(Надевает перчатки.)

Графиня

(в сторону)

Их надобно услать.

(Барону)

Вы отказать ни в чем
Не захотите мне.

Барон кланяется.

Княжна

Ах, боже мой! остался
В покоях парасоль.

Графиня

(барону, указывая на княжну)

Подайте ж руку ей.

Барон

О небо!

Графиня

Я прошу.

Барон

Я с вами быть ласкался.

Графиня

Где ж вежливость, барон?

Барон

(подавая руку княжне)

Могу ли чести сей...

Княжна

Кто знает жить, как вы, я с тем иду охотно.

Графиня

(Угарову)

Возьмите ж Оленьку.

Угаров

А вы?

Графиня

Так вам угодно,
Чтоб я терпела брань еще, сударь, за вас?

Угаров

Но...

Графиня

Вы застенчивы.

Угаров

Увидите сейчас.
(Подает руку Оленьке.)

Княжна

(Оленьке)

Возьми!

Оленька

(берет руку Угарова)

Как скучно!

Барон

(взглянув на графиню)

Ах!

Княжна

(в сторону)

Испорчу ей свиданье.

(Саше)

Боюсь, графине здесь соскучится одной;
Ты с ней будь.

Графиня

(в сторону)

Скука вся отправится с тобой.

Княжна

Барон, пойдемте ж.

Уходят.

Явление 7

Графиня и Саша.

Саша

(глядя вслед отходящих)

Вот забавное гулянье!
Как вы их сбыли с рук.

Графиня

Ах, наших волокит
Не может ничего под небом быть скучнее!

Саша

Да кто же слушать вам их глупости велит?
Отделали б путем...

Графиня

Да разве веселее
Весь день играть в бостон иль с Оленькой зевать,
Чем царствовать в толпе сердец, плененных мною,
И, вздохи слушая, с покойною душою
Любовью мучить их?

Саша

Вот, нечего сказать,
Совсем невинное занятие.

Графиня

Конечно.
Народ любовников, поверь мне, рад сердечно,
Чтоб только воздыхать, придраться ко всему;
Как пища нам нужна, так надобны ему
И нежны жалобы, и страстные мученья.
Охотники любить без них умрут с тоски.

Саша

Так, стало, мучите вы их из сожаленья?
Ну! в филантропии вы очень далеки!
Вам смело можно быть профессором морали.
Меня на выучку к себе когда бы взяли,
Как рада б я была!

Графиня
(смеясь)

В тебе быть может прок,
Садись и шей, а я читать Левека буду,
И здесь же дам тебе порядочный урок.

(Садится и берет книгу.)

Саша
(подвигая столик)

Я ваших милостей вовеки не забуду!

(Ставя стул)

Когда б учителя мне проучить путем.

Графиня

Как скучно долго ждать!

Саша
(в сторону)

А! Пронского мы ждем.

Явление 8

Те же и Пронский.

Графиня
(увидя его)

Идет!

(Ему)

Ах, это вы!

Пронский

Быть может, я мешаю?
Вы заняты?

Графиня

О нет; я в третий раз читаю...
Да угадайте, что?

Пронский

Роман.

Графиня

Я льстилась, что мой вкус
Вы лучше знаете.

Пронский

Я думал...

Графиня

Так прочтите.

Пронский

Левек, История!

Графиня

Прошу вас, не браните.

Пронский

Мне вас бранить! за что?

Графиня

По чести, я стыжусь,
Что славу русских дел читаю не по-русски:
Но воспитание дают такое нам.
На языке чужом мы пишем к матерям,
И даже катехизм нас учат по-французски.

Саша

(в сторону)

Так вот на что Левек!

Пронский

(с жаром)

И думать тяжело,
Что мы, когда наш дух вселенной прославляем,
Прекрасный свой язык бесстыдно презираем,
И видеть не хотим, влечет какое зло
К нам в нравы и сердца чужое воспитанье.

Графиня

Святая истина! Вы дали мне желанье
По-русски тверже знать; но автор наш какой
Вам лучше нравится?

Пронский

Поэтами большими
Богаты мы.

Графиня

Итак, прочтите их со мной;
Чрез вас приятней мне знакомство сделать с ними.
Мы завтра ж из Москвы их выписать должны.

Пронский

Да книги лучшие у молодой княжны
Вы можете найти.

Графиня

Скажите, как успели
Проведать это вы?

Пронский

Однажды мы сидели
У вашей тетушки, и вдруг ей мысль пришла
Княжну заставить...

Графиня

Так, вот тетушек уловки
Племянниц выставлять.

Пронский

Она больна была
И не могла в бостон...

Графиня

Они на это ловки!
Коль нужно, явятся болезни на заказ.

Пронский

Быть может иногда, но, право, в этот раз...

Графиня

Мигрень случился?..

Пронский

Так.

Графиня

Который зачитали.
Что ж ваша Оленька?

Пронский

В ней совершенный дар
Читать и чувствовать.

Графиня

И чувствий этих жар
Зажег чувствительность; вы скоро ль запылали,
Скажите дружески?

Саша

(в сторону)

За ревность принялась.

Пронский

Вы шутите.

Графиня

Но вы признайтеся без шуток,
Прельщенье Оленьки дошло во много ль суток
До сердца вашего?

Пронский

(с досадой)

Могу уверить вас,
Графиня, что княжна нимало не хотела
Прельщать меня.

Графиня

А то, конечно бы, успела,
Не так ли?

Пронский

Мудрено почтенья не иметь
К ее достоинствам.

Графиня

(с живостью)

Да вы уж признаетесь!

Саша
(в сторону)

Ну, разом убивай!

Пронский
(в сторону)

Я не могу терпеть
Несправедливости.

Графиня

И вы не отречетесь
От ваших слов?

Пронский

Никак.

Графиня
(вполголоса)

Ах! слишком я добра!

Пронский

Но изъясните мне...

Графиня

Вам изъяснять не нужно.
Вы знаете, что всё семейство наше дружно,
И так приятно мне, хотя б моя сестра
Соединилась с тем, кто... так ей цену знает.

Пронский

Но всякий нрав ее и разум почитает,
Все хвалят красоту и скромность...

Графиня
(в сторону)

Я взбешусь!
Несносный человек!

Саша
(в сторону)

Ай Пронский!

Графиня

Я ваш вкус
Хвалю и отдаю охотно справедливость
Прекрасной Оленьке, в которой и сама
Без памяти люблю и скромность, и стыдливость,
И сердца тишину, и власть над ним ума.
Я даже вам скажу, хотя признаться стыдно,
Мне хладнокровие ее всегда завидно.

Саша
(в сторону)

Что дальше?

Графиня

Ни к чему в ней лишней страсти нет. —
Какое счастие! в ней всё уму послушно;
На всех людей она так смотрит равнодушно,
Что панорамою ей кажется весь свет.
Ах! если б у нее могла я научиться!
Но нет, я чувствую, что невозможно мне.
И надо, как она, так счастливо родиться,
Чтоб сердце быть могло всегда в покойном сне.

Саша
(в сторону)

Вот хвалит мастерски.

Пронский

Однако ж я считаю,
Что в равнодушии блаженства нет.

Графиня

Не знаю,
А в Оленьке оно бесценнее всего.

Пронский

Но что же значит в ней к несчастным сожаленье,
Привязанность к родным, о бедных попеченье?

Графиня

Простая доброта, и больше ничего.

Пронский

Простая доброта! Однако...

Графиня

Так, бесспорно,
Она ко всем добра, в ней самый тихий нрав,
И муж ее всегда быть с нею должен прав:
Она с смирением в нем будет чтить покорно
Супружескую власть. — Женитеся на ней!

Саша

(в сторону)

Когда б послушался!

Пронский

Совет ваш беспристрастен,
И я...

Графиня

Как!.. Что, суда́рь?

Саша

(в сторону)

Ну, говори скорей!

Пронский

И я, когда б хотел быть в доме самовластен,
Мое спокойствие предпочитал всему,
Тогда б, не думавши, последовал ему.

Графиня

(в сторону)

Я отдыхаю!

Саша

(в сторону)

Ай, ай, худо!

Графиня

Изъяснитесь,
Чего ж вы ищете?

Пронский

Любви!

Графиня

Ах! берегитесь,
Любовью можно быть легко ослеплену;
Поверьте мне, что в брак вступать всегда опасно
С душою пламенной.

Пронский

Но можно ли не страстно,
Не более всего любить свою жену?

Графиня

Ах, Пронский! так любя и быв равно любимым,
Достойны вы найти верх счастья на земли;
Но много ль есть сердец, которые б могли
Как ваше чувствовать и сделать вас счастливым?
А без взаимности женитьба в жизни ад!

Пронский

Конечно, так.

Саша

(в сторону)

Ай, ай!

Графиня

Я это испытала:
Граф Лелев был умен, чиновен и богат,
Так выйти за него родня мне приказала.
В семнадцать лет ему я сделалась женой
И, чувствуя, как вы, его боготворила;
Но он мне отвечал холодностью одной,
Которая меня отчаяньем морила.
Лишилась я его; тут, испытав себя,
Узнав, что быть могу несчастною, любя,
Рассеянную жизнь одним считая средством
Противу сильных чувств, я бросилася в свет,
Старалась нравиться, — и трудно ль в двадцать лет
Вздыхателей найти. — Вы можете кокетством
Желанье это звать, и в том я соглашусь:

Оно ничтожно — так, смешно — не спорю с вами,
И вредно — может быть; но только я клянусь,
Что, забавляяся влюбленными сердцами
И ветрено кружась в чаду моих побед,
Кокетством я была одной себе во вред.

Саша

(в сторону)

Невинность сущая!

Пронский

Столь вольное признанье
В своих погрешностях, коль смею так назвать,
Заставит всякого вас больше почитать.

Графиня

Я это говорю себе не в оправданье.
Пускай винят меня, лишь только б я могла
Таким рассеяньем спасти мою свободу;
Но я спокойствием обязана была
Не принятому мной беспечной жизни роду,
А, кажется, тому, что в обществах больших
Встречала всё людей ничтожных и пустых,
Любезных без души, ученых без рассудка,
Влюбленных без сердец и острых без ума;
Их чувства в голове, любовь их только шутка.
Над ними, над собой смеялась я сама.

Саша

(в сторону)

И дельно!

Пронский

(в сторону)

Как мила!

Графиня

Вы что-то мне сказали?

Пронский

Кто? я?

Графиня

Да, вы, суда́рь.

Пронский

Нет, право, ничего.

Графиня

Я знаю, скрытны вы.

Саша

Уж клеплет на него.

Графиня

Да, речь вы начали и тотчас замолчали,
Так, верно, что-нибудь в моих словах нашли,
Что вам не нравится, — признайтеся по чести.

Пронский

(с жаром)

Что мне не нравится! Графиня! вы ль могли
Так думать для меня обидно.

Графиня

Разве лести
Я требую от вас? — Язык мой так же скор,
Как сердце искренно; привыкнувши с друзьями
Не думав говорить, не мудрено, что, с вами
Предавшись чувствиям, сказала я и вздор.

(Саше)

Ты, Саша, слышала?

Саша

Ни слова, — я вздремала.

Графиня

(тихо ей)

И проспала урок.

Пронский

Клянуся честью вам,
Что прелесть ваших слов меня очаровала;

И я в восторге мог сказать, не помня сам,
Что говорю.

Графиня

Теперь простите мне сомненье.
Ах, Пронский! я клянусь, что в ваших быть глазах
Неправой в чем-нибудь мне было бы мученье.
И вам не нравиться во мне так силен страх,
Что показала вам свою нетерпеливость
Знать ваше мнение.

Пронский

Могу ль скрывать его?
Я вас прелестнее не знаю ничего;
И целый свет отдаст вам ту же справедливость.

Графиня

Что́ в целом свете мне; пусть все найдут меня
Кокеткой, ветреной, безумной, — чем угодно;
Но вы, и чувствуя и мысля благородно,
Мои погрешности, коль можно, извиня,
Должны, суда́рь, должны, хотя из сожаленья,
Ум слабой женщины навесть на добрый путь.
Я верю вам одним, так ваши рассужденья,
Ваш разум нужны мне.

Саша

(в сторону)

Да он хоть камень будь,
Так треснет.

Пронский

Разум мой? — Ах! если бы вы знали,
Как жалок разум мой!

Графиня

Что, Пронский, вы сказали?
Ужли ваш твердый дух...

Пронский

Он в свете всех слабей!
Мне больше вашего друзей советы нужны,

Саша
(в сторону)
Бедняк! чем выручить?

Графиня
Большáя часть людей
Для выгод собственных бывают с нами дружны;
Но дружбу вашу я когда б могла снискать,
То откровенностью была б ее достойна.
Откройте сердце мне...

Саша
(в сторону)
Хоть караул кричать!

Пронский
Ах! если б знали вы...

Графиня
Не буду я спокойна,
Пока не скажете...

Саша
(в сторону)
Вот средство.
(Роняет стол.)

Графиня
(испугавшись)
Что за стук?

Саша
Упал проклятый стол.

Графиня
Да разве ты без рук?

Саша
Как быть; вздремала я.

Графиня
И так неосторожно!

Саша

Да как же от всего предостеречься можно,
Не только мне, и вам!

Графиня

Какой дурацкий сон!

Саша
(в сторону)

Не так-то глуп!

(Ей)

Но вот сюда бежит Семен.

(В сторону)

И кстати.

Графиня

А зачем? — Когда людей не надо,
Они готовы тут.

Явление 9

Те же и Семен.

Семен
(Пронскому)

Приехал братец к вам
И хочет видеться.

Графиня

Граф Ольгин?

Семен

Так, он сам.

Графиня
(Саше)

Граф этот злой болтун, и я совсем не рада
Приезду братцеву.

Семен

(Пронскому, стоящему в задумчивости)

Граф Ольгин просит вас.

Пронский

Граф Ольгин?

Семен

Так, сударь, приехал он сейчас,
Пристал в моем дому и вас увидеть хочет.

Пронский

(в смятении)

Иду.

Графиня

А подождать никак нельзя ему?

Пронский

Когда угодно вам.

Графиня

(Семену)

Ты графу своему
Скажи, чтоб подождал.

Семен

(тихо Саше)

Что так она хлопочет?

Саша

(Семену, указывая на Пронского)

Ах, выручи его, ему пришла беда!

Графиня

Хоть граф вам и родня, но он не сходен с вами:
Он самый злой язык меж злыми языками;
Я не люблю его.

Семен

(будто возвращаясь)

Княжна идет сюда!

Графиня
(в сторону)

От этой тетушки нигде мне нет покою.

(Пронскому)

Наш разговор теперь нам должно окончáть;
Но я надеюся вам нынче ж доказать,
Что откровенности и дружбы вашей стою,
И именем ее прошу вас помнить то,
Что от злословия не избежит никто.
Прощайте, я иду.

(Отходя, толкает ногою стол.)

Проклятый стол!

Пронский
(выходя из задумчивости)

Не смею
Себя исследовать; я очарован ею!
Какое сердце, ум! Свет мало знаю я...
Но с видом искренним таким никак нельзя
Притворствовать...

(Семену)

Пойдем.

(Хочет войти в дом.)

Семен
(показывая на ворота)

Вот здесь дорога.

Пронский в смущении уходит.

Семен
(отходя, Саше)

Бедняк! он жалок мне.

Саша
(выходя из удивления)

И не боится бога
Сердцами бедными, как пешками, играть.

Так вот кокетство что! Так этим-то искусством
Изволят госпожи невинно промышлять.
С какою хитростью, с каким поддельным чувством,
Без всякого стыда, берет умильный вид;
Ну, ангел на лице, а в сердце черт сидит;
Но нет, прелестница! нет, я тебе клянуся,
Во что б ни стало мне, а только уж добьюся,
Что будет Пронскому женой княжна моя,
И докажу тебе, что женщина и я!

ДЕЙСТВИЕ IV

Явление 1

Ольгин и Пронский.

Ольгин

Как я расстроился, чуть жив... Легко ль тащиться
В дормезе, по грязи́, смертельных десять дней;
И Липецк не похож на то, чтоб в нем лечиться,
А пуще занемочь. Нет, милый, поскорей
Уедем в Петербург.

Пронский

Как в Петербург!

Ольгин

Да, милый,
Здесь скука смертная и пахнет всё могилой.

Пронский

Но скуки здешней граф увидеть не успел.

Ольгин

Предчувствую ее. — Но знаться я хотел,
Графиня Лелева как время убивает?
Какой несчастный ей попался в передел?

Пронский
(с смятением)

Да с нею ты знаком?

Ольгин

И кто ее так знает,
Как я?

Пронский

Как ты?

Ольгин

Божусь, она мне лучший друг.

Пронский

Тебе?

Ольгин

Да, милый, мне. — Когда ее супруг
От лишней ревности до смерти забесился,
Я утешал ее... И, признаюсь, влюбился.

Пронский

Влюбился! ты?

Ольгин

Я сам; хоть и стыжусь теперь,
Что так дурачился.

Пронский

Да разве без успеха?

Ольгин

И да, и нет, как все.

Пронский

Как все?

Ольгин

Ее утеха
Прельщать, заманивать, — и только ей поверь,
То мигом в дураках.

Пронский

Однако...

Ольгин

Что такое?

Пронский

В ней сердце доброе.

Ольгин

Напротив, очень злое.

Пронский

Ты с ней поссорился?

Ольгин

Нет, право, мы друзья.

Пронский

Однако ж этого из слов твоих не видно.

Ольгин

Тогда поверишь мне, как с ней увижусь я.
Смотреть на наш восторг не будет ли завидно
Твоей любви?

Пронский

Но, граф, я не влюблен.

Ольгин

Я рад,
Что ты не дашь себе, знакомясь только с светом, —
Ужасный ридикюль — влюбиться невпопад.

Пронский

Что ж так ужасного ты, граф, находишь в этом?

Ольгин

Неужли, милый мой, не знаешь ты того,
Что в свете быть смешным ужаснее всего.
Да лучше я хочу без ленты век таскаться,
Именье проиграть, за долг попасть в тюрьму,
Чем ридикюльным слыть.

Пронский

Но должно ли тому,
Кто честен и правдив, насмешек так бояться?

Ольгин

Да, милый, честь твоя — защита велика,
Она тебя спасет от злого языка!

Пронский

Но злоязычник, граф, не должен быть терпимым
Ни часу в обществе, как вредный человек.

Ольгин

Мысль старая, mon cher,[1] в наш философский век
Терпимостью одной быть надобно водимым,
И просвещения, поверь мне, лучший дар —
Свобода мнения.

Пронский

Свобода всем ругаться,
Злословить, клеветать...

Ольгин

Умерь катонский жар,
Когда охоты нет в фрондеры записаться;
И я как друг и брат советую тебе
Горячих выходок не позволять себе.

Пронский

А я как друг и брат скажу тебе, что должно
Без чувств, без сердца быть, чтоб холодно смотреть
На философский век.

Ольгин

Да, милый, сколько можно
Старайся мысль свою хоть формами одеть,
Чтоб не колоть людей, которых рассужденье
Оракул общества.

---

[1] Мой милый (франц.). — *Ред.*

Пронский

Да в чем же, граф, твоя
Свобода мнения, когда не смею я
Свободно говорить?

Ольгин

Да где мне взять терпенья
Апрофондировать все мысли, все слова?
Не за свое, mon cher, я не берусь дело;
Для этого нужна такая голова,
Которая б в боях ученых поседела,
А бедную мою измучил так мигрень,
Что в силлогизмах я при эрго стану в пень.
Да, кстати, к логике: мы, кажется, отбились
От пропозиции — войти в твой эрмитаж
Поправить туалет.

Пронский

Да, мы заговорились,
А скоро привезут ко мне твой экипаж.

Ольгин

Войдем, и там, пока мне ставят папильоты,
Я расскажу тебе графининой работы
Проказы славные.

Явление 2

Те же и графиня.

Графиня

Чтоб не успел болтун.

Ольгин

(увидя графиню, бежит к ней)

Графиню ль вижу я?

Графиня

Так точно.

Ольгин

Да с друзьями
Так разве видятся?

Графиня

Что я увижусь с вами,
Князь Холмский мне сказал.

Ольгин

Всемирный опекун
Уж здесь? и, верно, вас нравоученьем мучит?

Графиня

Он брат мне, и его я дружбою горжусь.

Пронский

(тихо Ольгину)

Да где ж восторги, граф?

Ольгин

(Пронскому громко)

По чести, я боюсь,
Что этот Холмский всех красавиц переучит
Так важничать, как сам.

Графиня

Тем лучше, граф, для них.

Ольгин

Тем лучше!

(Тихо Пронскому)

Умничать ее отважу вмиг.
Графиня, отчего, скажите мне без шуток,
Переменились вы: от князя иль от вод?

Графиня

Чтоб нами управлять, у нас на то рассудок,
Не воды и не князь.

Ольгин

Ну, право, черный год
Нашел на милых вдов; и нынешним же летом
Ваш друг, Перунова, наскуча белым светом,
В деревню скрылася от всех мирских сует;
Но с нею, говорят, учитель в тридцать лет
Поехал... для детей.

Графиня

Я вас уверю смело,
Так точно — для детей.

Ольгин

А мне какое дело;
Я верю, что она чувствительная мать,
И тронут тем до слез.

Пронский

Зачем же повторять
Догадки вредные?

Графиня

(Пронскому)

И людям как не стыдно
Развозной почтой быть всесветной клеветы!

Ольгин

Развозной почтой быть хоть несколько обидно,
Но я, графиня, рад, что вашей остроты
Не притупили вы, ударяся в смиренье;
И лучше быть хочу предметом эпиграмм,
Чем слушать скучное княжое поученье,
Взято́е целиком из самых скучных драм.

Пронский

Что драмы скучны, так; но князь!.. ах! я желаю,
Чтоб ты был чаще с ним.

Графиня

И я хочу того
Из дружбы к вам, суда́рь.

Ольгин

(графине)

Я очень понимаю,
Что может он желать наследства моего,
Какая ж прибыль вам, чтоб умер я зевотой?

Графиня

Граф, шутки нравятся, но только не всегда.

Ольгин

И не при всех.

Графиня

Да, граф, и с вашею охотой
Порочить целый свет, не можно ль иногда
Быть вредным и себе?

Ольгин

На это я согласен;
Но согласитесь вы, что даже самых злых
Насмешников язык не столько нам опасен,
Как ум и прелести пленительниц таких,
Которые мужчин терзают красотою,
А женщин языком.

Графиня

Граф! ваша острота
Мешает, кажется, насмешки с клеветою.

Пронский

Хоть женщин пощади!

Ольгин

Но их же красота
Хвалить других красот никак не позволяет,
И прелесть их — злодей всем прелестям чужим:
Так женщин кто бранит, тот им же угождает.

Графиня

Злословье, может быть, и нравится другим,
Но мне бы никогда вы тем не угодили.

Ольгин

Графиня, неужли́ вы время то забыли,
Когда боготворить кляняся вас одну,
Я с вами ж объявил красавицам войну;

И вместе больше мы народу положили,
Чем пало в Лейпциге.

Пронский

(в сторону)

Уж слишком дерзок граф.

Графиня

Вы знать должны, сударь, что мысли, даже нрав
Переменяются.

Ольгин

Спросить, графиня, смею,
Вы переменою кому одолжены?

Графиня

Себе, сударь, с тех пор, как правила имею.

Ольгин

Так эти правила не очень мудрены,
Когда в два месяца им можно научиться.
И завтра ж в Петербург хочу я написать,
Чтобы желающих свой нрав переменять
Прислали всех сюда.

Графиня

(с живостью)

Не нужно торопиться,
Я доказать вам льщусь...

Ольгин

Как ваши все друзья
Должны в экстазе быть от этой перемены;
Вы знаете, меж них такие феномены
Не часты.

Графиня

(с досадою)

Да и то, к несчастью, знаю я,
Что сплетни вредные, всему дурные толки
И шутки дерзкие не редки между них.

Ольгин

Но шутки эти все тому не будут колки,
В ком ваши правила.

Графиня
(с горестию и досадой)

Но едкостей таких
Я не ждала.

Ольгин

Я их нашел в развозной почте...

Графиня
(впадая в речь)

Всемирной клеветы, не так ли?

Ольгин

Право, нет;
Но дружба, искренность...

Графиня
(прерывая с досадой)

Прошу вас, не порочьте
Священных этих чувств.

Ольгин
(значительно)

Я шлюсь на целый свет...

Графиня
(прерывая с сильным чувством)

Он так же зол, как вы!

Пронский
(отводя Ольгина)

Графиня чуть не плачет.

Ольгин

Я вижу, только ты не видишь ничего.

Графиня
(в сторону)

Что говорят они?

Пронский

Да что ж?

Ольгин

Она дурачит.

Пронский

Кого?

Ольгин

Тебя.

Пронский
(с досадой)

Но, граф! ..

Ольгин

Прошу я одного:
Не горячись, смотри и слушай.

Графиня
(в сторону)

Нет терпенья!
Прерву!

(Громко, идя к столу)

Ах, боже мой! я не могу стоять.

(Почти упадает на стол.)

Пронский
(испугавшись)

Ей дурно, надобно за лекарем послать.

Графиня
(испугавшись)

Постойте, всё пройдет.

Ольгин
(вынимая спирт)

Пройдет и без леченья.

(Подает ей спирт.)

Что чувствуете вы?

Графиня
(с досадою)

Ужасный шум в ушах.

Ольгин

Пройдет!

Графиня
(нюхая спирт, вполголоса Ольгину)

Молчите же.

Пронский

Вам лучше ли?

Графиня

Ужасно
Кружится голова.

Ольгин

А сердце бьется ль?

Графиня
(с досадою)

Ах!

Ольгин

И очень сильно?

Графиня

Нет!

Ольгин

Так, стало, не опасно,
И, кажется, легко болезни пособить.

Явление 3

Те же и Семен.

Семен

(Ольгину)

Дермез перевезен, и комната готова.

Ольгин

(суетливо)

Мне должно самому всё там распорядить.

Пронский

(Ольгину, показывая на графиню)

Оставить хочешь ты?..

Графиня

(прерывая)

Не так я нездорова,
Чтоб графа удержать болезнь моя могла.

Ольгин

Тем больше, что Орест оставит здесь Пилада.

(Тихо графине)

Довольны ли вы мной?

Графиня

(тихо ему)

На вас я очень зла!

Ольгин

(Пронскому с амфазом)

Не покидай ее!

(Тихо)

И забывать не надо,
Что слышал от меня!

(Уходя Семену)

С большим его умом,
Мой братец без меня попался б в желтый дом.

Явление 4

Графиня и Пронский.

Графиня
(глядя вслед Ольгину)

Ушел!

Пронский
(в размышлении)

Что слышал я?

Графиня
(Пронскому горестно)

И вы еще со мною
Остались?

Пронский

Легче ль вам?

Графиня

Ах! мучиться душою —
Ужасная болезнь!

(Закрывается платком.)

Саша
(показываясь в окошке)

Здесь Пронский и она;
Скорей на выручку.

Пронский
(в размышлении)

Кому мне верить должно!

Графиня

Так льзя ли очернить, оклеветать безбожно!
Но горестей моих причиной я одна,
И признаюсь...

Пронский

Нет, граф...

Графиня

Ах, недовольно строги
Со мною, Пронский, вы, и если б я могла
В вас слабости найти, то б искренней была.

Пронский

Прошу вас...

Графиня
(вставая)

Слушайте... Меня не держат ноги.

(Опираясь на руку Пронского)

Подпорой будьте мне. — О боже! до чего
Я мало о моей заботилася славе,
Что дерзким быть со мной себя считают вправе.

Пронский
(с жаром)

Я с графом изъяснюсь.

Графиня

Не требую того.
Лишилась в муже я единственной защиты;
Он только б мог один... и вы, сударь. —
Ах, нет!
Я чувствую, что мне оставить должно свет;
Пусть будут навсегда мои страданья скрыты
От всех любезных мне.

Пронский

Нет, в радостях свой век
Должны вы провести.

Графиня

Жестокий человек!
Твердит о радостях, смеясь моим мученьем.

Пронский

Кто? я?

Графиня

Не вы, а тот, кто мне глаза открыл,
От сна прелестного кто душу разбудил.
Не знав, не видя вас, еще бы ослепленьем
Могла счастливой быть; и слушать я должна,
Как вы о радостях холóдно говорите,
Когда не лесть, сударь, а дружба мне нужна.

Пронский

Коль непременно вы неправой быть хотите,
То я скажу... что вам... Но мне солгать нельзя,
И сердце...

Явление 5

Те же и Саша, потом князь.

Саша

(вбегает и говорит тихо графине)

Князь за мной.

Графиня

(Саше, в бешенстве)

Терпение теряю!
Какой злой дух их шлет?

Саша

(в сторону)

Не дух, а просто я.

Князь

(входя)

Да где же граф?

Пронский

Его сюда я ожидаю...

Князь

Надеюсь, у тебя пристал он?

Пронский

Точно так.

Князь

Так мы к нему пойдем, и это будет знак,
Что помню я хлеб-соль отца его и дяди:
Принять и угостить они, бывало, ради;
Всё было запросто в их доме и душа́х.

Графиня

Но этой простотой не может граф хвалиться.

Князь

Да что ж мудреного? Он взрос в чужих краях.
Мы только русскими успеем в свет родиться,
Как в иностранцев нас начнут перерождать.
Но кажется, теперь нам можно предсказать,
Что парижанствовать недолго будет мода.
Уж видят наконец, что вовсе нет добра
Быть обезьянами вертляного народа,
Которому вовек ни завтра, ни вчера
Не приходили в ум...

Графиня

(обнимая князя)

Нет! утерпеть не можно,
Чтоб не обнять тебя.

Князь

(с удивлением)

За что такой восторг!

Графиня

Ах! стыдно мне самой, как я судила ложно,
Мне натвердили все, что ты без меры строг,
Что новый ты Катон; и, признаюсь, считала
Слова твои... прости... за старый русский бред.

Пронский

(в сторону)

Так, искренна она!

Князь

Давно ль, сестрица, стала
Ты думать иначе?

Графиня

С тех пор как страшный вред
От ложных мнений я узнала над собою
И поклялась во всем согласной быть с тобою.

Князь

На долго ль?

Графиня

Ты бы мне, конечно, верить стал,
Когда бы чувства все мои ты так же знал,
Как друг твой; я ему призналась откровенно.

(Пронскому)

Вы можете сказать.

Князь

(с удивлением)

Ему? — Я рад душевно,
Что он доверенность такую заслужил.

Саша

(в сторону)

Ба! это что?

Графиня

Так ты мой выбор похвалил?

Князь

(с смущением)

Твой выбор?.. Он хорош.

Саша

(в сторону)

И выбор! всё пропало!

Князь

(Пронскому)

Чтоб граф не упредил, пойдем к нему.

(В сторону)

Так, стало,
Он женится на ней.

Явление 6

Графиня и Саша.

Графиня

Да, братцу моему
Признанье, выбор мой так голову вскружили,
Что дурно обо мне он другу своему
Забудет говорить.

Саша

Так с Пронским не решили?

Графиня

Нет, только было мы до сердца добрались,
Как помешала ты.

Саша

(с сердцем)

Я в дурах!

Графиня

Не крушись,
Ты вместе с мудрецом попалася.

Саша

Тем хуже.
На глупости смотреть досадно мне и вчуже,
А в дурах быть самой... нет, лучше я умру.

Графиня

Не гневайся, и я могу попасть с тобою,
Коль графа дерзкого к рукам не приберу.

Саша

Ага! так этот граф?..

Графиня

С комерой самой злою
Он сладит языком.

Саша

Хорош же удалец!

Графиня

Мне Пронскому мешать совсем не должно было,
Чтоб графа у́нял он.

Саша

А разве доходило
До шпаги?

Графиня

Не совсем; однако наконец
И до нее дошло б, да совестно мне стало,
Хоть в Петербурге бы мне это блеску дало;
Но слишком я добра, а к сплетням граф привык
И мог бы как-нибудь от шпаги отшутиться,
Тогда б, к смиренницам попавшись на язык,
Не в Липецк, а в Сибирь должна бы я сокрыться.
И так уже боюсь, чтоб глупости какой
Не вздумал обо мне на почте граф отправить.
Нет, я хочу его раскаяться заставить
И на коленях здесь стоять передо мной.
Он так самолюбив... Но говорить свободно
Где с графом я могу?

Саша

Да здесь, когда угодно.
Попозже ввечеру пойдете вы гулять?

Графиня

Так точно.

Саша

Ваши все ложатся рано спать.

Графиня
(с восторгом)

Да, ядовитый граф, ты скоро позабудешь
На счет мой милым быть! — Но не слыхал бы кто,
А пуще тетушка.

Саша

А я-то вам на что?

Графиня

В одиннадцать часов ты здесь со мною будешь.

Саша

(в сторону)

Попалась.

Графиня

(глядя в аллею)

Посмотри, кадриль сюда идет.

Явление 7

Графиня, княжна, Оленька, барон, Угаров, потом князь, Ольгин и Пронский.

Княжна

(барону)

Что вы устанете, я знала наперед.

Барон

Да отчего? — Прошли мы восемь верст, не боле.

Угаров

А двадцать отдыхов, барон, не забывай.

Княжна

К нам, Саша, вышли ты сюда с прибором чай.

(Слуге)

Эй, стулья! — Сядемте.

Барон

В покорность вашей воле,

Я сяду.

(Почти упадает на стул, вынимает спирт и трет виски.)

Угаров

(графине)

Вы меня услали для того,

Чтоб лопнул я с тоски.

Князь, Ольгин и Пронский входят.

Князь

(представляя Ольгина княжне)

Позвольте мне представить
Вам графа Ольгина, и батюшка его
Был друг с моим отцом.

Княжна

Имею честь поздравить
С приездом. Боже мой! что больше я гляжу,
То больше в нем черты отцовски нахожу,
Та мина, тот же взгляд, улыбка точно та же;
А нос, нос батюшкин! лицо немножко глаже,
Не тем помянут, был покойник рябоват.
Я как теперь смотрю, когда он отправлялся
Послом в Италию, с ним дружески прощался
Наместник харьковский, отец его, мой брат.

Ольгин

Хоть я, сударыня, не смею спорить с вами,
Однако мой отец в посольстве не бывал.

Княжна

Так, верно, дядюшка?

Ольгин

Мой дядя адмирал
Хоть был в Италии, да только с кораблями.

Княжна

Какой же Волгин был безвыходно у нас?

Князь

Не Волгин, Ольгин.

Княжна

Нет!

Ольгин

Я уверяю вас.

Княжна

Пусть так, — да неужли могла я опознаться?

Ольгин

Но разве дети все в отцов своих родятся?
Однако ж говорят, что я на деда схож.

Княжна

(Оленьке, указывая на князя)

По милости его я в дурах.

Угаров

(графине, указывая на княжну)

Прикусила
Свой язычок.

Графиня

(Угарову)

А то б нас всех заговорила.

Барон

(графине)

Тут есть имбролио.

Графиня дает знак, чтоб он замолчал; барон, сжавшись, отходит на цыпочках.

Ольгин

(Пронскому, указывая на барона)

Кто эта молодежь?

Пронский, отводя его, шепчет ему.

Графиня

(глядя на Пронского)

Он с графом шепчется!

Приносят чайный прибор и ставят на стол.

Князь

(подвигая княжне стул)

От давешней прогулки
Вы не устали ль?

Княжна

(с сердцем)

Нет, но я одолжена
Тебе, что от стыда теперь молчать должна.

Не мог путем назвать.

(Слугам)

Подайте к чаю булки,
Что из Москвы прислал мой дядя сенатóр.

Ольгин

(Пронскому)

Нам это нужно знать.

Графиня

(Ольгину)

Да что ж вы не садитесь?

(Тихо)

Как тетушка мила!

Ольгин

(графине)

А разве не гордитесь,
Как братцем, тетушкой...

Графиня

Забудьте этот вздор,
И я...

Оленька

(налив чашку)

Угодно ль, граф?

Ольгин

(идя к столу)

Могу ли отказаться,
И с тостом! Боже мой! не в Лондоне ли я?

Князь

Нет, просто в Липецке, где русская семья
Привыкла дружески с гостями обращаться.

Графиня

(делает знак Пронскому сесть подле нее)

Ах! сжальтесь надо мной, я, право, чуть дышу.

Барон

(Оленьке)

Лимоном смею ли придать прохладность чаю?

Угаров

Превосходительных гостинцев попрошу.

Ольгин

(графине)

И шутки, и мораль, и фразы! — Я не знаю,
Где б столько вы ума, как в Липецке, нашли?

Графиня

(значительно)

Не всё вы знаете.

(Пронскому)

А разве не хотите
Вы чаю?

Пронский

Право, нет.

Графиня

(показывая на Оленьку)

Однако ж, посмотрите,
Кто раздает его.

(Оленьке)

Сестрица, неужли
Забыла Пронского?

Оленька

Я чашку наливаю.
Прикажете ль, суда́рь?

Пронский подходит к столу.

Графиня

(Ольгину, показывая на стул, где сидел Пронский)

Угодно ль ближе сесть?

Угаров

Я накануне вас с рожденьем поздравляю.

Графиня

Да как проведали?

Угаров

Мне сердце дало весть.

Ольгин
(тихо графине)

Не обожатель ли?

Графиня
(тихо Ольгину)

Чудак!

(Угарову)

Вы очень милы!

Угаров
(кланяясь)

На этом мы стоим.

Княжна
(в сторону)

Молчать нет больше силы.

Семен
(входя, тихо Угарову)

Цыгане ваши здесь.

Угаров
(отдав чашку Семену)

Поставь же. — Я бегу.

(Уходит.)

Ольгин
(графине)

Ваш милый улетел.

Графиня

Сурьезно рассердиться,
К несчастию, на вас никак я не могу...
Послушайте меня.

Барон
(подходя)

Мне льзя ль надеждой
льститься,
Что удостоите внимать моим речам?

(Взглянув на Ольгина)

Но виноват, они теперь совсем невместны,
Боюсь препоной быть.

Графиня
(гордо)

Барон! давно ли вам
Быть дерзким вздумалось?

Барон
(струся)

Ах, смею ль! мне
известны
Высоки чувствия небесной доброты,
Которой в вас блестят отличные черты;
В вас удивительны ум, кротость, снисхожденье.

Ольгин
(вполголоса)

И слушать пышный вздор чудесное терпенье!

Барон
(с жаром)

Что значит, граф?

Графиня
(взглянув на барона, с упреком)

Барон!

Барон

Умея почитать
Прекрасный пол... иду...

Графиня

(барону)

Постойте!

Ольгин

(графине)

Как охота
Вам слушать всякий бред?

Графиня

(Ольгину)

И этого мне дать
Нельзя в любовники.

Ольгин

И он хорош для счета.

Барон

(Семену)

Что ж фейерверк?

Семен

Готов.

Барон

Хоть на нее я зол,
А дам сюрприз. — Пойдем.

(Облокачиваясь на Семена, уходит.)

Княжна

(вставая)

Барон инкогнито ушел.

Графиня

(в сторону)

Встают.

(Ольгину, громко)

Не правда ли, что место здесь похоже
На Монплезир! и здесь привыкла я гулять,

(тихо)

Попозже ввечеру.

Ольгин

Сегодня точно то же
Мне сделать хочется.

Князь

(Ольгину)

Вы любите ли, граф,
Играть в бостон?

Ольгин

Ах! я бостоны ненавижу,
Как гибель общества.

Графиня

(улыбаясь, взглянув на княжну)

Мне кажется, он прав.

Княжна

(графине, с сердцем)

Чем?

Графиня

Это доказать я трудности не вижу,
Когда вы примете условие одно.

Княжна

Какое?

Графиня

Никому за правду не сердиться.

Княжна

Тебе, мой свет, со мной не надобно оно,
На правду всякую я рада согласиться.
Я правду говорю, и правду я люблю;
Неправды никакой ни в ком не потерплю.
Но правду если бы любили так иные,
То не кружили бы без милости голов,
Не стали бы толпы влюбленных чудаков
В подда́нство приводить, и россказни пустые
Не напевали б им беспутные друзья.

Графиня

Всё это истина, и к ней прибавлю я,
Что худо тем, иным, коль от прельщенья света
Их образумиться принудят только лета.

Ольгин

(в сторону)

Насмешница мила!

Княжна

(с досадою)

Однако ж у иных
Рассудок здравый был и в лётах молодых.

Графиня

Да если б, тетушка, я этого не знала,
То мне сестрица бы собою доказала,
Что разум иногда не ожидает лет:
С ученостью скромна, прекрасна без кокетства,
Желанья нравиться в ней тени даже нет.

Пронский

(Ольгину)

Всё правда.

Княжна

(с гордостью)

Мной она воспитана из детства.
Должна ты, Оленька, благодарить сестру.

Оленька

Графинины слова я точно так беру,
Как сказаны они.

Княжна

(с досадою)

Неужли над тобою
Она шутила?

Оленька

Нет, и мыслию такою
Я оскорбила бы графиню и себя.

Насмешки над сестрой той женщине несродны,
В ком сердце искренно и чувства благородны.
Графиня, напротив, родных своих любя,
Не хочет видеть в них ни малого порока,
И слишком, признаюсь, была ко мне добра.

Пронский

(Ольгину)

Что скажешь ты об ней?

Ольгин

Что этого урока
Я от нее не ждал.

Графиня

(примечавшая движения Пронского)

Так, милая сестра!
Своими чувствами меня ты оправдала.

(Всем)

Теперь вы видите, я истину сказала.

Княжна

Что Оленька умна, признаться все должны.

Князь

Но никому хвалить родных в глаза не должно.

Графиня

А разве всякому владеть собою можно?

(Взглянув на Пронского)

И равнодушием не все одарены.
Я живо чувствую и скоро изъясняюсь,
Себя, однако же, за это не хвалю.
От ветрености тьму досад себе терплю;
А лишней пылкостью, быть может, я лишаюсь
Спокойства навсегда. О боже! сколько зла
От воспитания бывает в жизни нашей.
Ах! если б я с сестрой воспитана была,
Тогда бы, тетушка, не заслужила вашей
Немилости.

Княжна

Мой свет! ты, право, мне жалка.
Не ты, мадам твоя во многом виновата,
Которая была, злодейка, так ловка,
Что хитростью своей заворожила брата.
Не раз твердила я: «Погубишь, братец, дочь;
Мадам твоя, с ее вертляною ухваткой,
Все говорят, была в Париже фигуранткой,
Эй, худу быть, и так, что после не помочь».
Что ж вышло? пра́ва ль я? на всех теперь пошлюся.

Ольгин

(Пронскому)

Что ж, милый, ты молчишь?

Графиня

Нет, я не соглашуся,
Что воспитанию помочь нельзя ничем;
Однако чувствую, как трудно нам однем,
Без помощи друзей, спастись от заблужденья.

Князь

А искренних друзей иль много в свете есть?

Графиня

Когда б я их найти могла иметь сомненье,
Вас всех обидела б.

Ольгин

Имею ли я честь
Быть в общее число включенным?

Графиня

Очень трудно
Мне отвечать теперь, но только, граф, скажу,
Что, может быть, я здесь вам скоро докажу,
Кто должен быть мне друг.

Княжна

(графине)

Ну право, это чудно,
Как поумнела ты! И кажется, сам бог
Тебе одуматься, племянница, помог.

Я плачу с радости!

(Обнимает графиню.)

Вот, стало быть, не худы
Советы я даю; и видишь, каково
Жить с добрыми людьми? Но я боюсь простуды,
А скоро смеркнется.

(Князю)

Ты гостя своего
Проси.

Князь

Но граф устал сегодня от дороги.

Княжна

Прощайте ж, я бегу, чтоб не промокли ноги.

Князь
(Ольгину)

Я завтра вас прошу откушать без чинов.

Ольгин

Я буду честь иметь, конечно.

Графиня
(Пронскому, нежно)

Без прощанья!

Князь
(Пронскому, взяв его за руку)

До завтрего, мой друг.

Пронский его провожает.

Графиня
(Ольгину)

В одиннадцать часов
Гуляю я всегда. Прощайте!

Ольгин

До свиданья.

(В сторону)

Ах! как она умна! и быть нельзя милей!

Не в шутку, кажется, я нынче нравлюсь ей.
Увидим.

(Пронскому)

Спать пойдем, а завтра... Но ни слова
Теперь не говорю, и ты узнаешь сам,
Я друг тебе иль нет.

Пронский

Да по твоим словам,
Я, право, думаю...

Ольгин

Ах! думать нездорово.
Поди ложись и спи, вот мой тебе совет;
А в лишнем думанье, поверь мне, пользы нет.

Уходят в дом Пронского.

ДЕЙСТВИЕ V

Между действием приготовляется иллюминация: щит в аллее, ряды плошек по решетке. Музыканты и слуги барона сбираются на театр.

Явление 1

Барон, Семен и слуги.

Барон

(в красном плаще распоряжает сюрпризом)

Гармония должна скрываться у калитки,
Аллеи мрачный вид украсится щитом,
Иллюминация осветит всё кругом
По гласу музыки, посредством серной нитки,
Над рядом плошечным протянутой везде,
Чтобы, как в Риме, вдруг решетка засияла.
Пойду и фейерверк устрою на пруде:
А вы в молчании дождитеся сигнала,
Который даст аккорд гармонии моей.

(Уходит с музыкантами.)

Семен

(слугам)

То есть, как музыка — трим-трам, то вы скорей
К чему приставлены и зажигайте дружно:
Ты — плошки, ты — свой щит, а я, как будет нужно,
Сам музыке скажу.

(Дает знак, чтоб слуги спрятались.)

Явление 2

Семен и Фиалкин (в темном плаще, с гитарою, робко крадется).

Семен

(идет к Фиалкину)

Кто кра́дется сюда?

Фиалкин

(встретясь с Семеном, вскрикивает)

О страх!

Семен

(испугавшись, отскакивает)

Что сделалось? Чего вы испугались?

Фиалкин

Насилу я дышу: ах, вы мне показались
Тем мертвецом, что в гроб невесту...

Семен

Вся беда
От старых мамушек.

Фиалкин

Я мамушек не знаю.

Семен

Так мертвецами где ж напуганы?

Фиалкин

В стихах,
В балладах, ими я свой нежный вкус питаю;
И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу! .. всё страшно в них; но милым всё приятно,
Всё восхитительно! хотя невероятно.

Семен

И в сказках та же гиль. Бывало, целый день
Я слушать был готов о шестиглавом змее,
О ведьмах киевских, Полкане и Кащее;
Зато всю ночь дрожу! ..

Фиалкин

Я вздрагиваю сам
Впросонках иногда. — Но то известно ль вам,
Что серенаду дать мне Саша приказала?

Семен

Да, страхом вышибли вы всё из головы.
От Саши вам приказ, чтоб спряталися вы
И ждали от нее иль от меня сигнала.

Фиалкин

Да где ж мне спрятаться?

Семен

В лесу у ручейка;
А чтобы вам меня смелее дожидаться,
Так пойте. Мертвецы насмéрть стихов боятся.

Фиалкин

Прекрасно вздумано: средь темного леска
Я буду поверять мои страданья ночи.
Прощайте!

Семен

Добрый путь.

Фиалкин
(возвращаясь)

Найдете ль вы?

Семен

Найду.

Фиалкин
(возвращаясь)

Могу ль надеяться?

Семен

Надейтесь.

Фиалкин

Я иду.

Семен

Идите.

Фиалкин

(возвращаясь)

Скоро ли?

Семен

Прескоро, — только мочи
Нет с вами толковать.

Фиалкин

Я несколько смущен
Мечтанием; иду...

Явление 3

Семен и Угаров (в коротеньком сертуке и фуражке).

Семен

На дело не похоже,
Как эти авторы привязчивы. Ах, боже!
Идет опять сюда.

Угаров

Ба! ты уж здесь, Семен?

Семен

Давно.

Угаров

Послушай-ка, со мною повстречалось
Какое счастье!

Семен

Что?

Угаров

Я этого не знал,
Что Стешка в Липецке; сюда ее примчал
Наш Ванька из Москвы, хоть невзначай, а кстати.
Цыганка славная, и голос золотой,

Когда соловушком присвистнет на раскате,
Зальется, зазвенит, что колокольчик твой.
Да и в чужих краях графиня не слыхала
Певицы этакой; все итальянки — вздор!
Хоть Стешка нотных книг и сроду не видала,
А уж как пустит трель, то весь покроет хор.
Да где ж моих цыган поставить ты прикажешь,
Чтоб было послышней?

Семен

Поставить их могу
Вот там, у домика.

Угаров

Так, стало, побегу,
Чтоб всё приноровить, а ты меня обяжешь
Уведомить скорей, когда придет пора.

Семен

Я Саши здесь дождусь.

Угаров

И крикнем мы «ура!»
Прощай же, я лечу устроить всё заране.

(Уходит.)

Явление 4

Саша и Семен.

Саша

Ну что, готово ль всё?

Семен

Угаров и цыгане,
Иллюминация, оркестры и барон
Твоих приказов ждут.

Саша

А стихотворец?

Семен

Он
Покуда мертвецов пеньём своим пугает.

Саша

Графиня ж от меня повестки ожидает,
Как граф сюда придет.

Семен

Свиданье в этот час!

Саша

Я, сидя у моря, погоды дождалась,
И, что надеялась на счастье, в этом пра́ва.

Семен

Окончи всё, тогда тебе и честь и слава.

Саша

Да разве ты еще не видишь?

Семен

Здесь темно,
А видеть, ангел мой, в потемках мудрено.

Саша

Признайся, без чинов, что ты слепым родился.

Семен

Тем лучше, стало быть гожусь тебе в мужья.

Саша

Но кто не верит мне, тому не верю я.

Семен

Дозволь поумничать, покуда не женился,
А там я отрекусь от глаз и от ушей.
Когда ж венчаться нам?

Саша

Ни позже, ни скорей,
Как Пронский под венец пойдет с моей княжною.

Семен

Да скоро ль вчетвером прогулке нашей быть?

Саша

Когда ты заодно успеешь здесь со мною
Открыть ему глаза.

Семен

Готов тебе служить,
Лишь только прикажи.

Саша

Как выйдет на свиданье
С прелестницею граф, ты к Пронскому иди
И объяви ему графинино желанье
С ним видеться.

Семен

Себя ты в дуры не введи.

Саша

А чем?

Семен

А тем, мой свет, что Пронский не поверит.

Саша

Безверный мой жених на свой аршин всё мерит.
Ты слышал, а не мог и этого понять,
Что здесь надеялась графиня доказать,
Чем откровенности его и дружбы стоит.

Семен

Ну, слышал.

Саша

Что ж тебя так много беспокоит?
Для доказательства она его зовет.
Тсс... тише! кажется, что граф сюда идет.

Семен

Он точно.

Саша

К Пронскому беги, а я скорее
Прелестнице скажу.

Уходят.

Явление 5

Ольгин, потом графиня и Саша.

Ольгин

(выходит, напевая арию)

Как сыро и темно!
Хотя здоровье мне красавиц всех милее,
Но с грасою такой свиданье мне дано,
Что трудно отказать. — Увидим, кто обманет.
Да умничать со мной она не очень станет.
В ней склонность есть ко мне, а я имею ум,
Так проведу ее порядком... Что за шум?
Она!..

(Продолжает напевать.)

Графиня

(выходя, дает знак Саше осмотреть)

Вы ль это, граф?

Ольгин

Уж я давно Линдором
Пою и на окно со вздохами гляжу.

Графиня

Я после ужина гулять сюда хожу
И, с вами встретяся, приятным разговором
Надеюсь грусть мою прогнать хотя на час.
Вы не поверите, какие здесь мученья:
Бостон, обиняки, вздыханья, поученья
С ума меня свели.

Ольгин

Насилу слышу вас!
И узнаю опять прелестную графиню,
Которой в свете нет милее ничего.
А право, не шутя боялся я того,
Чтоб не прогнали вас премудростью в пустыню.

Графиня

Но я, божусь, еще не узнаю никак
В вас графа Ольгина, который был догадлив,
Мил, ловок и умен.

Ольгин

Графиня, я дурак —
И в этом признаюсь; но буду слишком счастлив,
Коль удостоите мне глупости простить.

Графиня

Да не прикажете ль еще и благодарной
Вам быть за колкости?

Ольгин

Я мог ли вам вредить?
Мой скромный брат, княжны и князь высокопарный,
По благости судеб, еще меня глупей.
Их закружили так вы ловкостью своей,
Что все они в чаду и не очнутся вечно.

Графиня

Да вы тем начали, чтобы они, конечно,
Очнулись.

Саша

(в сторону)

Всё нейдет.

Ольгин

Я не могу понять,
Чем страх панический могли на вас нагнать
Все эти чудаки?

Графиня

Я, граф, вам всё открою:
Ваш ум такую власть имеет надо мною,
Что я сама стыжусь.

Ольгин

Признайтесь, между нас,
Что за нос этот ум водили вы не раз,
И, может быть, теперь. . .

Графиня

Как думать вам не стыдно.

(Особо)

Он угадал.

Семен

(Саше, выходя от Пронского)

Идет.

Графиня

(глядя на дом)

Чтоб не услышал кто.

Саша

(Семену)

Уведомь князя.

Графиня

(подходя к своему дому)

Нет, огня нигде не видно.

Явление 6

Те же и Пронский.

Пронский

(выходя из дому)

Свиданье! ночью!

Саша

(Пронскому, указывая на графа)

Тсс! уж место занято.

Графиня

Чтоб тетушка...

Ольгин

(показывая на левую сторону)

Да здесь вам нечего бояться.

Графиня

Однако...

Саша

(Пронскому)

Слушайте.

Пронский

Подслушивать?

Саша

Как быть,
А надо.

Пронский

Никогда!

Саша

Чтоб после не грустить.

Графиня
(подходя к дому Пронского)

Эй, Саша!

Саша
(подбегая)

Можете здесь смело объясняться.

Саша подводит графиню к дому Пронского так, чтоб ему войти нельзя.

Графиня
(Ольгину)

Хоть Пронский вам и брат...

Ольгин

Однако же чудак,
Педант и Дон-Кишот, не так ли?

Графиня

Право так.
Мой братец произвесть хотел его в Катоны,
А он, бедняк, идет охотой в Селадоны.
Его задумали на Оленьке женить,
А патриотке — как героя не любить.

Саша
(Пронскому)

Вас любят.

Графиня

И она вздыханьем задушенным,
Кокетством скромненьким, читаньем русских книг
Героя сделала в себя полувлюбленным.
Он таять начал...

Ольгин

Вы приехали — и вмиг
С любовью Оленька исчезла.

Графиня

Отгадали.

Пронский

(Саше)

Я был любим!

Саша

(Пронскому)

Одни вы этого не знали.

Ольгин

Отсюда вижу я, как витязь мой сперва
Приметил кое-как надежду в ваших взорах,
А после кое-что в невинных разговорах
До сердца добралось, а там и голова
От самолюбия порядком закружилась,
И наконец герой — в аркадских пастушках!
Я знаю по себе, со мною то ж случилось,
И точно так я был от вас же в дураках.

Саша

(Пронскому)

Он искренен.

Пронский

(Саше)

И прав.

Графиня

Ах! вы меня смешите
Своими сказками; но, граф, я знаю вас!

Не мы ужасны вам, ужасны вы для нас,
И с Пронским наряду напрасно стать хотите;
Противу женщин он ни в чем не виноват,
Как рыцарь Амадис привязан к ним душою,
За добродетель их он драться даже рад.

Ольгин

Ты, Пронский, спишь теперь, и этой похвалою
Не восхищаешься.

Пронский

Нет, к счастью, он не спит.

Графиня
(отбегая к дому)

Да вы разбудите!

Ольгин

Ах! я вскричал невольно
От братской нежности.

Пронский
(хотя войти в дом)

Я слышал уж довольно.

Саша

Постойте крошечку.

Графиня
(в сторону)

Болтун меня страшит.

Ольгин

Какая ж Пронскому готовится награда
За весь прекрасный пол?

Графиня

Божусь, для женщин он
Бесценный человек, и, кажется, рожден
Нарочно...

Ольгин

Для чего?

Графиня

Не знаете? я рада!
И что я вздумала, то мне самой смешно.

Ольгин

Постойте, угадал... в мужья? Так, в самом деле,
Он добр, ума его не может быть тяжеле,
Догадки вовсе нет. — Графиня, решено:
Пусть выйдет он за вас.

Пронский
(с досадою)

Нет силы...

Саша

Подождите
Ответа.

Ольгин

Знаю всё; смиренницы хотят
Вас с свету сжить за то, что вы сердца плените.
Ваш дом расстроился, а братец мой богат,
Так кредиторов с ним вам нечего страшиться,
И замужем ловчей с ханжами помириться.

Графиня

Но мужа не любить, по чести, я стыжусь.

Ольгин

Тем лучше, не любя скорее можно в руки
Влюбленного прибрать.

Графиня

Ах! я умру от скуки!

Ольгин

Как Пронского кузен уж я заране льщусь,
Что вы позволите мне быть у вас всечасно,
То скуки, кажется, боитеся напрасно.

Саша

Он добр, не правда ль?

Пронский

Да, я слышал всё!

(Уходит в дом.)

Графиня

Вам быть
Роднею, милый граф, я признаюсь, мне лестно.

Ольгин
(с восторгом)

Какое заведем мы общество прелестно!
Лишь только муж плати — и дом ваш будет рай!

Графиня

Вы за́мки строите на воздухе.

Ольгин

Нимало;
Вы милы, он влюблен — зачем же дело стало!

Явление 7

Те же и барон, потом Угаров, князь и Семен.

Барон
(выходя направо)

Кто здесь?

Ольгин

Я вижу всех, кто будет к вам на чаї
Вседневно приглашен.

Графиня

Как вам мечтать охота,
И время ль?..

Ольгин

Игорев к вам, верно, прикатит?

Графиня

При имени его берет меня зевота.

Ольгин

Однако ж у людей имеет он кредит,
И праздники дает.

Графиня

На то, чтоб подслужиться
Ко всем, кто в случае; не надо мне его.

Угаров
(крадясь налево)

Семен... Ба, люди здесь!

Саша
(Угарову)

Тсс!

Ольгин

А дядю моего
Вы примете?

Графиня

Приму, хоть он и очень скучен,
Распудрен, как зима, и раскрахмален весь;
Всех мучит фразами, подагрой сам замучен,
Ну точно мой барон.

Угаров

Ах! если б был он здесь.

Барон

Неужли я? — О нет...

Ольгин

Барон! какой?

Графиня

Тот самый,
Кого вы давеча прогнали эпиграммой.

Ольгин

Прескучный!

Барон

Это я.

Ольгин

И будет ездить к вам
Князь Блескин?

Графиня

Что за тон; затянут весь
в шнуровки,
Подкрашен, грудь вперед и меры нет усам.
Нет, для меня, божусь, все хваты слишком ловки;
Стучат, бренчат, кричат, всё счастье видят в том,
Чтоб пристяжная их свивалася кольцом,
И здесь мне надоел Угаров.

Саша

(Угарову)

Поздравляю.

Угаров

Злодейка!

Барон

Где-то он?

Ольгин

Графиня, я не знаю,
Как вы умеете шутя людей пленять.

Угаров

Нет, шутит не смешно.

Ольгин

Нельзя не хохотать.

Князь

(Семену, выходя)

Здесь Пронского найду.

Барон

(князю)

Тсс, тише!

Графиня

Скоро время
Расстаться нам, но вас быть скромным я прошу
При Пронском.

Ольгин

Я любви на жертву приношу
Его и с Оленькой.

Графиня

Как милы!

Князь

Злое семя!

Графиня

И братец мой, Катон, не будет страшен мне.

Ольгин

А новый ваш кузен суровости ль одне
За жертву должен ждать?

Графиня

Мне счастья нет в кузенях:
Один педант, другой язвителен.

Ольгин

Клянусь
Быть Пронского добрей.

Графиня

Не верю.

Ольгин

На коленях
Просить прощения готов я.

Графиня

Ах! стыжусь
И вспомнить всё, что вы...

Ольгин

Я виноват.

Графиня

Обидно

Так можно ли шутить над другом?

Ольгин

(оглядываясь)

Здесь не видно,

Так я у ваших ног.

(Становится почти на колени.)

Графиня

(Саше)

Вот наше торжество!

Явление 8

Те же и Фиалкин, потом Пронский и княжна.

Фиалкин

(входя с гитарою)

Нет силы больше ждать!

Начинает играть; слуги, приняв сие за сигнал, вдруг освещают театр.

Ольгин

(пораженный светом)

Что это?

Фиалкин

(вскрикивает)

Колдовство!

Графиня

(оглянувшись)

Все здесь!

(Закрывает лицо руками.)

Барон

(Семену)

Кто дал сигнал?

Семен

Поэт.

Угаров

Какое чудо!

Графиня

(с горестию)

Не смею глаз поднять.

Саша

(князю, показывая на графиню)

Ну, каково?

Князь

Не худо.

Пронский

(вбегая)

Что значит этот свет?

Княжна

(вбегая)

Ах, батюшки, пожар!

Саша

Уж всё потушено.

Фиалкин

(выходя из остолбенения)

Где я?

Графиня

Какой удар!
Но твердость здесь нужна.

Ольгин

(графине)

Да кто кого дурачит?

Графиня
(в бешенстве)

Вы лучше знаете!

Княжна

Да что всё это значит?
Я не могу понять.

Барон

Я дал сюрприз.

Ольгин

И он
Чертовски удался.

Графиня
(оправясь)

Так это вы, барон?..

Барон

Да, я; и вы могли так нагло, так бесстыдно
Злословить...

Угаров

Никому чтоб не было завидно,
Красавица нас всех отделала путем.

Ольгин
(Пронскому)

Ты сердишься?

Пронский

О! нет.

Ольгин

Я рад.

Княжна

Да дело в чем,
Кто растолкует мне?

Князь

Я, если вам угодно.

(Говорит ей тихо.)

Угаров

(подводя барона к графине)

Позвольте честь отдать.

Графиня

Как это благородно
Подслушивать, сударь.

(Барону)

Я не ждала от вас...

Угаров

(барону)

Ты виноват, барон.

Барон

Меня же обвиняют.
Неблагодарная! вокруг себя взгляни,
Чьим пламенем горят потешные огни!

Ольгин

(барону)

Да видите ль, барон, они не утешают
Графиню.

Графиня

(в бешенстве, Ольгину)

Я, суда́рь, сюрпризов не люблю.

(Пронскому)

Но вашу искренность, конечно, оскорблю,
Когда подумаю, что вместе с графом были
Вы в заговоре.

Пронский

Нет, но, признаюсь, я рад,
Что вы без дружества мне искренней открыли,

Чего б я знать не мог, а ежели мой брат
Здесь в заговоре был, то верно не со мною.

Графиня

Но с кем?

(Саше)

Так я была обманута тобою?

Саша

Чтоб вы увидели в науке вашей прок,
Я заплатила вам уроком за урок.

Графиня
(в сторону)

Как я унижена!

Княжна

За все твои проказы,
Мне должно б от тебя бежать, как от заразы;
Но помню я, что дочь ты брата моего,
И для того скажу: эй, сжалься над собою,
Уймись кокетствовать, быть общества чумою
И, муча, мучиться; не забывай того,
Что с красотой придет когда-нибудь проститься.
Как больше нравиться не будешь никому,
Что станешь делать ты тогда, скажи?

Графиня

Браниться!
И это, тетушка, у вас же перейму;
Но чтоб теперь со мной вы даром не трудились,
Уеду в Петербург я завтра ж поутру.

(Пронскому)

А вам, сударь, мою смиренную сестру
Осмелюсь поручить; вы, кажется, родились
На то, чтоб с нею ввек супружески зевать.
Прощайте!

Ольгин

С вами я могу ль к друзьям писать
О здешних новостях?

Графиня

Я письма все доставлю;
Когда ж позволите, и от себя прибавлю,
Что на коленях вас мужчины лучше нет.

Ольгин

Графиня, прибавлять вы всё на свете властны;
Но ехать в Петербург я б не дал вам совет.
Ваш ум и прелести так сделались опасны,
Что заперты для них все домы и сердца;
Там с мужем, может быть, вам было б веселее.

Графиня

Злословью вашему нет меры, ни конца;
Язык пустых людей всего на свете злее;
Но еду в Петербург. Так, я имею там
Друзей, которые мне, верно, знают цену.

Угаров

Да вас и здесь ценя́т.

Фиалкин

Ах! дороги вы нам.

Барон

Мне много стоило, чтоб осветить ту сцену,
Где нам открылись вы.

Графиня

(в сторону, с бешенством)

Не должно дух терять.

(Барону)

Любезны вы, барон, однако же прельщать
Без малого сто лет — не слишком ли уж много?
Ах! сжальтесь над собой, подагра и любовь
Равно́ опасны вам.

(Фиалкину)

Прошу вас, ради бога,
Гомера не влюблять, не мучить мертвецов
И не смешить живых плаксивыми стихами.

(Угарову)

Желаю вам всегда довольным быть собой,

Вступить в законный брак с цыганкой удалой
И хватски славиться лихими бегунами.

Саша

А мне...

Графиня

И ты!..

(В сторону)

Нет сил, с досады я умру!

Уходит в дом. Семен отворяет ей дверь.

Барон

Гасите все огни! они меня сжигают.

Фиалкин

Природа, ужаснись! Ах! моему перу
Теперь я волю дам, и все ее узнают.

(Уходит.)

Угаров

Отмсти за нас, поэт. — Цыгане! по домам.
Сегодня с носом я, счастливей завтра буду.
Нам всё безделица.

(Уходит.)

Явление последнее

Князь, княжна, Ольгин, Пронский, Семен и Саша.

Княжна

Нет, вечно не забуду
Я этой наглости. Ну, матушка мадам,
Племянницу мою добру ж ты обучала:
Своим бесстыдством мне она закрыла рот.

Князь

Всё это удальство чужой науки плод.
Кокетства в старину святая Русь не знала,

И слова этого по-русски перевесть
Не можно, я и рад; пускай названья честь
Изобретателям останется.

Ольгин

Я должен
Признаться, что она уж чересчур ловка.

Князь

Вот до чего язык нововведенный ложен.
Бесстыдство ловкостью зовут они слегка,
Но ловкости такой, я в этом, граф, уверен,
Не захотите вы найти в своей жене.

Ольгин

И для того-то я жениться не намерен.
А знаете ли что? понравилася мне
Ужасно мысль ее.

Княжна

Какая? знать желаю?

Ольгин

Чтоб Оленьку отдать за брата моего.

Княжна

А эта!..

Ольгин
(Пронскому)

Ты молчишь!

Пронский

Я счастия того
Достойным быть теперь надежду всю теряю.

Ольгин

Да если людям тем, которых хитрый взгляд
Немного закружил, не надобно жениться,

Так скоро целый свет в пустыню превратится.
Графине, милый мой, твоя женитьба яд.

Князь

Какой же генерал не проиграл сраженья?

Пронский

Ах, князь!..

Князь

Сестра к тебе имеет уваженье...
Но утро вечера, ты знаешь, мудреней;
Прощай до завтрего.

Княжна
(Пронскому)

Прости, племянник милый!
Графине мат пришел, тем лучше, ништо ей.

(Уходит.)

Ольгин

Всё кончено, мой друг, оставь свой вид унылый.

Пронский

Твой друг!.. а давеча? Но я себя виню,
Сердиться ж на тебя не должно.

Ольгин

Вот прелестно!
Сердиться на меня, как я его женю.

Пронский
(Саше и Семену)

Чем я обязан вам, мне это всё известно.

Ольгин
(Саше)

Малютка, ты мила, но свадьбе б не бывать,
Когда б не я.

(Уходит с Пронским.)

Семен

Ну, Саша, исполать
Досужству твоему! тебе и честь и слава!
Дай ручку.

Саша

На, возьми. Ты видишь ли, мой свет,
Что правда быть должна всегда пред кривдой права
И что кокетствовать добра нимало нет.

<1815>

СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА

Комедия в трех действиях, в стихах

ПРЕДИСЛОВИЕ

Желая сочинить новую комедию для бенефиса г-жи Валберховой (украсившей прелестным даром своим «Липецкие воды»), я выбрал такое содержание пиесы, в котором бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодические явления. Времени до назначенного дня, для бенефиса, оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обещания, я просил А. С. Грибоедова и Н. И. Хмельницкого помочь мне; они, по приязни своей ко мне, согласились, и первый написал все начало второго действия до ухода Феклы Саввишны, а второй в третьем действии сцену, в которой Бирюлькин экзаменует Наташу. Благодарность и справедливость требуют, чтобы я сделал сие известным и не присвоил себе чужого.

К<нязь> Шаховской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Матрена Карповна Звонкина, помещица.

Карп Саввич Искрин, отставной секунд-майор, ее племянник.

Фекла Саввишна Брызгова, вдова.

Варвара Саввишна Вельдюзева, вдова.

Раиса Саввишна, старая девушка.

Максим Меркурьевич Бирюлькин, зять их.

Любим, племянник их.

Наташа, жена его.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 1

Вельдюзева сидит посредине, прочие около ее полукружием; Звонкина мотает бель; Фекла Саввишна вяжет чулок; Раиса плетет венок; секунд-майор и Бирюлькин сидят по концам полукружия.

Вельдюзева

Сестрицы, тетушка и братец! я просила
Вас с зятюшкой к себе затем, что получила
Письмо от нашего Любима...

Фекла

Что ж, сестра,
Он пишет нового?

Раиса

Давно б ему пора
Отдать душевный долг родства священной связи.

Звонкина

Подумать о родных.

Майор

Да где, ему, проказе,
Я чай, не до родни; досуга часу нет.
Бывало, я и сам гусаром в двадцать лет
В Москве-голубушке как в масле сыр катался,
Проказил да гулял.

Фекла

И чуть не догулялся
До сущей нищеты.

Майор

Нам деньги тринь-трава;
Всё наживешь, была б на плечах голова;
И если б турки мне не прострелили ногу,
Не в Чухломе б теперь я с вами был.

Раиса

Ей-богу,
Ты, братец, в свет рожден совсем без сердца!

Майор

Как?
Пощупай, вот оно, и бьется.

Раиса

Да не так,
Как в пламенной груди. Ах! сын родного брата,
Несчастный сирота, из скопища разврата,
Откуда нежность чувств изгнанна навсегда,
К нам пишет в первый раз...

Майор

Да что же за беда,
Что в Петербурге наш племянник веселится?

Раиса

Ах! в Петербурге он с природой не сдружится!..
Но, братец, ты меня не можешь понимать.

Майор

Максим Меркурьевич, прошу растолковать,
Ты, брат, с учителем уездным породнился
И сам же говоришь, что многому учился.

Максим

Так, я с ребячества учился кой-чему;
А нынче, живучи почти в одном дому
С учителем двух школ, сестры моей супругом,

Я занимаюся наук изящных кругом
И объяснить могу, что к вам склоненна речь,
Которую сейчас изволили пресечь,
Описывала нам столиц развратны нравы,
Которые везде описаны.

Раиса

Вы правы.

Вельдюзева

Да не пора ли нам прочесть письмо?

Все

Прочтем!

Майор

Посмотрим, что Любим нам отпускает в нем.

(Максиму)

Прочтешь ли ты?

Максим

Когда собранию угодно.
Ребенком быв, читал я в школах всенародно.

Звонкина

(передавая письмо)

Начни ж, племянничек!

Майор

Ну, надевай очки.

Максим

Я сроду не видал нечеткой так руки.
Санкт-Петербург... число... Нет, почерк слишком
связан,
И так, что искренно признаться вам обязан,
Едва ли разберу.

Вельдюзева

Совсем не мудрено,
И я прочла тотчас.

Максим

К вам писано оно,
Так сообщить его вы сами потрудитесь.

Вельдюзева

Охотно.

Майор

Слушайте!

Звонкина

Все ближе пододвиньтесь.

Вельдюзева
(читает письмо)

«Милостивая государыня тетушка, Варвара Саввишна! вы верно гневаетесь на меня за то, что я к вам не писал, и точно я виноват; но проклятое «завтра» всему причиною. Ради бога, не подумайте, что я мог забыть все ваши милости. Нет, я очень помню, что вы записали меня в корпус, что я вам обязан очень много, и теперь надеюсь на ваше покровительство. — Батюшка меня отдал под опеку вам и всем ближним нашим родным, и я без их согласия не могу жениться, или лишусь наследства. Воля родительская для меня закон; но, тетушка, я не помню были ль вы влюблены в покойного советника Вельдюзева, вашего супруга, а уверен, что хотя по описаниям знаете, справляется ли любовь с завещаниями. Я как адъютант графа Борского был всякий день в доме у его сестры и влюбился в ее питомицу; Наташа сама от меня без памяти. Отец ее был заслуженный подполковник; словом, ничто не препятствует нашей свадьбе, ежели вы и все мои опекуны будете согласны. Я прошу вас сделать милость объяснить им это дело и засвидетельствовать мое почтение: бабушке Матрене Карповне, тетушкам Фекле Саввишне и Раисе Саввишне, дядюшкам храброму секунд-майору Карпу Саввичу и просветителю Чухломы Максиму Меркурьевичу; просить их за меня...»

И прочее. Вас всех прошу я за него.

Раиса

Как можно, милая, просить?

Вельдюзева

А для чего,
Когда ему жена по сердцу и по нраву!

Максим

Позвольте доложить: по данному мне праву
От брата женина, а от его отца,
Нельзя мне допустить Любима до венца,
Как по экзаменте природных дарований,
Ума, способности, а более познаний
Невесты.

Майор

Ну, Максим, ты не туда попал.
На что невесте ум? И кто из вас не знал
Покойницы моей Фетиньи? Как женился,
То с ней до старости трех раз не побранился,
А ведь умом ее грех было поклепать.
Не только ум жене, и мужу вряд ли нужен.
Не зачастую ль тот, кто кланяться досужен,
У лучших умников дорогу перебьет
И сам в разумники ошибкой попадет.
Вот так, как зятюшка, он не был грамотеем,
Сроднился с умником — и счету нет затеям,
Все знанья проглотил!

Максим

Позвольте...

Майор

Всё пустяк,
Чтоб был Любим женат, не соглашусь никак.
Служи, пока есть мочь; жена ж помеха службе.

Вельдюзева

И, братец, согласись!

Майор

Сестра! к тебе по дружбе
Я соглашусь; но с тем, чтобы его жена
Была проста, добра и вовсе не умна...

Да черта простоты надеяться тут можно:
Она воспитана графиней.

Фекла

И не до́лжно
От воспитания такого ждать пути:
Племяннику придет с ней по миру идти.
Я знаю этих бар; у всех одно и то же:
Им нашего добра чужая грязь дороже.
Мадамам да мусья́м за дрянь, за всякий вздор
Родные денежки бросают так, как сор.
Когда же в городе порядком проживутся
И экономничать в деревню уберутся,
То, боже упаси! какой подымут шум!
У деревенщины последний выбьют ум.
А года через два от барского приезда
Соседи барские из целого уезда
В ломбард свидетельства и плачут, да везут.
Ох! нагляделась я, какую жизнь ведут
Воспитанницы их сиятельств. Нет, бог с нею!
Не будет модница племянницей моею.
И для того ли я, не зная красных дней,
Оставшися вдовой от старых трех мужей,
К седьмым частям кой-что трудами приобщала,
Чтобы племянница всё мигом промотала?
Нет, не согласна я; нет, этому не быть,
Чтоб барской барышне... Извольте вы судить,
А мне пора домой: есть кое-чем заняться.
Бог не привел меня у знатных воспитаться,
Так я сама люблю дела мои вести,
Прибрать, похлопотать. — Прощайте же!

Явление 2

Те же, кроме Феклы Саввишны.

Майор

Прости,
Трехмужняя вдова! — Откуда спесь такая?
Ты нас бога́тей — что ж? нам прибыль в том
большая!
Племянник от тебя ни гро́ша не видал;

И право б я назло женить его желал...
Да нет, боюсь ума.

Раиса

Оставьте, братец, шутки.
Что Фекла Саввишна имеет предрассудки,
Согласна в этом я; и, признаюсь, она
Расчетиста, скупа и несколько жадна;
Однако же, сударь, любезная сестрица
В том права несколько, что знатный круг, столица,
Шум, вихорь городской не говорят душе
И что скрывается невинность в шалаше!

Майор

Да ты, как помнится, в столице не бывала.

Раиса

Но я, сударь, о всем в журналах прочитала
И знаю свет.

Вельдюзева

Из книг?

Раиса

Из книг, таки из книг;
В них только истину узнаешь.

Майор

Черт ли в них?

Раиса

Я за тебя стыжусь!

Майор

Стыдися сколько хочешь,
Да говори простей. Ведь ты о том хлопочешь,
Чтоб не женился наш Любим?

Раиса

И потому,
Что счастия никак нельзя найти ему,
Когда он съединит судьбу свою с женою,

Которая с его чувствительной душою
Не симпатирует, которой свет большой
Мешает дух питать природы красотой!

Звонкина

Которая, как ты, тоски не нагоняет
И, в потолок глаза уставя, не вздыхает,
Иль, тетку при смерти оставивши одну,
Не побежит глазеть на бледную луну.

Майор

Ну, слышишь ли, сестра, старушка наша права.
Ведь ты...

Раиса

Ох! боже мой! всегда твоя забава
Бесить меня; но я игрушкою твоей
Не буду.

(Максиму)

Мы от них уйдемте поскорей!

(Вельдюзевой)

А свадьбе не бывать.

Максим

Я честью вам клянуся,
Что без экзамента никак не соглашуся
На брак племянника. Пойдемте.

Явление 3

Те же, кроме Раисы и Максима.

Майор

Черт с тобой!
Он прежде, кажется, был малый препростой,
А в дураки попал уж по ученой части.
Из вашей, тетушка, не выступлю я власти.
Решите, нам женить Любима или нет?
Согласен я на всё.

Звонкина

Боюся я, мой свет,
Чтобы Любимушку жена не загубила.
Уж нынче всё не то, что в наше время было:
У нас все попросту росли, как бог велел.
Я смолоду была сама такой пострел,
Что любо-дорого, и горюшки мне мало!
Настанет только день — и думаешь, бывало,
Чтоб побеситься где, попеть да поскакать.
Хоть, правда, по складам я чуть могла читать,
И то печатное, зато была здорова
И мужу угождать во всем всегда готова;
Хоть в ухо вдень меня. А нынче, боже мой!
Хотя б Раисушка, крушит себя тоской,
Горюет, а о чем? так и сама не знает;
Иль, сидя у окна, вздыхает да вздыхает —
И сляжет с оханья... А муж ходи за ней:
Ни ночь, ни день не спи, покой ее лелей.

Вельдюзева

Но если на сестру Наташа не похожа?..

Звонкина

У этих грамотниц всегда одно и то же:
Тоска да слезы.

Майор

Так, и я порукой в том,
Что из ученых всех нет толку ни в одном.
Не может умников терпеть моя натура.

Звонкина

И, батька! ум хорош. Я и сама не дура;
А худо то, когда за разум ум зайдет.

Вельдюзева

Но должно ль обвинять Наташу наперед?
Кто знает, может быть, над ней других примеры
Совсем не действуют.

Звонкина

Неймется что-то веры,
Не тот уж слой людей; ах! нынче слишком свет
На слезы падок стал.

Вельдюзева

Когда ж в Наташе нет
Охоты тосковать, то может ли жениться
На ней племянник?

Звонкина

Да, я рада согласиться,
Лишь не была б она манерщица.

Вельдюзева
(майору)

А ты?

Майор

И я, как тетушка, держуся простоты
И не люблю насмéрть вздыхательного бреда.

Звонкина

Уж час двенадцатый, недолго до обеда.
Прощай!

Майор

Я тетушку до дома провожу,
Да тотчас ворочусь и кое-что скажу.

Звонкина

Пойдем.

(Вельдюзевой)

Наш уговор я, свет мой, не забуду
И вечером к тебе на чашку чаю буду.

(Уходит с майором.)

Явление 4

Вельдюзева, потом Любим.

Вельдюзева
(идя к кабинету)

Уж все ушли, Любим!

Он входит.

Ну, что ты скажешь мне?

Любим

Что я, их слушая, горел как на огне.
Ну, пусть бы тетушки и бабушки — бог с ними! —
Острили разум свой, а то туда ж за ними
И этот школьный враль. Нет, право, он счастли́в,
Что после свадьбы я стал очень терпелив,
А то б не трактовать ему меня дитятей!
Я уважаю всех и тетушек и дядей,
Но...

Вельдюзева

Дело не о том; Наташа где?

Любим

Она
Сидит в той комнате, и так огорчена,
Что всех ораторов прослушала серьезно.
Вчера мы, тетушка, приехали к вам поздно,
Так не успели вы путем ее узнать,
А умницы такой со свечкой поискать.
Ну, можно ль выдумке ее не удивляться?
Ведь это мысль ее, чтоб нам не вдруг казаться,
Что я на ней женат до времени таить
И позволения письмом у вас просить
Из этой комнаты.

Вельдюзева

Я выдумке дивлюся,
А лучше б до венца...

Любим

Ну честью вам клянуся,
Что я не виноват. К несчастью моему,

Князь Ладов, у кого взросла она в дому,
Вдруг собрался в Париж; так я заторопился,
Во вторник сговорил, а в пятницу женился,
В субботу был обед, а в воскресенье бал;
Неделю праздновал, неделю отдыхал,
И думал к вам писать, да передумал.

Вельдюзева

Дело.

Да цело ли у вас приданое?

Любим

Всё цело:

И платье и белье; а деньги как вода,
Так и бегут из рук, не знаешь сам куда,
Наташа уж меня за них сто раз бранила,
И ехать к вам она ж меня уговорила.

Вельдюзева

Так прожилися вы?

Любим

Покуда не совсем;

Но скоро, кажется, останемся ни с чем,
Когда опекуны лишат меня наследства.

Вельдюзева

Да ты всё слышал сам.

Любим

Мы без Наташи средства,

Конечно, не найдем.

Вельдюзева

Поди ж, ее зови.

Любим

(бежа в кабинет)

Наташа!

Вельдюзева

Он совсем рехнулся от любви;

Да и она мила.

Явление 5

Вельдюзева, Любим и Наташа.

Любим

Ну, тетушка, смотрите,
Любуйтесь, вот она! И как же вы хотите,
Чтоб не простил меня весь родственный совет;
И этакой души в Камчатке даже нет,
Чтоб устоять могла...

Наташа

Да ты забыл, конечно,
Что я жена твоя!

Любим

Так что ж? чистосердечно
Муж разве говорить не волен о жене?
Пускай милей тебя они покажут мне.

Наташа

Ей-богу, ты смешон!

Любим
(Вельдюзевой)

Смешон ли я?

Вельдюзева

Нимало.
Ты правду говоришь.

Любим

Ну слышишь ли? так, стало,
Не я, а ты смешна.

Наташа

С чего ты вздумал вдруг
Хвалить меня?

Любим
(Вельдюзевой)

С чего?

Вельдюзева

Я признаюсь, мой друг,
Что мой племянник прав; но нам о деле нужно
Поговорить скорей. Хоть я с родными дружно
Живу, но их никак уладить не берусь:
Они причудливы, а пуще я боюсь
Большой сестры, она не слишком добродушна;
Раиса же во всем Бирюлькину послушна,
А он...

Любим

Я слышал всё: он страшный грубиян,
И до обеда глуп, после обеда пьян;
Но что бы ни был он, а с ним тотчас я слажу.

Наташа

Проказы новые!

Любим

Да что же я прокажу?
Как на тебе, мой друг, женился я, с тех пор
Остепенел совсем, и бегаю от ссор.
Чему ж смеешься?.. А! случилось у Фельета;
Но обошлось, и ты простила уж за это.
Дай ручку!

Наташа

На, возьми; да замолчи!

Любим

Молчу.
Ну, что же?

Вельдюзева

Предложить я средство вам хочу,
Да не удастся, нет.

Любим

Посмотрим, что такое?

Наташа

Скажите, тетушка!

Вельдюзева

Нет, кажется, пустое.

Любим

Однако...

Вельдюзева

Если б им Наташу показать,
Но так, чтоб не могли они того узнать,
Что ты женат на ней, то, может быть...

Любим

Прекрасно!
Она их всех прельстит; тут нечего напрасно
И думать. Ну, мой друг, всю Чухлому пленяй!
Сперва ты с бабушки и теток начинай,
А там и дядюшек...

Вельдюзева

Тебе, мой друг, всё шутки:
У них у всех свои причуды, предрассудки,
Им каждому в другом то нравится одно,
Что, может быть, другим в них кажется смешно;
Так к ним подладиться ей должно непременно.

Любим

Она комедии играет совершенно;
Вам это скажут все: театр на даче был,
С княжной они на нем играли... я забыл
Названье... всё равно... но всех она пленила.
Княгиня с этих пор играть ей запретила,
А я с тех пор влюблен.

Наташа

Любовь свою оставь.

Любим

Да, не любить себя попробуй-ка заставь;
Ан не удастся, нет!

Наташа

Так, тетушка, вы правы,
Что наших всех родных немножко чудны нравы,

И к ним подделаться довольно мудрено;
Но мне с ребячества уж было суждено,
Из благодарности, к другим приноровляться
И заслужить к себе от всех любовь стараться
В том доме, где с трех лет я сиротой росла.
Княгиня иногда причудлива была,
Княжны между собой ни в чем не соглашались,
А гувернантки их в дому не уживались;
Так с ними быть в миру мне стоило труда,
И улыбаться я должна была тогда,
Когда хотела бы рыдать от огорченья.
Ах! дом больших господ — училище терпенья!
Вы в малом виде там найдете целый свет:
Интриг и происков... чего в нем только нет!
В нем кра́дут, грабят все, крича на беспорядки,
И даже карлица берет с дворецких взятки.

Вельдюзева

Ба! это, кажется, мой брат идет сюда.

Любим

Секунд-майор; так что ж? нам это не беда.

(Наташе)

Не правда ль, ты его заворожишь?

Наташа

Не знаю.

Вельдюзева

Послушай, милая, к себе я ожидаю
Из Вятки мужнину племянницу, так ты
Представь ее. Смотри ж, побольше простоты.

Любим

Как можно будь глупей!

Наташа

Ах, друг мой! я не смею.

Любим

Чего? ну что за вздор.

Наташа

Нет, право я робею.

Любим

Тебе не в первый раз комедию играть.

Вельдюзева

Уж он в сенях.

Любим

Прощай!

Явление 6

Секунд-майор и Наташа.

Наташа

Ах! что ему сказать?
Он входит... я дрожу!

Майор

Ну, вот и я, сестрица.
Да где же ты? Сестра!.. Что это за девица?
Откудова взялась?

Наташа

(в сторону)

Подходит... силы нет!

(Берется за стул.)

Майор

Кто ты, сударыня?

Наташа приседает.

Да это не ответ.
Как вас зовут?

Наташа

Меня?

Майор

Тебя!

Наташа

Меня-с?

Майор

Кого же?
Мы только двое здесь.

Наташа

Так, двое-с.

Майор

Ну так что же?

Наташа

Да ничего.

Майор
(в сторону)

Кой черт! вот беглый разговор.
Да как зовут тебя? и здесь с которых пор?

Наташа

Я здесь... у тетушки.

Майор

Давно бы и сказала.
А ты племянница?

Наташа

Племянница.

Майор

Так, стало,
Ты по сестре и мне доводишься родня?

Наташа

Нет, право-с, тетушка не тетушка моя,
Покойник дядюшка мне дядюшка.

Майор

Всё знаю;
Мы в сватовстве с тобой.

Наташа

Вот что-с!

Майор
(в сторону)

Я примечаю,
Что вряд ли чем она покойницы умней.

Наташа
(в сторону)

Доволен, кажется, он глупостью моей.

Майор

Как мы теперь свои, то нам с тобою надо
Знакомство ближе свесть. Не правда ли?

Наташа

Я рада.

Майор

Прошу нас полюбить.

Наташа

Я всех родных люблю.

Майор
(обнимая ее)

Так здравствуй, сватьюшка! — Вот так: я не терплю
Жеманства да чинов. — Да как ты миловидна,
Совсем красавица!

Наташа

Как это вам не стыдно,
Девиц в глаза хвалить! — Мне бабушка твердит,
Мужская похвала для девушки-де стыд,
И пуще хвалят тех, в ком больше есть пороков.
Да я ж с ребячества насмéрть боюсь уроков.
Наш лекарь городской меня так сглазил раз,
Что я в постель слегла.

Майор

Да мой не черен глаз,
И для меня ничто чужое не завидно.
Я добрый человек...

Наташа

О! это-с очень видно.

Майор

Неужли?

Наташа

Право-с так.

Майор

Да ты, ей-ей, мила!
Покойница моя вот такова ж была:
Что на уме у ней, бывало, то и брякнет;
Да иногда уж так от простоты вавакнет,
Что срежет голову.

Наташа

А кто-с была она?

Майор

Я, кажется, сказал: покойница жена.

Наташа

Так умерла она? Ах! боже мой, как жалко!

Майор

Да, умерла, как быть — житье людское валко:
Сегодня на земле, а завтра в землю слег;
Да делать нечего — никто таков, как бог!

Наташа

Вестимо так, а всё, кажись бы, лучше было,
Когда б не умирать. Ох! станет всё постыло,
Когда подумаешь, что час придет, умрешь,
А хуже и того — друзей переживешь.

Майор

(в сторону)

Точь-в-точь покойница! ну, те же поговорки!
Эх! укатали, жаль, коня крутые горки,
А то б хоть под венец.

(Наташе)

С тобою кой о чем
Хочу поговорить. — Ну, сядем же рядком.

Садятся.

Вот так. Послушай-ка... Эх, что бишь?

Наташа

Я не знаю.

Майор

(в сторону)

Кой черт! с чего начать?

(Наташе)

Я очень знать желаю,
Но нраву ли тебе наш брат военный?

Наташа

Да.

Майор

Неужли?

Наташа

Я не лгу-с.

Майор

Я чаю, иногда
Случалося, что ты о женихе смекала.

Наташа

(в сторону)

Что это?

Майор

Не стыдись.

Наташа

Об этом не пристало
Девицам говорить.

Майор

Да ты не говори,
А только отвечай, — и правду же, смотри!

Наташа

А! только отвечать? Извольте, я готова.
(В сторону)
Что будет от него?

Майор

(в сторону)
Ну, онемел я снова!

Наташа

Да что ж мне отвечать?

Майор

А вот что: например,
По нраву ли тебе гусарский офицер,
Который добр и храбр, в сраженьи хватско дрался,
Имеет кое-что, хотя попромотался,
Да жил уж весело?

Наташа

(вскакивая)
Ах, боже мой!

Майор

Чего
Ты испугалась?

Наташа

Ах! вы знаете его?

Майор

Кого?

Наташа

Его-с.

Майор

Кой черт! скажи, по крайней мере,
О ком ты говоришь?

Наташа

О ком-с? об офицере,
Что промотался.

Майор

Как! я знаю ль сам себя?

Наташа

Да не об вас шла речь.

Майор

Не будь Карп Саввин я,
Когда не обо мне.

Наташа

И! полноте смеяться.

Майор

Пусть черт меня возьмет!

Наташа

Не грех ли вам чертаться.

Майор

Нет, и покойницы она еще простей!
Та догадалась вмиг.

(Наташе)

Ну, я скажу ясней:
По сердцу ль я тебе? я? — Что ж? не догадалась?

Наташа

А я так думала, и очень испугалась.

Майор

Да что ж ты думала?

Наташа

Я думала о нем.

Майор

О ком? да скажешь ли?

Наташа

Об офицере том,
Который храбр и добр, в сраженьях славно дрался,
Имеет кое-что, хотя попромотался...

Майор

Да это я!

Наташа

О нет! тот молод и пригож.
Ах, боже мой! да он...

Майор

Что он?

Наташа

На вас похож.

Майор

Неужли?

Наташа

Только есть в вас разность небольшая.

Майор

А что?

Наташа

У вас усы и голова седая...

Майор

Был этот ус как смоль десяток лет назад!
Да есть ли у него такой гусарский взгляд,
И молодечество, и сила, и дородство?

Наташа

Нет, он потоньше вас, а есть большое сходство.

Майор

Так, по пословице, далеко кулику
До Петрова́ дня. Нет, давай мне, старику,

Десяток нынешних, поджаристых гусаров,
Всех за́ пояс заткну. — Где взять таких угаров,
Как были в старину? Пить, драться и любить!
Давай бери, — всё мы.

Наташа

Ах! с вами говорить
Мне очень весело.

Майор

Неужли? Отчего же?

Наташа

Да так.

Майор

Потешь, скажи.

Наташа

Он говорит всё то же.

Майор

Так, по словам твоим, он малый хоть куда.
А как его зовут?

Наташа

Ах! то-то и беда,
Что мне сказать нельзя, он запретил.

Майор

Вот дело.
Послушай-ко, ты мне открыться можешь смело,
Я, право, не скажу ни тетке, никому.
Ты о любви своей призналась ли ему?

Наташа

Не признавалась я, да сам он догадался.

Майор

И что ж?

Наташа

Стал свататься.

Майор

А после?

Наташа

Обвенчался.

Майор

Так ты уж замужем?

Наташа

Молчите-с!

Майор

Да к чему ж
Скрываться, кажется, когда тебе он муж?

Наташа

Чтобы женился он, родня его не хочет.

Майор

О вздоре, кажется, родня его хлопочет.

Наташа

Я то же думаю.

Майор

Как быть! а право, жаль,
Что вышла замуж ты.

Наташа

Ох! это не печаль,
Что вышла замуж я, а вот чего боюся:
Как мужниным родным я чем не полюблюся,
И сгонят с глаз меня!

Майор

Да есть ли где пример,
Чтобы позволить мог гусарский офицер
Так трактовать жену? — Нет, это мне уж больно;
Я сам за вас вступлюсь!

Наташа

Как буду я довольна!

Явление 7

Те же и Вельдюзева.

Вельдюзева

Ах, братец! ты уж здесь?

Майор

Давно.

Вельдюзева

Ты не слыхал,
Что, говорят, Любим сегодня прискакал?

Майор

Неужли?

Вельдюзева

И к тебе стремглав сейчас пустился.

Майор

Ну, вот те раз! А я вот с ней заговорился.

Вельдюзева
(тихо майору)

Как показалася?

Майор

А такова она,
Что счастье, у кого такая есть жена.

Вельдюзева

Ах! что греха таить, я очень бы желала
Женить племянника на ней...

Майор

Да опоздала.

Вельдюзева

Так, правда, наш Любим...

Майор

Да не Любим... Прощай,
А то с тобой болтнешь.

Вельдюзева

Да кто?

Майор

Никто. — Я чай,
Племянник ждет меня. Секрет я славный знаю,
Да не скажу тебе.

(Наташе)

Небось, не разболтаю,
Надейся на меня.

(Уходит.)

Наташа

Надеюсь я теперь,
И опыт удался, мне кажется?

Вельдюзева

Поверь,
Что неудач тебе не надобно бояться.
Любим пошел со всей роднею повидаться,
А мы теперь, мой друг, в крестовую пойдем
И у окна его возврата подождем.

ДЕЙСТВИЕ II

Явление 1

Вельдюзева, Любим и Наташа.

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню
И счастья своего покамест не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной. Зато уж от нее досталось!
К Раисе Саввишне, как следует, зашел,
Глядь — у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную, — там в очках она читала,
Вспрыгнула, ахнула и в обморок упала.
Оттерли. Боже мой! тут только что держись,
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове;
Ну так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла, —
Тут длинную она статью о том прочла,
Как, верно, в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я, без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Вельдюзева

Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы...

Любим

Ах, нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы да я.

Вельдюзева

Поверь мне, помаленьку
На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-майором. Ну,
Полюбят также все они твою жену,
Дай срок.

Наташа

Ах! дядюшке понравиться нетрудно:
Он весел, добр и мил, — и, право, даже чудно,
Как он напоминал Любима мне.

Любим

А чем?

Наташа

Да кроме лет, лица и воспитанья, всем:
Ты точный дядюшка, мой друг, под старость будешь.

Любим

Вот на!

Наташа

Ты никогда гусарить не забудешь,
Всё станешь вспоминать с восторгом старину,
И молодечество, и службу, и войну.
Я вижу уж тебя: ты в дядюшкины годы,
Как он, в седых усах, про славные походы,
Про Лейпциг, Кульм, Париж без памяти кричишь,
Без милосердия всё новое бранишь,
Свой полк, своих друзей, свои проказы славишь,
Повесам будущим себя примером ставишь
И сердишься за то, что рано устарел.

Любим

А ты в углу ворчишь: «Он всё еще пострел;
Когда ты, батюшка, дурачиться уймешься?»
И вслух меня бранишь, а внутренне смеешься.
Не правда ли, мой друг?

Наташа

Да, может быть легко,
Но, к счастью, до того еще нам далеко.

Вельдюзева

Сестра сюда идет.

Наташа

Ах, боже мой! какая?

Вельдюзева

Ох! Фекла Саввишна.

Любим

Крикуша и скупая.

Наташа

Да где бы платьица найти мне попростей?

Вельдюзева

У Груньки ты возьми передник поскорей.
Уйдите же, она уж подошла к порогу.

Наташа

(уходя)

Любим!

Любим

Я за тобой.

Уходят.

Явление 2

Фекла Саввишна и Вельдюзева.

Фекла

Скажи-ка «слава богу!»
Ведь наш Любим сюда изволил прикатить.
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,
Да ведь пожаловал в тот самой час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!
Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

Вельдюзева

Ну можно ли...

Фекла

Чего? он разве путных правил?
Дивись еще, мой свет, тому, что не оставил
Визитной карточки, а то у них такой
Обычай водится в столицах, об Святой
И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же;
Знатнейшие дома — и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки! .. Спасибо, мерзость эта
Что не дошла до нас, помиловал господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть.
Что сам он заходил, я от Потапки знаю,
А все-таки спесив! Увижу — разругаю.
Ведь нет, чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя, спешит. Спроси его, куда?
Небось не думает угодность сделать тетке;
А в Петербурге бы к какой-нибудь красотке...

Явление 3

Те же и Наташа.

Наташа

Ах, вы здесь не одни! простите!

Вельдюзева

Ничего.

Фекла

Кто это? здешняя?

Вельдюзева

Нет, мужа моего
Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

Фекла

Твоя золовка?

Вельдюзева

Да, ее в живых уж нет.
Вот дочь ее.

Фекла

Она? — Прошу, каких уж лет!
Невеста хоть куда! — Мы вместе вырастали
С твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил;
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах! на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

Наташа

Не знаю-с;
Как будет тетушке угодно...

Вельдюзева

Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе жить с тобой.

(Фекле)

В глаза и за глаза скажу: неприхотлива,
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

Наташа

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть,
Там приготовила для вас одно я блюдо?

Вельдюзева

А! знаю, хорошо. Останься здесь покуда.
Сестрица! кажется, не гостьи вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду тотчас.

(Уходит.)

Явление 4

Фекла и Наташа.

Фекла

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

Наташа

К обеду не поспело,
Хватились поздно мы. Так, как-то не пришлось.

Фекла

Какое ж кушанье?

Наташа

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

Фекла

Твоей? Оно б не худо;
Да ведь пирожное затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Наташа

Да-с; у меня зато всё снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

Фекла

Ну, сахар входит же?

Наташа качает головой.

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь!
Как! сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога!
Нет! и без сахару расходов очень много.

Фекла

Да, согрешили мы! крутые времена!

Наташа

Я как-то с малых лет к тому приучена,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно,
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

Фекла

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

Наташа

Помилуйте...

Фекла

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней, — зачем? кому на диво?

Наташа

А будто трудно жить как надо бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойная жила,
Куда не ро́скошно, я чай, и вам известно?

Фекла

Умна была. — Дай бог ей царствие небесно!

Наташа

Однако странность вам одну я расскажу.

Фекла

Как, друг мой? что? — Садись.

Наташа

Вот что...

Фекла

Да сядь!..

Наташа
(севши на краешке стула)

Сижу.
Вот что... Спросить у вас позвольте: вы давно ли
Расстались с матушкой?

Фекла

Лет двадцать пять, поболе;
Мы молоды тогда, невесты были с ней.

(Со вздохом)

И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

Наташа

Так, может, никогда вам слышать не случалось
Об том, что к Ладовой графине я попалась
На воспитание?

Фекла

Нет, не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно! — Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный;
У Ладовой расход на всё невероятный!
И шляпкам, и шаля́м, и платьям счету нет, —
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцевальный,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что в эдаком дому
До бережливости нет дела никому.

Фекла

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство,
И весь графинин быт, шум, пышность, мотовство,
И давка вечная в передней за долгами
Так опротивели, что рада, между нами,
Была я убежать бог ведает куда!
Так опротивели, что лучше бы всегда
Я ела черный хлеб, в серпянке бы ходила,
Да лишь бы суетно так время не губила.

Фекла

Ужли, голубушка! да как же это ты?
Я, я свертелась бы от этой суеты!
Вот ум не девичий! — К чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она была,
На этом месте, здесь. А! вот она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может пригодиться.

Фекла

Как, из булавки ты изволила трудиться?
Чем больше думаю и на тебя гляжу,
И слушаю тебя — ума не приложу.
Диковина, мой свет! ты, кажется, водилась
С большими барами, а всё с пути не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана тому,
Что столько времени жила в большом дому.

Когда к француженкам поедем мы, бывало,
Графине только бы купить что ни попало,
А я тихохонько высматриваю всё,
Как там работают, кроят и то и се,
И выпрошу себе остатков, лоскуточков,
Отрезочков от лент, матерьицы кусочков,
И, дома запершись, крою себе, крою.
Теперь же, верите ль, я что угодно шью;
Вы не увидите на мне чужой работы
Вот ни наэстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

Фекла

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад сущий, и тебе подобной не сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею вышивать.
Бывало, прочие лишь заняты весельем,
На балах день и ночь, а я за рукодельем.
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконец до тысячи рублей.

Фекла

Теперь на свете нет вещей невероятных.
Скопила! чем? трудом! воспитана у знатных!
Свершилась над тобой господня благодать.
Дай, радость, дай скорей себя расцеловать! —

Обнимаются.

Вот, если б наш Любим был человек толковый,
Вот счастье! вот оно! вот случай здесь готовый!
И услужил бы всем родным и сам себе,
Когда женился бы он, друг мой, на тебе.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то бог знает где он сватанье завел!
Там русскую мамзель какую-то нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Фекла

Как почему? — Я знаю.

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем мне.

Фекла

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру. Не может, чай, дождаться,

Когда Любимовы родные все свалятся,
Чтоб поскорей от них наследство получить.
Того не думает, чтобы самой нажить.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось:
При жизни что хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно,
Свежа как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних немудрено прельстить.
Ты по-французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Фекла

А! верно мастерица.
Им только надобно...

Явление 5

Те же и Вельдюзева.

Фекла

Послушай-ка, сестрица,
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

Вельдюзева

Я то же говорю.

Фекла

Ты говоришь... я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и по словам моим
Он петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет,
Пришли его ко мне. А между тем прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай,
Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так, кой об чем. Прости!

(Наташе)

Ах! жаль, что недосужно,
А то бы мы с тобой... Прошу нас навещать.

Ты говорила мне, что любишь вышивать
И что, мой свет, сидеть не любишь склавши руки,
Так я тебе найду заняться чем от скуки:
Ведь у меня в дому кой-что шелками шьют.

(Вельдюзевой)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне. — Быть может, и без брани,
Авось!.. Загадывать я не хочу заране.
Авось!.. Не ведает никто, что впереди.
Сестра, без проводов! останься! не ходи!

(Уходит.)

Вельдюзева ее провожает.

Явление 6

Любим, Вельдюзева и Наташа.

Любим

(выбегая)

Прекрасно, ангел мой! прелестно, беспримерно!
Ну, с Феклой Саввишной всё кончено, наверно.
Остались две еще... Однако я вперед
Не слушаю: боюсь, как смех меня возьмет
И я захохочу, то дело всё испорчу.
Ты их заворожай, а я уж с дядей кончу;
Ведь он не хлопотун и, право, молодец;
Скажу ему, кто ты, так делу и конец.
Обрадую его, и тотчас радость нашу
Докажем братски мы: за милую Наташу,
За славу, за любовь, за наш удалый полк
Бутылка зашипит — и пробка в потолок!

Наташа

Ах, друг мой! у тебя всегда одно и то же,
И вечно вздор.

Любим

Как вздор? Да есть ли что дороже
Любви и славы? а?

Вельдюзева

(возвращаясь)

Тобой довольна я.

Любим

А я с ума схожу!

Вельдюзева

Да ты ворожея,
И Феклу Саввишну совсем заколдовала.
Она в сенях меня всё время продержала
И хочет дать тебе работу вышивать.
Раиса ж Саввишна прислала мне сказать,
Что будет к нам сейчас.

Любим

Раиса нам безделка;
С скупою тетушкой трудна была разделка,
А этой отпускай все вздоры целиком
Из милых авторов.

Наташа

Ты прав, да дело в том,
Что я не помню их. Теперь не очень в моде
Посланья слезные: к цветкам, к лужкам, к природе,
И к ночи, и к луне...

Любим

Да как-нибудь. — Постой,
Вот книжка!

(Подает книжку Наташе.)

Наташа

Календарь!

Любим

Уж если нет другой,
То хоть ее возьми. — Оно ловчее, знаешь,
Как тетушка придет, то будто ты читаешь.

Наташа

Да, с книжкой я скорей оправиться могу.

Любим

Конечно, а меж тем я к дяде побегу.

Вельдюзева

Через калитку, здесь поближе.

Любим

Так прощайте.

Вельдюзева

Нам лучше розно сесть.

Любим

(перебегая через театр)

Ну, плакать начинайте!
Раиса в цветнике, скорей садитесь вы.

Наташа

(садясь в угол)

Как быть, начну читать о вскрытии Невы.

Вельдюзева

(садясь к столу)

Вот, кстати, здесь шитье.

Наташа

Ах, тетушка, боюся,
Как в календарь она заглянет?

Вельдюзева

Я беруся
Ее не допустить... Идет.

Явление 7

Те же и Раиса.

Раиса

(вынося пучок цветов)

Смотри, я нарвала
В саду твоем цветов. Как розочка мила,
Головочку свою так опустила жалко;
Вот незабудочка, вот скромная фиалка,
Вот стройный василек! Ты любишь ли цветы?

Вельдюзева

Люблю.

Раиса

И не сравнить их сельской простоты
С брильянтом, с жемчугом?

Вельдюзева

Нет, я их не равняю,
И на один брильянт весь сад мой променяю.

Раиса

Не стыдно ль, милая?

Вельдюзева

Хоть стыдно, только я
Так думаю. А вот племянница моя
Охотница, как ты, природой восхищаться,
Ты с ней поговори.

(Наташе)

Успеешь начитаться
И после. Вот сестра...

Наташа

Простите. Боже мой!
Я не приметила...

Вельдюзева

Что сделалось с тобой?
Ты так расстроена... От книжки уж конечно?

Наташа

Божусь, не от нее.

Вельдюзева

Ох! вы крушитесь вечно
От всяких пустяков.

Раиса

А что за книжка?

Вельдюзева

Вздор

Какой-нибудь.

Раиса

Роман? дай мне...

Вельдюзева

(не давая книги, Наташе)

Нет, с этих пор

Не будешь ты читать да попусту томиться,
И с книжкою своей изволь навек проститься,
Я в шкаф ее запру.

Раиса

(ловя книгу)

Хотя взглянуть дозволь.

Вельдюзева

(всё не давая книжки, Наташе)

Твой дядя много книг оставил; только моль
Их, слава богу, всех на чердаке изъела.
Сестрица, помнишь ли, как я всегда хотела,
Чтобы из мужниных племянниц хоть одна
Ко мне приехала?

Раиса

Да, помню.

Вельдюзева

Вот она,

Прошу ее любить.

(Тихо)

Она хотя тосклива,

Да уж чувствительна!

Наташа

Как буду я счастлива,

Когда найду родных, оставшись сиротой!

Раиса

Вы в мире сирота? что слышу! Боже мой!
Мы обе сироты!

(Обнимает Наташу.)

Сестрица! я уж плачу.

Вельдюзева

Покуда плачешь ты, я эту книжку спрячу.

(Уходит.)

Явление 8

Раиса и Наташа.

Раиса

Ах, милая моя! мне вас душевно жаль.
Варвара Саввишна не много видит вдаль
И в век свой ничего не знала, не читала.
Ах, если б я могла!.. Ах, как бы я желала,
Чтоб вы достались мне, а не моей сестре.
Мы вместе б плакали — и вместе б на заре
Ходили на курган рассветом наслаждаться!

Наташа

Ах! можем часто мы у вас и здесь видаться,
Вздыхать и слезы лить!

Раиса

Так точно, жизнь моя!
Ах! с вами ни на час не разлучуся я,
И симпатии к вам уж чувствую влеченья, —
А солнца вы восход видали ль?

Наташа

Без сомненья!

Раиса

И песнью соловья пленялись?

Наташа

Сколько раз!

Раиса

Так в вас душа чиста, и сердце есть у вас.
Как! вы вздыхаете?.. Вам нечего скрываться,
Я понимаю вас...

Наташа

(в сторону)

Боюся засмеяться.

Раиса

Ах! вы смущаетесь, стыдитесь! Боже мой!
Несчастная! скажи, или Эраст другой,
Как с бедной Лизою...

Наташа

Не так, я вам клянуся;
Но быть несчастною на целый век страшуся.

Раиса

Несчастною! кто? вы? или развратный свет
Противен вам, как мне?

Наташа

Узнайте всё: с трех лет
У знатной госпожи я в доме воспиталась.

Раиса

С трех лет ты в сей хаос, невинная, попалась,
Как роза юная на беспriютный брег!

Наташа

Нет! как фиалка, я скрывалась ото всех
Зефиров ветреных и мотыльков сребристых;
И нянюшка меня крепила в чувствах чистых:
Старушка добрая, простой природы дочь,
С трех лет всё от меня не отходила прочь...

Но мой ударил час!.. Прельщенная погодой,
В саду гуляла я, беседуя с природой.
С листками шепотом резвился ветерок,
И вторил соловью журчащий ручеек;
Уж день туманился, природа засыпала,
И бледная луна лишь дальность осребряла.
Я села отдохнуть на мягком берегу
Кристального ручья, — и тут... Ах! не могу
Окончить.

Раиса

Говори, не мучь меня томленьем.

Наташа

Он вдруг явился мне — и, ах! одним мгновеньем
Решила всё судьба! Но то крушит меня,
Что счастья моего не хочет вся родня.

Раиса

Природы изверги!

Наташа

Напрасно их вините.

Раиса

Я проклинаю их!.. Тираны!

Наташа

Замолчите!
Вот тетушка идет.

Раиса

Ее уговорю:
Начну издалека...

Наташа

Я вас благодарю.
Вы можете одни...

Явление 9

Те же и Вельдюзева, потом майор и Любим.

Раиса

Тсс! тетка примечает.

Вельдюзева

Ба! вы уж шепчетесь?

Раиса

Нередко составляет
Гармонию сердец один волшебный миг.

Вельдюзева

Так, стало быть, я, вас оставивши одних,
Недурно сделала, и вы уж подружились.

Наташа

Мне кажется.

Раиса

Мы с ней сердцами съединились,
Она открылась мне. Но ты, сестрица, ты
Проникла ль в тайности несчастной сироты?
Прочла ль в душе ее?

Вельдюзева

Как! в тайности? в какие?

Раиса

Сестрица! знаешь ли, что в жизни симпатия́?
Что миг решительный? что жребий роковой?
Что отголосок чувств? что разговор немой?
Что взгляд убийственный?

Майор
(входя, Любиму)

Войди, войди, проказник.
Сестра! вот наш Любим; у нас сегодня праздник,

Веселье.

(Раисе)

Что же ты? ну, благо случай есть,
Скорее в обморок.

Раиса

Оставь!

Любим

Имел я честь
Уж быть у тетушки.

Майор

И без меня: досадно!
А чай, комедия.

Раиса

Уймешься ль ты?

Майор

Ну, ладно.
Пусть он расскажет вам... Да нет, еще постой;
С ее племянницей, и нам почти родней,
Вам познакомиться не худо... Что ж вы стали?
Ты к ручке подойди; ты в щечку...

(Любиму)

Хороша ли?
Ведь загляденье! а?

(Наташе)

Что, молодец каков?

Наташа
(тихо)

Не знаю-с, как сказать...

Майор
(Наташе)

Вот тут не стало слов,
А с тем, я чай, не так...

Наташа

(тихо)

Мне стыдно-с.

Майор

Не стыдися!

Раиса

Карп Саввич!

Майор

Что, сестра?

Раиса

Дурачиться уймися,
И нежность чувств ее не оскорбляй.

Майор

Вот на!
Какая нежность чувств? Нет, матушка, она
Без ваших вичуров, предобрая, бог с нею.

(Наташе)

Не правда ль?

Наташа

Правда-с.

(Раисе)

Ах!

Раиса

Мне стыдно, что имею
Такого братца я. Уйдем скорей.

Майор

Куда?

Раиса

Где нет тебя, сударь.

Майор

Так я мешаю?

Раиса

Да.

(Наташе)

Как он привяжется, то долго не отстанет.
Пойдем.

Наташа
(майору)

Прощайте-с.

Явление 10

Те же, кроме Раисы и Наташи.

Майор

Ну, уж мила! что взглянет,
То подарит рублем. Вот девушка, Любим!
Когда б ты завладел сокровищем таким,
То был бы молодец!

Любим

Кто с вами спорит в этом.
Она сокровище, — и я хоть с целым светом
Ударюсь об заклад, что нет ее милей.
Ни в чем, ни перед кем не будет стыдно ей,
Хотя б вы собрали и всех красавиц вместе.

Майор

Ай, ай, племянничек! да ты и о невесте,
Мне кажется, забыл... Да жаль, что опоздал.

Вельдюзева
(смеючись)

Кто? Он?

Майор

Поверь же мне, что он впросак попал.

Любим

А если не попал?

Майор

Не говори ж пустого.

(Отведя его в сторону)

Она уж замужем, да никому ни слова.

Любим

Ах! это, дядюшка, я знаю лучше всех.

Майор

Нет, шутишь?

Любим

У меня в уме теперь не смех.

Майор

Кой черт! да неужли ты так в нее влюбился?

Любим

Ах! это б ничего.

Майор

Да что же?

Любим

Я женился.

Майор

Женился!

(Вельдюзевой)

Слышишь ли?.. На ком же ты женат?

Любим

На ком? на ней.

Майор

На ней!

Любим

Я очень виноват;
Да дело сделано, — и только ожидаю
Прощения от вас.

Майор

Сестра!

Вельдюзева

Что?

Майор

Я не знаю,
Сердиться мне иль нет?

Вельдюзева

Нет, лучше не сердись.

Майор

Да я ведь в дураках.

Вельдюзева

И! братец, согласись,
Что и не нам чета бывали...

Майор

Так, однако...

Вельдюзева

Я одурачена с тобою одинако.

Майор

Неужли ты?

Вельдюзева

И я, и старшая сестра.

Майор

Как! Фекла Саввишна? Ну брат Любим, ура!
Прощаю я тебе, ты удружил мне славно:
Провел проводчицу... А право, ведь забавно
Смотреть, как хитрецов самих перехитрят.
И я знакомил их!.. Ну! признаюся, брат,
Жена твоя умна, так с ней плошать не должно.

Вельдюзева

Поверь, что с умною скорее сладить можно.

Майор

Пусть так. А что ж Максим?

Любим

В резерве он пока.

Майор

Ах, если б этого провесть нам чудака!
Над ним позволь и мне путем повеселиться.

Любим

Не стоит он того, чтоб перед ним таиться.
Я всё ему скажу — и пусть экзамент свой
Наташе делает.

Вельдюзева

Согласна я с тобой:
Он любит важничать и ничего не знает.

Любим

Так, стало быть, его Наташа загоняет.

Майор

Сомненья в этом нет, что станет он в тупик.
Пойдем теперь ко мне и дело справим вмиг.
Максима позову к себе на чашку чаю.
Есть славный ром у нас... Но только я не знаю,
Как это сделалось, что я попал и сам...

Любим

Вы всё узнаете, скорей пойдемте к вам.

Князь
А. А. Шаховской.

ДЕЙСТВИЕ III

Явление 1

Наташа, потом Вельдюзева.

Наташа

(входя и почти падая на стул)

Ах! в жизнь мою... еще... я так не уставала. .
В Раисе Саввишне... нет жалости нимало...
Я вся измучена... кружится голова!

Вельдюзева

Наташа, ты уж здесь?

Наташа

Ах, здесь... и чуть жива.

Вельдюзева

Что сделалось с тобой, мой друг?

Наташа

Ах! ради бога,
Собраться с духом мне позвольте хоть немного.

Вельдюзева

Ну, отдохни.

Наташа

Легко ль бог знает сколько верст
Обегать в два часа? — Отсюда на погост
С Раисой Саввишной мы прямо побежали;
Там над могилами немного повздыхали,
Потом, по бережку иссохшего ручья,
Дошли до рощицы, где тетушка и я
Стадами пестрыми, вздыхая, любовались.
Потом на горке мы природой восхищались,
Под горкой, встретившись с старушкою одной,
Дарили, бедную, горячею слезой.

Вельдюзева

Не разорило ж вас такое подаянье.

Наташа

Но тут от беготни ни вздохов, ни дыханья
Не стало у меня, — и кое-как сюда
Дошла полмертвая. — Недаром никогда
Сантиментальных я вояжей не любила.

Вельдюзева

А что ж Раиса?

Наташа

В ней нечеловечья сила,
Она еще пошла догуливать.

Любим вбегает.

Любим!
Что сделалось с тобой!

Явление 2

Те же и Любим.

Любим

С экзаментом своим,
Как лист перед травой, перед тебя предстанет
Максим Меркурьич.

Наташа
(испугавшись)
Как?

Любим

Небось, в тупик он станет,
Лишь только не жалей ученых всяких слов.

Наташа

Я не готовилась...

Любим

А он совсем готов.
К природной глупости мы пуншевого чада
Прибавили в него, — и он таков, как надо.

Наташа

Да ты с ума сошел!

Любим

Нет, мы его сведем...
Да, правда, не с чего.

Вельдюзева

Ну как с твоим умом
Бояться...

Любим

И кого? Максима! что он значит?

Наташа

Да как он ни Максим, а если одурачит...

Любим

Не скромничай, мой друг! ты всякий день сама
Твердила мне, что те, в ком капли нет ума
И русской грамоте по нужде только знают,
Печатают свой вздор, да их же выхваляют,
А ты разумница...

Явление 3

Те же, Максим и майор.

Максим
(за кулисами)
Экзамент ей сейчас.
(Входя вполпьяна)
Экзамент, слышите ль?

Любим
(Максиму)
Просить позвольте вас
Принять мою жену...

Максим
Экзамент непременно!
И сей же час!

Вельдюзева
(Наташе)
Да он рехнулся совершенно.

Максим
Экзамент, говорю, и больше ничего.

Любим
Поверьте мне, сударь, мы выдержим его,
Она всё знает.

Максим
Да, я докажу формально,
Что женщине нельзя всё знать фондаментально.

Любим
Наташа может вам формальней доказать,
Что знает лучше тех...

Максим
Прошу не забывать,
Что я ваш опекун и что со мной опасно
Вам слишком умничать.

Майор
Не горячись напрасно.
Вот стол и стул, садись!
(Сажает его.)
И начинай скорей.

Любим
Вы можете во всем экзамент сделать ей,

Максим

Так многому она училася, как видно?

Любим

Всему, сударь, всему.

Максим

(в сторону)

Вот это преобидно,
А то бы я...

Майор

Ну, что ж?

Максим

Ты, братец, слишком скор,
Экзамент, кажется, не ваш военный сбор.
Ведь тут не в караул, и вдруг не соберешься.

Майор

Нет, ты уж от меня никак не увернешься.

Максим

Да этак я попасть рискую в дураки.
Без книг и без ландкарт, без грифельной доски...

Майор

За ними послано.

(Любиму)

Ну, представляй Наташу.

Любим

Вот налицо она.

Наташа

(Максиму)

Я благосклонность вашу
Заслуживать почту себе за первый долг.

Майор

Ну, что, брат, нравится ль?

Максим

Желательно, чтоб мог
При сей оказии...

(Любиму)

Ей-ей! она прекрасна!

Любим

И страшно учена!

Максим

Так, стало быть, напрасно
Экзамент делать.

Майор

Нет, садись.

Вносят книги.

Вот твой запас.

Максим

Но после бы...

Майор

Не трусь и начинай свой класс.

Максим

Я трушу? я?.. Клади все книги так, как должно.
Да где грамматика? а без нее не можно...

Вельдюзева

Вот, кажется, она.

Максим

Ах! нет, совсем не та;
Та больше, тут же нет заглавного листа.
Никак не разберешь, черт знает, что за книжка!

Майор

Ну, видишь ли, Максим, что значит выпить слишком.

Максим

Не ваше дело: сесть вы можете вдали.

(Наташе)

Подвиньтеся... еще... нет, слишком подошли.
Вот этак, хорошо.

Любим

(Вельдюзевой)

Да он ее измучит.

Максим

(надевая очки, читает)

Что есть грамматика?

Наташа

Грамматика нас учит,
Как чисто говорить и правильно писать.

Максим

(глядя в книгу)

Так точно, и умней не можно отвечать.
Грамматике конец. Теперь начнем словесность.

(Глядя в тетрадь)

Вопрос: кто более привел себя в известность
У нас твореньями? . . Прошу тотчас ответ.

Наташа

Да многих имена ученый знает свет.
У нас есть славные поэты, прозаисты,
Большие лирики, витии, фабулисты;
Я предпочесть из них не смею никого.
Но если вам назвать угодно одного,
То я вам объясню тотчас его творенья.
Ведь вы всех знаете?

Максим

Всех знаю, без сомненья.

Наташа

Так назовите мне.

Максим

Кого бы мне назвать? . .
Да нет, уж лучше нам историю начать.

Наташа

Я в ней сильна.

Максим

(ища в книге)

Итак, скажите мне... какое
Число чудес?

Наташа

Их семь.

Майор

А наш Максим осьмое.

Максим

(глядя в тетрадь)

Так точно.

Наташа

(подходя к столу)

Знаю я всех древних мудрецов,
Поэтов, воинов, оракулов, богов...

Максим

Чур не заглядывать!

Наташа

Все славные деянья,
Все царства, всех царей, войны́, завоеванья,
Все храмы, города, и Дельфы и Пафо́с,
Афины, и Коринф, и Спарту, и Родос...

Максим

Довольно.

Наташа

(продолжая)

Вавилон, развалины Палмиры,
Самос, Персе́полис, мемфисские кумиры,
Сибиллу Кумскую...

Максим

Довольно! Боже мой!

Наташа

Но я желала б знать, согласны ль вы со мной?..

Максим

Согласен я во всем!

Майор

Откуда что берется!

(Максиму)

Что, загоняла, брат?

Максим

Еще нам остается
Кой-что пройти.

Майор

А что?

Максим

Эх, братец, не сбивай!
Не знаешь ничего, так делу не мешай.

Майор

Кто больше знает нас, тому и книги в руки,
А вряд ли, брат Максим, тебе дались науки.

Максим

Пожалуйста, молчи, не говорят с тобой.

(Наташе)

Вы географии учились ли?

Наташа

Какой?

Максим

(в сторону)

А! запинается...

(Наташе)

Ну как какой? известной!

Наташа

Математической, физической, небесной
Или земной?

Максим

Да, да! куда нам до небес?

Наташа

А в географии небесной тьма чудес!
Известны, верно, вам открытия Невтона,
Названия всех звезд: и Волка, и Дракона,
Пегаса, Феникса, Медведицы, Тельца,
И Лиры, и Стрелы, и Гуся, и Венца,
Иракла, Близнецов, Центавра, Мухи, Змея,
Павлина, Ворона, Лисицы, Водолея...

Максим

Всё знаю, но всегда до звезд и до зверей
Я не охотник был.

Майор

А пуще Водолей
Ему не по нутру: он смерть воды не любит.

Максим

(в сторону)

Своей ученостью она меня погубит,
Окончу. — Нет, ее могу я подстеречь.

(Наташе)

О философии зачнем теперь мы речь.

Наташа

О философии? Как этому я рада!

Максим

Вы рады?..

(В сторону)

Вот те раз!

Наташа

Но прежде знать мне надо,
Вы стоик, эпикур, деист или атей,
Кто из философов, по-вашему, умней —
Сократ, Анаксагор, Платон, Зенон, Лукреций,
Жан-Жак Руссо, Волтер, Сенека иль Гельвеций?
Да не забыла ли еще я кой-кого?

Максим

Нет, нет, сударыня, тут все до одного.

(Вставая)

Экзамент кончился.

Вельдюзева

(Максиму)

Что, учена ль, скажите?

Максим

(отведя ее)

Она познания имеет, коль хотите,
Но всё ученою назвать еще нельзя,
Тут нужно многое!

Наташа

(подходя к Максиму)

Вас спрашивала я,
Которой секты вы?

Максим

Эх, мне не до вопросов!

Наташа

Хотя могу ль узнать, который вам философ
Всех больше нравится?

Любим

Да растолкуйте ей!

Вельдюзева

Что ж, зятюшка, скажи?

Майор

Ну, братец, поскорей!
Решай!

Максим

Что вы ко мне пристали, как с ножами?

(В сторону)

Да этак пропадешь с руками и ногами!
Который час? . . Ай-ай! уж около восьми.

Наташа

Но кто ж философ тот?

Максим

Да черт его возьми!
Я вашим знанием разодолжен отменно,
Чего ж еще?

Майор

Нет, брат, признайся откровенно,
Что перед ней ты пас.

Максим

Ну пас так пас. Прощай!

Майор

Нет, не прощай...

Максим

А что?

Майор

К Раисе ты ступай.

Максим

Зачем?

Майор

Ее умом как пешкой ты играешь,
Так помири ее с племянником как знаешь.

Максим

Ох! это нелегко.

Любим

Ах, дядюшка! на вас,
На вашу власть над ней надежда вся у нас.

Наташа

Вы так, сударь, добры, умны, красноречивы,
Что стоит вам сказать — и будем мы счастливы.

Максим

Так будьте ж счастливы, за всё берусь я.

(Отходя)

О философия! ты срезала меня!

(Уходит.)

Любим и Наташа его провожают.

Явление 4

Вельдюзева, майор, Любим и Наташа.

Любим

Ну, нам теперь одна, мне кажется, осталась
Матрена Карповна.

Вельдюзева

Старушка обещалась
Сегодня к вечеру прийти ко мне на чай.
Ты ж к Фекле Саввишне, смотри, не опоздай.

Любим

Нельзя ли не ходить?

Вельдюзева

Нет, должно непременно.

Наташа

Поди, мой друг.

Любим

Да я с старухами отменно
Неловок, признаюсь.

Вельдюзева

Так я с тобой схожу,
И как подладить ей — дорогой расскажу.

(Майору)

А если я еще вернуться не успею,
Матрену Карповну ты примешь.

Майор

Разумею.

Любим

Прощайте, дядюшка! желайте счастья нам.

Явление 5

Майор и Наташа.

Майор

Да хоть желай, хоть нет, а будет гонка вам.
Нет, Фекла не в меня и шутки худо смыслит,
Отделает; но брань на вороту не виснет.
Брани, кричи, да мы поставим на своем
И над крикуньею потешимся путем.
А то ведь перед ней никто не заикнися:
Как пустит мелку дробь, так только что держися!
И в целой Чухломе с ней сговорит одна
Старушка тетушка.

Наташа

Ах! ежели она
Придет сюда теперь...

Майор

Так что ж? пускай приходит.
Хоть ей под семьдесят, а скуки не наводит,
И челушко она во всей семье у нас,
Разумница, добра, а под веселый час
Утешит хоть кого; то уж на всё удача.

Наташа

Да должно ль ей сказать, кто я?

Майор

Ну, вот задача,
Сказать... иль лучше нет?

Наташа

Да как же быть?

Майор

Бог весь!
Ахти! никак она.

Явление 6

Те же и Звонкина.

Звонкина

А, Карпушка, ты здесь!
Где ж Варенька?

Майор
(с смятением)

Она в минуту будет дома.

Звонкина
(увидя Наташу)

А это кто, мой друг? мне что-то незнакома,
Уж не приезжая ль?

Майор

Приезжая...

Звонкина

Отколь?

Майор

Спросите у нее.

Звонкина

Спросить себя дозволь,
Я имя вашего и отчества не знаю,
Вы к нам приехали издалека, я чаю.
Давно ли? и к кому?

Майор
(тихо Наташе)

Ну, отвечай живей!

Наташа

Сюда приехала я к тетушке моей
Варваре Саввишне.

Звонкина

Ах, жизнь моя! конечно.
Ты из Вельдюзевых? так рада я сердечно
С тобою, сватьюшка, скорей знакомство свесть.

(Обнимает Наташу.)

Майор
(в сторону)

Попалась тетушка.

Наташа
(подает стул)

Вам не угодно ль сесть?

Звонкина

Спасибо, ангел мой! Вот это нынче диво,
Чтоб обходилися с старушками учтиво.

Наташа

Людей почтенных я привыкла уважать.

Звонкина

Какая умница!

Майор
(в сторону)

Смелей! пошла писать.

Звонкина
(майору)

Не правда ль, сватьюшка у нас предорогая?

Майор

Девица славная, веселая такая!
Ну не расстался б с ней.

Звонкина
(Наташе)

Так, стало, ты, мой свет,
Еще не замужем?

Наташа

Кто? я?

Майор

(перебивая)

Покуда нет.

Звонкина

(поглядывая на майора)

Вот что!

Майор

(в сторону)

Я лихо лгу.

Звонкина

Да что и торопиться?
Покамест молода, так надо веселиться.
А нынче ж всё не то, что было в старину;
Хоть, правда, муж у нас держал в руках жену,
И часом припугнет, а были мы счастливы;
Теперь же нежат жен, а все они чуть живы,
Точь-в-точь усопшие! Бог знает отчего,
А нет веселого лица ни одного, —
И тем, мой свет, они тоскливей, чем моложе.

Наташа

И в Петербурге я видала часто то же.

Звонкина

Так в Петербурге ты поэтому жила?

Майор

Да как же? там она у знатных бар росла.

Звонкина

Неужли?

Майор

Да ее житье большого света
Не раскручинило.

Звонкина

(в сторону)

Я понимаю это.

(Наташе)

Какую ж жизнь ведут большие господа?

Наташа

(улыбаясь)

Чуть все не мрут с тоски, хоть, правда, иногда
Находит и на них охота забавляться,
И рады б кое-что затеять, да боятся,
Что скажут...

Звонкина

Да по мне что хочешь говори;
Что до меня кому? всяк за собой смотри.
И кто же скажет?

Наташа

(весело)

Те, которые не рады,
Что весело не им.

Майор

Пусть треснут их с досады,
А я бы, злым назло, век целый пировал.
Вот на! и черт ли дом мизинцу приказал?
Никто мне не указ: хочу — и веселюся,
Толкуй, кому досуг, я толков не боюся.

Звонкина

Ай да племянничек! ты весь пошел в меня.

Наташа

Знакомым госпожам твердила часто я:
Что вы скучаете, так сами ж виноваты,
У нас покой и мир, вы молоды, богаты,
Ну пусть в других землях есть кой о чем тужить.
А, слава богу, нам теперь-то и пожить.
Да пересуды так их, бедных, запугали,
Что в моду уж вошло крушиться без печали.

Звонкина

Та ж мода и в Москве, я там зимой была,
У мужниной родни, — с ума было сошла!
Трех дочек, уж невест, нашла я у золовки,
Большие модницы и страшные мотовки;
Да это б не беда, кто молод не бывал?
Ну пусть бы ездили хоть всякий день на бал
И, сколько их душе угодно, веселились,
Ан нет, совсем не то, они перекрестились
В такие имена, что в святцах нет у нас.
Перетой, помнится, Параша назвалась,
Фаншетой Фенюшка; а старшую, бог с нею,
Так назвали, что я и вымолвить не смею.
В двенадцатом часу они изволят встать,
И тотчас за перо, давай к друзьям писать
И рассылать людей в трескучие морозы;
Им это весело, а бедным людям слезы...
Эх, что я, весело? тоска веселье их!
Сберутся ввечеру, разложат кучу книг,
Все сядут вкруг стола; тут наши зачитают,
А гости бедные без отдыха вздыхают
Вплоть до заутрени. Золовушка ж моя,
Которая ничуть не грамотней меня,
Назавтра всем кричит: вчера у нас читали,
И вечер так прошел, что мы и не видали.
И диво ль, что она увидеть не могла?
С начала до конца под чтенье всё спала.
Нет, матушка, не так мы смолоду живали:
Не знали моды мы крушиться без печали.
В Москву всегда езжал отец мой по зима́м,
И люди добрые не урежали к нам.
А пуще весело мы проводили святки:
Сберутся девушки, — тут песни и загадки,
И фанты, и жгуты, поднимем пыль столбом,
Такая беготня, что задрожит весь дом.
Чай, этого у вас нет нынче и в помине?

Наташа

Есть, только изредка. Я иногда к княгине,
Которою была воспитана как дочь,
Подлащусь, упрошу; позволит — тут всю ночь

С княжнами напролет во все игры́ играем,
Хороним золото, танцуем и гадаем.

Звонкина

А как гадали вы?

Наташа

Да мы пололи снег,
Смотрелись в зеркало, и признаюсь, хоть грех,
А лила олово.

Звонкина

Эх, мать моя, напрасно!
Да вышло ль что-нибудь?

Наташа

Нет, вылилось неясно.

Звонкина

Неужли ни венца, ни церкви, ни сердец?

Наташа

Нет, право.

Майор

Что таить, ей вылился венец.

Звонкина
(смеючись)

Венец!.. как ты узнал? ведь к нам она недавно
Приехала...

Майор

Да, с час...
(В сторону)
Я отпускаю славно!

Наташа
(в сторону)

Ай, ай!

Звонкина
(Наташе)

Ходили ли вы слушать у ворот
И спрашивать, кого прохожий назовет?

Наташа
(в сторону)

Что это за вопрос?

(Звонкиной)

Да, мы в Васильев вечер
К воротам бегали. Хоть будь мороз и ветер,
И вьюга страшная, а я безо всего,
Как в комнате хожу, и норовлю того,
Чтоб выбежать спросить.

Звонкина

Кого же называли?

Наташа

Прохожие всегда на смех мне отвечали.

Звонкина

Да вышло ль что-нибудь, мой свет, на твой вопрос?

Наташа

Не помню, — кажется, Исай или Аммос.

Звонкина

А неужли никто не называл Любима?

Наташа

Любима? .. нет.

Звонкина

А что, попал бы он не мимо?

Наташа
(в сторону)

Она всё знает! ..

Звонкина

Ась!.. А ты что скажешь, плут?

Майор

(в сторону)

Да, жди, скажу тебе!

(Звонкиной)

С чего Любима тут
Вы приплетаете? Ей нужда в нем большая!

Звонкина

Да всё-таки Любим приятнее Исая,
Признайся, жизнь моя!

Наташа

(значительно)

Приятней, если вам
Угодно это.

Звонкина

Да.

Наташа

И вы простите нам?

Звонкина

Не только что прощу, я вас благословляю!

Майор

Ба! это что? да вы всё знаете?

Звонкина

Всё знаю,
И завтра же сыграть готова свадьбу их.
Ну, право, парочка невеста и жених!

Майор

(с насмешкой)

А он жених?

Звонкина

Нет, муж.

Майор

Неужли догадалась!
Да нет, не может быть.

(Наташе)

Ты разве проболталась?

Наташа

Нет, дядюшка, не я.

Майор

(Звонкиной)

Да кто же вам сказал?

Звонкина

Ты сам, племянничек.

Майор

Я рта не разевал,
Хоть на нее пошлюсь.

Звонкина

И, батька! глупый свистнет,
Пословица у нас, а умный-де и смыслит.

Майор

Неужли я еще попался в дураки?

Звонкина

А ты хотел поднять старушку на зубки.

Майор

Да как я оплошал? ну, право, это чудно!

Звонкина

Нет, ты перехитрил, и отгадать нетрудно
Мне было по всему, что ты, племянник, лжешь.

Майор

Ну вот она не в нас, ее не проведешь.

Наташа

Ах! виновата я.

Звонкина

Ну, старое забудем
И только об одном веселье думать будем.

Наташа

Как вы добры!..

Звонкина

И! нет; я в землю уж гляжу,
Так каждым, ангел мой, денечком дорожу
И не хочу терять его в вражде, в досаде.
Сам бог тебя, мой друг, послал к моей отраде!
Ты полюбилась мне, будь доброю женой,
Веди порядком дом, живи в ладу с родней,
А пуще не крушись печалью новомодной.

Наташа

Дай бог, чтоб я могла всегда вам быть угодной!
А с вами, с дядюшкой и с мужем, я клянусь,
Ни разу не вздохну.

Майор

А я за то берусь,
Что будет здесь что день, то новое веселье!
И, кстати, у меня поспело новоселье:
Покоев до осьми, уж есть где поскакать.

(Наташе)

А ты охотница, я чаю, танцевать?

Наташа

Люблю без памяти; и не бывало бала,
Где б я, без отдыха, всю ночь не танцевала.

Звонкина

Я такова ж была, мой свет, в твоей поре:
Бывало, так скачу ларон и лабуре,
Что вступит колотье.

Майор

И я с полком в Вольмаре
На зимних с год стоял, и так-то в первой паре
Альман и алагрек с аптекарской женой
Выпрыгивал себе, что любовались мной.
Ведь в танцах, тетушка, и вы меня видали?

Звонкина

А как же, помнишь, мы хлопушку танцевали
У Феклы Саввишны на третьей свадьбе?

Майор

Да.

(Наташе)

Танцуют ли у вас хлопушку?

Наташа

Никогда.

Майор

Эх, жаль; а то бы мы...

Наташа

Да мне фигуру надо
Лишь только показать, а танцевать я рада.

Звонкина

Фигура, ангел мой, совсем немудрена.

Майор

Я мигом покажу: тут пара стать должна,
Другая рядом с ней, а там попарно дале
Хоть целый взвод поставь, лишь было б место в зале.
Сначала так... Кой черт! начало я забыл.

Звонкина

Не стыдно ль, батька мой! еще в Вольмаре был,
А память коротка.

Майор

Так сами покажите.

Звонкина

Изволь, мой свет, изволь... Ну, станьте ж...
Погодите...
Ты знаешь голос?

Майор

Да.

Звонкина

Так напевай! начнем.
Дай руку правую, вертись со мной кругом...
Нам нужен кавалер еще необходимо,
Чтобы вертелся с ней.

Явление 7

Те же и Максим.

Майор

Давай сюда Максима.
Ну, становися, брат.

Максим

Что это?

Майор

Становись!
И хлопай раз, два, три! Племянница, вертись.

Наташа

(вертя Максима)

Нельзя ли, дядюшка, немного поскорее.

Звонкина

Теперь нам променаж.

Майор

(танцуя)

Ну, тетушка, живее.

Максим

Что здесь за чудеса!

Звонкина

Задохлась, бог с тобой!

(Садится в кресла.)

Майор

Вот я без дамы стал...

(Максиму)

Что не привел с собой
Раисы Саввишны?

Максим

Я дело всё исправил
И с просьбою ее к большой сестре отправил.

Майор

Ай да Максим! умно... А танцы продолжай.
Ну, с нею променаж! — Эх, что ж стоишь? качай!

Максим

Да что я за танцор?

Майор

А помнишь ли пирушку
У стряпчего, где ты отхватывал хлопушку?

Максим

А разве речь о ней?

Майор

О чем же?

Максим

Я готов.

Наташа

Угодчо ль, мы начнем.

(Танцует с Максимом.)

Майор

(Звонкиной)

Вот наш Максим каков!

Явление 8

Те же, **Любим** и потом все.

Любим

Все тетушки идут.

Майор

Любим! ты будешь дамой.

Любим

Как, дамой?

Майор

Ну, вертись!

Любим

Да как...

Майор

Какой упрямый;
Вертись!

Максим

Не так, не так! ты с ней, а ты со мной.

Любим

Мне с вами, дядюшка?

(Вертит Максима.)

Максим

Постой, шалун, постой!

Тетки входят.

Майор

А! вот и унтер-штаб! — Сестрицы, становитесь.

(Фекле)

Ты за мужчину здесь.

Фекла

Что вы, перекреститесь!
И что за радости?

Звонкина

Да радостей каких
Нам больше ждать? Бог дал нам встретить молодых.
Поди, Любимушка, поди, мой друг сердечный,
Даруй тебе господь совет с женою вечный!

Любим

Так, бабушка, на нас не гневаетесь вы?

Звонкина

Нет, батька! для твоей залетной головы
Нужна жена, чтоб ум и добрый нрав имела,
А в ней всё это есть, — и я бы не хотела,
Чтоб ты, мой милый друг, женился на другой.
Ну что, племянницы, согласны ль вы со мной?

Раиса

(обнимая Наташу)

Вот мой ответ.

Максим

И мой.

Вельдюзева

И мой.

Майор

И мой!

Звонкина

Так, стало,
Согласны все.

(Фекле)

А ты?

Фекла

Я знаю, пользы мало
Вам дело говорить, однако же скажу,
Что свадьбу эту я безумной нахожу.

Максим

Но должно доказать.

Фекла

Я докажу вам ясно:
Она комедию играет так прекрасно,
Чтобы не замуж ей, а на театр идти;
Ей нынче удалось вас за нос провести,
А кто порука мне, чтоб завтра шутку ту же
От скуки повторить не вздумала на муже?

Наташа

Но к шутке этой вы ж принудили меня.

Фекла

Чем это, матушка?

Наташа

А тем, что всех браня,
Кто воспитанием обязан людям знатным,
Вы напугали нас приемом неприятным,
И я, чтобы назад с отказом не скакать,
Была принуждена комедию играть.
Но и тогда, как всем угодной быть старалась,
Клянуся вам, почти ни в чем не притворялась.

Фекла

Не притворялася? Ах, боже мой! да что ж
Ты насказала мне?

Наташа

И это всё не ложь.
По воле тетушки, кто я, от вас скрывала,
Но в прочем ничего неправды не сказала.
Хотя воспитана была в большом дому,
Но цену знаю я, сударыня, всему.
Как вам, противна мне пустая денег трата,
И я не меньше вас желаю быть богата.
Любезной тетушке приятны ручейки,
Луга зеленые, душистые цветки, —
Так что ж? и я сама природою пленяюсь,
И даже иногда луною восхищаюсь.
Наш добрый дядюшка не любит остряков,
Надутых умников, высокопарных слов, —

И я согласна с ним. Ах! если бы вы знали,
Как мне любезники всегда надоедали!
Не знала я, куда бежать от остроты,
И ничего мне нет милее простоты.
Что ж занималась я с успехами наукой,
Максим Меркурьич сам вам может быт порукой.
Он мне экзамент дал — и был доволен мной.
А рождена ли я с веселою душой,
Люблю ли резвости, так в этом нет сомненья,
И я должна за них у вас просить прощенья.

Звонкина

Нет, чуть ли уж не нам прощения просить,
Что торопились мы, не знав тебя, винить.

Майор

Ну, слышишь ли? теперь отказ твой не у места.

Фекла

Ин так, прости меня, замужняя невеста,
Что одурачила всех нас.

Звонкина

И, жизнь моя!
Есть хлопотать о чем; мы все своя семья.

1817

ПУСТОДОМЫ

Комедия в пяти действиях,
в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Князь Радугин.

Княгиня, жена его.

Княжна Наталья, сестра его.

Радимов, генерал, их дядя.

Графиня Вельская, родственница княгини, воспитавшая ее.

Граф Вельский, сын ее, жених княжны Натальи.

Цаплин, стряпчий и управитель дома князя Радугина.

Инквартус, ученый, библиотекарь князя.

Маша, горничная княгинина, взятая из модной лавки.

Фома, бывший приказчик княжих деревень.

Ванюша, племянник его, камердинер князя.

Слуга.

Несколько слуг.

Мальчик.

Действие — на даче князя Радугина.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 1

Ванюша, потом Фома.

Ванюша

(показывая слугам, где поставить письменный стол и кресла)

К окну поставьте стол; подвиньте кресла, — ладно.
Вот хлопоты бог дал, затем, что в Петергоф
На праздник едут все, и князь наш, философ,
Под шум, под стук, под крик писать не может складно;
Нам сделать велено из залы кабинет.
В его учености большой догадки нет:
Не выдумал, пять раз коверкая всю дачу,
С большой дороги в сад отвесть себе покой;
А нам твердит, что мы все бродим наудачу,
Что на святой Руси он только с головой,
Что все безграмотны, что он один...

Фома

(за кулисами)

Пустите!

Ванюша

Уж не за долгом ли кого нелегкий шлет?

Фома

Я прислан, слышите ль?..

Ванюша

О чем вы так шумите?
Что сделалось?

Фома

(врываясь)

Ведь здесь князь Радугин живет?

Ванюша

Ба! дядюшка Фома!

Фома

Ах, Ванюшка!

Ванюша

Вот чудо!
Давно ль из вотчины? зачем пришел?

Фома

Ох! худо!
Да говорить нельзя.

Ванюша

(слугам)

Все вещи по местам,
Ступайте.

Слуги уходят.

(Фоме)

Ну ж, скажи.

Фома

Не смею, брат...

Ванюша

Пустое,
Я камердинер, ты приказчик был, так нам
Всё можно знать.

Фома

Быть так, скажу. Село княжое
Заморской сволочью, что князь прислал в него

Для экономии, для фабрик, для заводов,
Разорено вконец; а хуже и того...

Ванюша

Неужли мудрецы не вышлют к нам доходов?

Фома

Ох! хуже во сто крат! Исправник приезжал
И по закла́дным всё именье описал.
Увидевши беду, я с просьбою пустился
К княжому дядюшке, Радимову...

Ванюша

И он,
Чай, по-военному — в сикурс?

Фома

Нет, он взбесился,
Затопал, закричал и чуть не выгнал вон.

Ванюша

А ты?

Фома

А я стоял, не говоря ни слова,
И думал про себя: хоть нрава он крутого,
Но добрый генерал и часом весельчак,
Авось-либо...

Ванюша

Ну что ж, смягчился ль он?

Фома

Никак;
А написал письмо, — и вот оно.

Ванюша

Так, стало,
На дядюшкин сундук нельзя считать, пока
К нам в руки не придет наследство...

Ф о м а

А какое?

Да Глеб Романович имеет сам сынка,
Двух дочек...

В а н ю ш а

Итого, в приходе ровно трое,
Чтоб князя нашего избавить от труда
Проматывать...

Ф о м а

Да как случилась вся беда?
Конечно праздники наш князь давал?..

В а н ю ш а

Нимало,
Не любит он пиров.

Ф о м а

Неужели в картёж!

В а н ю ш а

О! Боже упаси! и карты не брал в руки.

Ф о м а

Пустился в откупа?

В а н ю ш а

О нет!

Ф о м а

Ахти! в поруки
Черт дернул за других?

В а н ю ш а

Совсем не это.

Ф о м а

Что ж
Он делал?

В а н ю ш а

Ничего.

Фома

Да чем же разорился?

Ванюша

Да так, почти ничем; он за морем учился,
И выучен всему!

Фома

Ну что ж, ученье свет,
А неученье тьма.

Ванюша

Оно и так и нет.

Фома

Кой черт! да растолкуй!

Ванюша

Наш князь всё в мире знает,
Все в небе звездочки по имю называет,
Кто до потопа жил, известно всё ему;
А то, что делают теперь в его дому,
Не ведает, и знать ему как будто стыдно.

Фома

У князя, видно, ум зашел за разум?

Ванюша

Видно.
Когда из-за моря он в свой явился полк,
То, году не служа, в отставку стал проситься;
Толкуя вещи все на свой ученый толк,
Его сиятельство нашел, что не годится
Ему, как всем, ходить и в караул, и в строй;
Что офицерский чин для мудреца ничтожен,
Что он фельдмаршалом или ничем быть должен.
Итак, в отставке мы, но, возвратясь домой,
Наскуча сам себе, от скуки князь женился;
А чтобы не могла мешать ему жена
Дремать над книгами, в которых он зарылся,
Ей воля полная сорить казной дана;
И надобно сказать, попал ловец на зверя:
Княгиня славится по свету мотовством.

Фома

А князь что говорит?

Ванюша

Ни слова; и, поверя
Преплуту Цаплину дела свои и дом,
Хозяйничать в село профессоров отправил;
А при лице своем Инквартуса оставил,
Который прочих всех ученей и глупей.

Фома

Что ж дальше?

Ванюша

Кажется, и этого довольно,
Чтоб по миру пустить.

Фома

Ох! плохо, плохо больно!
Хоть ладно ль он живет с княжной, сестрой своей?

Ванюша

Князь с этим ангелом на час не расставался.

Фома

Когда б сыскался ей жених.

Ванюша

Уж он сыскался.

Фома

Да не профессор ли? Избави боже!

Ванюша

Нет;
Прехрабрый офицер, с немногим в двадцать лет,
Граф Вельский. Мать его княгиню воспитала
И замуж выдала.

Фома

Да! к нам она езжала;
Покойный князь ей был праправнучатный брат.
Пройдоха!..

Ванюша

Так, она; вся знать ей кум и сват,
Она везде за свой, весь город ей приказан.
У ней лазутчики свои во всех домах;
Панфил, ее лакей, рапортовать обязан,
Что слуги говорят в прихожих и сенях.
Когда она у нас, мы все по нитке ходим,
Бежим ее встречать, с крыльца под ручку сводим;
Пред нею ни гугу и Машенька сама,
Которая одна княгиней управляет,
Прельщает Цаплина и сводит всех с ума.

Фома

(увидя Инквартуса)

Кто это?

Ванюша

Философ Инквартус выступает,
И скоро выйдет князь. Ты, дядюшка, поди,
Пока не доложу, в прихожей подожди.

Фома

(отходя)

Пришлося ждать... ой, ой!

(Уходит.)

Явление 2

Ванюша и Инквартус.

Инквартус

Всё, кажется, готово;
Но для чего не там, а здесь поставлен стол?

Ванюша

Здесь лучше.

Инквартус

Почему?

Ванюша

Да так.

Инквартус

Пустое слово
Не доказательство. — Что это?
(Показывая на пол.)

Ванюша

Это пол.

Инквартус

А это?

Ванюша

Пол.

Инквартус

Итак, тебе равно удобно
Поставить стол и там и здесь.

Ванюша

Да неспособно
Читать и сочинять далеко от окна.

Инквартус

Ты б это объяснил, не тратя слов напрасно.

Ванюша

Да что тут объяснять?

Инквартус

Без смысла речь темна,
А всё же, что темно, то быть не может ясно.

Ванюша

Премудро!

Инквартус

Князь идет.

Явление 3

Те же и князь.

Князь

Проклятый стук и шум
Вскружили голову.

(Оглядывая)

Всё так — и признаюся,

(Ванюше)

Что вижу в первый раз в тебе какой-то ум.

Ванюша

Неужли в первый раз?

Князь

Я и тому дивлюся.

(Инквартусу)

Итак, займемся мы. — Вот план я начертал:
Когда, в какие дни, в каком формате, сколько
Наш политическо-хозяйственный журнал
В свет должен выходить; теперь осталось только
Сыскать приличнее латинский эпигра́ф.

Инквартус

Не только: я вчера, день целый размышляв
О всем, что на себя приемлют журналисты,
Открыл препятствия.

Князь

Какие?

Инквартус

Да у нас
Нет сочинениев.

Князь

Безделка!

Инквартус

Как?

Князь

Сейчас
Я их найду.

Инквартус

Да где?

Князь

Везде: экономисты,
Энциклопедии, журналы, Монитёр
К услугам нашим...

Инквартус

Так, однако в смысле строгом
Чужое мы своим назвать не можем...

Князь

Вздор.
Ты только извлекай, и я, занявшись слогом,
Известным мнениям дам новый оборот
И помещу свои статьи для домоводства.
Мои плантации, заводы, скотоводства,
Домы крестьянские, трехверстный водовод,
Отопка турфами, овины, молотильны,
Свекольный сахар, всё... и самые коптильны
Невежей просветят. — Я выставлять хочу
Всего полезного село мое в образчик,
И только что рапо́рт оттуда получу,
То и вмещу в журнал.

Ванюша

Да прежний ваш приказчик
Расскажет всё, — он здесь.

Князь

Ну что ж, дивится ль он?

Ванюша

Он что-то охает.

Князь

От глупости.

Ванюша

Не знаю.

Князь

Пошли его сюда.

Ванюша уходит.

Уж я воображаю,
Что всё в моем селе переменило тон;
На европейскую поставлено всё ногу.
И малый опыт наш откроет мне дорогу
К делам обширнейшим.

(Входящему Фоме)

Ну что, какая весть?
Что нового?

Явление 4

Те же и Фома.

Фома

(подавая письмо)

Когда изволите прочесть
Письмо от дядюшки, узнаете вы сами.

Князь

(бросив письмо на стол)

Успею прочитать; но сельскими делами
Займемся мы теперь. Ну что, пошел ли в ход
Свекольный сахар? А?

Фома

Пошел, и круглый год
С Покровки мужички день-де́ньской работа́ли,
Под свеклу десятин до сотни распахали,
А сахар выслан к вам по вешнему пути.

Князь

Три пуда?

Фома

Весь он тут.

Инквартус

Невыгодно.

Ванюша

А сладок
Он был, как рафинат.

Князь

Не может быть!

Фома

Ахти!
Я чуть не позабыл. — Газетчику в подарок
Мусье в Немецию коробочку послал
За то, чтоб он об нем в газетах написал.

Князь

Умно!

Инквартус

А выход мал; но, видно, люди ваши,
Не быв просвещены...

Князь

Ты прав; невежды наши
За что ни примутся, испортят всё тотчас,
И дело их одно — с скотами обходиться...
А кстати! овцы те плодятся ли у нас,
Которых я прислал?

Фома

Им как бы не плодиться;
Да только та беда, что негде их пасти.

Князь

Как негде?

Фома

Выгоны в селе большие были,
Да, турфы режучи, их нынче так изрыли,
Что сделался у нас и бор сырой в чести.

Князь

Так мериносы?..

Фома

Все подохли.

Инквартус

Вероятно.

Князь

Невежды всё морят!

Инквартус

Но этот дефицит
Винокурение издельем возвратит;
От турфов выгоды окупят мериносов.

Фома

Ох! вряд ли!

Князь

Что еще?

Фома

(Инквартусу)

Да, господин философ,
Будь сказано не в гнев, а турфы так горят,
Что ими не вино, одну раку́ сидят.

Князь

Невежды!

Инквартус

Почему?

Фома

От Ваньки кочегара
Я слышал, что из них нельзя добиться жара,
Что сидка турфами лишь хлеба перевод,
И мастер сам сказал, когда муки не стало;
Притом безводье...

Князь

Как! но где ж мой водовод?

Фома

На диво всем стоит, воды в нем только мало,
Да и последняя вся вымерзла зимой.

Князь

Невежды!

Инквартус

Кажется, климáт тому виной.

Князь

Климáт! у нас климáт? не стыдно ль звать климáтом
Морозы, вьюгу, дождь и вечную зиму,
Где гибнет всё, нельзя родиться ничему;
И в царстве, клюквою, брусникою богатом,
Что можно завести? — Я знаю наперед,
Что и ревень пропал.

Фома

Нет, славно он родится.

Князь

Хоть это удалось!

Фома

Да худо с рук идет.

Инквартус

Как худо?

Фома

Видишь, он в лекарство не годится.

Князь

Невежды!

Инквартус

Отчего?

Фома

То знают лекаря,
Мы ж люди темные.

Инквартус

А! понимаю я:
На севере продукт свое теряет свойство,
Об этом много я читал.

Князь

(в бешенстве)

Читай, учись
И просвещай невежд, и заводи устройство
На то, чтоб лекаря, зима, мороз нашлись,
Которые...

(Фоме)

Хотя на месте ли строенье?
Не провалилось ли сквозь землю всё именье?
И родился ли хлеб?

Фома

Соседи говорят,
Что в прошлый год у них овес пришел сам-пят,
С копны осьмина ржи, пшеница сам-девята.

Князь

А что ж у нас?

Фома

Когда б у нас не извели
На свеклу и ревень и невесть что земли,

Когда бы не была от молотилен трата,
Когда бы жали рожь, когда бы...

Князь

Ну, заврал!
Не рассуждай, молчи.

Фома

Дозволь промолвить слово:
Хоть наш холопский ум пред вашим, барским, мал,
А кажется, не всё то хорошо, что ново.

Князь

Невежды умствуют!

(Ивану)

Возьми его с собой
И накорми.

Фома

Письмо ж?

Князь

Я после прочитаю.

Фома

Пренужное...

Князь

Поди.

Ванюша

(Фоме)

Пойдем за стол.

Фома

(отходя)

Ой! ой!

Явление 5

Князь и Инквартус.

Князь

Ну! что ты скажешь? А?

Инквартус

Молчу и рассуждаю

Князь

Да слышал ли ты всё?

Инквартус

Всё слышал.

Князь

Так скажи.

Инквартус

Что?

Князь

Мысль свою.

Инквартус

О чем?

Князь

О чем? вопрос прекрасный!
Ты взбесишь стоика!

Инквартус

Да разве гнев напрасный
Что может доказать?

Князь

Ты сам мне докажи
Возможность говорить с тобою равнодушно.

Инквартус

Извольте, докажу. Что быть должно послушно —
Рассудку страсть или рассудок страсти?

Князь

Страсть.

Инквартус

Прекрасно! и, когда над ней рассудка власть
Бездейственна, тогда врожденная свобода,
С которой...

Князь

Боже мой!

Инквартус

Нас создала природа...

Князь

Всё знаю...

Инквартус

Нет, не всё; и Кант...

Князь

Оставь его.

Инквартус

Позвольте доказать.

Князь

Да мне не до того.
Мой сахар, мой ревень и турфы... нет сомненья,
Всё перепорчено от пьянства, нераденья
И от невежества...

Инквартус

Невежество — есть враг
Всего полезного.

Князь

Ты прав.

Инквартус

Источник благ —
Есть воспитание.

Князь

Так! школы я построю,
Насильно в них велю учить моих крестьян
Всему... всему... всему!.. Да кажется, и план
О воспитании мы начали с тобою.

Инквартус

Как сын ваш родился, мы занялись тогда.

Князь

Найдешь ли ты его?

Инквартус
(подходя к столу)

Найду.

Князь

Нет, никогда
Я мысль Инквартуса не находил так правой:
Всё воспитание, а больше ничего.
Ум, чувства, сердце, вкус родятся от него;
Без воспитания — дурак рассудок здравый,
И это докажу. — Ну что, нашел ли?

Инквартус
(разбирая бумаги)

Нет...
Здесь тысячи начал...

Князь

Да ты и во сто лет
Не сыщешь... Это что?

Инквартус
(смотря бумаги)

Начало о виденьях,
Начало о червях... начало...

Князь

Боже мой!
Ты всё мешаешь мне.

Явление 6

Те же, Ванюша и Маша.

Маша

Нет, я войду...

Ванюша

Постой!
Ты видишь, наш мудрец зарылся в сочиненьях.

Маша

Тем лучше для меня...

Ванюша

А! понимаю...

Маша

Что?

Ванюша

Тут пахнет Цаплина уроками.

Маша

Нимало.

Ванюша

Признайся, Машенька...

Маша

Пусти!..

Князь

(разбирая бумаги)

Нет, всё не то;
Где делся?..

Инквартус

Я нашел.

Князь

Подай! Так! вот начало
О чадолюбии...

Маша

Пусти же, мне пора!..

Князь

(Инквартусу)

Садися, и наш план рассмотрим мы с тобою.
О чадолюбии...

Маша

Княгиня...

Князь

Нет покою!..
Ну! говори скорей!

Маша

На празднике вчера
Она расстроилась и спазмами страдала.

Князь

И я расстроен сам...

Маша

Княгиня тосковала
Всю ночь и бредила... да знаете ли чем?

Князь

Не знаю.

Маша

Шалью той, в которую влюбилась
Вчера на бале.

Князь

Так, вот женщины!

Маша

И тем
Я успокоила ее, что побожилась
Такую же найти.

Князь

Сыщи ж скорей ступай.

Маша

Я бегала везде...

Князь

Еще беги... Прощай...
О чадолюбии...

Маша

Да я уж отыскала
Пять шалей щегольских.

Князь

Купи их.

Маша

Дело стало
За де́ньгами.

Князь

Возьми у Цаплина.

Маша

Сейчас
Я говорила с ним...

Князь

Что ж он?

Маша

Он просит вас
Скорее подписать вот это.

Князь

Что такое?

Маша

Бумага, чтоб достать вам деньги под заклад.

Князь

А, знаю!

(Подписав)

Ну, теперь оставь меня в покое.

Маша

Дай бог успеха вам!

(Отходя, Ванюше)

Что скажешь?

Ванюша

Это клад!

Да в доле ль я?

Маша

Прощай!

Явление 7

Князь, Инквартус, потом княжна и граф.

Князь

Ушла; теперь заняться
Свободно можем мы; и начинаю я...
О чадолюбии...

Княжна

(входя)

Ах, братец!

Князь

(в сторону)

Так, нельзя
Не помешать! — Ну что, сестрица?

Княжна

Повидаться
С тобой желала я, чтобы узнать...

Князь

О чем?

Княжна

Фома к тебе пришел от дядюшки с письмом;
Здоров ли дядюшка?

Князь

Здоров.

Княжна

Ах, как я рада!
Он не сердит?

Князь

За что?

Княжна

Что ты в пятнадцать лет
С ним видеться не мог и не писал...

Князь

О нет!

Княжна

Однако же писать к нему...

Князь

Сегодня ж надо.

Княжна

Что ж пишет он к тебе?

Князь

Теперь мне недосуг,
А после...

Княжна

Хорошо, прощай!

Князь

Прощай, мой друг.
Начнем, чтоб времени не потерять напрасно:
О чадолюбии...

Княжна

(встретясь с графом)

Ах, граф!

Князь

(Инквартусу)

Зачем ты встал?

Инквартус

Жених сестрицын здесь.

Князь

Злой дух его прислал!

Граф

(князю)

Я не мешаю ль вам? Вы заняты...

Князь

Ужасно!

Граф, извини меня.

Княжна

Мы с ним пойдем гулять.

Князь

Да в ферме не забудь ты графу показать
Мои плантации. Прощайте ж. — Ну, сначала:
О чадолюбии...

Графиня

(за кулисами)

Княгиня не вставала.

Граф

(останавливаясь)

Вот голос матушкин...

Княжна

(возвращаясь)

Графиня...

Князь

(вскакивая)

Здесь она!

Уйдем.

Инквартус

(собирая бумаги)

Уйдем скорей!

Уходят.

Явление 8

Княжна, графиня и граф.

При входе графини слуги, толкая друг друга, отворяют ей двери.

Графиня

(обнимая княжну)

Здорова ли, княжна?
Скажи, что делают твой братец и сестрица?
Сюда приехавши, я к детям захожу,
И что ж, сударыня? Фифаша и Жужу
Дрожат, бедняжечки, и посинели лица!
Я ужаснулася! а толстая мадам,
Свой кушая ростбиф, сказала мне сквозь зубы:
«Что делать? Князь велел купать их по утрам
В такой воде, как лед». Тотчас схвативши шубы,
Я замороженных окутала детей.
Фифаша кашляет, а брат твой десять дней
Не заглянул к нему.

Княжна

Он занят был.

Графиня

Конечно,
Изволил сочинять о должностях отцов.
Однако надобно сказать чистосердечно,
Что если братец твой поддельный философ,
То и питомица моя, его супруга,
Сентиментальная мотовка; и они,
Мои голубчики, в восторге друг от друга,
Хотя почти весь век проводят розно дни:
Она на праздниках, а он в библиотеке.
Нет! помнится, не так любили в нашем веке!

(Графу)

Покойный твой отец не восхищался мной,
А с лишком тридцать лет мы прожили с ним дружно,
Он не был филосо́ф, однако знал что нужно,
Служил и выслужил;

(княжне)

а так, как братец твой,

Не думал — я, дескать, лампада просвещенья,
Меня-де слушать все разинув рот должны,
И мне-де одному таланты все даны,
А все-де вкруг меня скоты без рассужденья.
Ан нет, и эти все по-твоему скоты
Свой доживают век почтенно и счастливо;
Тебе ж, разумник мой, осьмое в свете диво,
Не миновать, поверь, стыда и нищеты,
И пустят в мир тебя проклятые науки!

(Графу)

Когда своих детей отдашь педантам в руки,
То и не знай меня.

Граф

Сказать позвольте вам,
Вы сами, отсылав меня к профессорам,
Твердили мне всегда о пользе просвещенья.

Графиня

Пусть так, однако же ученье без уменья
Не польза, а беда.

Граф

Не спорю.

Графиня

И пример
Сидит в той комнате, домашний наш Волтер
Жену, себя, детей лишает пропитанья,
А мужики его уж по миру пошли.
Записку из суда вчера мне принесли
Всем векселям его, вступившим для взысканья;
Он разорен вконец. — Княгиня мне жалка,
А дети бедные еще того жалчее.

Княжна

Так должно всем родным помочь ему скорее.

Графиня

Пословицу, мой свет, ты знаешь: где рука,
Так там и голова.

Княжна

Я много раз слыхала.

Графиня

Дай бог, чтоб на себе ее не испытала.

Граф

Что значит, матушка?

Графиня

А значит то, сынок,
Что ежели княжна свою приложит руку
За братца своего по векселям в поруку,
Тогда и ей самой ничто не будет впрок.

Граф

Но если в гибели она увидит брата?

Графиня

Как быть! поплачет с ним, а я не так богата,
Чтоб ты, суда́рь, мог взять жену безо всего.

Княжна

Поверьте, что, лишась именья моего,
Я откажусь сама.

Граф

Но матушка шутила.

(Графине)

Не так ли?

Графиня

Да, шутя я правду говорила,
Однако ж, ангел мой...

Княжна

Я понимаю вас.

Графиня

Тем лучше, милая. Уж скоро первый час,
Княгиня спит еще, а я лишь время трачу;
В двенадцатом часу мне надобно на дачу
К министру побывать по тяжебным делам.

Сегодня, помнится, Хапрова именины.
У Лидиной сговóр, у Фрындина крестины,
Обед у Блескиной; а мне и тут и там
Хотелось бы поспеть, — как быть, сама не знаю.
А! вздумала: пока к министру я слетаю,
Княгиня между тем свой кончит туалет.
Я ворочусь, и всё, что на сердце имею,
Ее сиятельству пропеть еще успею.
Прощай же, ангел мой, и помни мой совет...
Карету.

Княжна

Я его, конечно, не забуду,
И в тягость никогда, графиня, вам не буду.

Граф
(графине)

Но вы...

Графиня

Дай руку, сын.

Графиня уводит сына.

Ванюша
(входя)

Карета подана.

Княжна
(отходя)

Так, брата из беды я выручить должна.

ДЕЙСТВИЕ II

Явление 1

Маша, Ванюша и слуги (выносят разные товары).

Маша
(Ванюше)

Любуйся и дивись: я подняла всю лавку
Мадам Каре.

(Слугам)

Что ж вы? Всё ставьте по местам:
Цветы и шали здесь, фарфор и бронзы там.

Ванюша

Тьфу, пропасть! разве ты, мой свет, сняла поставку
На Петергофскую дорогу всю?

Маша

Вот на!
За эти мелочи, благодаря закла́дной,
Ее сиятельство заплатит мне сполна.

Ванюша

А сколько мне придет из полного?

Маша

И, жадный!
Стыдися; разве я с каретников твоих,

Купцов, обойщиков, башмачников, портных
И прочей подлости беру себе проценты?

Ванюша

Ты знаешь, что от них плохие барыши;
То ль дело модные торговки...

Маша

Не греши;
Ну можно ли сравнить платочки, шляпки, ленты
С бумажками, что ты, а пуще Цаплин...

Ванюша

Так,
Дела его идут гораздо наших глаже:
Он гуртом грабит, мы щечимся кое-как,
Да черт с ним, тот не вор, кто не поиман
в краже.
И пусть бы княжеским живился он добром,
С ворами в доле был, коверкал всё верх дном,
А то и у меня, плут, тянет...

Маша

Что?

Ванюша

Безделку —
Тебя.

Маша

Вот новое!

Ванюша

Да нет, голубчик мой!
Теперь уж нелегко разделаться со мной:
Как княжеский должник, я не пойду на сделку,
Мы знаем кое-что.

Маша

Что знаешь?

Ванюша

Ничего.
Давно ли он бежал, зачем и от кого,
Мне намекнули...

Маша

Вздор, он из приказных.

Ванюша

Точно,
В приказе он сидел, да только как и где —
Мне сказано.

Маша

Тебе наврали гиль нарочно,
А ты и веришь.

Ванюша

Так, да к Цаплина беде,
Есть люди...

Маша

Тише!..

Ванюша

Что?

Маша

Всё, кажется, в порядке.
Княгиня сходит вниз.

Ванюша

Что так она грустна?

Маша

Она в чувствительно-вздыхательном припадке,
Да вот лекарство ей.

(Указывает на товары и идет ей навстречу.)

Явление 2

Те же и княгиня.

Княгиня

Как, Маша, ты скучна,
Куда девалася?.. Я утро всё страдала,
Мигрень и спазмы... Ах!..

(Садясь)

Тебе меня не жаль!

Маша

Ваш князь услал меня.

Княгиня

Мой муж? зачем?

Маша

Чтоб шаль
Отыскивать для вас.

Княгиня

А ты ему сказала?

Маша

Пришлося к слову...

Княгиня
(с сердцем)

Ах! да кто тебя просил?
Не стыдно ль быть такой болтуньей. — Что ж, нашла ли?

Маша

Взгляните.

Княгиня

Это что?

Маша

Фарфоры, бронзы, шали
Вам присланы в сюрприз от князя.

Княгиня

Как он мил!
Однако их принять мне должно ли... не знаю.
И так графиня всем кричит, что я мотаю,
Что я... Но покажи.

Маша
(показывая одну шаль)

Я угадала ль?

Княгиня

Нет,
Кайма совсем не та.

Маша
(показывая другую)

Постойте, вот другая.

Княгиня

Такие ль пальмы, фи!

Маша
(показывая еще одну)

Так эта...

Княгиня

Что за цвет!

Маша

Извольте посмотреть, вот точно шаль такая,
Как описали вы! — Она ли?

(Показывает.)

Княгиня

Не она.

Маша

Так вам не нравится неужли?..

Княгиня

Ни одна.

Маша

Ну, к счастью, что взяла я их на уговоре
И отнесу назад.

Княгиня

Оставь, я все беру.
Годятся мне таскать на даче поутру.

Маша

Из экономии.

Княгиня

А в бронзе и фарфоре
Посмотрим выбор твой.

Маша

Их выбрала не я.

Княгиня

Да кто ж?

Маша

Мадам Каре́; лишь только с корабля
Успела получить, и тотчас к вам послала.

Княгиня

Неужли?

Маша

Чтобы вам приятней был сюрприз,
Она всё лучшее нарочно выбирала.

Княгиня

Какая умница!

Маша

Вот к завтраку сервиз.

Княгиня

Ах, прелесть! что за цвет!

Маша

А вазы?

Княгиня

Загляденье!

Какая форма, вкус!

Ванюша

А бронзы?

Княгиня

Восхищенье!

Как этот мил Амур, ну что видала ты
Пленительней его?

Ванюша

Лихая позолота!

Как жар горит.

Княгиня

А там в корзине что?

Маша

Цветы.

Княгиня

Подай. — Тотчас видна парижская работа!

Ванюша

(в сторону)

А сделаны в Морской.

Маша

(разбирая цветы)

Так хочется нюхнуть!

Княгиня

(любуясь)

По чести, ландыши живые не живее.
Ах, Маша! подойди.

(Примеривая на нее)

Не может быть ловчее!

Что за гирляндочка!..

Маша

Позвольте мне взглянуть.

(Примеривая на Ванюшу)

Чудесно! и божусь, пристало к этой роже.

Княгиня

(с досадой)

Фи, Маша!

Маша

Несессер угодно ль вам купить?

Княгиня

На что?

Маша

Чтоб за сюрприз сюрпризом заплатить.

Княгиня

Прекрасно! я сама хотела сделать то же.
И кто тебе шепнул?

Маша

Да разве мудрено
Мне было угадать — я сердце ваше знаю.

Княгиня

Ах, Маша! права ты, я мужа обожаю!
Он всё на свете мне, — он счастье мне одно!

Маша

Так несессер послать к нему скорее должно.

Княгиня

Сейчас же.

(Ванюше)

Где мой муж?

Ванюша

Изволит за письмом
Сидеть с Инквартусом.

Княгиня

Возьми ж — и осторожно,
Чтоб не приметил он, поставь перед окном,
Совсем против бюра. Он, верно, удивится...

Ванюша

И будет очень рад.

Княгиня

Неси ж скорей.

Ванюша

Бегу!

(Уходит.)

Княгиня
(оглядывая вещи)

Ничем и никогда я так не восхищалась.
Ах! я от радости, боюсь, занемогу!

Явление 3

Княгиня, Маша и графиня.

Графиня

Что это? боже мой! я не туда попалась!

Маша
(в сторону)

Ай, ай!

Графиня

Куда меня злодеи завезли?
Здесь лавка модная.

Княгиня

Как было мне досадно,
Что я...

Графиня

Смотри, как всё расставлено парадно.

Княгиня

И вы не сердитесь?

Графиня

Конечно, корабли
К нам приплыли?

Княгиня

А я занемогла от скуки.

Графиня

Мне жаль. — Да это что?

Княгиня

Мой князь прислал сейчас...

Графиня

Уж не коммерции ль открыть он хочет класс?

Княгиня

Как можно?..

Графиня

Для чего ж? он знает все науки,
Так по-ученому, быть может, и расчел,
Что этим промыслом деревню, дом и дачу
Изволит выкупить.

Княгиня

Вы шутите!

Графиня

Нет, плачу,
Что, по грехам моим, злой дух меня довел,
На старости моей, до сраму и до брани.
Уж достается мне!

Княгиня

За что?

Графиня

За что? за вас!
Не смею показать я к добрым людям глаз.

Княгиня

За нас! да отчего?

Графиня

А вот от этой дряни,
С которой будет вам расплата нелегка.
Ваш благодатный дом, с крыльца до чердака,
Напичкан бронзами, шалям твоим нет счета,
Фарфору нет числа, цветами пруд пруди,
А всё еще давай! — И как тебе охота
Обогащать плутов? Да, свет мой, погоди!
Уж ваши все дела идут что день, то хуже,
И должники уймут от мотовства тебя.

Княгиня

Кто, я мотаю?

Графиня

Нет, — взгляни вокруг себя.

Княгиня

Да это всё мой муж...

Графиня

В твоем премудром муже
Нет толку; в этом я, коль надо, присягну;
Но в том уверена и побожуся смело,
Что хочешь на него свалить свою вину.

Княгиня

По чести, Маша вам пусть скажет...

Графиня

Вот что дело!
Признаться надобно, порука хороша.

Маша

Но я...

Графиня

Ведь ты, мой свет, взята из модной лавки.

Маша

Вы знаете...

Графиня

Скажи ж, по скольку с барыша
Мадам тебе дарить изволит на булавки
Из денег, что она пересылает к ней?

Княгиня

Так можно ль обижать?

Графиня

Кого?

Маша

Честных людей.
Мадам Каре и я...

Графиня

Кто вы — весь город знает.

Маша

Тем лучше.

Графиня

Замолчи!

Маша

Извольте, я бедна,
Служу другим — итак, молчать принуждена,
Хоть права.

Графиня

Боже мой! и эта рассуждает!
Что за мамзель? в каком Париже родилась?

Служанка, вот и всё... откуда спесь взялась?
Что делать... век такой, от мала до велика
Все лезут в умницы, у всякого есть честь,
Все обижаются...

Княгиня

Да можно ль перенесть
Обиду без вины!

Графиня
(показывая товары)

А вот стоит улика.
(Маше)
Всё это забрала ты в вашей лавке?

Маша

Так;
Да разве показать никак нельзя?

Графиня

Никак.
Тем менее греха, чем дальше от соблазна.
И что показывать? не вижу ничего
Завидного... всё дрянь...
(Княгине)
Не правда ль?

Княгиня

С вами разно
Мы видим, тетушка.

Графиня

И точно оттого
Ты будешь в бедности, хоть и была богата;
А я из малого скопила кое-что.
Пусть город весь кричит, что я не торовата,
Однако ж на меня не плачется никто,
Не утирают слез моими векселями,
Живу себе своим, чужого не люблю,

Нет бронзы у меня, не хвастаюсь шалями,
Не на фарфоре ем, зато спокойно сплю,
И от долгов моя подушка не вертится.
Да ты где мотовству успела научиться?
Оставшись сиротой, в дому моем взросла,
А в нем поважена к издержкам не была.

Княгиня

Ах! правда, тетушка.

Графиня

Вздыхай, вздыхай, а скоро
Придет, сударыня, и мне с тобою выть.

Княгиня

Что ж делать я должна, чтоб вас развеселить?

Графиня

Не должно в долг хватать ни бронзы, ни фарфора,
Ни шалей, ни цветов, в которых проку нет.

Маша
(делая знак княгине)

Да знаете ль, на что их принесли?

Графиня

Не знаю,
Да не хочу и знать.

Княгиня
(Маше)

Скажи, что оставляю
Я шаль одну.

Графиня

На что?

Княгиня
(надевая шаль на графиню)

Позвольте.

Графиня

Ах, мой свет!
Что это?

Княгиня

Тетушка, день вашего рожденья
В июле, кажется?

Графиня

Нет, в мае...

Княгиня

Всё равно.
Иметь такую шаль желали вы давно.

Графиня

Помилуй!

Княгиня

Неужли хотите огорченье
Вы сделать мне?

Графиня

Не то...

Маша

А вам она к лицу.

Графиня

Да, верно, в долг взята́?

Княгиня

Ах, тетушка! как можно?..

Маша

Я деньги чистые сейчас свезла к купцу.

Графиня

Ну, то-то же, смотри. — Мой друг, признаться должно,
Что ты добра, умна, имеешь тихий нрав,

И если разобрать, то муж один неправ,
Когда жена его мотает.

Княгиня

Согласитесь,
Для доказательства, что любите меня,
Еще безделицу.

Графиня

Нет, право, жизнь моя...

Княгиня

В знак дружбы, чашечку...

Маша

С девизцом.

Графиня

Отвяжитесь.

Княгиня

Когда откажете, так я занемогу.

Маша

Неужли уморить хотите?

Графиня

Не могу.

Княгиня

Когда я вам мила...

Графиня

Беру, но с уговором.

Княгиня

С каким?

Графиня

А с тем, чтоб ты не разорялась вздором,
Чтоб ты...

Княгиня

Согласна я, но вы в последний раз
Должны принять за то...

Графиня

Нет, жизнь моя, не надо.

Княгиня

(дает вазу)

Смотрите, как легка.

Ванюша

(вбегая)

Исполнен ваш приказ.

Княгиня

Что, князь доволен ли?

Ванюша

В восторге!

Княгиня

Как я рада!

Ванюша

И сам сюда идти изволит.

Графиня

Боже мой!
Чуть не забыла я увидеться с княжной,
А дело важное.

(Ванюше)

Вот чашка, вот и ваза,
Отдай Панфилке их, чтоб он берег как гла́за.
Прощай же, ангел мой!

Княгиня ее провожает.

Маша

(вслед)

Ее спровадил страх,
Чтоб князю не попасть с уликою в руках.

Явление 4

Княгиня и Маша.

Княгиня

Ах, Маша! я тебя спросить и не успела,
Монтировал ли Форж сафирный мой убор
И гребень с жемчугом?

Маша

Я у него хотела
Их взять еще вчера, да с некоторых пор
Он отпускать в кредит закаялся.

Княгиня

Как можно!
Неужли мне?

Маша

И вам!

Княгиня

Сказала ль ты, что должно
Мне ехать в Петергоф, что завтра маскарад?

Маша

Сказала.

Княгиня

Что ж?

Маша

Молчит.

Княгиня

Несносный! а доходы
Не высылают нам ученые уроды!
Но Цаплин должен мне на вексель, под заклад,
Как хочешь, а найти семнадцать тысяч.

Маша

Только?
О! мигом он найдет.

Явление 5

Те же и князь.

Княгиня
(идя к нему навстречу)

Ах, Радугин, как мил!
Своим сюрпризом ты мне голову вскружил.

Князь

Я восхищен твоим!

Княгиня

Безделица.

Князь

Но сколько
Он удовольствия мне сделал!

Княгиня

Я клянусь,
Что изо всех мужей ты самый лучший.

Князь

Знаю,
Но иногда тебе, признайся, досаждаю
Моим занятием.

Княгиня

Напротив, я горжусь,
Друг милый, быть женой такого человека,
Кто пользе общества и просвещенью века
Всё время посвятил, кого зовет весь свет
Ученым; и, поверь, иного имя нет
Тебе у наших дам.

Князь

Я верю.

Княгиня

Что ни скажешь,
Всем восхищаются без памяти оне.

Князь

Они умней мужчин.

Княгиня

Зачем ты редко кажешь
Себя в их обществах?

Князь

Да есть ли время мне?
Ты знаешь, занят я, хоть, признаюсь, с тобою
Там лестно быть, где ты своею красотою
Заворожаешь всех.

Княгиня

А ты своим умом.

Князь

Такой приятности не вижу я ни в ком.
Как я смотреть люблю, когда на бал ты входишь:
Все вспыхнут женщины.

Княгиня

А ты, мой друг, приводишь
В смущенье всех мужчин.

Князь

Поверь, ты всех ловчей!

Княгиня

Кто так учен, как ты?

Князь

Ты лучше всех одета.

Княгиня

А тетушка кричит, что я для туалета
Мотаю...

Князь

Пусть кричит, беда невелика,
Мотай.

Княгиня

Ах! как ты добр!

Князь

Как ты мила, ловка!

Княгиня

И счастлива!.. Так, мы родились друг для друга!
Не правда ль?

Князь

Так, мой друг!

Явление 6

Те же и Цаплин.

Князь

(увидя Цаплина)

Ну, Цаплин, целый день
Вчера я ждал тебя.

Цаплин

А я, сударь, стал в пень
Вчера от беготни, хлопот и недосуга,
Желая вам служить.

Князь

Да где ты был?

Цаплин

Везде:
Ходил в Правление, в Надворном был суде,
Слетал в полицию, по всем местам кидался,
Дарил секретарей, советникам сулил,
За вашу честь, сударь, на бирже распинался,
Пред кредиторами и так и сяк лисил,
Поклонов не жалел, просил и плакал даже,
Но всё напрасно.

Князь

Как?

Княгиня

Что значит?

Цаплин

Так и быть,
Хоть трудно вымолвить, а надо доложить:
Именье ваше всё назначено к продаже.

Князь и княгиня
(вместе)

Возможно ль?

Маша
(в сторону)

Вот сюрприз обоим.

Цаплин

За долги
Опишут завтра же и дом и дачу вашу.

Князь

Какое варварство!

Княгиня

Ах, Цаплин, помоги!

Цаплин

Мне самому придет пить с вами горьку чашу!
Я нажитóе всё и потом и трудом
За вас же положил.

Князь

Да дело не о том,
Скажи, что делать нам?

Цаплин

Близ сотни тысяч нужно
Пока перехватить, а там сведем концы.

Князь

Да кто их даст теперь?

Княгиня

Когда б мы жили дружно.
Мой друг, с твоей родней...

Князь

Родня моя глупцы!
Но как всё сделалось?

Княгиня

И я не понимаю.

(Цаплину)

Мы вверились тебе, и допустить ты мог...

Цаплин

Вот счеты здесь мои, сам князь скрепил итог;
Я чист и прав.

Княгиня

Да кто ж тут виноват?

Цаплин

Не знаю.

Княгиня

Однако...

Цаплин

Кажется, не в силу был расход.

Княгиня

Какой?

Цаплин

А например, пришлося в прошлый год
Мадамам заплатить с двух тысяч душ оброки.

Князь

Княгиня, слышите ль, что ваше щегольство
Мне стоит?

Княгиня

Боже мой! мне кажется упреки
Вы делаете?

Князь

Нет, однако ж мотовство...

Княгиня

Какое? смею ли спросить?

Князь

Какое?
Вы лучше знаете.

Княгиня

Скажите?

Князь

Препустое,
Чтоб глупым не назвать.

Княгиня

Да это, сударь, брань.

Князь

Быть может, но теперь не время нам чиниться.
По вашей милости я должен разориться
И разорить детей, а всё на эту дрянь.

(Показывая на товары.)

Княгиня

Дрянь эту было вам самим, сударь, угодно
Прислать ко мне.

Маша

(в сторону)
Ай! ай!

Князь

Не стыдно ль так клепать?

Княгиня

Вы отпираетесь? как это благородно!

Князь

Вот мило!

Маша
(Цаплину)
Речь замни.

Цаплин
Позвольте вам сказать...

Князь
Ну, что?

Цаплин
Мне кажется, что это всё безделки
В сравненьи...

Князь
С чем?.. от них все сделались беды!

Цаплин
Нет, чуть ли не всему причиной переделки,
Пристройки, фабрики, мосты, сады, пруды
И экономия, а пуще экономы.

Княгиня
Ну, видите ль, сударь, что ваш высокий ум
Не лучше щегольства, что ваше...

Князь
Мне знакомы
Увертки женские, завесть хотите шум,
Чтоб оправдать себя, а обвинить другого.

Княгиня
Как вы догадливы!

Князь
Вы признаетесь?

Княгиня
Нет.
Что виноваты вы, я шлюсь на целый свет.

Князь
Как можете?..

Княгиня

Могу, и доказать готова.
Не правда ль, что с тех пор, когда услали вы
Ученых к вам в село, они одни расчеты
Нам вместо денег шлют.

Князь

Не вашей головы
Достанет, чтоб постичь все эти обороты,
Но скоро быть должны они понятны всем,
И я уже пишу...

Княгиня

Ах, сжальтеся!

Князь

Над кем?

Княгиня

Над переписчиком, ведь он один читает
Творенья ваши.

Маша
(в сторону)

Ай!

Князь

Как! вы, моя жена,
Вы также можете...

Княгиня

Что так вас удивляет?

Князь

Неблагодарность той, кто мне одолжена
Всем в свете...

Княгиня

Вы на мне изволили жениться,
Что ж тут счастливого, и есть ли чем гордиться?
Забыли вы, сударь, ваш чин?

Князь

Мне всё равно,
Вот здесь мои чины.

(Показывает на голову.)

Княгиня

Да не равно для света.

Князь

Ваш свет — толпа людей.

Княгиня

Толпа, однако ж, эта
Смеется мне в глаза.

Князь

И, признаюсь, смешно
Смотреть на ваши все причуды и жеманство,
Мигрени, нервы...

Княгиня

Нет, смешно твое педантство,
Ко всем презрение...

Князь

И стоят все того...

Княгиня

Несносный человек! откуда, отчего
Всех вздумал презирать? что в свете ты, что значишь?
В каких связя́х и с кем? кто покровитель твой?
Ты улыбаешься... и от стыда не плачешь!
Как я несчастлива! И тетушка со мной
Согласна в том, что я достойна сожаленья.

Князь

Напротив, тетушка с слезами на глазах
Твердит, что ты мое расстроила именье,
Что мать дурная ты, что ты всегда в гостях,
Что ты...

Княгиня

Ах! дурно мне...

(Садится.)

Князь

Что ты живешь в карете...

Княгиня

(Маше)

Уйдем.

Князь

Что ты должна...

Маша

Когда в вас жалость есть...

Княгиня

В нем жалость к де́ньгам.

Князь

Нет! но все безделки эти...

Княгиня

Они несносны мне.

(Маше)

Вели скорей отнесть
Всё это с глаз долой...

Маша

К нам вверх.

Княгиня

Куда хотите,
Мне всё равно.

(Встает и упадает.)

Нет сил...

Цаплин

(князю)

Помочь извольте ей.

Маша

Подайте руку.

Князь подходит к княгине; она отталкивает его.

Княгиня

Нет! и я умру скорей,
Чем соглашусь... оставь...

Князь

(с бешенством уходя в одну сторону.)

Прости!

Княгиня

(уходя в другую сторону.)

Прости!

Маша

(обоим вслед)

Простите!

(Цаплину)

Ну, вот вам и ответ.

Цаплин

Ему я очень рад.
Поверьте, чем у бар в головушке пустее,
Тем наша братия дворянится скорее.
Да где княжна?

Маша

На что?

Цаплин

Достал я под заклад
Сто тысяч.

Маша

Неужли́?

Цаплин

Она свое наследство
За братца хлопнула.

Маша

Вот редкая сестра!

Цаплин

Прередкая, бог с ней!.. Однако мне пора
Пустить монету в ход, — и мы отыщем средство
Оставить кое-что на наш законный брак.

Маша

Жених мой плут большой!

Цаплин

Нет, только не дурак.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ III

Явление 1

Фома
(один, выходит потихоньку).

И в зале ни души... Ой, ой! житье плохое
Здесь в доме господам, не служит им никто,
Людей тьма-тьмущая, а поглядишь, на что?
Чтоб из порожнего переливать в пустое,
Тащить всё у господ, да их же и ругать,
А все так чванятся, что не сведешь знакомства.
Ах, батюшка наш князь, такого пустодомства,
Какое у тебя, под солнцем не сыскать!

Явление 2

Фома и Радимов.

Радимов
(входя)

Всё настежь! Дело! так, уж видно по порядку,
Что дом племянников.

Фома
(оглядывая)

Кто это? — Ба!

Радимов

Фома!

Фома

Ах, Глеб Романович!

Радимов

Что скажешь?

Фома

Правду-матку
Сказать, так я еще не приложу ума,
Ты ль это, осударь, и как ты очутился?

Радимов

Да вздумалося мне увериться во всем,
Что про племянника писали; я простился
С женой и прискакал в ваш петербургский дом,
Где, с лишком полчаса бродивши наудачу,
Наткнулся наконец на пьяного слугу
И по словам его отправился на дачу,
Пробрался через сад и рад, что здесь могу
С тобой поговорить. Меня пугнула новость,
Что продадут село, в котором сестрин прах.
Ну, что ты видел?

Фома

Ох!

Радимов

Что говорят здесь?

Фома

Ах!

Радимов

Как принял князь тебя? Ну, что ж?

Фома

Ахти!

Радимов

Тьфу, пропасть!
Да полно охать; ну, что он сказал тогда,
Как прочитал письмо?

Фома
(в сторону)

Ну, вот тебе беда!

Радимов

Да что же он сказал?

Фома

Не вымолвил ни слова.

Радимов

Ни слова, стало он письма не прочитал?
Шалун! вот дал мне бог племянника какого!
Но я...

Фома

Нет, он прочел, да с глаз меня прогнал.

Радимов

За что?

Фома

Ох! видно, я не в добрый час явился.

Радимов

А! у таких людей, как он, короткий суд,
Когда расхохриться они изволят, тут
Кто первый пырь в глаза, так тот и провинился.
(Увидя Инквартуса)
Что это за чудак?

Фома

Мусье Инквартус.

Радимов

Он
Хорош.

Явление 3

Те же и Инквартус.

Инквартус
(кладя бумаги на стол)

Нет места здесь порядочно заняться,
И там пришла княжна.

(Садится за стол.)

Радимов

Он, может быть, учен;
Но в эту голову нельзя уму забраться.
Посмотрим.

(Подходит.)

Господин Инквартус, смею ль я...

Инквартус

А! что угодно вам?

Радимов

Знакомства с вами.

Инквартус

Ясно.

Радимов

Вы так ученостью прославили себя,
Что должностью я счел...

Инквартус

В учтивостях напрасно
Не станем тратить слов. Вы, верно, из числа
Любителей наук?

Радимов

Да, я люблю науки.

Инквартус

Учились, стало быть?

Радимов

Учился, и от скуки
Всё занимаюся.

Инквартус

Похвальные дела!
Так я имею честь с собратом быть... Садиться
Покорнейше прошу.

(Сажает его на свое место.)

Вы не пришли ль урок
Дать князю?

Радимов

Да... почти, но будет ли в нем прок?
Моей науке князь захочет ли учиться?

Инквартус

Что ж вы преподавать изволите?

Радимов

А то,
Чему не учится у нас почти никто
И без чего во всех науках толку мало.

Инквартус

Конечно логике: она всего ясней.

Радимов

Нет.

Инквартус

Филологии, эстетике?..

Радимов

Бог с ней!

Инквартус

А! психологии, наверно?

Радимов

Нет.

Инквартус

Так, стало,
Антропологии, монадологьи...

Радимов

Нет!
А правдологии.

Инквартус

Сказали вы невнятно.
Что?

Радимов

Правдологии.

Инквартус

Вот что невероятно,
Я не слыхал о ней, учася тридцать лет.

Радимов

Для вас же хуже.

Инквартус

Так, позвольте, понимаю;
Под именем другим ее, быть может, знаю.
В чем состоит она, коль смею вас спросить?
Или, ясней, чему возможно научиться
Из правдологии?

Радимов

По правде в свете жить,
От правды не лынять, за правду не сердиться,
В душе, на языке всегда ее иметь,
А если надобно, за правду умереть.

Инквартус

Позвольте, знаю всё: цель вашего ученья
Есть правда; спорить в том не можете никак;
А правда с истиной сословы суть, итак,
Цель правдологии есть к истине стремленье,
А философия не есть ли точно то ж?

Не все ль философы от Канта до Сократа
Стремились к истине и отвергали ложь.
Хоть философия системами богата,
Но цель одна. Пример: Зенона стоицизм,
Пиррона скептицизм, Спинозы реализм,
И Фихтов ихтеизм с Берклея идеизмом,
Сократо-платонизм с антропофилеизмом,
Супернатурализм, перипатетицизм,
Доризм, пифизм, кратизм, фиксизм и фатализм;
Так без софизмов я всё кончу силлогизмом,
Что правды ригоризм вы греко-руссицизмом
Хотели выразить, — и я вас угадал.

Радимов

Да из каких земель вас князю бог послал?
И этих «измов» всех откуда ты набрался?

Инквартус

Я родом с Эзеля, но в Галле просвещался
И человеком стал!..

Радимов

Скажите ж, человек!
Что с князем путного наделали вы в свете?

Инквартус

Учились, учимся, учиться будем ввек
И...

Радимов

Только? — хорошо!

Инквартус

Не правда ль, в сем ответе
Я лаконически три истины сказал?

Радимов

И сочиняете вы также?

Инквартус

Без сомненья.
В столе и на столе найдете сто начал,
О ста материях.

Радимов
(перебирая тетради)
Так это сочиненья
Княжия...

Инквартус
И мои.

Радимов
Ага! — Ба! это что?
(Берет письмо.)

Инквартус
Письмо от дядюшки.

Радимов
(с досадою)
Оно.

Фома
Ай, ай, попался!

Радимов
(с бо́льшею досадою)
И запечатано!

Инквартус
Князь делом занимался,
Когда ему письмо принес сегодня...

Радимов
Кто?

Инквартус
Приказчик этот.

Фома
Ох!

Радимов
(с сердцем)
Что завздыхал ты снова?
Так он прочел письмо? — Ну, что ж молчишь?

Фома

Ахти!

Радимов

Не хныкай, а скажи глупцу от слова в слово,
Что он шалун, педант без толку, без пути;
Чтоб он себя губил, дурачился, срамился,
Но чтоб не знал меня. — Домой, скорей домой!

(Уходит.)

Фома
(бежит за ним)

Ну, вот те бабушка и Юрьев день!..

Инквартус
(Фоме)

Постой!..
Бежит... А! правдолог, как видно, рассердился;
Но гнев сей отчего, кем возбужден, за что?
Тут есть загадочность; однако я узнаю.
Положим, что... но нет... иль лучше так... не то...
Что больше думаю, то меньше понимаю.

Явление 4

Инквартус, княгиня и Маша.

Княгиня
(Инквартусу)

Что делает мой муж?

Инквартус

Он говорит с княжной,
Но здесь мне встретился...

Княгиня

Прошу вас, потрудитесь
Сказать, чтоб князь пришел увидеться со мной,
Когда сестра уйдет.

Инквартус

Вы сами удивитесь,
Когда узнаете...

Княгиня

Да нечего мне знать.

Инквартус

Позвольте объяснить...

Княгиня

И! что за объясненье,
Подите.

Явление 5

Княгиня и Маша.

Княгиня

Ах! педант, несносное творенье!
Разинет только рот, уж хочется зевать;
А слушать целый век ученый бред — ужасно!
Нет, право, первая мирюся я напрасно.
Ты виновата в том, что унижаюсь я.
А Цаплин отвечал?..

Маша

Что к завтрему нельзя
Нигде перехватить.

Княгиня

Нельзя? вот что забавно!
Нельзя, и я от них других не слышу слов.
Неужли завтра мне не ехать в Петергоф?
Где ж этот Цаплин?

Маша

Князь услал его недавно.

Княгиня

Куда?

Маша

На биржу.

Княгиня

Как!.. зачем?

Маша

Туда пришли
С экономическим товаром корабли.

Княгиня

Мой муж имеет дар во всем мешать мне вечно!
Но деньги точно ль он сегодня получил?

Маша

Я уверяю вас.

Княгиня

И будет столько мил,
Что вещи выкупит у Форжа?

Маша

О, конечно!
Не всё ль он делает, чтоб только жить в миру.

Княгиня

А я что ж делаю? — Сегодня поутру
Он оскорбил меня, но всё ему прощаю,
И даже первая мириться начинаю.
Не правда ль, я добра?

Маша

Вы ангел на земли!

Княгиня

Ах! если б на убор мы выпросить могли!

Явление 6

Те же и князь.

Князь

Прости, мой друг, что я замешкался немного:
Я вел к тебе сестру.

Княгиня

Ах, друг мой! ради бога
Оставь умильный тон, подумают, что я,
Как сумасшедшая, за всякий вздор сержуся.

Князь

Напротив, совестно смотреть мне на тебя,
Что я забыться мог...

Княгиня

И я сама стыжуся,
Что слабость нерв моих...

Князь

Нет, нрав проклятый мой
Причиною всему.

Княгиня

Ах! я совсем непра́ва,
И признаюсь, моя пустая голова
Не лучше твоего, живого слишком нрава.

Князь

Простительно ли мне взбеситься за слова,
Что как-то вырвались в минуту огорченья?
Я виноват!

Княгиня

Но как я видеть не могла,
Что голова твоя встревожена была?
Так, виновата я!

Князь

Нет, у тебя прощенья
Мне надобно просить.

Княгиня

Ах! ты меня прости.

Князь

Моя вина, мой друг!

Княгиня

Мы оба были скоры.

Князь

Но всё ль забыто?

Княгиня

Всё.

Обнимаются.

Маша

И мир их стоит ссоры.

Князь

Ах! я тебя до слез намерен довести.

Княгиня

Немудрено, меня всё плакать заставляет.

Князь

Но то, что сделалось, мой друг, теперь со мной,
Должно подействовать над каменной душой,
Растрогать этот стул!..

Княгиня

Ах! сердце замирает!
Как интересно! что ж? скажи!

Князь

Моя сестра,
Узнавши наших дел дурное положенье,
Пришла ко мне в слезах.

Княгиня

Ах, как она добра!
Я плачу.

Князь

Выслушай, она свое именье
Всё заложила...

Княгиня

Как?

Князь

Чтобы спасти мое.

Княгиня

Ах, Маша!.. ах, мой друг!.. ах! это бесподобно!

Князь

Но восхищение умножится твое,
Когда поступок весь узнаешь ты подробно.
Вообрази себе, мой друг, что я сижу
Размучен, огорчен, мой ум в прожектах бродит;
Но подивись: я средств спастись не нахожу,
Как растворилась дверь, и... вдруг Наташа
входит...

Княгиня

Ах, вижу я ее!.. как легкая мечта,
Как призрак...

Князь

Не совсем, но согласиться должно,
В глазах ее была такая доброта,
Которую почесть небесным чем-то можно.
Ввек не забуду я улыбки райской той,
С которою она мне деньги отдавала.

Княгиня

Молчи, расплачусь я!

Князь

Я вел ее с собой,
Но от меня она так скоро убежала,
Оставя деньги...

Княгиня

Ах!

Маша

А где, сударь, оне?

Князь

В моем бюро. Теперь нет больше горя мне.
Пусть Цаплин по судам уладит всё покуда,
А там я сам примусь, и ты увидишь чудо.

Княгиня

Ах, друг мой! нужно мне с тобой поговорить.

Князь

Мои прожекты я хочу тебе открыть,
Чтоб ты, наслышавшись сужденья городского,
Не беспокоилась. Во-первых, я...

Княгиня

Мой друг,
Я так расстроилась, что вряд пойму ли вдруг...

Князь

Поймешь...

Княгиня

Нет, право нет.

Князь

Но с ясностью такою
Тебе растолковать я дело всё берусь...

Княгиня

Ах! знаешь что? весь день займемся мы с тобою,
Из Петергофа я когда назад вернусь.

Князь

Из Петергофа?

Княгиня

Да, кузины непременно
Хотят, чтоб ехала я с ними в маскарад.
И славный мой убор поспел.

Князь

Я очень рад,
Но прежде...

Княгиня

Форж его монтировал отменно!
Ты помнишь мой жемчу́г? ведь редкой он воды?

Князь

Да, помню; но должна ты все мои труды
Узнать и оценить.

Княгиня

Я их ценю и знаю.
Ведь ты хвалил мои сафиры?..

Князь

Да.

Княгиня

Из них
Форж сделал мне склаваж, и верно двух таких
Нет в городе.

Князь

Тебя и Форжа поздравляю.

Княгиня

Но должно взять его.

Князь

Возьми.

Маша
(в сторону)

Когда дадут.

Явление 7

Те же, Инквартус и Ванюша.

Инквартус
(вбегая)
Профессор Труфанталь и доктор Гиль идут.

Князь
(Ванюше)
Проси их в кабинет.

Ванюша уходит.

Мне доктор очень нужен,
Со всеми славными учеными он дружен,
И я через него Европе всей пишу.
А Труфанталя я сегодня ж упрошу,
Чтоб для журнала он нам услужил...

Инквартус

Разбором
Томаса Моруса Утопии...

Маша

Чтоб в ней
И с Морусом твоим ты утонул скорей:
Нам деньги надобны.

Между тем князь целует руку у княгини.

Княгиня

Но кончи же с убором.

Князь

Мой друг, профессоров нельзя ж заставить ждать.

Маша

Забыли вы, что в суд отправить деньги должно.

Князь

Да разве без меня отправить их не можно?
(Княгине)
С Ванюшей деньги я хочу к тебе прислать,

И, чтобы Цаплин мне не помешал трудиться,
Ты их отдашь ему.

Княгиня

Как с Форжем быть, мой друг?

Князь

Увидим.

Княгиня

Мой убор...

Князь

Прости, мне недосуг.

(Уходит с Инквартусом.)

Явление 8

Княгиня и Маша, потом Ванюша.

Княгиня

Педантствовать к глупцам изволит торопиться,
А дело... Боже мой! Ах, Маша! я боюсь,
Что с этим умником и я ума лишусь.

Маша

Чего бояться вам?

Княгиня

Чего! да что ж ужасней
Для смысла здравого, как слышать вечный вздор?
Нет в свете женщины, поверь, меня несчастней,
Всё мне идет назло, вот, например, убор...

Ванюша

(вбегая с пакетом)

Его сиятельство...

Княгиня

(взяв скоро пакет)

Как толст пакет! А сколько
Тут денег может быть?

Маша

Сто тысяч, верно, есть.

Княгиня

Сто тысяч тут, а я ищу семнадцать только!

Маша

Да кто ж мешает вам из этого отчесть,
И много ли всего...

Княгиня

Нет!.. мне досадно даже,
Что ты так думаешь. Как! в самый этот час,
Когда наш дом и всё назначено к продаже,
Как добрая сестра всем жертвует для нас,
Я соглашусь взять, положим хоть немного,
Из жертвы дружбы...

Маша

Да...

Княгиня

Ни слова, ради бога!
Я знаю наперед, ты скажешь мне одно,
Что во ста тысячах семнадцать мало значат;
Но много ль, мало ли, всё для меня равно,
Я лучше не хочу... Пускай кузины плачут,
Пусть все бранят меня, мне должно... А нельзя ль,
Чтоб Цаплин сам отчел?

Маша

Он человек таковской!
Да выпустить ему из рук копейки жаль.

Ванюша

Нет в стряпчем ни в одном такой души жидовской!
Он даже вашего сиятельства приказ
Не ставит ни во что.

Княгиня

Как!

Ванюша

Я просил не раз
За новое ландо и новую шестерку
Заплаты, он об ней и слышать не хотел.

Княгиня

Возможно ли! а князь при мне ему велел.
Да что ж он говорит?

Ванюша

Всё ту же отговорку:
Нет денег.

Княгиня

Боже мой! вот их один ответ —
Нет денег!.. Этого я ненавижу слова.
А говорят, ландо чудесное!..

Ванюша

Да нет,
Клянется мастер сам, и в Англии такого.
Что за субтильный ход, какие фонари!
Сафьяном англинским обито всё внутри;
Игрушка, нещечко, ну, словом, загляденье!

Княгиня

Нельзя ли в долг?

Ванюша

Никак; Ганц — немец прескупой;
И так он сделал вам карету для Святой,
А деньги...

Княгиня

Как же быть? Какое положенье?
И что убийственней, я рассказала всем,
Как еду в Петергоф, в чем буду там одета,
Все ждут меня... а я... Придет бежать из света
В пустыню, в лес, чтоб там не встретиться ни с кем,
Кому я солгала... Чтобы спастись от срама,
Решусь не ехать... Так! но я звана; к тому ж
С кузинами как быть?.. Когда бы знал мой муж...

Но для чего ему я не сказала прямо?
Из этих денег он мне дал бы, может быть...
Пойду к нему... ах! он в профессоров вцепился,
Увяз в эстетику, с ним можно ль говорить?
Хотя б здесь Цаплин был, так он бы согласился...
А тут сто тысяч?

Маша

Да.

Княгиня

Сто тысяч! Боже мой!
С кем в свете и когда то было, что со мной?
Мне крайность... деньги есть... мои ль или княжие...
Не всё ль равно?.. и льзя ль считать их за чужие?..
Когда бы, например, их получила я,
То б князь их тратить мог и не спросясь меня;
Так, стало, вправе я располагать?

Маша

Конечно.

Княгиня

Нет, если должники...

Маша

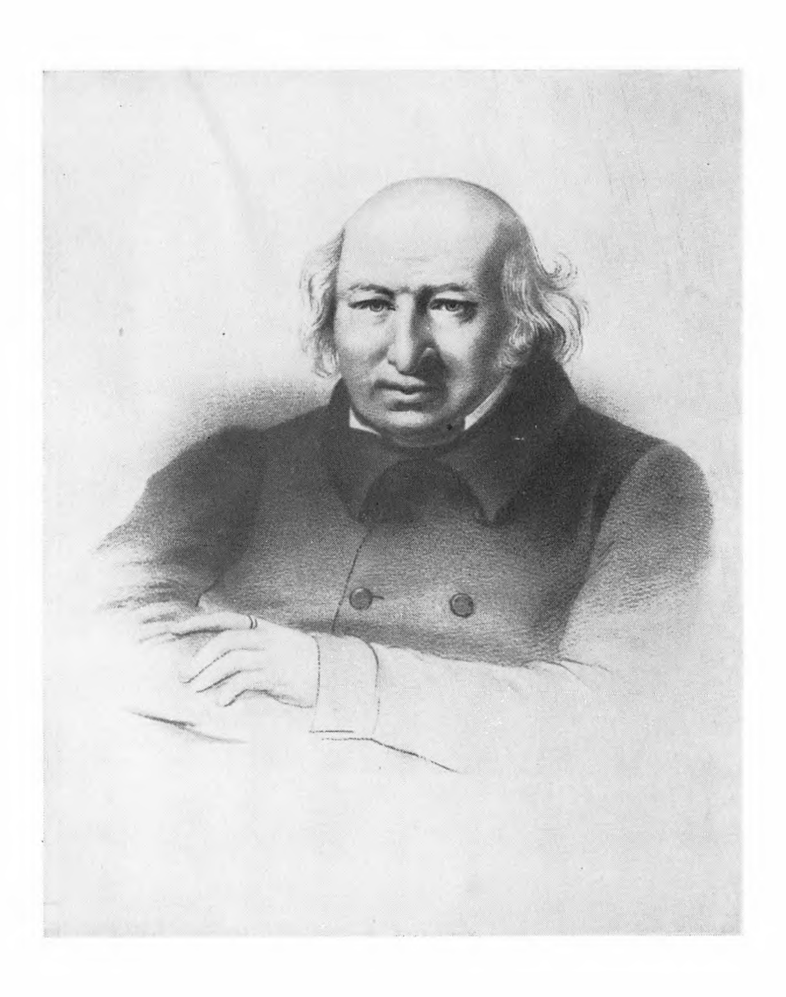
Сказать чистосердечно
Позвольте?

Княгиня

Говори.

Маша

Сам Форж убор ценит,
Всего что нужно вам отдать дороже вдвое;
А Цаплин, я за то ручаюсь, смастерит,
Что в праздник должники оставят вас в покое;
Так с богом погуляв и возвратясь назад,
Когда не сыщется другого изворота,
Вы вещи положить изволите в заклад,
И тем окончится в минуту вся забота.

Княгиня

Так, Маша, может быть, но совещусь...

Маша

А в чем?
Вы только на два дня займете из пакета.

Княгиня

Ах! этот как-то мне не нравится заем.

Маша

Да только на два дня...

Княгиня

Хоть твоего совета
Не можно похулить, но не решуся я
Доверенность к себе...

Маша

Да только на два дня.

Княгиня

Конечно, на два дня, но как-то всё неловко
И что-то совестно. Нет, право, я боюсь...
И так мне муж сказал в глаза, что я мотовка,
А если как-нибудь узнает...

Маша

Я берусь,
Что не узнает он; два дня не за горами,
Посмотришь: пролетят — и так, что даже сами
Вы не приметите; а князь ваш филосóф,
И до того ль ему...

Княгиня

Всё так, ты прáва, Маша,
И очень хочется мне ехать в Петергоф.

Маша

А я поехала б, да, впрочем, воля ваша,
Мне только жаль...

Княгиня

Чего?

Маша

Что славный ваш склаваж
У Форжа пролежит весь праздник по-пустому,
А он бы удивил...

Ванюша

А мне так экипаж
С ума нейдет: как он достанется другому,
То грустно будет.

Княгиня

Как! неужли продадут?

Ванюша

Да Ганц и Лиховой ответа только ждут.

Княгиня

Решилась, еду... так! и что ж за преступленье
Взять только на два дня?

Ванюша

(в сторону)

Преславное решенье!

Маша

Дюпон вам сделала шесть платьев кружевных.

Княгиня

Возьми их все, а я уж выберу из них.

Маша

Ей деньги надобны.

Ванюша

Я также счет имею.

Княгиня

Да неужли никто вам в долг не хочет дать?
Не стыдно ли.

Ванюша

Уж я в Гостиный двор не смею
За старые долги и носу показать.

Маша

А я как от огня бегу от модных лавок.

Княгиня

Ах, как несносны вы! Пойдем в мой кабинет,
Там лучше разочту, что нужно вам в добавок...
Я так измучена...

(Отходя, Маше)

Возьми с собой пакет.

Маша

(Ванюше)

Послушай, я боюсь, что Цаплин будет скоро
И помешает.

Ванюша

Да, что ж сделать?

Маша

Напишу
Ему цидулочку.

Ванюша

Пиши.

Маша

(бежит к столу и пишет)

Что больше вздора,
Тем лучше. Ну, хитрец, отгадывать прошу!
Увидишь, как пугнет его моя загадка.
К княгине надобно скорее мне бежать,
А ты, как он придет, вели ему отдать.

Ванюша

Постой же.

Маша

Недосуг.

Ванюша

Она на деньги падка.
И весь пакет к рукам, пожалуй, приберет,
А мне... Не грех ли ей обманывать господ.

ДЕЙСТВИЕ IV

Явление 1

Радимов и Фома.

Радимов

Да я не очень рад, что мне попал навстречу
Мой старый друг Хапров, он, бог ему судья!
Причина, что еще сюда вернулся я;
Разжалобил к детя́м; но если не примечу
В беспутном их отце наклонности к добру,
То как я ни любил покойницу сестру,
А у меня ему рацея уж готова,
Скажу, и был таков. Да, по речам Хапрова,
Какой-то Цаплин здесь все плутни мастерит.
Откуда он взялся?

Фома

Ванюша говорит,
Что будто из бегов он выходцем явился
И через добрых бар в приказные добился.

Радимов

Ну так, у них к плутам предобрые сердца,
Но только б этого мне встретить молодца,
То плутни все его вмиг выведу наружу;
И с твердостью такой я за него примусь,
Что, беглый он иль нет, всё высказать принужу.
Так, перед правдою бездельник вечно трус,
Давай его сюда!

Явление 2

Те же и Цаплин.

Цаплин
(входя, берет в дверях письмо у мальчика)

Ко мне письмо от Маши?

(Читает)

«Когда не хочете дела испортить наши,
Вернитесь». Это что?.. да не ко мне, никак?
Вот имя, отчество и Цаплину... всё так,
Ко мне.

Радимов

А! это он.

Цаплин
(прочитав дальше)

Ну, право, всё загадка.
Да где она? Гей, ты!

(Хочет идти с мальчиком.)

Радимов

Ни с места!

Цаплин

Боже мой!

Радимов

Бездельник!

Цаплин

Я... никак...

Радимов

Ты беглый.

Цаплин
(в сторону)

Вот отгадка!

Радимов
(схватя его)

А! прикусил язык. Прошу идти со мной
Сейчас же в Петербург: свидетели, улика
И явочная там тебя, бездельник, ждут.

Цаплин

Потише... крошечку...

Радимов

Ага! боишься крика.

Цаплин

Какая прибыль вам?

Радимов

Чтоб был в Сибири плут.

Цаплин

Помилуйте!

Радимов

Иди.

Цаплин

Нельзя ли мировою...

Радимов

Изволь.

Цаплин

Давно бы так.

Радимов

Я помирюсь с тобою,
Хоть, право, совестно. Ну, вот мой договор:
Признайся без чинов, что ты пресущий вор,
Княжие все дела открой мне без утайки,
Кто из плутов в дому еще с тобою в шайке,
Всех выставь на лицо, и все его долги
Мне объясни сейчас.

Ц а п л и н

Помилуйте!..

Р а д и м о в

Ни слова.
Ты обличил себя, так больше уж не лги;
Не то, как беглому, тюрьма тебе готова;
Я сам пойду в донос, а всем известно то,
Что не кривнет душой Радимов ни за что.

Ц а п л и н

Радимов!

Р а д и м о в

Вот он сам.

Ф о м а

(тихо Цаплину)

Он черт на правду.

Ц а п л и н

Знаю.

Р а д и м о в

Ну!

Ц а п л и н

Репутацию тюрьмою потеряю,
Ах! сжальтесь...

Р а д и м о в

Хорошо, признайся мне во всем,
И будем мы молчать... Ну, что ж?

Ц а п л и н

Известно богу,
Что я хоть перед ним и грешен кое в чем,
Но не губил людей...

Р а д и м о в

Да грабил понемногу,
Не так ли?

Цаплин

Может быть.

Радимов

Не может быть, а есть.
Ну, дальше?

Цаплин

Скрылся я из Рыльского мещанства,
Рекрутством где меня пугнули за буянство.

Радимов

Подлец! Да с князем как успел знакомство свесть?

Цаплин

Мой добродушный вид чрезмерно полюбился
Его сиятельству, и я клянуся вам,
К его сиятельству вдруг привязался сам,
И по любви к нему в дела его вступился.

Радимов

Ты князя полюбил, он полюбил тебя,
Жиды, аферщики обоих полюбили,
Ты с ними в доле был, и князя разорили.
Вот вся история, не правда ли?

Цаплин

Нельзя
Пред вами мне солгать: я виноват бесспорно.

Радимов

Злодей!..

Цаплин

(падая на колени)

Прощения у всех прошу покорно.
Превосходительный, помилуй! твой приказ
Исполнить я готов.

Явление 3

Те же и князь.

Князь

(в удивлении)

Ба! Цаплин.

Цаплин

Ну, попался.

(Радимову)

Позволите ль солгать?

Радимов

Солги в последний раз.

Князь

Что значит это?

Цаплин

(в замешательстве)

Так.

Князь

Да ты в ногах валялся
У этого...

Цаплин

А вы не знаете его?

Князь

Кто он?

Радимов

(тихо Цаплину)

Не сказывай.

(В сторону)

Так, я не назовуся,
Покуда, всё узнав, на что-нибудь решуся.

Цаплин шепчет князю.

Князь

Ну! должен я ему, вот только и всего.

Цаплин

Усердствую ль я вам, пусть скажут эти слезы.

Князь

Ты плачешь, да об чем?

Цаплин

Закладной вышел срок,
А этот... а они мне делали угрозы,
Что завтра ж отдадут ваш дом под молоток,
Я стал просить... они изволили сердиться,
Я зарыдал... упал... и вы вошли...

Радимов
(в сторону)

Вот плут!

Князь
(обнимая Цаплина)

Вот честный человек! Ему должно дивиться.

(Радимову)

Не правда ль?

Радимов

Я дивлюсь.

Князь

В журнале пусть прочтут
Поступок твой, я сам хочу тебя прославить.

Цаплин

От публикации прошу меня избавить.
Ах! мне не до того.

Князь

Не плачь, сестра моя
Нас выручила...

Радимов

(с нетерпением)

Как!..

Князь

Вам это знать угодно?

Радимов

Хотел бы, признаюсь...

Князь

Я всем скажу охотно,
Что ей спасением моим обязан я.
Чтоб мне помочь, она именье заложила.

Радимов

(в сторону)

Прекрасно!

Князь

(Цаплину)

Деньги все княгиня получила.

Цаплин

(с ужасом)

Княгиня!

Князь

Их отдать она должна тебе.
Поди же к ней, возьми и делай с ними сделки.

Цаплин хочет идти. Радимов его останавливает.

Радимов

(тихо Цаплину)

Постой!

Князь

Что ж ты нейдешь?

Цаплин

(в смущении)

Что бишь?.. Да те безделки,
Что приказали вы, я с биржи взял к себе.

Князь

Безделки! этими безделками мы дело
Большое сделаем.

(Радимову)

Вы житель городской?

Радимов

Был прежде, а теперь убрался на покой
И в деревнях живу.

Князь

Так о хозяйстве смело
Вам можно говорить. Из книг я почерпнул
Кой-что, но опытность должна открыть вам больше.

Радимов

Я то же думаю.

Князь

(тихо Цаплину)

Он думает.

(Фоме)

Эй! стул!
Так думаете вы, кто жил в деревне дольше,
Тот лучше должен знать?

Радимов

Да, кажется.

Князь

И книг
Читать не надобно?

Радимов

Нет, нужен выбор в них...

Князь

А вы читаете?

Радимов

Читаю.

Князь

(тихо Цаплину)

Он читает.

(Радимову)

Так, стало быть, у вас хозяйство процветает,
Без пользы не лежит ни лоскутка земли,
И, делая на все предметы наблюденья,
Вы через опытность тьму средств изобрели,
Чтоб человечеству доставить облегченье,
И, силою ума убавя тела труд,
У вас машинами молотят, сеют, жнут,
И производят всё на фабриках, заводах,
В плантациях, везде, не так ли?

Радимов

Нет, не так.
Посев и сенокос умножив кое-как,
Боюсь от фабрик я остаться при расходах.
Я, признаюся вам, не очень в них смышлен;
К тому ж и наш уезд не слишком населен,
А к выдумкам машин бог не дал мне догадки.

Князь

Так что ж вы сделали полезного?

Радимов

А то,
Что даром времени не трачу ни на что,
Что у крестьян моих хорошие достатки,
Что богатею сам, а им легки труды.

Князь

Какие ж общество сберет с того плоды,
И просвещению какая польза будет,
Что ваши мужики богатее других?
Кто только думает о выгодах своих,
Тот поживет, умрет, и свет его забудет.

Радимов

Вы правы, кто живет лишь только для себя,
Тому хотя б не жить, а кто, крестьян любя,
Им делает добро, того иные вспомнят.

Князь

Но именем его газетов не наполнят...
Бывали ль вы когда в селе моем?

Радимов

Я там
И перенял кой-что.

Князь

А вот моим глупцам
Ничто не нравится.

(Фоме)

Людей разумных речи
Ты слушай и заметь.

Фома

Все слушаю.

Князь

Молчи ж.
Каков мой славный куб и паровые печи,
Вас удивили ль?

Радимов

Да.

Князь

А вот кричат они ж,
Что дом от них сгорел.

Фома

Чуть затопили залу,
Вдруг вспыхнуло.

Князь

Всё вздор.

Радимов

Он прав, ваш эконом,
Печному не учась, склал печи по журналу,
И так провел трубу, что загорелся дом;
А мой печник Архип приладил всё как надо,
И всякий день я вас за печь благодарю.

Фома

Вот что!

Князь

Чертория за это пожурю.

Радимов

От ваших я овец развел большое стадо.

Князь

Ну вот; а у меня?..

Фома

Нет больше ни овцы.

Князь

Всё оттого, что вы и плуты и глупцы.

Радимов

Нет, по пословице, дом барином ведется,
Чтоб он в порядке шел, хозяйский нужен глаз.
Когда б в деревню вы заехали хоть раз,
То бы увидели всё сами.

Князь

Так, придется
Мне будущей весной отправиться туда,
И я давно хотел...

Радимов

Да что же?

Князь

Та беда,
Что время нет совсем.

Радимов

Вы заняты?

Князь

Ужасно!

Радимов

Не службой ли?

Князь

О нет! я не служу.

Радимов

Напрасно.

Князь

А где, сударь, служить прикажете вы мне?

Радимов

Да дворянин служить во всякой службе волен.
В военной, если вы здоровы.

Князь

Я не болен;
Но лестно ли служить со всеми наравне,
И стоило ль труда для этого учиться?

Радимов

В военном деле тот скорее отличится,
Кто с воспитанием и в ком наука есть.

Князь

Угодно ль, я могу вам наизусть прочесть
Плутарха, Цесаря, Полибия, Страбона,
Я комментировал военные дела
Тюреня, Фридриха, Моро и Веллингтона;
А всё от этого мне выгода мала,
Когда с безграмотным меня сравняют хватом;
А если пробыл он в полку побольше лет,
То он же командир.

Радимов

Ну что ж? беды в том нет;
Я Цесаря читал, а в полк вошел солдатом.

Князь

Солдатом вы вошли, в отставку ж вышли чем?
Секунд-майором... а? ведь правда?

Радимов

Не совсем.

Князь

Неужли наконец добились бригадирства?

Радимов

Почти, но дядя ваш Радимов — генерал.

Князь

Да где ж мне взять, сударь, такого богатырства?
Он с лишком тридцать лет ботфортов не скидал,
И крепок лбом...

Радимов

(в сторону)

Наглец!

Князь

Его не брали пули...

Радимов

(в сторону)

Скреплюсь еще...

Князь

А я, признайтеся, могу ли,
Привыкнув рассуждать и видеть всё как есть,
Капральствовать, кричать, в казармах жизнь провесть,
Чтобы под старость быть безвестным дворянином,
Как храбрый дядя мой?

Радимов

Божусь, не худо вам
Быть тем, что дядя ваш — я разумею чином.
Дворянством пользуйтесь, оно ведет к честям
Прямой дорогою.

Князь

Открою я дорогу —
Увидят скоро все — короче и новей!

Полетом гения достигну тех честей,
К которым дядя мой тащился век...

Радимов

Ей-богу,
Опасно иногда высоко залетать.
Припомнить смею вам об участи Икара.

Князь

Икара.

(Цаплину)

Он читал.

(Подвигаясь к Радимову)

Позвольте вам сказать,
Что страшно всё тому, кто не имеет дара.

Радимов

А вам не страшно?

Князь

Нет, прочтите мой журнал
И вы уверитесь.

Радимов

Я очень бы желал;
Да где его найду?

Князь

Нигде, он здесь покуда,

(указывает на бюро)

Но скоро выйдет в свет, и на него б не худо
Вам подписаться.

Радимов

Я, пожалуй, подпишусь,
Да что же в нем прочту?

Князь

А то... но я боюсь,
Чтоб вы за искренность мою не рассердились.

Радимов

Не бойтесь.

Князь

Хорошо. Так вы прочтете в нем,
Что вы, сударь, в ваш век не знали ни о чем,
Бродили ощупью, и скоро б убедились,
Как нужно вас учить... И станется легко,
Что поведет меня журнал мой далеко.

Радимов

Неужли?

Князь

Так, сударь, я им наш век прославлю
И, что мне следует, отдать себе заставлю.

Радимов

Да что ж вам следует?

Князь

А то, сударь, что я,
Не тратя времени в подробностях, в безделках,
Министром сделаюсь, и сам через себя.

Радимов

Вот что! Но редко прок бывает в скороспелках.
За вашу искренность я так же заплачу...
И правду сами вы хотите знать?

Князь

Хочу.

Радимов

Да чур, всё выслушать.

Князь

Покуда будет можно.

Цаплин
(в сторону)

Распишет он его!

Радимов

Не правда ли, что должно
О людях по делам судить?

Князь

(с презрением)

Что за вопрос?

Радимов

Но отвечайте.

Князь

Да.

Радимов

Так если бы нашлось,
Что тот, кому пришла министром быть охота,
Кто метил управлять народною судьбой,
Не знает управлять ни домом, ни женой,
И даже о себе такая в нем забота,
Что он не ведает, что завтра будет с ним,
И вверился во всем грабителям своим...

Князь

Что значит?

Радимов

Слушайте ж: такому человеку
Дел государственных не поручат, и он
Не в министерство бы попал, а под опеку,
Хотя б наукам всем был двадцать раз учен.

Князь

Вы забываетесь!

Радимов

Нет, говорю всё дело!
Всем школьникам в глаза кричать я стану смело:
Вы без ума, от книг не будете умней,
И тот, кто сам ничто, других учить не смей.

Князь

Какая наглость!

Радимов

Нет, а наглость в том большая,
Кто, может быть, наук названье только зная,
Надменностью своей втоптать всех хочет в грязь.

Князь

Угодно ль выйти вон!

Радимов

Мне вон?.. Ну, слушай, князь,
Я выйду, но тебя раскаяться заставлю,
Узнаешь ты, кто я!

Цаплин

(Радимову)

Помилуйте!

Радимов

Молчи!
Я докажу ему.

Князь

Вы слишком горячи;
Но я расхолодить горячность вас заставлю.

Радимов

Расхолодить!

(В сторону)

Наглец!

Фома

(Радимову)

Он кровь твоя.

Радимов

Пошел!
Он наглостью меня до бешенства довел.

Князь

Теперь подите вон, а если вам обидно,
Мы кончим иначе...

Цаплин

Дуэль...

(Князю)

Как вам не стыдно!

Князь

Назначьте время, час...

Радимов

(в сторону)

Я рад, хоть он не трус.

Князь

Но должно знать, кто вы?

Радимов

(в сторону)

Кто я? я всё испорчу,

Когда скажу...

Князь

Кто вы?

Радимов

(в сторону)

Нет, с плутом прежде кончу.

(Князю)

Вы всё узнаете, я к вам сейчас вернусь.

(Цаплину)

Пошел за мной.

(Князю)

Так мы здесь кончим объясненье.

Князь

Где вы хотите.

Радимов

Здесь!

(Уходит и, встретясь с Инквартуоом, толкает его.)

Явление 4

Князь, Инквартус и Фома.

Князь

Я вышел из терпенья!..
Досадно... но нельзя ж...

(Задумывается.)

Инквартус

Ай, ай! какой толчок!
Князь правдологию с ним проходил, как видно.

(Князю)

Вам этот грубиян дал, кажется, урок?

Князь

(с сердцем)

Урок!

Инквартус

Хорош ли он?

Князь

(с бешенством)

Хорош ли? Как бесстыдно
Он шутит!..

Инквартус

Я шучу? Нет, я узнать хотел,
Как правдологию находите?

Князь

Каков же!
Он правдологией зовет! Да как ты смел?..
Вон из дому сейчас!

Инквартус

Кто? я? за что?

Князь

За то же.

Инквартус

Ответ неясен.

Князь

Вон!

Инквартус

Да что причиной!

Князь

Вон!

Инквартус

Позвольте...

Князь

Вон пошел!

Инквартус

Хоть кратко объясните...

Князь

(в бешенстве)

Нейдешь?

(Фоме)

В окно его!

Фома

В которое?

Инквартус

Да он

И вправду...

Князь

Выйдешь ли?

Явление 5

Те же, княгиня, граф и княжна.

Княгиня

О чем вы так кричите?

(Князю)

Что сделалось с тобой?

Князь

Так, друг мой, ничего.

Княжна

Ты вне себя.

Князь

Ах! я взбесился на него.

Княгиня

Заспорили?

Инквартус

О нет!

Князь

(тихо Инквартусу)

Молчи и убирайся,
Или сейчас...

Инквартус

Иду.

(Отходя)

Ну как я ни учен,
А не могу понять.

Князь топает ногой.

Иду!

(Уходит.)

Княгиня

Мой друг, признайся,
Что на него смешно сердиться.

Князь
(с сердцем)

Я смешон
Кажуся нынче всем.

Княгиня
(князю)

В нем даже воспаленье!
Да выпей хоть воды.

Князь

Ах! сделай одолженье,
Оставь меня...

Княгиня

Ну, вот ученые! за вздор,
За точку с запятой тотчас подымут спор.
Да успокойся... сядь...

Князь

Ах, боже мой!

Княжна

Ты бледен,
Послушайся, прими...

Князь

Ну, вот еще сестра.

Граф

Да не сердитеся, вам гнев быть может вреден.

Князь

И ты туда же, граф!

Княгиня

Нет, право, до добра
Не доведет тебя твоя горячность...

Князь

Знаю,
И, верно, твоего не хуже рассуждаю,
Да не могу... как быть... у всякого свой нрав.

Княгиня

Да кто же виноват?

Князь

Быть может, я неправ;
Но этот разговор оставим, ради бога!

Княгиня

А мне поговорить с тобою надо много.

Князь

Так говори скорей.

Княгиня

О всем теперь нельзя,
Расстроен слишком ты; поговорим хотя,
Какие б меры взять к приданому...

Княжна

Напрасно
Вы беспокоитесь, уж сделано оно
Еще при матушке.

Княгиня

При матушке? прекрасно!
Да как самой тебе, мой ангел, не смешно
Вздор этот говорить?

Княжна

Да что же тут смешного?

Княгиня

Давно ли матушка скончалась?

Княжна

Пятый год.

Княгиня

(графу)

А сколько с этих пор переменилось мод?

Граф

Я не берусь счесть.

Княгиня

И, стало, должно снова
Всё сделать, чтоб не быть смешными.

Князь

Ах, мой друг!
Об этом думать мне, ей-богу, недосуг.

Княгиня

Да вы, философы, народ такой беспечный!
На дело никогда у вас досуга нет.
Но надобен, сударь, невесте туалет,
Уборы: утренний, визитный, подвенечный...

Князь

Что хочешь делай ты, мне, право, всё равно,
Лишь было б сделано как должно.

Княгиня

Вот умно!
И я за всё берусь; дом, лошади, карета,
Ливрея, мебели, всё это есть в виду;
Брильянты славные я знаю где найду.

Княжна

Но без графини?..

Княгиня

Что? не у нее ль совета
Мне должно попросить? Вот это я люблю!
Нет, свадьбою твоей весь город удивлю,
И восхищаюся, как вздумаю!..

Явление 6

Князь, княгиня, княжна, граф, Фома и графиня.

Графиня

(вбегая с бешенством)

Все вместе!
Тем лучше... Слушайте ж: ты, господин жених,
С сего часа́ не смей и думать о невесте;
Молчи, не говори и рта не разевай!
А ты, сударыня невеста, это знай,
Что мне всё сказано, всё слышала, всё знаю;
Обманет кто меня, тот дня не проживет.
Нет, я других с такой невесткой поздравляю,
Которая в заклад именье отдает.

Княжна хочет говорить.

Так, матушка, в заклад, и от меня украдкой!
Пускай твой брат теперь уговорил тебя,
А там повадишься, и с этою повадкой,
Сегодня за него, а завтра за себя,
Не только что свое, и мужнино именье
Закладными убить... Сердись иль не сердись,
Мне всё равно, а с ним и с свадьбою простись.

Князь хочет говорить.

Что, батюшка? нельзя ль мне сделать одолженье
Растолковать?.. Да нет, я знаю наперед,
Что это сделал ты в финансах оборот,
Которого понять я сглупа не умею;
Что это... как бишь?.. да! коммерческий баланс.
Балансиру́ешь ты, да только не в каданс,
И закружился так, что скоро сломишь шею.
Да, баланцёр, мудри, транжирь своим добром
Как хочешь, бог с тобой! у всякого барона
Своя фантазия; но есть ли совесть в том,
Кто против честности и божия закона
У бедной сироты, сестры своей родной,
Бесстыдно выманил кусок насущный хлеба?
И после этого как можешь ты на небо,
Бессовестный, смотреть!

Княгиня хочет говорить.

Нет, милая, с тобой

И слов моих терять не стану понапрасно.
Двоюродный мой брат, покойный твой отец,
Всё прожил, промотал и кончил жизнь несчастно;
Так, видно, и тебя такой же ждет конец.
Махнула я рукой, дурачьтеся, бог с вами!
Жаль бедных деточек, да наживут и сами,
Когда в них будет толк: мать русская земля
Для умных клад. Прощай, премудрая семья!

Граф

Как можно!.. Боже мой!.. нет, этим оскорбленьем
Я принужден...

Княжна

К чему?.. Ах! ей повиновеньем
Вы докажите, граф, что любите меня.

Граф

Чего хотите вы?

Графиня
(возвращаясь)

Прошу идти за мною;
И мой приказ: тебе в дом этот ни ногою.

Княжна

Идите...

Графиня

Долго ль ждать?

Граф
(княжне)

Вам повинуюсь я.

Уходят.

Явление 7

Князь, княгиня, княжна и Фома.

Князь

Какое варварство!

Фома

Ахти!

Княгиня

(сидя в креслах)

Как я несчастна!

Княжна

Ах, братец!

Князь

Ты, мой друг, печалишься напрасно:
Берусь я во всем графиню убедить,
Тем больше что тебе мы деньги возвратить
Сейчас же можем.

Княгиня

Ах!

Князь

(княгине)

Не правда ли, ты рада,
Что Цаплин не взял их?

Княгиня

Я рада... Ах!

Князь

Поди,
Отдай сестре...

Княгиня

Мой друг!..

Княжна

Но, братец, рассуди,
Что дети...

К н я з ь

Боже мой! Мне дело кончить надо.

К н я г и н я

Но я...

К н я з ь

Послушайся хоть в жизни раз один.

(Провожает их. Фоме)

Дождися у ворот, как этот господин
Опять придет сюда; его ты знаешь?

Ф о м а

Знаю.

К н я з ь

Скажи, что я его у фермы ожидаю.
Поди, да говорить не смей людя́м моим.

(Уходит.)

Ф о м а

Мы слуги старые, прикажут — и молчим.

ДЕЙСТВИЕ V

Явление 1

Радимов, Цаплин, Фома, потом слуга.

Радимов
(Фоме)

Графиня, стало быть, всех положила разом?
Где ж князь?

Фома

Он к воротам послал меня с приказом
Вас в ферму проводить, где ждет теперь.

Радимов

Пусть ждет.
С княгиней видеться мне надо наперед;
Да как бы к ней войтить?

Фома

Я слышал, что с испугу
В недуг какой-то впасть изволила она.

Радимов

Изволила? ты прав, но этому недугу
Немудрено помочь.

Слуга
(входя, Цаплину)

Увидя из окна,
Что вы сюда пришли, княгиня приказала
Вас звать скорей к себе, ей ну́жда...

Радимов
(тихо Цаплину)

Не ходи.

Цаплин
(слуге)

Ее сиятельство проси, чтоб обождала.

Слуга

Ей ну́жда крайняя.

Цаплин

Никак нельзя.

Радимов

Поди,
Княгине доложи, никак нельзя; ну, слышишь?

Слуга уходит.

Когда ей ну́жда есть, придет сюда сама.
А чуть я не забыл тут положить письма:
Оно откроет все.

(Цаплину)

Так ты мне скоро спишешь
И обе записи, и счет его долгов?
Смотри ж, чтоб не было ни плутней, ни крючков.

Цаплин

Я честью вам клянусь...

Радимов

А что в твоей мне чести?

Цаплин

Божуся...

Радимов

Не божись, да помни о тюрьме.
Но про княгиню я дурные слышал вести:
У ней всё праздники да балы на уме,
И, говорят, она большая пустодомка.

Цаплин

Ее сиятельство хотя не экономка,
Зато чувствительна!

Радимов

Я знаю, все оне
Чувствительны, но их чувствительность, по мне,
Сбивает на твою; и ты ходок на слезы,
Да черт ли в них, а вот теперь я погляжу,
Что в ней произвели графинины угрозы,
Несчастие сестры...

Явление 2

Те же и княгиня.

Княгиня

(входя скоро, Цаплину)

Я, Цаплин, нахожу,
Что ты с ума сошел, мне ну́жда...

(Радимову)

Извините.

(Цаплину)

Пойдем.

Радимов

(тихо Цаплину)

Останься здесь.

Цаплин

(тихо княгине)

Ах! разве вы хотите
Его взбесить?

Княгиня

Кто он?

Цаплин

Капиталист большой,
И с вашим батюшкой-покойником был дружен,
То если нужен вам кредит?..

Княгиня

Ах! очень нужен.

Цаплин

Так он вам услужить желает всей душой,
Но приласкать его вам надобно.

Княгиня

Я рада.

(Радимову)

Я вас благодарю, что сделали мне честь
Пожаловать ко мне.

Радимов

Когда вам нужда есть,
То я готов служить; со мною только надо
Быть просто, без чинов, хоть, может быть, смешон
Я этим покажусь.

Княгиня

Напротив, мне ваш тон
И англинское страх приятно обхожденье.

Радимов

Я русский, и тому, княгиня, очень рад,
Но дело не о том, — вам нужно вспоможенье?

Княгиня

Да, если одолжить хотите.

Радимов

Я богат,
Я помогаю тем, кто искренен со мною,
Притом ваш батюшка покойный был мне друг,
Так вправе требовать вы от меня услуг,
И, верно, вашей я доверенности стою.

Княгиня

Узнайте ж всё... Но сесть нам должно наперед.

Радимов подвигает ей стул.

Божусь, я чуть жива.

Радимов

Князь, говорят, немного
Хозяйством невпопад убавил свой доход?

Княгиня

Поступков мужниных нельзя судить мне строго,

(взглянув на Цаплина)

Когда я и сама неправа, может быть.

Радимов

Я слышал кое-что... но смею вас спросить,
В чем вы неправою быть можете?

Княгиня

Не знаю,
Вы будьте мой судья. Меня винят за то,
Что будто лишнее я что-то проживаю,
Хоть не мешаюся я, впрочем, ни во что;
Всем управляет князь, но признаюсь, для света
Хочу я иногда получше быть одета;
Да так же рядятся и те, кто нас бедней.
Находят, что на дом я слишком много трачу,
Но в нем, божуся, нет ни штофов, ни парчей.
Кричат, что денег тьму мы положили в дачу,
Но я хотела б знать — на что? к чему? куда?
Оранжереи, сад, каналы, два пруда
И деревянный дом — вот всё; и у кого же,
Я спрашиваю вас, на даче нет того же?
Пусть ферма, может быть; да я о ней молчу
И в мужнины дела мешаться не хочу.

Радимов

О! в этом, кажется, вы совершенно правы.

Княгиня

Винят меня еще, что я люблю забавы,
Желаю иногда блеснуть в большом кругу,
Что нравится мне свет, что в нем, быть может,
нравлюсь,
И принята везде, и даже вкусом славлюсь,
Но я у вас спросить по совести могу:
Я виновата ль в том, что часто выезжаю?

Мой муж, которого всем сердцем обожаю,
Всё с книгами, и я с тоски бы умерла,
Когда б в чужих домах отрады не нашла.
А впрочем, жить, как все, не вижу я худого.

Радимов

И против этого не говорю ни слова.
С чего же вздумали вас в городе винить?

Княгиня

С чего? спросите их... и это очень чудно,
Находят все, что я должна неправой быть,
А в чем вины мои, решить самой мне трудно.

Радимов

Так не прикажете ль мне в этом вам помочь?

Княгиня

Помочь! да в чем, сударь? — Вы шутите.

Радимов

Нет, право,
Не о своих делах мы часто судим здраво.
Вот что мне кажется: кто всю проводит ночь
На балах, в обществе, тому немного время
От сна останется, чтоб пользоваться днем.
Хозяйство нужное тому должно быть бремя;
Живя ж в чужих домах, легко забыть свой дом,
В котором между тем приказчики и слуги
Всё грабят, что хотят; и надобно сказать,
Что должность матери, хозяйки и супруги,
Кружась в большом кругу, неловко исполнять.

Княгиня в нетерпении хочет встать.

Дослушать до конца прошу мне сделать милость.
Жизнь непоседная — яд тела и души,
Родятся от нее лень, скука и унылость,
И наши госпожи лет в двадцать — хороши,
А в тридцать, поглядишь, бедняжки устарели.
Припадки нервные не от того ли в них,
Что ночь сидят в гостях, а день лежат в постели?
Иль нет, сударыни, веселостей таких,
Что б были не в укор природного порядка?

Пусть будет ночью ночь, а днем оставьте день;
Не одолеет вас тогда тоска и лень,
Вы не расслабнете от нервного припадка,
И времени и сил достанет для всего.
Так! вы расстроились совсем не оттого,
Что одеваетесь всегда щеголевато,
Что в доме много бронз и убран он богато.
Что вашей дачею любуется весь свет;
На это бы на всё доходов вам достало,
Но, верно, ни за чем у вас присмотра нет;
А кто ж, сударыня, хозяйка здесь? — Так, стало,
Не в этом ли себя вы можете винить?

Княгиня

(в сторону)

Несносный! — Ах! легко вам это говорить;
Вы моего, сударь, не знаете страданья.
Я мужа и детей люблю до обожанья,
Им жизнь отдам, но пусть вам скажут доктора,
Могу ли чем-нибудь сюрьозным заниматься,
Входить в подробности, считать, кричать, терзаться!
По предписанью их я езжу со двора;
Искать рассеянность должна по их совету.
Войдя ж однажды в свет, я подражаю свету,
Живу как все живут.

Радимов

Не все.

Княгиня

Ах! все почти.

Радимов

Но вам так жить теперь едва ли есть возможность,
Должны вы жертвовать...

Княгиня

Мою я знаю должность;
Чтоб мужа и детей от бедности спасти,
Готова сделать всё.

Радимов

Прекрасно! так и должно.

Княгиня

Мы в крайности теперь...

Радимов

Я помогу чем можно.
Да он мне сказывал, что деньги есть у вас.

Цаплин

Но на уплату их я должен взять сейчас,
Или с именьем квит.

Радимов

(княгине)

Что сделалося с вами?

Княгиня

(в слезах)

Со мной?..

Радимов

У вас глаза наполнились слезами.
Ах! будьте искренни, сударыня, со мной.

Княгиня

Чтоб вы уверились, что я чистосердечна,
Я вас хочу просить о том, чего, конечно,
Никто бы не узнал.

(Фоме)

За дверью ты постой,
Чтоб не вошли сюда. Поди ж.

Фома уходит.

Радимов

Со мною смело
Всё можно говорить; я вам не изменю.

Княгиня

Вы видите, сударь, что я скорей виню
Не мужа, а себя.

Радимов

Пусть так, да в чем же дело?

Княгиня

Мне совестно, божусь, вас видя в первый раз...

Радимов

Не совеститесь, я прошу покорно вас.

Княгиня

Он, кажется, сказал, что нам сестра...

Радимов

Всё знаю.
Мне также сказано, что свадьбы не бывать,
Когда...

Княгиня

Но мы ей всё решилися отдать.

Радимов

Прекрасно! так я вас за это почитаю.

Княгиня

Почтенье ваше мне бесценно, но о том
Хотела вас просить...

Радимов

Меня просить!.. о чем?

Княгиня

Ах! если б на два дня, не больше, вы мне дали,
Чтоб возвратить сестре...

Радимов

Вы деньги издержали?

Цаплин

(в сторону)

Я угадал.

Княгиня

Не все, — и только на два дня.

Радимов

Княгиня, признаюсь, дивите вы меня!
Неужли?..

Княгиня

На два дня; я их взяла в надежде,
Что вещи, выруча, в минуту заложу,
И для заплаты всё опять в пакет вложу;
И кто б подумать мог, чтобы графиня прежде
О всем проведала.

Радимов

Да стоило ль труда
Вам вещи выкупать, чтоб заложить их снова?

Княгиня

Я не предвидела, что выдет тут беда;
Но ехать в Петергоф дала кузинам слово.
Вы знаете, сударь, блеск нужен у двора;
И так...

Радимов

Ну что теперь мне скажут доктора?
Не поступили ль вы и тут по их совету;
Или, живя как все и подражая свету,
Могли доверенность употребить во зло.

Княгиня

Поступок мой судить вы властны как хотите,
Но голову мою, не сердце в нем вините.

Радимов

С другими модами в обычай к нам вошло
О людях говорить, дела их извиняя:
В нем сердце доброе, но голова дурная;
А я, сударыня, быть может, бестолков,
И не могу понять так тонкого раздела;
По мне, ничем сердца́ не пра́вее голов,
И что за доброта, которой нет на дело?
Но это сказано, сударыня, не к вам,
Я только вас прошу не верить докторам;
Они вас уморят потачкой иль лекарством.
Не плачьте, полноте.

Цаплин плачет.

Ага! и он туда ж!
Напрасно на себя ты напускаешь блажь:
Здесь князя нет.

Явление 3

Те же, Инквартус и Фома.

Инквартус

(за дверьми)

Пусти!

Фома

Не велено пускать.

Радимов

Кто там? впусти.

Инквартус

Здесь я. Ба! Правдолóг опять,
И всем господствует. Так я его коварством
Отсюда выгнан.

Радимов

Что вам надо?

Инквартус

Я уйду,
Мои бумаги взяв.

(Идет к столу.)

Явление 4

Те же и князь.

Князь

(входя и увидя Радимова)

Вот он!

(Ему)

Что это значит?
Я с лишком два часа вас ждал, сударь, в саду,
А вы... Ну вот еще! о чем княгиня плачет?
Неужли и ее вы смели огорчить?
Без отлагательства, угодно ль объяснить
Поступки ваши?

Инквартус

Так, добейтесь объясненья!

Князь

Ты здесь?

Инквартус

В последний раз.

Княгиня

(тихо Радимову)

Ах! сжальтесь надо мной,
Не открывайте.

Радимов

Нет.

Князь

Он шепчется с женой!
Прошу, покуда я не вышел из терпенья,
Сказать мне здесь иль там, да только поскорей,
Кто вы? как вас зовут? откуда взяли право
Со мною дерзким быть — шептать жене моей?

Радимов

Я друг обоим вам.

Князь

Давно ль, сударь? Нет, право,
В вас что-то есть, чего никак нельзя понять.
Не дух ли вы какой?

Инквартус

О нет, невероятно!
Но, впрочем, духи есть.

Князь

(Радимову)

Хотите ль отвечать?

Радимов

Извольте, но прошу, чтоб было вам понятно,
Не горячиться так.

Князь

Я холоден как лед.
Ну, говорите же.

Радимов

Скажите наперед,
Дошло ли к вам письмо от дяди?

Князь

Вот забавно!
К чему такой вопрос, и общего что есть
Меж дядиным письмом и вами?

Радимов

Я недавно
С ним виделся; да вы изволили ль прочесть?

Князь
(в бешенстве)

Прочел я или нет, тебе в том нужды мало;
Уж я устал терпеть, — скажи, кто ты таков?

Явление 5

Те же и графиня.

Графиня

Так, Глеб Романыч здесь, и сердце отгадало!

Князь
(в сторону)

Мой дядя!

Княгиня
(в сторону)

Боже мой!

Графиня

А мне сказал Хапров,
Что встретился с тобой. Не разыграв ремиза,
Я бросилась сюда.

(Князю).

Ну, ждали ль вы сюрприза?..
Ба! это что? они как статуи стоят!

Радимов

Они от радости и верить не хотят,
Что я их дядя. Да, я дядя ваш,

(тихо князю)

тот самый
Который крепок лбом. Ну, что ж, мои друзья!
Обнимемся скорей. Смотри, какой упрямый!
Не хочет.

Князь

Я стыжусь.

Радимов

И! брат, своя семья,
Сочтемся.

(Обнимает его.)

Ну вот так.

Княгиня

(тихо Радимову)

Мне совестно...

Радимов

Напрасно,
Что было, то прошло.

(Обнимает ее.)

Инквартус

Он дядя! вот что ясно.

Фома
(в сторону)

Хоть он меня побей, а побегу к княжне.

(Уходит.)

Графиня
(в сторону)

Тут что-то сделалось, и не сказали мне.

Радимов

Графиня! кажется вам это непонятно?

Графиня

Нет, угадала я, и очень мне приятно,
Что всё так кончилось.

Радимов

Не всё еще.

Графиня

А что?
Не мучь меня, скажи.

Радимов

Вы, верно, угадали,
Что под секвестр его имение взято́?

Графиня

Всё знаю, и за них я сохну от печали!

Радимов

А больше ничего?

Графиня

Да не об стену ж лбом
Прикажешь биться мне.

Радимов

Кто вас о этом просит.
Но помощь им нужна.

Графиня

Я думала о том,
И всё надеялась, что дядя их не бросит.

Радимов

Так, не ошиблись вы, и дядя к ним писал,
Хотя, им бог судья! они родство забыли.

(Князю)

Читал ли ты письмо?

Князь

Мне голову вскружили,
Я был в таком чаду, что, право...

Графиня

Не читал.
Ну где же сердце, ум! Вот каково почтенье
К родному дядюшке, и есть ли совесть тут?

Радимов

Графиня!

Графиня

Что, сударь?

Радимов

Оставим поученье,
Когда в нем сердца нет, то ваш напрасен труд;
Когда ж он чувствует, то и того довольно,
Что с ним случилося.

Князь

Божусь, сударь, мне больно,
Что думать можете еще...

Радимов

(Цаплину)

Письмо подай,
Оно докажет всё.

(Князю)

Возьми и вслух читай.

Князь

(читает)

«Ты с возвращения своего из чужих краев, где тебя воспитывали, не хотел меня видеть и не написал ни разу к своему дяде; но твои дела расстроены, я забываю всё, кроме того, что ты сын моей сестры. Твое имение назначено в продажу, и я готов выкупить...

Княгиня

Как вас благодарить...

Князь

Возможно ль?

Радимов

Погодите,
Когда прочтете всё, тогда благодарите.

Князь

(читает)

Но у меня есть дети, которым принадлежит мое имение; однако я могу заложить его, чтоб выкупить ваше, с тем уговором, чтоб оно было в полном моем распоряжении до заплаты вашего долга. Итак, вы должны тотчас ехать в деревню, где вам ни в чем не будет недостатка».

Радимов

Довольно, нравится ль вам этот уговор?

Княгиня

В деревню!

Радимов

Да.

Князь

Я рад и стану заниматься.

Радимов

Но я не дам тебе на вздоры разоряться;
Педантов не велю пускать к тебе на двор
И мучить мужиков напрасно не дозволю.

Князь

Так я поэтому, сударь, в своем дому
Полезным людям быть совсем теряю волю?

Радимов

Ты волен можешь быть, но судя по тому,
Как поведешь себя.

Князь

Нет, это уж обидно!

Радимов

Как быть, твоя ж вина.

Княгиня

Божусь, нам будет стыдно
И на людей смотреть. Не лучше ль ехать нам
В чужие крáи?

Радимов

Нет.

Княгиня

А дешево всё там,
И можно жить ничем.

Радимов

Так ехать воля ваша
Хотя в Париж, и там извольте жить ничем.

Княгиня

Не гневайтесь, в Париж мы не хотим совсем...
Хотя б в Швейцарию.

Радимов

Ни в Мемель! — А! Наташа!
Поди сюда, мой друг!

Явление 6

Те же, **княжна** и **Фома**.

Княжна

Глазам не верю я!
Вы ль это, дядюшка?

Радимов

Отрада вот моя!

(Графине)

С ней счастлив будет муж, не правда ли?

Графиня

Конечно.

Радимов

Когда ж у нас сгово́р?

Графиня

Я рада бы сердечно
Хотя сейчас, да их мне, бедных, очень жаль,
Реши-ка их судьбу.

Радимов

Пускай решают сами,
И ежели хотят, не отлагая вдаль,
Подпишем записи — и квит они с долгами.

Графиня

(княгине)

Хоть сжалься над детьми.

Княгиня

Согласья моего
Не нужно, если князь...

Князь

Когда княгиня может
В деревне жить, то я всем жертвовать готов.

Княгиня

Как мне с здоровьем быть и кто мне там поможет?
Ах! верно, я умру!

Радимов

Опять за докторов!
А помнишь ли, что я...

Княгиня

Ах! помню.

Радимов

Что ж?

Княгиня

Согласна,
Когда угодно вам, вы благодетель наш!

Радимов

Так дело сделано!

Явление последнее

Те же и Ванюша, потом Маша.

Ванюша

(вбегает)

Ваш новый экипаж
Уж привезен к крыльцу.

Княгиня

Молчи!

(В сторону)

Как я несчастна!

Князь

Как экипаж! какой?

Ванюша

(в сторону)

Ну, я попал впросак!

Княгиня

Мне Ганц прислал ландо?

Ванюша

Так точно.

Радимов

Слава богу!
Всё к лучшему, готов и экипаж в дорогу;
За ним не станет.

Маша

(вбегает с ящиком и, увидя всех, пугается)

Ай!

Графиня

Что это значит?

Маша

Так!
Я испугалась вдруг.

Графиня

Чего?

Маша

Сама не знаю.

Графиня

А я узнаю всё, вот только посмотрю.

(Берет ящик.)

Убор!

Княгиня

(тихо Радимову)

Он, дядюшка, тот самый...

Радимов

Понимаю.

(Взяв убор у графини)

Он твой, племянница.

Княгиня

Я вас благодарю.

Графиня

Неужли это ты?

Радимов

У нас свои есть счеты.

Маша

(Ванюше)

Ай! что-то худо.

Ванюша

Да.

Радимов

(графине)

Ну, кончим же скорей.
Теперь о горе их вам больше нет заботы:
Они пристроены, подумаем о ней.

Графиня

И думать нечего: когда за всё ты взялся,
То нет препятствия. Да где мой сын девался?

Князь

Но запретили вы ему ходить в наш дом.

Радимов

Графиня, неужли?..

Графиня

Эх! дело всё не в том,
Я, признаюся, их немного попугала,
Чтоб привести на ум. Ах! как бы я желала,
Чтоб ты остался здесь.

Радимов

Напротив, я хочу
В селе моем сыграть их свадьбу.

Графиня

Вот что дело,
Умно и выгодно!

Радимов

Смотри, чтобы поспело
У нас всё к завтрему.

Цаплин

Уж я похлопочу.

Радимов

Да не плутуй вперед; теперь сдержу я слово,
А после не пеняй, ты знаешь, что готово...

Цаплин

Всё знаю.

Радимов

Ну, ступай и бегай по судам,
Да помни, что всегда дурной конец плутам.

Графиня

А, кстати о плутах, вот налицо их двое,
Слуга с служанкою.

Маша

Да в чем моя вина?
Княгиня...

Княгиня

Ты теперь мне больше не нужна.

Графиня

Пошла ж с двора тотчас.

Маша

Несчастье небольшое,
И не в деревне я, а здесь сто мест найду.

(Уходит.)

Фома

А уж племянника извольте взять с собою,
Авось ли б я его на правду наведу.

Радимов

Так, очередь теперь осталась за Фомою
Из правдологии уроки подавать.

Инквартус

Из правдологии? так, стало, называть
Вы правдологией...

Радимов

Ты всё еще хлопочешь
О том же?

Инквартус

Но должно́...

Радимов

Послушай, ты учен
И добр, мне кажется, то ежели захочешь,
То в доме у меня быть можешь помещен.
Поедем-ка со мной в деревню.

Инквартус

Я согласен,
Однако ж давеча дово́д ваш был неясен.

Радимов

В деревне объясню. Ну, что ж, мои друзья,
Вы закручинились? уж больше нет печали!
От пустодомства вы одни ли пострадали;
Но не у всякого есть добрая семья.

1818

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ НЕ МЕШАЙ

Комедия в одном действии, в вольных стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Хандрина, богатая помещица.

Зарницкин, ее племянник.

Мезецкий, ее брат, разных матерей.

Княгиня Лидина, вдова, невеста Мезецкого.

Дашенька, горничная девушка, любимица Хандриной.

Митяй, шут.

Действие в Подмосковной.

Театр представляет довольно богато убранную комнату.

Явление 1

Зарницкин и Дашенька входят.

Зарницкин

Как! тетушки моей здесь, в Подмосковной, нет?
А я скакал фельдъегерям на диво.
Пять раз был выброшен, однако так счастливо,
Что шляпы не измял, хотя вчера чуть свет
У Царского Села мой егерь в прах разбился.

Дашенька

Вчера! вы шутите?

Зарницкин

Ах! виноват, ошибся,
Третьего дня, в четверг; но в тридцать два часа...
То есть, за вычетом починок колеса,
Двух шкворней, дышла и рессоры, —
Из Петербурга к вам не всякий бы поспел!
Зато уж я не пил, не ел;
К тому ж валдайские пригорки, косогоры
Измучили меня всю ночь...
Ямщик мой повернул так круто от оврага,
Что шкворень пополам... оторвалася вага...
И с дышлом лошади, как вихрь, умчались прочь.
Что ж? — я без лошадей в коляске с гор скатился...
И усидел, хоть, признаюсь, избился...
И руку и плеча ушиб,
А пуще у ноги помял подъемный сгиб;

Да слава богу,
Что взял с собою на дорогу
Бутылку о-дез-алп; помазал... и прошло.
Да где же тетушка?

Дашенька

Уехала к обедни.
Вы вспомнили ль, у нас которое число?

Зарницкин

А так-то вспомнил я, что бился онамедни
О бочке устриц об заклад,
Что нынче тетушку поздравлю с днем рожденья.

Дашенька

Нет, разве с ангелом?

Зарницкин

Всё спутал, виноват.
С того проклятого сраженья,
Где в лошадь подо мной
Так бомба мастерски попала...
Что кинула меня швырком с седла долой,
А лошадь бедную в кусочки разорвала,
Я память потерял совсем.

Дашенька
(в сторону)

Ай! наш племянник лгун!

Зарницкин

Не веришь? Я клянуся...

Дашенька

Могу ль не верить вам, а, признаюсь, дивлюся.

Зарницкин

И удивительно... Однако ж между тем
Я не забыл тебя.

Дашенька

Неужли не забыли?
А с лишком восемь лет
И вы, и ваша жизнь для нас загадкой были.

Зарницкин

Немудрено: обрыскал я весь свет...
А помню, ты была премилая плутовка,
И любовались всё тобой;
Ну как теперь гляжу: вертляная головка,
Глазенки быстрые, взгляд самый воровской,
А ротик, и зубки́, и носик... всё так мило,
Что всё бы вдруг расцеловал.
Ну видишь ли, что я тебя узнал?

Дашенька

Да нынче уж не то, что было.

Зарницкин

А что ж? ты сделалась еще милей;
Однако ж в милости у тетушки моей?

Дашенька

Она всё жалует меня как дочь родную.

Зарницкин

Так я как брат тебя за это расцелую.

(Хочет поцеловать.)

Дашенька

Нет, поцелуи вы извольте приберечь
Невесте вашей.

Зарницкин

Как! давно ли вы узнали,
Что я женюсь?

Дашенька

С тех пор, как сами вы писали.

Зарницкин

Так точно, я писал... Однако ж пересечь
Был должен эту связь.

Дашенька

Поэтому невеста
Уж вам не нравится?

Зарницкин

Не говори о ней...
Через ее родных искал я в службе места,
Хотелося в чины пробиться поскорей,
Она ж с любовью мне на шею навязалась;
Но вдруг она сама, родня, ее отец
Так надоели мне... что бросил наконец.

Дашенька

Что ж, бедная, она?

Зарницкин

Она?.. растосковалась,
Занемогла
И умерла.

Дашенька

Безжалостный! и вы не сохнете с печали?

Зарницкин

Мне сохнуть?.. Нет, давно б я в мумии попал,
Когда б от всех моих покойниц сохнуть стал;
Да нынче ж чересчур невесты запылали;
Одной, не помню, я сказал какой-то вздор...
Она... в окошко скок... и поминай как звали.

Дашенька

Ах, боже мой! да вы повальный мор!
Я с вами быть боюся.

Зарницкин

Не бойся, ты скорей сама,
Насмешница, сведешь меня с ума.
А быть беде! и я в тебя влюблюся.

Дашенька

(в сторону)

Как жалко, что он лжет!

Зарницкин

Теперь поговорим
О деле; первое, как с дядею моим,
Мезецким, тетушка обходится?

Дашенька

Как с братом.

Зарницкин

Что он за брат!

Дашенька

Они от одного отца.

Зарницкин

Да разных матерей... А здесь за храбреца,
Я слышал, он слывет.

Дашенька

Так он с своим фрегатом
Наделал, говорят, тьму славных дел...

Зарницкин

Каких?..
Что завладел избитым кораблишком?
Да я и не таких,
А новых кораблей сожег десяток с лишком...
И никому о том не говорил.

Дашенька

Так стало, с дядюшкой служили вы во флоте?

Зарницкин

Ах! где я не служил!
Сперва в пехоте,
Там в коннице, а после в казаках,
И день и ночь верхом.

Дашенька

Вот что! Так вы вскакали
Верхом на корабли?

Зарницкин

Нет... Мы на них взбежали.

Дашенька

Как! по воде, пешком?

Зарницкин

Нет, по льду, на коньках.

Дашенька

А! вы дрались зимой?

Зарницкин

Зимой, в такую стужу,
Что море, в шесть часов, верст на пять от земли
Так заморозило, как лужу,
И льдом затерло корабли;
А я... я — разом, живо,
Мой эскадрон с коня долой:
Охотники! За мной!
Вот вам и слава и пожива...
Все на коньки...

Дашенька

Да где ж вы набрали коньков?

Зарницкин

Как где?.. мы их... спрямили из подков,
Всё мигом сладили, помчались без промешки.
Ура! весь флот зажгли...
И в час от кораблей остались головешки.

Дашенька

Да неужли
На флоте не нашлось ни одного матроса,
Который бы хоть «здравствуй» вам сказал?

Зарницкин

Нет, в сорок градусов мороза...
И даже б твой язык не очень заболтал;
А людям теплого климáта
Наш холод дал такого мата,
Что, бедные, они не шевельнулись с мест
И все сгорели с кораблями.

Дашенька

Так с вами,
Я вижу, нет житья не для одних невест.

Зарницкин

Смеешься? смейся, забавляйся,
Я не сержусь, лишь только мне признайся...

Дашенька

А в чем?

Зарницкин

Не правду ль слышал я,
Что ваш Мезецкий с тем оставил службу,
Чтоб к тетушке подбиться в дружбу,
И прочит к ней в наследники себя?

Дашенька

Неправду. Первое, он службы не оставил,
Наследства ничьего не надобно ему,
Не подбивается он в дружбу ни к кому,
Но честен, добр, не лгун и, словом, редких правил,
Да в нем один порок: что так влюблен...

Зарницкин

В кого?

Дашенька

Я не скажу, спросите у него;
А ваша тетушка вас любит, так не диво,
Что всё упрочит вам.

Зарницкин

Умно и справедливо!
Я сын родной сестры... за эту весть
Для милой вестницы у нас гостинец есть.

Дашенька

А что, суда́рь?

Зарницкин

Безделка:
Сережки с жемчугом. Жемчу́г хоть не зернист,
С орешек небольшой, да уж за то как чист!
И что за милая отделка!

Дашенька
(в сторону)

Солгал!

Зарницкин

Ах! вспомнил я!.. отсюда в двух верстах
Я видел сад волшебный:
Фонтаны, цветники, беседки на прудах
И дом великолепный;
Кто в нем живет?.. Чей он?

Дашенька

Княгини Лидиной.

Зарницкин

Как, Лидиной?

Дашенька

Так точно.

Зарницкин

Молоденькой вдовы?.. Да я в нее заочно
Уж в Петербурге был без памяти влюблен...
И верно, будет к вам она на именины?

Дашенька

Нет, к барыне она не ездит никогда,
На это есть у них преважные причины;
Однако ж, кажется, их скоро сблизят...

Зарницкин

Да,
За это я ручаюсь,
Лишь стоит встретиться...

Дашенька

А встретиться легко:
Она живет недалеко,
Гуляет часто...

Зарницкин

Так, я с нею повстречаюсь,
Гей! кто-нибудь! слуга!

Явление 2

Те же и Митяй.

Зарницкин

(тихо Даше)

Что это за чудак?

Дашенька

Он шутит по Москве.

Зарницкин

А! тетушкин дурак.

Митяй

Так, вузаве резон, и мы; мон шер, мон феры.

Зарницкин

Ах! вашу братию в одной Москве найдешь.

Митяй

И в Петербурге нас не скоро перечтешь,
Да ваши, мон кузень, пустились в гран манеры,
А мы, ан неглиже, в костюме цеховом.

Зарницкин

Ты шутишь хорошо, да дело не о том...
Скажи, Филатка мой успел ли разобраться?

Митяй

Туцвит готов: хлебнул и закусил.

Зарницкин

Княгине не хочу уродом показаться...
Где комната моя?

Митяй

Аллон.

Зарницкин

(отходя с Митяем)

Ты слишком мил!

Явление 3

Дашенька

(одна)

Ну, вряд ли от него княгиня уцелеет;
Он скажет вздор, она в окошко скок...
А дом ее высок,
Так, не женясь еще, Мезецкий овдовеет;
А он, бедняк, уж с лишком год
В княгиню так влюблен, что всем тоску наводит;
Да и она по нем чуть-чуть с ума не сходит,
Но всё безделица, племянник перебьет.

Явление 4

Дашенька и Митяй.

Митяй

Ну, что, ма сёр кадет, каков сокóл залетный?

Дашенька

Хорош.

Митяй

Он к нам приехал налегке...
Без денег сиречь.

Дашенька

Как?

Митяй

Его премье лаке
Филат, детина словохотный,
Так, знаешь, нам с руки.
Я Ваньку попросил таскать их сундуки,
А сам подсел, поднес и начал стороною...
А наш Филат
Тому и рад,
И всё мне выболтал, что было за душою.

Дашенька

Да что же ты узнал?

Митяй

О! я тущвит смекнул,
Что с барином они наследство промотали,
Что наш мон шер невё от должников лизнул...
И чтоб они учтиво не сказали:
Аллон, мон анж, в тюрьму, —
Так вздумалось ему
Отделаться вояжем.
И у него теперь, ты видишь, в голове,
Чтоб в матушке Москве
Подняться на ноги а бон креди марьяжем.

Дашенька

Да разве за него безумная пойдет.

Митяй

А почему?

Дашенька

Ведь он что скажет, то солжет.

Митяй

Шарман мусье!.. его-то нам и надо;
Он будет лгать,
Я стану полыгать,
А тетушка всему, что хочешь, верить рада...

Дашенька

Так, легковернее ее на свете нет!
Да только от ее примет
Бывает нам житье худое:
Просыплешь соль — беда, прольется масло — вдвое.

Митяй

(глядя в окошко)

Ага! наш фрер уж прикатил назад,
К княгине, видно, он заехал невпопад.
Гей, вы, голубчики!.. лакейчики!.. дворецкий!

Аллон, маршир все на крыльцо,
Наш фрер мусье Мезецкий
Явился налицо,
А я проспал его, так встречу за подъездом.

Дашенька
(глядя в окошко)

Не встретишь, он в сенях.

Митяй

Так отпущу ему мой комплиман в дверях.

Явление 5

Те же и Мезецкий.

Митяй
(встречая Мезецкого)

С масёрским ангелом, с невёновским приездом:
Мон шер!.. мон фрер!.. мон анж!..
Тебя формально поздравляю:
Бон жур и бон вояж.

Мезецкий

Прекрасно; только я не очень понимаю.

Митяй

Я сделал, брат, свое, сказал,
А ты уж понимай как знаешь.

Мезецкий

Ты прав, да я не отгадал,
С каким меня приездом поздравляешь?

Митяй

Племянника в Москву фортуна занесла.

Мезецкий

Зарницкина?

Митяй

Его.

Мезецкий

Он должен был жениться.

Дашенька

Да уж не женится... невеста умерла.

Мезецкий

Ах, боже мой! где ж он?

Митяй

С тоски пошел рядиться.

Мезецкий

Так мы к нему пойдем скорее...

Митяй

Нет,
Мы оконфузим туалет.
Скурьерю я один, а ты побудь с масёрой.

(Уходит.)

Явление 6

Дашенька и Мезецкий.

Мезецкий

Я, признаюсь, не ждал так перемены скорой;
Однако же его мне, право, очень жаль.

Дашенька

Напрасно.

Мезецкий

Я по себе сужу, как для него ужасно
Невесту потерять.

Дашенька

Что это за печаль?
Вы сохнуть можете от этакой безделки,

А у него и нет
С невестами другой разделки.
Вы не видались с ним, я чай, уж десять лет,
Так и не знаете, как он проказит в свете.

Мезецкий

Я всё на флоте был; однако ж много раз
Писал к нему, да он не думал об ответе,
И наконец совсем пропал из глаз;
Как о своей помолвке
Вдруг в сестрином письме мне карточку прислал.
Что он за зверь, я тотчас угадал
По этой франтовской уловке,
Но думал, что, войдя в почтенное родство,
Оставит шалости, проказы, мотовство,
В которые, как видно, он пустился.

Дашенька

Да, говорят, что он порядком разорился
И школа для него хорошая нужна.

Мезецкий

Нет, добрая жена
Для счастья нашего, поверь, всего нужнее:
Кто может лучше в нас пороки исправлять,
Печаль и радость разделять,
Покоить и любить нежнее
Чувствительной жены?

Дашенька

Ах! как же вы, сударь, в княгиню влюблены!

Мезецкий

Княгиня тут к чему попала!
Я разве говорю о ней?

Дашенька

О ней.
В чувствительной жене я вмиг ее узнала.
Да что ж мешает вам жениться поскорей?
Вы влюблены, и, кажется, счастливо;
Князь Лидин поступил учтиво:

Скончался в тот же день, как ваш вернулся флот,
И вам вдову оставил без хлопот.

Мезецкий

А ты забыла,
Что мать княгинина в войне с моей сестрой,
Что дочери своей не только быть за мной,
Но даже ездить в дом к сестрице запретила.
Однако ж, говорят, склоняется на мир.

Дашенька

Да я и без нее сыграла б славный пир,
А там...

Явление 7

Те же и Зарницкин.

Зарницкин

Ах, дядюшка! прошу у вас прощенья,
Что я к вам не писал... и в этом виноват;
Но если бы мои вы знали приключенья,
То, верно б, сжалились.

Мезецкий

Ну, полно, брат,
Дай руку, обними, и мы друзьями будем;
Что было, то прошло,
И старое для нового забудем.

Зарницкин

Ах! у меня теперь от сердца отлегло,
И я не смел надеждой льститься.

Мезецкий

Ну полно же чиниться;
Скажи-ка лучше мне, в здоровье ты каков?

Зарницкин

Теперь почти здоров,
Но чуть остался жив... Ах! если бы вы знали,
Какие вынес я печали!..

Известно вам, что я уж был совсем женат:
Венчаться во дворце мне должно б в понедельник...
Как в пятницу... один бездельник,
С которым дружен был моей невесты брат,
При мне стал лгать и, распуская вести,
Вредить людей почтенных чести;
А я на правду черт,
Не вытерпел, разгорячился,
Клеветнику зажал в минуту рот.
Мой шурин за него вступился...
Я напрямки сказал, что друг его подлец;
Тут слово за слово... и что же наконец?
Наместо, чтоб венчаться,
Мне должно было с ним...

(Увидя, что Даша смеется.)

Но после доскажу.

Мезецкий

Эх! говори.

Зарницкин

Нельзя.

Дашенька

Я, может статься,
Здесь лишняя? и ухожу.

Мезецкий

Останься, что за вздор!

Дашенька

Мне в девичьей есть дело.

(Зарницкину тихо)

Извольте смело
Стрелять, бросать в окно, жечь флоты без меня,
Поверит он всему.

(Уходит.)

Явление 8

Мезецкий и Зарницкин.

Мезецкий

Ты скромничал напрасно:
Она у нас в дому как ближняя родня.

Зарницкин

Ах! нынче говорить и при родном опасно!
К несчастью, испытал я это на себе:
Я гибнул от одной неосторожной речи,
Когда б... благодаря судьбе!
Не дальше как вчера, в неожида́нной встрече,
Ни возвратил чудесно, в два часа
Трехлетнюю души моей потерю.

Мезецкий

Вот, что-то чудное!

Зарницкин

Да, это чудеса,
Которым я и сам почти не верю,
И вижу эту ночь как будто сквозь туман...

Мезецкий

Да что ж случилося с тобою?

Зарницкин

Роман.
Вы дядя мой, и я вам всё открою:
Один из щеголей... вы знать должны его.

Мезецкий

Нет, я из щеголей не знаю никого.

Зарницкин

И князя Лидина?

Мезецкий

Как Лидина!.. какого?

Зарницкин

А вот... его вдова живет недалеко.

Мезецкий

Вдова!

Зарницкин

(в сторону)

Он с ней знаком, так будет нелегко
Свести концы.

Мезецкий

Ну, что ж?

Зарницкин

Ах! дал я слово
Молчать... так совестно...

Мезецкий

Зачем же начинал?

Зарницкин

Вы знали ль князя?

Мезецкий

Нет.

Зарницкин

А вдовушку?

Мезецкий

Видал;
Да что же общего меж вами есть?

Зарницкин

О, много!
Вы, верно, слышали, что князь
Ее держал немного строго?
Однако ж удалось войти мне с нею в связь.

Мезецкий

С княгиней?

Зарницкин

Да; вот это как случилось:
К собачкам маленьким княгиня пристрастилась,

А я уж был влюблен, так спица ей достал,
Который был так мал,
Что в день ее рожденья
Привез его ей в чашке...

Мезецкий

Суповой?

Зарницкин

Нет, в чайной.

Мезецкий

Быть нельзя!

Зарницкин

Да только пребольшой.
Княгиня вне себя была от восхищенья!
И тут я в первый раз
Увидел из прелестных глаз,
Что ей не столько мил подарок,
Как тот, кто подарил...
И в щеку поцелуй был первый мне задаток
Тех клятв, что после получил.

Мезецкий

Неправда, быть не может.

Зарницкин

Ах! дядюшка, да что вас так тревожит?
И что тут странного?

Мезецкий

Я не люблю клевет.

Зарницкин

На это всякому другому мой ответ
Готов в трехствольном пистолете,
Но кроме дяди моего.
А вам довольно знать, что в целом свете
Нет добродетельней княгини никого.
Она меня любила
(Ах! сердце нам дано на то, чтобы любить!)

Однако ж страсть свою не прежде мне открыла,
Как оставалось ей одну минуту жить.
Да, от любви она была почти в могиле.
Сам Франк ей три часа, не больше, жить давал;
Но, к счастью, я гречанку отыскал,
Которая... дивитесь чудной силе
Ее зеленых порошков...
Не помню, в шесть иль семь часов
Княгиня так от них вдруг сделалась здоровой,
Что на другой же день
Поехала к Адельке за обновой.

Мезецкий

(в сторону)

Какая дребедень!

(Ему)

И воля уж твоя, а это непонятно.

Зарницкин

Не всё, что сбыточно, бывает вероятно.
За правду часто я в лгуны попасть боюсь;
Но в этом случае на целый город шлюсь.
Спросите всех, и все единогласно
Вам подтвердят мои слова.

Мезецкий

Пусть так... всё станется... Что ж дальше?

Зарницкин

Я сперва
Вам, кажется, сказал, как говорить опасно
При ближних и родных.

Мезецкий

Да, этим началось...

Зарницкин

Итак, я в восхищеньи,
В восторгах, в радости между друзей моих,
Не вытерпел, болтнул... и сделал преступленье.
Племянник батюшкин (так с вами не в родстве),
Кого подозревать не думал в болтовстве,

Чью жизнь три раза спас, но кто, к несчастью,
Пылал к княгине тайной страстью,
Мне гнусно изменил
И мужу всё открыл.
Я с ним разделался...

(Вынимая часы)

Вот пуля роковая,
Которая...

(Видя, что пули нет на часах)

Ах! нет,
Она на Нортоне, а это мой Брегет,
Тот самый...

Мезецкий

У тебя привычка предурная
Перебивать себя.

Зарницкин

Простить меня прошу,
Но пулю, в страх другим, я на часах ношу.

Мезецкий

Носи, да что же князь?

Зарницкин

Легко себе представить,
Что он
Ужасно был взбешен:
Хотел княгиню обезглавить,
Да струсил и увез несчастную в Москву.
А я... как я еще живу!
Уж стала вылетать душа моя из тела,
Как слышу, говорят, княгиня овдовела.
От этих слов
Я сделался совсем почти здоров;
Встаю, пишу, курьера отправляю...
И что же получил в ответ?

Мезецкий

Почем я знаю.

Зарницкин

Я вам письмо ее сегодня ж покажу;
Она на траурной бумажке мне писала,
Что лучше умереть, чем быть за мной желала,
И прочее... Тогда я в ярость прихожу:
Решаюсь, ей назло, счастливым быть с другою;
Но было иначе назначено судьбою...
Вчера, на всем скаку,
Вдруг обе оси крак, и лошади взбесились,
По кочкам и по рвам пустились,
Сломили руку ямщику
И бросили меня о камень головою.
Я память потерял...
Не знаю, долго ли лежал,
А как опомнился, то кто ж передо мною?..
Княгиня... да, она... клянуся честью вам.
Против ее ворот разбилася коляска,
И я без чувств упал к ее ногам.

Мезецкий

Ну, брат, всё это сказка.

Зарницкин

На сказку это всё похоже, признаюсь,
Но вы поверите, как я на ней женюсь.

Мезецкий

Ты женишься на ней?

Зарницкин

Вчера мы объяснились,
Поплакали... и помирились...
Что там?

(Глядит в окошко)

А! тетушка подъехала к крыльцу,
Я к ней бегу навстречу... Извините...
И как, сударь, хотите,
А вам придет меня благословлять к венцу.

(Уходит.)

Явление 9

Мезецкий
(один)

Что слышал я?.. Всё вздор, лганье, вранье, горячка;
Но можно ль так бесстыдно лгать?
Да он же и письмо хотел мне показать!..
Однако ж порошок, гречанка и собачка,
Такая гиль... Ах! для чего вчера
Я был на каторге в театре Пустякова?
А нынче, не сказав ни слова,
Куда княгиня вдруг умчалася с утра?
Нет, нет, невероятно!
А что-то есть? Пусть черт его возьмет;
Он сущий негодяй, хоть лжет, хоть и не лжет.

Явление 10

Мезецкий и Дашенька.

Дашенька
(вбегая)

Ах! радуйтесь!

Мезецкий

Чему?

Дашенька

Гостям.

Мезецкий

Вот что приятно!
Мне до гостей. Кого ж нам бог дает?

Дашенька

Кого?
Княгиню Лидину и с барыней в карете.

Мезецкий

Княгиню? Ну, теперь на свете
Невероятного нет больше ничего!
Она мне прожужжала уши,

Что ежели сюда порог перешагнет,
То матушка ее, наверно, проклянет...
А нынче?.. Боже мой! и в них есть души!

Дашенька

Что это?

Мезецкий

Ничего.

Дашенька

Однако?

Мезецкий

Где ж она?

Дашенька

Идет сюда.

Мезецкий

С Зарницкиным?

Дашенька

Одна.

Мезецкий

А он?

Дашенька

Он тетушке попался.

Мезецкий

Как он с княгиней повстречался?

Дашенька

Никак, он барыню с подножки подхватил,
Вскричал, зацеловал и чуть не удушил.
Она сначала испугалась,
Но вдруг узнала, разрыдалась
И, чтобы досыта наслушаться вестей,
В свой кабинет его умчала поскорей;
А вам принять княгиню приказала...
И вот она идет.

Явление 11

Те же и княгиня.

Мезецкий
(в сторону)

И очень весела!

Княгиня

Я удивила вас, не правда ли?

Мезецкий

Нимало.

Княгиня

Так ждали вы меня?

Мезецкий

Почти.

Княгиня

Ах! как я зла!
Как мне обидно,
Что вы узнали мой секрет.
И вам, суда́рь, не стыдно
Так быть догадливым и притворяться?..

Мезецкий

Нет,
Я не терплю притворства
И не хочу никак,
Что чувствую, скрывать из низкого потворства.
Княгиня! я моряк,
И вы, как помнится, мне сами говорили,
Что нрав прямой
И простоту мою любили.

Княгиня

Я и теперь люблю.

Мезецкий

На что ж хитрить со мной?

Княгиня

Вы сердитесь?

Мезецкий

Зачем вы не открылись прямо?
Я, право б, вам назло,
Не захотел настаивать упрямо.

Княгиня

Да мне и в голову, божуся, не пришло,
Что вздумаете вы за это рассердиться;
Я не хотела вам открыться,
Чтоб вас же тем приятней удивить.

Мезецкий

Приятней удивить? О боже!
За что ж еще меня насмешками язвить?

Княгиня

Уж это ни на что, ей-богу, не похоже!
И вы с ума сошли.

Мезецкий

Пускай я сумасшедший,
Но как, сударыня, как сами вы могли
Остатки склонности прошедшей
Скрывать от жениха,
Который мысль одну таить от вас стыдился?
Что ж вышло?.. Ловелас как с неба к нам свалился,
И я... стыжусь сказать!

Дашенька

(в сторону)

Что это за чуха́!

Княгиня

Вам должно кровь пустить.

Мезецкий

Не он ли, из коляски,
Какой-то дьявольской судьбой
Вчера к вам выброшен о камень головой?..
И не сломил ее!..

Княгиня

А! вы, я вижу, сказки
Хотите сказывать? — Позвольте ж сесть...

(Садится.)

Ну, что ж?
Я слушаю.

Мезецкий

Как можно не взбеситься!

Княгиня

Не вам, сударь, — мне надобно сердиться
За ваши выдумки.

Мезецкий

Неужли это ложь?
Скажите.

Дашенька

(в сторону)

Ах, злодей! так точно... понимаю!

Мезецкий

(княгине)

Я спрашиваю вас...

Княгиня

Я вам не отвечаю.

Дашенька

Позвольте мне вмешаться в разговор?

Мезецкий

Княгиня отвечать не хочет,
Так говори хоть ты.

Дашенька

Вам, верно, этот вздор
Сказал наш гость?

Мезецкий

Да, он. — Чему ж она хохочет?

Дашенька
(со смехом)

И вы поверили?

Мезецкий

Еще не знаю сам.
Ее приезд, мой нрав и этот пустомеля
С ума меня свели.

Дашенька

Не стыдно ль верить вам?
Он в лицах первое апреля:
Нет спуска никому, всех залыгает в прах.

Мезецкий

Ты пра́ва, так, он лжет!

Дашенька

И очень много.

Мезецкий

Княгиня!

Княгиня

Что, сударь?

Мезецкий

Я чисто в дураках.

Княгиня

Мне то же кажется.

Мезецкий

Скажите, ради бога!
Зарницкин ездил ли к вам в дом?

Княгиня

Не ездил.

Мезецкий

Нет? Однако ж был знаком?

Княгиня

Эх! никакого я Зарницкина не знала...
Постойте!.. неужли́?.. Ах! я об нем слыхала;
Не он ли выдумал воздушный шар,
В котором подлетал под солнце?
Да там, к несчастию, случился с ним пожар,
Так он, как помнится, упал в Олонце,
Перепугал народ,
И винокуренный... нет, сахарный завод
Зажег, и потушил водою,
Которую в луне иль за луною
Достал из облаков.

Дашенька

Он, он, сударыня! фельдмаршал из лгунов!
Он к нам без лошадей с Валдайских гор скатился
Сегодня поутру.

Княгиня

Так этот ловелас как с неба к нам свалился?

Мезецкий

Ах! сжальтесь надо мной, я от стыда умру.

Княгиня

И вы могли поверить?..

Мезецкий

Я по себе судил.

Княгиня

Да вы б и не должны
На свой аршин другого мерить:
Где вам домериться до солнца и луны,
Куда охотники пускаются от скуки?

Мезецкий

Простите только мне, я сам его залгу.

(Видя, что княгиня смеется)

Нет, право...

Княгиня

Я на вас сердиться не могу;
И, даже не прося Зарницкина в поруки,
Я верю, что вперед
Уж никогда у нас до ссоры не дойдет.

Мезецкий

Конечно,
И я клянусь, что вечно
Причины к ссоре не подам;
Что вас не оскорблю и мыслию обидной,
Что больше, чем себе, я стану верить вам.

Дашенька

(в сторону)

Ах, вдовушки! Вот муж завидный!

Княгиня

Чтоб кончить всё, теперь вам объяснить пора
Причину моего приезда: я вчера
Успела матушке открыть насказы, сплетни,
Чем перессорили сестрицу вашу с ней
Московские разносчицы вестей.
Она узнала всё, и нынче мы к обедни
Поехали нарочно на Арбат,
Чтоб именинницу поздравить, помириться,
Рассказчиц побранить, о свадьбе согласиться,
И всё нам удалось.

Мезецкий

Неужли? Как я рад!

Княгиня

И потому, что вас обрадовать хотели,
С сестрицей вашей мы в мою карету сели,
Велели гнать сюда как можно поскорей,
Но, признаюсь, длинней
Мне никогда еще дорога не казалась,
И в нетерпеньи я тем только утешалась,
Что мне удастся вас приятно удивить,
И что ж?..

Мезецкий

Я виноват, и вы меня простите,
Не правда ль?

Княгиня

Да, я рада вас простить,
Но ловеласа мне сегодня ж покажите.

Мезецкий

Ах! он племянник мой!.. И точно потому
Урок порядочный мне должно дать ему.
Сегодня ж я его так явно лгать заставлю,
Что даже и сестра поверит, что он лгун.
Смеялся надо мной шалун,
Так я его лганьем вас нынче ж позабавлю
И проучу его.

Явление 12

Те же и Митяй.

Митяй

(вбегая)

Прочь, прочь, штафет катит.

(Подает письмо Мезецкому.)

Мезецкий

Ко мне? Да от кого?

Митяй

А вот как прочитаешь,
То сам, мон шер, узнаешь.

Мезецкий

Ба! это, кажется, Онегина рука!

(Читает.)

Дашенька

(Митяю)

Ну, что там барыня?

Митяй

Рассыпалась в расспросах;
А наш мон шер невё так льется, как река,
И подпускает ей турусы на колесах.

Мезецкий

(читая)

Ложь наглая!

Княгиня

Ну вот, счастливый день на ложь;
Как! И в письме лганье?.. Да чье же?

Мезецкий

Всё его ж.

Дашенька

Уж не еще ль на ком он женится?

Мезецкий

Нет, хуже,
Он тетушку свою заочно уморил.
Онегин, друг ее и родственник по муже,
Чтоб в том увериться, нарочно поспешил
За ним вдогонку
Прислать ко мне об этом эстафет.

Митяй

Покойница идет.

Явление 13

Те же и Хандрина.

Хандрина

Княгинюшка, мой свет!
Прости, что я ушла; ах! мне хотелось гонку
Племяннику задать путем
При первой встрече.
Да он мне насказал, бог с ним, такие речи
И так разжалобил, что я сама об нем
Наплакалась довольно.

Недаром у меня чесался правый глаз
И переносица. Ах! братец, слушать больно,
Как перескажет он, что́ в зиму от зараз
У них перевелось народу;
О ком ты ни спроси,
Как канул в воду.
Из старых всех друзей остался на Руси
Один Семен Фомич, и тот чуть жив с чахотки,
И Ольги Глебовны не стало о Святой,
А с нею мы погодки;
Так, видно, мне туда ж, и очередь за мной;
Я ж нынче встретила куда дурную встречу,
Да и приметы все мне что-то не к добру.

Мезецкий

Не стыдно ль думать...

Хандрина

Да у вас я вечно вру;
А всё, что ни замечу,
То вечно сбудется; ты это вспомяни,
Когда меня не станет.

Княгиня

Не верьте ничему...

Хандрина

Нет, встреча не обманет.
Да, правда, искони
Приметы русские не проходили даром;
Вот перед Знаменским пожаром
К покойной тетушке сова влетела в дом;
И в семьдесят втором году, перед чумою,
Наседка в Кудрине запела петухом;
А испытала я уж это над сестрою,
Что ежели о ком пройдет пустая речь,
Тому наверно в землю лечь.
Хоть про Онегина, ты помнишь, нам сказали,
Что будто бы его в полон
Под Кульмом взяли.

Мезецкий

Что ж? вышел ложный слух; но, слава богу, он...

Хандрина

Он умер.

Княгиня

Слышите ль? а пишет вам другое!

Мезецкий

И вот его письмо.

Хандрина

Пустое.
Тринадцатый сидел он, точно, за столом
С племянником, как вдруг... Нет, пусть он сам
доскажет.

Мезецкий

Да он покойника, пожалуй, вам покажет.

Хандрина

И! полно, бог с тобой; и как вам этот вздор
Приходит в голову?..

Митяй

Не верь ему, ма сёр;
То ль дело наш невё: уж тот, что слово скажет,
То пур тужур обяжет.
Он давеча мне посулил в презан
На праздничный кафтан
Заморского сукна не толще паутины.

Хандрина

А мне на именины
Каких диковинок, мой милый, не навез!

Мезецкий

О! верно, целый воз!

Хандрина

Уж ты тотчас и воз! а много есть такого,
Что удивит вас всех.

Княгиня

Да что же, например?

Хандрина

Во-первых, те часы, которые Волтер
В подарок получил от Фридриха Второго;
Они в четвертачок, а сколько в них затей!
Играют: зори, сбор и слишком сто маршéй;
Он для меня достал их прямо из Женевы.
Еще же перстенек с курантами, с руки
Французской королевы;
И папы Римского зеленые очки,
Да не очки, а чудо!
Поверишь ли? Наместо стекол в них
Два плоских изумруда,
И он для именин моих,
Голубчик мой, хоть зная, хоть не зная,
А уж попал как тут;
Я родилась седьмого мая,
А майский камень — изумруд.

Мезецкий

Я поздравляю вас с такими чудесами;
Да видели ль вы их?

Хандрина

О! нет еще; а сколько штук других
Тотчас увидите вы сами:
Он побежал за ними вниз.

Мезецкий

Сказали ль вы ему, что я женюсь?

Хандрина

Забыла!
Да, правда, некогда мне с ним и вспомнить было,
Заслушалась.

Мезецкий

Ему мы сделаем сюрприз;
Но вы о всем молчать до время согласитесь.

Хандрина

Изволь; сюрпризы я без памяти люблю.
Да удивишь ли ты?

Мезецкий

А так-то удивлю,
Что даже сами вы с ним вместе удивитесь.
Княгиня, выйти вам не худо бы...

Княгиня

Зачем?
Мы не знакомы с ним.

Мезецкий

Однако ж он вас встретил,
Как вы приехали.

Хандрина

Он чуть ее заметил,
И кто она, не спрашивал совсем.

Княгиня

Лишь только вы меня при нем не называйте,
Так отчего же вдруг ему узнать, кто я?

Хандрина

Конечно так; уж я не назову тебя...
Вот он с подарками...

Явление 14

Те же и Зарницкин.

Зарницкин

(с отчаянным видом)

Ах! боже мой! узнайте...
Что всё... Нет сил договорить!
Так, тетушка, вы правы,
Что над приметами не надобно шутить:
Под Петербургом, от заставы
Не больше ста шагов,
Мне заяц три разá перебежал дорогу.

Хандрина

Ох! это не к добру! Однако ж, слава богу,
Ты, кажется, господь с тобой, здоров.

З а р н и ц к и н

Ах! лучше б умер я!

Х а н д р и н а

Что ж сделалось?

З а р н и ц к и н

Пропажа.

Х а н д р и н а

Как! что пропало?

З а р н и ц к и н

Всё!

Х а н д р и н а

Как всё?

З а р н и ц к и н

Да, всё дотла.

К н я г и н я
(в сторону)

Ну так, я этого ждала.

Х а н д р и н а

Ах, батюшки мои! в дому моем покража!

(Дашеньке)

Беги, спроси, узнай,
Пошли за сотскими, весь дом в допрос отдай.

Д а ш е н ь к а
(Зарницкину)

Бежать ли мне?

З а р н и ц к и н

Ах! нет, — меня не обокрали,
Дороги мерзкие коляску изломали,
Разбили сундуки, сорвали чемодан,
И из всего, что вез, я не довез ни крошки.

Митяй
(Дашеньке)
Адье, мон шер кафтан.

Дашенька
Прощай жемчужные сережки.

Хандрина
(Мезецкому)
Вот встречи каковы!

Мезецкий
Хоть папские очки
Не уцелели ль?

Зарницкин
Нет, разбилися в куски,
Как я упал...

Мезецкий
О камень головою.

Зарницкин
Так точно, и на вас я, дядюшка, пошлюсь;
Вы знаете, что сделалось со мною.

Мезецкий
Да, я, пожалуй, побожусь,
Что слышал от тебя...

Зарницкин
(тетке)
Что ж этого вернее?
И дядюшка не будет, верно, лгать.

Хандрина
Да что за радость вам как бешеным скакать?

Зарницкин
А радость та, чтоб с вами быть скорее.
Ах! как досадно мне,
Что удовольствия я вам не мог доставить

Для ваших именин, — ведь к счастью ж дежёне
На долгих выдумал дворецкий мой отправить,
Люблю его за то, что осторожен он.

Хандрина

Какое дежёне?

Зарницкин

На семьдесят персон
Фарфора щегольского,
С гербами вашими; а цветом... коклико.

Мезецкий

Фарфора всякого и здесь найти легко.

Зарницкин

Легко, да не такого;
Фарфор фарфору рознь, а этот — эластик,
То есть он гнется как хотите,
Салфеткою его сложите
И всуньте в стол — лежит; ударьте об пол — прыг,
И отскакнет как мячик.
А так легóк, что мой сервиз большой,
Вот эдакий, не больше, мальчик,
Куда угодно вам, снесет одной рукой.

Хандрина

На что, подумаешь, народ не умудрится!

Мезецкий

Да, подлинно недаром говорят,
Что дело мастера боится.

Хандрина

Да что ж не сядем мы?

Зарницкин

(бежав взять стул, встречается с княгинею)

Ах! как я виноват!

Хандрина

Ну, что? Еще беда!

Зарницкин

Кого я не приметил!
(Княгине)

Простите...

Мезецкий

Да ее ты разве знаешь?

Зарницкин

Нет,
Я чести не имел видать... однако ж встретил,
Сударыня, в Париже ваш портрет.

Княгиня

Быть может; только я в Париже не бывала,
И не писал никто портрета моего.

Зарницкин

Природа сделала его;
Но признаюсь, что он лишь тень оригинала.
Угодно ли вам знать?..

Хандрина

Да сядемте сперва.

Митяй подвигает стулья.

Зарницкин
(разглядывая княгиню)

Так точно: та же голова!..
Глаза небесные... улыбка... вид прелестный!
Какое сходство!

Княгиня

С кем?

Зарницкин

С красавицей известной,
С прелестной Рекамье. Два брата близнеца
Не могут быть так сходны меж собою!

Мезецкий

Уж это лишнее, и в Любеке со мною,
Я помню, встретились два гданские купца,
Которые так были схожи,
Что их отец и мать не различали вдруг.

Зарницкин

Да этаких не двух,
А сотни я видал. — И диво ли, что рожи
Обыкновенные... Так, например, на нем

(указывая на Митяя)

Одна в другую родилися;
Но чтоб две женщины прелестные нашлися
Похожие между собой во всем,
Так это верно без примера,
И с кем угодно я ударюсь... Виноват,
Я точно б проиграл заклад;
Так, есть три грации: Любовь, Надежда, Вера,
Им дали эти имена
Затем, что Софьей мать красавиц называлась;
Их в полдень родила, а в пять часов скончалась,
А дочери живут; и ежели одна
Чуть сделалась больна,
То и сестры́ ее в минуту занемогут;
А сходны так, что сами узнавать
Они себя не могут.

Княгиня

Так кто ж их узнает?

Зарницкин

А для того их мать,
Чтоб в дочерях самой не ошибаться,
Велит трем грациям различно одеваться.

Митяй

Так, ву заве резон, да мать-то умерла.

Зарницкин

Как?

Хандрина

Ты же говорил.

Зарницкин

Да это мать родная,
А крестная сто двадцать лет жила.

Хандрина

Ты так бы и сказал.

Мезецкий

Ну та или другая,
Лишь только б мать была, а впрочем, всё равно.

Княгиня

Конечно; только мне всё что-то мудрено,
Как эти грации себя не узнавали.

Мезецкий

Что ж тут мудреного? И, верно, вы слыхали,
Что говорят: я сам себя не узнаю.

Княгиня

Вы правы, точно так.

Дашенька
(тихо Митяю)

Как он лгуна заводит!

Зарницкин

Так, дядюшка, и я от вас не потаю,
Что часто на меня такая дурь находит,
Что я во все глаза гляжу,
Всё слышу — ничего никак не понимаю;
Где я, с кем я — не знаю;
Ищу себя — не нахожу.

Митяй

Да и со мной, мон шер, ком си ком са бывало,
Как через край хвачу.

Хандрина

Молчи, дурак, тебе мешаться не пристало
В господские дела.

Митяй

Тре бьен, ма сёр, молчу.

Мезецкий

Есть что-то и во мне на дурь твою похоже.
Да я с тех пор забывчив стал,
Как раненый три дня без чувства пролежал.

Зарницкин
(с насмешкой)

Три дня! хотя от ран со мной случилось то же,
Однако ж я без чувств не пролежал трех дней.

Мезецкий

Я рад, что ты очнулся поскорей;
Да как ты ранен был?

Зарницкин

Неслыханным манером!
Картеча самая большая, напролет,
Как я командовал, шмыгнула мне сквозь рот.

Хандрина

А разве ты служил?

Зарницкин

Служил, да волонтером.
Ах! жизнь свободная всего дороже мне!
Я воин на войне,
Придворный у двора, поэт между друзьями,
Стреляю в миленьких стихами
И пулями в отечества врагов.

Княгиня

И успеваете во всем?

Зарницкин

O! много чести!
Однако ж скажут вам друзья мои без лести,
Что прозван я душой приятнейших домов.

Княгиня

Я верю вам одним.

Зарницкин

Хоть много я скитался,
Бывал и в хижинах, живал и при дворах,
Никто нигде со мной без слез не расставался.

Хандрина

Что тут мудреного!

Зарницкин

Еще на этих днях
Я письма получил, мне из Лозанны пишут,
Что в память дня отъезда моего
Там траур наложен для города всего.
Швейцары в вольности одним весельем дышат,
А я охотник был повеселиться сам, —
Так трудно ль было их любить себя заставить.

(Тетке)

И знаете ли, там
Чем удалося мне навек себя прославить?

Хандрина

Не знаю.

Зарницкин

Сущею безделкой, но для них
То важно, что для нас не стоит замечанья,
На русский наш манер я там завел катанья,
И на одной горе, всех выше гор других,
От самой высоты велел прорыть лощину,
Угладил, прикатал, сровнял — и в тот же миг
Сам первый на салазках шмыг,
И с форсу пролетел двенадцать верст долину.

Дашенька
(Митяю)

Каков?

Хандрина

Ах! страх какой! и как ты это мог?..

Зарницкин

Да на Неве у нас гораздо больше страха:
Тут и гляди того, что в пролубь бух с размаха;
А там всё сушь да гладь... Однако ж я промок,
Когда сквозь облачко — хоть, впрочем, небольшое —
Пришлось катиться мне.

Хандрина

Что, батюшка, такое?
Ты в облачке измок? Не верю.

Мезецкий

Почему?
Ведь вы поверили ж прыгучему фарфору,
А это может быть; вот трудно бы ему
Вкатиться было в гору,
А под гору пустяк. Да у меня матрос
Почище выдумал забаву:
Бывало, за словом, на славу,
Что силы есть вбежит на корабельный нос,
Да на другой корабль, с полмили расстояньем,
Как раз перемахнет.

Княгиня
(Даше)

Каков скачок?

Дашенька

Да так и мастер не солжет.

Зарницкин

Такой скачок, сударь, не грех назвать летаньем.

Мезецкий

Пожалуй, назови.

Зарницкин

Я много раз видал
Фурьеза и Дранше, и даже сам скакал
Через забор, сажени в три и выше,
Но на полмили? — Нет.

Мезецкий

Да это ничего,
Такую ль прыть еще я видел от него!
Нас ветер бил всю ночь, и к утру стало тише;
Однако ж катера я всё спустить не смел,
Хоть видел вдалеке и берег и строенья,
И где мы были знать хотел;
Как вдруг он просит позволенья
На берег по́ ветру прыгнуть;
Я не успел ему промолвить «добрый путь»,
Как он...

Зарницкин

Прыгну́л, злодей!

Мезецкий

Тут нечему б дивиться,
А то как с ма́рселя он бросился швырком,
То вспомнил вдруг о том,
Что позабыл платок.

Зарницкин

И вздумал воротиться?

Мезецкий

Не вздумал, а вернул, и стал передо мной...

Зарницкин

Как лист перед травой.

Мезецкий

Ты угадал.

Хандрина

Эх, братец!

Мезецкий

Что, сестрица?

Хандрина

Хоть ты сердись, хоть нет, а это небылица,
И над тобою все смеются.

Мезецкий

Неужли?

(Зарницкину)

Так я солгал?

Зарницкин

О! нет! солгать вы не могли...
Однако...

Мезецкий

Что?

Зарницкин

Такое чудо
Увидеть надобно, чтоб верить...

Мезецкий

Это худо,
Что ты завидлив.

Зарницкин

В чем?

Мезецкий

Ты много лгал,
Я всё тебе спускал,
А мне солгать и разу не дозволишь.

Зарницкин

Кто? я, сударь, я лгу?

Мезецкий

Да, братец, лгать изволишь.

(Показывая на княгиню)

Что не знакомы вы, в том не запрешься ль?

Зарницкин

Нет.

Мезецкий

То как же, брат, ты сй принес собачку в чашке?
Любил, пленял, писал и получил ответ
На траурной бумажке?
И наконец, с моей невестою к венцу
Себя благословлять хотел меня ж заставить.

Зарницкин

С невестой вашей?

Мезецкий

Да.

Зарницкин

Имею честь поздравить!
И признаюсь... я глуп. — По этому лицу,
По этой ловкости как не узнать мне было
Княгини Лидиной? — Ну, дядюшка, как мило
Вы мне изволили за шутку отплатить!

Мезецкий

За шутку?

Зарницкин

Так, сударь, и я двумя словами
Всё объясню.

Хандрина

Прошу покорно объяснить,
А то я слушаю обоими ушами,
А право, не пойму ни слова.

Зарницкин

Дело в том,
Что дядюшка о счастии своем,
Как должно бы родному дяде,
Не только мне не написал,
Но, встретяся со мной, ни слова не сказал;
А я уж знал о всем; тогда, в моей досаде,
Мне вздумалось отмстить и побесить его;
И точно оттого
Я лгать ему нескладицу пустился;

Но дядюшка так хитро притворился,
Как будто верит мне, что я ж, и без вины,
По милости его, попался во лгуны.

Хандрина
(Мезецкому)

А что ты думаешь, ведь, право, статься может,
И долго ль даром поклепать?

Мезецкий
(Зарницкину)

Ты выдумал остро, да это не поможет.

(Хандриной)

Онегина руки не можно вам не знать,
Он часто к вам писал?

Хандрина

Да, писывал, бывало,
Голубчик мой, о всем, да и его не стало!

Мезецкий

Кто умер и кто жив, узнаем мы тотчас;
Ну, вот его ль рука?

Хандрина

Его; да что ж он пишет?
И как?..

Мезецкий

Я вслух прочту, пускай племянник слышит.

(Читает)

«Племянник ваш Зарницкин очень огорчил меня, и я, хотя уже давно ему не верю, но боюсь, не случилось ли ему сказать в первый раз правду...»

Зарницкин

Как! правду мне сказать случилось в первый раз?..

Мезецкий

Так тут написано, прочти.

Зарницкин

За эту наглость
Я с ним тотчас сочтусь.

Мезецкий

И! что тебе за радость
Считаться с мертвецом?

Зарницкин

Как с мертвецом?

Мезецкий

Ведь ты ж сказал, что за столом
Он был тринадцатый, и вдруг...

Хандрина

Ах! ради бога,
Не договаривай, я этих слов боюсь.

Мезецкий

Однако ж он сказал...

Зарницкин

Сказал, и в том клянусь,
Что умер, да не он; Онегиных есть много,
И тот, с которым вдруг...

Хандрина

Молчи, не повторяй.
Ну, братец, поскорей письмо свое читай.

Мезецкий
(читает)

«Вот в чем дело: племянник ваш надел траур, уверил кредиторов своих, что он сделан единственным наследником сестрицы вашей Марфы Романовны, которая, по словам его, скоропостижно умерла».

Хандрина

Я умерла? — Злодей! зарезал, — умираю!

(Упадает на стул.)

Митяй

Ну, вот тебе бон жур!

Княгиня

Ах, чем бы ей помочь?

Дашенька
(Зарницкину)

Не с вами ль о-дез-альп?

Зарницкин

Нет.

Хандрина

Свет из глаз теряю.

Зарницкин

Ах! тетушка, и вы могли поверить...

Хандрина

Прочь,
Прочь, змей! Как твой язык проклятый повернулся
Сказать, что я... С двора тотчас долой!

Зарницкин

Поверьте, тетушка, Онегин обманулся.

Хандрина

Не верю.

Зарницкин

Я сказал...

Хандрина

Не верю.

Зарницкин

Боже мой!
Поверьте хоть тому, что мне грозят тюрьмою.

Хандрина

Не верю, ты всё лжешь.

Зарницкин
(бросаясь на колени)

Ах! сжальтесь надо мною!
И вспомните, что я племянник ваш родной.

Хандрина

Не верю, слышишь ли? Не верю и не верю,
И верить не хочу!

(Уходит с Дашею.)

Явление 15

Княгиня, Мезецкий, Зарницкин и Митяй.

Зарницкин
(с горестью)

Не верит ничему!

Мезецкий

Как быть? кто раз солжет, не верят ввек тому,
И имя доброго потерю,
Ты знаешь ли, как трудно возвратить?

Зарницкин

Всё знаю, чувствую; но неужли простить
И вы, как тетушка, меня не согласитесь?

Мезецкий

Я не терплю лганья,
А ты своим лганьем заставил лгать меня.
Прощай.

Зарницкин

Вы за меня, княгиня, заступитесь,
Простите мне мое пустое болтовство.

Княгиня

Вступая к вам в родство,
Душевно я хочу вас видеть всех согласных.

Зарницкин

Так, красота всегда защитница несчастных,
А я несчастней всех.

Княгиня

Ах! если я могу,
То рада сделать всё.

Мезецкий

Ну, я с тобой мирюся
До первой только лжи.

Зарницкин

Я верно не солгу,
И честью в том клянуся.

Мезецкий

Когда ж хоть раз солжешь, то должен тот же час
В коляску сесть, скакать и не казать нам глаз.

Зарницкин

Согласен я на всё.

Мезецкий

Что сказано, то свято,
И всякая вина меж нами виновата.

Зарницкин

Княгиня за меня поручится.

Княгиня

Нет, я
Ручаюсь только за себя.

Зарницкин

Умно и осторожно,
Я сам однажды...

Мезецкий

Что?

Зарницкин

Нет, право, ничего;
Но мне у тетушки просить прощенья должно.

Княгиня

(Мезецкому)

Пойдемте мы просить прощенья за него.

Мезецкий

И выпросим тотчас.

Явление последнее

Зарницкин и Митяй (который гадает пальцами).

Зарницкин

Всё кончилось счастливо!
Нет, я уж чересчур воображаю живо,
А с лишней живостью недалеко до бед.

(Увидя Митяя)

Ба! ты что делаешь?

Митяй

А вот, мон шер, гадаю,
Уедешь ты иль нет?

Зарницкин

Да я и без гаданья знаю,
Что буду с вами жить, лишь ты мне удружи.

Митяй

Туцвит, мон анж, готов, что хочешь прикажи.

Зарницкин

Я вижу, что дурак ты только по кафтану,
А впрочем, здесь ты, право, всех умней,
Так знаешь, тетушке моей
Толкуй мне в пользу всё, что делать я ни стану.
Мне нужно здесь побыть пока недельки две,
Чтоб отдохнуть от дел и между тем дождаться,
Как корабли мои в Одессу возвратятся;

А там явлюся в свет, и ахнут все в Москве.
Тебе ж за тетушкину ласку
Кулями золота, мой милый, заплачу.
Куда же ты?

Митяй

Пойду похлопочу,
Чтоб смазали, мон шер, скорей твою коляску.

Зарницкин

Вот с этими людьми вмиг будешь виноват,
И правду говоришь, а верить не хотят.

1818

КАКАДУ, ИЛИ СЛЕДСТВИЕ УРОКА КОКЕТКАМ

Комедия в одном действии, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Графиня Лелева.
Княжна Холмская.
Граф Ольгин.
Саша.
Слуга.

Действие происходит в Петербурге, в доме графини Лелевой. Театр представляет комнату; на одной стороне камин с зеркалом, на другой — дверь в кабинет. На театре маленький столик, другие столы с бронзами, несколько кресел.

Явление 1

Графиня, потом Саша.

Графиня

(переставая читать)

Чудесный слог!..

(Звонит.)

Узнай, готова ли карета,
И Сашу позови... Ах! шум большого света,
И сплетни вечные, и злые языки
Так надоели мне, что я от них бежала.
Уединение мне нравилось сначала,
Но целый год... нет сил, и я умру с тоски!

Саша

(входя)

Графиня!

Графиня

Это что?

Саша

От тетушки записка.

Графиня

Подай!

(В сторону)

Уж, верно, вздор... Как ей писать не лень!

(Читает)

«Я целый Петербург для взбалмошного иска

Обрыскала вчера, промучилась весь день
И не видалася с тобою; но, наверно,
Я заверну к тебе сегодня вечерком».
Ах! прикажи сказать, что я сама чрезмерно
Жалею, что вчера... Нет, лучше напишу.

Саша

(в сторону)

Ей скука смертная; я, может быть, грешу,
А право кажется, что будто как магнитом
Кокетство прежнее графиню тянет в свет.

Графиня

А где печать?.. Вот здесь... Что это за билет?

(Читает)

«Граф Ольгин».

Саша

Он вчера заехал к вам с визитом.

Графиня

Мне уши прожужжал о нем старик аббат:
Твердит, что он теперь совсем остепенился
И с извинением ко мне сто раз просился.

Саша

Так что ж?

Графиня

Мне всё равно б, да тетушка и брат
За шутки прежние так на него сердиты,
Что мне к себе никак принять его нельзя,
И наотрез ему сказать велела я,
Чтоб отложить свои изволил он визиты.

Саша

А вы не сердитесь?

Графиня

Кто, я? Ах! с той поры,
Как научилася я жить в миру с собою,
Прощаю всё и всем.

Саша

Как нынче вы добры!
Я это чувствую: вы, сжалясь надо мною,
Тотчас изволили забыть мои вины.

Графиня

Одно добро, мой друг, мы помнить ввек должны.

Саша

И благодарна я...

Графиня

За что?.. большое чудо,
Что комнатку тебе я здесь дала, покуда
Ты мужу своему местечка не найдешь.
Приятно мне, что ты в дому моем живешь!
Пусть души низкие досад не забывают.

Саша

Да все ли так, как вы, графиня, рассуждают?

Графиня

Ах, милая! не все... Да и не все зато
Так счастливы, как я. Нет, я не променяюсь
Моею жизнию ни с кем и ни за что;
Я в уголку моем блаженством наслаждаюсь.

Слуга
(входит)

Карета подана.

Графиня

Ах! бедный наш больной
Опасен; я к нему заеду на минутку.
Сыщи мне что-нибудь.

(Дает знак, чтоб она подала что-нибудь надеть.)

Саша
(отходя)

Она уж не на шутку
Остепенилася.

Графиня
(подходя к зеркалу)

Что сделалось со мной?
Как похудела я!.. Глаза мои опали!
Немудрено! совсем иссохну от печали,
От скуки...

Саша
(внося шаль или пелерин)

Это ли?

Графиня
(с досадой)

Ах нет!.. Но всё равно;
Благодарю!.. Прощай!

(Уходя, взглядывает в зеркало, и вздыхая.)

Несносно!

Явление 2

Саша
(одна)

Всё загадка;
С другою правду я узнала бы давно,
А с этой — нет как нет; она как лихорадка,
То кинет в жар меня, то мигом ознобит;
Ну вот уж, кажется, совсем ее поймаю,
Хоть присягнуть... ан нет, она заговорит —
И я растаю вся... Иль вечно не узнаю,
По видам ли каким, иль прямо от души
Кокетка отреклась от света и кокетства.
Да неужли́ никак найти не можно средства...
Эх! из чего я бьюсь?.. Что мне за барыши,
Хоть и узнаю всё?.. Так, прибыли в том мало,
Хитри иль не хитри, что нужды мне, бог с ней!
Да та беда, что тут за спором дело стало,
И как-то совестно, проживши двадцать дней,
Не знать, с кем я живу... И это даже значит,
Что и меня она, как тетушку, дурачит.

Ан нет же, я тебя опять перехитрю,
И отучу вперед со мною лицемерить.
Уж надоело мне и верить и не верить.
Вот с книгой всё она, а как ни посмотрю,
Не подвигается вперед ее закладка.
Хотя с природы я на чтение не падка,
А столько, кажется, могла бы в час прочесть.

(Берет книгу.)

Названье славное!.. А что-то дале есть?

(Читает.)

Нравоучительно!.. Нет, это уж неясно...
Ах! скука... клонит сон... темно... рябит в глазах.

(Засыпает.)

Явление 3

Граф Ольгин и Саша.

Ольгин
(слуге)

Графини дома нет... Так я увижусь с Сашей.
Вот, кажется, она... Ба! спит, и с книгой.

Саша
(роняя книгу)

Ах!

(С удивлением)

Граф Ольгин!

Ольгин

Да! Он здесь.

Саша

Но как?

Ольгин

С графиней вашей
Мне нужда видеться.

Саша

Вам нужда?

Ольгин

Где ж она?

Саша

Уехала.

Ольгин

Давно ль?

Саша

Сейчас.

Ольгин

Куда?

Саша

К больному.

Ольгин

Так я дождусь ее: мне ездить по-пустому
Наскучило.

Саша

(в сторону)

Ах! с ним смиренница должна
Открыть себя.

Ольгин

Ну что, как время здесь проходит?

Саша

Смирнехонько, суда́рь; про нас и не слыхать.

Ольгин

Нет, в удивление графиня всех приводит;
Все говорят об ней.

Саша

А что, нельзя ль узнать?

Ольгин

Все хвалят жизнь ее и ум.

Саша

Неужли?

Ольгин

Право,
И мне наскучило век целый жить в чаду;
Зато совсем теперь другую жизнь веду.

Саша

Давно ль?

Ольгин

Как обо всем судить я начал здраво.

Саша

А вы уж начали?

Ольгин

Нет, Саша, не шутя,
Ты не поверишь, как переменился я;
И жизнь мою провесть готов с графиней вместе.
А ты, скажи, давно ль переселилась к ней?

Саша

Недавно, и всего вряд если двадцать дней.

Ольгин

Да, что-то о тебе, как о своей невесте,
Семен мне говорил.

Саша

И что-то обо мне,
Как о жене своей, сказать он может?

Ольгин

Что же?
Не то ль, что в жены он попал к своей жене?

Саша

Уж это, граф, совсем на старое похоже.

Ольгин

Привычка. — Как же ты оставила княжну
И очутилась здесь?

Саша

Ваш братец после свадьбы
Поехал осмотреть приданые усадьбы;
Потом и в армию увез с собой жену.
А бедный мой Семен, как Липецкие воды —
Не иностранные и вывелись из моды,
В накладе стал от бань наместо барыша,
То в Петербурге я ищу ему местечка;
И если б за него замолвить два словечка
Угодно было вам...

Ольгин

Изволь, моя душа,
Я постараюся. — Скажи ж, чего он хочет?
Где поместить его?

Саша

Да где поприбыльне́й:
О чине, признаюсь, не очень он хлопочет.
Графиня же, забыв о грубости моей,
Дала мне здесь приют.

Ольгин

То есть взяла в служанки.

Саша

Мой муж с официей.

Ольгин

Прошу меня простить,
Я виноват, забыл, что вы почти дворянки.
Так здесь в мамзелях вы?

Саша

Охота вам шутить.

Ольгин

Напротив, я хочу в мадамы вас представить
И к тетушке в Зарайск с провизией отправить.

Саша

Я вижу, вы, сударь, такой же всё...

Ольгин

Пустой?

Саша

О нет! а только вы по-прежнему любезны.

Ольгин

Любезен! всё прошло, и нынче век другой,
Любезных больше нет: все быть хотят полезны,
Мужчины, женщины, и даже кто? сама
Графиня Лелева ударилась в смиренье!
Как верно разочла! Ах! сколько в ней ума!..
Но не наскучило ль уж ей уединенье?

Саша

О нет!

Ольгин

И дома всё проводит время?

Саша

Да.
Она почти теперь не ездит никуда;
Всё с книгою в руках.

Ольгин

(поднимая книгу, что Саша уронила)

И так, как ты, читает.

Саша

Вам дело говорить никак, сударь, нельзя.

Ольгин

Эх, продолжай.

Саша

Она уж больше не мотает,
Расходам счет ведет.

Ольгин

Ну точно так, как я.

Саша

От скуки рассуждать со мной изволит.

Ольгин

Стало,
Вам скучно?..

Саша

Как-то ей, а мне забавы мало.
В тоске, что мужу здесь местечка не найду,
Развеселял меня бедняжка какаду,
И тот два дня молчал, а нынче в ночь скончался.
Да за бедой беда: наш доктор мне признался,
Что и старик Сюкре за ним же вслед пойдет.

Ольгин

Что это за Сюкре?

Саша

Не то что управитель,
А как бы вам сказать учтивей...

Ольгин

Попечитель?

Саша

Ах нет! из дружбы он графинин дом ведет
И начал уж платить долги ее.

Ольгин

Ну тоже
И я хочу начать.

Саша

Начните ж поскорей.

Ольгин

Да, с осени начну. А кто же ездит к ней?

Саша

Аббаты старички; а тех, кто помоложе,
Хоть иностранный будь, не примет ни за что,
Так вас...

Ольгин

Да я уж здесь.

Саша

Достанется за то
Швейцару.

Ольгин

Неужли бранить графиня станет?

Саша

Слегка, а если вас здесь тетушка застанет...

Ольгин

Какая тетушка?

Саша

Да старая княжна.

Ольгин

Из Липецка... И здесь явилася она?
Зачем?

Саша

За тяжбою.

Ольгин

Так, скоро не уедет;
И, стало, уж она с графинею в миру?

Саша

А так-то, что она одной графиней бредит.
Хотела нынче к ней заехать ввечеру,
И любит без ума.

Ольгин

В последнем я уверен,
Второе ж очень мне досадно.

Саша

Отчего?

Ольгин

Я вечер провести с графиней был намерен,
Но эта тетушка несноснее всего!
Обиняки ее! так глупы, стары, скучны.
Я от нее уйду, и мой пропал визит.
Да неужли они с графиней неразлучны?

Саша

Графиня часто здесь одна весь день сидит.

Ольгин

За зеркалом?

Саша

О нет.

Ольгин

И вовсе не глядится?

Саша

Почти что никогда, а если и случится
Так, без намеренья, ей в зеркало взглянуть,
Потупит вдруг глаза, изволит так вздохнуть,
Что жалко!..

Ольгин

Так она, бедняжка, подурнела?

Саша

Нет, лучше прежнего.

Ольгин

Ну, вижу я теперь,
Что ей рассеянность не в шутку надоела.

Саша

Да столько ж, как и вам.

Ольгин

Ах, милая! поверь,
Что образумился я нынче совершенно;
И видеться хочу с графиней непременно...

Саша

Чтоб осмеять ее, не так ли?

Ольгин

Напротив,
Чтоб с нею рассуждать.

Слышен звонок два раза.

Саша

Графиня воротилась.

Явление 4

Графиня и прежние.

Графиня
(в сторону)

Граф Ольгин здесь!.. зачем?

Ольгин

Я был нетерпелив,
Графиня, видеть вас.

Графиня

Я очень удивилась,
Когда услышала, что граф мне сделал честь
Пожаловать ко мне, и без меня...

Ольгин

Нетрудно
Мне было отгадать, как вам должно быть чудно,
Что я осмелился...

Графиня

Я вас просила б сесть,
Но так замешкалась у бедного больного,
Что с письмами еще на почту не готова,
А должно мне писать сегодня же в Москву.

Ольгин

Да почта уж ушла.

Графиня

Давно ли?

Ольгин

Больше суток.

Графиня

Вы шутите, сударь...

Ольгин

Ушла, без всяких шуток.

Графиня

Так знайте же...

Ольгин

Я вас, графиня, перерву,
Чтоб не услышать то, чего я слишком стою;
Но если вас моим визитом беспокою,
То в этом вы должны винить себя одну.

Графиня

Себя, сударь?..

Ольгин

Себя, поверьте...

Графиня

Я вам верю,
Хотя не знаю, чем попалася в вину.

Ольгин

Графиня! свет и я в вас сделали потерю,
Которую ничем не можем заменить.

Графиня

Ах, граф! помилуйте, не станем говорить
О том, что я забыть стараюсь всею силой.

Ольгин

Но не забудет свет, как вы, прелестной, милой
Везде являяся, всё за собой влекли
И обожать себя умели всех заставить.

Все в удивлении еще, как вы могли
Друзей и общество без жалости оставить.

Графиня

Для света я жила, жить время для себя.

Ольгин

Так! ваши правила, графиня, понял я,
И им, поверьте мне, душевно подражаю.

Графиня

Немудрено понять: я разве их скрываю?..
Пусть знают все, что мне наскучил свет большой,
Что счастья, радости хочу искать душой,
А общество для душ ужасная пустыня.

Ольгин

Вы рассуждаете божественно, графиня!..
Пустыня, что за мысль!.. сама мадам де Сталь
Не выразила б так... Мне общества не жаль,
Так! поделом ему; оно не стоит чести,
Чтоб украшали вы...

Графиня

Я ненавижу лести...

Саша

(в сторону)

Он здесь останется.

Ольгин

О нет! я вам клянусь,
Что ваша красота...

Графиня

Я, право, рассержусь.

(Дает ему знак, чтоб он сел, и садится.)

(В сторону)

Да он исправился.

(Ему)

Так! Граф, когда хотите
Вы скуку разделять со мною иногда,

Так вот мой уговор: однажды навсегда
О красоте моей никак не говорите.

Ольгин

Но можно ль, видя вас...

Графиня

Молчите.

Ольгин

Я молчу...
Так вы хотите...

Графиня

Да, я быть дурной хочу.

Саша

(в сторону)

Не верю, солгала.

Ольгин

А многие охотой
И без ваканции в красавицы идут.

Графиня

Я хороша ль, дурна ль, какая польза тут?

(Глядясь и поправляясь в зеркале.)

(Саше)

Садись же, милая, займись своей работой.

(Увидя, что Ольгин заметил ее движение)

Не правда ль, у меня глаза...

Ольгин

Прелестны!..

Графиня

Ах!
Да разве вас, сударь, спросила я об этом?
Заплаканы ль они?..

Ольгин

Чуть-чуть...

Графиня

Прощаясь с светом,
Мой старичок Сюкре растрогал так меня,
Что даже мне самой признаться в этом стыдно.

Ольгин

Да, старичка Сюкре прощанье мне завидно,
И этак умереть сейчас желал бы я.

Саша

(в сторону)

Идет на стать.

Графиня

Давно ль вы стали селадоном?

Ольгин

Я соглашаюсь быть хоть липецким бароном,
Поверьте только мне, что я совсем не тот,
Чем прежде был.

Графиня

Ах, граф! желала б я душевно,
Но вряд ли...

Ольгин

Да! мой ум взял новый оборот,
Я занимаюсь делами ежедневно.

Графиня

Какими?

Ольгин

(с смущением)

Разными.

Саша

(в сторону)

Ага! он на мель сел.

Ольгин

Поверьте... захотеть лишь стоит человеку
Заняться, то найдет себе он кучу дел.

Графиня

Каких же, например?..

Ольгин

Да я библиотеку
Чудесную завел, и в ней найдете тьму...

Графиня

Романов?

Ольгин

Классиков, которые уму
Дают способности...

Графиня

Вас с ними поздравляю,
Но я не для ума, а для души читаю.

Ольгин

Вам нужды нет в уме...

Графиня

В душе ж мне нужда есть;
Насилу вы, сударь, сказали мне не лесть.

Ольгин

Графиня, сжальтеся, вам, право, не пристало
Сердиться на меня; друг друга знаем мы,
Оставим на часок и души, и умы,
А вспомним время то... как весело бывало...

Графиня

Я всё забыла, граф.

(Саше)

Узнай, который час.

Ольгин

(в сторону)

Я сбился с тону.

(Ей)

Ах! мне грустно видеть в вас
Сомненье к моему почти боготворенью
И недоверчивость к всеобщему почтенью,
Которое своей душой приобрели.

Графиня

(в сторону)

Он шутит или нет?

Ольгин

Признайтеся, вам стыдно,
Что думать обо мне, графиня, вы могли,
Чтоб я осмелился... Нет, это страх обидно.

Графиня

Вздор прежний выкиньте из вашей головы...

Ольгин

Клянуся! Вижу я всё точно так, как вы...

Саша

(входя)

Осьмого полчаса.

Графиня

Как рано.

Саша

(садясь, в сторону)

Усмирилась.

Графиня

Но как же думать вам, что я разогорчилась,
Хоть прежде признаюсь, но нынче всё не то,
Я не досадую уж больше ни за что.
Жизнь тихая во мне всю пылкость усмирила;
Уединение — страстей людских могила,
А свет — их колыбель... и точно оттого

Давно и навсегда я скрылась от него,
И счастлива.

Ольгин

Я сам от света отрекаюсь.

Графиня

Вы отрекаетесь любезным быть...

Ольгин

Кому?

Графиня

Красавицам.

Ольгин

Каким?.. по городу всему
Прекрасных до семи едва ли досчитаюсь...
Да и от них тоска. С тех пор, как скрылись вы,
От скуки, право, я чуть-чуть не застрелился;
Тон общества у нас давно расхолодился,
Что ж нынче стал? сказать не можно без «увы»!
Так холоден, так сух и так однообразен,
Что силы нет терпеть. И кто хоть чуть развязен,
Тотчас смиренницы уходят от него;
Краснеют, морщатся, пугаются всего.
А если побойчей к ним дамы появя́тся,
То все взволнуются и с ними быть боятся.
Смиренье вялое, страсть мерзлая к мужьям
И обожание к раскормленным детя́м
Всю прелесть общества сгубили безвозвратно.
Любезность, острота так вывелись в наш век,
Что сделался смешным забавный человек;
И нашим молодым супругам непонятно,
Как можно быть женой и слушать от чужих
Безделки милые насчет мужей своих;
Того ж, кто всех смешит, считают эгоистом,
А матушки, забыв про молодость свою,
Смиреньем дочерей любуются за вистом;
Но прежде... Я клянусь и твердо в том стою,
Что Петербург теперь и Лондона скучнее,
Мужчины, девушки, и жены, и мужья
Пустились умничать; а стали ли умнее?

Графиня

Опять насмешки, граф?!

Ольгин

Кто, я смеюся, я?
Напротив, говорит во мне моя досада.
Ах! свет бранить — одна осталась нам отрада.
И все, кто чувствует немного поживей,
Накопят деньги здесь и скачут поскорей
В Париж.

Графиня

А я, сударь, так вижу с восхищеньем,
Как наши женщины умно себя ведут;
Вы говорить об них обязаны с почтеньем.

Ольгин

Почтенье хорошо, да с ним от скуки мрут.

Графиня

И ваша брань, сударь, их скуке не поможет.
Вы нынче сделались служивые, дельцы,
Судьи, политики, герои, мудрецы;
Не спорю, выиграть чрез то Россия может,
А женщины никак веселья не найдут.
На наши вечера взгляните мимоходом:
Дом удивительный, наполнен весь народом,
Разубран, рассвещен, а скука тут как тут.
Но от кого? от вас. Так! вы всему причины!
Мы съедемся, сидим, являются мужчины,
Хозяевам поклон, и тотчас прочь от дам,
С осмотром кинутся по карточным столам,
Приятелей начнут отыскивать глазами,
Увидят, бросятся, сберутся все кружками,
Толкуют об игре, погоде, лошадях,
Всю комнату займут и стиснутся в дверях;
А мы, несчастные! оставленные вами,
Вкруг стенки все рядком Дидонами сидим,
К себе Энеев ждем и в спину им глядим.
Так, в скуке общества вы виноваты сами,
А мы в загоне, да, в загоне; мне самой
Один из молодых сказал без всякой лести,
Что в наш премудрый век мы не имеем чести

Считаться за людей; что матерью, женой,
Хозяйкой, нянюшкой нам можно быть, и только;
Но значить в обществе мы не должны нисколько.
Мужчины ж!.. Боже мой!.. а поглядишь на них,
Как часто нам они и жалки, и забавны,
Как важно-мелочны в своих делах больших,
Как твердость их слаба, как тонкости их явны,
Как все расчеты их не служат ни к чему,
Как ощупью они с рассудком здравым бродят;
И сколько трудно их высокому уму
Понять, что женщины их мудрость за нос водят;
Так, господа! мы вам могли бы иногда
Уроки дать, но вы не стоите труда,
И вами управлять, клянусь, совсем не лестно.

Ольгин

Графиня, знаете ль, вы сердитесь прелестно!
И я так милой вас найти не ожидал.

Графиня

Кто? я, сударь, сержусь?..

Ольгин

Как ангел!

Саша

(в сторону)

Ах! поймал,
Злодей!

Графиня

(приметя, что Саша улыбается)

А! милая, уж время чай готовить.

Саша

Не рано ль?

Графиня

Эх, пора; и потрудись, разлей.

Саша

(отходя)

Услала... а! они уж начали злословить.

Явление 5

Графиня и Ольгин.

Графиня
(вслед Саше)

Смеется; есть же страсть смеяться у людей!
Опять вам вздумалось, что будто я сержуся.

Ольгин

Вы сердитесь, и я сержусь не меньше вас.
Так! общество совсем расстроилось у нас,
И сам я ни к чему уж больше не гожуся.

Графиня

Напротив, граф, когда вы занялись...

Ольгин

Всё так!
Я многим занялся, ударился в науки,
Читаю, думаю и — умираю с скуки.

Графиня

От непривычки.

Ольгин

Кто хоть мало не дурак,
Тот видит, что теперь все заняты, все в службе;
В числе любезников в наш век не лестно быть,
Так делать нечего, пришло с волками выть.

Графиня

И вот причина...

Ольгин

Да, и вы по прежней дружбе
Признайтесь, что и вас примеры...

Графиня

Право, нет,
Я вам сказала бы. Мне стал несносен свет;
Но я по чувствиям, и право без расчета,
Оставила его.

Ольгин

Я очень верю вам,
И точно так, как вы, я чувствую и сам;
Но согласитеся, что дома жить охота
Среди веселостей не скоро бы пришла.
Ах! помните ли, нам в рассеяньи, бывало,
И думать времени совсем не доставало.

Графиня

Так, правда; боже мой! как я тогда могла
Не умереть и жить еще почти здоровой.
Ах! с бала в пять часов приедешь чуть жива,
Проснешься — и скачи к Роленше за обновой.
Там встретишь кой-кого, узнаешь кое-что,
И утро пролетит; спешишь домой на то,
Чтоб с лишком два часа за туалетом биться;
Поедешь на обед, — и надо торопиться
В театр французский: в нем всегда ужасный съезд;
Лишь только явишься, лорнеты уж встречают,
И в ложу к нам почти все кресла побывают,
Займут, развеселят. Ах! даже и разъезд
Свои приятности имел: садясь в карету,
С одним поклонишься, с другим поговоришь;
Опять скорей домой, и снова к туалету.
На бал иль на вечер без памяти спешишь;
И вот в каком чаду кружилися мы вечно.

Ольгин

А было весело...

Графиня

Да, весело, конечно;
Но что же в том?

Ольгин

А то, что весело.

Графиня

Пусть так,
Я соглашаюся, а польза в том какая?

Ольгин

Хоть мы не думали, да жили не вздыхая,
И, вспомня прежнее, вы стали веселей,
Не правда ль?

Графиня

Что за вздор!

Ольгин

Вам хочется смеяться.

Графиня

Вы, право, мне смешны.

Ольгин

Так смейтесь же смелей.

Графиня

Звонят... Ах! тетушка...

Ольгин

Куда ж от ней деваться?
Да точно ли она?

Графиня

Другому быть нельзя.
Ах, граф! а вас она...

Ольгин

Душевно ненавидит.

Графиня

И если вас со мной наедине увидит,
Тогда в глазах ее совсем погибла я.

Ольгин
(бежа к двери)

Нет, не увидит.

Графиня

Ах! вы встретитесь тут с нею.

Ольгин

Так в эту дверь.

Графиня

А тут мой кабинет.

Ольгин

В него
И спрячусь я...

Графиня

Но как?..

Ольгин
(затворяя дверь в кабинет)

Не бойтесь ничего.

Графиня

Что будет, ежели... и думать я не смею.

(Запирает кабинет; садится за Сашину работу, говоря)

Я прятала ль мужчин, как ветрена была?
А нынче, как совсем благоразумна стала,
Ведь надобно ж, чтоб я в историю попала.
Идет.

Явление 6

Княжна и графиня.

Княжна

Опять тебя за делом я нашла.
Для бедных, ангел мой, наверно ты трудилась?

Графиня

Ах, нет!..

Княжна

Уж так; а я измучилась совсем
И только для того, чтоб ты не огорчилась,
Заехала к тебе.

Графиня

Но, тетушка, зачем
Вы беспокоились...

Княжна

Ох! мне одна отрада,
Что на тебя, мой свет, немного погляжу.

Графиня

Но если дело есть, так я вас не держу.

Княжна

Как дело? двадцать дел! Уж я сама не рада,
Что иск мой подняла: вот месяц здесь живу,
А если вдаль пойдет, то здесь оставлю кости.

Графиня

Бог даст, уедете...

Княжна

Пора, пора в Москву.
Уж я просила всех, и нынче еду в гости
Затем, чтоб видеться с одним большим дельцом,
Пока за вист не сел.

Графиня

А ехать далеко ли?

Княжна

Сестра живет между Таврическим дворцом
И Арсеналом.

Графиня

Ах, какая даль! легко ли?
Вам ехать надобно час целый.

Княжна

Целый час!
Боюся опоздать.

Графиня

И я боюсь за вас.

Княжна

Как сядет в карты он, то вот тебе и здравствуй.

Графиня

А что?

Княжна

Уж тут ему не пикни про дела.

Графиня

Так ехать вас прошу скорее.

Княжна

Благодарствуй.

Прощай же.

Графиня хочет ее провожать.

Не трудись.

Графиня

(идя к кабинету)

Как скоро с рук сжила.

Княжна

(возвращаясь)

Ох! от хлопот во мне и память притупела —
Ведь я про какаду спросить тебя хотела.

Графиня

Ах! умер он!

Княжна

Как жаль! а был куда болтлив.
Вот ваши лекаря! а уж льняное семя
Спасло б его, и я...

Графиня

Да вам уж ехать время.

Княжна

Ах! время.

(Возвращаясь)

А каков мусью Сюкре?

Графиня

Чуть жив.

Княжна

Он очень стар, к тому ж климáт здесь нездоровый,
Так ко всему, мой друг, быть надобно готовой.

Графиня

Как быть... но вам пора.

Княжна

Прощай же, жизнь моя!

Графиня

Насилу...

Княжна

(возвращаясь)

Ах! сказать пренужное забыла;
Ведь Ольгина лакей чуть с ног не сшиб меня
Внизу, на лестнице.

Графиня

Его ли?

Княжна

Я спросила,
И он сказался мне.

Графиня

(в сторону)

Охота ж ей всё знать.

Княжна

Уж не к тебе ли граф изволит заезжать?

Графиня

Ко мне? с чего... зачем?.. А! во втором этáже
Живет старик аббат, который к графу вхож,
И он его в своем завозит экипаже.

Княжна

А я так думала... Да вот спрошу...

Графиня
(удерживая ее)

Но что ж
Вы думали?

Княжна

А то, что он своей карете
Велит стоять затем у твоего крыльца,
Чтоб, знаешь, милая, поразнеслося в свете,
Что он...

Графиня

Возможно ли...

Княжна

Я знаю молодца,
Поверь мне, жизнь моя, его на это станет;
Да и у нас в Москве случалося не раз,
Что к дому экипаж подставят напоказ,
Пускай же думает, кто на него ни взглянет,
Уж вот-де где сидит залетный наш соко́л.

Графиня

Но граф не сделает...

Княжна

Нет, он небось не зол?
Не любит очернить?

Графиня

Да он переменился,
Как говорят.

Княжна

Всему, что говорят, не верь.

Графиня

Мне сказывал аббат.

Княжна

Не верь же, притворился.
С их братьи остряков уж спала честь теперь,
И весь пустой народ не очень нынче в моде;

У знатных им не вод, и у двора не в ходе,
А нам-де подавай всё деловых людей;
Так это граф смекнул и сделался скромней,
Да чрез родню свою и кой-каких аббатов
Он славит про себя такие пустяки,
Что слушать, право, смех. — Да знают этих хватов,
Не все ж им, жизнь моя, достались дураки.

Графиня

Но почему же граф исправиться не может?
Быть годным для всего с умом немудрено.

Княжна

Пусть так, да про него твой брат твердит одно:
Что притворился он; но это не поможет,
И он останется весь век ни то ни сё.

Графиня
(с досадой)

Но если называть хотят притворством всё,
Пожалуй и меня с ним заодно...

Княжна

Пустое!
Он, милая, одно, а ты совсем другое;
Я за тебя, мой свет, хоть руку дам в огонь.

Графиня

Когда бранят других, так почему того же
И мне не дóлжно ждать?

Княжна

Что ты? избави боже!
Пусть всех себе бранят, а уж тебя не тронь.
Моя невестушка, так... знаешь, стороною
Вчера задумала пустить обиняка...

Графиня

А что такое?

Княжна

Да, мой друг, издалека
Изволила сказать, что будто красотою

Иные, то есть ты, прельщая всех мужчин,
Так вышли наконец у всех из уваженья,
Что совестно за них, и способ им один
Остался от стыда — искать уединенья.
Я догадалася, и так-то за иных
Мою невестушку отделала прекрасно.

Графиня

Вы догадалися, сударыня, напрасно,
И шум затеяли совсем из слов пустых.

Княжна

Да, как ведь не пустых; нет, все ее наветки
Я очень поняла...

Графиня

Какие ж?

Княжна

Да она
Твердила мне в глаза — кокетки да кокетки.

Графиня

Да разве в городе кокетка я одна?

Княжна

О нет! да на меня поглядывать все стали;
Смекнула я, и ну, невестушке назло,
Тебя хвалить, да как? что худо ей пришло,
И, глядя на нее, все губы обкусали,
А мне-то любо.

Графиня

Вам!.. да что у вас за страсть
Хвалить меня везде...

Княжна

Да что же тут дурного?
И радость! нет греха вступиться за родного.

Графиня

Но время ехать вам...

Княжна

Ну, вот моя напасть,
Когда заговорюсь с тобой, то всё забуду...
Уж так люблю тебя...

Графиня

Я вас благодарю,
Но не хвалить себя прошу...

Княжна

Да разве к худу
Я правду о тебе, мой ангел, говорю?

Графиня

Я знаю... только вы напрасно не трудитесь.
Ах! я хочу, чтоб свет ни худа, ни добра
Не думал обо мне... Да ехать вам пора.

Княжна

Уж я потороплюсь теперь...

Графиня

Поторопитесь.
Прощайте, тетушка.

Княжна

Прощай же, бог с тобой!
(Уходит.)

Графиня

Ну, кто ее просил?.. С чего взяла вступаться...
И эту страсть болтать зовут же добротой...
Ведь умудрилася так кстати догадаться;
А глупость не порок; нет, все пороки в ней.
Граф, верно, слышал всё... Ах! надобно скорей
Его избавиться...

(Отпирая дверь)

Извольте...

Ольгин появляется.

Княжна

(возвращаясь в кеньгах и платок на голове)

Ах! я дура!

Ольгин

Она!

(Вскакивает в кабинет.)

Графиня

Опять она.

(Захлопывает дверь.)

Княжна

Ведь я забыла...

Графиня

Что?

Княжна

Другое что забыть, мой ангел, не фигура,
Но вот чему дивись, я позабыла то,
О чем всё думала; уж я идти сбиралась,
Лакей мне кеньги вздел, закуталась платком,
Как в табакерку вдруг пошла за табаком,
Ан в руки, к счастию, бумажка мне попалась.
Я кинулась к тебе, чтоб не забыть опять,
Что лотерейные билеты надо взять
Для бедненькой вдовы плюмажного артиста;
А нынче у сестры прилажены два виста,
Бостонов до семи; так видишь ли, я там
Знакомым от тебя билеты все раздам.

Графиня

Извольте взять.

(Ищет в столе и в ридикюле.)

Ах! здесь их нет.

Княжна

Да где ж? Быть может,
Не в кабинете ли?

Графиня
(с ужасом)

Как! в кабинете?..

Княжна

Да,

Я там их отыщу...

Графиня
(останавливая ее)

Но стоит ли труда,

И завтра...

Княжна

Нет, вдова сухие корки гложет,
И завтрами сыта не будет.

Явление 7

Те же и Саша.

Саша
(вбегая)

Чай готов.

(В сторону)

Куда девался граф?

Графиня
(в сторону)

Ах! мне теперь до чая!

Княжна

Ты знаешь, ангел мой, мне нужда пребольшая.

Графиня

Прощайте ж, тетушка...

Княжна

Да где ж билеты?

Графиня

Да,

Билеты, я найду...

Саша

(в сторону)

Он спрятан.

Графиня

Извините.

(Идет в кабинет. В сторону)

Она идет за мной, ну вот еще беда!
Да Саша их найдет, в минуту... подождите...
А! потрудись, найди с билетами пакет;
Он, верно, должен быть в столе, перед софою,
Ты понимаешь...

Саша

Да.

(Отходя)

Попалася в лабет,

Поймаю!

(Входя, вскрикивает)

Ай!

Княжна

(испугавшись)

Ай, ай!

Графиня

(бежит к кабинету)

Что сделалось с тобою?
Да выйдешь ли?.. О чем изволила кричать?

Саша

(в смущении)

Ваш какаду меня хотел поцеловать
И испугал.

Графиня

Давно ль ты стала так пуглива?

Княжна

Как! умер какаду!

Саша

Но есть у нас другой.

Княжна

Уж не зеленый ли?

Саша

Нет, пестренький.

Княжна

Какой?
Неужли пестренький! да этакого дива
И не слыхала я, уж, видно, новый род;
Дай погляжу.

Графиня

Ах! он совсем обыкновенный.

Княжна

Что ты! я какаду видала всех пород,
А пестрых никогда; он должен быть отменный.

Саша

Простой.

Княжна

Пусти ж меня.

(Входит в кабинет.)

Саша

Попалася в беду.

Графиня

(Саше)

С чего взяла?

Явление 8

Те же и Ольгин.

Княжна
(в кабинете)
Ай, ай!
(Выбегая)
Так вот твой какаду.

Ольгин
(выходя)
Позвольте...

Княжна
Нет, сударь, что тут за позволенье.

Графиня
Куда ж вы, тетушка?

Княжна
Бегу, бегу, бегу!

Графиня
Постойте на часок.

Княжна
Нет, быть здесь не могу.
Ну, объяснилося теперь твое смиренье!
Как зятя и сестру я этим удивлю.

Графиня
Вы губите меня.

Княжна
Нет, свет мой, не гублю;
А у невестушки просить прощенья стану.

Графиня
Ах, боже мой! но нет, от вас я не отстану,
Пока не объясню.

Княжна

Да что тут объяснять?
Всё ясно, матушка.

Ольгин

Позвольте вам сказать,
Что я...

Княжна

Что вы?.. Прошу покорно извиненья,
Вы человек дурной, в котором нет почтенья
Ни к полу, ни к летам, ни к роду, ни к чему.

Графиня

Ах! он исправился...

Княжна

Не верю я ему.
Карету...

Графиня

Тетушка, минутку подождите.

Княжна

Нельзя, никак нельзя.

Ольгин

Прошу покорно вас
Позволить мне сказать: я объясню тотчас
Всю тайну вашему сиятельству.

Княжна
(останавливаясь)

Скажите.

Саша
(в сторону)

Сиятельство ее смягчило.

Ольгин

Точно так,
Как знали вы меня, я был тогда без правил:

Смеялся надо всем, я ни во что не ставил
Рассудок, ле́та, род, и был с умом дурак;
Но время, опытность и добрые примеры
Меня исправили, и так, что наконец
Я выбрал для себя графиню в образец.

Графиня

Ах! пощадите, граф...

Княжна

И я была той веры,
Что у нее и все перенимать должны,
Но нынче...

Графиня

Тетушка, клянусь, что вы неправы.

Княжна

Как! в чем, сударыня?

Графиня

А в том, что без вины
Навек меня лишить хотите доброй славы.

Княжна

Но я ли спрятала мужчину в кабинет?

Графиня

Но вы причиною.

Княжна

А это как, мой свет?

Графиня

Вот как: я ездила, чтоб навестить больного,
Граф без меня вошел, не правда ль, Саша?

Саша

Так.

Графиня

И не при вас ли я твердила, чтоб никак
Швейцар не принимал ни графа, ни другого,
Кто б ни был?

Княжна

Да, при мне...

Графиня

Но как и отчего
Граф вздумал силою войти и здесь остаться,
Он должен в этом сам пред вами оправдаться.
А как, спросите их, я приняла его?

Ольгин

Как кредиторов я не принимал, бывало.

Саша

Да, был худой прием.

Графиня

Вы слышите, так, стало,
Тут нет моей вины. Граф выйти не хотел,
И чувствия свои так объяснить успел,
Что я поверила.

Княжна

И, свет мой, не дивлюся;
Ты судишь по себе...

Графиня

Вот в этом признаюся,
Я виновата.

Княжна

Да, и оправданья нет,
С чего ж он спрятаться изволил в кабинет?

Ольгин

Я встретить вас не смел; и, не видавшись с вами
С тех пор, как в Липецке лечились мы водами,
Мне было совестно...

Княжна

Так в вас и совесть есть?..
Да нет, боялись вы, что я не дам завесть
Графиню в свет большой.

Ольгин

Нет, эта мысль обидна;
Мне жизнь графинина так сделалась завидна,
Что целый век провесть желал бы с ней одной.

Княжна

Ну что ж, племянница, ты скажешь мне об этом?

Графиня

Боюсь, что скоро граф соскучится со мной.

Княжна

Однако ж веришь?..

Графиня

Да, но что ж?..

Княжна

Своим ответом
Ты всё сказала мне... Вот, свет мой, отчего
Ты испугалася и спрятала его.
Ну, слава богу, всё теперь я вижу ясно.

Графиня

Да что вы видите?

Княжна

Я, свет мой, не слепа.

Графиня

Конечно, только вы...

Княжна

Нет, я не так глупа
И понимаю всё... Однако же напрасно
Ты не открылася об этом мне давно;
Мы дело кончили б с тобой двумя словами.
Да что откладывать, венчайтеся, бог с вами!

Графиня

Венчаться...

Ольгин

Это что?..

Саша

(в сторону)

Вот вздумала умно!
Попалися!..

Княжна

Ну что? я тотчас отгадала.
Нет, я хоть и стара, а не совсем плоха;
Сначала, признаюсь, немного оплошала;
И как мне вздумалось, что, кроме жениха,
Захочет женщина, хоть мало-мальски с честью,
Мужчину прятать... Да, когда бы с этой вестью
Я, не одумавшись, отправилась к сестре,
Наделала б чухи́... Уж то-то б от невестки
Мне не было житья... По городу повестки
Послала бы тотчас, узнали б при дворе,
И, прежде б чем еще открылося всё дело,
По почте бы в Москву известье прилетело;
А там-то бы пошла такая шепотня,
Что боже упаси! вплели б во всё меня,
И мне пришло б за вас в Москву хоть не казаться.
Однако ж надобно по совести признаться,
Что тотчас угадать мне было мудрено;
А вздумаю теперь, так мне самой смешно.
Вот какаду простой... ну так, обыкновенный;
Ан догадалась я, что должен быть отменный.

(Саше)

А всё повеса ты... смеешься...

Саша

(оробев)

Я смеюсь?
Нет, право...

Княжна

Что ж за грех? мы посмеемся вместе,
Не так ли, милые?.. Но опоздать боюсь,
Пора... Ну, как сестра узнает о невесте...

Графиня

А вы расскажете?

Княжна

Пожалуй не скажу.
Где нужно, я язык на привязи держу.

(Саше)

Поди-ка отыщи билеты... да не бойся,
Уж какаду тебя не испугает там.

Саша уходит.

Графиня

Однако ж, тетушка...

Княжна

Эх, друг мой, успокойся,
Поверь же, слышишь ли? и виду не подам;
Я, признаюсь, люблю без памяти секреты;
Нет, дело мы свое обделаем тишком,
Приуготовим всех умненько... а потом
И разошлем везде, где должно...

Саша

(вынося из кабинета)

Вот билеты.

Княжна

Как! неужли они готовы?

Саша

Я взяла
Их в кабинете.

Княжна

Как!.. Ах! я, никак, уж брежу.
Ты свадьбою своей меня с ума свела,

Об ней всё думаю, а в голову что врежу,
То и мерещится. Их надо отвезти
К сестрице поскорей.

(Ольгину)

Ну, какаду, прости.

(Графине)

Надейся на меня и будешь ты счастлива.

Явление последнее

Графиня, Ольгин и Саша.

Ольгин

Графиня!

Графиня

Что, сударь?

Ольгин

Ведь тетушка болтлива.

Графиня

Ах! очень, граф.

Ольгин

Итак, она расскажет?

Графиня

Ах!
Расскажет.

Ольгин

И тогда начнут во всех домах
Шептать.

Графиня

Ах, не шептать — кричать.

Ольгин

Конечно,
Распишут нас.

Графиня

И как!

Ольгин

Я, верно, попаду,
По милости ее, навеки в какаду.

Графиня

А я в притворщицах от вас останусь вечно.

Ольгин

Так что ж нам делать?

Графиня

Ах!.. Да, граф, что делать нам?

Ольгин

Я спрашиваю вас.

Графиня

От вас я знать желаю.

Ольгин

Нам должно...

Графиня

Что, сударь?..

Ольгин

Я вижу по глазам,
Что вы уж знаете.

Графиня

Ах, нет! еще не знаю.

Ольгин

Нам должно...

Графиня

Что?..

Ольгин

Да нет, я быть смешным боюсь.

Графиня

Смешным?.. да разве, граф, еще мы не довольно
Смешными сделались?

Ольгин

И слишком, признаюсь,
Но не решитесь вы.

Графиня

Ах, боже мой! решусь.

Ольгин

Так вы уж знаете?..

Графиня

Быть может, только прежде
Вы мне должны сказать.

Ольгин

Но ежели, в надежде
Что вашу мысль узнал, быть может обманусь?

Графиня

Эх, не обманетесь... Ну что ж?

Ольгин

Вы были дружны
Со мной всегда...

Графиня

Всегда, но кончить вас прошу.

Ольгин

В больших опасностях большие средства нужны...
Итак, я сам себя вам в жертву приношу.
Что ж больше этого? — Графиня, вы молчите?..

Графиня

Я благодарна вам; итак, вы, граф, хотите...

Ольгин

Нас свадьбой оправдать.

Саша

(в сторону)

Уф! кончил наконец.

Графиня

Так, оправдать себя нам средства нет другого.

Ольгин

И вы согласны?..

Графиня

Да.

Ольгин

Как я, графиня, рад.

Графиня

И я, поверьте, граф...

Граф целует ее руку.

Саша

(в сторону)

Не рада, да готова.
Поздравить смею ль вас, и кажется, впопад
Граф испугал меня.

Графиня

Я не люблю испугов.

Саша

Но этот был счастлив...

Графиня

Счастлив, сомненья нет.

(Ольгину)

Чтоб нам условиться, войдемте в кабинет.

Входят.

Саша

Кто знает, может быть нечаянных супругов
Примеры добрые, которых нынче тьма,
До счастья доведут, или... сведут с ума.

1819

ИЗ КОМЕДИИ «АРИСТОФАН, ИЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОМЕДИИ „ВСАДНИКИ“»

ПРОЛОГ

При поднятии занавеса происходит обряд освящения чаш пред Вакховым храмом. Во время сей церемонии слышен хор народа:

Да Скифов род бесчеловечный
Людскою кровию блажит своих богов, —
Наш Вакх, в щедротах бесконечный,
Не требует от нас ужасных сих даров.
Скройтесь, воины злонравны,
Кровью вы обагрены;
А сатиры, Вакх и фавны
Чужды крови и войны.

Гром на смертных кровожадных,
Чьи уста, рука и меч
Вакха дней святообрядных
Таинства дерзнут пресечь!

Три девы

(во время очищения чаш)

О Вакх! внемли моленья наши
Во изволении благом
И обнови златые чаши
Наутро радостным вином.

Верховный жрец

(по совершении обряда)

От уст нелжеветных, от чистого сердца, в чертог
поднебесный,
К Семеле и Вакху и к вечным богам
Моленья восходят, как жертв фимиам;

И чаш к обновленью дар Вакха чудесный
До светлого утра наполнит их сам.

Хор

Внемлет Вакх моленья наши!
В изволении благом
Обновит златые чаши
К утру радостным вином!

Верховный жрец во время сего хора уносит чаши; прочие жрецы и юноши в большом порядке вносят в храм дары и утвари.

Стратокл и Архонт
(войдя на помост)

Ленейский первый день сверша вечерней жертвой,
Афиняне! в дома идите на покой
И помните, что Вакх обязанностью первой
Поставил — не смущать празднéств его враждой;
Что в честь ему, Афинам нашим к славе
Мы целой Греции даем трехдневный пир;
Им каждый пользоваться вправе,
И даже в дни войны найти в Афинах мир.
Чтоб к часу первому священной ночи
Вакханок не смыкались очи
И, радостью прогнавши сон,
Блистали, как блестит пред утром Орион;
Чтоб криком, песнями и светочей огнями
Ночь Вакхова преобратилась в день;
Когда же солнца свет прогонит мрака тень,
В театр сберитесь за стенами,
И там, к стяжанию Ленейского венца,
Пресветлым вдохновенный Фивом,
Аристофан, в творении шутливом,
Веселой мудростью обрадует сердца.

Идут; за ними народ, отходя, повторяет:

Хор

Внемлет Вакх моленья наши!
В изволении благом
Обновит златые чаши
К утру радостным вином!

ДЕЙСТВИЕ I

Явление 8

Клеон, Антимах, Феогней, Евгалий, Иппербол и Хавес.

Предыдущая сцена заключает в себе заговор означенных персонажей против Аристофановой комедии «Всадники», в которой он вывел на сцену Клеона, казнодара афинского.

Клеон

Так, Антимах, сберем в театр своих друзей,
Я встану — вы вскочите
И все за мной кричите:
Аристофан злодей!

Хавес и Евгалий

Аристофан злодей!

Явление 9

Те же, Ксантиппа и Херофонт.

Ксантиппа
(входя)

Аристофан злодей!

Феогней

Нам небо отвечает!

Ксантиппа

Не небо, это я, Сократова жена.

Антимах

Ксантиппа!

Херофонт

Так, она.

Ксантиппа

А это Херофонт, наш друг.

Антимах

Кто вас не знает!

Ксантиппа

А я не знаю вас, да это не беда;
Вы люди честные, когда
Зовете наглого насмешника злодеем.

Хавес

Извергом злобным, Мегерой вскормленным,
ругателем...

Евгалий

Так.

Клеон

И доказательства прекрасные имеем,
Что он с своим умом и остротой...

Ксантиппа

Дурак,
И лгун, и клеветник, и человек премерзкий.

Хавес

Я то же говорю.

Ксантиппа

Отец его был плут,
Мать дура, дядя вор; а он бесстыдник дерзкий.

Феогней

Я то же говорю.

Ксантиппа

Без чести и без правил.

Евгалий

Я то же говорю.

Ксантиппа

Чем он себя прославил?
Ругательством порядочных граждан.

Иппербол

Я то же говорю.

Ксантиппа

Да кто Аристофан?
И отчего он волю взял такую
Бранить умней себя?

Антимах

Я то же говорю.

Ксантиппа

Да как развяжется со мной, я посмотрю.
Он, говорят, наврал комедию?

Клеон

Презлую.

Евгалий

И вывесть в ней дерзнул Клеона самого.

Ксантиппа

А мне что нужды до него?
Я век мой бегала от этого Клеона:
В нем нет ни правды, ни закона,
Ни чести, ни души.

Херофонт

Да знаешь ли?..

Ксантиппа

Молчи. Вы то же говорите,
Не правда ли?

Хавес, Феогней и Евгалий

Неправда.

Ксантиппа

Как хотите;
А я свое твержу: кто может, тот пиши
Против Клеонов, Ипперболов,
Неправосудных Триоболов,
Бездушных трагиков и комиков дурных,
Пусть и философов иных;
Но моего Сократа
Задел Аристофан; и только наш сосед
Мне это намекнул, я кинула обед
И с ним везде была: у Пникса, у сената,
Кругом обегала Агору, Митраон,
Одеум, храм Зевесов,
Часть Керамикскую, уткнулась в Депилон,
Оттудова назад по улице Эрмесов
И через улицу Треножников сюда...
Что ж? Злоязычника нигде не отыскала,
А уж устала так, как в жизни никогда
Еще не уставала.

Херофонт

Уф!

Ксантиппа

За Сократа я готова хоть в огонь.
Как сметь его тронýть?

Клеон

А прочих разве можно
И трогать, и срамить?

Ксантиппа

Не только можно, должно
Срамить дурных людей, да честного не тронь.

Клеон

Так что же, твой Сократ один в Афинах честен?

Ксантиппа

Один иль не один, однако ж нет его,
Все говорят, умнее никого;
Он даже в Персии ученостью известен.

Клеон

Пусть он учен
И дома у себя оратор,
Да званием каким в народе отличен?
Что он в республике? Архонт? Стратиг? Сенатор?
Иппарх? Филарх? или хоть всадник?

Ксантиппа

Он мой муж.

Клеон

И только?

Ксантиппа

Для меня и этого довольно.

Херофонт

Сократ философов светильник.

Ксантиппа

И к тому ж
Он смирный человек, так мне до сердца больно,
Когда бранят его.

Антимах

Зато уж ты сама
Трудишься.

Ксантиппа

Да, браню, и если б не бранила,
Давно бы от его высокого ума,
Вам скажет Херофонт, без мантии ходила.

Херофонт

Он занят мудростью.

Ксантиппа

Как слушаешь его,
Так первый он мудрец и спрячет свет в коробку,
А поглядишь, не знает и того,
Что соль кладут в похлебку.

Да что и говорить, со всем его умом
Он просто ничего, и без меня б весь дом
Пошел вверх дном.

Херофонт

Но философия...

Ксантиппа

От философских бредней
Не ты один теряешь ум последний;
И всякий философ, хоть будь осьмой мудрец,
Не муж своей жене и детям не отец.

Антимах

(Херофонту, смеясь)

Что ж, отвечай!

Ксантиппа

Над кем изволишь забавляться?

Антимах

Над философией.

Ксантиппа

На философке я
Женила бы тебя,
Забыл бы ты смеяться!
Уж смерклося, а бедный мой Сократ
Еще об эту пору
Не ест и ждет меня; да сам же виноват,
Зачем он комиков задрал с собой на ссору?..
Аристофану я, однако ж, не спущу,
Хоть в море спрячься он, и там его сыщу.
Пойдем.

(Уходит с Херофонтом.)

Антимах

Каков язык?

Евгалий

И слушать так ужасно!

Феогней

О, как она клевещет!..

Клеон

Не она,
А эхо мужнино — жена.

Евгалий

Так точно, всё Сократ.

Хавес

Под суд его!

Клеон

Напрасно.
Нет, надобно философов беречь.
Пусть их ученикам твердят, что небо — печь,
Что мы в нем — уголья, что землю, как жаркое,
Вертит какой-то вихрь; а мы, пока
Они с премудростью летят за облака,
На площади обделаем земное.
Оставим их, они оставят нас,
И всякий пусть своим займется без помехи;
Да время объяснит, чьи выгодней успехи.

ПРАЗДНИК СВЕТИЛЬНИКОВ

Междудействие, оканчивающее действие первое.

Вакханки
(вбегают с факелами, повторяя)

Еввое! Еввое!

Хор

Где скрылся Вромий, Еввий где?
В лесах и долинах
И гор на вершинах
Мы ищем Еввия везде.
Еввое! Еввое!
Се Вромия священный храм!

Стук тирсов и бубны,
Веселия шумны
Услыши, Вакх! явися нам!
Еввое! Еввое!

Явися, Еввий! за тобой,
Увенчанны плющем,
В весельи цветущем
На горы полетим стрелой!
Еввое! Еввое!

Верховный жрец
(отворяя двери храма)

Кто смеет средь ночи́ священной
Рукой дерзновенной
Пресветлого храма в помост ударять?

Корифея

Мы Еввия ищем,
Ты нас не отгонишь без Еввия прочь.

Жрец

Нет Еввия с нами; в священную ночь
Он выбрал жилищем
Колена и перси младых аонид.
Но кем воспаленный,
И ужас священный,
И огнь эвменид
Мне грудь наполняет?
Чей гнев обладает
Душою моей?

(Извлекая нож и сходя с ступеней)

Не вижу ль я с вами
Мини́я детей?..

Хор

Клянемся, нет с нами
Мини́я детей!

Корифея

Смягчи твой гнев, внемли моленью!
Меж нас детей Мини́я нет!

Мы все причастны очищенью,
Все Еввию даем обет.

Хор

Нашу девственную младость
Играм Вакха посвятить
И Ленейских таинств святость
В чистом сердце сохранить.

Вакханки

Еввое! Еввое!

Жрец

Еввое! громче повторяйте,
Звучней в тимпаны ударяйте,
Фригийской песни пойте хор,
Вас слышит Вакх с Аркадских гор.

Хор

(во время танцев)

Еввое! Еввое!
Огнем восторга сердце пышет,
Играет радостию взор,
Трепещет грудь, весельем дышит:
Нас слышит Вакх с Аркадских гор!

Продолжается дивертисмент с факелами.

ДЕЙСТВИЕ II

Явление 2

Алкиноя и рабыни.

Алкиноя

Нет, никогда с Клеоном в грабеже
Участницей не буду.
Подарок свой считает он за ссуду
И наперед уверен в платеже.
Но подкупы со мной напрасно тратит,
И, может быть, он в первый раз
Услышит от даров отказ
И мне за праздник мой стыдом своим заплатит.
Весельем, плясками и хитростью своей,
Подруги милые, избавьте
Поэта славного Клеоновых сетей.
Но вот Аристофан — вы с ним меня оставьте.

Явление 3

Алкиноя и Аристофан.

Алкиноя

Ну, что сказал Архонт?

Аристофан

Что «Всадников» дадут.

Алкиноя

И в храм бессмертия они тебя введут.
Но ты вздыхаешь...

Аристофан

Я?

Алкиноя

Да ты совсем расстроен.
Что сделалось с тобой?

Аристофан

Какой бесстрашный вождь, устроя войски в бой,
Перед сражением бывал спокоен?

Алкиноя

И ты боишься?

Аристофан

Признаюсь;
Но не Клеона я, а сам себя боюсь.
Ах! самолюбия прельщенье
Легко нас может обмануть!
Я знаю, как тяжел, как скользок к славе путь!
На нем что шаг, то преткновенье!
Как трудно возбудить в народе умный смех,
Как комик должен быть в изображеньях точен,
Разборчив, весел, жив; и как его успех
Всегда сомнителен, — и редко прочен!

Алкиноя

Но ты уж превзошел поэтов наших всех,
Любим народом...

Аристофан

«Так, пока еще я молод,
Пока в моей крови
Унылой старости еще не льется холод,
Достойным, может быть, кажусь его любви.
Но знаю, как народ забывчив, своенравен...
Ты вспомни, что бывал и Мáгнес прежде славен,
Народ боготворить был Мáгнеса готов;

Но ни смешение различных голосов,
Ни прелести его игрательниц на лютнях,
Ни хитрости ролей искусных в плутнях,
Ни разрисовка лиц, ни наглая игра,
Ни все его лидийцы,
Когда прошла его пора,
И старость, и болезнь, душевных сил убийцы,
Воображения веселость унесли, —
Его от жалкого забвенья не спасли.
Неблагодарности народной
Кратиний нам еще пример живой;
Вся Греция о нем наполнилась молвой,
И как источник многоводный
Срывает пажити, несет и дуб, и клен,
Так славою его народ был увлечен.
И в молодости прежней
Себе соперников Кратиний не знавал;
Он посреди торжеств, и плесков, и похвал
На прочность славы был надежней,
Чем сам отец стихов Омир;
И мог ли думать он иначе?
Кто был его успехами богаче?
Какое торжество, какой веселый пир
Приятными казались,
Где песнями его сердца не услаждались?
Но что ж теперь? Когда
В нем лéта остроту обычно притупили,
Я предпочтен ему, его уж разлюбили;
И он от голода, и жажды, и стыда,
Как Канний, кончил век в венце своем поблеклом,
Хотя и заслужил давно,
Чтоб в Пританее пить народное вино».
Но что я говорю, с Эсхилом и Софоклом
Не так ли же поступлено?
Эсхил, поэтов царь, Зевеса в сожаленье
Своим изгнанием и горестью привел.
С Олимпа посланный орел
Души его мученье
Мгновенной смертию в чужой земле пресек,
И честь Афин Софокл, кончая долгий век,
Неблагодарность и обиду
От родины своей и от своих детей

Был должен перенесть; и что всего грустней —
Разнеженному Еврипиду
Скиптр трагиков его принудили отдать;
Так мне чего ж осталось ждать?

Алкиноя

Бессмертия; оно твое, как их награда.

Аристофан

И ты мне льстишь?

Алкиноя

Кто? Я?
Ах, нет; душа моя
От лести далека; но признаюсь, я рада
Быть эхом о тебе всеобщей похвалы,
И слушала с сердечным восхищеньем,
Как, возвратясь из Суз, спартанские послы
Рассказывали всем, что мудрым уваженьем
Великий царь почтил твои труды
И гражданином звал отечеству полезным.
Иль нынче, проходя Кипридины сады,
Я встретилась с любезным
Сократовым учеником...

Аристофан

С Алкивиадом?

Алкиноя

Нет, с Платоном; но потом,
Встречаясь иногда не с тем, кого мы ищем,
Я не нашла тебя и встретила его.

Аристофан

Алкивиада?

Алкиноя

Да; что ж в этом?

Аристофан

Ничего.
Но что сказал Платон?

Алкиноя

Что для себя жилищем
Хариты выбрали Аристофана грудь.

Аристофан

Он это говорил? Но скоро перемену
Ты в нем увидишь.

Алкиноя

Как?

Аристофан

Я вывести на сцену
Философов хочу.

Алкиноя

Ах, друг мой! Не забудь,
Что философия непримирима в злобе;
Покоя от нее тебе не будет в гробе:
Учители ее вселят в учеников,
Она распространится,
В потомстве вкоренится
И клеветой везде родит тебе врагов.

Аристофан

Тем лучше; пусть потомство знает
Мою к софистам неприязнь;
Ученье их меня, быть может, оправдает.
Ах! вся моя боязнь,
Что только будут знать меня, пока Афины
Цветут; но, алчностью охолодя сердца,
Забыв богов, они уж близки от кончины...
Так, мало мне Ленейского венца —
Хочу бессмертия, его душою жажду,
О нем богов прошу:
Пусть от философов и от Клеонов стражду,
Пусть нищего суму в чужой земле ношу,
Пусть голодом умру, но жив останусь славой...
И комики других народов и веков
Почерпнут из моих стихов
Искусство мудрое — полезным быть забавой.

Алкиноя

Ах! верь любви моей, что твой бессмертен дар.
Так! мало для тебя одних венцов Ленейских;
Души твоей небесный жар
Воспламенит умы в странах Иперборейских,
Как сердце ты мое воспламенил!

Аристофан

Когда тебе я мил,
Когда со мной мои восторги разделяешь,
То для любви твоей я всё забыть готов,
И славу, и венцы...

Алкиноя

Как часто для стихов
Меня позабываешь.

Аристофан

Я забываю? — нет,
Кто может так любить!

Алкиноя

Ты любишь, как поэт,
Пока не занят сочиненьем;
А я, забытая тобою, с восхищеньем
В восторге, вне себя, стихи твои твержу.

Аристофан

Так что ж? Я нахожу,
Что и меня ты любишь как поэта,
Не правда ль?

Алкиноя

Нет; но моего ответа
Не стоишь ты.

Аристофан

Не стою? почему?
Твоей прелестной остротою,
Любезностью, душой и красотою
Мила ты сердцу моему.

А нравлюсь я тебе моим счастливым даром,
Так что ж дурного тут? — Ты знаешь, у людей
Ничто не делается даром.

Алкиноя

И он же прав еще!

Аристофан

Когда любви твоей
Я чем бы ни было, собой или стихами,
Достойным быть успел,
Коль боги мне дают бессмертие в удел,
То сделай более: сравняй меня с богами —
Соединись со мной!

Алкиноя

Но что любима я тобой,
Ты точно ль сам уверен?

Аристофан

Кто? Я?

Алкиноя

Да, ты; поэт во всем чрезмерен.
Предавшися мечтам,
Он любит, чувствует одним воображеньем:
Восхитит, увлечет, а там
Убьет холодным небреженьем!

Аристофан

Убьет? какая мысль! убьет!.. Но, признаюсь,
В словах твоих есть что-то с правдой схоже.
Я оскорбить тебя и мыслию боюсь:
Ты в мире мне всего дороже,
А часто мы с тобой проводим розно дни.

Алкиноя

Не дни, а месяцы.

Аристофан

Пусть так; но не вини
Любовь мою, она ни в чем не виновата;

Она велит мне жизнь у ног твоих провесть;
Да у меня, как у Сократа,
К несчастью свой домашний демон есть;
Его — большой учитель
Всему, чего не знает сам;
А мой — мучитель
С охотой смертною к стихам,
До глупости людской ужасный неохотник;
Его всё бесит и смешит;
Что б ни случилося, он мне писать велит,
И я, как купленный работник,
Мучителя кляну,
Однако же начну.
Сперва раздразнит он мое воображенье,
Потом я сам влюблюсь в мое творенье
И, самолюбия в чаду,
Успехом будущим заране восхищаюсь,
Меж тем сто раз к тебе сбираюсь,
И наконец пойду...
Но что ж? — в дверях вдруг с мыслью повстречаюсь,
Вписать ее спешу,
Бросаюсь, тороплюсь, пишу,
Окончу, перечту; хочу кой-что поправить,
Поправки же всегда
Для авторов беда:
Начнешь — и всё прощай, не думай их оставить,
Покуда от труда,
А чаще от досады
Не выбьешься из сил, не выйдешь из себя.
Тогда хочу идти; но, вспомня, что отрады
В наморщенном лице не много для тебя,
Я остаюсь, бешусь, бросаюся на ложе,
Клянусь не сочинять, что сделал, всё деру,
А поутру
Опять примусь за то же.

Алкиноя

В кого же ты — в стихи или в меня влюблен?

Аристофан

Она ж смеется!

Алкиноя

Да, ты, право, мне смешон,
И должен согласиться,
Что часто комик сам в комедию годится.
Ах! если б я, как ты, умела сочинять!

Аристофан

Ты вывела б меня на сцену?

Алкиноя

И с успехом.

Аристофан

Так что ж? — советую начать:
Я помогу, и над собою смехом
Народ развеселю; уж план мой сочинен:
На сцене сам себя воображаю живо,
Как буду я смешон;
А чтоб комедия окончилась счастливо,
Пускай веселая развязка в брачный храм
Введет обоих нас.

Алкиноя

Прекрасно; только там
Твоя веселая развязка
Вряд сочинителю счастлива будет.

Аристофан

Как?

Алкиноя

Когда желаниям подрежет крылья брак,
Когда спадет Эрота с глаз повязка,
Тогда что скажешь ты?

Аристофан

Всё то же, что теперь.
Ах, Алкиноя, верь,
Что без тебя мне нет блаженства в мире;
Когда ж благословит союз наш брака бог,
Когда небесной Ире
Угодно будет нам послать любви залог,

Тогда... прости, я забываюсь,
В надежде радостной, в мечтах моих теряюсь!

Алкиноя

Аристофан, оставь свои мечты,
Кто знает... может быть...

Аристофан

Чего ж боишься ты?

Алкиноя

Того, о чем без восхищенья
И думать не могу.

Аристофан

Ах, объясни, чего?

Алкиноя

Тебя и дара твоего.
Быть может, завтра же с тобою разлученье
Готовит мне комедия твоя.

Аристофан

Но если завтра я
Из битвы славной
С злодеем общим и моим
При плесках выйду невредим,
Почтешь ли от небес то помощию явной?
И, убедясь, что я храним
Всесильными богами,
Ты согласишься ль наконец
Зеленый мой венец
Украсить брачными цветами?

Алкиноя

Аристофан!

Аристофан

Молчишь, и слезы на глазах.
Но отвечай?..

Алкиноя

Еще ли ждешь ответа?
Читай его в моих слезах.

Аристофан

Ах! все счастливцы света,
Предметы зависти людской,
Хвалиться счастием не смейте предо мной!..

В конце второго действия, когда Алкиноя, зазвавши к себе Клеона, чтоб встретить Вакхов день, угощает его, дабы, тем задержав его, разрушить заговор его против «Всадников».

Алкиноя

Подруги милые! пусть грозды и цветы
Заменят и венец, добытый кровью,
И мантии багровый цвет.

(Клеону)

Где дышит всё весельем и любовью,
Там почестей отличья нет.
Не правда ль?

Клеон

Что за взгляд!.. Я повинуюсь воле
Богини Кипра и моей.

Созиа

Рядите шу́та поскорей!

Хор вакханок

Виссон твой багровый,
Венец твой лавровый,
Омытый в крови,
Здесь вовсе напрасен:
В них взор твой ужасен
Веселой любви.

Увенчанный плю́щем,
В Клеоне могущем
Нам Вакха яви!
Под связью цветистой

Ты радостью чистой
Наш пир оживи!

Снимают с него мантию и кладут на пьедестал подле Созии, который в продолжение времени ее уносит, чтобы доставить Аристофану для представления в ней в театре Клеонова лица. Алкиноя подает Клеону руку и ведет его на эстраду.

Алкиноя

Пусть в чашах золотых, блистая светлой пеной,
Играет Вакхов дар;
И пусть пленяется сиреной,
Как мудрый Одиссей, афинский казнодар!

Наксия

(поет)

Блажен, кто тайны божества
Умел постичь душою чистой,
Кто видел в играх празднества
Вакханок при луне сребристой.
Блажен, кто в отдых от труда
С друзьями, в радости взаимной,
Из чаши пьет гостеприимной
Сок светлый лозного плода.

Хор

Сюда! Вакханки молодые!
Оставьте гор верхи крутые!
Сюда! Сюда! здесь Еввий ваш
Веселье пьет из полных чаш!

Наксия

Как радостно летит мой взор
Вослед вакханкам быстроногим!
В горах мелькают, мчатся с гор
На смерть еленям лепорогим!
Веселой пляской топчут дол!
Тимпанов звук, свирели внемлю!
В честь Вакху напояют землю
Вино, млеко́ и не́ктар пчел.

Хор

Сюда! Вакханки молодые!
Оставьте гор верхи крутые!

Сюда! Сюда! здесь Еввий ваш
Веселье пьет из полных чаш!

Хор

(во время танцев)

Игры, и песни, и пляски, и радость
Вакху, Семеле и добрым богам
Лучше, чем страхом воздвигнутый храм.
Вромия в славу беспечная младость
С чашей златою как серна скачи!
Вихрем взвивайся, в тимпаны звучи!
Вакхова дара чудесная сладость,
Током беспечным забвенья реки
В сердце вливайся, по жилам теки!

ДЕЙСТВИЕ III

Клеон заперт в доме Алкинои. Она на площади перед домом своим ожидает, чем кончится представление «Всадников». Прислужники Клеоновы — Феогней, Евгалий, Иппербол и Хавес, не видя Клеона в театре, один за другим уходя из театра, чтобы его отыскивать по всем Афинам, приходят все один после другого на площадь, где Алкиноя, их останавливая, спрашивает, что происходит в театре. Между сими разговорами она склоняет их к мысли, что Клеон пропал, и, утвердя их в ней, предлагает им:

‹Явление 5›

Алкиноя

Когда ж Клеона нет,
То смею я подать вам дружеский совет.

Феогней

Какой?

Алкиноя

Чтоб времени не тратили напрасно.

Феогней

Идем...

Алкиноя

Куда?

Феогней

В театр.

Алкиноя

Чтобы явяся вдруг,
Испортить всё, не сделав прежде плана?
Ах, для богов прошу забыть Аристофана.
И до него ли вам? Но я скажу как друг
Честных людей, что вы, опасность всю измеря,
Премудро всё должны сообразить,
Чтоб тотчас замыслы никийцев отразить.

Хавес

Сиречь, покуда Клеона потеря
Волнует Афины, на Никия прямо в донос,
Явки же, справки, улики, и суд и допрос
Мигом спроворить наше уж дело.

Алкиноя

К несчастью, доносить могли тогда вы смело,
Когда Клеон всё делал из Афин;
Но если нет его...

Евгалий

Ах! нет.

Феогней

На что решиться?

Алкиноя

Волненьем пользуясь, в минуту согласиться,
Чтоб, Никию назло, сейчас из вас один
Был выбран заменить Клеона.

(Взглянув на Хавеса)

В законодательстве всё знание Солона,

(на Феогнея)

Витийства жар Эдипова творца,

(на Евгалия)

Периклов ум и вкрадчивость в сердца

(на Иппербола)

И Фемистоклово терпенье
Вам порознь щедрою природою дано;

Так вместе слейте всё, владея заодно,
И выбор ваш решит республики спасенье.
Чем, например, Хавес не казнодар?
Не правда ль?

Евгалий

Стар.

Алкиноя

Так опытен. А ты, Евгалий?

Хавес

Молод.

Алкиноя

И мил. — А Феогней?

Иппербол

Горяч.

Алкиноя

Но холод
Войнский жар тушит;
И даже Иппербол...

Феогней

Смешит.

Алкиноя

Афины любят смех.

Иппербол

Где нам!

Алкиноя

А почему же?
Чем Левзиклея вы или Эвкрата хуже?
Один ходил на торг под вьюком полотна,
Другой прославился продажею руна,
Хотя не золотого;

Но докричались же, на площадях крича,
Что прежде одного, а после и другого
Народ их посажал никийцам на плеча;
И даже сам Клеон, погибший казнодаром,
Без вашей помощи сгибался б под товаром;
Так почему же вам не заменить его?
«Смелей, кто нынче ничего,
Тот завтра будет всё в пресчастливых Афинах.
Сквозь туч летит орел,
А муха вязнет в паутинах».
Скажите ж, где Клеон орлиный взгляд обрел?
Где крылья взял? Как смел летать за облаками
И низвергать Зевесов гром?
Вы сделали его орлом,
Так мухами не будьте сами.

Феогней

Так, признаюсь, без нас...

Алкиноя

Он был ничем.

Иппербол

Чрез нас...

Алкиноя

Стал всем.

Хавес

И нами...

Алкиноя

Держался. Так, он вашим жил умом.
Евгалий, ты молчишь; но согласися в том,
Что часто заменял язык его и ухо?

Евгалий

Кто? я?

Иппербол

Ну ж признавайся, ты видишь, не стало его,

Евгалий

Признаюсь, не без того;
Говорил Клеон пресухо,
Кой-чего не понимал,
Так язык его и ухо
Я смягчал
И извещал.

Феогней

Он сам признавался за Вакховой чашей,
Что не раз бы, наверно, пропал без меня.

Алкиноя

И все уверены, что он без дружбы вашей
Не уцелел бы дня.
Я шлюсь на самого Хавеса,
Что он ему помог
Недаром обвинить богатого Лахеза.

Хавес

Драхмы б одной без меня с богача улучить он не мог.

Алкиноя

А родственник его, и, кажется, не дальний,
Ты, Иппербол многострадальный,
Что брани за него и от него сносил
За то, что так его любил?

Иппербол

По прабабке деда ему причитаяся в дяди,
Не презло-лже-приятно-потворно-наветной
подлости ради,
Я терпел за Клеона всю адскую злобу пресущих обид,
Каковых от царя Одиссея едва ли терпел и Ферсит.

Алкиноя
(в сторону)

Теперь останутся.

(Им)

И что же за терпенье?

Иппербол

Ах! за чуждую брань он не родственно бранью своей награждал.

Алкиноя

Так он же должен был терпеть и награжденье.
Но, Феогней, тебе...

Феогней

Премного сулил и премало давал.

Хавес

Платы мы мало видали, но слышали множество лести.

Евгалий

Казнодару же дружил
Я почти из чести.

Алкиноя

(Наксии)

А вот и жалобы! Пора!

Наксия уходит.

Так эта честь,
Посулы, брань и лесть
Клеона возвышать давали вам охоту?
Вот бескорыстные друзья!
А думала и я,
Что вы ему дружили по расчету;
Но извинительна вина моя.
Ах! кто б воображал в Клеоне эту скупость!
Так вы, несчастные, страдали за него
Почти из ничего?
Бывало, сделают неправду или глупость,
Все тотчас обвиняют вас:
И вот в республике у нас
Как правые в вине, и в правых виноватый!

Феогней

Совету благому не внемлет гордец!

Хавес

Дело представить: он чашу осушит, и делу конец!

Иппербол

И вымолвить больно, что за правду бывало мне платой.

Евгалий

Он войнскую казну
Тратил на своих красавиц,
С нами ж брань делил одну.

Хавес

Кровью афинской тучнил злых піявиц,
Мы ж получали всемирный укор.

Феогней

Не мы ль помогали в лесбосском безбожнейшем деле?
Пришло до раздела: ему всё богатство, а нам весь позор.

Алкиноя

Да, он безжалостно ограбил вас в разделе.

Хавес

Наше не будет грабителю впрок:
Алчный погиб и обола не снес он с собою Харону.

Феогней

Грабитель!

Иппербол

Бесстыдный!

Евгалий

Бездушный!

Алкиноя

Вот урок
Не одному Клеону!

‹Явление 7›

После сего приходит еще **Антимах** из театра и рассказывает об оном. Потом прибегает **Созиа**.

Созиа

Победа! победа!
Аристофан...
(Увидя прочих)
Ай, ай!
Какая здесь беседа.

Алкиноя

Ах! продолжай:
Аристофан...

Созиа

(тихо)
Да это предурные люди!

Алкиноя

Где ж он?

Созиа

Придет сюда в венце, и скоро...

Алкиноя

Не шепчи,
И, не щадя усердной груди,
И злым, и добрым вслух кричи:
Аристофан, Афинам к чести,
Ленейский заслужил венец;
Порочных не страшася мести,
Пороки в глубине сердец
Аристофан казнил позором,
И не постыдным заговором,
Не прихотью друзей,
Но дара силою одною
Он славится, и Алкиною
Бессмертит славою своей!

Хавес

Как! Ты...

Алкиноя

Так, я! скрывать не стану:
Клеона, вас, себя... и всё, что в мире есть,
Бессмертному Аристофану
Еще готова в жертву несть.
Ах! спала с сердца тягость:
Притворство не теснит мой дух!
И вслух
За их святую благость
Могу благодарить богов!

Хавес

Дело и слово! открыт пребезбожнейший ков!

Иппербол

Ты хотела, о злая Киркея,
Как спутников бедных царя Одиссея,
Чародейною силой твоей
Так увидеть и нас превращенных...

Созиа

В людей.

Антимах

Да не могла.

Феогней

А может и прелесть и младость
Душевных порывов тайни́цею быть?

Алкиноя

Ах! радость
Возможно ли скрыть!
Сердца коснется и быстро по жилам
Прольется огнем,
Вспыхнет румянцем, проглянет лучом,
И тайна открыта!.. Нет! смертного силам
Над радостью воли судьбой не дано!

Антимах

И кормчий усмирить не может в море волны,
Да в пристань прячется, чтоб не нырнуть на дно,

Алкиноя

Пусть радостью моей Афины будут полны;
Пусть мчится вслух она и другу и врагу,
Пусть встречею летит к Аристофану:
Таить ее не стану,
И не хочу — и не могу!..
Пусть греки, варвары и всё, что жизнью дышит,
Ее восторги слышит;
Хочу, чтобы она повсюду разлилась,
Везде распространилась,
Росою воспарилась
И к светлому Олимпу вознеслась!..
Там венцедатель Фив и боги любят нас!..
Ах!.. счастью моему вы будьте также рады,
Оставьте ссоры, брань
И личные досады.
Веселием платите дань
Счастливым вдохновеньям Фива;
За шутки отомщать не думайте бедой,
Не ослепляйтеся враждой;
Она всегда несправедлива;
Любите все супруга моего.
Я им превыше мер счастлива!
Ах! ненавидеть он не может никого,
И если б знали вы, как он любить умеет!..

Феогней

Как женской душою Киприда владеет!
Она в исступленьи, и слезы сверкают в глазах.

Алкиноя

Из сердца их брызжет небесная радость!
Так, Феогней, в моих слезах
Я нахожу такую сладость,
Какой и в небесах
Бессмертные всечасно не вкушают
И жителям земли так редко уделяют!..

1824

ПРОЛОГ КОМЕДИИ «ИГРОКИ»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фрындин.
Надежда Глебовна, жена его.
Наташа, их питомица.
Граф Лидин, молодой офицер.
Богдан Григорьич.

Рутинский Хлопушкин Трумфен Гнездов Хохрин Крючко Узбек Мурза	игроки.

Джемсон, английский купец.
Дюфур, содержатель магазина.
Агисев.
Абхаз, бухарец.
Дыдыч, калмык.
Лейба, жид.
Сенька, шут Фрындина.
Нищий.
Итальянец, разносчик.
Игроки.
Танцмейстер.
Сидельцы.
Разносчики, купцы разных европейских и азиатских земель, слуги, мальчики из кафе и танцовщики.

Театр представляет торговую площадь; в глубине видна река, покрытая судами, на берегу раскинуты палатки; поперек театра, против шестых кулис, ряд лавок, поставленных попарно, так, чтобы между ними был открыт дальний вид; в первой кулисе на правой стороне домик, фасадой с открытою лавкой, вроде буфета; против зрителей, в профиле — дверь. Надпись над лавкой: «Контора В. Джемсона», против нее, на левой стороне, поставлен в профиль между кулис такой же домик с такой же надписью: «Магазин Л. Г. Дюфур»; подле лавки у камня — скамейки для отдыхающих; рядом с магазином — домик с буфетом, надпись: «Кофейный дом Гайтано Сабайони»; подле конторы, против кафе, — лавка с надписью: «Федот Агнеев»; дале, по обеим сторонам во всех кулисах, лавки с надписьми: «Индейская лавка», «Турецкая лавка», «Греческая лавка», «Магазин квакеров», «Сарептская лавка», «Ибрагим Османович», «Голландская лавка», «Московская палатка».

Явление 1

При поднятии занавесы оркестр доигрывает увертюру, изображающую ярмарочный шум. Театр наполнен разным европейским и азиатским народом, позади, сквозь ряды лавок, видны цыгане, меняющие лошадей. Подле кафе русский купец и персианин играют в шахматы; на другой стороне русский и башкирец торгуются на счетах; разносчики носят свои лотки, а иные стоят подле складных столов; жид разыгрывает в фортунку разные мелочи; итальянец носит барометры, зонтики и эстампы; Дюфур и сидельцы сидят в своих лавках; буфетчики в кафе, где некоторые из приезжих пьют и едят мороженое; Джемсон с бухгалтером в своей конторе. По окончании увертюры слышны на берегу цыганские песни; народ идет к ним и чрез то театр несколько очищается.

Джемсон

(Дыдычу, который подходит к конторе)

Ну что, готов товар?

Дыдыч

Он вся в моей кибитке;

А как ценам?

Джемсон

Войди, ручаюся за то,
Что ты со мной не можешь быть в убытке.

Явление 2

Те же и Хлопушкин (входит в задумчивости).

Сиделец
(московской палатки)

Егор Терентьич!

Хлопушкин

А?

Итальянец
(подходя с зонтиками)

Синьор Хлопушка!

Хлопушкин

Что?

Итальянец

Изволь смотри товар, скажи, что вам угодно?

Хлопушкин

Угодно денег мне.

Итальянец

Ма, деньга не товар.

Сиделец

Пожалуйте-су к нам, мы вам уступим сходно.

Хлопушкин

В кредит?

Сиделец
(отворачиваясь)

Нельзя-с.

Узбек подходит к лавкам.

Фам.? [illegible]

[illegible]

Соф.? [illegible]

С подобными людьми.

[illegible]

Фам.? А руки что? [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

~~[illegible]~~

~~[illegible]~~

[illegible]

Хлопушкин
(Узбеку)

А! козыр из татар!
Послушай!

Узбек

Что?

Хлопушкин

Дай денег мне, как хочешь.

Узбек

Я проигралась сам.

Идет от него. Хлопушкин за ним, останавливает и говорит ему во время сцены, наконец тот уходит.

Дюфур
(Абхазу, который идет с мешком)

Прошу, войди скорей.
(Отворяет магазин.)
Ви шаль принес?

Абхаз
(входя в лавку)

Принес.

Во время сцены он показывает шали, тот рассматривает, торгуется, и наконец Дюфур отсчитывает на прилавке червонные.

Лейба
(выходя из лавки Агнеева)

Нет, я честно́й еврей.

Агнеев

Честной иль нет, еврей иль жид, а ты хлопочешь
Из вздора сущего.

Лейба

А нет же, то не вздор,
Який я жид? И почему Иуда?
Я Лейба Лазарич.

Агнеев

Сказал, и с этих пор
Мы будем звать тебя как надо, но покуда
Еще не смерклося, сведем-ка наш итог,
Всё перемеряем, чтоб не было обмерки,
Прикинем раза два на счетах для поверки —
И дело кончено.

Лейба

А у́же знает бог,
Еврей иль инший кто из нас кого обманет.

Агнеев

Нет, нашего ума и с немца вряд ли станет.

Хлопушкин

(возвращаясь от Узбека, Агнееву)

Федот Агнеич! Как дела идут?

Агнеев

Хоть брось!

Хлопушкин

А что?

Агнеев

Да вот, пустясь к Макарью на авось,
Не видя ничего, уж тысяч пять, побольше,
Проторговал ему.

Хлопушкин

Поправишься, не плачь.

Лейба

А если б так проторговаться в Польше
Мне бог велел, то первый наш богач
Абрам Самойлыч Нотка
В ученики б ко мне проситься стал.

Хлопушкин

(трепля по плечу Агнеева)

Ну, кум!
Ты видишь, и жиду с тобою не находка.
Нет, старина, уж ты не бросишь наобум.

Агнеев

Где нам!

Хлопушкин

Мне есть сказать два слова.

Агнеев

Вот с евреем
Окончим только счет, потом
И с вашей милостью поговорить успеем.

(Лейбе)

Пойдем.

(Отходя)

Он промахнул и ладит взять в заем.
Да не на тех напал.
(Входит в свою лавку.)

Хлопушкин

Раскольник сметил
И тягу дал. Кого сегодня я ни встретил,
Все от меня стрелчка;
Не черт ли шепчет им, что я совсем в банкрутах?
Что Хохрин осадил меня на баламутах...
Да неужли ж он взял на вернячка?..
Где к черту; разве тут не Фрындина ли штука?
А! вот Рутинский, всё узнаю от него.

Явление 3

Те же и Рутинский.

Хлопушкин

Что нового?

Рутинский
(улыбаясь)

Почти что ничего.

Хлопушкин

Однако же?

Рутинский

Слух носится, что щука
Попалася вчера на у́ду.

Хлопушкин

То есть — я
К Вавиле Хохрину попался?

Рутинский

Да, попался.

Хлопушкин

Послушай, мы с тобой товарищи, друзья...

Рутинский

Да как же ты, мой друг, товарищ, проигрался?

Хлопушкин

Да так же, как и ты.

Рутинский

Нет, был я в дураках
У Фрындина, а ты у Хохрина Вавилы.

Хлопушкин

Пустое, он в руках
Не знает карт держать, а эти вилы,
Которые он пальцами зовет,
Неужли могут быть на дело годны?

Рутинский

Очень.
Он ими кошелек чей хочешь продерет.

Хлопушкин

А эта голова...

Рутинский

Она торчит, как кочень
Над грязным парником,
Да в ней-то счета нет таким затеям,
Каких у Фрындина под париком
Не сыщешь.

Хлопушкин

Вот еще... Он смотрит ротозеем.

Рутинский

Однако ж в рот ему ты пальца не клади, —
Откусит.

Хлопушкин

Разве я без глаз?

Рутинский

Да ты гляди
Хоть во сто глаз, и даже
С очками Трумфена, а наш провор
Сфилирует и Гнездова поглаже.

Хлопушкин

Неужли? Да на что ж поддел меня?

Рутинский

На вздор,
На крап.

Хлопушкин

На крап?

Рутинский

На крап простой.

Хлопушкин

О боже!
На крап! На эту дрянь, в наш век поддет —
и кто же?
Егор Хлопушкин! От кого?
От Хохрина Вавилы!.. Но кому бы
Пришло на мысль... ну как вот вижу я его:
В халате ситцевом сидит, развеся губы,
Курит тютюн, жует с минда́лем чернослив,
Над Сенькой-дураком хохочет,
Потягивает пунш, зевает, еле жив,
Тасует карты так, что в них глядись кто хочет, —
Как тут не взять на глаз?

Подметишь, сдвоишь куш, пригнешь — он карту
бросит
Направо, бряк, как раз!
Да он же у меня еще прощенья просит! ..
Нет, черт возьми глупцов! Я вечно не прощу,
И если самому нельзя никак подняться,
То доку на него такого отыщу,
С которым всем моим изволит расквитаться,
И спустит всё свое.

Рутинский

Так отыщи ж, утешь; я с вами в пятой доле?

Хлопушкин

Изволь.

Рутинский

Ну, по рукам; а у тебя чутье
Что мой Картуш! .. да нет, в последнем поле
Он сбился два раза, а ты уж никогда.
Сам Фрындин говорит, что без твоей загонки
Ему игры вести не стоило б труда.
И Трумфен, и Крючко, и Гнездов, как ни тонки,
А загонять гусей перед тобою пас! ..
Тьфу пропасть, у тебя как глаз проклятый меток
На батюшкиных деток!
Подметишь за версту, вопьешься и тотчас
Пойдешь о том о сем, о деле, о безделье,
Глядь: гусь у Фрындина, за картами, а там
В родительском его поместье новоселье
Справляет Фрындин сам.

Хлопушкин

У Фрындина и ты, и я, и все мы пешки;
Меня под Хохрина подвинул кто вчера?

Рутинский

Не он.

Хлопушкин

Так он велел; где только есть игра,
Там верно он в части, и этой злой насмешки
Я не прощу.

Рутинский

Прости.

Хлопушкин

Он сущий эгоист.

Рутинский

Да кто ж не эгоист?

Хлопушкин

Смеешься ты, как видно,
Что щиплют не тебя.

Рутинский

Нет, я давно уж чист
По вашей милости.

Хлопушкин

Как слышать не обидно!
Он чист по милости моей!
Да милость-то моя чуть милостынь не просит
По чьей же милости? От Фрындина затей
Мы чисты все, и он не жнет, не косит,
А собирает всё. Да нет, теперь конец,
Посмотрим, без меня как будет наш хитрец
Наследничать за всех безумных.

Рутинский

Благодарствуй.

Хлопушкин

Да кто тебя откликнуться просил?

Рутинский

Тот самый, кто его в мой дом переселил.

Хлопушкин

Ты ж виноват.

Рутинский

А в чем?

Хлопушкин

Не полубарствуй,
Не выдавай себя сычевским богачом.
С чего бы за тобой я с год проволочился?
Кто б мне велел тащить тебя в игрецкий дом? ..
Да для чего ж я сам, безумный, так трудился?
Чтоб быть у Фрындина, как ты же, в дураках.
В собаках гончих; так, не мы ль во всех глазах
Картежники? А он, Иван Фаддеич Фрындин,
Чуть по жене не граф, везде в большом ходу,
Хотя отец его сидел в панско́м ряду,
А твой служил; так нам неужли не обиден
Его сеньерский тон? Мы знаем наизусть,
Кто он, что он, а перед ним робеем,
Как школьники; скажи, что мы имеем?
Что наиграли? Вот

(Показывает кошелек)

смотри, он пуст,
А у него набиты,
И нашим же добром, не кошелек — мешки;
Тюрьмою нам грозят, мы только что не биты;
Ему ж сулят места, в честь делают стишки.
За что и почему скотом рабочим
Он нас запряг в хомут?
Зачем щадим его? Зачем себя порочим?
И если мы плуты, зачем же он не плут?

Рутинский

Затем, что нас умней, и женин муж.

Хлопушкин

Так мужу.
Жене-манерщице и прочим услужу
И каверзы его все выведу наружу.

(Идет.)

Рутинский

Куда ж ты?

Хлопушкин

Никуда. Оставь, я так хожу,
С сердцов.

Рутинский

И! полно, брось.

Хлопушкин

Не брошу.

Рутинский

Ей, не ссорься.

Хлопушкин

Как! Хохрин! И меня!.. На крап!.. Да этот срам
И проигрыша мне обидней.

Рутинский

Ну ж, остойся
И выслушай.

Хлопушкин

А что?

Рутинский

Егор! Уж, видно, нам
Судьбой назначено играть в одни игрушки,
И чем ушибся, тем лечись:
Сторгуйся с Трумфеном, за Лидина примись
И не бесись за вздор.

Хлопушкин

За вздор! Да ни полушки
Нет дома у меня.

Рутинский

Переезжай ко мне.

Хлопушкин

Переезжай! На чем? Да у меня одне
Попоны с лошадей осталися, а кстате
Прокинь на них.

Рутинский

Изволь... Нет, солнце на закате,
И мне пора... скажи, который час?

Хлопушкин

Спроси у Хохрина.

Рутинский

Как! и часы?..

Хлопушкин

В отделке
У мастера.

Рутинский

А Нóртон твой у нас
Считался редкостью, и, верно, сплыл в безделке?

Хлопушкин

Нет, извини, он мне пришел в трех стах,
А я спустил в семи.

Рутинский

Ты вечно в барышах.
Но мне пора.

Хлопушкин

Куда?

Рутинский

Я так влюблен в Наташу,
Что нынче для нее танцовщикам плачу
Хоть всё, что Хохрин взял вчера на долю нашу.

Хлопушкин

Как, Хохрин?

Рутинский

Да.

Хлопушкин

Вот что!

Рутинский

Я не хочу,
Чтоб ты на Фрындина имел пустую злобу.

Нас Хохрин уверял, что он злодей в картеж,
То Гнездов выдумал, как мастера на пробу
Тебя подвесть.

Хлопушкин

И ты вошел в грабеж?

Рутинский

Нет, долг платил; в игре порука круговая,
Ты прежде, я вчера, кому сошло, тот прав.

Хлопушкин

Да это уж разбой!

Рутинский

Прощай.

Хлопушкин

А! ты уходишь!

Рутинский

Мне надо плясунов, а ты крикун, и нрав
Несносный у тебя, за пустошь колобродишь,
Обыгрывай меня, я слова не скажу.

(Уходит.)

Явление 4

Те же, кроме Рутинского.

Хлопушкин

Ушел подлец, но я за дружбу отдружу
И трактовать себя ребенком не позволю.
Неблагодарный! Он забыл,
Что к Фрындину в пятнадцатую долю
Я взял его, как он совсем общипан был,
И стоило труда какого,
Чтоб тронуть Фрындина; уж согласился он
Принять его за то, что общества большого
Он несколько имеет тон

И может говорить с безумными о вздоре...
Нет, верить не могу тому,
Чтоб не был сатана в чертовском заговоре,
И Гнездов скажет ли ему...
Он был, так был, и мне то больно до зареза.
Но баста, квит за квит: я им репик, капот
И на рефет задам.

(Задумывается и садится на прилавок.)

Дюфур
(отсчитывая в лавке червонцы Абхазу)
Шервонес верна счет.

Абхаз
(рассматривая червонцы)
Они обрезаны.

Дюфур
Неправда, нет обреза,
Я взял мосье Лейба́.

Абхаз
Обрезаны.

Дюфур
Ви лжешь,
Шервонси мой хорош,
А ваша шаль дурна; смотри, ее таскали
Вы сама, ваша шён и весь ваш сапажу.

Абхаз
Ты сам, мусье, башмак.

Дюфур
Башмак? Что ви сказали?
Тут нет башмак, ваш шаль в дири.

Абхаз
Нет, я кажу,
Кому ты хочешь.

Дюфур

He, bien![1] иди сюда.

(Отворяет лавку, ведет Абхаза и тащит шали.)

Абхаз

Постой!

Дюфур

На что постой?
Иди...

Абхаз

Да ты их так по рынку изволочишь,
Что будет стар, возьми...

(Кладет ему шаль на руку.)

Дюфур

А ви шервонси мой
Неси на руки так, а то тотчас подменит.
Parbleu![2]

(Идут к конторе Джемсона.)

Явление 5

Те же и Богдан Григорьич.

Дюфур

(у конторы)

Мосье Жемсон! Мосье Жемсон!

Джемсон

Кто там?

Дюфур

Мосье Дюфур, пардон.
Прошу, скажи, во что ви эта шаль осенит?

Джемсон

Посмотрим.

(Выходит.)

---

[1] Хорошо! (франц.). — *Ред.*
[2] Черт возьми! (франц.). — *Ред.*

Абхаз

(не давая шали)

Нет, вы оба с ним мусьи,
Так ты зовешь его к себе же на подмогу;
Пусть русский судит нас... Они нам не свои,
Им всё равно.

Дюфур

Изволь.

(Увидя Богдана, который подходит)

Ви русски?

Богдан

Слава богу!

Джемсон

(узнав Богдана)

Как! это вы?

Богдан

Молчи!

Абхаз

Будь русска нам судья!

Дюфур

C'est ça.[1]

Богдан

Да в чем же дело?

Абхаз

Она купила шаль моя
И дал шервонса вся не цело,
Смотри...

Дюфур

Вот шаль: как нов и хороша?

Богдан

(смотря на шаль и червонцы)

А! вижу: спор идет о золоте и шали,
Которые в руках у многих побывали.

---

[1] Пусть так (франц.). — *Ред.*

Дюфур

He, bien.

Богдан

(Дюфуру)

За шали ты получишь барыша,
Свези в Москву, и тотчас их расхватят.
Там дамы модные, а если дашь в кредит,
То ни одна из них и дыр не разглядит,
А после их мужья поспорят и заплатят.

(Абхазу)

А ты к сынку богатого скупца
Отдай червонцы в рост, до похорон отца
Они перерастут империалы.

Джемсон

Дельно
И ясно.

Абхаз

Да, шервонес твой всё цельно.

Дюфур

Прекрасна ваша шаль.

Богдан

Так с глупости людской
Идите ж дань сбирать.

Дюфур

Мерси.

Оба уходят в магазин, и там оканчивают торг.

Богдан

(Джемсону)

А я с тобой
Когда поговорить могу?

Джемсон

Когда угодно.

Богдан

От Сундерланда я на ярмарку в запас
Открытый вексель взял, ты примешь ли?

Джемсон

Охотно.
Тем больше, что теперь и деньги есть у нас.

Богдан

А разве не было у вас большого торга?

Джемсон

Нет, мы берем на счет, а нынче здесь
Судами затопилась Волга,
И берег весь
Товаром завален, не помнят года,
В который бы сбиралося сюда
Так много разного народа.

Богдан

А я в Венеции и в Риме никогда
Не видывал так много разных масок.
Здесь из арабских сказок,
Ста новых новостей
И всех Вольтеровых романов
Увидишь выходцев, сюда магнит карманов
Европу с Азией стянул и свел людей,
Которые в лесу когда бы повстречались,
То, верно, лешими друг другу показались.
Так, я душевно рад,
Что вздумалося мне, и дали порученье,
Увидеть этот маскерад.
Какая пестрота!

(Оглядывается кругом.)

Хлопушкин

(который сидел в задумчивости на прилавке, увидя Богдана, всматривается в него)

Какое в том сомненье,
Он, точно он...

(Подходя с большим почтением к Богдану)

А! Ваше...

Богдан

Тсс! ..

Хлопушкин

Молчу;
Но молча узнаю и радуюсь сердечно.

Богдан

Да я быть узнанным и молча не хочу,
Никак не радуюсь. Скажи, шалун, как вечно
Встречаюся с тобой, где я тебя не жду?

Хлопушкин

Шалун! .. вы так же всё любезны.

Богдан

А ты всё так же?

Хлопушкин

Нет, я здесь себя веду
Совсем не так.

Богдан

А как?

Хлопушкин

Да так же, что полезны
Здесь могут быть мои услуги вам.
Когда быть узнанным вы не хотите сами,
То, верно, вам других знать нужно?

Богдан

Я и сам
То ж думаю.

Хлопушкин

А я со всеми языками,
Со всеми лицами, иль масками, знаком;
Я задушевный друг с французом, с калмыком,
С башкиром, итальянцем,
С годдемами, с мейнгеррами, с бухарцем,
С дервишем, с квакером, с брамином и с жидом.

Богдан

И с игроками?

Хлопушкин

Так, отчасти.

Богдан

То есть что ты у них в части?

Хлопушкин

Почти что нет.

Богдан

А помнишь, в Любеке что от картежной страсти
Случилось?

Хлопушкин

Помню: там я в дьявольский пикет
С проклятым шулером немецким
Продулся и в тюрьму попался наконец.

Богдан

Я выкупил тебя, за то, что твой отец
Был тридцать лет у нас дворецким,
И он просил...

Хлопушкин

Могу ли сметь
И я просить?

Богдан

О чем?

Хлопушкин

Позволить мне хотеть...

Богдан

Чего?

Хлопушкин

Чтоб и меня, как вас, не узнавали,

Богдан

Как! Ты, повеса...

Хлопушкин

Тсс!

Богдан

Молчу!

Лавочники

(кричат)

Эй, господа,
Сюда пожалуйте! Пожалуйте сюда!
Здесь славный гродетур, здесь штофы, есть
здесь шали.

Явление 6

Те же, Фрындин, Фрындина и все действующие лица.

Фрындин входит с Крючко, Гнездовым и несколькими игроками. Потом Фрындина, Наташа, Лидин и Трумфен; они все торгуют товары, сперва у лавок, стоящих внутри театра, потом обходят прочие, занимая время разговора Хлопушкина с Богданом и сообразуясь с ним. Многие богатые покупщики выходят с разных сторон, Мурза с ними же. Он подходит к Фрындину. Рутинский, входя после других, подбегает к Наташе, она его принимает сухо, он идет к лавке Дюфура и торгует сервиз. Хохрин и Сенька выходят последние. Дамы сходятся между лавок.

Богдан

Что значит этот крик?

Хлопушкин

Бонтон сюда вошел;
Он был в домах запрятан днéвным зноем.
Вот Фрындин, матка этих пчел,
Которые за ним везде порхают роем,
Чтоб мед сбирать с наследств.
И в мире нет такого эконома:
К наживе более пятидесяти средств
Имеет он в руках.

Богдан

Что ж он?

Хлопушкин

Хозяин дома,
Где все, опричь его, играют... И никто,
Опричь его, не выиграл.

Богдан

Вот чудо!

Хлопушкин

Что из ходячего к нему ни входит в дом,
То, обойдя карманы все кругом,
Войдет в его карман.

Богдан

Мне это знать не худо.
Что ж дальше?

Хлопушкин

Он завел картежный факультет
И плутней фабрику. Хоть с лишком сорок лет
В панско́м ряду сидел Фаддей, его родитель,
И Ванька с ним кричать «сюда-с, прошу» был зол,
Но все забыли то, как в полузнать вошел
Иван Фаддеевич, талантов покровитель,
Член Благородного собранья, хлебосол;
Как, корча барские манеры,
Он оливреил слуг, карету огербил,
Завел оркестр и пышный дом открыл,
Который славится под именем галеры
У нас в Москве.

Богдан

Ну пусть он выбился умом,
Да глупость чья? И как открыли Ваньке средства
Попасть в Фаддеичи?

Хлопушкин

В какой-то барский дом
Отец его был вхож, и барин с малолетства
Ванюшку полюбил и записал в приказ,
К судьям, к секретарям подбился он как раз
По части взяточной, а после понемногу,
По барской милости, пошел из класса в класс;

Когда же у него казна позавелась,
То в люди картами открыл себе дорогу.

Богдан

Как водится у нас,
Но переводится уж нынче...

Хлопушкин

Слава богу.

Богдан

Ну, Фрындин уж готов, теперь пускайся вдаль,
Любезничай о прочих, да нельзя ль
Короче...

Хлопушкин

Можно; вот жена его под током,
С ней Фрындин в брак вступил для знатного родства,
Она ж офрындилась тогда, как уж за сроком
В невестах просидя, дошла до сиротства,
И граф, ее отец, убил на итальянцев,
Французов и других меняльных иностранцев
Пять тысяч душ, что сплошь случается в Москве.
Графиня же, спустясь до Фрындина, сначала
С своим сиятельством минувшим в голове
Супруга своего совсем к рукам прибрала,
Он стал приохивать, да фортель с ней нашел,
И так умнехонько в игру ее завел,
Что сделалась она игрицей страстной;
Как выиграть ей даст — день целый весела,
А при игре несчастной,
Чтоб деньги выманить, так с Ванечкой мила,
Что любо поглядеть.

Богдан

Да Ванечка преславный
Штукарь.

Хлопушкин

Но то ли вы узнаете о нем.
Вот этой девушки, что подле них, с отцом
Он шуткой презабавной
Вошел в кредит.

Богдан

Какой?

Хлопушкин

Отец ее был с ним
Приятелем, и что ж? Да это между нами...

Богдан

Уж разумеется.

Хлопушкин

Он Гнездова руками
(показывая на Гнездова, который с Крючко стоит у лавки на правой стороне)
Того, что там стоит с бездушником другим,
Понтеркой обыграл... приятеля.

Богдан

Бездельник!

Хлопушкин

И этим самым он в предобрые попал.

Богдан

Как этим?

Хлопушкин

Да, как Гнездов обыграл,
То вон другой
(показывая на Крючко)
картежный рукодельник,
Крючко, приказная строка,
Принудил продавать именье с молотка;
Тогда, чтоб доказать ограбленному дружбу,
Публично Фрындин взрыд заплакал за него,
Всё выкупил.

Богдан

И отдал?

Хлопушкин

Ничего.
Но передал жене, а друга чуть не в службу

И с дочерью в свой дом определил,
То есть дал флигелек, кормил и закормил.
От устерс бедный друг скончался в трое суток,
Препоруча ему спасенных от игры
Трех слуг и дочь свою, а Фрындин с той поры
Попал в предобрые.

Богдан

Но много ль этих шуток
Забавных про него ты знаешь?

Хлопушкин

Да ему
Друзья живой барыш, нет спуска никому.
Он и со мной вчера сшутил ничем не хуже.

Богдан

Так за себя ты зол?!

Хлопушкин

Нет, за нее я вчуже
Бешусь.

Богдан

А он ее трактует дурно?

Хлопушкин

Так и сяк.

Богдан

Но хоть жена его добра ли?

Хлопушкин

Так,
Ни то ни се; добра сегодня, завтра злится,
То ласкова, то зла,
Смотря как в этот день фортуна ей везла.
Но Фрындин дал приказ питомице: рядиться
В брильянты женины.

Богдан

Зачем?

Хлопушкин

Тут фортель есть...
Он в чучелки ее изволил произвесть,
Вот этот офицер, что подле них галанит,
Богач и, кажется, в питомицу влюблен,
Так опекун и манит
На прелести ее влюбленного.

Богдан

Кто ж он?

Хлопушкин

Граф Лидин.

Богдан

Как? Какой? И не его ли брата
При Чесме близ меня убили?

Хлопушкин

Так, его
Родного.

Богдан

Боже мой! Брат друга моего
В когтях у этого пирата!

Хлопушкин

Злодея, изверга.

Богдан

(в сторону)

Он слишком зол
На Фрындина и так...

Хлопушкин

(показывая на Трумфена)

А вот его предатель.

Богдан

В очках?

Хлопушкин

Так.

Богдан

Вид его на память мне привел
Кого-то... Кто же он в Москве у вас?

Хлопушкин

Сокол
Залетный... он кричит, что был большой приятель
С покойным Лидина отцом,
Зовется Труменом и фоном, но об нем
Я всё узнал наверно.
Он был учителем, и больше ничего.
Теперь же продает питомца своего
Компанье Фрындина. Не правда ль, это скверно?

Богдан

Да, если правда.

Хлопушкин

Да кому же знать верней?
Они не обошлись без головы моей,
И я с ним кончил...

(Увидя Хохрина)

Ах!

Богдан

Что сделалось?

Хлопушкин

По коже
Морозом подрало, как этого срамца
Увидел.

Богдан

Отчего ж?

Хлопушкин

Дурацкой этой роже
Безделка обыграть, как сущего глупца,
Кого прикажете.

Богдан

Он чуть ли до приказа
Не обыграл тебя, признайся...

Хлопушкин

Дочиста.

Богдан

Что ж голова твоя...

Хлопушкин

Пуста,
Но мой карман пустей...

Богдан

Так неужель два раза
Придется мне платить твои долги?

Хлопушкин

Да, сына вашего усердного слуги
Закупорить в тюрьму в вас сердце не способно.

Богдан

Слуги?.. Какого?.. Тсс!..

Хлопушкин
(видя, что Фрындин подходит)

Они подходят к нам.

Богдан
(показывая на контору)

А мы уйдем к нему...

Хлопушкин
(отворяя дверь)

И всё уладим там.

Богдан
(входя в контору)

Чтоб все их каверзы узнать подробно,
Я сам готов пуститься в игроки.

Рутинский
(торгуя у Дюфура сервиз)

Эй, Гнездов!

Гнездов

(который был у буфета)

Что?

(Подходит)

Рутинский

Со мной наличных не достало,
А ты остался мне по квинтичу...

Гнездов

С руки
Я не плачу долгов...

Рутинский

Да за безделкой стало.

Гнездов

Ни гроша не плачу.

Рутинский

Ну, портить я и сам приметы не хочу;
Да неужли ж откажешь
Сыграться?

Гнездов

Чем?

Рутинский

Червонцами.

Гнездов

Давай!
В решетку иль копье?

Рутинский

Фи! Подлость.

Гнездов

Так играй
В отгадку, или чет иль нечет.

Рутинский

Как прикажешь.

Гнездов

В отгадку; мой лежит... кидай.

Рутинский

Как тут!

Гнездов

(подвигая червонец)

Возьми.

Рутинский

Смотри.

Гнездов

Ну что?

Рутинский

(показывая на Лидина и Наташу)

Птенец в мундире
К ней вьется.

Гнездов

Эх! Играй!

Фрындин

(обойдя лавки и отослав слуг с товарами, а других оставя у лавок для получения, идет с Трумфеном и прочими к магазину. Трумфену)

Вот как идет всё в мире:
Здесь сыплют золотом, а бедный нищий там
Не ел, быть может.

(Вынимает деньги.)

Эй!

(Не видит слуг.)

Наташа

Позвольте, я подам.

Фрындин с улыбкой дает ей деньги.

Фрындина

(удерживая Наташу)

Как глупо! Что за вздор, скажи, на что похоже
Таскаться девушке за нищими?

Лидин
(Наташе)

Так мне
Позвольте.

Фрындина
(Наташе, которая на нее смотрит, что ей делать)
Что ж, отдай.

Наташа отдает деньги Лидину.

Фрындин
(тихо жене)

Брани наедине,
А не при всех.

Фрындина
(отворачиваясь от мужа)
Всегда мораль!

Лидин
(прибавя своих денег, отдает нищему)

Возьми!

Нищий
(удивленный множеством денег)

О боже,
Благодарю тебя! и вас! Господь вам дай
Всех благ, и я за вас молить не перестану.

Лидин
(тихо нищему)
Молись не за меня, а за нее... прощай.

Нищий
(останавливая его)
А как ее зовут?

Лидин
Натальей.

Нищий

Помнить стану.
(Отходит.)

Трумфен
(Наташе, показывая на Лидина)
Как мил и добр, не правда ль?

Наташа
(со вздохом)
Да.

Фрындин
(жене)
Вот славный магазин, поди, мой друг, сюда.

Фрындина от него отворачивается.

Уймись хоть при людя́х.

Фрындина
Так я у вас злодейка?

Фрындин
(тихо)
Нет, ангел, да не злись.

(Дюфуру)
Кажи, что есть у вас
Из выписных вещей.

Дюфур
(Гнездову, который играет)
Пожалуйте на час
Позволить мне.

Гнездов
(Рутинскому)
Где ж нам?

Рутинский
А! Здесь скамейка.
Садись; вот шляпа, всё на квит, держи.

Садятся на скамейку и продолжают играть на шляпе.

Гнездов
Держу!

Фрындин

Смотри ж, мой друг, и мне пожалуй ручку.

Фрындина

Ах! Что за нежности на ярмарке!

(Дюфуру)

Кажи!

Дюфур

Что вы прикажете.

Рутинский

(играя)

Давай сюда всю кучку.

Фрындина

(увидя Рутинского)

Что это? Боже мой! Стыда, суда́рь, в вас нет,
И как на площади... да вы себя срамите.

Рутинский

Мы не мешаем вам, пленяйте целый свет,
Так не мешайте нам играть.

Фрындина

(улыбаясь)

Ну, как хотите!
Но я от вас уйду.

(Дюфуру)

Après...[1]

(Мужу)

Я страх устала.

Фрындин

Прикажешь, я тебя под ручку поведу.

Фрындина

Ах! полноте, суда́рь, и разве мало
Смешного здесь без нас?

[1] После (франц.). — *Ред.*

Фрындин

Так, друг мой, хочешь сесть,
Я стулья от себя велел в кафе принесть,
Чтоб, ангел мой, тебе везде покой доставить.
Эй, стулья!

Слуги бегут за стульями.

Фрындина

Не хочу я на себя заставить
Указывать, и кто садится?

Крючко

(показывая на дам, которые сидят у лавок)

Вот сидят
Там дамы, и, судя́ по модному наряду,
Не из последних.

Фрындина

Где?

Крючко

Вон там.

Фрындина

Пожалуй, сяду.

Фрындин

(подавая ей стул)

Вот стул.

Лидин подвигает стул Наташе, которая не смеет сесть.

Фрындина

(Наташе)

Садись.

Наташа тотчас садится.

Везде благодарят
За вежливость.

Наташа

(Лидину)

Благодарю покорно.

Фрындин

(показывая слуге, чтоб подвинул стул к Наташе, Лидину)

Садитесь тут.
(Отводя Трумфена и показывая на Крючко)
Каков Фаддей Кузьмич?
И здесь, как в вотчинной, решит дела бесспорно,
На ябеду коса и на понтеров бич.

Крючко кланяется.

(Трумфену, отводя его подале)

Питомец ваш честь делает большую,
Крестьян Иваныч, вам; как сведущ обо всем,
Как скромен, как учтив!

Трумфен

И ездит так верхом,
Что посмотреть его я вам рекомендую,
Как чудо.

Фрындин

(отводя его далее)

Посмотрю... А были ль вы вчера
У Хохрина?

Трумфен

Нет, не был и не буду.

Фрындин

Однако ж там была изрядная игра.

Трумфен

Была, но я себя так много не забуду,
Чтоб с Хохриным иметь сношенье, он мужик,
Невежда...

Фрындин

Да.

Трумфен

А я, клянусь вам, не привык
Быть с этими людьми.

Фрындин

И сам я не решался
Впустить его в мой дом,
Но Гнездов упросил... А! Вспомнил я, о чем
Хотел у вас спросить: здесь с вами не встречался
Хлопушкин?

Трумфен

Поутру ко мне он забегал.

Фрындин

Могу ль поздравить?

Трумфен

С чем?

Фрындин

Как, разве вы не в доле
У Гнездова?

Трумфен

Вошел; но, право, поневоле,
И с тем единственно, чтоб он мне клятву дал,
Во-первых, в том, что это вам угодно.

Фрындин

И очень.

Трумфен

Во-вторых, чтоб не играть в кредит,
Пусть сын отцовские деревни сохранит
И кончит курс игры на деньгах.

Фрындин
(жмет руку у Трумфена)

Благородно!

Трумфен

Всегда, сударь, была моим карьером честь.

Фрындин

А денег много ли?

Трумфен

С полмиллиона есть.
Он, проигравши их, совсем не разорится,
А между тем урок вперед ему годится.

Фрындин

И деньги чистые?

Трумфен

Отчасти в векселях,
В билетах, но прошу...

Фрындин

Поверьте, он в руках
Таких людей, которым ваше слово
Закон; и правило мое:
Играть на чистые не споро, но здорово.

(Подходит к обществу.)

Богдан

(выходя из конторы, Хлопушкину)

Так я начну теперь.

(Подходит к буфету конторы и начинает говорить с Джемсоном.)

Хлопушкин

Извольте!

(Прокрадывается к Фрындину.)

Хохрин

(подходя к магазину)

Эй, мусье!

Дюфур

(взглянув на него с пренебрежением)

Что хочет ви?

Хохрин

А мы вот этак спросим:
Арапничка у вас не сыщется ли?

Дюфур

Нет.

Хохрин

За что ж прогневался? Наш спрос, а ваш ответ,
И не для вас одних арапнички мы носим.

Рутинский
(играя)

А! Хохрин, будь судьей.

Хохрин

Нет, в судьи не гожусь,
От службы я нырнул в отставку капитаном,
Из гвардии сержантов, и пишусь
В невыбирательных.

Сенька
(вбегая, Рутинскому)

Эй, брат, там с барабаном,
В штукмейстеры тебя отыскивают.

Рутинский
(вскакивает, схватя деньги и шляпу)

Ах!

Гнездов

Куда ж ты?

Рутинский

Недосуг.

Сенька

Дел куча на руках
У брудера: ему всё по дурацкой части
Приказано, и он бежит теперь,
Чтоб хлапов подобрать фигурам здешним к масти.

Хохрин

А мы войдем в кафе.

Сенька

Нельзя; ты видишь, дверь
Засела знать.

Фрындина

Дурак! Зачем?

Сенька

Затем, не дура,
Чтоб посмотреть людей и показать себя,
Как ваше ж бывшее сиятельство.

Фрындина

Тебя
Не велено пускать с двора!

Сенька

Что ж за фигура,
Нам и в окно махнуть!

Фрындина

Ах! он толпу людей
Натащит за собой.

(Фрындину)

Ушлите поскорей
Любимца вашего.

Фрындин

Не делай ей досады,
Поди домой.

Сенька

Иду...

(Уходит.)

Фрындина

И не ходи назад.

Хлопушкин

(подходя сзади к Фрындину)

Иван Фаддеич!

Фрындин
(испугавшись)

Что? А, братец, очень рад,
Что отыскался ты насилу.

Хлопушкин

Больше рады
Вы будете, когда узнаете...

Фрындин

О чем?

Хлопушкин
(показывая на Богдана, который говорит с Джемсоном)

Вы видите ль?

Фрындин

Что ж он?

Хлопушкин

Голубчик,
Которого мы к вам за крылышко ведем.

Фрындин

А из каких людей?

Хлопушкин

Породой только купчик
Из Риги, да у них с Джемсоном есть дела,
И важные; я с ним столкнулся за границей,
Контора Гримова с ним в Любеке вела
Ужасный торг пшеницей.

Фрындин

А что ж еще?

Хлопушкин

А то, что он от карт не прочь;
Я в Любеке в пикет с десятерным рефетом
По гульдену пуан пробился с ним всю ночь,
Играл, дремал, а перед светом
Заснул, а я меж тем весь стол перемелил.

Что ж он? Полтысячи червонных
Спросонья заплатил
И не поморщился.

Фрындин

А ты злодей на сонных!

Хлопушкин

И не на сонных!

Фрындин

Вот, в минуту и вспылил;
Учися у меня, я вечно не сержуся,
Однако ж в дом его едва ль принять решуся,
Вся женина родня не жалует купцов.

Хлопушкин

Он знает пропасть языков,
Бывал и в Лондоне, и в Вене, и в Париже.

Фрындин

Так мы его в бароны; но поближе
Не худо посмотреть.

Хлопушкин

Смотрите.

Подходят, будто гуляя, к конторе.

Богдан

(примечая движение Фрындина)

Он идет.

Рутинский

(в кулисе)

Эй, место, господа, танцовщикам!

Богдан

(Джемсону)

Так, стало,
Вы вексель примете?

Джемсон

Приму.

Богдан

Вот он, но наперед
Я должен вам сказать, что денег мне не мало
Понадобится.

Джемсон

Что ж, у нас хоть миллион
Готов.

Богдан

Я весь возьму, быть может.

Фрындин
(Хлопушкину)

Слышишь?

Хлопушкин

Слышу.

Фрындин
(в сторону)

А Джемсон не пойдет на финт.

Богдан
(Джемсону, который рассматривает вексель)

Что ж он,
Годится ли?

Джемсон

Хорош, возьмите.
(Отдает ему вексель.)

Рутинский
(подбегая к Фрындину)

Вот афишу
Извольте получить.

Фрындин

Некстати черт принес
С афишей.

Рутинский

Где угодно вам садиться
Смотреть танцовщиков?

Фрындин

Что у меня за спрос?
Спроси жены... Постой...

(Хлопушкину)

Вот случай с ним
сдружиться.

(Идет к жене)

Не пересесть ли нам от солнца?

Фрындина

Нет, уж жар
Давно прошел.

Крючко

Да, день был очень ясен,
Так к вечеру загар
От солнца, говорят, для нежных лиц опасен.

Фрындина

(вставая, Наташе и Лидину)

Что ж делать? Перейдем, когда велят.

Крючко

(слугам)

Давай.

Рутинский

Эй вы! вперед ступай!
И ниженской оркестр по всей земле прославьте.

Фрындин

(сажая жену)

Вот здесь, мой друг.

(Садится подле нее, к слугам)

Два стула тут поставьте.

Слуги ставят два стула подле него.

(Хлопушкину, который говорит с Богданом)

Знакомца твоего проси садиться к нам.

Хлопушкин
(Богдану)

Угодно ль вам, Богдан Григорьич, с нами
Повеселиться?

Богдан

Чем?

Фрындин
(Богдану)

Садитесь тут, и вам
Я объясню.

Богдан садится.

Хотят нас тешить плясунами.

Богдан

Какими?

Фрындин

Кой-какими; здесь один
Помещик у себя в деревне, от безделья,
Завел театр из слуг, и этот господин,
Большой охотник до веселья,
Затеял ярмарку для нас передразнить,
И разноземцев всех, в народном их наряде,
Велел помещичьим танцорам удивить.

Богдан

Так мы в двойном здесь будем маскераде?

Фрындин

И чуть ли не в тройном.
Сверх масок накладных и масок самородных,
Здесь масок куча есть с людьми честными сходных,
А трудно узнавать, с кем — с маской иль с лицом —
Случится повстречаться.

Богдан

О, это может статься:
Где торг, тут и обман.

Фрындин

Так в мелочных руках, но вышнею торговлей
Цветет промышленность к богатству разных стран.

Богдан

Поверьте, и она бывает часто ловлей
И простодушия, и доброты людей;
И в денежных делах тот счастлив, кто хитрей.

Фрындин

Так счастью вы не верите?

Богдан

Нет, верю,
И как не верить мне? Я избалован им,
Оно, почти всегда, за малую потерю
Платило мне успехом пребольшим.

Фрындин

Так, счастье в мире есть, я сам могу примером
Служить... Послушайте...

(Подвигает стул к Богдану и говорит ему тихо)

Рутинский
(танцовщикам)

Кто хочет, начинай,
Да начинай скорей!.. Прошу честным манером,
Не то пожалуюсь.

Танцмейстер

Готовы все.

Рутинский
(машет платком оркестру)

Играй!

Дивертисмент

1827

МЕРКУРИЙ НА ЧАСАХ, ИЛИ ПАРНАССКАЯ ЗАСТАВА

Комико-аллегорический дивертисмент, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Меркурий.
Разные изобразители родов сочинений.
Танцоры и танцовщицы.

Театр представляет приятное местоположение; на правой стороне вход в гору, окруженную забором из терновника; пред горою застава и будка.

Явление 1

Меркурий

(с кадуцеем на плече, прохаживается)

Ну как не совестно Зевесу
Меня, Меркурия, известного повесу,
Поставить на часах,
И в двух шагах
У этого заглохшего Парнаса!
И вся вина моя,
Что я,
Из жалости, вскочивши на Пегаса
За Аполлоном, не путем
Прикинулся журналом;
Клич кликнул авторам, махнул моим жезлом —
И повалили валом,
Все полуумники; весь пустодальный сброд
Вломился на Парнас... и началась потеха:
Что стих, то вздор! что автор, то урод!
Я думал, Аполлон надсядется от смеха,
И музы, девушки почтенных лет,
На старости развеселятся.
Ан нет,
Беда с старухами связаться!
Они вдруг подняли такой ужасный крик,
Что до Олимпа он проник,
И за мою смешную шутку
Зевес меня упрятал в будку,
От глупости Парнас стеречь
И на часах стоять бессменно тридцать суток.
Ну, где же тут рассудок?
Я спрашиваю всех, кто может уберечь

От глупости себя, не только эту гору?
Ведь глупость, например, придет к дверям,
Но двери заперты, иной в другую б пору
Вернулся, а ее ни стыд, ни срам,
Ни скучное жданьё от двери не отгонит,
Наляжет на нее и вход заслонит...
Хозяин отпер дверь — бултых, она уж там,
Куда ее не ждали;
И вот как наглые глупцы
В большие люди попадали;
Но все на свете наглецы
Ничто пред челядью бумажной, —
У всякого из письменных марак
Найдутся, я и сам не понимаю как,
Друзья, хвалители иль покровитель важный.
Из них один чуть мне не выцарапал глаз
За то, что я его спровадил с Геликона,
Куда он отыскал через болота лаз;
Но многим одолжен я братству Аполлона, —
Ко мне из жалости он нынче дал приказ
Сердитым аонидам:
Чтобы́ из девяти ведущих вверх путей
На всяком, каждая, по части, сродной ей,
Ни под каким бы видом,
Ни для чего
И никого
Не пропустила в гору,
Не подчиня его
Престрогому разбору.
Меж тем он известил весь грамотный народ,
Чтоб никакой бессмертия проситель
Сюда, без вызова, не приходил вперед;
Но рода каждого изобразитель,
С разряда своего собрав творений груз,
Их нес один на рассмотренье муз.
А мне велел, судя по свойству рода,
Сих представителей в заставу пропускать,
И не подробно всё, а гу́ртом браковать.

(Глядя вдаль)

Ба! Что за пестрая толпа народа
Валит сюда?

С трубой, с кинжалом, с флейтой, с лирой?
Настал опасный час суда!
И быть мне за него проколотым сатирой.

История

Мне первой проходить!

Ода

Нет, мне!

Роман

Нет, мне!

Драма

Все, стой!

Баллада

Пусти!

Трагедия

Назад! страшитеся кинжала!

Эпиграмма, Мадригал

Ай! ай!

Журнал

Смелей! он жестяной.

Трагедия

Умолкни, кривосуд!

Явление 2

Все (входят один после другого и наконец толпою).

Трагедия
(входя)

Я первая предстала.

История

Но первая идет История.

Меркурий

Ступай!

Эпопея

Мне шествовать по ней: я Эпопея,
Омира дщерь.

Меркурий

Иди, Омира дщерь,
И без экзамена.

Эпопея

Иду.

Пародия

Иди скорее.
За мною очередь теперь.

Меркурий

А ты куда?

Пародия

Туда.

Меркурий

С гремушками цыганку
Я не впущу. Иди в свой табор.

Пародия

Прежде сам,
О лающий Цербéр, отправься ты в Бедлам.
Я — Эпопея.

Меркурий

Ты?

Пародия

Да только наизнанку,
И мой отец Омир;
Что брань мышей с лягушками он славил,
О том известен мир.
Итак, гремушку он в наследство мне оставил.

Меркурий

О, если так, неси ж за нею хвост.

Романтическая поэма

Я также им сестрица.

Меркурий

И ты Омировна?

Поэма

Отец мой Ариост.

Меркурий

Входи, прелестница, волшебная певица,
Отец твой умница из умниц... и заклад
Со всей Италией держать не побоюся,
Что ни в одном его стихе не ошибуся.
А всё тебя послушать очень рад.

Поэма

Ах! не держи, я от сестер отстану.

Меркурий

Нет, радость, ты ни с кем не будешь назади.

Трагедия

Но входа на Парнас я долго ждать не стану!
Впусти меня,

(Поэме)

А ты своим путем иди!

Меркурий

Впущу, когда покажешь ты образчик
Искусства твоего.

Трагедия

Меня весь знает свет,
В Париже славлюсь я.

Меркурий

Париж мне не указчик,
И важности твоей без пробы впуска нет.

Трагедия

Что ж декламировать я стану?

Меркурий

Что угодно,
Да только поскорей, а впрочем, всё равно.

Трагедия

Чтоб видел, как мое искусство благородно,
Прочту я то, чему дивятся все давно.

(Читает монолог из «Горациев».)

Меркурий

Прекрасно! превосходно!
Да ста́ро.

Трагедия

Нужды нет, я и сама стара,
Но всё еще хожу и правильно, и верно, —
Ты видишь?

Меркурий

Хорошо, да только слишком мерно!
На менуэты же прошла пора.
И если б ты была немного натуральней,
То все любили бы тебя.

Трагедия

Чтоб я до всех унизила себя?
Нет, нет, но в спор с тобой я не вступаю дальний
И на Парнас гряду.

Меркурий

Гряди,
Вот Мельпомена там, но ты прямой дороги,
Так важно шествуя, не прогляди.

Трагедия

Эсхилу вслед мне путь покажут сами боги.
Прости!

Меркурий

Ай, ай! она, ища глазами высоты,
С следов бессмертного Эсхила
Совсем налево своротила!

Комедия

(подходя к заставе и приседая)

Пустите и меня.

Меркурий

А, милая! Кто ты?

Комедия

Комедия.

Меркурий

Неужли?

Комедия

В самом деле.

Меркурий

Да отчего же ты в лице и теле
Переменилась так?
Я помню, прежде ты не сохла от печали,
Смеялася всему, глаза твои блистали
Гораздо веселей. Ах, милая, никак
Ты нарумянена, набелена?

Комедия

Что ж в этом?

Меркурий

Как что? Ты, свежестью здорового лица,
Природной резвостью и глаз веселых светом
Одушевляя ум и радуя сердца,
Прелестною была некрашеным румянцем.

Комедия

Меня Детуш свинцом немножко набелил,
И Мариво румяным глянцем
Разрисовал лицо, Вольтер — довел до слез,

И прочие жеманные французы,
Которым без прикрас не нравятся и музы,
Меня наместо свежих роз
В тафтяные цветы, по моде, нарядили
И в свет большой любезничать пустили;
А немцы сделали почти совсем
Похожею на их семейственную драму,
Вот эту горестную даму,
Которая идет под траурным чепцом;
Но я от этого наряда
И от кривляканья жеманки и ханжи
Сейчас же отказаться рада.

Меркурий

Ах! сделай милость, одолжи,
Забудь о Мариво, Детуше и Вольтере,
Аристофанову подругу покажи
Во всей красе, утешь, напомни о Мольере.

Комедия

Ну, маска, прочь!
Очнись, Комедия, и, не стыдяся смеха,
Яви, что грации, что аониды дочь
Не обществ чопорных, а всех людей утеха.

Меркурий

Ах, как прелестна ты теперь!
Для Фива самого, ходи без скучных масок,
Уймися умничать, отстань от томных глазок;
Причудам пышного ничтожества не верь
И, не страшась ни попугаев-франтов,
Ни обезьян-педантов,
Честны́х людей смеши.
Пусть умный, как дурак, хохочет от души,
Тогда бессмертная оценщица талантов,
Не сжатая условьями душа
Найдет тебя по-прежнему прекрасной,
И ты, светя умом как полдень ясный,
Как утро чистое жива и хороша,
Предашь векам тобой осмеянные нравы,
Потомство просветишь, офилософишь смех...
И я держать тебя не стану у заставы.

Комедия

Надеяться еще не смею на успех;
Ты знаешь, я в нервической горячке
Томилась многие года,
Но вот любимец мой привел меня сюда,
Так вместе с ним, или поодиначке,
Коль хочешь ты, попробуем сыграть
Мольерова театра сцену.
Однако ж не берусь заставить хохотать.

Меркурий

Играй ты с ним, но чур не корчить Мельпомену.

После игры Мольеровой сцены.

Меркурий

Ты на Парнас беги.

Ода

Впусти меня, я Ода.

Меркурий

Хоть на тебя прошла немного мода,
Но Каллиопа там тебя с венцами ждет
За славу прежнюю; иди чрез свод лавровый.

Ода

Кантату пропусти!

Меркурий

Хоть род ее не древний и не новый,
Но в память лирика Руссо пускай идет.

Баллада

Балладу не держи, она стихи несет
Певцов с достоинством, хоть, признаюсь, немногих.
И я ли виновата в том,
Что кучи рифмачей плаксивых и убогих,
То есть талантами, и вкусом, и умом,
В меня влюбилися и надоели мною;
Но ты услышать можешь сам,
Что входа на Парнас и я, конечно, стою,
По вымыслу, а больше по стихам.

Меркурий

Я слушать рад, но только покороче
Нельзя ли твоего искусства показать?
Мне должно эту всю толпу пробраковать,
А время уж подходит к ночи.

Баллада поет несколько стихов из «Светланы».

Меркурий

Прекрасно! и хотя ты очень молода,
Притом родилась не в Элладе,
Но, несмотря на род твой и года
И то, что ты поешь не в Пиндаровом ладе,
Уверен я, что ты парнасских дев пленишь.
Пусть Каллиопою с Эратою решится,
Кому из них принадлежишь
И кто из них тобой омолодится,
А я тебя держать не стану под горой.
Иди наверх.

(Видя оперу)

Ты кто?

Большая опера

Я — Опера.

Меркурий

Так пой.

Опера поет арию.

Меркурий

Брависсимо! иди! А это кто с тобой?

Большая опера

Моя веселая сестрица.

Меркурий

Так, стало быть, и ты певица?

Комическая опера

Певица, но слегка.
Она руладами изображает страсти,
А я приятностью; но, признаюсь, отчасти
И я гармоню свысока;

Но в этом я не столько виновата,
Как авторы мои.

Меркурий

Пускай решит Эрата,
Кто виноват, кто прав из вас;
Но ты мне пой свое без сестриных прикрас.

Комическая опера поет.

Меркурий

Да ты, ей-ей, мила, малютка!
Но на Парнас с сестрой своей ступай.
Вы дело более ушей, а не рассудка.
Итак, пускай
Там муза пения сама займется вами.

Оперы уходят.

Меркурий

(Водевилю, который хочет войти за ними)

А ты, дружок, куда
Бежишь проворными ногами?

Водевиль

(поет)

Я водевиль, француз природный,
Но я на берега Невы
Был вывезен с парижской модой,
Потом добрался до Москвы,
И от Комедии живлюся
Веселостью и остротой,
От Оперы кой-как щечуся
Музы́чкой самою простой.
Так потому я вслед за ними
Идти в заставу тороплюсь,
А там куплетцами моими
Наверно музам подслужусь;
Хоть я на сцене межеумок,
Умом вошел, однако ж, в честь,
И музам всем из этих сумок
Позволь куплеты мне поднесть.

Меркурий

Как, музам ты несешь куплеты?

Водевиль

Да.

Меркурий

Да! это славно
И очень кстати мне.
Я с музами рассорился недавно,
Но помирятся вмиг оне,
Когда им сам тебя представлю,
И ты их умягчишь куплетной похвалой.

Водевиль

(поет)

Во мне способность небольшая
Хвалить старушек на заказ,
Я, правду резко напевая,
Колю не в бровь, а прямо в глаз;
Но так же к музам, как к поэтам,
Подбиться средство нахожу,
Одну сестру кольнув куплетом,
Другим сестрицам удружу.

Меркурий

Конечно, но побудь немножко под горой,
Я ждать тебя здесь долго не заставлю;
Вот с ними кончу, а потом
Мы вместе на Парнас пойдем.

(Романсу)

А ты, мой милый, кто?

Романс

Я сын Прованса,
Но я Европой всей усыновлен,
И только тот не сочинял романса,
Кто не был никогда ни крошечки влюблен.

(Поет)

Я нежные сердца тоскою
Пленяю часто при луне,

За то горячею слезою
Красавиц очи платят мне.
Я утоляю грусть разлуки,
Печаль смягчаю о друзьях,
Чувствительность лечу от скуки,
Отчаянье топлю в слезах.

Меркурий

Ты мил, но чтобы муз не истомить тоской,
Иди домой.

Романс

Впусти из жалости!

Меркурий

Ты очень жалок,
Поешь, как соловей,
Однако ж улетай скорей
И не мешай мне гнать отсюда этих галок.

Мадригал

Как Елисейский сад Парнас теперь цветет,
И мысль одна в восторг сердца приводит,
Что тот же Зевсов сын к бессмертью путь стрежет,
Кто в радость вечную блаженных тени вводит.

Меркурий

Ага! ты Мадригал.

Мадригал

И удивился б я, когда бы не узнал
Чего-нибудь Меркурий.

Меркурий

Ты напрасно
Со мной любезности не трать,
И должен я тебе сказать
И коротко и ясно,
Что на Парнас
Всех недоростков вас
Пускать запрещено.

Эпиграмма

А если в росте дело,
То на Парнас войти Глупинус может смело,
Хотя он автор преплохой,
Но Фива выше головой
Пустой.

Меркурий

А! это ты?

Эпиграмма

Я Эпиграмма,
И Рима дочь.

Меркурий

Гора родила мышь.
Ты как комар и жалишь, и жужжишь.
Туда ж впускают пчел. Прощай... Ты кто?

Эпиталама

Эпиталама.

Меркурий

Ах, страх какой!
Да музы, скромные девицы,
От свадебной певицы
С Парнаса убегут долой.
А это что за детский пансион?
Кто вы?

Загадка

Загадка я.

Логогриф

А мы родня Загадке,
С Шарадой Логогриф.

Станс

Я Станс.

Триолет

Я Триолет.

Рондо

А я...

Меркурий

Вся саранча отсюда без оглядки
Беги в Журнал.

Сонет

Позвольте, я Сонет.

Меркурий

Так что ж?

Сонет

А то, что громко и не в шутку,
Уча поэзию рассудку,
Меня сравнил с поэмой Буало.

Меркурий

Ему то даром не прошло,
За это вздорное сравненье
Сам Аполлон здесь издал повеленье
Год целый, по утрам, Кастальскою водой
Его окачивать, а было с ним и хуже —
За то, что золото он назвал мишурой.
Беги ж, пока тебя не утопили в луже.

Басня

Да этот Буало, сатирик ледяной,
Все знают, поступил со мной
Бессовестно и даже низко;
Он выключил меня из грамотного списка
За то, что я моих зверей
Заставила судить толковей тех людей,
Которых он учил рассудку по урокам.
Ты справедливее ко мне, Меркурий, будь
И не забудь,
Что никогда смелей, хотя и по намекам,
Никто не говорил... и тем,
Которых правда трепетала,
Хоть их
Самих
Она испуганным лицом пугала.

Меркурий

Иди в заставу и назло
Всем школьным детям Буало
Красуйся славою парнасской.

Басня входит.

Сказка

А мне идти ль?

Меркурий

Ты кто?

Сказка

Я называюсь Сказкой
И резвыми стихами ум смешу.

Меркурий

Иди за Баснею.

Повесть

Меня впустить прошу.

Меркурий

Кто ты?

Повесть

Я нравственная Повесть.
Читали ль вы Жанлис?

Меркурий

Ты проза и брюзга,
Так в детскую ступай, когда не зазрит совесть.
А, ты еще всё тут, пустая мелюзга!

(Грозит им кадуцеем.)

Водевиль

Скорей бегите по домам,
Докучные малютки,
Иль с кадуцеем вам
Худые будут шутки.
Они не смотрят ни на что,
С Ермесом рады лезть на ссору;

Вот так всегда: чем мельче кто,
Тот пуще лезет в гору.

Меркурий

Прочь от заставы, прочь, уйдете ль наконец,
Птенцы ничтожности?

Эклога

Да разве я птенец?

Меркурий

Нет, кажется. Что ж ты?

Эклога

Эклога.

Меркурий

Тебе Вергилием протоптана дорога,
Ступай, паси Эвтерпиных овец.

Элегия

Ужели на Парнас не даст Меркурий входа?

Меркурий

Кому?

Элегия

Элегии.

Меркурий

По праву лет и рода
Иди к Овидию, да только здесь не плачь.

Сатира

Сатира может ли войти?

Меркурий

Бесспорно.
Ты древняя змея, так и прошу покорно
Скорее проходи и старых муз дурачь.

Сатира

(проходя)

Дай только мне до ни́х добраться!

Меркурий

А мне Зевес не дай с тобой связаться!
Ба, это кто в венце
Из звезд, блестящих меж цветами,
С жаленьем, с ужасом священным на лице,
Так резво к нам идет? Вот светлыми очами
Взглянула на меня. Ах! Что за быстрый взгляд!
Однако же ее готический наряд
В беседе аонид не сделает ей чести.
Но даже в нем она, как грация, мила!

Явление 3

Те же и Муза Шакеспира.

Меркурий

Кто ты, красавица?

Муза

Ах, спрашивай без лести.

Меркурий

Так просто я спрошу — кто ты? зачем пришла?

Муза

Мое стяжание — кинжал, личина, лира,
Истории резец, и пальма, и свирель,
И я их взять пришла.

Меркурий

А из каких земель?
И кто ты именно?

Муза

Я Муза Шакеспира.

Меркурий

Так это ты!
В тебе одной всех муз я вижу красоты,
Пускай толпа людей, привязанных упрямо
К недревним классикам, заспорят в том со мной.

Но к Аполлону прямо
Иди на самый верх. Ах! нет, постой,
Хоть совестно, а надо
Предостеречь тебя, что строгий Аполлон,
Отец гармонии, быть может оскорблен
Несообразностью наряда
С приличьем, точностью и этой красотой,
Усладой чувств и взгляда,
Которой ты вредишь одежды пестротой.

Водевиль

(поет)

А я скажу: всё дело не в наряде,
Раскрась, одень Парисом горбуна,
Он спереди блеснет при первом взгляде,
А повернись — и скажется спина.
Один поэт на сцену вывел грека,
Льняной тюник, ремни наместо лент
И весь наряд Периклесова века,
Да сам-то грек из Лейпцига студент.

Муза

Быть может, не совсем прилично я одета,
Но Шакеспир рядил меня
В мерцании рассвета,
Так стыд тому, кто в половине дня
Мне будет подражать в небрежности одежды.

Меркурий

Ах! я видал не раз,
Что именно невежды
То и берут с тебя, что умным колет глаз.

Муза

Когда же находил бездушный подражатель
Себе бессмертие в бессмертном образце?
И часто мой пристрастный обожатель
Уродливость свою в моем лице
Боготворит и превозносит,
Хотя со мной ничем он не похож.
И кто педантов просит
Нелепицу и ложь

Своим холодным восхищеньем
Взводить на бедную меня?
Ты должен знать, что я
Родилась в свет внезапным изверженьем
Волкана пламенной души,
Без всех условных правил.
Так не держи меня условностью.

Меркурий

Спеши
На верх горы, чтобы и Фив тотчас заставил
Без всех условий всё тебе отдать твое.

Муза

Я муза Шакеспира,
Так всё мое —
От недр земли до выспреннего мира!

(Входит.)

Роман

Как я ее душою всей,
То, кажется, за ней
Войти мне можно?

Меркурий

Да кто же ты?

Роман

Роман.

Меркурий

Не верю, ты назвался ложно;
Смотри, как ты и свеж, и плотен, и румян;
И не берет меня зевота!

Роман

С тех пор,
Как я в услугах Вальтер Скотта,
От слез прочистился мой взор.
Хотя творец бессмертный Дон-Кихота,
Смоллет, и Фильдинг, и Жилблаз,

И крошечку Вольтер Кастальскою водою
Пары сердечные, застывшие корою,
С моих смывали глаз,
Но эти все четыре с половиной
Любезных мудрецов, высокие умы
Могли ли устоять противу целой тьмы
Писцов, рожденных в свет для пагубы гусиной,
Мученья жалостных сердец
И кипячения мозгов? Но наконец
Мой Вальтер Скотт явился,
Окинул глазом всё и всех,
За Шакеспира уцепился,
Дух времени постиг, и дельный мой успех
Мне дверь открыл туда, где прежде носа
Не мог я показать от умных матерей;
Однако же без спроса
Идти не смею вслед к наставнице моей
По запрещенной мне дороге.

Меркурий

Да, музы-девушки к тебе бывали строги,
Твердили всем, что ты — престрашный вред,
Хоть и видалися с тобою тихомолком,
Но нынче можешь ты входить и не проселком,
Итак, иди за новой музой вслед.

Журнал

За новостьми и нам дорога не запала.
(Хочет промелькнуть на Парнас.)

Меркурий
(останавливая его)

А ты, голубчик, кто?

Журнал

Как, неужли Журнала
Меркурий не узнал?

Меркурий

Ага! Так ты Журнал?

Журнал

К услугам вашим.

Меркурий

Нет, и так я благодарен!
За то, что твоего коснулся ремесла
И на Парнас согнал писачек несть числа,
Я так Зевесом отбоярен,
Что и тебе желать мне совестно того.
Зачем же ты пришел?

Журнал

Зачем? вопрос прекрасный!
Пришел я требовать местечка моего.

Меркурий

Да на Парнасе нет его.

Журнал

Как нет? но я тружусь.

Меркурий

И труд твой не напрасный,
Ты с барышом торгуешь им.

Журнал

Так я живу умом.

Меркурий

Чужим.

Журнал

Да и своим,
То, кажется, могу прильнуть к парнасской славе.

Меркурий

С печатальным станком на то ты в равном праве.
Вы оба тискуны
Чужого дарованья,
Но виноват станок уж точно без вины,
Он молча тискает, а часто ты без знанья,
Без толка обо всем пускаешься судить,
Рядить,
Решить,

И если твоего подрядного изданья
Немногих вестников нельзя не похвалить,
То сколько раз зато ты, опершись на глупость
Чужую и свою, бесстыдствуя, острить
Свою неграмотную тупость
Над даром истинным.

Журнал

Ты ль это говоришь,
Меркурий?

Меркурий

Я.

Журнал

Так сделай милость, вспомни
Коммерческий баланс, и знай, когда б журнал
Всё, что выходит в свет, как должно разбирал,
Тогда б, с такой головоломни
И по таким невыгодным трудам,
При третьем номере на нем бы череп лопнул;
А как взглянув слегка иль по чужим словам,
Я расхвалённое сплеча обухом хлопнул
И тиснул приговор решительно и дерзко...

Меркурий

Да мерзко.
Как смеешь ты бранить достойное хвалы?..

Журнал

Но удивлю ль кого, браня одно дурное?
И все его бранят, а как невежды злы
На всё хваленое чужое,
Так если я его порядочно ругну,
То распотешу их, и меж глупцов юркну
В большие умники; кто всячески хлопочет
Подбиться в милость к нам, так тот у нас хорош;
А кто нас знать не хочет,
Так тот у нас урод.

Меркурий

Так ты бесстыдно лжешь?

Журнал

Да кто ж не лжет?

Меркурий

Но ты клевещешь!

Журнал

Да безвредно,
И от моей невинной клеветы
Никто не умер с нищеты,
Они живехоньки, а я живу не бедно...
И право, совестью почти совсем я чист;
Но знаешь ты, чего мне стоит каждый лист?
Ужли ж за тьмы листов не быть мне на Парнасе?

Меркурий

Но к музе ты какой принадлежишь?

Журнал

Я в полемическом себя считаю классе.

Меркурий

Так ты, я вижу, норовишь
Втереться в Демосфены?

Журнал

Нет, слишком скромен я.

Меркурий

Не верю, ты Журнал.
Но для Истории, для лиры, иль для сцены,
Иль Эпопеи, что творил ты?

Журнал

Я писал
Иль переписывал сужденья
На все изящные творенья
И, чтоб лоскутить кипы книг,
Трудился сам и нанимал других.

Меркурий

Да ни наемщик, ни наемник
Не входят на Парнас.

Журнал

Меркурий, ты забыл,
Что Ришелье меня во Франции крестил
Под именем твоим, так ты — мой восприемник,
И на Парнас меня, хоть для себя, впусти.

Меркурий

Ты видишь, что и сам к заставе я приставлен,
А на Парнасе мне нет места, то прости,
Наборщик ждет тебя.

Журнал

Так будешь же прославлен
По всей Европе ты, жди первого листка.

Меркурий

Я жду, а ты ступай.

Журнал

Душа твоя жестка,
Как камень, но молчи, разбоев покровитель,
Я обнаружу всё, когда и что ты крал.
Скажу, что ты наглец, премерзкий сочинитель!

Меркурий

А что, бишь, я пишу?

Журнал

Не пишешь, так писал,
А хоть и не писал, так бог владеет смелым,
Всклеплю и сделаю ругательный разбор.
Кто станет поверять? И с некоторых пор
Я волю взял, и над народом целым
Ругаюся.

Меркурий

Иди, пиши твой наглый вздор.

Журнал

Иду, давай перо, бумагу и чернила.

(Сталкивается с Драмою.)

Помилуй, матушка, ты с ног меня свалила.

Драма

Пустите, пустите меня, жестокосердые! Уже целый час я пробиваюсь сквозь эту шумную толпу. Я преступная мать, честная преступница, добродетельная убийца, обольщенная невинность, чувствительная злодейка, жертва ревности, жертва алчности, жертва любви, жертва ненависти, жертва света, жертва своего сердца, жертва жертв, пусти меня, страж Славы!

Меркурий

Куда?

Драма

На Парнас.

Меркурий

Зачем?

Драма

Как зачем? Чтоб смягчить, умилить, поразить, прослезить, просветить, убедить и научить чувствительных муз и доброго Аполлона.

Меркурий

Ты, кажется, идешь за делом,
Но надобно узнать, кто говорит со мной?
Так кто же ты, страдалица душой,
С таким здоровым телом?

Драма

Я показалась было во Франции под именем мещанской Трагедии, но немецкая ученость назвала меня просто Драмой. Итак, я Драма, мое дело, от убогой хижины пастуха до великолепных чертогов великого Могола, всё наполнять вздохами, слезами, плачем и рыданием и даже завыванием бури и мертвецов; а иногда гений мой возвышается до убийства, братоубийства, себяубийства и всякого рода кровопролития и умерщвления. Мой элемент — чувствительность и простота; но не ваша греческая, а моя собственная. Я свободна, как воздух, и потому не хочу знать этих принужденно мерных строчек, которые вы называете стихами, и даже языком богов. С людьми должно говорить по-людски,

но моя проза имеет свою таинственную гармонию: она журчит, как ручеек, щебечет, как пернатые гости весны, или поражает, как гром, уши и сердца зрителей залпом нравственных изречений, запасенных мною на всякий случай. Всё во мне добродетельно и великодушно, кроме некоторых ни на кого не похожих извергов, помещаемых для черных теней в моих светлых картинах. Все мои главные разбойники самые честные люди; все мои злодеи неповинны, все мои убийцы чувствительны, и я сама, посреди источников крови, разрушения, истребления, пожара и грабежа, — добра, как овечка, которую иногда, так же как собак, львов, обезьян и прочих четвероногих друзей человечества, я вывожу с собой на сцену. Сверх всего, я не хвастовски могу себя назвать философией в лицах; у меня все — от ребенка до старца, от мудреца до простачка — философствуют посредством моих запасных изречений. Я вливаю в чувства моих обожателей все прелести тоски и огорчения и подавляю гнетом сострадания беспечную радость счастливцев. И вот какими слезными и ужасными наслаждениями чувствительных сердец, и вот чем я собираю дань рукоплескания и получаю право войти на Парнас.

Меркурий

От лишнего труда побереги себя,
В Парнасе радости немного для тебя.
Там творчество искусств воспламеняет души,
Изящное живит сердца и ум,
Гармония стихов обворожает уши,
Там твой и плач, и крик, и шум,
Поверь мне, никого не тронет,
И без тебя, родя жаление и страх,
Давно, в прекраснейших стихах,
Трагедия там стонет.

Водевиль

(поет)

Иди домой, и там без спора
Ты насладишься торжеством;
Театр твой даст всех больше сбора.
Уж твой раек набит битком,

Идут дивиться мирной драке,
Смотреть, как черт прыгнет легко,
Послушать лаянья собаки
Или поплакать о Жоко.

Драма

Нет, я не слушаю ничего, не знаю ничего, не хочу знать ничего, но хочу войти на Парнас и заставить всех муз плакать и рыдать.

Меркурий

Хотеть иль не хотеть, не в воле состоит,
Но в воле то моей, что делать надлежит,
То есть не пропускать... и даже признаюся,
Когда ты не уйдешь, то я прогнать решуся.

Драма

Неужли вы думаете, что я заплачу о вашем Парнасе? Мне и без того есть кой о чем плакать. Когда твои музы не хотят наслаждаться моими слезами, то тем хуже для них. Я их не признаю не только за муз, но даже и за женщин; моя Муза — природа, да, природа, одна природа и больше никого.

Меркурий

О бедная природа!
Ах, сколько терпишь ты нападков от людей!
И всякого беспутного урода
Нам кажут без стыда под вывеской твоей,
С твоею прелестью не встретясь и ошибкой,
Тобою клеплят то, тебя где вовсе нет.
Вот кто еще с толпой, бумагой, скрипкой
Идет сюда? Кто ты, голубчик?

Балет

Я Балет
И в жертвоприношенье
Несу на верх горы программное творенье.
Я сам его писал.

Меркурий

Балет, пляши,
А не пиши.

Балет

Я не плясун, а сочинитель,
Немой поэзии отец,
Безмолвной мимики творец
И быстрых ног ученейший ценитель.

Меркурий

Я сам хочу их оценить.
До завтра отложу все прочие разборы,
Чтоб, пляски посмотря, вас группой пропустить
На суд прелестной Терпсихоры.

Водевиль

(поет)

Ну, дети радости, начнем
Плясать, скакать и забавляться;
Разбора нашего концом,
Быть может, все развеселятся;
Того ж, не будет кто судить,
Как дело, сборную забаву,
Мы с пляской рады проводить
В парнасскую заставу.

1828

ЕЩЕ МЕРКУРИЙ, ИЛИ РОМАННЫЙ МАСКАРАД

Праздник-водевиль, составленный из лиц, представляющих известный роман, с плясками, танцами, разными музыками, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:		*ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ*
Княгиня Борская		
Лиза	дочери княгинины	Коринну } романы г-жи Сталь.
Надежда		Дельфину }
Любовь		Валерию, роман г-жи Крюднер.
Наташа		Памелу, роман Ричардсона.
Кн. Семен	сыновья княгини	Чильд-Гарольда, роман лорда Бейрона.
Всеволод		Жан Сбогара, роман Нодье.
Григорий		Веброя, роман Вальтера Скотта.
Петр		Шпиона, роман Купера.
Княгиня Ольга	невестки ее	Новую Элоизу, роман Ж.-Ж. Руссо.
Княгиня Елена		Славянскую картину, роман кн. Волконской.
Аглаев, жених Лизы		
Залесский, родственник княгини		Пустынника, роман Д'Арленкура.
Сергей	дети его	Графа Нулина, роман А. С. Пушкина.
Вася		Задига, роман Вольтера.
Граф Одашев, зять княгини		Меркурия.
Графиня, жена его		Дюшессу де ла Вальер, роман г-жи Жанлис.
Плёрет, фехтовальный учитель		Дон-Кихота, роман Сервантеса.
Амбрози, учитель музыки		Жилблаза, роман Лесажа.
Шумлин, русский учитель		Ивана Выжигина, роман Ф. В. Булгарина.
Андрюша, паж княгини		Бурсака, роман Нарежного.
Вьюнов, секретарь княгини		Двух Иванов, роман его же.
Кутков, стряпчий		
Гильдман, немецкий учитель		Вертера, роман Гете.
Гувернер		Тома Джона, роман Фильдинга.
Внучаты княгинины		Романы Дюкре-Дюмениля.
Домашние княгинины		Романы мисс Радклиф.
Виктор, слуга княгини.		
Маша, горничная княгини.		

Действие в Москве.

Театр представляет богатую залу, совсем освещенную, музыка на хорах.

Явление 1

Виктор и Маша.

Маша

Ну, всё ли у тебя готово?

Виктор

Свечи́ горят, оркестр на хорах.

Маша

(оглядываясь)

Так.

Виктор

Послушай-ка, недаром снова
У нас пошли потехи, это знак,
Что и шестую дочь княгиня хочет
Сбыть с рук, да за кого?

Маша

Ах! не она, а всё хлопочет
Наш старший зять, ему всего
Несносней скука.
Сегодня день рожденья внука
Княгинина, то есть его сынка,
То, чтоб не пропустить веселого денька,
Он выдумал род новый маскерада.

Виктор

Догадлив, сметил в миг,
Что старого у нас не надо.
Да что ж он выдумал?

Маша

Из книг,
Которые княгиня всё читает,
Наделал он людей,
Куплеты написал, — и славно наряжает
Княгининых и внучат и детей,
Учителей и всех, кто ни попался,
В романы разные. А сам убрался
Меркурием, — а вот уж бог несет
Его сюда...

Явление 2

Те же и граф Одашев.

Граф

(осматривая всё)

Так, всё на месте!
Благодарю, у нас чудесно всё пойдет,
И маскерад, надеюсь, к нашей чести,
Москву совсем с ума сведет.
Да всем ли розданы билеты?

Виктор

И новых множество.

Граф

Что ж, это не беда.

Виктор

Всю улицу у нас изъездили кареты,
И скачут те сюда,
Кого в лицо вы сроду не видали.

Граф

А! Видно, все узнали,
Что я даю чудесный маскерад...
Ну, пусть съезжаются, я очень рад.

Маша

Да матушки не очень рады,
Что дочкам покупать принуждены наряды;
У многих нечего бедняжкам людям есть,
А деток как не позабавить?
Как, куклами одевши, не привесть
На маскерад, авось-либо составить
Удастся партию с богатым женихом...
А пуще всех юлит соседка наша...

Граф

Уймись злословить, Маша,
Досуг мне слушать о пустом.
Беги, проси, чтоб в эту залу
Княгиня всех ввела гостей,
И, прежде чем начаться балу,
Я ей представлю здесь княгинь, княжен, князей,
Романами одетых. Ну, иди же!

Явление 3

Граф, потом княгиня, гости и все маски.

Граф

Чем к делу ближе,
Тем больше замирает дух;
Как не удастся мне, тут разнесется слух
По всей Москве, пойдет потеха.
Что будет надо мной ругательства и смеха
За то, что позабавил их!
И нынче ж журналист в пустых листках своих
Отделает меня, хоть вовсе неприлично
Дела домашние в журналах помещать.
Я тешусь у себя в дому, а не публично,
Да видишь, завелось у них за всё ругать
Без совести и чести.
Но я уж им заранее, из мести,
Меркурием оделся для того,
Что, кажется, они не жалуют его,
И чтоб важней романы все представить
Мне теще-матушке посланником богов.

Да в чем ни выряжусь, а спорить в том готов,
Что слушать слов моих ее мне не заставить.
Идут; бегу всех звать.

Машет музыкантам, те начинают польский; он уходит в правую сторону, а княгиня, танцуя польский, выходит с замаскированными в разные костюмы гостями попарно; по окончании польского граф, запыхавшись, возвращается.

Граф

Прошу покорно сесть.

Княгиня

Ах, это ты! к чему в таком наряде?
Не хочешь ли летать?

Граф

Да всякий в маскераде
Так рядится, как хочет; тут же есть
Причина, вы ее узнаете.

Княгиня

Уж знаю.
Жена твоя мне всё сказала за секрет.

Граф

Болтунья! Вот, не умолчала, нет!

Княгиня

Ну что же, я твоих романов ожидаю,
Пусть входят, всякого в минуту назову.

Граф

(в кулису)

Прошу входить по старшинству.

Дон-Кихот

(выходя, поет)

Я Дон-Кихот, любим всегда,
Хотя живу лет двести с лишком,
Из вас здесь всякий, господа,
Со мной знаком хоть понаслышкам.
Пусть к битвам страсть перевелась,

Не стало к рыцарству охоты,
Но согласитесь, что у вас
Еще остались Дон-Кихоты.

(Отходит к маскам.)

Княгиня

Да, правда, хоть у нас уж рыцарей не стало,
А Дон-Кихоты есть.

Граф

Да Санхо Пансов мало,
И свет пусть стал умен, а очень бестолков.

Княгиня

Кажи, что дальше есть, не тратя лишних слов.

Жилблаз

К услугам вашим я — Жилблаз,
Во всех землях я всеми знаем,
Переведенный много раз,
Европой всей усыновляем.
Так за что же мне вредят
После смерти,
Но не черти,
А писачки на подряд?
Посрамлен мой умный род,
Воры, беглые холопы,
Всех мерзавцев глупый сброд
Взводит на меня поклепы?
Так нельзя ли тех подвесть
Под указы,
Кто в Жилблазы
Самодуром хочет влезть?

Граф

Да сколько новых в свете явилося Жилблазов,
И все один другого не умней.

Княгиня

Ах, мне теперь не до рассказов.
Кажи всех прочих поскорей.

Том Джон

Я, господа, Том Джон,
Из вас забавил многих,
Был светом увлечен,
Без правил слишком строгих.
Но жил, хвала судьбе,
Всегда как добрый малый,
Есть добрых тьма к себе,
К другим же очень мало...

Княгиня

(графу)

Покорно вас благодарю...
Что будет дальше — посмотрю.

Задиг

Из братцев и сестриц моих,
Чтоб не привесть стыдливость в краску,
Один представлен я, Задиг,
Но с тем, чтоб не снимали маску.
Отец мой был с умом большим,
Но тем, за что казался славным,
Он нынче сделался смешным
И только изредка забавным.

Граф

Да, нынче уж Вольтер,
Не прежняя пора, людей с ума не сводит,
И это оттого, что видим мы пример...

Княгиня

Но что ж еще никто не входит?

Элоиза

Я Элоиза, не краснейте,
Пред вами умолчу о всем;
Прошу вас только, пожалейте
О славном авторе моем.
Он, в свет рожденный с чудным даром,
Был слаб и тверд, велик и мал,
Писал о всем с палящим жаром,
Но счастлив часа не бывал...

Он всех клепал поодиначке,
Бездушный в дружбе и родстве,
Его рассудок был в горячке,
А сердце было в голове.

Граф

Вы согласитесь сами,
Что голова преумного Руссо
Вертелася, как колесо,
Различными страстями.

Княгиня

Об этом можем мы и после рассуждать;
А гости уж давно желают танцевать.

Граф с досадой дает знак в кулису.

Вертер

Шарлотту я любил девицей
И замужем ее любил,
Но, сделавшись самоубийцей,
Ей пистолетом страсть открыл.
Я нынче всех смешу собою,
Хоть очень жалок мой конец,
И признаюся, что не мною
Бессмертен славный мой отец.

Граф

Бессмертен Гете!

Княгиня

Чем, я очень знать желаю?

Граф

Вы знаете ль творения его?

Княгиня

Нет, кроме Вертера, я ничего
Почти совсем не знаю.
Да ничего и знать я, милый, не хочу.
Романтик, немец он, и этого довольно.
Как слышу я об них, то сердцу даже больно,

Граф

Его француженкой я тотчас излечу.

Дюшесса де ла Вальер

По воле госпожи Жанлис
Я сделалась благим примером,
И вмиг охотницы нашлись
Прославиться моим манером.
Ее за честь благодарю,
Но, между вами, признаюся,
Хоть я морально говорю,
А глаз поднять при вас стыжуся.

Граф

Она де ла Вальер, которую Жанлис...

Княгиня

Я вижу, толковать напрасно не трудись.

Памела

Сестра я брата и сестры,
Прескучных, пресухих, предлинных, —
О них еще до сей поры
Толкуют в бархатных гостиных.
И я сперва была в чести,
Хоть многие со мной зевали,
А нынче, бог им всем прости,
Забыли, что меня знавали.

Граф

Да, прежде делали и драмы, а теперь...

Княгиня

Что ж там нейдут?

Граф

(в кулису)

Детей впускайте в дверь.

Выходят внучаты княгинины, одетые романами Дюкре-Дюмениля.

Княгиня

Что это, батюшка?

Граф

Романы Дюмениля.
Вот Дети тайны здесь, вот Алексис, вот Поль...
Вот Дочь гостиницы...

Княгиня

Трудиться не изволь.
Я знаю всех. Но от души и штиля
Их автора сходила я с ума,
Хоть Дюменилькою звала его сама.

(Внучатам)

Подите все ко мне.

(Целует их.)

Премилые малютки.

(Графу)

Что ж дальше...

Граф

(в кулису)

Вы сюда...

Выходят домашние княгинины, одетые привидениями и духами романов мисс Радклиф.

Княгиня

Ах, это что за страх?!

Граф

Романы мисс Радклиф, во всех своих красах,
Вот привидения... вот тень...

Княгиня

Нет, этой шутки
Не стоит мисс Радклиф, она
Хоть и была без милости страшна;
И признаюсь, когда ее читала,
Пугалася всего и ночи не сыпала.

(Взглянув на привидения)

Ах, поскорей их спрячь и подавай других.

*

Граф

Вот две сестры, вы жалуете их.

Коринна

Все восхищайтесь, я Коринна!
Высокопарно тешу слух,
Живая южных стран картина,
Пол-Сафо, муза, вышний дух;
Весь Рим я в полночь обежала,
Италия по мне славна,
О всем и всё я сочиняла,
Однако же не всё одна...

Княгиня

На Шлегеля ты метишь — знаю...

Граф

И с этим знанием я вас
Душевно поздравляю.
Но вот Дельфина, вы узнали ли...

Княгиня

Тотчас.

Дельфина

Прошу смотреть, вот перстень чудный,
Хотя совсем не талисман.
В нем спрятать мушку даже трудно,
А в нем запрятан весь роман.
Он горьких слез моих причиной,
И им за то погиб Леон,
Что я родилась не мужчиной,
А был не девушкою он.

Княгиня

Всё помню... в перстне яд был скрыт невероятно,
Дельфина смéла всё, а ничего Леон.
Но было мне его читать куда приятно,
А пуще смерть мадам Вернон.

Граф

Теперь же нашей одноземки,
Хотя по праотцам и немки,

Из скандинавских стран
Французский явится роман.

Валерия

Из глаз я извлекала слезы,
Тонула по уши в крови,
И норда страшного морозы
Я грела пламенем любви.
Во мне всё дивно, чрезвычайно,
Но больше в матушке чудес,
Она слепых дорогой тайной
В чаду взводила до небес!

Княгиня

Я это очень понимаю...
Всё помню... Ах! теперь молчу,
Хоть часто я еще вздыхаю!..
Но видеть прочее хочу.

Роб-Рой

Нас много братьев, мы сыны
Шотландца Вальтер Скотта,
Все живы, веселы, умны,
Но рождены не без расчета.
Мы слишком выйти в свет спешим,
Чтоб богатить отца именьем,
Зато и всех мы богатим
Души и мыслей проясненьем.

Княгиня

Ваш Вальтер Скотт рожден романам на убой,
Он гений, так решила мода...
А интересен ли один его герой?..

Граф

Весь свет герой его, он пишет жизнь народа.

Княгиня

Я, слава богу, не народ!
И мне совсем не радость
Узнать, как чернь шумит, и часто даже гадость
Читать его, и этот род
Романов площадных меня не забавляет;

То ль дело, как герой,
Любимый пламенно, преследуем судьбой,
Гонимый без вины... шесть то́мов пространствует,
И я страдаю с ним, как вдруг всему конец,
Он счастлив, я с восторга плачу,
Когда ведут его с любезной под венец...
Но я слова мои напрасно трачу.
Овальтерскотился весь свет,
И бедной старине теперь уж места нет.
У нас, к несчастию, те правы, кто моложе.

Граф

А вот о Бейроне не скажете ль того же?

Чильд-Гарольд

Я Чильд-Гарольд иль Бейрон сам,
Бывал везде и видел много;
Но, волю сильным дав страстям,
Я шел геенскою дорогой...
Певец хоть демонских побед,
Я сердцем прав и славен делом,
А что шмели жужжат мне вслед,
Не винен ни душой, ни телом.

Княгиня

Ах, этот Бейрон мне досаднее всего,
Хоть зла я очень на него,
Что завладел не впрок он нашим веком,
Сказав же, что его я не люблю, солгу,
Да к счастию, что бедным грекам
Он жертвовал собой, то без стыда могу
Хвалить его и даже восхищаться,
Хотя, признаться,
Он как-то был на демона похож...
Да продолжайте там... ну, что ж?

Шпион

Я, господа, Шпион... постойте,
И не бегите от меня;
Узнать, прошу вас, удостойте,
Что не похож с другими я.
Я честью жертвовал моею,

Чтобы отечество спасти,
Хоть жертвуют другие ею,
Чтоб выгодней итог свести.

Княгиня

Ах, Купер! Вальтер Скотт американский,
Но он хоть тем хорош,
Что удивит развязкой,
И в ужас от него придешь,
Как в Могикане. — Жду удара,
Дрожу от ужаса! Герой прости!
Но автор вмиг как тут, чтобы его спасти.

Граф

Вам милы ужасы, так вот их пара...

Пустынник

Из Дарленкуровых сынов
Я всех кудрявей и чернее,
Таинствен, мрачен, бестолков,
И вряд ли кто меня глупее.

Жан Сбогар

Я Жан Сбогар! страшись меня!
С кем встречусь, мигом тот покойник!
Но дамам нравлюсь очень я,
Тем именно, что я разбойник.

Княгиня

Нет, это ложь,
На женщин вечные поклепы.
И нравится мне в нем не то...

Граф

А что ж?

Княгиня

А то... но ты спроси у всей Европы —
Все сходят от Нодье с ума.
В журналах тьму похвал читала я сама.

Граф

Достойной похвалы журналы не умалят,
А то не похвала, когда журналы хвалят.
Вот вам старинный стих на новый только лад.
Я вам теперь представить очень рад
Роман соотчицы прелестной,
К искусствам пламенной любовию известной,
Но должно ли жалеть иль не жалеть о том,
Что писан он не нашим языком?

Славяне

Мы предки русских, хоть не можно
Никак потомкам нас признать,
Но женщины и тем, что ложно,
Имеют дар обворожать.
И мы, болтая по-французски,
Скорей читателей найдем,
Читает кто у нас по-русски?
А пуще в обществе большом?

Княгиня

А знаю! мне была знакома
Вся авторши семья,
Их дом был два шага от дядюшкина дома,
Ее ребенком знала я;
Ах! дамы наши все воспитаны прекрасно.

Граф

Так это ясно,
Что и нельзя по-русски им читать,
Но я дерзну вам показать
Романы русские, а их всего немного.

Княгиня

Тем лучше, но кажи скорее, ради бога.

Граф Нулин

Bonjour! Граф Нулин я!
И, говорят, любезный,
Хотя вся жизнь моя
Не кажется полезной.

Пускай я был ничто
И свет коптил напрасно,
Но Пушкиным зато
Представлен вам прекрасно.

Княгиня

Ах, боже мой! да я везде слыхала
Об авторе. Он принят в свет большой,
И тридцать раз прочесть его желала,
Да и прочту весной,
В деревне. Так, мне даже стыдно,
Что не успела я; об нем везде кричат,
Но без таланта он, как видно...

Граф

С талантом, и большим, и надобно сказать,
Он красит русскую словесность,
Но мне Нарежного нельзя ль привесть
в известность?
(Дает знак в кулису.)

Бурсак

(подходя с «Двумя Иванами»)

Известны мы немногим вам,
Мы люди света небольшого,
Таскаясь скромно по шинкам,
Умны для общества простого;
Но редки и везде умы,
А живопись — краса романа,
Так познакомьтесь с нами, мы —
Один Бурсак и два Ивана.

Княгиня

Иваны и Бурсак! читать извольте сами.
Дивитесь в них и краскам, и уму,
А я уж, верно, в руки не возьму...
Иваны и Бурсак — всё это пахнет щами...

Граф

Но первый, тот, народный наш роман,
Который начали читать не по передним,
Тотчас вам покажу...

Княгиня

И будет он последним.

Граф

Я кончу им...

Княгиня

Что ж он?

Граф

Иван...

Княгиня
(вскрикивает)

Опять Иван!

Граф

Так он Иван, но Выжигин.

Княгиня

О боже!
И Выжигин! Ах, имя уж одно
Доказывает мне, что это быть должно
На просто русское похоже.

Иван Выжигин

Я Выжигин Иван, к услугам всех —
От бар до слуг и от дворян до дворней,
Я вмиг схватил финансовый успех,
Но авторский дается поупорней.
Тотчас людей судить по именам,
Еще держась оставленной привычки,
От выжиги себя я прозвал сам,
И всем своим давал по шерсти клички.
Но выжиги есть множество родов, —
Так поташом из скорлупы орешной
Иль серебром из старых галунов,
Скажите, чем я выжжен, многогрешный?

Княгиня

Что ж скажешь ты?

Граф

Он, может быть,
Ни дурен, ни хорош, но мы благодарить
Должны того, кто ставит просвещенье
Причиной общего добра.
В нем слог хорош, народ заманивает в чтенье,
И нравится. — Уж нам свое писать пора,
А им и для других открылася дорога,
Пойдут романы наши в ход.
Я слышал, что уж их и много
Покажется на будущий же год,
И что один едва ль уж не в печати,
Которым жизнь простых людей и знати
И, словом, весь старинный русский быт
С большою точностью нам в первый раз открыт,
Узнаем наконец, что на Руси бывало,
Как жили наши старики...

Княгиня

Да радости мне в этом будет мало.
Я знаю, как живут и нынче мужики,
А наши праотцы уж, верно, так живали:
С зарей ложились и вставали,
Четыре раза ели в день,
Но ничего и ни о чем не знали.
А просвещения была ль у них и тень?
Ну вот, скажи ты сам, в прабабушкино время
Не прокляли б тебя и весь твой маскерад?
Да, граф, сто лет тому назад
Мы были варварское племя.

Граф

Нет, были мы народ, и славный.

Княгиня

Сам прочти,
Что и теперь об нас в иных вояжах пишут.

Граф

А это оттого, что вояжеры слышат
От вас же; да теперь такую ж гиль почти

Один журнал, чтоб слыть каким-то европейским,
Пренагло выпускает в свет;
Он восхищаться рад поэтом хоть халдейским,
А Ломоносов не поэт.
Не ставит ни во что комедию Капниста,
Что ни написано у нас, всё дрянь,
Ругает классиков и корчит романтиста,
Не понимая их, и сделал то, что брань,
Ругательство, нахальство и бесстыдство
Одно у нас теперь журнальное витийство;
Читать нельзя! Когда романов я дождусь,
Чтоб душу отвести!

Княгиня

Да я тебя боюсь,
Разгневался...

Граф

Нет, я не гневаюсь на вздоры.

Княгиня

Да видишь ты навыворот весь свет.
Но танцы мы начнем, чтоб кончить наши споры.

Граф

Позвольте хоть жене пропеть ее куплет.

Графиня, представляющая Дюшессу де ла Вальер, поет:

В своих забавах перемену
Любил и любит род людской.
То мы для новости на сцену
Романы вывели с собой.
И в шутке старую погудку
Представили на новый лад,
Так смеем вас просить как шутку
Принять романный маскерад.

1829

Приложения

I

НОВЫЙ СТЕРН

Комедия в одном действии

Et vous, qui êtes cause de leur folie, sottes billevesé s, pernicieux amusements des esprits oisifs, romans, vers, chansons, sonnets et sonnettes, puissiez-vous être à tous les diables!

Molière[1]

Ее высокопревосходительству
милостивой государыне
Марье Алексеевне Нарышкиной

Когда бы более тебя кого я чтил,
Тому бы труд мой посвятил!

Князь Шаховской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Граф Пронский, сантиментальный путешественник.
Судьбин, отставной майор, друг отца графа Пронского.
Ипат, слуга графа Пронского.
Кузьминишна, мельничиха.
Маланья, дочь ее.
Фока, жених Маланьи.

Действие за 500 верст от Москвы.

Театр представляет приятное местоположение; вдали река и мельница; на левой стороне пригорок с растущими на оном соснами.

Явление 1

Судьбин и Ипат.

Ипат. Как, сударь! это вы? я не верю глазам моим! Вы, за пятьсот верст от Москвы? Вы разлучились с старым вашим генералом?

[1] А вы, виновники их безумия, дурацкие бредни, пагубные забавы праздных умов, романы, стишки, песни, сонеты и сонетишки, провалитесь вы ко всем чертям! *Мольер* (франц.). — *Ред.*

Судьбин. Сумасбродство твоего господина разлучило меня с отцом его.

Ипат. Как, сударь! так вы гоняетесь за его сиятельством?

Судьбин. Да! вот уж скоро месяц, как я езжу по следам вашим; привязанность моя к старому графу Пронскому сделала меня путешественником поневоле. Отец твоего графа хотел женить его на доброй, любезной девушке, дочери старинного нашего друга; писал к нему в Петербург, чтоб он просился в отпуск; но в ответ получил полдести послания, из которого мы не без труда поняли, что молодой человек слишком нежно чувствует для военной службы, что сердце его слишком сантиментально для женитьбы без страсти и что он слишком восхищен новыми произведениями ума; и для того, выйдя в отставку, не хотя жениться и желая сделать журнал, он поехал путешествовать по России. Мой старый генерал ударил тревогу, хотел писать в Петербург, просить всех о возвращении его сына; но я, напомня ему наши молодые лета, уговорил его не делать огласки, которая могла быть пагубна для его сына, велел заложить коляску и отправился вас искать. Я надеюсь, что мне удастся вывести из заблуждения твоего барина.

Ипат. Вряд ли, сударь! барин мой всякий день делается сантиментальнее, трогательнее, интереснее!..

Судьбин. Из какой полукнижки взял ты эти слова?

Ипат. О, сударь! это ли я еще знаю! Лазурно-розовое небо, предмет умозрения, цветы вечности, влияние бальзамическое!..

Судьбин. Довольно, довольно. Итак, скажи мне, что вы делаете?

Ипат. Мы, сударь?.. Смотря по погоде: вздыхаем, плачем, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Ясное солнце согревает наши чувства, ужасный мороз напрягает нашу жизненность, быстрый ручей мелодиею своею питает нашу меланхолию, тихое озеро служит зеркалом нашей сантиментальности; наконец, вёдро, ветер, дождь, горы, леса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары — все имеет влияние на нашу душу; словом, мы сантиментальные вояжеры! Но, увы! судьбе угодно было, чтоб из трех нас гений смерти похитил одного!.. О Леди! тебя уж нет!.. Ах!.. вечность!..

Судьбин. Как! что это значит? один из вас умер? Кто этот Леди?

Ипат. Чувствительный, признательный, сантиментальный друг человечества, печать верности! наконец, англинская собачка, которую третьего дня на этой горе переехали колесом и которой граф воздвигает монумент вечности.

Судьбин. Так это-то и удержало его здесь?

Ипат. Это, но не совсем. Смерть привязанной Леди оставила пустоту в наших сердцах, которую мой барин хочет наполнить интересною дочерью здешней мельничихи.

Судьбин. Кузьминишны, у которой я живу в доме?

Ипат. Ею, сударь, ею. Вчера, как мы оплакивали нашего друга, Маланья, трогательная пастушка, гнала добреньких коров, романических овечек, сытеньких свинок гибкою хворостинкою в скромный скотный двор. Она пела: *по горам, по горам.* Голос ее раздавался в душах наших! Я сегодня до света полетел, по приказанию его сиятельства, разведать об этой обворожительнице, как мне сказали, что какой-то барин меня спрашивает; я пустился бежать, прибежал, взглянул — и увидел заслуженного почтенного друга нашего старого графа: сердце мое забилось страхом и надеждою!

Судьбин. Ежели ты мне поможешь завербовать в порядочные люди твоего графа, то тебе нечего бояться.

Ипат. Вы можете на меня надеяться, как на каменную стену, тем больше что мне хочется выйти в отставку из сантиментальных вояжеров.

Судьбин. Мне пришла странная мысль; я хочу сделать фальшивую атаку: в войне, в любви и в добром деле все хитрости годятся. Ну ежели я назовусь отцом этой победительницы! .. ха, ха, ха! авось-либо этой проказой удастся мне проучить твоего проказника. А! да вот мои хозяева. Кузьминишна! .. Фока! ..

Явление 2

Те же, Кузьминишна и Фока.

Кузьминишна. Что, добрый господин, приказать изволишь? что тебе, моему кормильцу, угодно?

Судьбин. Мне надо, друг мой, с тобою поговорить. Досуг ли тебе?

Кузьминишна. Я было хотела зайти к приказчику покалякать о свадьбе Фокушкиной с моей Малашкой, да это еще не уйдет.

Фока. Как не уйдет! Я те говорю, что не надо терять времени, пора жениться.

Кузьминишна. Что ты, Фока! ведь его милость не наш брат; надо слушать добрых господ.

Фока. Слушай-се, а я пойду.

Судьбин. Нет, и ты мне нужен. Послушайте, видели ли вы этого барина, что здесь на селе остановился?

Кузьминишна. Как не видать, такой пригожий, красное солнышко!

Фока. Да, пригожий, хвали, небось он... (*Увидя Ипата*) А! да ты здесь, подлипало. Скоро ль вы отвопите вашу собачонку?

Кузьминишна. Что ты, Фока, не годится буянить при господах.

Фока. А господам-то не годится бегать за нашими девками.

Ипат. Эка невидаль! уж с вашими девками и говорить нельзя.

Судьбин. Так, Фока, ты прав, и я хочу помочь вам отучить этого господина; он сын друга моего, и против отцовской воли ездит куда глаза глядят.

Кузьминишна. Как! против родительского благословения? да ему несдобровать! ему несдобровать!

Фока. Видно, у него ум за разум зашел.

Судьбин. Ты почти отгадал, он немного сбился с прямой дороги. Мне хочется привезти его к отцу, и для того я прошу тебя, Кузьминишна, назвать меня твоим мужем.

Кузьминишна. Что ты, мой кормилец, мне, старой бабе, это нейдет; да похож ли ты на покойника? Тебя-ка никто не признает.

Ипат. Да как, сударь, ведь мельник с бородою, а вы?..

Судьбин. Это правда.

Фока. Вишь об чем закручинились! за бородою дело не станет; у нашего барина на селе свои холопья ломают комедь, то Мельника, то Еремевну; животики надорвешь, так проклятые кобенятся, а пуще кум Андрюшка; так павлинится барином, ха, ха, ха! Я-ка его впервой совсем не узнал, слышь ты.

Ипат. Не в Андрюшке дело, скажи скорее, есть ли у них борода?

Фока. Вот подъехал с чем, есть ли? Вестимо есть, и бород, и париков, и всякой дряни, слышь ты, чертова пропасть.

Ипат. Да вот с горы мой барин идет. Остановился, вздыхает, восхищается! Ах!.. увы!..

Явление 3

Те же и граф.

Граф (*на горе́*). О Натура! о Стерн!.. я молчу, и молчание мое одно достойно тебя...

Ипат. Слышите ли вы, как его сиятельство изволит молчать?

Граф *(бросаясь на колени)*. Создание миров, жертва тебе! пресущественность!

Кузьминишна. Кому-то, мой батюшка, он поклоняется? или он верует в сосны?

Фока. То ли ты еще увидишь. Да вот он подходит.

Судьбин. Отретируемся, чтоб он нас не видал; все за мною.

Явление 4

Граф *(один)*. Утро ясно, ясна душа моя! — А там, там за дымчатыми горами, за грустным лесом, миллионы людей! .. Чудна, пестра Природа! .. Здесь потерял я друга, истинного, тонкого, бережливого! О Леди! Леди! тебя уж нет! .. слеза дружбе! .. Здесь встретил я невинное существо, ангела в образе интересной пастушки! .. Ах! вздох любви! .. Ее взгляд здесь! .. Пламенная стрела Амура экскизировала ее силуэт в сердце моем! .. Всю ночь мрачный Морфей не очернил зрения моего: она была в мысленных очах моих! .. Напрасно я перелистывал «Новую Элоизу»: я везде читал имя незнакомой девушки! .. Наконец скромный Гений мой инспирировал томной музе моей сладостный романс. Заставим любовницу Нарциссову повторить его. Гитара, друг моей чувствительности, устрой томный голос мой! ..

РОМАНС

Венцы, мечи, щиты, порфиры,
Не вас я, бедные, ищу;
Герои, побеждайте миры, —
Пред вами я не трепещу.

Натура мне сама сказала,
Что должен жить я меж цветов;
Она любить мне приказала,
Она — малиновка-любовь!

Змеитесь речки, ветры дуйте,
Шепчи любовь младой Зефир;
Вы, нежны голубки, воркуйте,
Ты, соловей, пленяй весь мир.

Натура! я тебе подобен:
Я вольно чувствовать хочу;
Как скромный кролик я незлобен,
И вслед любви везде лечу!

Явление 5

Граф. Какая гармония в этом пейзаже! какие оттенки в Натуре! *(Увидя Ипата)* Восхищайся, простой сын Природы, твоею матерью! *(Хочет обнять его.)* Фуй! как от него пахнет вином! — Долго ли ты будешь обезображивать человечество напитком безрассудности? .. Ты пил вино?

Ипат. Виноват, в ближней корчме выпил крючок... за здоровье матери Натуры и вашего сиятельства.

Граф. Ты всякий день профанируешь себя этим презренным вином... а для чего?

Ипат. О, сударь! я божусь, что никогда не пью без причины. Четвертого дня я выпил для того, что нечего было делать, третьего дня для поправления желудка, вчерась с горя, а сегодня на радости.

Граф. На радости! на какой?

Ипат. Ах, сударь! на какой? на радости душевной, сердечной, мысленной. По приказанию вашего сиятельства я сегодня прежде солнца проснулся, побежал на мельницу, и чуть-чуть спустился с этого пригорка, как встретил — кого вы думаете?

Граф. Сердце мое отгадывает! Ты встретил...

Ипат. Я встретил... добрую рыженькую корову, которую за крутые рога вела...

Граф. Она? ..

Ипат. Нет, не совсем она, а подобие ее; словом, сестра ее, Домна. Милая, резвая, быстрая Домна! обворожительница, пленительница, победительница верного, усердного и проворного Ипата!

Граф. Как! и ты трогаешься, влюбляешься? ..

Ипат. А Натура? .. Только что глаза мои взвидели корову и Домну, сердце мое забилось и ноги мои понесли меня к ней! «Здравствуй, красная девица!» — «Здорово, добрый молодец!» — «Не знаешь ли, моя кралечка, чья эта мельница?» — «Как не знать, это моего батюшки Сидора Архипыча». — «Как! Она Архипыча? Поцелуй меня за добрую весть». — «Да разве ты его знаешь?» — «Нет; но я сердечно привязан ко всем Сидорам и без памяти люблю всех Архипычей! Скажи мне, не сестрица ли твоя вчера гнала милую скотинку?» — «Какой отгадчик! вестимо сестра моя Маланья».

Граф. Что я слышу! ее зовут Мелани́?

Ипат. Маланья, сударь.

Граф. Какая грубость! какое невежество! можно ли так портить самые интересные имена? Это только терпимо у нас! Мармонтель, Лагарп, Детуш, — ваш прах должен потрястись, услышав это варварское название, которое здесь дают вашим Мелани! Послушай,

ежели ты еще осмелишься огрубить слух мой, то я, для чести литературы и сантиментальности, дам тебе почувствовать силу руки моей.

Ипат. Я готов ее перекрестить, как вам угодно, — только...

Граф. Продолжай!

Ипат. Сестра ее сказала, что интересная... имярек выходит замуж.

Граф. Как! Кто этот счастливый смертный?

Ипат. Сын кузнеца Антипа, Фока, блаженнейший из Фок!

Граф. Сын кузнецов! Фока!.. Но милая Мелания должна всё пленить, что только имеет сердце.

Ипат. О! у Фоки самое пылкое сердце! Он чуть-чуть не доказал мне его горячность.

Граф. Говорил ли ты ей?.. сказал ли ты ее сестре, что я...

Ипат. Как вы прикажете, чтоб я говорил об вас? Вы мне запретили называть вас графом Пронским, и вот уже четыре месяца, как выбираете другое имя.

Граф. Это правда, что я до сей поры не могу выбрать имени, приличного для сантиментального вояжёра.

Ипат. Да что вас заставляет перекрещиваться?

Граф. Все: желание укрыться от гонящихся, может быть, за мною и обычай, консакрированный Стерном, который путешествовал под именем Иорика.

Ипат. Иорика? прекрасное имя! Да что оно значит на их языке?

Граф. Ничего; это имя шута англинского короля.

Ипат. Шута царского? славно!.. Благодарите мой ум: он нашел вам название.

Граф. Какое?

Ипат. Ежели этот Иорик был шут англинского короля, так Балакерев был шут русского царя; итак, что вам мешает назваться Балакеревым?

Граф. Балакер? — Нет, это дурно в ухо звенит: Балакер!.. Что я слышу? Голос интересной Мелани!

Явление 6

Те же и Маланья (идя с горы с ведрами, поет).

Граф. Какая восхитительная невинность! Ноги мои мне себя отказывают; я не смею подойти к этому ангелу, сошедшему на наш мир с эфирной высоты!

Ипат. Я за вас подойду. — Добрый путь, красавица! красавица! постой, я тебе говорю.

Маланья. Мне? А я думала нивесь кому.

Граф. Он назвал тебя красавицею, — это твое имя.

Маланья. И! барин, балагуришь, меня зовут Маланьей.

Граф. Скромная фиалка! интересная Мелания! сантиментальный ангел мой!

Маланья. Барин, я не умею по-немецкому. *(Ипату)* Разве он не русский?

Ипат. И так и сяк, по-середнему.

Граф. Выслушай меня, трогательная пастушка!

Маланья. Что ты, барин, я не сиротинка, чтоб мне быть пастушкою, у меня есть мать.

Ипат. И отец.

Маланья. Как?.. да, бишь, у меня есть и отец.

Граф. Должен ли я верить молве, раздирающей мое сердце? Слышал я, что ты выходишь замуж?

Маланья. Вестимо, за Фоку-кузнечонка.

Граф. И твое сердце ему отдано?

Маланья. Ты шутишь, барин.

Граф. Как! Узел симпатии не связует вас? ты свободна? Неужели и здесь тиранство корыстолюбивых родителей сожжет бледные щеки детей их пламенными слезами? Как! ты только повинуешься воле родительской?

Маланья. Кого ж нам и слушаться, коль не матушки?

Граф *(Ипату)*. Какие патриаршие нравы!

Ипат. Нравы патриаршие!

Граф. Итак, ежели одно детское подобострастие делает тебя женою, я берусь освободить тебя.

Маланья. Я и так свободна.

Граф. Ангел! ты свободна!.. Ипат! восхищаешься ли ты этою непринужденною дочерью природы?

Ипат. Я плачу!

Граф. Скромная невинность!

Ипат. Невинная скромность!

Граф *(Маланье)*. Куда ж ты идешь?

Маланья. Мне не годится подслушивать, что другие говорят.

Граф. Какие пренсипы! Краснейте все модные красавицы пред этой крестьянкой.

Ипат. Краснейте все горнишные девушки, все барские барыни, — ежели вы можете краснеть.

Маланья. И впрямь, никак, что мне сказывал Фока, он как будто не в себе. Как он коверкается! как глядит на меня! Ахти! я начинаю побаиваться! Что это наши нейдут?

Граф. Еще раз прошу тебя, открой мне все изгибы твоего сердца, скажи мне одно слово, взгляни на меня, красавица! Агнесса! Фиалка!

Маланья. Знать, на него нашло.

Граф. Какая интересная застенчивость! Она, как желтобокий чижик, порхает от сети птицелова!

Он подходит к Маланье, она от него пятится, и они делают круг театра.

Невинность, не страшись меня — я не изверг.

Ипат. Право, Маланьюшка, мы неопасны; любовь сантиментальная чиста как голубь.

Граф *(хватая ее за руку)*. Выслушай, выслушай меня! — я умею почитать стыдливость.

Маланья. Ай! ай! ай! что ты, барин! ай! ай!

Явление 7

Те же и Фока.

Фока. Что? кто наших? — Малаша, кто тебя?

Маланья. Этот барин, что, ты ведаешь...

Фока. Барин, не озорничай с нашими.

Граф. Я эгида невинности и друг Натуры.

Фока. Да будь ты друг хоть капитан-исправника, а наших не замай.

Ипат *(тихо Фоке)*. Славно, Фока.

Фока. Небось, Фока себя не ударит лицом в грязь. *(Графу)* Знаешь ли ты, что это моя суженая?

Граф. Так вот тот счастливый смертный, который должен кюльтивировать эту фиалку? Так ли ты сделан?

Фока. Так ли и как ли я сделан, а она будет моя жена.

Граф. Нет! я ее вырву из твоих хищных рук.

Фока. Ты? — Малаша, сюда! Ну-ка, попробуй.

Граф. Для чего он не родился в кругу предрассудков? я бы, может быть, имел честь умереть за мою Меланию.

Фока. Эй, барин, не подходи.

Граф *(Ипату)*. Он грубиян, мне кажется.

Ипат. У него какие-то неприятные ухватки.

Граф. Как жалка участь красавицы! .. таков же был муж Венеры. Одно слово — дочь Природы! ..

Фока. Ни слова, ни полслова, ни четверть слова!

Явление 8

Те же и Кузьминишна.

Кузьминишна. Все девки разбрелись. Малашка! Малашка!

Фока. Кричи, кричи, а Малашка-то попалась было в добрые руки.

Кузьминишна. Что, что, Фокушка, сделалось?

Граф. Выслушай меня, добрая женщина! Эта невинность — дочь твоя?

Кузьминишна. Родная, кормилец.

Граф. И ты выдаешь ее за него?

Кузьминишна. Так, мой батюшка!

Граф. Ты губишь ее!..

Кузьминишна. Что ты говоришь, мой отец? я гублю мое рождение?.. я гублю дитя мое?.. Что ты, разве у вас не берегут свое детище, — у нас этого и не видано. Поди ко мне, Малаша. Что это барин-то говорит?

Маланья. То уж бог знает, что он поет.

Фока. И... всего не переслушаешь.

Кузьминишна. Нет, господин добрый, ты этого и не затевай, чтоб я хотела сгубить ее; я уж стою на гробовой доске, так мне не захочется за них там отвечать. Люблю деточек! они у меня одно мое богатство, одно сокровище!

Граф. Добрая женщина, ты меня трогаешь!

Кузьминишна. Что ты, барин, перекрестись! я до тебя и не дотронулась.

Фока. Не грех ли те клепать на старуху?

Ипат. Невежи все берут спроста; трогать не то, что трогать... а что бишь?..

Граф. Как горестно, что их чувства не утончены. Вы живете в кругу непросвещения.

Фока. Ничуть не в кругу, а на мельнице.

Ипат. О невежа!

Граф. Добрая мать! ты воспитала скромную, интересную Меланию в недре природы; она цветок, еще не обработанный рукою искусного садовника.

Фока. Как бы не так! я ее никакому садовнику не дам обрабатывать. Послушай-ка, барин, не лучше ль тебе оставить нас в покое? Пойдем, матушка, пора девишник затевать.

Кузьминишна. И впрямь пора. Прощай, господин боярич.

Маланья. Добрый путь. *(Уходит.)*

Граф. Ангел! постой, выслушай меня!.. Ее уводят!.. Ипат, останови их.

Ипат *(хочет ее остановить, но Фока его отталкивает)*. Вы сами видите, как этот грубиян обходится.

Граф. Нет, я ее не оставлю! *(Уходит.)*

Явление 9

Ипат, потом Судьбин.

Ипат. Решено, что барин мой свихнул с ума. Жаль, а у него сердце ангельское. Слезливые писатели, плаксивые сочинители! вы, вы загубили моего доброго господина; вам будет отвечать за него, эти маленькие книжонки, что я носил ему из университетской лавки, поддели бедного графа.

Судьбин. Он ушел?

Ипат. Он поехал за интересною Меланиею в село... Ха, ха, ха, ха! как вы вырядились!

Судьбин. Ну, похож ли я на Архипыча?

Ипат. О! вы, сударь, Архипыч из всех Архипычев!

Судьбин. Ты уверен, что твой барин меня не узнает?

Ипат. Не только вас, да и батюшку своего не узнает. Его мысли, глаза, чувства всегда за тридевять земель в тридесятом царстве. Я сейчас говорил: как жаль, что такого доброго господина друзья писатели свели с ума. Растолкуйте мне, сударь, откудова выехала к нам эта сантиментальная чертовщина?

Судьбин. Она сформировалась в Англии, попортилась во Франции, раздулась в Германии, а к нам ее вывезли в таком жалком состоянии, что...

Ипат. Что и курам на смех! Беда тем, к кому она от нас попадет.

Судьбин. Таков свет, что в нем все временем и людьми портится. Самые сумасбродные обычаи часто имели корнем полезные учреждения. Что затеют, бывало, славно в одном полку, а как всю дивизию обойдет, то хоть брось сделается. Ха, ха, ха! да мне кажется, что я немножко с своими дивизиями свихнул на твоего графа; у всякого свой пункт сумасшествия.

Ипат *(в сторону)*. Он прав, у всякого своя дурь в голове. Я, например, как заговорю про цыганскую пляску, так хоть святых вон понеси.

Судьбин. Я не хочу, чтоб барин твой застал нас вместе; делай все, что я тебе приказывал... Он идет! *(Уходит.)*

Явление 10

Ипат и граф.

Граф. Невежество! невежество! ты корень всего зла, ты яд человечества! О просвещение! когда черта твоя обрисует мое отечество? Наши Стерны, наши Юнги, наши Дораты, когда вы дадите плод от вашего сеяния? Жестокосердый, грубый иньоранс! Ах! Ипат, Ипат! ужасно!

Ипат. Что, сударь, с вами сделалось?

Граф. Вся Натура переменилась для меня: невинность сделалась коварностию, простота ядотворностию; ты видишь эти перловые слезы, катящиеся по щекам моим, ты их видишь?..

Ипат. Кажется, вижу, сударь.

Граф. Знай, что эта слеза течет в жертву человечества! Люди, которых просвещение делает эгоистами, изгнали меня из столицы, чтобы искать детей природы; я их нашел, но невежество делает их грубыми, чувственными, наконец, так сказать, извергами.

Ипат. Как, сударь! добрые дети Природы, чувствительные пастушки, скромные поселяне...

Граф. Увы! мой друг, они не таковы в свете, как в эклоге. Ты видел, как я устремился вслед за скромною Меланиею; я почти догнал ее у самого села, кричал ей: остановись, ангел! я хочу быть твой гений-спаситель! Стыдливость ее препятствует ей мне отвечать; новый Вулкан вводит ее в мрачную избу... и затворяет мне роковую дверь в самый нос. Я кричу, требую гостеприимства... Но, увы! о коварство! совместник мой отворяет адское окошко и едким голосом называет меня... как ты думаешь?.. сумасшедшим!.. Народ, поселяне, маленькие ребятишки окружают меня, смотрят на меня как на чудо. Я хочу им говорить, приближаюсь... О невежество! о предрассудки! Они, убегая от меня, как от язвы, кричат, ухают и указывают на меня пальцами. Измученный, огорченный, оглушенный криками, я удалился от мрачного храма невежества, где думал найти святилище кротости и чистосердечия. Ах, Ипат! что я начну делать?..

Ипат. Корабельщик после бури пристает к берегу; жаворонок, улетая на зиму, после холода прилетает в свое гнездо; солдат, отслужа царю государю, ворочается в отцовский дом... *(В сторону)* Примеры не действуют... *(Графу)* Поездя по белу свету, не пора ли домой?

Граф. Нет! предрассудки отца моего не простят мне мою отставку, мой вояж, мое одиночество. Ты знаешь, что он называл намерение мое сумасбродством.

Ипат. Эти старики воспитаны в грубом веке: всё спроста берут... Наконец Ипат, сотрудник, сопутешественник, камердинер, повар, дворецкий, секретарь и казначей вашего сиятельства, имеет честь вам донести, что казна наша в пребольшом ущербе и что ежели мы еще месяц попутешествуем, то придется окончить нам наш вояж по-богомольски.

Граф. Какое же средство?..

Ипат. Самое простое: писать батюшке... нет... ну так писать к другу батюшкину, господину Судьбину.

Граф. Фуй! к этому полумедведю, который был капралом в последнюю, Семилетнюю, войну. Нет! грубость ушей его не тронется моим красноречием.

Ипат. Ехать самим...

Граф. Нет!.. но... хорошо...

Ипат. Он выдумывает; что-то будет?

Граф *(снимая гитару)*. Друг чувств моих, рассей мою горесть!

Ипат. Так это-то средство?.. Ась! чего изволите?.. Хоть бы он заиграл плясовую, все бы лучше.

Явление 11

Те же и Судьбин.

Граф *(увидя Судьбина)*. Что это за старик?

Ипат. Этот полумедведь отец интересной Мелании.

Граф. Какой почтенный вид!

Судьбин. Не ты ли, барин, господин граф? Имени и отечества не знаю.

Ипат. Это его сиятельство.

Граф. Так, почтенный старец, ты видишь пред собою юного пилигрима, благословляющего твои седины. Что я могу сделать, чтоб тебе служить?

Судьбин. Ехать твоею дорогою к батюшке или к матушке, кто у тебя есть.

Ипат. Как не к батюшке!.. мы пилигримствуем.

Граф. Так, старец, украшенный сединами! я предприял, по примеру многих чувствительных людей, объехать всю Россию, а потом и далее.

Судьбин. Славно, барин, спасибо тебе! Ты хочешь узнать всю святую Русь; ты, чай, сынок знатного барина, служишь царю государю, так почему ж тебе не быть в чинах: губернатором, наместни-

ком или еще более. И потому-то, знать, ты и объезжаешь все земли, чтоб узнать, чем где промышляют, где что родится, где много земли, да мало рук, где мало земли, да много рук, где мужички зажиточны, где они нищие, чем можно поправить их обиход, чем пособить злу, как сделать добро...

Ипат. Ха, ха, ха! обиход, руки, земля, ха, ха, ха!

Судьбин. Да чему ж ты смеешься?

Ипат. Ха, ха, ха! какую дичь занес; видишь, с чем подъехал! барин будет губернатор, наместник! — Знай, старик, что мы презираем чины.

Судьбин. Ой ли? а для чего? вить кто в чинах, тому и чести боле.

Ипат. Мы смеемся над этой честью.

Судьбин. Смотри пожалуй! Да кто в чинах, да в славе, тому и добро делать легче. Да зачем же он и дворянин, как не для того, чтоб служить государю да государству? Бог всякого человека создал для чего-нибудь: нашего брата, чтоб работал землю, а их милость, чтоб быть заступником нашим пред царем и законами.

Ипат. Вот те на! будь заступник ваш кто хочет, а мы с барином ездим по белу свету да восхищаемся.

Судьбин. Неужли ты и впрямь этак думать изволишь?

Граф. Почтенный старец! я... *(В сторону)* Что я ему буду отвечать? Странно, что этот непросвещенный поселянин так умел смутить меня.

Судьбин *(в сторону)*. Мои слова действуют. — Ась! барин?

Граф. Я дивлюсь, что, рожденный в кругу бренности, ты говоришь с такою твердостию, с каковою еще ни один поселянин не говорил ни одному вояжеру. Ты мудрствуешь с изящностью.

Судьбин. Я не дослышал, барин.

Граф. Как жаль, что он не читал сентиментальных вояжеров и не может понимать меня. — Друг мой! я презираю пышные титлы и упитываю душу...

Судьбин. А чем ты упитывать ее изволишь?

Граф. Простою, ясною, чистою Природою. Ах! ежели бы ты мог прочесть все то, что я читал, так бы ты понял меня.

Судьбин. Вряд ли бы.

Ипат. Ученье свет, а неученье тьма, старик.

Судьбин. Неужели также в его книге написано, чтобы отнимать у жениха невесту?

Ипат. У какого жениха? у кузнеца!

Судьбин. Да какого ж жениха ей надо? вить барин не возьмет крестьянской девки.

Граф. А почему?

Судьбин. Где дочерям нашим быть барынями; над ними все господа будут смеяться, да и родные-то мужнины их со света сгонят. Муж, видя, что отец и мать от него отступились, невзлюбит жену, которая разогнала всю его семью. Я по себе знаю, каково отцовскому сердцу, когда дети неладно поступают; да и каково детям, которые не имеют родительского благословения. Ты вздыхаешь, барин; видно, что у тебя сыновнее сердце.

Граф. Почтенный старик, ты раздираешь мою душу!

Судьбин. И барин! ты балагуришь, — чем мне раздирать твою душу? .. Ахти, да я слышу, наши девки песни поют. У нас в селе обычай: гулять с помолвленной невестой всем ее подругам. Это, верно, Маланью мою ведут к приказчику: он ее отец посаженый. Пойти же к ней. Прощай, барин. *(В сторону)* Слова мои действуют; он задумался. Еще атака — и город наш. *(Уходит.)*

Ипат. Эк он осадил его! .. ни слова!

Явление 12

Граф и Ипат.

Граф. Интересная Мелания! трогательный мельник! — О, талисман! О, женщины!

Ипат. Какой говорун этот старик!

Граф. Так, так! жребий мой брошен: сделаюсь земледельцем, возьму себе в подруги дочь этого почтенного старца и вместе с нею поселюсь в низкой хижине. Там, в час солнечного восхода, буду пробуждать любезную, на руке друга покоющуюся; там буду с нею обрабатывать уголок земли или стеречь барашков и овечек.

Ипат *(в сторону)*. Не головоломная работа.

Граф. Там плоды земные и молоко будут моею пищею.

Ипат *(в сторону)*. Незавидный стол.

Граф. Мягкая солома постелью.

Ипат *(в сторону)*. Не слишком великолепная кровать.

Граф. Цицерон, Стерн и Юнг будут занимать меня; я буду читать «Новую Элоизу».

Ипат *(в сторону)*. А нежная сожительница будет зевать, или от скуки свинок кормить.

Граф. Ипат, я буду счастлив!

Ипат. Мы будем счастливы, скажите лучше.

Граф. Как это?

Ипат. Ваше сиятельство женитесь на Мелании, а я на Домне, сестре ее.

Граф. Итак, ты будешь...

Ипат. Свояк моего любезного господина.

Граф. Как ты смеешь?..

Ипат. За что вы гневаетесь? Я, сударь, имею сердце. Домна мне нравится, я на ней женюсь, построю хижинку еще ниже вашей; буду гонять овечек и барашков, кушать молоко и хлеб, спать на соломе, а по воскресеньям читать «Бову Королевича» и «Ваньку Каина»; наживу вам племянничков, а себе детей; вы будете их крестный отец...

Граф. Это уж очень... Как! ты... ты пародируешь меня, мне кажется?.. Дерзкий!

Ипат. За что гневаться, мой будущий свояк?

Граф. Я проучу тебя!.. Но это правда, Ипат может быть, хотя и пьяница, мужем Домны; а я... какое родство! Но презрим предрассудки!.. Однако ж отец мой.. Я трону его моими слезами; он увидит Меланию и — простит плененного ангелом!

Явление последнее

Все.

Девицы окружают Маланью и поют песни; Фока ведет ее за одну руку, Кузьминишна за другую; Судьбин идет сзади и ведет за руку другую дочь.

Граф. Ее ведут! Ипат, друг мой! Решимся на все. Постойте, постойте, бесчеловечные! остановитесь!

Фока. Не слушайте его, он сумасшедший.

Все. Сумасшедший! Ахти! чтоб он не укусил!..

Граф. Почтенный старец, выслушай несчастного! Кузьминишна, остановись! Мелания, взгляни на меня!

Судьбин. Постойте, надобно его выслушать.

Маланья. Не очень близко подходи к нему, матушка.

Кузьминишна. Наше место свято! чего бояться?

Граф. Вы должны узнать, кто я. Я граф Пронский, сын заслуженного генерала.

Ипат *(Фоке)*. Знай наших!

Граф. Сердце мое хочет быть счастливо не знатностью моею, но истинною любовию, сантиментальным дружеством, эфирным блаженством. Интересная Мелания тронула мое сердце, отец ее удивил мой ум, и я хочу им вечно принадлежать.

Ипат. И я также: мне Домна пришла по сердцу.

Кузьминишна. И впрямь они хотят жениться на моих дочерях.

Фока. А я чем не жених?

Судьбин. Барин и слуга, вы мне оба не годитесь: вы не можете сделать счастия моих дочерей. Барин, ты имеешь отца; что он скажет, когда узнает, что ты женат на крестьянке?

Граф *(бросаясь на колени)*. Отец мой одобрит мой выбор.

Ипат *(также)*. Моя матушка благословит меня!

Граф. Хотя он и знатный человек, но он отец!

Ипат. Хотя она и первая прачка, но она мать!

Граф *(Ипату)*. Да замолчишь ли ты?

Ипат. Сердце говорит.

Граф *(Судьбину)*. Почтенный старец! я сделаю счастие твоей дочери, всего твоего семейства; я буду послушный сын; все минуты жизни своей я посвящу на то, чтоб угождать тебе, чтоб быть с тобою.

Судьбин *(сняв кафтан, бороду и парик)*. Тот может ли быть привязан к отцу жены своей, кто оставляет своего отца. Встаньте, граф, мне стыдно за вас.

Граф *(вскакивая)*. Это он!

Ипат. Кажется.

Граф. Боже!

Судьбин. Обнимите друга, который привык вас любить, как сына.

Фока. Экая задача!

Кузьминишна. Смотри пожалуй, эка притча!

Судьбин. Сегодняшний день должен вам открыть глаза: вы презрены крестьянской девушкой, осмеяны ребятишками, чуть-чуть не родня Ипату. Вы должны почувствовать, сколь воображение молодого чувствительного человека, воспламененное взбалмошными писателями, может быть для него пагубно. Рожденный с чувствами пламенными, сердцем нежным, душою пылкою, молодой человек, начитавшийся писателей, которые, несмотря на их ложные мысли, одарены некоторым красноречием, может на минуту заблудиться; но при первом свете рассудка он должен войти на истинный путь.

Граф. Я стыжусь на вас глядеть.

Судьбин. Батюшка ваш с нетерпением вас ожидает.

Граф. Мой поступок!..

Судьбин. Отец, при виде сына, забывает все, кроме удовольствия обнять его. Мы сейчас поедем.

Фока. Так он уж больше не хочет жениться?

Ипат. Ты можешь жениться на обеих сестрах, ежели тебе хочется.

Кузьминишна. Ах, батька мой! что ты затеваешь? Эка невидаль!

Судьбин. Прощайте, добрые люди! Граф, будем вместе смеяться сегодняшнему приключению.

Кузьминишна. Останьтесь, батюшка, чтоб видеть наш праздник.

Судьбин. Останемся, граф, чтоб разделить их удовольствие: они нам сделали сегодня великую услугу.

Граф. Так! они открыли мне глаза, ослепленные прельщенным воображением. Я клянусь исправиться и убегать навсегда всех чувствительных странностей, которые делают нас ни к чему не полезными и смешными.

Ипат. Итак, полно плакать. Прощайте, речки, горы, леса, вздохи и восхищения: мы вас, неблагодарные, навсегда оставляем.

1805

II

СЦЕНЫ ИЗ КОМЕДИИ «БЕДОВЫЙ МАСКАРАД, ИЛИ ЕВРОПЕЙСТВО ТРАНЖИРИНА»

Действие I

Авдул. Мусье Лучина, нет, бишь, Лучини; Авдей Кононыч приказал вас спросить, готовы ли и жестяные и бумажные, что ли, номера?

Лучини. Это мусье Чупкевич знайт.

Авдул. Авдей Кононыч с нашими и дела не хочет иметь, а приказал у вас спросить.

Лучини. Ей, мусье Чупкевич! готовы ваш билет на шубы?

Чупкевич. Ах, господи боже! *(Бросается опрометью с лестницы и падает.)* Что я наделал!

Лучини. Только упали.

Адашев. Да не ушибся ли ты?

Чупкевич. Еще не знаю; беда неминучая, заторопили с книгами, и билеты-то не все готовы, да поспеют к маскераду. *(Уходит.)*

Лучини *(к Авдулу)*. Скажи: тотчас готов.

Авдул уходит.

Адашев. Что за билеты?

Лучини. На шуба и рук мусье, котора ходит в маскерад, как в Петербурге в танцклуб. Мусье Транжирин не хочи, чтоб русска лакей буль в прихожи.

Адашев. Ба, да это мне напоминает случай, из которого сделана целая комическая поэма «Расхищенные шубы». Билеты или номера кто-то перемешал, хозяева схватили не свои платья, и началась баталия.

Лучини. О, я знай, один сюда тащи... другой сюда тащи... Ха, ха, ха, большая историй.

Всеволод. Что, не повторить ли нам ее здесь?

Лучини. Как можно!

Всеволод. Так же (*повторяет жесты Лучини*). Эй, молодец, сюда, видишь пять цехинов, видишь шубы, муфты, плащи и на их нумера... перецепляй их с одного на другой... Что же? Джиг... джиг... и чехины твои...

Лучини. А фурбо Ксенофонти все види...

Всеволод. Буфет в твоих руках, употчуй его так, чтоб он ничего не видал.

Лучини. Это мошенник любит корош вино.

Всеволод. А ты разве не любишь хороших червонцев? И вот увидишь, как они блестят (*вынимает кошелек*).

Адашев. Что за глупости, неужто ты хочешь?

Всеволод. Представить в лицах «Расхищенные шубы»... и отучить Транжирина от волокитства...

. . . .

Всеволод (*показывая деньги*). Твои ли они?

Лучини. Что делай? (*Берет деньги.*) Мои...

Действие II

Театр представляет комнату, приготовленную для танцев, перед задним занавесом колонны, между которыми бумажные ширмы, отделяющие прихожую. На правой стороне между колоннами — высокие хоры для музыки, двое боковых дверей, с левой, с надписью «Столовая» и «Буфет». На правой: бильярдная — Billiard. На правой стороне впереди стол, закрытый сукном, за ним у кулис карточные столы со всеми принадлежностями, по обеим сторонам — соломенные стулья, только на левой двое кресел. Швейцар входит.

Лучини. А! Ты знаешь, что ты швейцар?

Швейцар. Как же! Авдей Кононыч мне это сказывали.

Лучини. Вы знай, что вы должна делай?

Швейцар. И о том приказано: снимать шубы, салопы и все верхнее платье, вешать на вешалки и пускать маски.

Лучини. Браво! но это не все; мусье Чупкевич принеси вам много номера, один железный, другой бумага.

Швейцар. Слушаю.

Лучини. Ваш их положи на ваш стол, одна тут, друга тут.

Швейцар. Слушаю.

Лучини. И все по порядка. Номер после номер, один, другой, три...

Швейцар. Слушаю.

Л у ч и н и. И когда ваш сними шуба и ничто другой с маска, ваш тотчас цепи перва номер железный на шуба и положи шуба на вешалк.

Ш в е й ц а р. Слушаю.

Л у ч и н и. А другой перва номер бумага давайт в руки маска, чтоб по ней он могла найти своя штук, то есть шуб е четера.

Ш в е й ц а р *(нюхает табак)*. Слушаю.

Л у ч и н и. И понимай?

Ш в е й ц а р. Все понимал, кроме четера. Это что?

Л у ч и н и. Это значит: и другой, и третья, и четверт, одна после другой по порядка.

Ш в е й ц а р. Слушаю и понял...

Действие III

Л у ч и н и *(оглядываясь)*. Мусье швейцар!

Ш в е й ц а р. Что, мусье?

Л у ч и н и. Изволь, мой голубчик, там на буфет — я велела вам кушать дай.

Ш в е й ц а р. Спасибо, мусье; да на кого же шубы и прочую муфабель оставлю, как их перероняют да перемешают нумерации, так и беда.

Л у ч и н и. Как беда? Дверь заперт, никого не приду, и я сам буду смотри вся номера.

Ш в е й ц а р. А если вы берете, мусье, на свой ответ, то для чего и не поужинать нашему брату *(Уходит.)*

Л у ч и н и. Брависсимо! Престо, кураджио, синьор Доминико е виво маэстро бергамаско.

Т р а н ж и р и н *(за кулисами)*. Авдулка!

Л у ч и н и. Ай! ай! Синьор Транжири моменто фенито, кураджио! *(вбегает за ширмы и затворяет их, потом поднимает шубы так, что они видны через ширмы во время начала сцены... Закончив свою работу, Лучини выбегает из-за ширм с довольным видом, вскрикивает: «Готов!» Убегает через театр).*

Опьяневший Панкрациус идет одеваться и вступает в спор с вернувшимся швейцаром. К спорящим присоединяются другие гости.

П а н к р а ц и у с *(за ширмами)*. Не моя шуба.

Ш в е й ц а р. А номер ваш...

С а д о в н и к. Это чужой плащ.

Ш в е й ц а р. Нет, мусье, твой, надевай.

Садовник. Не мой.

Пакрациус. Не моя.

Всеволод. Слышите, уже началось.

2-я маска. Что там за крик? *(Идет за ширму.)*

Лучини. Мюзик, начинайт!

Музыка играет, маски танцуют.

2-я маска *(выходя из-за ширм)*. Господин старшина, прошу пожаловать сюда.

Транжирин. Что такое?

2-я маска. Извольте посмотреть, что там делается.

4-я маска *(бежит)*. Что такое?

Многие бегут за ширмы.

Транжирин *(расталкивая)*. Позвольте, господа.

Лучини *(Всеволоду)*. Ай, ай, начинайт потех, я не иду от вас.

4-я маска *(выбегая)*. Шубы переменены.

6-я маска *(вбегая)*. Матрена Осиповна, Матрена Осиповна, где твой салоп? Там все салопы перехватают.

5-я маска. Ах, батюшки!

Многие бегут из танцев.

3-я маска. Подай мой плащ.

4-я маска. Это моя керейка.

Одни кричат: «Салоп, моя шапка, моя муфта...» Крик и шум.

Чупкевич *(вбегает без парика)*. Погибель, разорена Троя!

Кирбитова. А, чтоб не изорвали моего.

Всеволод. Не бойтесь, спрятано заранее.

Юлия. Господин Каратай, господин Каратай, мне дурно, я падаю.

Каратай. Погодите, тотчас вернусь. Где моя эриванка? *(Бежит.)*

Шум умножается, ширмы опрокидываются, многие падают на них, другие вырывают свои платья, толпа вталкивает с собой Транжирина.

Транжирин. Помилуйте, тише, тише, задушили.

Кирбитова. Ништо, вот тебе немецкий танцклуб.

Транжирин *(вырываясь из толпы)*. Уф! Расшибся!

Кирбитова. Вот тебе иностранная нога!

Транжирин. Света божьего не вижу!

Кирбитова. Вот тебе большой свет, вот тебе Европа!

Адашев. Ну, братец, ты старшина, унимай, говори речь.

Транжирин. А разве надо?

Всеволод. Как же, сударь, это ваш долг.

Транжирин. Слушаю, да чтоб опять не сшибли. *(Адашеву)* Подсади. *(Влезает на стул.)* Милостивые государи и государыни, молчание, тише, слушайте...

В это время группа вырывающих друг у друга шубы сталкивает его на стол, он, лежа на столе:

Молчите, слушайте!

Занавес

1832

ПРИМЕЧАНІЯ

Собрания сочинений Шаховского не существует. Более того — подавляющая часть литературного наследия писателя не опубликована. При жизни автора вышли в свет отдельным изданием «Русалка», комическая опера, часть IV. СПб., 1807; «Новый Стерн». СПб., 1807 и 1822; «Дебора, или Торжество веры». СПб., 1811; «Иван Сусанин». СПб., 1815; «Урок кокеткам, или Липецкие воды». СПб., 1815 и 1819; «Крестьяне, или Встреча незваных». СПб., 1815; «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец». СПб., 1816; «Казак-стихотворец». СПб., 1817 и 1822; «Своя семья, или Замужняя невеста». СПб., 1818; «Не любо — не слушай, а лгать не мешай». СПб., 1818; «Пустодомы». СПб., 1820; «Какаду, или Следствие Урока кокеткам». СПб., 1820: «Любовная почта». СПб., 1821; «Ссора, или Два соседа». СПб., 1821; «Актер на родине, или Прерванная свадьба». СПб., 1822; «Урок женатым». СПб., 1823; «Сокол князя Ярослава Тверского». СПб., 1823; «Аристофан». СПб., 1828; «Сват Гаврилыч, или Сговор на яму». СПб., 1833 (без имени автора); «Двумужница». СПб., 1836; «Чурова долина». СПб., 1844. Поэма «Расхищенные шубы», две сатиры, стихотворения напечатаны в журналах; в альманахах, сборниках и журналах опубликованы полностью и в отрывках некоторые пьесы, рассказы, главы из незаконченного романа, статьи и письма. А. Шаховской неоднократно делал попытки собрать все свои литературные произведения и опубликовать их, но из-за отсутствия средств так и не смог осуществить своего намерения. Между тем издание собрания сочинений было заветной мечтой писателя, которой он делился с друзьями. Шаховской составлял списки своих драматических произведений, сочинял предисловия к отдельным пьесам, в письмах к наиболее близкому ему человеку, поэтессе П. М. Бакуниной, повествовал о своей жизни. Однако он так и умер, не дождавшись осуществления своей мечты. В некрологе А. А. Шаховского, напечатанном в «Москвитянине», сказано: «До сих пор нет у нас собрания сочинений князя Александра Александровича, будем ожидать его от Прасковьи Михайловны, которой завещал он все творения свои печатанные и ненапечатанные» («Москвитянин», 1846, ч. 1, № 2, стр. 244). Год спустя в печати появилась заметка о том, что «Смирдиным приступлено к приобретению права на издание сочинений А. А. Шаховского» («Прибавление к журналу Министерства на-

родного просвещения», 1847, стр. 54), очевидно для издававшейся им серии «Полное собрание сочинений русских авторов», в состав которой вошли произведения Аблесимова, Батюшкова, Богдановича, Гнедича, Карамзина, Озерова, Хмельницкого и многих других. Однако намерение это, по неизвестным причинам, не было осуществлено. Только в 1898 г. в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина вышел небольшой томик «Сочинения князя А. А. Шаховского», включавший «Казака-стихотворца», «Нового Стерна», «Липецкие воды» и «Расхищенные шубы». Сборник этот долгие годы оставался единственным доступным изданием произведений писателя. Относительно повезло двум произведениям Шаховского — поэме «Расхищенные шубы» и комедии «Своя семья». Первая вошла в состав сборника «Ирои-комическая поэма», составленного Б. В. Томашевским (Л., 1933), а текст пьесы — правда, с сокращениями — был опубликован в брошюре, выпущенной к ее постановке на сцене Ленинградского театра комедии (Л., 1939).

Судьба архива Шаховского, завещанного им П. М. Бакуниной, неизвестна. Рукописи драматурга почти не сохранились. В распоряжении нашем находятся многочисленные писарские копии с авторской правкой, суфлерские и цензурованные экземпляры подавляющего числа (около девяноста) его пьес как печатавшихся, так и неопубликованных. Они хранятся в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (Ленинград), в библиотеке Московского ордена Ленина академического Малого театра, в Рукописном отделении Института русской литературы (Ленинград). Здесь находятся и некоторые черновые автографы драматурга. Сличение списков с печатными текстами позволило установить не только наличие купюр, но и изменений, возможно, цензурного характера.

Настоящее издание, в соответствии с характером «Библиотеки поэта», включает только стихотворные произведения Шаховского, за исключением комедии «Новый Стерн», написанной в прозе, но публикуемой ввиду той важной роли, которую она сыграла в литературной борьбе начала XIX в. (в приложении). За пределами издания остались все прозаические пьесы, в том числе и «Полубарские затеи». Разумеется, и стихотворные комедии Шаховского представлены выборочно. В сборник вошли лишь наиболее значительные пьесы и сатиры.

Книга состоит из двух разделов. Первый включает две сатиры (1807—1808 гг.) и поэму «Расхищенные шубы» (1807—1815), произведения, намечающие проблематику и круг образов будущих пьес Шаховского. Второй — состоит из комедий. В приложении даны прозаическая комедия «Новый Стерн» (1805) и фрагменты из комедии «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина» (1832), являющейся развязкой поэмы «Расхищенные шубы» (текст последней песни этой поэмы до нас не дошел).

Произведения, публиковавшиеся при жизни автора, печатаются по тексту последнего прижизненного издания (зачастую первое издание было и единственным) с учетом цензурованных рукописей. Произведения, никогда не публиковавшиеся, печатаются по наиболее авторитетным спискам, часто с авторской правкой.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам; сохраняются только те особенности, которые имеют сти-

листическое или произносительное значение (*спиц* вместо *шпиц, сюрьезный, вертляный* и т. д.).

К примечаниям приложены словари: мифологических имен и названий, устаревших, иноязычных и малоупотребительных слов. Дан также перечень драматических произведений А. А. Шаховского.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

ПД — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

ГТБ — Государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.

Библиотека ГАМТ — Библиотека Государственного академического Малого театра (Москва).

I

Сатиры

<I>. («Мольер! Твой дар, ни с чьим на свете не сравненный...»). Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 18, стр. 145, подпись: А. Написана в начале 1807 г. (С. П. Жихарев. Записки современника. М. — Л., 1955, стр. 455 и сл.). В качестве высшего художественного образца, которому Шаховской хотел бы следовать, он называет Жана-Батиста *Мольера* (1622—1673). Намечая в своей сатире объекты осмеяния — вестовщика, франта, хвата и др., Шаховской подразумевал определенных лиц. С. П. Жихарев указывает в «Записках современника»: «Шаховской очень живо очертил несколько оригиналов современного общества, выхваченных, как говорят, из салона А. Л. Нарышкина. Крылов утверждает, что портреты очень сходны» (стр. 450). Мемуарист, к сожалению, не назвал фамилий тех лиц, чьи портреты зарисовал Шаховской, но указал в трех случаях их инициалы. Характеры комических чудаков, о которых идет речь в сатире, носят в такой степени общий характер, что далеко не всегда можно точно расшифровать имена оригиналов. Характеристика *такальщика* сопровождается у Жихарева пометкой: «Ну а это не живой ли Б. К.». Возможно, что речь идет о чиновнике В. Н. Бантыш-Каменском (1778—1829), брате историка, всегдашнем спутнике А. Л. Нарышкина в его утренних прогулках, человеке льстивом и низкопоклонном. *Франт,* обозначенный Жихаревым буквой С., по-видимому, граф Александр Иванович Соллогуб, отец писателя, племянник А. Л. Нарышкина. Подобно герою сатиры Шаховского, А. Соллогуб получил образование у аббатов и, по свидетельству сына, «чуждый надеждам, скорбям, недостаткам и доблестям... своей родины, не связанный ни с почвою, ни с преданиями, создающими гражданство, он невольно увлекся жизнью поверхностною, светскою, бесцельною. Он с молодых лет славился необыкновенным, образцовым щегольством... Пел приятно

в салонах и так превосходно танцевал мазурку, что зрители сбегались им любоваться» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. М. — Л., 1931, стр. 139). Образ франта предвосхищает фигуру графа Ольгина в «Уроке кокеткам» А. А. Шаховского, хотя и писанную с другого лица. Характерно, что актер И. И. Сосницкий в роли Ольгина копировал внешность и манеры графа А. Соллогуба. Повидимому, *Вралев* это Д. И. Хвостов (1757—1835), поэт-графоман, отличавшийся удивительной плодовитостью. Под именем Вралева Хвостов выведен в эпиграммах и басне А. Е. Измайлова «Львица и свинья». *Один ударился писать на всё стихи.* Вероятно, имеется в виду бездарный поэт и прозаик Гаврила Васильевич Гераков (1775—1838), бывший постоянным посетителем салона А. Л. Нарышкина, где он выполнял роль шута. Определить прототипы остальных персонажей сатиры затруднительно. *Ермак* Тимофеевич (ум. 1584) — уральский казак, освободивший Сибирь от власти хана Кучума и тем самым осуществивший соединение этого края с Россией (1582). *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578 — ок. 1641) — князь, начальник второго ополчения, освободившего Москву от польских захватчиков (1612). *Олег Вещий* (IX в.) — князь Киевский, прославленный полководец. *Ярослав* Владимирович Мудрый (978—1054) — великий князь Киевский, известен как законодатель.

<II>. Разговор цензора и его друга. Впервые — «Драматический вестник», 1808, № 65, стр. 89. Под видом цензора Шаховской изобразил самого себя в качестве охранителя русского театра от драматургической скверны. Сатира эта является не столько изложением эстетического кредо драматурга, сколько средством самозащиты от обвинений в кознях и интригах, которые выдвигались против Шаховского, члена репертуарного комитета, со стороны уязвленных им авторов и переводчиков. *Против безверия* и т. д. — выпад против просветительской философии и литературы. *Вот куча новостей, в них черти, колдуны* и т. д. Имеются в виду произведения преромантического характера — романы Анны Радклиф (1764—1823), изобилующие ужасами и тайнами, баллада В. А. Жуковского «Людмила», опубликованная в 1808 г., сказочно-фантастические оперы типа «Князя-невидимки», «Русалки», «Чертовой мельницы», шедшие на русской сцене в эти годы. *Послание к лужкам, к лескам, к овечкам* и т. д. Речь идет о сентиментальной лирике, культивировавшей жанр посланий, прежде всего о поэзии П. И. Шаликова (1768—1852) и других подражателях. *Вот наши странствия.* Шаховской высмеивает бессодержательные подражания «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина (1766—1826): «Путешествие в Малороссию» (1803) П. И. Шаликова, «Путешествие в полуденную Россию» (1800—1802) В. В. Измайлова (1773—1830) и др. (см. вступительную статью). *Собранья од зака́зных.* Шаховской приводит ряд устойчивых поэтических штампов, характерных для сочинителей од в конце XVIII — начале XIX столетий, пытавшихся подражать Г. Р. Державину и другим мастерам высокого одического стиля. *Пиндары* —

ироническое прозвание бесталанных сочинителей од типа Д. И. Хвостова (см. 764). В отрицательной оценке этих стихотворцев классицист Шаховской сходился с карамзинистом И. И. Дмитриевым (1760—1837), чья сатира «Чужой толк» (1794) направлена против эпигонов одического стиля, выслуживающих своими казенными произведениями награды и деньги. Характерно, что И. Дмитриев называет их «нашими Пиндарами». Пиндар (ок. 522—442 до н. э.) — древнегреческий поэт, создатель торжественных хвалебных песнопений и од. *Любезность с клеветой.* Имеются в виду сентиментальные драмы писателя первой трети XIX в. Василия Михайловича Федорова — «Любовь и добродетель» (СПб., 1803) и «Клевета и невинность» (СПб., 1805), с успехом исполнявшиеся на московской сцене. А. А. Шаховской, будучи яростным ненавистником сентиментализма, препятствовал постановке пьес Федорова в Петербурге. В. Федоров в предисловии к пьесе «Клевета и невинность» писал, подразумевая своего гонителя: «Ехидна зависти, прикрыв цветами лести чело свое, втайне изощряет жало, упитанное ядом, подавляющим дарования... Может быть, пиес моих не будут играть на петербургском театре, по крайней мере, будут читать их петербургские жители — и я доволен» (стр. I—II). И далее В. Федоров делал открытый выпад против Шаховского: «Многие утверждают, что ежели в пиесе сохранены единства, то она должна быть превосходна; но мне кажется, ежели сии правила не будут оживлены искусным пером автора, его пламенными чувствами, то пиеса также может быть скучна, усыпительна, несносна, подобно „Коварному“» (стр. II—III). К этим словам была сделана ядовитая сноска: «Комедия неизвестного автора, но она почти всем известна — хотя и один раз была только играна — по худому приему публики и по *жестокому* своему падению, а между тем в пиесе *всевозможные единства* сохранены *всевозможным* образом» (стр. III). Чтоб обезвредить выпад Федорова, Шаховской, наряду с сентиментальными драмами последнего, осудил в сатире и некоторые свои пьесы. *С театра согнанный коварный.* Имеется в виду драма в 5 действиях А. А. Шаховского «Коварный», впервые поставленная на петербургской сцене 16 декабря 1804 г. и не имевшая успеха (см. вступительную статью). *Беглец* — комическая опера А. А. Шаховского (музыка К. А. Кавоса, 1775—1840) «Беглец от своей невесты» (впервые поставлена в Петербурге 18 апреля 1806 г.). *Жилет зеленый* — «Зеленый корсет», сентиментальная комедия племянника А. П. Сумарокова (1718—1777) Павла Ивановича Сумарокова (ум. 1846), СПб., 1805 (впервые на петербургской сцене 18 апреля 1805 г.). Комедия того же автора «Модник», высмеивающая французоманию дворянского общества, поставленная в Петербурге 15 декабря 1805 г., связана с предшествующей пьесой единством некоторых героев. Отсюда намек Шаховского: *Грозится целую к нему приделать пару. Коварство и любовь* — трагедия в 5 действиях (1783) Ф. Шиллера (1759—1805), по определению Ф. Энгельса — «первая немецкая политически-тенденциозная драма» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 505). Антифеодальная направленность пьесы Шил-

лера оттолкнула Шаховского, стоявшего на охранительных позициях. «Коварство и любовь» исполнялась в Москве уже в первые годы XIX в. На петербургской сцене, несомненно из-за противодействия Шаховского, пьеса была поставлена только в 1810 г. Кого подразумевает Шаховской под именем *Феденьки,* сказать трудно. «Коварство и любовь» переводили в начале века Андр. И. Тургенев (1781—1803) и А. Ф. Мерзляков. Перевод этот, предназначавшийся для артистки Е. С. Сандуновой, до нас не дошел. Пьеса Шиллера исполнялась во всех театрах по переводу С. Смирнова (1779—1847), изданному в Москве в 1806 г. Возможно, что именно С. Смирнова имел в виду Шаховской, говоря о «Феденьке». *Мой дядя.* Имеется в виду один из представителей семейств Пассек или Кантемир, с которыми поэт находился в свойстве. *Правда, дружба, честь, оставя белый свет, живут в лесах с ворами.* Речь идет о трагедии Ф. Шиллера «Разбойники» (1781). Стихотворный перевод этой пьесы, написанной в прозе, неизвестен. На русский язык «Разбойники» в эту пору были переведены дважды — Н. Н. Сандуновым (1793) и Ф. Ф. Ивановым (ок. 1808), по французской переделке Ламартельера («Робер, атаман разбойников»). Шаховской явно имеет в виду перевод Сандунова, по которому пьеса исполнялась в Москве. Н. Н. Сандунов был крупным специалистом в области гражданского и уголовного права и до 1811 г. являлся обер-секретарем шестого департамента Сената. У современников он «заслужил известность опытного дельца» («Русский биографический словарь». Сабанеев-Смыслов. СПб., 1914, стр. 189). Литературная (драматургическая) и театральная деятельность Сандунова была враждебна Шаховскому. Последний в качестве хозяина репертуара петербургского театра долгое время не пропускал «Разбойников» на сцену. Пьеса была впервые поставлена в Петербурге (в переводе Н. Сандунова) 5 октября 1814 г. *Немецкий Гарди.* Имеется в виду реакционный немецкий драматург Август Коцебу (1761—1819), чьи многочисленные сентиментально-мелодраматические пьесы пользовались большим успехом у зрителей. Сатирик Д. П. Горчаков с горечью писал о репертуаре русского театра начала века: «Коцебятина одна теперь на сцене». Александр Гарди (XVI в.) — малооригинальный и плодовитый французский драматург. Коцебу и Гарди беззастенчиво заимствовали чужой литературный материал, перекраивая и переделывая произведения других авторов. *Нашлись охотники всё гуртом перевесть.* Имеется в виду «Театр Августа фон Коцебу, содержащий полное собрание новейших театральных сочинений славного сего писателя» в двадцати частях, вышедший в Москве в 1802—1808 гг. Книга была посвящена переводчиками — московскими литераторами А. Л. Нарышкину. *Жена, забывши долг и честь* и т. д. Речь идет о драме Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» (1789), впервые поставленной на русской сцене в 1790 г. и изданной в Петербурге в 1792 г. О том, как оценивали эту пьесу современники, свидетельствуют слова Н. М. Карамзина: «Давно уже не был я так приятно растроган, как ныне в театре. Представляли драму «Ненависть к людям и раскаяние», сочиненную господином Коцебу.

Автор осмелился вывести на сцену неверную жену, которая, забыв мужа и детей, ушла с любовником; но она мила, несчастлива — и я плакал, как ребенок, не думая осуждать сочинителя... Коцебу знает сердце!» («Русская проза XVIII века», т. 2. М.—Л., 1950, стр. 295). *Забунтовал чувствительный герой.* Речь идет об одноактной драме Коцебу «Великодушная ложь» (1792), изданной в русском переводе в 1795 г. и являющейся продолжением «Ненависти к людям и раскаяния». Майор Мейнау, простивший неверную жену, видя, что она терзается воспоминанием о прошлом, решает уверить ее, что он сам нарушил супружескую верность и соблазнил ее горничную. *Сын, нечаянно невинностью рожденный* и т. д. Шаховской имеет в виду драму Коцебу «Сын любви» (1791), русский перевод (М., 1795). Герой пьесы барон Нейгоф соблазнил и бросил крестьянскую девушку Вильгельмину. Их сын Фриц, много лет спустя, желая спасти умирающую от голода мать, с оружием в руках требует у барона (своего отца) денег. Пьеса эта пользовалась большой популярностью на русской сцене.

Расхищенные шубы. Впервые — без четвертой песни — «Чтение в Беседе любителей русского слова», кн. 3, 1811; кн. 7, 1812; кн. 19, 1815. Написанная Шаховским и прочитанная в 1815 г. на заседании «Беседы» четвертая, последняя песнь не опубликована, и местонахождение рукописи не обнаружено. Известное представление о финале поэмы дает неопубликованная комедия А. Шаховского «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина» (см. приложение II). Чтение Шаховским отдельных песен «Расхищенных шуб» и публикация поэмы вызвали большой шум. Подавляющее число откликов носило отрицательный характер. Батюшков писал Вяземскому (27 февраля 1813 г.): «Шаховской сам читал свои «шубы» (а он читает, как дьячок)... его «шубы» очень холодны... В его «шубах» не одному <В. Л.> Пушкину досталось, но всем честным людям: Карамзину, Блудову... какое невежество, какая бесстыдность!» (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. 3. СПб., 1886, стр. 216). Если К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Д. Н. Блудов были возмущены общей направленностью второй песни, содержавшей полемические выпады против Карамзина и пародировавшей его стихи (в печатный текст они не вошли), то некоторые деятели «Беседы», правда по совершенно другим (сословным) мотивам, протестовали против полемической направленности поэмы, унизительной для дворянина. Так, Д. И. Хвостов отметил в своих «Записках о словесности»: «Шуточная поэма кн. Шаховского песнь 2-я. Очень хорошо, только мне жаль, что тут вмешаны стихи Карамзина и других. На что нам, особливо Беседе, наедаться и перенимать лай собачий у французских писателей? Что им позволено, то нам нет, мы двуипостасные. Я сказал Шаховскому: мы все князи да графы. Осмеяние относится на наших жен, детей и на наше в обществе состояние, какого литераторы иных земель не имеют» («Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», т. 1. М. — Л., 1938, стр. 383). Чтение Шаховским первоначальной редакции второй песни поэмы, не до-

шедшей до нас, положило начало ожесточенной полемике. Появились многочисленные эпиграммы, направленные против «холодных» шуб. Отозвались задетые Шаховским писатели. В. Л. Пушкин помянул в одном из своих стихотворений «шуб краденых певца». Эпиграммой откликнулся и Д. Н. Блудов. Батюшков в шуточной поэме «Певец в Беседе любителей русского слова» писал:

Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб родитель!

Юный Пушкин также посвятил Шаховскому сатирические стихи. Батюшковскую остроту о «холодных шубах» повторил Вяземский в одной из эпиграмм, вошедшей в цикл «Поэтический венок Шутовского». Впоследствии Вяземский в «Письме с Липецких вод» посвятил несколько ядовитых строк автору злосчастной поэмы: «В Маскераде вышел он в первый раз навьюченный шубами и, если истине пожертвовать должно благородством выражения, — овчинами, тулупами, которые он хотел, однако ж, выдать за шубы нарядные, и, держа в руках толстую тетрадь, подошел к изготовленному налою[1] и стал читать вслух стихи, от которых и на нем, несмотря на тулупы, под которыми он сгибался, проступил холодный пот». («Русский музеум», 1815, стр. 262). «Расхищенные шубы» — произведение насквозь полемическое, направленное против многочисленных врагов Шаховского. До нас дошел текст смягченный и обесцвеченный. Поэма создавалась на протяжении нескольких лет, начиная с 1807 г., когда Шаховской читал первые ее песни Жихареву. По свидетельству последнего, в основу сюжета положено подлинное происшествие: «Пьяный швейцар (в шустер-клубе. — *А. Г.*) перепутал шубы и салопы приезжих гостей, от чего при разъезде произошел беспорядок». (С. Жихарев. Записки современника, М.—Л., 1955, стр. 514).

Предисловие. *Певец «Илиады» не возгнушался быть творцом «Ватрахомиомахии».* Традиция долгое время ошибочно приписывала Гомеру авторство шуточной поэмы «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия»). На самом деле это произведение, являющееся пародией на «Илиаду» Гомера, возникло не ранее V в. до н. э. *Гектор, Ахилл, Агамемнон* — герои «Илиады». *Имена Тассония, Попа, Прейора, Буало, Виланда и Волтера.* Здесь и далее Шаховской дает перечень крупнейших представителей жанра ирои-комической поэмы. Александро Тассони (1565—1635) — итальянский поэт, автор поэмы «Похищенное ведро» (1622). Александр Поп (1688—1744) — английский поэт, сочинивший поэму «Похищенный локон» (1712—1714). Мэтью Прайор (1664—1721) — английский политический деятель и писатель, автор поэмы «Альма, или Путь ума» (1718), пародийных баллад и сатирических стихотворных сказок. Никола Буало Депрео (1636—1711) — французский поэт и критик, теоретик классицизма, автор ирои-комической поэмы «Налой»

[1] Намек на поэму Буало «Налой», в подражании которой обвиняли Шаховского.

(1674). Кристофер-Мартин Виланд (1733—1813) — немецкий поэт, автор поэмы «Оберон» (1780). Вольтер (1694—1778) — в данном случае автор сатирической, антицерковной и антифеодальной поэмы «Орлеанская девственница» (1762). *Боярдо написал... Влюбленного Роланда.* Маттео Мария Боярдо (1441—1494) — итальянский поэт, автор поэмы «Влюбленный Роланд» (1487). *Берни* Франческо (1498—1535) — итальянский поэт, переделавший поэму Боярдо на шуточный лад (1531). *Фортигверра* — Николо Фортегверри (1674—1735), итальянский поэт, автор поэмы «Ричардетто» (между 1716—1725). *Лаказа* — Джованни Дела Каса (1503—1556), итальянский поэт, автор поэмы «Капитул пекарни» (1538). *Брачиолини* — Франческо Брачьолини (1566—1645), итальянский поэт, автор поэмы «Шутка богов» (1618). *Корсини* Бартоломео (1606—1673) — итальянский поэт, писавший под псевдонимом Мео Кризани, автор поэмы «Разрушенная башня» (1660), у Шаховского *«Печальная башня». Ботлер* — Семюэль Бетлер (1612—1680), английский поэт, автор сатирической поэмы «Худибрас» (1663—1664). *Гарт* — Семюэль Гарт (1661—1719), английский ученый, автор шуточной поэмы «Даровая больница» (1699). *Филиппова поэма.* Джон Филипс (1676—1709), английский писатель, был автором поэмы «Блестящий шиллинг» («Splendid Shilling», 1703, а не «Brillant Shilling», как указывает Шаховской). *Захария* Фридрих-Вильгельм (1726—1777) — немецкий писатель, автор поэмы «Похищенный платок» (1754). *Гете* Иоганн-Вольфганг (1749—1832). Здесь упоминается как автор поэмы «Рейнеке Лис» (1794). *Лагарп* Жан-Франсуа (1739—1803) — французский драматург и критик-классицист, автор семнадцатитомного курса истории литературы «Лицей» (1799). *Друг Расинов* — Буало (см. выше) был другом и почитателем французского драматурга Расина (1639—1699). *Известная поэма* — «Орлеанская девственница» (см. выше). *Майков* Василий Иванович (1728—1778) — поэт, автор ирои-комической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771).

Песнь I. *Пою крамолою забавы пресеченны* — пародия на традиционный зачин эпической поэмы, определяющий ее тему. *Отец стихов* — Гомер. *Настали вечера народного веселья.* Действие поэмы происходит во время святок, т. е. в конце декабря — начале января. *Веселость, Радости, Смехи, Забавы* — непременные персонажи аллегорических балетов и картин. *Раздор* — аллегорический персонаж, враждебный Веселости. Шаховской перенес в свою поэму образ богини Раздора (La Discorde) из поэмы Буало «Налой», где она натравливает друг на друга прелата и псаломщика, но превратил богиню в существо мужского рода. *Жалких драм творец.* Шаховской имеет в виду не определенное лицо, но рядового драматурга-сентименталиста. *Гашпар* — имя главного героя «Расхищенных шуб» — сделалось в устах врагов иронической кличкой самого Шаховского. *Не ему вручил весы Фемиды* — т. е. не дал ему права вершить суд и устанавливать законы. *Преслезных странствий семь* см. стр. 764. Здесь Шаховской подразумевает «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (М., 1797—1801); «Письма россиянина, путешествующего по Европе с 1802 по

1806 г.» Д. П. Горихвостова (М., 1808); «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. Сумарокова (М., 1800); «Путешествие в полуденную Россию в письмах» В. Измайлова (М., 1802); «Новый чувствительный путешественник», Соч. К. Г. (М., 1802) и две книги П. Шаликова: «Путешествие в Малороссию» (М., 1803) и «Другое путешествие в Малороссию» (М., 1804). *Сто жалостных баллад.* Как справедливо отметил Б. В. Томашевский, это место является более поздней вставкой: в 1807 г., когда Шаховской читал Жихареву первую песню «Расхищенных шуб», баллады Жуковского еще не были написаны. *Безбожны письмена Фернейска мудреца* — т. е. произведения Вольтера. *Разврата полный плач прежалких драм творца* — т. е. сентиментальные драмы Коцебу (см. стр. 766). *Природы мудрствия, системы ложны света Ласера, Мирабо, Гельвецья, Кондорсета, Спинозы, Дидеро.* Ласер — французский философ-атеист XVIII в., автор книги, направленной против религии, выходившей в свет под разными названиями. Мирабо — псевдоним французского философа Поля Гольбаха (1723—1789). Клод-Адриан Гельвеций (1715—1771) — французский философ-материалист. Жан-Антуан Кондорсе (1743—1794) — французский мыслитель. Барух Спиноза (1632—1677) — голландский философ, на чье учение часто ссылались мыслители XVIII в. Дени Дидро (1712—1784) — французский просветитель, один из основателей и руководителей «Энциклопедии». *Яблоко златое* — яблоко, подаренное Парисом Афродите и ставшее причиной раздора. *Статуи богов* — разрушенные первыми христианами изваяния языческих богов. *Крестьян* — Христиан, имя Гашпара. *Глумлинского творенья.* Под именем Глумлинского подразумевается драматург и издатель журнала «Северный Меркурий» А. В. Лукницкий (1778—1811), враждебный Шаховскому. *«Северная пчела»* — здесь: журнал, выходивший в 1807 г. *В местах, где Эльба в понт вливает шумны волны.* Имеется в виду Гамбург; понт — Немецкое море. *По вальсах* — после танцев. *Прерви мою тоску, скончай мое мученье* — пародийное использование цитат из «Хорева» Сумарокова: «Скончаешь ли, княжна, мучение мое» или «Дидоны» Княжнина: «Скончай мое мученье».

Песнь II. *Уже глагол времен, звучащий меди глас.* Ср. у Державина: «Глагол времен! Металла звон!» *Прихожие* — здесь: приемные учреждений. *Посланьем дружеским.* Жанр посланий был очень распространен среди литераторов, близких Жуковскому и Карамзину. *Как Цезарь, в страшный день начавши бедство Рима* и т. д. Римский прорицатель Спуррина предсказал Юлию Цезарю (100—44 до н. э.), что он будет убит во время мартовских ид (15 марта). *Нотариус Спондей.* Спондей — стопа в античной метрике, состоящая из двух долгих слогов. Теоретики, отрицавшие возможность создания русского гекзаметра, ссылались на отсутствие спондея в русской поэзии. В частности, этот тезис выдвинул В. Капнист, полемизируя с С. Уваровым и Н. Гнедичем. *Петипа.* Ко времени написания поэмы (1807—1815) никто из членов старинной французской артистической семьи Петипа не работал в России, а самый прославленный представитель этого рода — хореограф Ма-

риус Петипа (1822—1910) еще и не родился в ту пору. Шаховской просто создал смысловую фамилию (Петипа — petit pas — мелкий шажок), как он поступил с другим героем «Расхищенных шуб» (*Фрейтод* — Freitod — легкая смерть). *Нам нужны не слова, нам нужно просвещенье.* Эта и последующие строки, составляющие речь Спондея, являются пародийным использованием стихов из «Послания Жуковскому» В. Л. Пушкина. *Хотя в «Меркурии» романс твой помещен.* Новый выпад против журнала А. В. Лукницкого «Северный Меркурий». И дальше Шаховской заставляет Спондея одеться на маскараде «Северным Меркурием». *Хоть эпиграммою ты сделался известен.* Из многих произведений этого жанра, сочиненных В. Л. Пушкиным, наиболее известны две: «Какой-то стихотвор. . .» и «Змея ужалила Маркела. . .». *Смиритель древния Византския гордыни* и т. д. Князь Киевский Олег захватил Царьград в 907 г. и прибил свой щит на его воротах. *Зевототворные, слезогоняищи драмы* — чувствительные пьесы Коцебу и его подражателей. *И для того хожу с возвышенной главою* — неточная цитата из «Послания к Дашкову» В. Л. Пушкина: «Я с возвышенною иду везде главою». *Между царя царей и дивного Ахилла* — т. е. между Агамемноном и Ахиллом в «Илиаде» Гомера. Далее следует цитата из этой поэмы в переводе Е. Кострова. *Дщерь Зевесова* — Минерва (см. словарь).

Песнь III. При первой публикации третья песня была снабжена кратким предисловием, излагавшим сюжет первых двух песен. *Блажен, кто далеко от городских сует, Вне общества сокрыт, для польз его живет* — шуточный перифраз начала 2-го «Эпода» Горация «Блажен только тот. . .», использованного в финале «Опасного соседа» В. Л. Пушкина. *Системы вихренны.* Имеется в виду теория Декарта, сводившая строение материи к вихревому движению. *В Галл, Юрьев и Оксфорд.* Галле, Юрьев (Дерпт) и Оксфорд — три университетских города. *Как новый Вавилон, он принужден был сдаться.* Здесь имеется в виду Париж, в который армии союзников вступили 19 марта 1814 г. *Пришлецы* — здесь: иностранцы, торгующие привозными модными товарами. *В огромном здании, вознесенном над Невой* и т. д. Речь идет об Адмиралтействе. *Особы классные.* Утвержденная Петром I в 1722 г. табель о рангах распределяла чины на четырнадцать рангов или классов, из которых первые восемь, до коллежского асессора включительно, считались высшими. *Альпийску красоту* — т. е. альпийскую пастушку. *Превращена в Аглаю.* Аглая не только традиционное пасторальное имя, но также название альманаха Н. М. Карамзина (М., 1794—1795, ч. 1—2) и сентиментального журнала П. И. Шаликова (М., 1808—1812). *Царю Пергамскому супруга Менелая* — т. е. Елена Приаму (см. словарь). *Одетый казаком вертится Петипа.* То, что француз Петипа одет казаком, имеет определенный смысл. В годы Отечественной войны и последующие в балетах и дивертисментах, исполнявшихся на петербургской сцене, частым героем был казак. Роль его мастерски исполнял обрусевший француз Огюст Пуаро (ок. 1780—1844). *Арлекин* — комический персонаж итальянского народного театра, одетый в костюм, состоящий

из кусков разноцветной материи. *Асмодей* — злой дух. Возможно, что здесь имеется в виду герой романа А.-Р. Лесажа. «Хромой бес» (1709). *Вспорхнул, как Бубликов, Зефира представляя.* Тимофей Бубликов (ок. 1748—1815) — знаменитый русский танцовщик, исполнявший партию Зефира в балете Гильфердинга «Победа Флоры над Бореем». *Вестальско покрывало* и т. д. Весталка в древнем Риме — жрица богини Весты, приносившая обет девственности. Ее обязанностью было поддерживать неугасимое пламя на алтаре. Если жрица нарушала обет, ее закапывали живой на поле преступников (campus sceleratus), у Шаховского — *в поле слез.* В опере итало-французского композитора Г. Спонтини (1774—1851) «Весталка» (Париж, 1807), впервые поставленной на русской сцене в Петербурге в 1814 г., Юлия, нарушившая обет целомудрия и давшая погаснуть священному огню, осуждена на казнь. Когда она сходит в подземелье, молния ударяет в алтарь, зажигая пламя, спасая жрицу и освобождая ее от обета. «Весталка» имела на русской сцене огромный успех благодаря исполнению заглавной партии артисткой Е. С. Сандуновой. *Наряд Конфуциева рода* — т. е. китайская одежда. *Стихи пресладкие.* По всей вероятности, имеется в виду П. И. Шаликов (см. стр. 764). *Очаковска кадриль* — т. е. старинный танец, времен взятия Очакова (1788). *Демокрит* (IV в. до н. э.) — греческий философ, выведенный в романе К.-М. Виланда «Абдериты» в виде человека, насмехающегося над людской глупостью.

II

Урок кокеткам, или Липецкие воды. Впервые — отдельным изданием (СПб., 1815). Печ., по второму изданию — СПб., 1819. Текст сверен с рукописным (суфлерским) экземпляром (ГТБ), в котором обнаружены разночтения и строки, не вошедшие в издание комедии. На основании рукописи исправлены опечатки. Ошибочное «пылью», например, заменено «кровью» (стр. 136, строка 6). Впервые комедия А. А. Шаховского была представлена 23 сентября 1815 г. в Петербурге. Роли исполняли: князя Холмского — А. С. Яковлев, Оленьки — А. М. Степанова, Графини Лелевой — М. И. Валберхова, Саши — А. Е. Асенкова, Пронского — Я. Г. Брянский, княжны Холмской — Е. И. Ежова, графа Ольгина — И. И. Сосницкий, барона Вольмара — М. В. Величкин, Угарова — А. Н. Рамазанов, Фиалкина — Г. Ф. Климовский, Семена — В. В. Боченков. Спектакль имел большой успех. Вслед за Петербургом комедия была поставлена в Москве (22 мая 1816 г.). Несмотря на то, что пьеса прочно связана с русской действительностью, неоднократно высказывались предположения, что сюжет ее и сценарный план не оригинальны. Одним из первых назвал предполагаемый оригинал — французскую комедию «Исправленная кокетка» — А. Галахов в «Исторической хрестоматии» (правда, не указав имени автора). Позднее А. Л. Слонимский назвал пьесу Шаховского «заимствованной с французского» (Delanoue. «La coquette corrigée», 1756. — «История русской

литературы», т. 5, М. — Л., 1941, стр. 296). В более поздней работе «„Горе от ума" и комедия эпохи декабристов» (сб. «А. С. Грибоедов», М., 1946) тот же автор писал осторожнее: «От французского оригинала... тут осталась только сюжетная схема — все остальное русское, бытовое» (стр. 53). Тем не менее оба утверждения несправедливы. Комедия второстепенного французского драматурга и актера Жана-Батиста Делану (1701—1760) «Исправленная кокетка», впервые поставленная на сцене 23 февраля 1756 г., не имеет почти никаких точек соприкосновения с пьесой Шаховского. Героиня французской пьесы — молодая легкомысленная вдовушка Жюли — окружена поклонниками. В Жюли страстно влюблен Клитандр. На помощь ему приходит тетка Жюли, добродетельная Орфиза. Она подает Клитандру совет возбудить ревность Жюли, притворившись влюбленным в другую женщину. Жюли сначала удивлена и смущена, затем разгневана, наконец начинает ревновать. К тому же Клитандр показывает ей пачку компрометирующих ее писем, попавших к нему в руки. Под влиянием всего испытанного Жюли раскаивается и открывает свою любовь к Клитандру. В финале влюбленные соединяются. Ничто не позволяет считать эту пьесу прообразом комедии Шаховского. «Урок кокеткам» вызвал ярость среди сторонников Жуковского и Карамзина. Против Шаховского были выдвинуты обвинения в зависти, интригах и клевете. Дашков опубликовал в «Сыне отечества» «Письмо к новейшему Аристофану». Упреки в использовании служебного положения, в том, что Шаховской заполняет репертуар своими плохими пьесами, укоры в зависти и интригах против Озерова — все было облечено в форму ядовитой похвалы. Переходя к характеристике комедии Шаховского, Дашков писал: «Последнее произведение вашего гения изумляет рассудок. Оно объемлет всю природу, но природу *изящную*, примененную к частным видам и соображениям вашим. Там все имеет свой ход, особый, чрезвычайный, там все влечется к предназначенной вами цели, действуя противно естеству своему: сама любовь, пылкая, красноречивая любовь, безмолвствует в неподвижных любовниках ваших! То же волшебное искусство является во всех ваших изображениях. Нет нужды, если они иногда несходны с теми лицами, которых в виду имели вы» («Сын отечества», 1815, № 40, стр. 144—145). Против «Урока кокеткам» выступил со статьей и П. Вяземский: «Ты спрашиваешь у меня, любезный друг, как показались мне Липецкие воды. Что сказать тебе о них? Воды как воды! И если главным достоинством воды, как и всеми признано, есть совершенное отсутствие вкуса, то Липецкие воды могут спорить о преимуществе со всеми водами в свете». Героев комедии Шаховского Вяземский назвал «бездушными творениями». Лелеву он определил как «подражательницу Селимены Мольера», Фиалкина — как «глупца откровенного, лицо схожее с Новым Стерном и достойное быть его единоутробным братом». «Чтобы довершить сию картину, представь себе горничную девушку, перенесенную из девичьей в круг благородных людей, но не оставившей в ней ни холопских привычек, ни подлого языка... Этой горничной девушке дано было,

однако, судьбой право вертеть всем обществом» («Российский музеум», 1815, № 12, стр. 257 и сл.). «Липецкие воды» и их «усыпительность» высмеивались в бесчисленных эпиграммах. Возглавил этот сатирический поход против Шаховского Вяземский, написавший целый цикл эпиграмм — «Поэтический венок Шутовского». Вслед за Вяземским в атаках на автора «Липецких вод» приняли участие молодой Пушкин, А. Измайлов и др. Д. Дашков написал сатирическое «Венчание Шутовского». Большая часть литераторов оказалась в лагере сторонников Жуковского. Шаховского поддержал М. Н. Загоскин в полемической пьесе «Комедия против Комедии, или Урок волокитам». (Поставлено в Петербурге 3 ноября 1815 г.) В предисловии к отдельному изданию этой пьесы, вышедшему в том же году, Загоскин пытался объяснить нападки на «Липецкие воды» тем, что хулители увидели в героях комедии самих себя: «Многие *полулитераторы,* не понимая или не желая понять истинного смысла некоторых мест сей пиесы, воспользовались удобным случаем выступить на литературном поприще и блеснуть не чужим, но (к несчастию) собственным своим умом; к ним присоединились, может быть, и те, коим не нравилась роль *Угарова.* Тупые эпиграммы, иронические сатиры, ругательные куплеты посыпались на автора; в них старались уверить публику, что «Липецкие воды» — дурная комедия. Упрямая публика не хотела им верить. . .» (М. Загоскин. «Комедия против Комедии, или Урок волокитам». СПб., 1815, стр. 2). Положительные персонажи комедии Загоскина поддерживают Шаховского, а карикатурный граф Фольгин резко о ней отзывается. В свою очередь и комедия Загоскина вызвала ряд ожесточенных нападок. На «липецкий потоп» отозвался и А. С. Грибоедов; в его стихотворении Аполлон сообщал:

Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью.

Карамзин и Жуковский в этой «войне на Парнасе» участия не принимали. Первый писал А. И. Тургеневу (29 октября 1815 года): «Эпиграммы сыплются на князя Шаховского, даже и московские приятели наших приятелей острят на него перья. . . в здешнем свете все воюет: и Наполеоны, и Шаховские, у нас и везде любят брань. Пусть Жуковский отвечает только новыми прекрасными стихами; Шаховской за ним не угонится» («Москвитянин», 1855, № 1, стр. 100—101). Жуковский сообщал родным: «Здесь есть автор... Шаховской Известно, что авторы не охотники до авторов. И он поэтому не охотник до меня. Вздумал он написать комедию и в этой комедии смеяться надо мною. Друзья за меня вступились, Дашков напечатал жестокое письмо к новому Аристофану; Блудов написал презабавную сатиру, а Вяземскому сделался понос эпиграммами. Теперь страшная война на Парнасе. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда б и все молчали, — город разделился на две партии, и французские волнения

забыты при шуме парнасской бури» («Русский архив», 1864, стлб. 459—460). Обзор полемики, вызванной «Липецкими водами», см.: М. Н. Лонгинов. Библиографические записки. — «Современник», 1856, № 7, стр. 1—24, а также В. Н. Орлов. Шишковисты и карамзинисты. — «Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX в.», т. 1. М.—Л., 1931.

Посвящение. *Избрать меня.* А. А. Шаховской был избран членом Российской академии 17 декабря 1810 г.

Действие I. Явление 1. *Липецк* — уездный город Тамбовской губернии. При Петре I в нем открыты источники минеральных железо-щелочных вод, пользовавшиеся большой известностью. Явление 2. *Барон Вольмар.* Шаховской с пародийной целью дал престарелому воздыхателю фамилию добродетельного героя романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза». *За взятие Кистрина.* Кистрин — прусская крепость на Одере, осажденная русской армией в 1758 г. Придворное звание камер-пажа давалось юношам в возрасте от 15 до 18 лет; следовательно, барону Вольмару, родившемуся около 1740 г., в пору, когда происходит действие пьесы, должно быть примерно 75 лет. Явление 3. *Как в Лейпциг мы внесли спасение вселенной.* В октябре 1813 г. под Лейпцигом разыгралось генеральное сражение между объединенной — русской, австрийской, прусской и шведской — армией и французскими войсками, завершившееся победой первых. Лейпцигское сражение известно под названием «битвы народов». *Краон* — французский город, где 23 февраля 1814 г. произошло кровопролитное сражение между русской и французской армиями. *Когда в Париж войти.* Вступление русских войск в Париж состоялось 19 марта 1814 г. Явление 4. *Какой-то Флорою.* Флора — в античной мифологии богиня цветов. Здесь, возможно, имеется в виду героиня прославленного балета Ш. Дидло «Зефир и Флора», который с успехом шел на русской сцене, начиная с 1804 г.

Действие II. Явление 5. *Крылья потеряло.* В античной мифологии время изображалось крылатым. Явление 6. *Омир или Омер.* Имя Гомера в начале XIX в. в России писалось Омир (см. «Рождение Омира» Н. Гнедича и др.), написание Омер пытался утвердить С. Уваров (см. вступительную статью). *У бессмертного слепца* — у Амура (см. словарь).

Действие III. Явление 1. *Левека, Русскую историю.* П.-Ш. Левек (1737—1812) — французский историк, некоторое время живший в России. В 1782—1783 г. выпустил шеститомную «Историю России» («Histoire de Russie»), переведенную на многие европейские языки и переизданную в Париже в 1812 г. в восьми томах. Явление 2. *И храбрый наш Тезей* и т. д. Тезей (см. словарь), убивший Минотавра, был любим двумя сестрами — Ариадной и Федрой. Он отплыл на корабле с первой, но покинул ее на острове Наксос. Графиня выступает в роли ревнивой Федры. Явление 5. *Хватизм* — неологизм от слова «хват».

Действие IV. Явление 1. *Без ленты век таскаться* — т. е. не получить высшего ордена, дававшего право на ношение ленты. *Катонский жар.* Катон Старший, или Цензор (234—149

до н. э.) — римский политический деятель и писатель, был суровым блюстителем чистоты нравов, резко обличал пороки. *Фрондер* — здесь: критикан, смутьян. *Стану в пень* — попаду в тупик, в безвыходное положение. Явление 2. *Впадая в речь* — продолжая. Явление 3. *Орест оставит здесь Пилада.* Орест и Пилад — в античной мифологии символ неразлучной дружбы. *Желтый дом* — дом умалишенных. Возможно, что граф Ольгин имеет в виду первые строфы только что написанной (1814) сатирической поэмы А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», широко распространявшейся в списках. В первом отделении Желтого дома, изображенного в поэме, помещаются сумасшедшие от любви, а среди них Карамзин. Явление 6. *Кадриль сюда идет.* Кадриль — танец, в котором участвует несколько пар. Явление 7. *И с тостом! Боже мой! не в Лондоне ли я?* Тост (Toast) — подрумяненный хлеб, очень любимый англичанами. *Инкогнито ушел* — т. е. незаметно. *Монплезир* — дворец Петра I в Петергофе.

Действие V. Явление 2. *Мертвецом, что в гроб невесту* — намек на балладу В. Жуковского «Людмила» (перевод баллады Г. Бюргера «Ленора»). (См. вступительную статью.) *Полкан, Кащей* — персонажи популярных среди читателей конца XVIII — начала XIX в. лубочных книжек. Явление 4. *Повестки ожидает.* Термин «повестка» означал на театральном языке начала XIX в. звуковой или световой сигнал для смены декораций или выхода на сцену. Явление 5. *Линдор* — условное имя любовника во многих пьесах и операх; в частности, под именем Линдора выступает граф Альмавива в «Севильском цирюльнике» — комедии Бомарше и опере Паизиелло. Опера Россини в 1815 г. еще не была написана. *Особо* — т. е. в сторону, тихо. Явление 6. *Как рыцарь Амадис.* Амадис — имя персонажа многочисленных рыцарских романов, прославляющих нежность, доблесть, мужество, верность даме сердца. Амадис Гальский — защитник угнетенных и невинных, главный герой анонимного романа, вышедшего на испанском языке в 1508 г.

Своя семья, или Замужняя невеста. Впервые — отдельным изданием (СПб., 1818). Как указывает сам Шаховской в предисловии, в сочинении пьесы участвовали А. С. Грибоедов, написавший явления 1—5 второго действия (до появления отдельного издания и в редакции, отличной от него, эти сцены были напечатаны в журнале «Сын отечества», 1817, № 48), и Н. И. Хмельницкий (явление 3 действия III). Однако объяснение Шаховского, почему он привлек двух помощников (недостаток времени и необходимость поспеть к бенефису) представляется неубедительным. За четыре месяца до спектакля Грибоедов писал С. Бегичеву (4 сентября 1817 г.): «Шаховской меня просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бенефиса Валберховой; и я их сделал довольно удачно. Спишу на днях и пришлю тебе в Москву». Возможно, что тогда же сочинил свою часть и Н. Хмельницкий. С. С. Данилов справедливо писал, что Шаховской «тонко рассчитал, конечно, и тот эффект, который должно было

дать его выступление совместно с двумя молодыми, но уже популярными театральными писателями» («Своя семья, или Замужняя невеста». Л., 1939, стр. 24). К этому следует присоединить и другой мотив: Шаховского неоднократно обвиняли в зависти, недоброжелательстве к молодым дарованиям. Привлекая Грибоедова и Хмельницкого, он выступал в роли покровителя молодых талантов, а это, пожалуй, для него было всего важнее. Несмотря на то, что пьеса, написанная тремя авторами, сводилась и редактировалась Шаховским, в ней остались мелкие противоречия. В первом действии говорится, что Наташа выросла в доме князя Ладова, а во втором (грибоедовские сцены) речь идет о графине Ладовой, воспитательнице молодой девушки. В отдельном издании комедии Фекла Саввишна именуется Маврой. Эта ошибка нами исправлена. Пьеса была впервые поставлена 24 января 1818 г. в бенефис М. И. Валберховой. Роли исполняли: Звонкиной — Е. С. Сандунова, Майора — Е. П. Бобров, Феклы Саввишны — Е. И. Ежова, Вельдюзевой — А. Д. Каратыгина, Раисы Саввишны — С. В. Самойлова, Бирюлькина — А. Н. Рамазанов, Любима — И. И. Сосницкий, Наташи — М. И. Валберхова. По свидетельству рецензентов, «пьеса была принята зрителями с удовольствием и одобрением... разыграно прекрасно: все актеры играли хорошо» («Сын отечества», 1818, ч. 49, № 5, стр. 213). Однако большая часть похвал звучала двусмысленно. Так, один из рецензентов писал: «Главное достоинство сей комедии, доставившее ей одобрение публики, состоит в нескольких острых и замысловатых стихах. Известно, что́ нравится нашим зрителям: легкие двусмысленности и эпиграммы на женщин возбуждают всегда громкий смех и общее рукоплескание. Вторую степень составляют выходки на французских мамзелей и модное воспитание, на мотовство и светскую жизнь. Наконец, слова: «Лейпциг», «Кульм», «Париж», которые кстати и некстати приплетают ко всякому фарсу, но уже ныне от беспрерывного употребления на сцене понизились в курсе» («Сын отечества», 1818, № 5, стр. 215). Эта рецензия содержит также неприкрытый выпад против Шаховского, автора «Нового Стерна» и «Урока кокеткам» и человека, якобы погубившего Озерова: «Достойно примечания, что почти в каждом произведении *некоторых* драматических писателей непременно найдем какую-нибудь карикатуру чувствительности. Сии уродливые герои упоминают о заглавиях известных книг с гнусными применениями и в речах своих произносят стихи, выписанные из творений людей, вовсе не заслуживающих того, чтоб их выставляли на смех черни, черни, говорю, ибо никакой благомыслящий человек не может найти удовольствия в сих пародиях... Не излишество, а недостаток *чувствительности* достоин у нас порицания. Представьте другие пороки: зависть к дарованиям, презрение ко всему чужому, *интригу* во всех ее отраслях, двуязычие, присвоение себе чужих заслуг — эти качества чаще встречаются, нежели чувствительность, свидетельствующая обыкновенно о слабом, но добром сердце». (Там же.) Нападки критиков, однако, не могли помешать успеху комедии. Вскоре она была поставлена в Москве, затем во многих провинциальных

городах и не сходила с репертуара почти до конца столетия. В 1896 г. комедия была возобновлена в Александринском театре (Петербург) в ознаменование пятидесятилетия со дня смерти Шаховского, с исключительным составом исполнителей: Наташа — М. Г. Савина, Бирюлькин — В. Н. Давыдов, Звонкина — Е. Н. Жулева, майор — Н. Ф. Сазонов, Брызгова — В. В. Стрельская, Вельдюзева — А. И. Абаринова. Комедия Шаховского с успехом шла в советском театре (малая сцена Театра Советской Армии, ленинградский Театр комедии и др.).

Действие I. Явление 1. *И если б турки мне не прострелили ногу.* Майор стар и давно вышел в отставку. Можно предположить, что он был ранен во время второй русско-турецкой войны (1787—1791). *Мадамам да мусьям* — т. е. французским гувернерам и гувернанткам, которые зачастую были совершенно невежественными людьми. *К седьмым частям.* По русскому законодательству с 1731 г. вдова получала одну седьмую часть недвижимого имущества мужа. *Барская барышня.* Барской барыней в старину называли ключницу, наперсницу в помещичьем доме. В данном случае: бедная девушка, из милости воспитанная на господский лад. Явление 5. *Фельет* — Фейльет, известный петербургский ресторатор. Явление 6. *Петров день* — праздник апостолов Петра и Павла, 29 июня (ст. стиля). Явление 7. *Крестовая* — молельня, образная.

Действие II. Явление 1. *Лейпциг* — см. стр. 775. *Кульм* — селение в Чехии, под которым 17 и 18 августа 1814 г. состоялось кровопролитное сражение между русскими и союзными войсками с одной стороны и французской армией, закончившееся поражением последней. В этой битве особенно отличились русские солдаты. Явление 6. *Календарь* — книга, включавшая не только сведения о погоде, но и заметки, статьи, советы по хозяйству. Явление 8. *Эраст* — соблазнитель, *Лиза* — обольщенная и погубленная им девушка, герои повести Карамзина «Бедная Лиза». *Я села отдохнуть на мягком берегу* и т. д. Шаховской пародирует стилистику сентиментальных романов и повестей.

Действие III. Явление 3. *Число чудес.* Имеются в виду семь чудес древности: египетские пирамиды, висячие сады Семирамиды, статуя Зевса Олимпийского, храм Артемиды (Дианы) в Эфесе, памятник царя Мавзола, Колос Родосский и Александрийский маяк. *Дельфы* — город в античной Греции, известный храмом Аполлона и оракулом. *Пафос* — город на острове Кипр, где находился храм Афродиты. *Афины* — культурный и политический центр Греции. *Коринф* — важнейший торговый город древней Греции. *Спарта* — аристократическое государство, враждовавшее с Афинами. *Родос* — остров в Эгейском море, славившийся в древности расцветом искусств. *Вавилон* — столица могущественного Вавилонского государства в южной Месопотамии. *Развалины Пальмиры.* Пальмира в глубокой древности — прекрасный цветущий город в Сирии, ставший колонией Рима. Многочисленные войны разрушили его и превратили в селение. Развалины древних храмов и ко-

лонпад поражали своей красотой. *Самос* — город, расположенный на одноименном острове в Эгейском море. Здесь в древности был воздвигнут храм Геры, по описанию Геродота — величайший и прекраснейший на земле. *Персеполис* — столица древней Персии. *Мемфисские кумиры.* Мемфис — столица древнего Египта, украшенная многочисленными храмами и изваяниями священных аписов (быков). *Сибилла Кумская* — легендарная греческая предсказательница (Сивилла), обладавшая тайной вековой мудрости и будто бы жившая около тысячи лет. *Невтон* — Исаак Ньютон (1643—1727), английский физик и математик, открывший теорию земного тяготения. *Названия всех звезд.* Наташа перечисляет названия знаков Зодиака и созвездий. *Венец* — Северный венец. *Стоик* — представитель одного из направлений в греческой философии, утверждавшего познание мира через чувственное восприятие. В распространенном понимании стоик — человек, твердо и мужественно переносящий жизненные испытания. *Эпикур* — здесь: последователь греческого мыслителя-материалиста Эпикура (341—270 до н. э.). *Деист* — последователь философского учения, признающего наличие бога как безличной первопричины мира, а не творца мироздания. *Атей* — атеист, человек, отрицающий существование бога. *Сократ, Анаксагор, Платон, Зенон, Лукреций* и т. д. Наташа перечисляет имена греческих и римских философов, а также французских просветителей XVIII в. *(Руссо, Вольтера, Гельвеция).* Явление 5. *И челушко она* — т. е. старшая в семье, глава. Явление 6. *Черт ли дом мизинцу приказал* — пословица, более известная в другой редакции: «Черт ли Варваре дом приказал»; смысл ее: никто мне не указ. *Хоронить золото, полоть снег, смотреться в зеркало* — святочные девичьи игры и гаданья о суженом. *Лить олово* и угадывать по изображениям будущее также одна из форм святочного гаданья, почитавшаяся греховной. *Вольмар* — город в Лифляндии, как тогда называли Литву. *На зимних* — т. е. на зимних квартирах, в лагере. *Знаешь голос* — мелодию, мотив. Явление 7. *Променаж* (фр. promenade) — прогулка, в данном случае: танцевальное па. Явление 8. *Унтер-штаб* — здесь: малое (унтер) и большое (штаб) начальство.

Пустодомы. Впервые — отдельным изданием (СПб., 1820). Текст сверен с цензурованными списками, находящимися в ГТБ, и рукописными копиями — Библиотека ГАМТ. Впервые пьеса была поставлена в Петербурге в Большом театре 10 октября 1819 г. Роли исполняли: князя Радугина — И. И. Сосницкий, княгини — М. И. Валберхова, княжны Натальи — А. М. Брянская, Радимова — Я. Г. Брянский, графини Вельской — Е. И. Ежова, графа Вельского — А. Г. Ефремов, Цаплина — В. В. Баранов, Инквартуса — М. В. Величкин, Маши — А. Е. Асенкова, Фомы — А. Е. Пономарев, Ванюши — А. Н. Рамазанов, слуги — В. А. Шемаев. Обычно между написанием и постановкой пьесы Шаховского проходило не более двух-трех недель или месяца. В данном случае произошло иное. Комедия была написана задолго до того, как попала на сцену. Ссора Шаховского с директором театра князем П. И. Тю-

фякиным (который, по свидетельству современников, не без оснований принял на свой счет слова одного из персонажей «Своей семьи» — «Он до обеда глуп, после обеда пьян») — ссора, произошедшая в присутствии актеров («Записки» Р. М. Зотова. — «Исторический вестник», 1896, т. 65, стр. 33), повлекла за собой увольнение Шаховского из театра (12 июля 1818 г.), что на время замедлило доступ его пьесам на сцену. По свидетельству Грибоедова (Письмо к П. А. Катенину 19 октября 1817 г.), Шаховской «совершенно окончил свою комедию, недостает только предисловия, развязка преаккуратная: граф женится на княжне, князь с княжной (княгиней) уезжает в деревню, дядя и тетка изъясняют моральную цель всего происшедшего, Машу и Ваньку устыжают, они хотят — стыдятся, хотят — нет, Цаплин — в полиции, Инквартус и многие другие — в дураках, в числе их будут и зрители, я думаю, ну да это — не мое дело» (А. С. Грибоедов. Сочинения, Л., 1945, стр. 443). По Грибоедову, комедия заканчивалась арестом Цаплина и изгнанием Инквартуса. Так как в окончательной редакции пьесы развязка несколько иная, можно думать, что Шаховской продолжил работу над «Пустодомами» в начале 1818 г. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что осенью и зимой 1817 г. драматург был занят сочинением, а потом и постановкой «Своей семьи». Поэтому вернее датировать «Пустодомы» 1817—1818 гг. Во вступительной статье уже отмечалась неверность традиционного взгляда, согласно которому выпад Шаховского в «Пустодомах» против журналов будто бы является ответом на предложение Н. Тургенева (1819) участвовать в его издании. Неприязнь к журналам характерна для Шаховского и всех членов «Беседы», и ее нельзя связывать с приглашением Н. Тургенева. Осуждение компиляций и перепечаток из иностранных источников направлено против «Сына отечества», печатавшего статьи по политическим и хозяйственным вопросам, черпавшего материал из французских изданий и — нападавшего на Шаховского. Современная Шаховскому критика встретила пьесу без большого восторга. П. Арапов объяснял это тем, что пьеса «опередила свое время», так как изображенный в ней процесс развернулся позднее («Летопись русского театра», СПб., 1861, стр. 281). Вслед за Петербургом пьеса была поставлена в Москве (20 октября 1820 г.). Роль Радугина исполнял П. С. Мочалов. Рецензент драматических прибавлений к «Московскому вестнику» писал: «Князь Шаховской своею комедиею дал добрый урок... петиметрам муз, изобразивши ничтожество одного из них в отношении отечества, к семейству своему, собственности и даже к самой учености» (Драматические прибавления к «Московскому вестнику», 1828, № 7, 8, стр. 387). Мнения о пьесе разделились. Пушкин назвал «Пустодомов» «дурной комедией». Отрицательный отзыв Грибоедова мы уже приводили. С. Аксаков, напротив, утверждал, что «Пустодомы» — «оригинальная комедия, отличного достоинства, написанная весьма хорошими, а местами прекрасными стихами. В ней вывел князь Шаховской с большим искусством старое зло в новом костюме: мотовство, или удачно названное им пустодомство; комедия богата прелест-

ными сценами; разговорный язык отличный и до сего времени неслыханный у нас на театре» (С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в 4 томах. М., 1956, т. 3, стр. 521). *Инквартус* — смысловая фамилия: In quarto (лат.) — книга форматом в четвертую долю печатного листа. *Маша... взятая из модной лавки.* Слова эти следует понимать в прямом и переносном смысле. Плутовка Маша является героиней комедии И. А. Крылова «Модная лавка», где она служит у мадам Каре.

Действие I. Явление 3. *Экономисты* — классики политической экономии XVIII в. (французские и др.). *Монитёр* — «Moniteur Universel», официальный орган французского правительства. Явление 5. *Стоик* — см. стр. 779. *Кант* Иммануил (1724—1804), немецкий философ-идеалист.

Действие II. Явление 1. *Мадам Каре* — владелица магазина в пьесе И. А. Крылова «Модная лавка» (см. выше). *Приказ* — старинное судебное учреждение, здесь: уголовный приказ, тюрьма. Явление 6. *Правление* — здесь: губернское правление, высшая исполнительная полицейская власть. *Надворный суд.* Был создан Петром I в 1719 г. как высшая судебная инстанция, не зависимая от областной администрации. Впоследствии утратил прежнее значение, неоднократно упразднялся, но был восстановлен в 1802 г. для рассмотрения гражданских и уголовных дел.

Действие III. Явление 2. *Пырь в глаза* — попался на глаза. Явление 3. *Монадологья.* В философской системе немецкого мыслителя Г.-В. Лейбница (1646—1716) основное место занимает учение о монадах, составляющих основу мира. *Сократ* (469—399 до н. э.) — греческий философ-идеалист. *Зелон* (IV в. до н. э.) — греческий философ. *Пиррон* (ум. ок. 270 до н. э.) греческий философ, проповедовавший непознаваемость вещей и невозможность объективного суждения о них. *Спиноза* — см. стр. 770. *Фихтов ихтеизм.* Иоганн-Готлиб Фихте (1762—1814) — немецкий философ-идеалист. Основой его учения является идея абсолютного я (Ich), которое само из себя творит мир. *Берклея идеизм.* Джон Беркли (1684—1753) — английский епископ, философ-идеалист, утверждавший, что в основе всего лежит дух, абсолютная идея; а материальный мир является лишь обманом наших чувств и ощущений. *Сократо-платонизм.* Платон (ок. 430—347 до н. э.) — греческий философ-идеалист, ученик Сократа, давший субъективное изложение мыслей своего учителя. *Антропофилеизм* — искусственное наукообразное словообразование, призванное означать человеколюбие. *Супернатурализм* — натурфилософия, учение немецкого философа-идеалиста Фридриха Шеллинга (1775—1854). *Перипатетицизм.* Перипатетиками называли последователей греческого философа Аристотеля (384—322 до н. э.). *Доризм.* Очевидно, речь идет о Дорийском политически-религиозном союзе, образовавшемся в античной Греции в дорийских колониях. *Пифизм* — новое словообразование от пифии, прорицательницы в Дельфах. *Кратизм* — учение античного философа и грамматика Кратета (II ст. до н. э.). *Фиксизм* — искусственное наукообразное словообразование. *Эзель* — остров в Балтийском море у входа в Рижский залив; здесь — каламбур: Инквартус ро-

дом с Эзеля, но по-немецки Esel — осел. *Галле* — немецкий город, известный своим университетом (основан в 1697 г.). Явление 5. *Экономический товар* — хозяйственные изделия. Явление 7. *Гиль* — смысловая фамилия — чепуха, ерунда. *Томас Морус* — английский мыслитель и государственный деятель Томас Мор (1478—1535), автор «Утопии» (1516), где нарисована картина идеального общественного строя. Явление 8. *Святая* — т. е. святая неделя, неделя Пасхи.

Действие IV. Явление 3. *Плутарх* (ок. 46—120) — греческий моралист, автор жизнеописаний великих деятелей античного мира. *Цесарь* Юлий — (см. стр. 770). Здесь упоминается как автор «Записок о Галльской войне». *Полибий* (III—II в. до н. э.) — греческий историк, автор «Всеобщей, или Мировой истории». *Страбон* (I в.) — греческий ученый, автор «Географии». *Тюрень* — Тюренн Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), французский маршал. *Фридрих* — Фридрих II (1740—1786), прусский король, автор различных сочинений, в том числе по военным вопросам. *Моро* Жан-Виктор (1763—1813) — французский генерал. *Веллингтон* Артур-Коллей Веллеслей (1769—1852) — консервативный английский политический деятель, фельдмаршал.

Не любо — не слушай, а лгать не мешай. Впервые — отдельным изданием (СПб., 1818). Текст сверен с цензурованными рукописными копиями, хранящимися в ГТБ. Впервые комедия была представлена 23 сентября 1818 г. (дата цензурного разрешения 28 августа) в Петербурге на сцене Большого театра (в бенефис Е. И. Ежовой). Роли исполняли: Хандриной — Е. И. Ежова, Зарницкина — И. И. Сосницкий, Мезецкого — Я. Г. Брянский, княгини Лидиной — М. И. Валберхова, Даши — А. Е. Асенкова и Митяя — А. Е. Пономарев. В Москве комедия была поставлена впервые 18 апреля 1819 г. Современники утверждали, что образ главного героя комедии Зарницкина восходит к пьесе Пьера Корнеля «Лгун» (1643). Это неверно. Широко распространенную в мировой литературе тему Шаховской разработал, не столько опираясь на давнюю традицию, сколько используя житейские факты современности. Фигура лжеца списана не с Корнелева Леандра, но с Павла Петровича Свиньина (1788—1839), писателя, этнографа, дипломатического чиновника, издателя журнала «Отечественные записки», который, по словам баснописца А. Е. Измайлова, «имел ко лжи большое дарованье». Эти его свойства засвидетельствованы Пушкиным, Гоголем и др. П. П. Свиньин в 1818 г., за несколько месяцев до написания комедии Шаховского, вернулся из-за границы. Его фантастические рассказы о пребывании в Северной Америке, Англии, Франции, Германии, о военных подвигах, будто бы совершенных им в 1806—1807 гг., переходили из уст в уста. П. Свиньин, прибыв в Петербург, поспешил заявить, что он нигде в мире не видел ничего подобного имению Аракчеева в Грузине:

Я весь объехал белый свет,
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою, —

Дивился многому умом,
Но только в Грузине одном
Был счастлив сердцем и душою.

Стихи эти не могли не вызвать брезгливости у многих. П. А. Вяземский отозвался на них в 1818 г. уничтожающей эпиграммой. А. А. Шаховской, умевший схватывать комические странности современников, не мог пройти мимо колоритной фигуры Свиньина. В книгах последнего, описывающих его заграничные впечатления, можно найти параллели к монологам Зарницкина. Приведем некоторые примеры. Зарницкин, уже при первом появлении, рассказывает о том, как сломалась его коляска и он скатился с горы. Разбитая коляска фигурирует в его дальнейших рассказах. П. Свиньин писал в «Ежедневных записках в Лондоне» (СПб., 1817): «Не успел я отъехать двух верст от Брухсала, как сломалась у меня коляска» (стр. 11). Однако путешествие по швейцарским ледникам в поврежденном экипаже продолжалось, пока коляска снова не опрокинулась «посреди Гохвурцельских и Кемельбергских гор. Рухлый снег прикрывал глубокие ямы, в кои два раза меня опрокинули, но, благодаря бога, я расквитался только совершенным разрушением моей коляски» (стр. 13). Зарницкин, по его словам, служа во флоте, совершил чудеса храбрости. То же рассказывал о себе и П. Свиньин. Турецкие ядра и пули отскакивали от него, он падал с корабля в море, намокшая одежда тянула его на дно, но Свиньин спасался («Воспоминания на флоте», ч. 1. СПб., 1818). Описывая в качестве очевидца гибель генерала Моро, Свиньин говорит: «Ядро, оторвавшее ему <Моро> правую ногу, пролетело сквозь лошадь, вырвало икру у левой ноги и раздробило колено» («Опыт живописного путешествия по Северной Америке». СПб., 1815, стр. 138). Вспомним бомбу, попавшую в лошадь Зарницкина, и картечь, залетевшую ему в рот. Описания заморских впечатлений Зарницкина сходны с впечатлениями Свиньина. Последний писал, что английские лошади похожи «более на слонов. Сии животные удивительны по огромности своей» («Ежедневные записки в Лондоне». СПб., 1815, стр. 85). За семьдесят лет до того, как Шлиман раскопал развалины Трои, Свиньин ухитрился увидеть, и совершенно в другом месте, троянские ворота и могилу Ахиллеса («Воспоминания на флоте»). По словам Свиньина, он встречался со всеми замечательными современниками, в частности бывал в Париже в салоне мадам Рекамье (как и Зарницкин). Повествование героя комедии Шаховского о ледяных горах на Масленице восходит к описанию ледяных гор в книге П. Свиньина — «Достопамятности Санкт-Петербурга» (СПб., 1816). Конечно, драматург усилил, гиперболизировал описания разных диковинок, которые он нашел в сочинениях издателя «Отечественных записок», и, наконец, он слышал устные его рассказы, в которых уже ничто не сдерживало полета буйной фантазии Свиньина. Явление 1. *Бутылку о-дез-алп* (фр. Eau des Alpes) — т. е. бутылку альпийской воды, будто бы обладающей це-

лебным свойством. Явление 2. Шут Митяй вставляет в свою речь ломаные французские слова и выражения. *Вузаве резон* (vous avez raison) — вы правы. *Мон шер, мон фреры* (mon cher, mes frères) — мой дорогой, братья. *Гран манеры* (grande maniére) — повадки знатных людей. *Ан неглиже* (en negligé) — в халате, по-домашнему. *Туцвит* (tout de suite) — тотчас, сейчас. *Аллон* (allons) — вперед. Явление 4. *Ма сёр кадет* (ma soeur cadette) — маленькая сестричка. *Премье лаке* (premier laquais) — старший лакей. *Невё* (neveu) — племянник. *Мон анж* (mon ange) — мой ангел. *А бон креди марьяжем* (a bon crédit mariage) — поправить дела женитьбой. *Шарман мусье* (charmant monsieur) — славный господин. *Маршир* (немец. marschier) — двигайся вперед, иди. *Мон комплиман* (mon compliment) — мой поклон. Явление 5. *Масёрским* — сестринским. *Невёновским* — племянниковым. *Бон жур и бон вояж* (bonjour, bon voyage) — добрый день и счастливого пути. Явление 8. *Сам Франк ей три часа, не больше, жить давал.* Имеется в виду Иван Петрович Франк (1745—1821), либо его сын Иосиф Франк (1771—1842) — выдающиеся врачи. Первый из них был лейб-медиком и некоторое время жил в Петербурге. *Аделька* — Адель, владелица модной лавки на Кузнецком мосту в Москве. *На Нóртоне, а это мой Брегет.* Нортон, английский часовой мастер, по имени которого назывались выпускаемые им часы. Брегет — часы с боем, по имени французского часовщика Брегета. Явление 9. *В театре Пустякова.* Возможно, что здесь речь идет о московском богаче Позднякове, владельце крепостного театра. Ср. у Грибоедова: «А наше солнышко? Наш клад? На лбу написано: театр и маскерад». Явление 11. *Залыгает в прах* — оболжет вконец. *Не он ли выдумал воздушный шар, В котором подлетал под солнце.* И этот фантастический рассказ, по-видимому, восходит к измышлениям Свиньина. В басне А. Е. Измайлова «Лгун» (впервые опубликованной в «Полярной звезде» на 1824 г.) Свиньин рассказывает о гигантском воздушном шаре, который взлетел и «за звездами скрылся», а затем «спустился на берегу морском в Кале». В пьесе Шаховского воздушный шар *упал в Олонце.* Олонец — город на реке Олонке вблизи Ладожского озера. Явление 12. *Онегина рука.* Л. П. Гроссман в своей книге «Пушкин в театральных креслах» (Л. 1926) высказал предположение, что в памяти Пушкина могла сохраниться фамилия неоднократно упоминаемого в пьесе Шаховского лица и перейти на страницы романа «Евгений Онегин». Явление 13. *Святая* — см. стр. 782. *Знаменский пожар* — пожар на Знаменке в Москве в 1780 г. *Кудрино* — район Москвы. *Пур тужур* (pour toujurs) — навсегда. *В презан* (présent) — в подарок. *Часы играют зори, сбор* — т. е. военные сигналы. Явление 14. *Цветом коклико* (coquelicot) — т. е. цвета мака. *Рекамье* — Жюли Рекамье (1777—1849), прославленная французская красавица, хозяйка знаменитого салона. *Ком си ком са* (comme si, comme ça) — и так и сяк. *Тре бьен* (très bien) — очень хорошо. *Фурьез, Дранше* — известные французские прыгуны, выступавшие в разных городах Европы.

Какаду, или Следствие Урока кокеткам. Впервые — отдельным изданием (СПб., 1820). Написана, по-видимому, в конце 1819 г. Первое представление состоялось 16 января 1820 г. в пользу М. И. Валберховой. Все роли играли те же исполнители, что и в «Уроке кокеткам»: М. И. Валберхова—Лелева, Е. И. Ежова — княгиня Холмская, И. И. Сосницкий — Ольгин, А. Е. Асенкова — Саша. По свидетельству П. Арапова, «Какаду» имел большой успех. На спектакль отозвался рецензией Н. Греч, и его отзыв послужил поводом для любопытного ответа-автокомментария Шаховского. Греч очень неточно, сбивчиво изложил содержание пьесы, опустив ряд существенных психологических мотивов, объясняющих поведение героев, дал им неверные характеристики, но подвел итоги следующим образом: «Содержание и ход сей пьесы весьма натуральны, многие сцены ее весьма замысловаты и забавны (например, вся предпоследняя сцена), есть стихи и тирады прекрасные; особенно понравилось публике (и по справедливости) списанное с натуры изображение нынешних светских обществ. Вообще нужно сказать, что сия пьеса принадлежит к числу лучших комедий русских и переживет на русском театре многие большие произведения» («Сын отечества», 1820, № 4, стр. 180 и сл.). В «Письме к издателю» Шаховской, указав на неточности, допущенные Гречем в изложении сюжета и характеристиках героев, разъяснил мотивировку поведения действующих лиц и определил поставленную им как драматургом перед собой задачу. «Я основываю комедию мою... на нравах нашего времени, как они мне представляются... Характеры действующих лиц остались старые, только в новом положении... писав «Следствие урока кокеткам», я хотел, не изменяя сатирическому духу комедии, похвалить то, что мне кажется похвальным в наших больших обществах, в которых кокетство, волокитство, острословие, пустословие — словом, все ничтожные прелести прежнего парижского двора — становятся смешными и, кажется, презрительными. — Наши молодые супруги и матери могут служить образцами скромности, благочестия и привязанности к своим должностям... Истинное просвещение и хорошие примеры образумливают наших молодых людей...» («Сын отечества», 1820, № 4, стр. 180 и сл.). Впоследствии Шаховскому пришлось еще раз, в связи с московской постановкой «Какаду», высказать свой взгляд на героев пьесы. Основная часть его возражений заимствована из цитированного выше письма. Но в статье Шаховского, адресованной издателю «Московского вестника», есть и некоторые новые мысли. Возражая критику, назвавшему графа Ольгина «блудным сыном», Шаховской пишет, что Ольгин является типическим представителем большого света, а не исключением из него, и оправдывает характер Саши: «Служанка, умная, самолюбивая и воспитанная выше своего состояния, с радостью, можно сказать, с страстью хватается за всякий случай, чтобы дурачить своих господ и управлять теми, кому жестокий рок ее поработил. Хитрость, пронырство и интриги составляют почти всегда сущность ума людей, принужденных служить и угождать другим... Комический автор не обязан принуждать выведенные им лица сообразоваться

во всем с правилами строгой нравственности, но его дело с нравственной целью заставлять действовать страсти как самые сильнейшие пружины его искусства, что именно в драматургии называется театральным действием» («Московский вестник», 1828, № 18, стр. 197—198). Явление 1. *Билет* — здесь: визитная карточка. Явление 3. *Как* — здесь в смысле: так как. *Мамзель* — здесь: благородная прислуга, приживалка, доверенное лицо барыни. *В мадамы.* Мадамами называли владелиц французских модных лавок, гувернанток, портних-иностранок, домоправительниц. Явление 4. *Мадам де Сталь* — Анна Луиза Жермен де Сталь (1766—1817), французская писательница, в чьих произведениях раскрыта лживость и пустота высшего света. *Без ваканции* — без свободного места; в данном случае — не имея прав. Явление 5. *Роленша.* Имеется в виду модная лавка мадам Роллень в Петербурге. Явление 6. *Плюмажный артист* — шляпный мастер. Явление 7. *Попалася в лабет* — попасть в неловкое, безвыходное положение. Лабет — штрафная ставка в карточной игре. Явление 8. *Как! неужли они готовы?* Саша выносит лотерейные билеты, а княжна думает, что это приглашения на свадьбу графа и графини.

Из комедии «Аристофан, или Представление комедии „Всадники"». Впервые отрывки из комедии опубликованы: Пролог, финал 2-го действия и сцена 3-го действия — «Мнемозина», ч. 1, М., 1824, стр. 26; явления 8 и 9 действия I и явление 2 действия II — «Полярная звезда» на 1824 г., стр. 120; сцены II действия — «Драматический альманах для любителей и любительниц театра». СПб., 1828, стр. 62. Вся пьеса отдельным изданием — М., 1828, под названием «Аристофан, или Представление комедии «Всадники». Историческая комедия в древнем роде и в разномерных стихах греческого стопосложения, в трех действиях, с прологом, интермедиями, пением и хорами. Сочинение князя А. А. Шаховского, с помещением многих мыслей и изречений из Аристофанова театра». Отрывки печатаются по тексту «Мнемозины» и «Полярной звезды» со сверкой по отдельному изданию, откуда заимствованы и сделанные Шаховским примечания. Драматург, делая извлечения из своей пьесы, придал им самостоятельный характер. Текст, опубликованный в декабристских альманахах, отражает основную редакцию комедии, которую автор подверг переделке после 14 декабря 1825 г., сглаживая и отбрасывая все, что могло прозвучать как аллюзия (слова Хавеса о доносах — III действие и т. д.). Первое представление пьесы состоялось в Петербурге 19 ноября 1825 г. в бенефис Е. И. Ежовой. Роли исполняли: Аристофана — Я. Г. Брянский, Алкинои — Л. О. Дюрова, Клеона — Е. П. Бобров, Жреца — С. Я. Байков, Антимаха — И. И. Сосницкий, Хавеса — Н. В. Величкин, Иппербола — А. Г. Щенников, Феогнея — П. И. Калинин, Евгалия — Сибиряков, Ксантиппы — Е. И. Ежова, Созиа — А. Н. Рамазанов. В Москве, на сцене Малого театра, пьеса была поставлена в 1826 г. с участием П. С. Мочалова (Аристофан), М. Д. Львовой-Синецкой (Алкиноя), М. С. Щепкина

(Созиа) и других актеров. Пьеса вызвала оживленную полемику. Особенное внимание критиков привлекла попытка Шаховского применить, следуя античной традиции, различные стихотворные метры. Большинство встретило этот опыт отрицательно. Среди немногих критиков, поддерживавших Шаховского, был С. Т. Аксаков. Он писал: «Скажем с своей стороны, что многие, воспитав ухо на ямбах, полагали, что разнообразные метры, употребленные автором в пьесе, на сцене сделают неприятное впечатление: они ошиблись в своих гаданиях. Разнообразие метров ласкало слух зрителя во время представления, а удачное приноровление оных к характерам и страстям действующих лиц совершенно удовлетворило требованиям рассудка и воображения желающих, чтобы изящное имело наивразумительные формы» («Драматическое прибавление к „Московскому вестнику"», 1828, № 7—8, стр. 6). *Аристофан* (446—ок. 385 до н. э.) — греческий комедиограф; его пьеса «Всадники» (424 до н. э.), направленная против афинского демагога Клеона, была поставлена во время праздника Ленеев в 424 г. до н. э. и получила первую премию. Участие самого Аристофана в представлении является легендой.

Пролог. *Ленейский венец* — «т. е. венец, которым награждали поэтов в Ленейский праздник» (примеч. А. Шаховского). Ленеи — празднество в честь Вакха, отмечавшееся в январе—феврале, во время которого ставились новые пьесы и присуждались награды за них.

Действие I. Явление 8. *Клеон* — государственный деятель древних Афин, современник Аристофана (убит в сражении в 422 г. до н. э.), вождь рабовладельческой демократии, глава партии, настаивавшей на продолжении войны со Спартой. Клеон ведал государственными доходами *(казнодар)*. В комедии Аристофана «Всадники» он выведен в грубо карикатурном виде под именем Пафлагонца-кожевника. Еще более карикатурно изображен он Шаховским. Явление 9. *Ксантиппа* — жена греческого философа Сократа (469—399 до н. э.), которую предание изображало сварливой и вздорной. Имя Ксантиппы сделалось нарицательным. *Триобол.* «Клеон убедил народ прибавить к двум оболам, которые получали судьи за каждое заседание, еще по одному... и Аристофан оттого называл их триоболами» (примеч. А. Шаховского). *Сократа задел Аристофан.* Аристофан в комедии «Облака», написанной после «Всадников» (423 до н. э.), осмеял Сократа, выведя его как главу школы софистов (скептического направления в греческой философии). Сократ в пьесе Аристофана отрицает существование богов и исповедует веру в вихрь и облака, управляющие миром, оправдывает хитрость и обман. *Пникс* — место народных собраний в Афинах. *Сенат* — «место заседания Ареопага» (примеч. А. Шаховского). *Агора* — «торговая площадь» (примеч. А. Шаховского). *Митраон* — храм Кибелы, «великой матери богов». *Одеум* — «театр для музыки» (примеч. А. Шаховского). *Часть Керамикская* — «часть города, лежащая к Керамикскому въезду» (примеч. А. Шаховского). *Депилон* — «городские ворота» (примеч. А. Шаховского). *Улица Эрмесов.* «Название сей

улице дано от поставленных в ней Эрмесов, т. е. четвероугольных мраморных столбов в рост человеческий или побольше, вверху которых иссекалось сначала погрудное изображение Эрмеса, или Меркурия, покровителя торговли и промышленности» (примеч. А. Шаховского). *Улица Треножников.* «Сия улица наименована от треножников, стоящих на ней, на которых во время торжеств возжигали фимиам; она вела к Вакхову храму» (примеч. А. Шаховского). *Архонт.* «Девять архонтов переменялись ежегодно по жребию и составляли правительство Афин» (примеч. А. Шаховского). *Стратиг* — «военачальник» (примеч. А. Шаховского). *Иппарх* — «начальник конницы» (примеч. А. Шаховского). *Филарх.* «Филархи заведовали военной частью» (примеч. А. Шаховского). *Всадник.* «Всадники составляли особое состояние, к которому принадлежали богатые благородные граждане» (примеч. А. Шаховского). *Осьмой мудрец.* Античное предание сохранило имена семи мудрецов древней Греции, живших в VII—VI вв. до н. э.: Питтака из Митилены, Солона Афинского, Клеовула Линдского, Periандра Коринфского, Хейлона Спартанского, Фалеса Милетского и Биаса Приенского. Количество мудрецов равно числу чудес. Поэтому слова «восьмое чудо» или «восьмой мудрец» звучали иронически. *Вихрь.* «Из Аристофана. „Облака"» (примеч. А. Шаховского). *Обделаем земное.* «Сия мысль, кажется, была нравственною целью Аристофановой комедии „Облака"» (примеч. А. Шаховского). Праздник светильников. *Еввое!* — «крик вакханок: они, повторяя сии слова, бегали с светочами по горам и призывали Вакха» (примеч. А. Шаховского). *Вромий, Еввий* — «то же, что Вакх» (примеч. А. Шаховского). *Аонид* — «муз. Сии стихи взяты из вакхических образцов» (примеч. А. Шаховского). *Фригийская песня.* Фригия — область в Малой Азии, родина древнейших форм музыки и поэзии. Один из ладов греческой музыки называется фригийским.

Действие II. Явление 3. *«Так, пока еще я молод... народное вино».* «Все отмеченные стихи переведены из первой интермедии Аристофановых „Всадников"» (примеч. А. Шаховского). Это замечание автора не совсем точно. Шаховской свободно пересказал и перефразировал несколько строк из пьесы Аристофана, превратив их в монолог. *Ма́гнес* — «поэт, один из первых, сочинивших в Афинах комедию, начавшуюся в Сицилии» (примеч. А. Шаховского). *Лидийцы.* «Лидийцы были осмеяны на афинском театре: их выводили в ролях дураков и буффонов» (примеч. А. Шаховского). *Кратиний* (ум. ок. 421 до н. э.) — старший современник и соперник Аристофана на поприще комедии. Из его пьес до нас дошли только отрывки. *Омир* — Гомер. *Канний.* «Сей Канний... должен быть славный музыкант, заслуживший венец на многих играх» (примеч. А. Шаховского). В старости впал в нужду. *Эсхил.* «Осталось предание, что Эсхил, трагический поэт, изгнанный из Афин, был убит в Сицилии черепахою, которую бросил орел в его безволосую голову, сочтя ее за камень» (примеч. А. Шаховского). *Софокл* — «трагический поэт, в преклонной старости был оклеветан детьми своими в сумасшествии; но он прочел пред Ареопагом

трагедию свою «Эдип в Колонне» и простил детей» (примеч. А. Шаховского). *Еврипид* (485—407 или 406 до н. э.). — греческий драматург. *Сузы* — город в древней Персии, где находился царский дворец. *Великий царь.* «Афиняне называли персидских царей великими царями» (примеч. А. Шаховского). *И гражданином звал, отечеству полезным.* «Артаксеркс сказал спартанским послам, что Аристофан самый полезный Афинам гражданин» (примеч. А. Шаховского). *Алкивиад* (451—404) — афинский полководец. *Хариты выбрали* — «точные слова Платона. См. Предисловие к Аристофановой комед<ии> «Облака», пер. И. М. Муравьева» (примеч. А. Шаховского). *Страны Иперборейские.* Гиперборея — по античной мифологии область, лежащая на дальнем севере. *Домашний демон.* «Домашний демон, или Гений Сократа, никогда его не оставлял, как уверяет Платон: кажется, что и к нам перешло понятие о домовых из Греции» (примеч. А. Шаховского). *Небесная Ира* — «Юнона, богиня, покровительница детородства» (примеч. А. Шаховского). <Финал> *Мантии багровый цвет.* Клеон, как казнодар и демагог, носил хламиду красного цвета. *Богиня Кипра* — Афродита (см. словарь). *Пленяется сиреной, Как мудрый Одиссей.* Сирены — в античной мифологии морские девы, увлекавшие своим пением на дно проплывавших мимо путников. Хитроумный Одиссей, страшась этой участи, залепил воском уши своих товарищей, а себя самого велел привязать к мачте, чтоб насладиться пением сирен и избежать гибели. *Блажен, кто тайны божества* и т. д. «Сии строфы взяты из Еврипида» (примеч. А. Шаховского). Из трагедии «Вакханки». *Хор, во время танцев* — «дивертисмент, оканчивающий второе действие, соответствует Хенасу, или Празднику чаш второго дня Анфистерии» (примеч. А. Шаховского). Анфистерии (анфестерии) — весенний праздник в честь Вакха, когда откупоривались бочки с молодым вином.

Действие III. *Никийцы* — сторонники Никия (V в. до н. э.), афинского политического деятеля и полководца, главы аристократической партии, враждебной Клеону. *Солон* (VI в. до н. э.) — государственный деятель древних Афин, законодатель, один из семи мудрецов (см. стр. 788). *Эдипов творец* — Софокл, автор трегедий «Эдип царь» и «Эдип в Афинах». *Перикл* (ок. 490—429 до н. э.) — государственный деятель в древних Афинах. *Фемистоклово терпенье.* «Фемистокл, находясь с афинскими войсками под главным начальством спартанского полководца, сильно оспаривал его мнение. Разгоряченный спартанец поднял свой жезл, и Фемистокл, думая не о себе, а об отечестве, сказал: бей, но выслушай» (примеч. А. Шаховского). *Чем Левзиклея вы или Эвкрата хуже?* «Левзиклей, продавец холста, и Эвкрат, торгаш овчинами, предшествовали Клеону в управлении Афинскою площадью. После знаменитого Перикла три торгаша, один за другим, властвовали Республикою. Фукидид» (примеч. А. Шаховского). *«Смелей, кто нынче ничего»* и т. д. — «из Аристофана» (примеч. А. Шаховского). *Лахез* — «афинский полководец, обвиняемый в лихоимстве и беззаконном приобретении несметного богатства, был принужден разделить его с Клеоном» (примеч.

А. Шаховского). *Ферсит.* «Одиссей, или Уллис, чтобы унять злоречие безобразного Ферсита, так сильно ударил крамольника своим скипетром, что голова и хребет его в минуту вспухли. Омир. „Илиада“» (примеч. А. Шаховского). *Лесбосском безбожнейшем деле.* «Прежде упомянутое осуждение на поголовную казнь митиленских граждан» (примеч. А. Шаховского). *Харон.* При похоронах древние греки клали с покойником маленькую монету для платы Харону за перевоз через Ахерон, реку подземного царства. <Явление 7>. *Дело и слово.* Шаховской переносит в древнюю Грецию установления, характерные для старинного русского судопроизводства (XVII—XVIII вв.), согласно которому все лица, знающие о совершенном (или готовом совершиться) преступлении, обязаны были, под страхом смертной казни, «сказывать за собою слово и дело государево». Хавес выступает в роли сикофанта, т. е. доносчика, обвинителя, число которых в Афинах было велико. *Спутников бедных царя Одиссея.* «Киркея превратила Улиссовых спутников в свиней. Овидий. „Превращения“» (примеч. А. Шаховского).

Пролог комедии «Игроки». Впервые — «Атеней», 1828, № 1, стр. 27 и № 2, стр. 20. По свидетельству С. Т. Аксакова, Шаховской в мае 1827 г. «привез с собой начало своей комедии, еще никому не читанной, под названием „Игроки“». Из четырех действий были написаны первое (пролог) и второе. Рукопись представляла «кучу листов такого маранья, что мы заранее пришли в ужас... Читать не было никакой возможности: кроме скверного почерка, грубейших ошибок в правописании, знаков препинания или совсем не было, или они ставились наперекор человеческому смыслу». Чтение пьесы, сбивчивое и неудачное, произвело на слушателей (С. Т. Аксакова, А. И. Писарева, А. С. Пущина, Ф. Ф. Кокошкина) отрицательное впечатление. Аксаков писал: «Я откровенно сказал князю Шаховскому, что считаю оскорблением искусству представлять на сцене, как мошенники вытаскивают деньги из карманов добрых людей и плутуют в карты. Я был не совсем прав и не предчувствовал гоголевских «Игроков»... Некоторые нападали на спутанность и неясность отношений между игроками, на стихи, нарубленные, как лапша, в разговорах действующих лиц; а Пущин сказал, что Шаховской только по слухам знает черных игроков и что язык у них и приемы совсем другие. Всех более впился в Шаховского Писарев... Шаховской не продолжал этой комедии, и, конечно, хорошо сделал» (С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в четырех томах, т. 3, М., 1956, стр. 100, 104—105, 106—107). Текст комедии до последнего времени считался утраченным. (См. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 5. М. — Л., 1949, стр. 473). Между тем в воспоминаниях Аксакова сказано о пьесе: «Пролог к ней был где-то напечатан» (т. 3, стр. 107). Помимо пролога Шаховской напечатал большую сцену из первого (по существу второго) действия комедии («Московский вестник», 1829, № 1). Кроме того, в ПД обнаружена рукопись пролога и нескольких сцен второго дей-

ствия (по-видимому, это тот экземпляр, по которому пьеса читалась Шаховским его друзьям). Сохранились также разрозненные черновые наброски последующих сцен. Пролог к «Игрокам» дает ясную и отчетливую экспозицию и завязку. Шулер Хлопушкин решает отомстить обыгравшим его сотоварищам по шайке. Давний знакомый Хлопушкина, бывалый человек, отставной офицер (может быть, даже генерал) Богдан Григорьич, чтоб спасти младшего брата своего боевого товарища графа Лидина, которого шулера хотят обобрать, решает разыграть роль богатого и простодушного купца. На этом пролог оканчивается. Из следующего действия до нас дошли три законченных явления и черновые наброски отдельных эпизодов. Напечатанная в «Московском вестнике» сцена рисует взаимоотношения главы шулерской шайки Фрындина и Сеньки, на людях разыгрывающего роль шута, а по существу являющегося доверенным лицом Фрындина, его дворецким, советником и управителем игрецкой шайки. И все же Сенька только орудие в руках Фрындина. В фигурах шулера и его «шута» есть предвосхищение образов Кречинского и Расплюева. Фрындин — фигура сложная. Это человек, всеми правдами и неправдами выбившийся в господа, мошенник и негодяй, циничный пройдоха. Он умело играет душами и страстями людей. На слова Сеньки, прославляющего ловкость рук Хохрина, Фрындин отвечает монологом, представляющим своеобразную апологию игрока:

А руки что — пружины,
И только. Нет, чтоб быть великим игроком,
Работай головой, придумывай машины,
Умей пустить их в ход, умей удар закрыть,
Умей в одно и то же время быть
Политиком, актером, генералом,
Умей тотчас расчесть, куда, каким каналом,
К кому кого подвесть,
И деньги в свой карман чужими сыпь руками.
А в Хохриных твоих идеи даже нет
Об этих хитростях. Где знать им, что на свет
Большие игроки родятся игроками,
С игрецкой головой,
С игрецким глазом,
Чтоб сметить разом,
Кто там стоит перед тобой,
Что он за зверь, на сколько тянет веса
Его и ум, и кошелек.
К чему пристрастен он, — и, если ты игрок,
Тут докажи себя.

Сенька
А чем?

Фрындин
Проворней беса

Его душою овладей.
Всё брось, вцепись в его пороки и затеи.
Охотник первый он — ты, не жалея шеи,
Скачи и атука́й. Он любит пить — с ним пей,
Да из ума не выпивайся.
Сердечкин он — и ты из вздохов задыхайся,
Политикан — держи газеты на слуху.
Любитель музыки — не пропускай концерта.
Покушать жалует — на пьяную уху
В Зарядье затащи, в особых два куверта.

Для того, чтоб поправить дела, Фрындин вынужден принять в компанию Хохрина, вид которого способен отпугнуть каждого. А глава шулеров намерен начать большую игру — обыграть представленного ему Хлопушкиным Богдана Григорьича, но прежде всего Лидина, используя в качестве приманки ничего не подозревающую Наташу, любящую Лидина и любимую им. Тщетно Сенька призывает хозяина быть осторожнее — тот уверен в себе. Тем временем в дом входят игроки — Гнездов, Рутинский и Хохрин. Фрындин велит Сеньке передать Гнездову колоду специально обрезанных карт. На этом обрывается напечатанная часть комедии. Из черновых набросков мы узнаем, что Рутинский, влюбленный в Наташу, устраивает в ее честь кавалькаду. Он возмущен, что его соперник Лидин до сих пор не обыгран, и предлагает свои услуги. Опытный Гнездов сомневается в игрецких качествах Рутинского, хотя тот и владеет неплохой шулерской сноровкой. Демонстрируя свою технику, Рутинский восклицает:

...вот карты: на, смотри,
Что, каково сфилировал?

Гнездов

Красиво.

Рутинский

Вот то-то.

Гнездов

Нет, не то. Что у тебя внутри,
То и снаружи.

Рутинский

Как?

Гнездов

Лицо твое болтливо.

Рутинский

Болтливо?

Гнездов

Да.

Рутинский

А в чем?

Гнездов

Ты с финтом, а оно
Тотчас болтнет: я плут.

Здесь обрывается связное действие. Разрозненные, густо перемаранные отдельные листы относятся к не дошедшим до нас или недописанным сценам. С. Аксаков так передавал предполагаемое содержание всей комедии: «Шайка мошенников-игроков приезжает на ярмарку, чтобы обыграть каких-то богатых князей и графов; сначала успевает в своем намерении, потом игроки ссорятся между собою и выводят друг на друга разные плутни. Молодые графы и князья их прощают и отпускают мошенничать по всей православной Руси» (т. 3, стр. 106). Мы можем уточнить и более ясно представить себе предполагаемое течение событий. Очевидно, Лидина вовлекали в игру — и он проигрывал. Тогда вступал Богдан Григорьич, возможно срывавший банк и разоблачавший плутни честной компании. Перетрусившие шулера выдавали друг друга (особая роль, надо полагать, принадлежала Хохрину, чей интересный образ только намечен в пьесе). Богдану Григорьичу было известно темное прошлое Фрындина и Трумфена (об этом идет речь в прологе). В разоблачении шулеров участвовал, конечно, и Хлопушкин. Фрындин, припертый к стене, по-видимому, вынужден был вернуть Наташе украденное им у ее отца состояние. Возможно, что какую-то роль играл и нищий из пролога (вероятно, тоже жертва игроков). Богдан Григорьич соединял Наташу и Лидина, отпуская разоблаченных и потерявших все награбленное мошенников на свободу. О такой развязке говорит как пересказ Аксакова, так и построение финалов некоторых комедий Шаховского («Пустодомы»). По-видимому, в основу пьесы положено подлинное происшествие или ходовой игрецкий анекдот. Несомненна портретность некоторых персонажей комедии. Притон Фрындина в Москве — это, вероятно, дом московского игрока М. Д. Огонь-Догановского (1776—1838), посетителем и жертвой махинаций которого был Пушкин, выведший этого светского шулера в «Пиковой даме» в виде «знаменитого Чекалинского, проведшего весь век за картами и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги». В Москве в ту пору во многих барских домах велась большая и не всегда честная игра — зачастую проигрывались десятки и сотни тысяч, многие тысячи крепостных. Иногда игра заканчивалась трагически. Так покончил с собой, проигравшись, граф В. И. Лаваль. Шаховской не мог не знать нашумевшей в Москве в 1825 г. истории стотысячного проигрыша и последовавшей за ним смерти несчастливого игрока, помещика Времева, — истории, в которую был заме-

шан добрый знакомый Шаховского композитор А. Алябьев. Некоторые родовитые дворяне, в том числе граф Ф. Толстой, изображенный Пушкиным под именем Зарецкого («Картежной шайки атаман») и упомянутый Грибоедовым («крепко на руку не чист»), не брезговали прибегать к крапленым картам, «исправляя ошибки фортуны». По словам А. Булгакова, Ф. Толстой вместе с Исленевым обыграли молодого Полторацкого на семьсот тысяч рублей («Русский архив», 1901, № 9, стр. 30—31). Большая игра велась в игорных домах, в аристократических гостиных и в самом центре дворянского общества — Английском клубе (кстати, тот же Толстой был его членом). Донесения московской полиции пестрят упоминаниями об игорных компаниях, объединяющих опытных шулеров. На лето игроки переносили свои действия на ярмарки, спаивая и обирая простодушных. Уголовная хроника, свидетельства мемуаристов, художественная литература сохранили красочные рассказы о подвигах шулеров на ярмарках. События, положенные в основу «Свадьбы Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина, также произошли на ярмарке. Несомненно, Шаховской, увлекавшийся игрой в карты, собиравший слухи и новости, многое знал о похождениях шулеров. Наконец, Федор Толстой был его близким другом, и возможно, что один из его рассказов и положен в основу пьесы. Драматург, несомненно, внимательно прочитал любопытную книгу неизвестного автора «Жизнь игрока, описанная им самим, или Открытие хитрости карточной игры. Российское сочинение», чч. 1—2. М., 1826—1827. Он воспользовался приведенной в книге карточной терминологией и «психологическими» наблюдениями автора. Цитированный выше монолог Фрындина об идеальном игроке восходит к следующему месту упомянутой книги: «Изображу характер игрока, т. е. какие свойства, способности и правила должен иметь человек, дабы с выгодою мог быть действующим лицом на сем поприще... К сему способен только человек хитрый, ловкий и бессовестный. Он должен быть проницателен, осторожен, предусмотрителен и скромен касательно своего искусства. Ему надлежит показывать во всем вид знатока, казаться охотником до лошадей, собак, ружья... Он должен быть, смотря по обстоятельствам, шалуном, философом, мотом, экономом, нежным, сердитым, вспыльчивым, мягкосердым, добронравным, великодушным...» (ч. 1, стр. 27—29). Есть в книге и другие страницы, отразившиеся в пьесе (характеристика хозяина игрецкой шайки, действующего через подставных лиц — ч. 2, стр. 133—134). Комедия полемически направлена против «Ивана Выжигина» Ф. Булгарина. Роман этот, вышедший отдельным изданием в 1829 г., печатался в первоначальной редакции в журнале «Северный архив», 1825—1827 гг. Начало публикации было положено десятой главой, посвященной игрецким плутням («Северный архив», 1825, № 9).[1] Установка автора, сформулированная в журнальном предисловии, свидетель-

---

[1] В известной мере содержание этой главы соответствует двадцать шестой главе отдельного издания романа.

ствовала о принципиальном отказе Булгарина от правдивого изображения «низкой» действительности и подмене ее сентиментальной морализацией. Булгарин писал: «Многие резкие черты я пропускаю: все могущее оскорбить нежность чувствований, хотя и часто встречаемое в жизни, не входит также в план романа» («Северный архив», 1825, № 9, стр. 69). Можно думать, что главный герой «Игроков» — Иван Фаддеевич Фрындин находится в полемической связи с самим Булгариным и героем его романа Иваном Выжигиным (Иван — сын Фаддея). Драматург использовал некоторые подробности биографии Булгарина, предшествовавшие началу его литературно-полицейской карьеры. Булгарин, выгнанный в 1811 г. из полка в Ревеле, сделался приживалом полковых писарей, а несколько лет спустя исполнял функции стряпчего, не брезгуя получать «благодарность» от просителей. Сходные черты отмечают и биографию Выжигина. По словам басни А. Е. Измайлова, Фаддей «из конюшни вдруг переведен в приказ». У Шаховского

...барин с малолетства
Ванюшку полюбил и записал в приказ,
К судьям, к секретарям подбился он как раз
По части взяточной...

Некоторые шулерские термины, использованные Шаховским, взяты им из «Ивана Выжигина» и восходят к польским источникам, названным Булгариным при журнальной публикации романа (Виленские «Brukowe Wiadomosci», 1818, № 122). Это еще раз подтверждает знакомство Шаховского во время его работы над «Игроками» с полицейским романом Булгарина. Самая мысль использовать фигуры «добродетельного» Выжигина и его автора, литературного мародера, при создании образа шулера, плута, живущего грабежом и разрушающего чужую жизнь, придавала пьесе особую остроту. В «Игроках», несомненно, нашли место некоторые подробности биографии Ф. Толстого при конструировании образа Богдана Григорьича (Толстой не только обыгрывал простаков, но иногда спасал их от разорения). Пьеса Шаховского, вобравшая пестрый жизненный материал, обещала сделаться комедией нравов. Неприязненная оценка, встретившая пьесу, помешала автору довести работу до конца. Некоторые фамилии действующих лиц имеют смысловое значение. *Трумфен* — от нем. trumpfen, т. е. крыть козырем. *Рутинский* — от франц. routé, т. е. неоднократное увеличение ставки на одну и ту же карту. *Крючко* — в прошлом приказный, которых называли крючками. *Хлопушкин* — от хлопать, прохлопать. *Хохрин* — от хохриться, горбиться. В то же время хохряк не только горбун, но и неряха. Действие пьесы происходит на Макарьевской ярмарке, вблизи Нижнего Новгорода. *Сарептская лавка.* Сарепта — немецкая колония в Саратовской губернии. Явление 2. *Ma* (итал.) — но. *На баламутах.* Баламуты, на языке шулеров, — известное количество специально подобранных и обрезанных карт, которые при тасовке бьют карты партнера. *На вернячка* — играть, прибегая к шулерским приемам. Явление 3. *Сфилировать* —

здесь: постепенно и незаметно снять карты. *Картуш* — французский разбойник XVIII в., чье имя сделалось впоследствии собачьей кличкой. *Загонять гусей* — на языке шулеров — заманивать доверчивых простаков. *Батюшкины детки* — неопытные богатые юнцы, которых нетрудно обыграть. *В родительском его поместье* и т. д. — проигрыш в карты родовой усадьбы. *Сычевский богач* — от слова «сыч» — наглец, нахал. *Панской ряд* — красный, главный торговый ряд. *Сеньерский тон* — здесь: хозяйский, повелительный. *Остойся* — здесь: успокойся. Явление 4. *Репик, капот* — карточные термины, означающие безвыходное положение игрока (le fair repic et capot). *Сапажу* (франц. sapajou) — обезьяна; в переносном смысле — карапузик. Явление 5. *Открытый вексель* — вексель на предъявителя. *Арабские сказки* — сказки Шехерезады. *Сто новых новостей* — «Сто новых новелл», французский сборник рассказов и анекдотов, подражающих новеллам и фацетиям Боккаччо и Поджо, авторство которого приписывается Антуану де ла Саль (1388—1469?). *Из всех Вольтеровых романов.* Действие некоторых повестей Вольтера развертывается в сказочном Вавилоне, Египте, Сирии, героями являются, наряду с европейцами, индейцы, арабы, персы, индусы и т. д. *Шалун* — в данном случае не только баловник, но и прощелыга, повеса. *Годдемами* (от англ. God-dam), *мейнгеррами* (от нем. mein Herr) — англичанами, немцами. *Любек* — в прошлом один из трех вольных ганзейских городов Германии, важный торговый порт. Явление 6. *Бонтон* (франц.) — хороший тон, здесь: высший свет. *Благородное собрание* — дворянский клуб. *Пошел из класса в класс* — имеется в виду получение чинов. *Чесма* — победа русского флота над турецким (1770). *Решетка иль копье* — игра в орлянку, почитавшаяся простонародной: в зависимости от того, как падала подбрасываемая монета — лицевой стороной (с изображением герба — орел, Георгий-победоносец с копьем) или обратной (решетка, решка), — определялся выигрыш или проигрыш. *Отгадка, чет иль нечет* — игры, при которых один из участников зажимал в руке какой-нибудь предмет (монету, камушек и т. д.), а другой должен был угадать и определить ценность предмета. *Пишусь в невыбирательных.* Хохрин, видимо, за постыдный поступок выгнан из гвардейского полка, переведен из сержантов гвардии в армию капитаном и уволен в отставку. Поэтому он и числится в невыбирательных, т. е. не может быть выбран на почетные должности. Естественно предположить, что позорное прошлое Хохрина известно Богдану Григорьичу (Хохрин мог служить в его полку), а это должно было помочь разоблачению игрецкой шайки. *Штукмейстер* — здесь: фокусник, штукарь, распорядитель представления. *Десятерный рефет* — удесятеренный счет. *Стол перемелил.* Ставки при карточной игре отмечались и записывались мелом на зеленом столе, этим пользовались шулера, опаивая неопытных партнеров и записывая за ними огромные проигрыши.

Меркурий на часах, или Парнасская застава. Впервые — «Атеней», 1829, № 10, стр. 354. Рукописные копии и цензурованный экземпляр пьесы находятся в ГТБ, одна из копий

в ПД. Пьеса была поставлена в Петербурге 3 сентября 1828 г. (дата цензурного разрешения 19 апреля того же года). Насыщенная намеками на литературную современность, полемическая по всему своему характеру, она во многом связана с «Аналогическим прологом» Шаховского «Новости на Парнасе, или Торжество муз», поставленным 10 июня 1822 г. в Петербурге. В этом «прологе» Водевиль, Журнал и Мелодрама пытаются вытеснить с Парнаса всех муз и занять их место. Меркурий изгоняет непрошеных гостей. «Аналогический пролог», как всегда у Шаховского, полон намеков на современность и носит личный характер. В Журнале нетрудно узнать «Сын отечества»; выпады против водевиля обусловлены возрастающим успехом талантливого драматурга Н. И. Хмельницкого (1789—1845), водевиль которого «Новая шалость, или Театральное сражение» был поставлен впервые с большим успехом 12 февраля 1822 г. Именно этот водевиль и атаковал Шаховской в своей пьесе, что, по свидетельству современника (А. В. Каратыгина), вызвало негодование зрителей. Осуждение мелодрамы в «Аналогическом прологе» обусловлено как неприязнью Шаховского к этому жанру, так и тем, что мелодрамы Гильбера Пиксерекура (1773—1844) и других авторов начинали занимать все большее место в репертуаре русского театра. В «Меркурии на часах» Шаховской также нападает на журналы (имея в виду уже не «Сын отечества», а «Московский телеграф»). Однако неприязнь к журналистике, характерная для драматурга, обусловлена не только его личной враждой к Н. А. Полевому. Он усматривал в деятельности издателя «Московского телеграфа», неправомочно отождествляя его с Булгариным, проявление «торгового направления» в литературе. Известную роль сыграли и мотивы кастовые. Шаховской не мог примириться с тем, что «суд и расправу» над литературой чинит сын купца, «неуч», «невежда». В этом смысле Шаховской не был исключением. Многочисленные недруги Полевого в полемике с ним не брезговали прибегать к подобным же обвинениям. Чтоб ни у кого не оставалось сомнения, что в пьесе имеется в виду именно «Московский телеграф», Шаховской опубликовал в «Галатее» направленное против Полевого полемическое «Письмо к издателю», в котором писал: «Поистине я ни за что не могу досадовать на г-на Полевого, чувствуя, что сам навлек на себя справедливый гнев его. Сочинитель «Парнасской заставы», дерзнувший вывести на сцену ничтожество полуграмотных журналистов, необходимо должен быть ненавистен издателю «Московского телеграфа» («Галатея», 1829, № 11, стр. 267). Постановка пьесы Шаховского не имела большого успеха. Зритель принял только ее дивертисментную часть. Рецензент «Северной пчелы» С. (О. Сомов) писал о спектакле: «Комико-аллегорическая интермедия-дивертисмент «Меркурий на часах» есть что-то не новое. Здешняя публика видела нечто похожее за несколько пред сим лет из сочинений того автора...» («Северная пчела», 1828, № 109, от 11 сентября). Явление 2. *Эпопея, Омира дщерь.* Создателем эпопеи называли Гомера, легендарного автора «Илиады» и «Одиссеи». *Брань мышей с лягушками* — т. е. «Батрахомиомахия» (см.

стр. 768). *Ариост* (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». *«Горации»* — трагедия Корнеля, шедшая на русской сцене. В коллективном переводе пьесы участвовал и А. Шаховской. *Детуш* Филипп Нерико (1680—1754) — французский драматург, автор комедий, подражатель Мольера. *Мариво* (1688—1763) — французский комедиограф, автор пьес, тонко передающих оттенки чувств, но манерных по стилю. Комедии *Вольтера* приближаются по характеру к чувствительной «слезной» драме. *Семейственная драма* (Familienstück) — пьесы немецкого драматурга Отто Геммингена (1755—1836) и его подражателей, рисующие картины частной жизни. *Лирик Руссо* — Жан-Батист Руссо (1670—1741), французский поэт, автор од, посланий и эпиграмм. *«Светлана»* — баллада В. А. Жуковского (1812). *Руладами изображает страсти.* В итальянской опере арии обильно уснащались колоратурой и руладами — украшениями, переливами голоса. *Сын Прованса.* Жанр романса возник в средние века на юге Франции, в Провансе, и был представлен в лирике трубадуров. В XVIII — начале XIX в. получил большое распространение в творчестве поэтов-сентименталистов. *Елисейский сад* — Елисейские поля (см. словарь). *Тот же Зевсов сын* — Меркурий, или Гермес (см. словарь). *Глупинус* — А. В. Лукницкий (см. стр. 770). *Сравнил с поэмой Буало.* Во второй песне «Поэтического искусства» Буало утверждал, что «поэму в сотни строк затмит сонет прекрасный» (перевод Э. Линецкой). *Золото он назвал мишурой.* Буало писал, что поэма Тассо «Освобожденный Иерусалим» обладает лишь внешними достоинствами. *Жанлис* Стефания-Фелисите (1746—1830) — французская писательница, автор чувствительных и нравоучительных романов. *Вергилий* Публий Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт, здесь как автор эклог. *Овидий* Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт, автор элегий. Явление 3. *Один поэт на сцену вывел грека* и т. д. Возможно, что Шаховской имеет в виду пятиактную стихотворную трагедию («историческое представление») Рафаила Михайловича Зотова (1795—1871) «Аристомен», впервые поставленную в Петербурге 12 сентября 1827 г. Это переделка романа плодовитого немецкого писателя-сентименталиста, пастора Августа Генриха Юлиуса Лафонтена (1758—1831) «Аристомен и Горг, или Человеколюбие и мщение» (М., 1803). История легендарной борьбы Мессены за свободу со Спартой (VII в. до н. э.) изложена Зотовым в трескучей мелодраме, сочетающей воспоминания о классицизме со слезливой чувствительностью. Сын Аристомена, вождя мессенцев, Горг, любящий спартанку Феону, действительно напоминает сентиментального бурша и филистера. Зотов подражал Шаховскому, в частности «Аристофану»: «Аристомен» написан разностопными рифмованными стихами, в действие введены «пиррические танцы» и т. д. Драма Зотова успеха не имела и сошла со сцены после второго представления (Рукопись в ГТБ). *Периклес* — Перикл (см. стр. 789). *Смоллет* Тобиас (1721—1771) — английский романист. *Фильдинг* Генри (1707—1754) — английский романист. *Жилблаз* — роман французского писателя Рене Лесажа (1668—1747). *Вольтер* — здесь: автор философских повестей. *Пагуба гу-*

синая. В начале XIX в. для письма употреблялись гусиные перья. *Демосфен* (385—322 до н. э.) — древнегреческий оратор. *Ришелье меня во Франции крестил под именем твоим.* Ошибка Шаховского. Кардинал Ришелье покровительствовал издававшейся в Париже в 1631 г. «Gazette» Теофраста Ренодо. Газета «Mercure de France» издавалась с 1673 г., т. е. после смерти кардинала. *Преступная мать, Жертва любви.* Шаховской пародирует названия и тематику «слезных» драм XVIII в. и мелодрам начала XIX в. «Преступная мать» — заключительная часть трилогии о Фигаро Бомарше (1732—1799). «Жертва любви» — драма Коцебу, которому также принадлежат пьесы «Жертва смерти», «Жертва солнцу». На русской сцене с 1813 г. шла мелодрама «Жертва мщения». *Собак, львов, обезьян* и т. д. Имеются в виду драмы «Африканский лев, или Геройство матери» (1818), «Обриева собака» (1820), «Жоко, бразильская обезьяна» (1827).

Еще Меркурий, или Романный маскарад. Печ. впервые по суфлерскому экземпляру, сверенному с писарской копией, хранящимися в ГТБ. Пьеса была впервые представлена 3 ноября 1829 г. в Петербурге в бенефис Е. И. Ежовой. Водевиль примыкает к «Парнасской заставе» и «Меркурию на часах». В нем встречаются новые выпады против журнала и журналистов (Полевого), намеки на явления современной литературы. Развертывая галерею знаменитых романов, Шаховской особо выделяет среди писателей Пушкина, автора «Графа Нулина». На первый взгляд оценка булгаринского «Ивана Выжигина» кажется несколько двусмысленной, но, по существу, она враждебна, тем паче что в пьесе содержатся и замаскированные выпады против автора, что отлично понял Булгарин, давший резко отрицательный отзыв о пьесе Шаховского. Не лишены в водевиле интереса характеристики отдельных романов. Они позволяют понять вкусы Шаховского, поклонника Сервантеса, Лесажа, из современников — Нарежного, Пушкина. мадам де Сталь, Вальтера Скотта, но отвергавшего сентиментальную и авантюрную стряпню Дюкре-Дюмениля и ему подобных. Пьеса большого успеха не имела. В отзыве «Северной пчелы» содержание пьесы было намеренно извращено: «Князь А. А. Шаховской, — писал рецензент, — видя неудачу своих бенефисных пьес и соболезнуя об очищении вкуса русской публики в течение тридцати лет... как прежде он унижал Озерова, чтоб пустить в ход свою тяжелую «Дебору», так ныне унижает всех романистов, чтоб приготовить к принятию нового своего чадища... Образованный мир читает Вальтер Скотта, Байрона, Гете, а князь Шаховской еще восхищается Дюкре-Дюменилями и мисс Радклиф... по старому обычаю Шаховской ругает без милосердия журналы. На этот раз «Московский телеграф» за высказанную правду в сем периодическом издании. В заключение спектакля — брань на роман «Иван Выжигин» за то, что

Я вмиг схватил *финансовый* успех.

К стр. 713

Князь Шаховской вообще жестоко вооружается против всех финансовых успехов. Как в бенефисы не пускают в театры даром, так и книг не раздают безденежно, и это еще не беда, если кто наживает хлеб авторским трудом. За что бы, кажется, сердиться? Обругав Выжигина, князь Шаховской пускает в народ объявления о своем детище и заставляет графа Одашева говорить:

> Пойдут романы наши в ход.
> Я слышал, что уж их и много
> Покажется на будущий же год,
> И что один едва ль уж не в печати,
> Которым жизнь простых людей и знати
> И, словом, весь старинный русский быт
> С большою точностью нам в первый раз открыт...

Так вот вы до чего добираетесь, господин автор Меркурия! Вы хотите пустить в ход ваш роман и уверяете, что вы там открыли новые диковинки?! Но кто пишет такие вирши, как вы, и кто стряпает такие пьесы, как ваша «Дебора», «Финн», «Фингал», нынешние и прочие, тому публика не поверит! За ваши бранные вирши всем романам запоем и мы виршами же:

> Невежды прежде вас хвалили,
> Умен днесь русский стал народ.
> Упали ваши водевили,
> И не пойдет роман ваш в ход...»

(«Северная пчела», 1829, № 133). Эта рецензия, подписанная «Пантелеймон Виршин», несомненно, принадлежит Булгарину. Конечно, говоря о предстоящем выходе в свет романа, изображающего «старинный русский быт», Шаховской имел в виду не свой, еще только задуманный в эту пору роман о Ломоносове, а «Юрия Милославского» Загоскина, первое издание которого поступило в продажу в декабре 1829 г. Булгарин обвинил Шаховского в саморекламе для того, чтобы ослабить силу его удара по «Ивану Выжигину». Позднее, в отрицательной рецензии на «Юрия Милославского», «Северная пчела» писала: «Этот роман был еще в рукописи, может быть, еще в голове сочинителя, а может быть еще и не там, как о нем говорили в обществах и, помнится, даже пели на театре» («Северная пчела», 1830, № 9). Явление 3. *И нынче ж журналист* — т. е. Н. А. Полевой в «Московском телеграфе». *Меркурием оделся для того* и т. д. Во всех пьесах Шаховского, где участвовал Меркурий, встречались нападки на журналистов. *Во всех землях и всеми знаем... Европой всей усыновляем.* Роман Лесажа «Похождения Жиль Бласа из Сантильяны», отдельные части которого выходили в свет с 1715 по 1734 г., вызвал множество подражаний в мировой литературе. Некоторые авторы, используя популярность имени лесажевского героя, называли свои романы — «Английский Жиль Блас» (Томпсон), «Немецкий Жиль Блас» (Герцберг) и т. д. *Посрамлен мой умный род* — Шаховской имеет

в виду, конечно, не роман В. Т. Нарежного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814), высоко им ценимый, но «Ивана Выжигина» (1829) Ф. В. Булгарина. В журнальной публикации, предшествовавшей отдельному изданию, роман Булгарина был озаглавлен, не без намерения использовать популярность книги Нарежного, — «Иван Выжигин, или Русский Жилблаз» («Северный архив», 1825—1827 гг.). В отличие от Нарежного Булгарин изобразил в своем романе мир воров, плутов, шулеров, тех, на кого жалуется герой комедии Шаховского. *Том Джон* — «История Томаса Джона, найденыша» (1749), сатирический роман Генри Фильдинга (см. стр. 798). *Задиг* — «Задиг, или Судьба» (1748), известный философский роман Вольтера. *Из братцев и сестриц моих.* Речь идет о повестях Вольтера «Жанно и Колен» (1764), «Кандид» (1767), «Простодушный» (1767), «Принцесса Вавилонская» (1768) и др. *Элоиза* — «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), роман в письмах Жан-Жака Руссо (см. стр. 779). *Вертер* — «Страдания молодого Вертера» (1774), роман Иоганна-Вольфганга Гете (см. стр. 769). *Дюшесса де ла Вальер* (1804) — сентиментально-нравоучительный роман Жанлис (см. стр. 798), посвященный истории фаворитки Людовика XIV Луизы-Франсуазы Лавальер. Дидактизм Жанлис уживается со смакованием любовных похождений героини. *Памела* — «Памела, или Награжденная добродетель» (1741), сентиментально-нравоучительный роман английского писателя Семюэля Ричардсона (1689—1761), рисующий историю добродетельной служанки, побеждающей многочисленные соблазны и выходящей замуж за своего хозяина-лорда. *Сестра я брата и сестры.* Имеются в виду романы С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу, или История молодой леди» (1747—1748) и «История сэра Чарльза Грандиссона» (1754). *Да прежде делали и драмы.* Сюжет и образы «Памелы» неоднократно использовались в драматической литературе: «Памела» Н. де Лашоссе, комедии К. Гольдони «Памела в девушках» и «Памела замужем». *Дети тайны, Алексис, Поль, Дочь гостиницы* — романы французского писателя Франсуа-Гильома Дюкре-Дюмениля (1761—1819) — «Цели́на, или Дитя тайны», «Алексис, или Долина в лесу», «Поль, или Оставленная аренда», «Эльмонда, или Дочь гостиницы», представляющие нагромождение невероятных событий, мелодраматических эффектов, сдобренных убогим морализированием. Романы Дюкре-Дюмениля неоднократно переводились на русский язык, а некоторые ставились в сценической переделке в театре («Цели́на»). *Мисс Радклиф* — Анна Радклиф (см. стр. 764). *Коринна,* или Италия (1807), *Дельфина* (1802) — произведения французской писательницы Анны Жермен де Сталь (1766—1817), в которых дан тонкий и глубокий анализ душевной жизни героев. *Пол-Сафо.* Героиня романа «Коринна», талантливая поэтесса. Сафо — имя греческой поэтессы (VII—VI вв. до н. э.). *На Шлегеля ты метишь.* Август-Вильгельм Шлегель (1767—1845) — немецкий писатель-романтик, воспитатель детей мадам де Сталь. Вопреки сплетням, распространявшимся недругами писательницы, ни Шлегель, ни Бенжамен Констан не принимали

участия в создании ее произведений. *Вот перстень чудный.* В первоначальной, более смелой редакции романа Дельфина, узнав о гибели любимого, принимала яд, заключенный в кольце. *Смерть мадам Вернон.* Матильда Вернон — черствая, холодная эгоистка, на которой по расчету женится возлюбленный Дельфины Леонс. *Из скандинавских стран.* Муж Б.-Ю. Крюденср был послом в Копенгагене. *Валерия* — «Валерия, или Письма Густава де Линара к Эрнесту Г.» (1803), сентиментальный роман баронессы Барбары-Юлии Крюденер (1764—1824), жены русского дипломата, авантюристки, реакционной писательницы, проповедовавшей мистицизм. Баронесса Крюденер сблизилась с Александром I на почве единства реакционных взглядов. Тема романа «Валерия» — любовь светского молодого человека к замужней аристократке. Книга эта в свое время имела большой успех, так как читатели не без оснований находили в романе автобиографические черты. *Роб-Рой* (1818) — роман Вальтера Скотта (1771—1831). Чрезмерная плодовитость писателя, о которой упоминает Шаховской, объясняется тем, что в последние годы жизни разорившийся Вальтер Скотт вынужден был работать много и поспешно. *Чильд-Гарольд* — «Странствия Чайльд Гарольда» (1812—1816), поэма Байрона (1788—1824). *Бедным грекам он жертвовал собой.* Имеется в виду участие Байрона в борьбе за освобождение Греции от турецкого ига и его смерть в Миссолонги. *Шпион* (1821) — роман Фенимора Купера (1789—1851). Действие происходит во время революционной войны американского народа (1780). Главный герой романа коробейник Берч, пламенный патриот, добровольно принимает на себя роль шпиона и разведчика, будто бы служащего англичанам. Презираемый соотечественниками, он на самом деле выполняет приказ главнокомандующего американской армией Георга Вашингтона. *Могикан* — «Последний из могикан» (1820), роман Ф. Купера. Главный герой этой и четырех других книг, образующих пенталогию, охотник Нетти Бумпо, счастливо избегает смертельных опасностей, подстерегающих его на каждом шагу. «Последний из могикан» завершается трагической гибелью Ункаса — единственного сына вождя могикан Чингачгука. *Пустынник* (1821) — бульварный роман французского писателя Шарля д'Арленкура (1789—1856), в котором действуют добродетельный граф Рожер и прекрасная Элоди, преследуемые злодеем Пальзо. После невероятных испытаний и приключений благородные герои спасаются, злодей погибает. *Жан Сбогар* (1816) — роман французского писателя Шарля Нодье (1780—1844). Сбогар — благородный разбойник, защитник невинных и слабых. Роман завершается трагически — смертью его возлюбленной и шествием героя на казнь. *Достойной похвалы журналы не умалят* и т. д. Слегка видоизмененные заключительные строки притчи А. П. Сумарокова «Соловей и Кукушка». Шаховской заменил слово «невежи» словом «журналы». Стихи Сумарокова пользовались, по-видимому, большой популярностью. В. И. Майков, несколько перефразировав, использовал их в поэме «Елисей, или Раздраженный Вакх». *Славяне* — «Tableau slave du V-me siècle», 1820, Париж, роман русской писательницы З. А. Вол-

конской (1792—1862), написанный по-французски и переведенный П. И. Шаликовым (М., 1825). ***«Граф Нулин»*** А. С. Пушкина впервые был опубликован в альманахе «Северные цветы» на 1828 г. Почему для характеристики Пушкина-романиста Шаховской выбрал эту шуточную поэму — непонятно. К 1829 г. вышли из печати шесть глав романа в стихах «Евгений Онегин», а в «Северных цветах» на 1829 г. (альманах вышел в декабре 1828) были опубликованы «Отрывки из романа „Арап Петра Великого"» (4-я глава). По-видимому, Шаховской воспользовался первым попавшимся новым произведением поэта, для того чтобы сказать несколько восторженных слов об его авторе. *Бурсак* и *Два Ивана* — романы Василия Трофимовича Нарежного (1780—1825). Действие «Бурсака» (1824) отнесено к прошлому, события в «Двух Иванах» (1825) развертываются в современности. Самая сильная сторона обеих книг — лукавый юмор, умение правдиво сатирически воссоздать поместный быт Украины, что делает Нарежного предтечей Гоголя. *Иван Выжигин* — роман реакционного писателя Ф. В. Булгарина (1825). Книга эта, являющаяся образцом «благонамеренной» сатиры, дает искаженную картину русской действительности. Роман Булгарина был резко отрицательно встречен передовыми кругами России. *Народный наш роман* — иронически-издевательская характеристика «Ивана Выжигина». ***Всем своим давал по шерсти клички.*** Персонажи Булгарина носят смысловые фамилии: Выжигин, Скотинко, Плутягович, Вороватин, Ножов, Грабилин, Зарезин и др. Выжига — прозвище героя романа, данное ему из-за следа, оставшегося на плече после выжженного нароста. Однако современники предпочли воспользоваться более подходящим к автору значением слова «выжига» — пройдоха, опытный мошенник. На это и намекает Шаховской в куплетах, говоря, что *выжиги есть множество родов. Поташ* — щелочная соль. *Из скорлупы орешной* добываются дубильные вещества. *Иль серебром из старых галунов.* Выжигание серебра из галунов (позументов, мишурной тесьмы) почиталось занятием позорным, ибо им занимались ростовщики, воры, содержатели притонов. Эта фраза (как и предшествующая об орешной скорлупе) звучала прямым оскорблением для Булгарина, подчеркивая его способность добывать деньги постыдным путем. *Один едва ль уж не в печати.* «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.», роман М. Н. Загоскина (1789—1852) вышел из печати в конце 1829 г. *Вояжеры слышат.* Книги некоторых иностранных путешественников, писавших о России, часто содержали совершенно нелепые измышления. Некоторые, встречаясь со случайными людьми, писали всё, что им внушали их знакомые. *Один журнал* — «Московский телеграф». *А Ломоносов не поэт, Не ставит ни во что комедию Капниста.* Н. А. Полевой, высоко ценя научный гений М. В. Ломоносова, считал его поэтический талант ограниченным рамками времени. Оценки творчества В. В. Капниста также носили у Полевого сдержанный характер. Однако Шаховской без всяких оснований упрекает Полевого в отсутствии патриотического чувства. При всей ограниченности и противоречивости взглядов Полевого, он был до

своего идейного падения (1834) одним из самых передовых деятелей русской культуры. Характеристика, данная ему Шаховским, несправедлива и пристрастна. *Корчит романтиста.* Полевой был убежденным сторонником прогрессивного романтизма в русской литературе.

Приложения

I

Новый Стерн. Впервые — отдельным изданием (СПб., 1807). Печ. по второму изданию (СПб., 1822). *Эпиграф* — из комедии «Смешные жеманницы» Мольера (заключительный монолог Горжибюса). Комедия А. Шаховского была впервые представлена 31 мая 1805 г. на сцене Малого театра в Петербурге. Роли исполняли: Пронского — В. М. Самойлов, Судьбина — Н. Д. Сахаров, Ипата — И. Петров, Кузьминишны — Х. Ф. Рахманова, Маланьи — С. М. Самойлова, Фоки — С. А. Рождественский. Вслед за Петербургом «Новый Стерн» вошел в репертуар московского, а затем провинциальных театров и долгие годы не сходил со сцены. Нередко в пьесу вставлялся большой танцевальный дивертисмент. Отсюда ошибочное утверждение ряда авторов о существовании балета И. И. Валберха «Новый Стерн». На самом деле Валберх только поставил танцы в финале пьесы. Пьеса эта разыгрывалась в Царскосельском лицее воспитанниками, и юный Пушкин тогда с ней впервые познакомился («Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым». М., 1925, стр. 26). Самый жанр драматической пародии на литературное направление в целом не нов. Думается, что Шаховскому была знакома ядовитая «философская комедия» А. Коцебу «Гиперборейский осел, или Нынешний образ воспитания» (1799, русский перевод — М., 1801), высмеивающая немецкий романтизм и его идеологов. Герой этой пьесы, студент Иенского университета Карл, ученик Фихте, Шиллера и Фридриха Шлегеля, как попугай, не к месту твердит фразы из «Люцинды» Фридриха и «Фрагментов» Августа Шлегеля, подобранные таким образом, чтоб доказать безбожие, цинизм и развращенность учения романтиков, которое выступает в грубо карикатурном виде. Герой назван Карлом намеренно: это имя благородного героя «Разбойников» Шиллера. Имя невесты Карла у Коцебу, как и у Шиллера, — Амалия. Пьеса построена так, что цитаты из Шлегелей опровергаются жизнью и бюргерским «здравым смыслом». Избрав иной объект осмеяния, Шаховской использовал прием Коцебу, желавшего доказать губительность воздействия новой школы на молодежь. Пьеса Шаховского (см. вступительную статью) вызвала яростные, долго не умолкавшие споры в печати. Вслед за «Новым Стерном» появились и другие пародии на сентиментализм. В журнале А. Бенитцкого и А. Измайлова «Цветник», являвшемся органом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», была напечатана

остроумная и злая пародия на чувствительные повести «Похвальное слово Пипиньке, чижику прекрасной Эльмины» (1809, № 2). В комедии Ф. Ф. Иванова «Не все то золото, что блестит» (1808) аферист и ростовщик Антонио предлагает графу Пустомелину вместо денег следующий залежалый товар: «старых газет и новых сочинений, сентиментальных путешествий, мадригалов, сонетов, надписей, шарад, каламбуров и проч. в стихах и прозе на 4700 р.». Граф Пустомелин отвечает: «Нет, Антонио! Это уже совершенный вздор» (Сочинения и переводы Ф. Ф. Иванова, ч. 3. М., 1824, стр. 47). Образ сентиментального путешественника, созданный Шаховским, надолго сохранил канонические черты. В таком виде он выступил и у П. Вяземского, будущего антагониста Шаховского, в стихотворении «Отъезд Вздыхалова» (1811), направленном против Шаликова. Удар, нанесенный Шаховским, был так силен, что сентименталисты, прежде всего П. Шаликов, уже не могли оправиться. Он писал с горечью: «Критика Стерна в книгах сноснее, чем Стерн на сцене» («Аглая», 1808, январь, стр. 110). Ненависть к этому произведению не ослабевала и почти четверть века спустя после постановки пьесы Шаховского; Шаликов писал: «Никогда слово «комедия» в простонародном смысле не заслуживало справедливейшего *права на гражданство,* как при «Новом Стерне». Ход, узел, развязка и язык сей прямо *оригинальной* пьесы суть истинная пародия комедии в истинном смысле». Особую ярость Шаликова вызвало утверждение анонимного автора статьи «О русской литературе», напечатанной А. Бальби в «Introduction à l'Atlas étnographique» (Париж, 1826), что Шаховской своей пьесой «нанес последний удар... ложной чувствительности».[1] «„Новый Стерн" мог нанести удар (хотя и не последний) драматическому искусству, — писал Шаликов, — но ни под каким видом не мог даже и оцарапнуть писателей, на которых метил: промахнувшись страшным образом, он перекувыркнулся так смешно, что все смешное, весь ridicule оставил за собою...

Так! Новый Стерн смешон — не Новым Стерном, нет,
А сам собой, то есть смешон как сочиненье,
В котором все места и лица — сущий бред.
Рассудку здравому на стыд и оскорбленье».

(«Дамский журнал», 1829, № 8, стр. 118—119). *Стерн* Лоренс (1713—1768) — английский писатель, автор «Жизни и убеждений Тристрама Шенди» (1759—1767) и «Сентиментального путешествия»

---

[1] Статья эта, как установил А. Чебышев, написанная другом П. Катенина Н. Бахтиным, была напечатана в русском переводе в 1828 г. в «Сыне отечества» и вызвала оживленную полемику между «Московским телеграфом», «Атенеем» и «Сыном отечества». См.: П. Н. Берков. Изучение русской литературы во Франции. — «Литературное наследство», № 33—34. М., 1939, стр. 733—735. Участие Шаликова в полемике не было отмечено исследователями.

(1768), вызвавшего множество подражаний. *Мария Алексеевна Нарышкина* (1762—1822) — жена главного директора императорских театров, начальника А. А. Шаховского — А. Л. Нарышкина (1760—1826). Явление 1. *Новыми произведениями ума* — т. е. сочинениями писателей-сентименталистов. *Журнал* — здесь: дневник (многие произведения сентименталистов были облечены в форму дневника или путевых писем). *Лазурно-розовое небо, предмет умозрения, цветы вечности, влияние бальзамическое.* Шаховской высмеивает здесь фразеологию, характерную для подражателей Н. М. Карамзина — В. В. Измайлова, П. И. Шаликова и других. *Смотря по погоде.* Выпад против сентименталистов. В произведениях Карамзина и Измайлова утверждается неразрывная связь между погодой и душевным состоянием человека. Явление 2. *То Мельника, то Еремевну.* Имеются в виду действующие лица комической оперы А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779) и комедии Д. Фонвизина «Недоросль» (1782). Явление 3. *Натура* — здесь: природа. *Пресущественность* — здесь: духовная сущность. *Любовница Нарциссова.* Античный миф повествует о несчастной любви нимфы Эхо к прекрасному юноше Нарциссу. Явление 5. *Мармонтель* Жан-Франсуа (1723—1799) — французский писатель. Назван ошибочно, возможно, вместо Лашоссе, автора «Меланиды». *Лагарп* Жан-Франсуа (см. стр. 769) — здесь: автор трагедии «Мелани» (1770). *Детиш* Нерико (см. стр. 798) — здесь: автор комедии «Женатый философ» (1727); имя главной героини этой пьесы — Мелита. В «Сентиментальном путешествии» герой носит имя Иорика, его принимают за Иорика, шута датского короля в «Гамлете» В Шекспира. *Балакерев* — Балакирев Иван Алексеевич (1699—?), приближенный Петра I, шут при дворе Анны Иоанновны. *Балакер* (балакир) — горшок. Явление 6. *Патриаршие* — здесь: патриархальные. *Барские барыни* (см. стр. 778). *Агнесса* — имя героини комедии Мольера «Урок женам», сделавшееся нарицательным для характеристики невинной и простодушной девушки (комедии Грекура, Кармонтеля, Грессе, Детуша и др.). Явление 7. *Капитан-исправник* — начальник уездной полиции. *Муж Венеры* — Вулкан (см. словарь). Явление 9. *Маленькие книжонки... из университетской лавки.* Произведения Карамзина, Шаликова, Измайлова, журналы сентименталистского направления печатались в московской университетской типографии. *Она сформировалась в Англии, попортилась во Франции, раздулась в Германии.* Сентиментализм действительно возник в английской литературе (пьесы Лилло, романы Ричардсона), затем при посредстве переводов и подражаний был пересажен на французскую почву (пьесы Данкура, романы Мариво и др.), в немецкой литературе достиг развития в конце XVIII в. Явление 10. *Юнг* Эдуард (1681—1765) — английский писатель-сентименталист, автор книги «Ночные думы». *Дорат* — Клод-Жозеф Дора (1734—1780), французский поэт-сентименталист, автор «Писем Элоизы». *Иньоранс* (франц. ignorance) — невежество. *Последнюю Семилетнюю войну.* Имеется в виду война между Россией, Францией, Австрией, Саксонией, Швецией с одной стороны, и Англией и Пруссией с другой

(1756—1763). Явление 12. *Возьму себе в подруги дочь этого почтенного старца* и т. д. Пьеса Шаховского, в которой издевательски трактовался вопрос о браках между дворянами и крестьянами, живо обсуждалась в печати того времени. Наряду с либерально-прекраснодушными, встречались и откровенно крепостнические высказывания. В «Московском зрителе» П. Шаликова некий помещик, в связи с «Новым Стерном», жаловался на то, что подобные браки случаются все чаще и чаще: «Многие молодые люди и пожилые вдовцы женятся на бывших челядинках и наемницах своих. Один вводит крестьянку в круг благовоспитанных сестер своих, другой заставляет детей целовать руки у рабыни покойной их матери». На этот протест крепостника возмущенно отозвался другой безымянный чувствительный автор («Московский зритель», 1806, апрель). *Цицерон* Марк Туллий (106—43 г. до н. э.) — римский философ и оратор. Здесь, по-видимому, как автор сочинения «О природе богов». В «Путешествии в полуденную Россию» В. Измайлова упоминается «Цицеронов трактат о боге» (ч. I, стр. 80—81). *«Новая Элоиза»* — см. стр. 801. *«Бова королевич»* и *«Ванька Каин»* — произведения лубочной литературы.

II

Сцены из комедии «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина». Печ. впервые по цензурному экземпляру (ГТБ). На титульном листе указано: «Катастрофа пьесы заимствована из комической поэмы „Расхищенные шубы“». Дата цензурного разрешения пьесы — 18 января 1832 г. Разорившийся откупщик Транжирин, увлеченный Юлией, женщиной сомнительной репутации, собирается на ней жениться и устраивает в ее честь маскарад. Друзья и родственники Транжирина, чтоб помешать браку, решают вызвать скандал, перепутав с этой целью номера на вешалке Среди действующих лиц встречается и Каратай, персонаж поэмы. Приводимые сцены из этой пьесы связаны с темой «Расхищенных шуб». *Фурбо* (итал. furbo) — хитрец. *Е четера* (итал. e cetera) — и так далее. *Престо, кураджио* (итал. presto, coraggio) — быстрее, смелее. *Е виво маэстро бергамаско* (итал. e vivo maestro bergamasco) — да здравствует бергамский маэстро. *Моменто фенито* (итал. momento finite) — сейчас будет кончено.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ, ИНОЯЗЫЧНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Абшид — увольнение, отставка.
Аконитум — ядовитое растение.
Алагрек — старинный танец.
Аллеман — старинный танец немецкого происхождения.
Аматёры — любители.
Амфаз — эмфаза, напыщенность, излишняя эмоциональная приподнятость.
Апрофондировать — судить глубоко и основательно, со знанием дела.
Арапник — ременная плеть.
Ареопаг — суд в древних Афинах.
Атукать — травить зайца или лису.

Баланцер — балансер, канатоходец, иногда — шут, фигляр.
Бегуны — рысаки.
Бедлам — дом сумасшедших в Лондоне, название которого сделалось нарицательным; а также: хаос, беспорядок.
Бесщадный — беспощадный.
Беглый — тайно скрывшийся от полиции нарушитель закона или крепостной.
Бель — мягкая, некруто ссученная и отбеленная льняная пряжа для вязания чулок.
Бостон — карточная игра.
Брамин — брахман, представитель высшей жреческой касты в Индии.
Бригадир — старинный военный чин между полковником и генералом.
Брудер — брат.

Вавакать — болтать глупости.
Вага — поперечная лесина у корня дышла для укрепления дышловых постромок.
Васильев вечер — канун Нового года.
Вертлян, вертляный — суетливый, егозливый.
Вестовщик — сплетник, лгун.
Винновый — старинное название пиковой масти в картах.
Виссон — дорогая старинная ткань, употреблявшаяся для одежды жрецов и царей.
Витийство — краснобайство, напыщенное красноречие.
Водополь — половодье, разлив рек.

Возгнести — раздуть, возмутить.
Восхищенный — унесенный ввысь.
Вотще — напрасно, тщетно.
Вояж — путешествие.
Выстилка — подбор карт одной масти.

Гаер — шут.
Галанить — любезничать и болтать вздор.
Галера — старинное гребное и парусное судно; на веслах обычно сидели прикованные к скамьям преступники. В переносном смысле — каторга.
Гееннский — адский.
Гиль — вздор, нелепость.
Гильдия — сословие, а также торговый разряд, к которому принадлежали купцы.
Глазет — парча с шелковой основой и вытканными на ней золотыми или серебряными узорами.
Горний — высший, возвышенный, небесный.
Граса — грация.
Гродетур — старинная плотная шелковая ткань.
Гульден — старинная немецкая и австрийская золотая, позднее серебряная, монета.

Дебелый — тучный, толстый, плотный.
Дежене — прибор для завтрака.
Денница — утренняя заря, рассвет.
Дока — мастак, знаток.
Долу — вниз, к земле.
Дормез — старинная карета для дальней поездки, в которой можно было лежать.
Драхма — старинная греческая серебряная монета.

Елень — олень.

Жеманка — кривляние, ломание, а также та, кто жеманится.

Закалюкать — заболтать.
Зарядье — место за торговыми рядами, также часть Китай-города в Москве.

Имбролио — путаница, суматоха.
Инспирировать — вдохновить.

Каданс — размер, такт.
Катехизм — катехизис.
Квакер — последователь распространенной в США религиозной секты. При Александре I квакеры имели свои молитвенные дома в Петербурге, а также вели торговлю на ярмарках.
Квинтич — азартная карточная игра.
Кеньги — теплая, подбитая мехом обувь.
Клеврет — сторонник, приспешник.
Ков — коварство.
Козыр — козырь.
Комеры — сплетницы, кумушки.

Консакрированный — утвержденный.
Кочень — кочан.
Краля — старинное название дамы в карточной игре.
Крап — шулерские пометки на рубашке карты.
Крепс — игра в кости.
Крючки — плутни, лукавство, а также прозвание подьячих.
Крючок — чарка вина.
Куверт — столовый прибор.
Кунцкамера — кунсткамера, кабинет редкостей.
Кюльтивировать — выращивать.

Лабуре — старинный танец.
Ландкарта — географическая карта.
Ланиты — щеки.
Ларон — старинный танец.
Лепорогий — олень, обладающий красивыми, развилистыми рогами.
Лихие — рысаки.
Ловелас — человек, волочащийся за женщинами; имя распутника Ловласа, героя романа Ричардсона «Клариса Гарлоу», ставшее нарицательным.
Ломбард — в России с 1754 г. в ломбарде выдавались ссуды не только под залог движимого имущества, но также и поместий.
Лынять — уклоняться.
Льзя — можно.

Марсель — большой прямой парус, второй снизу, прикрепленный к реям у марса.
Мизинец — младший сын.
Мочный — мощный.

Находит — помрачается рассудок.
Неключимый — негодный, распутный, неисправимый.
Нелжеветный — правдивый.
Нещечко — драгоценное, любимое существо.

Обол — старинная греческая монета.
Оржат — оршад, прохладительный напиток.
Откуп — передача частному лицу за уплату определенной суммы права на получение налогов и других государственных доходов.
Официя — знак офицерского или соответствующего ему гражданского (чиновничьего) звания: темляк, шпага.
Охотничья музыка — роговой оркестр, распространенный в России в конце XVIII — начале XIX вв.

Парасоль — зонтик для защиты от солнца.
Перси — грудь.
Пикет — карточная игра.
Поле — охота, травля зверей.
Полубарство — господские замашки и затеи мещанина, откупщика или купца, подражающего дворянам.
Польский — полонез, торжественный танец, которым открывался бал.
Понтировка — игра против банка.
Порскать — натравливать гончих на зверя.

Порядком — по очереди, подряд.
Поставец — стенной шкаф.
Пригнуть — в карточной игре увеличить ставку.
Пренсипы — принципы.
Приказы — старинное название органов центрального управления в России до начала XIX в.; существовали приказы судебные, уголовные и др.
Присущна — свойственна.
Проводчица — обманщица.
Проволочился — даром потерял время.
Провор — ловкач, хитрец.
Полдести — двенадцать листов писчей бумаги.
Пропозиция — предложение.
Пти-мизер — в игре в бостон объявленный отказ от взяток.
Пуан — очкó.
Пустодольный — бессмысленный, глупый.
Пустошь — глупость, чепуха.

Развозная почта — не только письма, доставляемые почтарем, но и сплетни.
Разделка — развязка, конец, последний расчет, иногда — дуэль.
Ракá — первое, слабое и дурно пахнущее вино или водка, подлежащие новой перегонке.
Рамена — плечи.
Ратсгерша — жена городского советника.
Рацея — длинное и скучное поучение, проповедь.
Ремиз — недобор взятки.
Рефет — карточный термин, означающий особый расчет.

Салоп — старинное название теплой женской верхней одежды.
Сбитенщик — продавец напитка, состоящего из горячего меду с инбирем и другими пряностями.
Секвестр. Взять имение под секвестр — временно лишить владельца-должника права распоряжаться им.
Секунд-майор — младший штаб-офицерский чин в русской армии.
Селадон — нежный вздыхатель. Имя героя пасторального романа Оноре д'Юрфе «Астрея», сделавшееся нарицательным.
Сердечкин — ироническое прозвище влюбчивого человека.
Серпянка — дешевая льняная ткань.
Сиделец — продавец в купеческой лавке.
Сидка — топка печи для винокурения.
Сикурс — подкрепление, подмога.
Симпатировать — испытывать влечение к другому лицу.
Скифы — так древние греки называли кочевые воинственные племена жителей Азии, приносившие человеческие жертвы.
Склаваж — браслеты, украшенные бриллиантами и другими драгоценными камнями, скрепленные тонкой золотой цепочкой.
Случайный — фаворит, человек, пользующийся милостью знатного лица.
Совместник — соперник.
Содом — хаос, беспорядок (от города, уничтоженного, по библейской легенде, богом за разврат).

Сословы — синонимы, однозначные слова.
Софизмы — неверные доводы, сохраняющие внешнее подобие научных.
Стесняться — толпиться.
Стогна — площадь, улица.
Стрелчка — дать стречка, удрать.
Субтильный — легкий, мягкий.

Такальщик — льстец, угодник, поддакивающий собеседнику.
Тафта — гладкая и тонкая шелковая ткань.
Ток — высокий, прямой без полей женский головной убор.
Толмач — переводчик.
Турф — торф.
Тютюн — табак.

Угар — буян, кутила.
Урежать — редко посещать.
Урок — порча, сглаз.
Устерсы — устрицы.

Фигурантка — танцовщица, занимающая последнее место на сцене.
Финт — плутовская хитрость, уловка.
Фортунка — ящик с колесом для азартной лотерейной игры.

Хват — удалец, ловкий малый.
Хлап — старинное название валета.
Хлопушка — род кадрили.

Чуха — чепуха, вздор.
Чучелка — приманка для птиц.

Шемизетка — сборчатая или гладкая вставка (манишка) в дамских блузках.
Шкворень — болт, на котором ходит передок повозки.
Шляпа подмышная — шляпа при мундире, которую полагалось нести в руках, а не надевать на голову.
Шутство — шутовство.

Щечиться — живиться, красть.

Эклога — лирический жанр, восходящий к античности, идиллического содержания (по форме — диалог).
Экономия — управление, контора в поместье.
Экскизировать — делать легкий набросок картины.
Эпиталама — свадебная песнь.
Эрго — следовательно.
Эрмитаж — уединение.
Эстамп — отпечатанная гравюра, резанная или травленная на меди.

Ябеда — клевета, также сутяжничество, тяжба.
Явочная — объявление о пропаже или бегстве преступника.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Агамемнон (греч.) — царь Микенский, могущественнейший государь Греции, предводитель войск, осаждавших Трою.

Амур (римск.) — сын Венеры и Марса, бог любви, которого представляли в виде прекрасного ребенка или отрока с повязкой на глазах, колчаном, луком и стрелами.

Аониды (греч.) — см. Музы.

Аполлон (греч.) — сын Зевса и Латоны, всевидящий бог, покровитель искусств, олицетворение света, защитник справедливости, поражающий стрелами своего серебряного лука нарушителей воли Зевса.

Афродита (греч.) — дочь Зевса, рожденная из морской пены, богиня любви и красоты.

Ахилл — герой греческих легенд, мужественный воин, принимавший участие в осаде Трои, убивший Гектора и убитый Парисом.

Вакх (греч.) — сын Зевса и смертной женщины Семелы, бог вина и виноделия. Его изображали чаще всего в виде прекрасного юноши в тигровой шкуре, с тирсом, обвитым виноградной лозой и плющом.

Вакханки (греч.) — спутницы Вакха, участницы празднеств и оргий в его честь.

Венера (римск.) — см. Афродита.

Вулкан (римск.) — бог кузнечного ремесла, муж Венеры.

Гектор (греч.) — сын царя Приама, предводитель троянцев, убитый в бою Ахиллесом.

Геликон — горный хребет в Беотии (Греция), обиталище Аполлона и муз.

Геркулес (греч.) — сын Зевса, олицетворение физической силы и мощи, герой, совершивший двенадцать величайших и труднейших подвигов на земле.

Гермес (греч.) — см. Меркурий.

Дидона (греч.) — карфагенская царица, возлюбленная троянца Энея, брошенная им, велела сложить костер и, взойдя на него, поразила себя мечом.

Елена (греч.) — дочь Зевса и Леды, прекраснейшая женщина Греции, жена царя Менелая, похищенная троянцем Парисом, виновница греко-троянской войны.

Елисейские поля (греч.) — поля блаженных в загробном мире.

Зевес, или *Зевс* (греч.) — царь богов, владыка мира. Его называли громовержцем и тучегонителем.

Зефир (греч.) — теплый западный ветер.

Икар (греч.) — сын Дедала, взлетевший на искусственных крыльях ввысь. Солнечные лучи растопили воск, которым были склеены крылья, Икар упал в море и погиб.

Иперион (греч.) — Гиперион, первоначальное имя божества солнца.

Ира (греч.) — Гера, жена Зевса, покровительница супружества.

Иракл — см. Геркулес.

Каллиопа (греч.) — муза героической поэзии, старшая из девяти муз.

Кастальская вода — вода из парнасского источника Касталия. Прежде чем обратиться за советом к Аполлону, просители должны были омыться в кастальских струях.

Киркея (греч.) — Цирцея, волшебница, обитавшая на острове Эя, куда прибыл во время своих скитаний Одиссей. Киркея обратила часть его спутников в свиней, но Меркурий помог Одиссею спастись самому и выручить товарищей.

Клио (греч.) — муза истории.

Марс (римск.) — бог войны.

Мегера (греч.) — имя одной из фурий, сделавшееся нарицательным для определения злой женщины.

Мельпомена (греч.) — муза трагедии.

Меркурий (римск.) — сын Зевса, податель жизненных благ, бог торговли, посланник Зевса, проводник душ умерших. Меркурий почитался покровителем искусств (ему приписывали создание лютни). Меркурия изображали в виде юноши с *кадуцеем* (жезлом), обвитым змеями, в окрыленных шляпе и сандалиях.

Минерва (греч.) — Афина, дочь Зевса, вышедшая из его головы, богиня мудрости, покровительница Афин.

Минйя дети (греч.) — дочери легендарного орхоменского царя Миния: Алкифоя, Левкиппа и Арсиппа. Они отказались участвовать в празднествах Вакха. Когда сам Вакх предстал перед ними в зверином обличье, перепуганные сестры сделались вакханками. Левкиппа, в порыве безумия, убила собственного сына. Меркурий, чтобы остановить их исступление, превратил одну из миниад в сову, другую в летучую мышь, третью в филина. Потомки Миния почитаются отверженцами Вакха.

Менелай (греч.) — младший брат Агамемнона, царь спартанский, муж Елены.

Мидас (греч.) — царь лидийский, отдавший предпочтение флейте Пана перед лирой Аполлона, за что разгневанный бог наделил его ослиными ушами.

Морфей (греч.) — бог сновидений.

Музы (греч.) — девять богинь искусств и наук.

Нарцисс (греч.) — прекрасный юноша, влюбившийся в собственное отражение, увиденное им в источнике.

Одиссей (греч.) — мудрый царь Итаки, участник Троянской войны, на обратном пути претерпевший множество испытаний.

Олимп (греч.) — высокая гора в Греции, вершина которой почти всегда окутана облаками. С древнейших времен почиталась местом, где обитают боги.

Орест (греч.) — сын Агамемнона и Клитемнестры, герой мифа, верный друг Пилада.

Орфей (греч.) — замечательный греческий поэт и музыкант, сын Аполлона.

Парис (греч.) — сын троянского царя Приама, присудивший золотое яблоко прекраснейшей из богинь — Афродите. Это яблоко повлекло за собой распрю богинь, а затем и Троянскую войну.

Парнас — священная гора в Греции, посвященная Аполлону и музам.

Пегас (греч.) — крылатый конь, вскормленный нимфами источников, олицетворявший полет поэтического вдохновения. Ударом копыта остановил качающуюся гору Геликон. На месте удара образовался источник Иппокрена.

Пергам — одно из названий Трои, осажденной и разрушенной греками.

Пилад (греч.) — сын фокейского царя Строфия, спутник Ореста. Имена обоих стали нарицательными для определения неразлучных друзей.

Полигимния (греч.) — муза пения и красноречия.

Приам (греч.) — троянский царь, отец Гектора и Париса.

Руно золотое (греч.) — шерсть чудесного золотого барана, принесенного в жертву Эстом, царем сказочной земли, отождествляемой с Колхидой. Руно находилось в священной роще и охранялось неусыпным драконом. Язон с помощью дочери царя Медеи похитил руно и увез его в Грецию.

Сатиры (греч.) — козлоногие спутники Вакха.

Семела (греч.) — возлюбленная Зевса, мать Вакха.

Стикс (греч.) — мрачная река в подземном царстве. Ее именем произносилась клятва, почитавшаяся священной; за нарушение ее карались даже боги.

Талия (греч.) — муза комедии.

Тартар (греч.) — подземное царство, ад.

Тезей (греч.) — герой мифа, убивший чудовищного Минотавра и покинувший помогавшую ему Ариадну на острове Наксос.

Терпсихора (греч.) — муза танцев.

Тирс — жезл Вакха, обвитый виноградными лозами.

Троя — город в древней Греции, осажденный воинами Агамемнона, Менелая и Одиссея и захваченный при помощи хитрости.

Урания (греч.) — муза астрономии.

Фавны (греч.) — козлоногие спутники Вакха.

Феб — см. Аполлон.

Фемида (греч.) — богиня правосудия. Ее изображали с повязкой на глазах и весами в руке.

Феникс (егип.) — священная птица, сгоравшая и возрождавшаяся из пепла.

Фив — см. Аполлон.

Фортуна (римск.) — богиня счастья.

Харон (греч.) — перевозчик душ мертвых через подземную реку Ахерон.

Хариты (греч.) — олицетворение прелести и красоты, спутницы Афродиты.

Цербер (греч.) — трехглавый пес в подземном царстве, стерегущий вход.

Эвмениды (греч.) — грозные богини мести, карательницы преступления.

Эвтерпа (греч.) — муза лирической поэзии.

Эней (греч.) — троянский воин, возлюбленный карфагенской царицы Дидоны, оставивший ее, так как боги призывали его к свершению подвигов.

Эрато (греч.) — муза любовных и свадебных песнопений.

Яблоко раздора (греч.) — золотое яблоко с надписью «прекраснейшей»; было брошено Эридой, богиней раздора, на пиру богов. Афродита, Гера и Афина оспаривали друг у друга это яблоко. Парис, которому пришлось решать спор, вручил его Афродите и тем вызвал ненависть Геры и Афины. Яблоко это явилось причиной греко-троянской войны, так как Афродита в благодарность обещала Парису любовь Елены.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ А. А. ШАХОВСКОГО

1. Женские шутки (или «Женская шутка»). Комедия в стихах. Впервые поставлена в Петербурге на сцене Эрмитажа 31 октября 1795 г. [1] Уничтожена автором.

2. Коварный. Комедия в пяти действиях, в прозе. Впервые поставлена в Петербурге 16 декабря 1804 г. Не издано. (ГТБ).

3. Новый Стерн. Комедия в одном действии. Впервые поставлена в Петербурге 31 мая 1805 г.

4. Любовная почта. Комическая опера в одном действии. Впервые поставлена на сцене Большого театра в Петербурге 21 января 1806 г.

5. Беглец от своей невесты. Комическая опера в трех действиях с хорами и балетами. Музыка К. А. Кавоса. Впервые поставлена в Петербурге 18 апреля 1806 г. Текст утрачен.

6. Все дело в окошках. Комическая опера в одном действии (перевод с французского либретто оперы «L'intrigue aux fenêtres» Николо Изуара, текст Буйи и Дюпати). Впервые поставлена в Петербурге 30 мая 1807 г. Текст утрачен.

7. Русалка. Комическая опера в трех действиях, ч. 4. Музыка С. Давыдова. Впервые поставлена 10 сентября 1807 г. в Петербурге.

8. Полубарские затеи, или Домашний театр. Комедия в пяти действиях, в прозе. Впервые поставлена в Петербурге 22 апреля 1808 г. Не издано. (ГТБ, библиотека ГАМТ).

9. Клеветники. Драма в пяти действиях. (Перевод пьесы А. Коцебу «Die Verleumder».) Впервые поставлена в Петербурге 1 октября 1808 г. Цензурой одобрено 22 сентября 1808 г. Не издано. (ГТБ).

10. Китайский сирота. Трагедия в пяти действиях, в стихах (перевод трагедии Вольтера «L'Orphelin de la Chine»). Впервые представлена в Петербурге 21 января 1809 г. Не издано. (ГТБ).

11. Заира. Трагедия в пяти действиях, в стихах (перевод V дей-

---

[1] Сведения об утраченных пьесах взяты из «Летописи русского театра» П. Арапова (СПб., 1861), уточнены по рукописному «Театральному журналу» А. В. Каратыгина (ПД) и письму А. Шаховского к М. С. Воронцову (ПД).

ствия трагедии Вольтера «Zaïre». Перевод Шаховского, Полозова, Н. Гнедича, М. Лобанова, С. Жихарева). Впервые поставлена 18 октября 1809 г. Не издано. (ГТБ).

12. Дебора, или Торжество веры. Трагедия в пяти действиях, в стихах, с хорами (при участии Л. Неваховича). Впервые поставлена в Петербурге 24 января 1810 г.

13. Ссора, или Два соседа. Комедия в одном действии, взятая из истинного происшествия. Впервые поставлена в Петербурге 26 апреля 1810.

14. Чертов увеселительный замок. Волшебное представление в четырех действиях, с пением, балетами и сражением. (Перевод пьесы А. Коцебу «Des Teufels Lustschloss».) Впервые поставлена в Петербурге 7 ноября 1810 г. Текст утрачен.

15. Казак-стихотворец. Опера-водевиль в одном действии. Музыка К. А. Кавоса. Впервые поставлена в Петербурге 15 мая 1812 г.

16. Криспин в серале. Комическая опера в одном действии. (Перевод с французского. Название оригинала и автор неизвестны.) Впервые поставлена в сентябре 1812 г. Текст утрачен.

17. Крестьяне, или Встреча незваных. Опера-водевиль в двух действиях. Впервые поставлена в Петербурге 23 ноября 1814 г.

18. Ломоносов, или Рекрут-стихотворец. Опера-водевиль в трех действиях. Впервые поставлена в Петербурге 31 декабря 1814 г.

19. Желтый карло, или Волшебница мрачной пустыни. Волшебно-комическая опера в трех действиях с большим спектаклем. Музыка Ф. Антонолини. (Переделка мелодрамы «Le Nain jaune, ou la Fée du désert» Кювелье и Коффен-Рони.) Впервые поставлена в Петербурге 8 февраля 1815 г. Текст утрачен.

20. Пузин, или Продажа села (Откупщик Бражкин). Комическая опера в двух действиях. Музыка К. А. Кавоса. Впервые поставлена в Петербурге 17 февраля 1815 г. Не издано. Текст ПД, партитура в Центральной музыкальной библиотеке (Ленинград).

21. Урок кокеткам, или Липецкие воды. Комедия в пяти действиях, в стихах. Впервые поставлена в Петербурге 23 сентября 1815 г.

22. Иван Сусанин. Опера в двух действиях. Музыка К. А. Кавоса. Впервые поставлена в Петербурге 19 октября 1815 г.

23. Абуфар, или Арабское семейство. Трагедия в пяти действиях, в стихах. (Перевод трагедии Ж.-Ф. Дюси «Abufar ou La famille arabe»). Впервые поставлена в Петербурге 3 ноября 1815 г. Не издано. (ГТБ).

24. Карачун, или Старинные диковинки. Волшебно-комическое представление в трех действиях с принадлежащими к нему хорами, балетами и превращениями. Музыка К. А. Кавоса и Ф. Антонолини. Представлена впервые на сцене Малого театра в Петербурге 12 мая 1816 г. Не издано. (ГТБ).

25. Гораций. Перевод четвертого действия трагедии П. Корнеля «Horace». (В переводе участвовали А. Жандр, П. Катенин и Чепегов.) Впервые поставлена в Петербурге 29 октября 1817 г. Не издано. (ГТБ).

26. Своя семья, или Замужняя невеста. Комедия в трех действиях, в стихах (при участии А. С. Грибоедова и Н. И. Хмельницкого). Впервые поставлена в Петербурге 24 января 1818 г.

27. Лекарь-самоучка, или Животный магнетизм. Комическая опера в одном действии. Музыка Л. Маурера. Впервые поставлена в Петербурге 23 сентября 1818 г. Не издано. (ГТБ).

28. Не любо — не слушай, а лгать не мешай. Комедия в одном действии, в вольных стихах. Цензурой одобрено 28 августа 1818 г. Впервые поставлена в Петербурге 23 сентября 1818 г.

29. Новый Бедлам, или Прогулка в дом сумасшедших. Водевиль в одном действии. (Переделка водевиля «Une visite à Bedlam» Э. Скриба и Делетр-Пуарсона.) Впервые поставлен в Петербурге 23 сентября 1818 г. Не издано. (ГТБ).

30. Сущий бес, или Вдруг три свадьбы. Комедия в пяти действиях с пением и дивертисментом. Переделка пьесы А. Коцебу. Впервые поставлена в Петербурге 16 апреля 1819 г. Текст утрачен.

31. Пурсоньяк Фалалей Скотинин, или Рохус Пумперникель в новом виде. Святочный водевиль, сочиненный на французском языке и переделанный на русские нравы сочинителем и переводчиком «Нового Бедлама». (Переделка водевиля Э. Скриба и Делетр-Пуарсона «Encore un Pourceaugnac».) Цензурой одобрено 13 января 1819 г. Впервые поставлен в Петербурге 16 апреля 1819 г. Не издано. (ГТБ).

32. Два учителя, или Asinus asinum fricat. Водевиль в одном действии. (Переделка водевиля Скриба и Мельвиля «Le Deux précepteurs, ou Asinus asinum fricat».) Впервые поставлен в Петербурге 22 сентября 1819 г.

33. Витикиндова башня, или Жидовская капитуляция. Опера-водевиль в одном действии. (Перевод и переделка пьесы Дюпена и Дартуа «Le Tour Witikind, ou la Capitalition».) Поставлена впервые в Петербурге 22 сентября 1819 г. Не издано. (ГТБ).

34. Пустодомы. Комедия в пяти действиях, в стихах. Впервые поставлена в Петербурге 10 октября 1819 г.

35. Граф Ори́, или Возвращение из крестовых походов. Водевиль в одном действии. (Перевод водевиля Скриба и Делетр-Пуарсона «Le comte Ory».) Впервые поставлен в Петербурге 16 января 1820 г. Текст не сохранился.

36. Актер на родине, или Прерванная свадьба. Опера-водевиль в одном действии. (Переделка на русские нравы анекдотической комедии-водевиля Бразье и Мерля «La Noce interrompue, ou le Comedien en voyage».) Впервые поставлена в Петербурге 16 января 1820 г.

37. Какаду, или Следствие Урока кокеткам. Комедия в одном действии, в стихах. Впервые поставлена в Петербурге 16 января 1820 г.

38. Игнаша-дурачок, или Нечаянное сумасшествие. Комедия-водевиль в одном действии. (Переделка на русские нравы водевиля Скриба и Дюпена «Le Fou de Péronne».) Впервые поставлен в Петербурге 12 июля 1820 г. Не издано. (ГТБ).

39. Адвокат, или Любовь-живописец. Новый водевиль в двух действиях с хорами и танцами, переделанный из старой Мольеровой комедии («Le Sicilien, ou L'Amour peintre»). Цензурное одобрение 25 июня 1820 г. Впервые поставлен в Петербурге 26 июля 1820 г. Не издано. (ГТБ).

40. Новая суматоха, или Женихи чужих невест. Комическая опера в одном действии. Впервые поставлена в Петербурге 22 сентября 1820 г. Не издано. (ГТБ).

41. Ворожея, или Танцы духов. Оригинальная комедия-водевиль в одном действии. Цензурное одобрение 16 июля 1820 г. Впервые поставлен в Петербурге 22 сентября 1820 г. Не издано. (ГТБ).

42. Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное Сердце. Романтическая комедия в пяти действиях, с турниром, сражением, балладами и танцами. Музыка К. А. Кавоса. (Сценическая переделка романа «Ivanhoe» В. Скотта.) Впервые поставлена в Петербурге 21 января 1821 г. Не издано. (ГТБ).

43. Старинный русский быт, или Святочное гадание. Песенный водевиль в одном действии. Впервые поставлен в Петербурге 14 февраля 1821 г. Не издано. (ГТБ).

44. Женщина-лунатик. Опера-водевиль в трех действиях. (Сюжет заимствован из водевиля Э. Скриба и Ж. Делавинь «La somnambula».) Впервые поставлена в Петербурге 29 апреля 1821 г. Не издано. (ГТБ).

45. Бакалавр Саламанкский, или Чертовская вечеринка. (Перевод водевиля в одном действии Э. Скриба, Дюпена и Ж. Делавинь «Le Bachelier de Salamanque». Сюжет заимствован из одноименного романа А. Р. Лесажа.) Впервые поставлен в Петербурге 4 июля 1821 г. Не издано. (ГТБ, без куплетов).

46. Буря и кораблекрушение. Волшебно-романтическое зрелище. (Переделка пьесы В. Шекспира «The Tempest».) Впервые поставлено в Петербурге 28 сентября 1821 г. Не издано. (ГТБ).

47. Феникс, или Утро журналиста. Водевиль в одном действии. На афише и титульном листе указано: «перевод с французского». Оригинальная пьеса. Впервые поставлена в Петербурге 17 октября 1821 г. Не издано. (ГТБ).

48. Женщина-полковник. Комедия-водевиль в одном действии. (Перевод и переделка водевиля Э. Скриба и Ж. Делавинь «La Colonél».) Дата цензурного разрешения перевода 15 ноября 1821 г. Впервые поставлена в Петербурге 7 декабря 1821 г.

49. Живые картины, или Наше дурно, чужое хорошо. Драматическая пословица-водевиль в одном действии. Впервые поставлена 14 декабря 1821 г. Не издано. (ГТБ).

50. Тетушка, или Она не так глупа. Комедия в одном действии в вольных стихах. Впервые поставлена 14 декабря 1821 г. Не издано. (ГТБ).

51. Король и Пастух, или Сумасшедший в уме. Комедия в одном действии. (Перевод и переделка водевиля Ж.-А. Кювелье «Le Roi et le Pâtre».) Впервые поставлена в Петербурге 30 января 1822 г. Не издано. (ГТБ).

52. Новости на Парнасе, или Торжество муз. Аналогический пролог в одном действии. Цензурное разрешение 7 июня 1822 г. Впервые поставлен 10 июля 1822 г. Не издано. (ГТБ).

53. Чванство Транжирина, или Следствие Полубарских затей. Комедия в трех действиях, с интермедиями, хорами и танцами. Впервые поставлена в Петербурге 9 октября 1822 г. Не издано. (ГТБ).

54. Принцесса Требизондская, или Остров немых. Волшебная комедия-балет с пением, музыкою и пантомимным дивертисментом.

Впервые поставлена в Петербурге 9 октября 1822 г. Текст не сохранился.

55. Таинственный Карло, или Долина Черного камня. Романтическая комедия в английском роде, в пяти действиях, с великолепным спектаклем. (Сюжет заимствован из романа В. Скотта «The black Dwarf».) Впервые поставлена в Петербурге 23 октября 1822 г. Не издано. (ГТБ).

56. Лилия Нарбонская, или Обет рыцаря. Романтическая комедия-балет в трех действиях с пением, хорами, дивертисментами, ристалищем и посвящением в рыцари. Цензурное разрешение 21 декабря 1822 г. Впервые поставлена в Петербурге 8 января 1823 г. Не издано. (ГТБ).

57. Урок женатым. Комедия в одном действии, в вольных стихах, взятая из повести В. А. Жуковского. (Сюжет заимствован из анонимной французской повести, переведенной В. А. Жуковским, «Взыскательность молодой девушки». — «Вестник Европы», 1810, № 24; «Переводы в прозе В. А. Жуковского», СПб., ч. 1, 1816.) Впервые поставлена в Петербурге 29 января 1823 г.

58. Три дела, или Евфратский пеликан. Романтический водевиль, составленный из восточных преданий, с новыми баснями, хорами, балетами и великолепным спектаклем. Впервые поставлен в Петербурге 5 апреля 1823 г. Не издано. (ГТБ).

59. Посещение принца, или Воин и Купец. Опера-водевиль в одном действии, с хорами и балетами, с французского. (Перевод и переделка комедии-водевиля «La visite du Prince ou le Militaire et le financier» Т.-М. Дюмерсона и Балисан де Ружамона.) Впервые поставлена 30 июля 1823 г. Не издано. (ГТБ).

60. Алепский горбун, или Размен ума и красоты. Волшебный водевиль в двух действиях с хорами, превращениями и дивертисментом. (Перевод и переделка комедии-водевиля Ш.-А. Севрена и Бразье «Riquet à la houppe».) Впервые поставлен в Петербурге 19 сентября 1823 г. Не издано. (ГТБ).

61. Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне (первоначальное название — «Русская старина»). Романтическое зрелище (русская историческая быль) в четырех действиях. Цензурное разрешение 27 сентября 1823 г. Впервые поставлена в Петербурге 18 октября 1823 г.

62. Любопытная, или Догадка невпопад. Новая комедия в одном действии, в вольных стихах. Впервые поставлена в Петербурге 18 октября 1823 г. Не издано. (ГТБ).

63. Судьба Ниджеля, или Всё беда для несчастного. Романтическая комедия в пяти действиях, с пением, хорами, дивертисментом и великолепным спектаклем (сюжет заимствован из романа В. Скотта «The fortunes of Nigel»). Впервые поставлена в Петербурге 3 января 1824 г. Не издано. (ГТБ).

64. Фингал и Розкрана, или Каледонские обычаи. Драматическая поэма в трех действиях с пением, хорами, поединками, морвенскими обычаями и великолепным спектаклем, взятая из «Песен» Оссиановых. Впервые поставлена в Петербурге 23 января 1824 г. (отрывки опубликованы).

65. «Ты и Вы», Вольтерово послание, или Шестьдесят лет антракта. Анекдотическая комедия в двух действиях с интермедией,

представляющей Сен-Жерменскую ярмарку. Впервые поставлена в Петербурге 23 января 1824 г. Не издано. (ГТБ).

66. Мольер с друзьями. Комедия в двух действиях, в прозе и стихах. (Перевод и переделка комедии А.-Ф. Риго и Жакелен «Molière avec les amis».) Впервые поставлена в Петербурге 9 июня 1824 г. Не издано. (ГТБ).

67. Волшебная лампадка, или Кашемирские пирожники. Волшебно-комическая опера с хорами, балетами и великолепным спектаклем. Перевод и переделка (при участии А. А. Жандра) текста оперы «Le petit lampe merveilleuse» Э. Скриба, С Амана и Мельвиля, музыка А. Риччини (Париж, 1822). Впервые поставлена в Петербурге 1 сентября 1824 г. Не издано. (ГТБ).

68. Песня, или Конторское приключение. Переделка водевиля в одном действии Э. Скриба, Гюбера и Варнер «L'intérieur d'un bureau, ou la Chanson». Цензурное разрешение русского текста 23 августа 1824 г. Впервые поставлен в Петербурге 10 сентября 1824 г. Не издано. (ГТБ).

69. Финн. Волшебная комедия в стихах. Сочиненная кн. А. А. Шаховским из эпизода поэмы «Руслан и Людмила» (А. С. Пушкина) и в роде греческой трилогии составлена из трех частей, пролога и окончательного праздника. Пролог — празднество Лады, богини любви, красоты и цветов, сопровождаемое песнями, хорами, языческими обрядами финского народа, хороводами, играми. Ч. 1. Пастух. Ч. 2. Герой. Ч. 3. Колдун. Представлена впервые в Петербурге 3 ноября 1824 г.

70. Притчи, или Эзоп у Ксанфа. Комедия-водевиль в трех действиях. (Перевод и переделка водевиля «Esope chez Xantus» Мартиньяка.) Впервые представлен в Петербурге 3 ноября 1824 г.

71. Куплеты в водевиле М. Валберховой «Ужин одного за двух, или Кукла-соперница». Впервые представлен в Петербурге 19 декабря 1824 г.

72. Ермак. Сцены из поэмы И. Дмитриева. А. Шаховским сочинены стихи, соединяющие поэму «Ермак» и дивертисмент «Праздник в Сибири». Представлено впервые в Петербурге 19 декабря 1824 г.

73. Керим-Гирей, Крымский хан. Романтическая трилогия в пяти действиях. Содержание взято из «Бахчисарайского фонтана», поэмы А. С. Пушкина, с сохранением многих его стихов. Впервые представлена в Петербурге 28 сентября 1825 г.

74. Привидение, или Разоренный замок. Водевиль в двух действиях, без указания имени автора. Цензурное разрешение 24 сентября 1825 г. Впервые представлен в Петербурге 8 октября 1825 г. Не издано. (ГТБ).

75. Фальстаф. Комедия в одном действии с пением и танцами. (Переделка нескольких сцен из чч. 1 и 2 хроники В. Шекспира «King Henry IV».) Впервые представлена в Петербурге 8 октября 1825 г. Не издано. (ГТБ).

76. Батюшкина дочка, или Нашла коса на камень. Комедия-балет в трех действиях, подражание Шекспиру. (Сюжет навеян комедией «Укрощение строптивой».) Впервые представлена в Петербурге 29 октября 1825 г. Не издано. (ГТБ).

77. Восковые фигуры, или Волшебная механика. Интермедия-водевиль в одном действии с 5 живыми картинами и сценами на

разных языках. (Вставные сцены из русского и французского спектаклей.) Впервые поставлена в Петербурге 14 ноября 1825 г. Не издано. (ГТБ).

78. Аристофан, или Представление комедии «Всадники». Историческая комедия в древнем роде в разномерных стихах с прологом и интермедиями, пением, хором и танцами. Впервые поставлена в Петербурге 19 ноября 1825 г.

79. Запорожские казаки, или Свадебный праздник для другого. Водевиль в одном действии. Впервые поставлен в Петербурге 16 августа 1826. Не издано. (ГТБ).

80. Влюбленный жид. Шутка-водевиль в одном действии. (Сюжет взят из старинной оперы «Жид в бочке».) Одобрено к представлению 27 августа 1826 г. Не издано. (ГТБ).

81. Бенефициант. Комедия в пяти действиях. Перевод комедии «Le Bénéficiare» Теолона и Этьена. Впервые представлена в Петербурге 11 ноября 1826 г. Не издано. (ГТБ).

82. Молодая мать и любовник в 48 лет, или Домашний спектакль. Комедия-водевиль в двух действиях с дивертисментом, переделанная с французского (комедия Дюпати «La jeune mère, ou Les acteurs de Société»). Цензурой одобрено в ноябре 1827 г. Не издано. (ГТБ).

83. Игроки. Неоконченная комедия (написаны пролог и сцены I действия). (1827 г.).

84. Федор Григорьевич Волков, или День рождения русского театра. Анекдотический водевиль. Впервые представлен в Петербурге 1 января 1828 г.

85. Меркурий на часах, или Парнасская застава. Комико-аллегорический дивертисмент в стихах. Впервые поставлен в Петербурге 3 сентября 1828 г.

86. Олинд и Софрония, или Осаждение Иерусалима. Драматическая поэма. (По II песне «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо.) 1828 г.

87. Девкалионов потоп, или Меркурий-предъявитель. Новый водевиль-балет в одном действии, в разномерных и вольных стихах, с машинами, наводнением всего театра, разнородными плясками, с музыкой, составленной из народных песен. Дата цензурного разрешения 9 января 1829 г. Не издано (ГТБ).

88. Роза и Розалия, или Как на свете все превратно. Комедия-водевиль в трех действиях. Впервые поставлена в Петербурге 28 октября 1829 г. Не издано. (ГТБ).

89. Еще Меркурий, или Романный маскарад. Праздник-водевиль, составленный из лиц, представляющих известный роман, с плясками, танцами, разными музыками, в стихах. Цензурное разрешение 12 октября 1829 г., впервые поставлен в Петербурге 28 октября 1829 г.

90. Смольяне в 1611 году. Драматическая хроника в пяти действиях в стихах, с хорами. Цензурой одобрено 14 марта 1830 г. Не издано. (ГТБ).

91. Бандит, или Разбойник на бале. Романтическая комедия-водевиль в двух действиях, взятая с французского, с хорами, танцами и праздником, музыка набрана из известных авторов. (Свободная переработка комедии «Le Bandit» Теолона, С.-Лорена и Теодора.) Музыка Сапиенца и Жучковского. Цензурное разрешение

5 сентября 1830 г. Впервые поставлена в Петербурге 5 ноября 1830 г. Не издано. (ГТБ).

92. Юрий Милославский. Романтическое представление в пяти сутках (взято из романа Загоскина «Русские в 1612 году»). Драматический эпилог «Праздник столетия на Волге», музыка К. А. Кавоса. Поставлен впервые в Петербурге 13 октября 1830 г. Не издано. (ГТБ).

93. Сват Гаврилыч, или Сговор на яму. Картина русского народного быта. Цензурой одобрено 15 января 1831 г. Впервые поставлен в Петербурге 19 января 1831 г.

94. Митавская ярмарка, или Филатка в маскераде. Шутка-дивертисмент в двух декорациях, с несколькими комическими сценами, песнями, плясками, хорами и маскерадом, составленным из разных танцев. Цензурное одобрение 10 июня 1831 г. Впервые поставлен в Петербурге 15 июня 1831 г. Не издано. (ГТБ).

95. Первое апреля, или Новый дом сумасшедших. Шутка в одном действии с большим маскарадным дивертисментом. Цензурой одобрено 25 ноября 1831 г. Впервые поставлен 14 декабря 1831 г. Не издано. (ГТБ).

96. Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина. Комедия в четырех действиях. Впервые поставлена 27 января 1832 г. Не издано. (ГТБ).

97. 26 августа, или Угадай не скажу. Шутка-пословица с большим дивертисментом. Впервые поставлена в Петербурге 11 мая 1832. Не издано. (ГТБ).

98. Рославлев. Романтическая драма в пяти сутках (сюжет заимствован из одноименного романа М. Н. Загоскина). Впервые поставлена в Петербурге 11 мая 1832 г. Не издано. (ГТБ).

99. Ивановщина, или Именины пращура. Шутка-дивертисмент (без имени автора). Впервые поставлена 27 мая 1832 г. Не издано. (ПД).

100. Каламбурист и Журналист, или Артисты в редуте. Шутка-дивертисмент с куплетами, драматическими сценами, пением и плясками (без указания имени автора). Впервые поставлена в Петербурге 16 июня 1832 г. Не издано. (ГТБ).

101. Двумужница, или Зачем пойдешь, то и найдешь. Романтическая драма в двух частях и трех сутках. Впервые поставлена в Петербурге 12 октября 1832 г.

102. Суженый не ряженый, или Святки в 1737 г. Старинная бывальщина в пяти сутках с междусуточными интермедиями: 1. Маскарад, 2. Русские вечеринки, 3. Живые куклы, 4. Посиделки на Новый год. Содержание взято из «Русского Декамерона» сочинителем его А. А. Шаховским. Одобрено к представлению 30 октября 1833. Впервые исполнено в Москве 19 января 1834 г. в бенефис П. С. Мочалова, исполнявшего роль Ахметова. Не издано. (ГТБ).

103. Братский пир на бывшем рубеже, или Свой своему поневоле друг. Дивертисмент-водевиль, составленный из русских, малороссийских, цыганских песен, хоров и разных плясок. (Без имени автора.) К представлению разрешается 27 августа 1834 г. Впервые поставлен в Петербурге 11 января 1837 г. Не издано. (ГТБ).

104. Украинская невеста, или Две и одна. Водевиль в двух действиях. Музыка, набранная из русских и малороссийских песен и

аранжированная Жучковским. Одобрено к представлению 20 мая 1836 г. Впервые поставлен 15 июля 1836 г. Не издано. (ГТБ).

105. Хризомания, или Страсть к деньгам. Драматическое зрелище, взятое из повести («Пиковая дама»), помещенной в «Библиотеке для чтения», и представляющее в начале: Приятельский ужин, или Гляденьем сыт не будешь, пролог-пословицу с пением; вследствие — «Пиковая Дама, или Тайна Сен-Жермена», романтическая комедия (драма) с дивертисментом в трех сутках. 1. Утро старухи: 2. Убийственная ночь. 3. Игрецкий вечер. Дивертисмент: детский бал. Цензурой одобрено 15 августа 1836 г. Впервые поставлено в Петербурге 3 сентября 1836 г. Не издано. (ГТБ).

106. Крестницы, или Полюбовная сделка. Эпилог-водевиль в одном действии (следствие «Пиковой дамы»). Впервые представлено в Петербурге 3 сентября 1836 г. Не издано. (ГТБ).

107. Щепкин, Теря и Стеша. Водевиль в одном действии (1838—1839). Не издано (ПД).

108 Никому, кроме короля, или Хлебопашец Каштанового леса. Романтическая комедия, взятая из Испанского театра, сочинения дона Франциска де Рохас, в пяти действиях, разделенная на трое суток: 1 сутки в 2-х д. — Королевский орден; 2 сутки в 1-м д. — Ночной гость; 3 сутки в 2-х д. — Кастильская честь. (Перевод героической комедии Ф. Рохас-и-Зорилья «Del rey abajo ninguno, o Garcia del Castanar».) Впервые поставлена в Петербурге 10 декабря 1837 г. Не издано. (ГТБ).

109. Невеста Абидосская. Романтическая драма в трех действиях, в стихах, взятая из Байрона (поэма «The Bride ofAbydos»). 1840—1841.

110. Любовь-лекарь, или Врачебное новодурье. Комедия-водевиль в трех действиях, с интермедиями и куплетами из Мольерова театра, переделанная на русские нравы нынешнего времени. (Переделка комедии «Le Medecin malgré lui» Мольера, написана в конце 1830-х годов.) Впервые поставлена в Петербурге 12 сентября 1849 г. Не издано. (ГТБ).

111. Чурова долина, или Сон наяву. Волшебная опера, музыка А. Н. Верстовского. (По пьесе В. Даля «Ночь на распутье».) Впервые поставлена в Москве 28 августа 1841 г.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

СОДЕРЖАНИЕ [1]

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ВЫХОДЯТ В СВЕТ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

«НАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ»

«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА»

А. Н. ОСТРОВСКИЙ. СТИХОТВОРНЫЕ ДРАМЫ

С. Я. НАДСОН. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. СТИХОТВОРЕНИЯ

«ЭСТОНСКИЕ ПОЭТЫ XIX ВЕКА»

«ДАГЕСТАНСКИЕ ЛИРИКИ»

МАЛАЯ СЕРИЯ

«ПОЭТЫ-РАДИЩЕВЦЫ».
(И. Пнин, В. Попугаев, И. Борн, А. Востоков)

П. П. ЕРШОВ. «КОНЕК-ГОРБУНОК».
СТИХОТВОРЕНИЯ

«ПОЭТЫ-ПЕТРАШЕВЦЫ».
(А. Баласогло, А. Пальм, Д. Ахшарумов,
С. Дуров, А. Плещеев)

В. С. КУРОЧКИН. СТИХОТВОРЕНИЯ

«ПОЭТЫ-ДЕМОКРАТЫ
1870—1880-х ГОДОВ».
(А. Барыкова, Омулевский, Д. Садовников,
Н. Морозов, П. Якубович и др.)

ЯКУБ КОЛАС. СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Шаховской Александр Александрович

КОМЕДИИ, СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 31/III 1961 г. Подписано в печать 18/IX 1961 г. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 26 5/8 (43,26). Уч.-изд. л. 39,44. Тираж 8000. Зак. № 541. Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
109	7 св.	подарой	подарок
110	10 сн.	воприяв	восприяв
206	11 св.	mon cher	mon cher
215	5 св.	Дермез	Дормез
251	15 св.	зачем	за чем
350	6 св.	быт	быть
438	2 сн.	на лицо	налицо
740	Между 1 и 2 св.	выпало:	Граф и Ипат
756	2 св.	Пакрациус	Панкрациус
768	10 сн.	Александро	Алессандро
781	24 сн.	Зелон	Зенон